

КАРЛ ГУСТАВ

ЮНГ

MYSTERIUM CONIUNCTIONIS
(ТАИНСТВО ВОССОЕДИНЕНИЯ)

МИНСК
ХАРВЕСТ
2003

УДК 159.9
ББК 88 Ю
50

Перевод: СПЕКТОР А. А.
Научный редактор перевода:
Кандидат психологических наук, заведующий
Научно-исследовательской лабораторией
практической психологии Европейского
гуманитарного университета —
ПОЛИКАРПОВ В. А.

Юнг К. Г.
Ю 50 Mysterium Coniunctionis. Тайнство воссоединения / Пер. А. А. Спектор.— Мн.: ООО «Харвест», 2003.— 576 с. ISBN 985-13-1207-X.

Карл Густав Юнг (1875—1961) — всемирно известный швейцарский психолог и философ, основатель «аналитической психологии». Настоящая книга — это последняя работа Юнга, плод размышлений над философской алхимией и многолетних исследований, основой которых была его обширная медицинская практика. Автору удалось показать, что «мир алхимических символов вовсе не относится к куче хлама, оставшейся от прошлого, но находится в совершенно реальных и живых отношениях с самыми последними открытиями в психологии бессознательного». Представленные здесь данные, столь богато и подробно документированные, правильнее было бы определить как анатомию объективной психе.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 985-13-1207-X

© Харвест, 2003

Предисловие

Я начал эту книгу более десяти лет назад. Идея ее написания пришла ко мне после эссе К-Кереньи об Эгейском празднике в «Фаусте» Гете¹. Литературный прототип этого праздника — «Химическая свадьба» Христиана Розенкрейца, представляющая собой продукт символического священного брака алхимии. Сначала у меня возникло желание прокомментировать работу Кереньи с точки зрения алхимии и психологии, однако вскоре стало понятно, что тема слишком обширна, чтобы можно было ограничиться несколькими страницами. Я приступил к работе, но должно было пройти не менее десяти лет, прежде чем мне удалось собрать и систематизировать весь материал, относящийся к этой важной проблеме.

В своей работе «Психология и алхимия», впервые опубликованной в 1944 году, я показал, как основные архетипические мотивы, характерные для алхимии, проявляются в сновидениях наших современников, не знакомых с алхимической литературой. В этой книге многочисленные идеи и символы, скрытые в забытых трудах этого в большой степени неверно трактуемого «искусства», были скорее затронуты, а не описаны в деталях, как они того заслуживают. Моей первой задачей было продемонстрировать, что мир алхимических символов вовсе не относится к куче хлама, оставшейся от прошлого, но находится в совершенно реальных и живых отношениях с самыми последними открытиями в психологии бессознательного. Не только эта современная отрасль психологии дает нам ключ к тайнам алхимии, но также и алхимия, в свою очередь, снабжает психологию бессознательного многозначной исторической основой. Алхимия не принадлежала к числу популярных предметов, и по этой причине ее по большей части толковали неверно. Как ветвь натурфилософии и религиозное движение, алхимия была мало кому известна, да и к тому же большинство людей было незнакомо с современным открытием архетипов или, во всяком случае, неправильно понимало их. Разумеется, существовало немало тех, кто рассматривал архетипы как чистейшую фантазию, хотя хорошо известный пример целых чисел, открытых, а не изобретенных, не говоря уже о «типах пове-

¹ Das Aegaische Fest: Die Meergotterszene in Goethes Faust II.

дения» в биологии, мог бы убедить их, что это далеко не так. Наряду с числами и инстинктивными формами существуют и многие другие естественные структуры, которые Леви-Брюль называет «бессознательными представлениями». Они являются не «метафизическими» спекуляциями, но, как мы можем ожидать, симптомами единообразия природы homo sapiens.

На сегодняшний момент существует столь обширная и разнообразная литература, посвященная психотерапевтическому опыту и психологии бессознательного, что каждый может познакомиться с практическими исследованиями и преобладающими теориями по этим предметам. Но с алхимией все обстоит по-другому: большинство мнений о ней искажены ошибочным представлением, что она является всего лишь предшественницей химии. Герберт Зильберер¹ был первым, кто попытался проникнуть в этот весьма важный психологический аспект настолько, насколько позволяли его ограниченные возможности. Малочисленность современных изложений и относительная недоступность источников затрудняет формирование адекватной концепции, касающейся проблем философской алхимии. Цель настоящей работы — заполнить эту брешь.

Как указывает само название, которое Зильберер выбирает для нее — «спагирическое»² искусство — или часто повторяющиеся слова «solve et coagula» (разжижать и сгущать), алхимик видит сущность своего искусства в разделении и анализе, с одной стороны, и синтезе и объединении — с другой. Прежде всего, он рассматривает первичное состояние, в котором противоположные тенденции или силы находятся в конфликте; вторым по значимости идет вопрос процедуры, с помощью которой снова можно было бы привести враждебные элементы и качества, некогда разделенные, к единению. Первичное состояние, именуемое хаосом, не является данностью с самого начала, но должно рассматриваться как первоматерия (prima materia). Начало деяния не является самоочевидным, и еще в большей степени не является самоочевидным ее конец. Все бесчисленные спекуляции о природе конечного состояния отражены в его предназначении. Самыми распространенными являются идеи его неизменности (продления жизни, бессмертия, чистоты), его двуполости, одухотворенности и телесности, его сходства с человеком (гомункулусом) и божественности.

Очевидной аналогией с данной проблемой противоположностей в психической сфере может служить расщепление личности, вызванное конфликтом несовместимых тенденций, которые, как правило, возникают в результате дисгармоничного развития. Подавление одной из противо-

¹ Проблемы мистицизма и его символики (первая публикация в 1914 г.).

² От οἰκτεῖν, «отрывать, разрывать, вытягивать» и αὐεῖρενν, «сводить вместе или собирать».

положностей приводит лишь кусугублению конфликта, другими словами, к неврозу. Поэтому врач сопоставляет противоположности друг с другом и постоянно стремится их объединить. Появляющееся в снах представление о задаче часто протекает параллельно с соответствующими алхимическими символами. Пример этого знаком каждому психоаналитику — это феномен переноса, соответствующий основной теме «химической свадьбы». Чтобы не перегружать данную книгу, я посвятил специальное исследование психологии переноса¹, взяв за основу алхимические аналогии. Таким же образом намеки или символы целого или оно само, появляющееся в снах, также встречается в алхимии в виде многочисленных синонимов *lapis philosophorum* [философского камня]², который алхимики считали аналогом Христа. Из-за своей огромной важности это последнее взаимоотношение вылилось в отдельное исследование «Айон». Дальнейшие ответвления темы этой книги — мои трактаты «Философское древо», «Синхронизм: принцип акаузальной связи» и «Ответ Иову».

Первая и вторая части этой работы посвящены теме противоположностей и их единства. Третья содержит оценку и комментарий к написанному духовным лицом, вероятно, в XIII веке, алхимическому тексту, где обнаруживается своеобразный взгляд на христианство и алхимию. Автор, используя мистицизм Песни Песней пытается слить в форме гим-ноподобного заклинания идеи явно различного происхождения, частично христианские, частично взятые из натурфилософии. Этот текст называется «*Aurora consurgens*» или «*Aurora hora*» и по традиции приписывается св. Фоме Аквинскому. Едва ли необходимо говорить, что историки томизма рассматривают данный текст, или желают рассматривать, как фальсификацию и подделку, несомненно, из-за традиционного осуждения алхимии. Причиной негативной оценки алхимии является главным образом невежество. Люди, не имели представления, чем она была для ее adeptов, поскольку алхимия повсеместно рассматривалась просто как делание золота. Я надеюсь, что в своей книге «Психология и алхимия» сумел показать, что если верно подойти к данной проблеме, то подобные выводы предстанут ошибочными. Для людей, подобных Альберту Великому, Роджеру Бэкону, Фоме Аквинскому, алхимия значила гораздо больше. Не только в раннем свидетельстве Зосимы из Панополиса, восходящем к III веку, но и в труде начала XIV столетия Петра Бонуса из Феррары мы находим указания на параллелизм между тайной алхимии и Богочеловеком. «*Aurora consurgens*» пытается объединить христианский и алхимический взгля-

¹ Ср. Психология переноса.

² В квадратные скобки заключены примечания переводчика, исключение составляют скобки в приводимых Юнгом цитатах. — *Ред.*

ды, и поэтому я выбрал этот труд, чтобы на его примере показать, как дух средневекового христианства пришел к согласию с алхимической философией, и проиллюстрировать современное значение алхимической проблемы противоположностей.

Сейчас мы снова слышим тенденциозные голоса, заявляющие, что все это не более чем личное предвзятое мнение тех, кто пользуется данными гипотезами. Примечательно их нежелание обсуждать предложенные им доказательства; они отбрасывают их на том основании, что вся психология — не более чем субъективное, предвзятое мнение. Необходимо согласиться с тем, что, возможно, нет другого поля деятельности, где для исследователя существовала бы столь великая опасность пасть жертвой собственного субъективизма. Из всех людей психолог должен непрестанно осознавать свое «личное уравнение». Но такая юная наука, как психология бессознательного, тем не менее преуспела, установив определенные факты, постепенно получившие всеобщее признание. Одним из них является полярная структура психики, которая свойственна всем естественным процессам. Естественный процесс — это феномен энергии, постоянно протекающей из «менее вероятного состояния» полярного напряжения. Эта формула имеет особое значение для психологии, потому что здравый сознательный разум обычно отказывается видеть полярность своих собственных основ, хотя именно из нее он и черпает свою энергию.

Психологи только начали нащупывать пути в эту структуру, и ныне появившиеся «алхимические» философы сделали противоположности и их единство основной темой своей работы. В своих трудах они, конечно, опираются на часто напоминающую нам язык снов алхимическую терминологию, которая, как и они, касается проблемы противоположностей. Поскольку сознательное мышление стремится к ясности и требует определенных решений, оно должно постоянно освобождаться от противоречий и противоположных тенденций, в результате чего они остаются полностью неосознанными либо привычно и старательно забываются. Чем сильнее эта тенденция, тем активнее бессознательное будет создавать свою противоположность. Так как алхимики, за редким исключением, не знали, что проникают в структуру психики, а думали, что объясняют преобразование материи, никакие психологические соображения не могли предотвратить то, что должно было вызвать тревогу У более сознательной личности, — снятие защиты с основ души. Вот почему алхимия так захватывающе интересна для психолога. Также и по этой причине для моих сотрудников и для меня кажется необходимым подвергнуть тщательному исследованию алхимическую концепцию противоположностей, концепцию их единства или примирения. Какими бы трудными и необычными не казались для непосвященных язык и образы алхимиков, они становятся живыми и

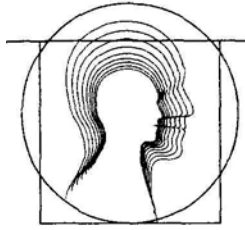
яркими, когда сравнительное исследование выявляет взаимоотношения между символами и процессами бессознательного. С одной стороны, они могут быть материалом снов, самопроизвольных фантазий и обманчивых идей, а могут наблюдаться в тех видах деятельности, где проявляется творческое воображение, и в метафорическом языке религии. Разнообразие приводимого в качестве примера материала может поставить в тупик академически образованного читателя, ранее встречавшегося с этими предметами только в обезличенном контексте — историческом, этническом или географическом, — но никогда не подозревавшего об их психологическом родстве с аналогичными образованиями, которые сами происходят из различных источников. Конечно, он будет ошеломлен, во-первых, если обнаружится тесная связь между некоторыми символами древнеегипетских текстов и современными исследованиями общераспространенной в Индии религии, а также снами ничего не подозревающих европейцев. Но то, что трудно принять на веру историку и филологу, не кажется непреодолимым для врача. Его биологическое образование оставляет у него слишком сильное впечатление сравнимости всех видов человеческой деятельности, чтобы поднимать шум из-за подобия и очевидного сходства людей и их психических проявлений. Если он психиатр, его не удивит существенное сходство содержания психики, средневековой или современной, европейской или австралийской, индийской или американской. Процессы, лежащие в ее основе, инстинктивны, а потому универсальны и удивительно консервативны. Птица-ткач строит свое гнездо в своей особенной манере, независимо оттого, где это происходит, и у нас нет оснований предполагать, что она строила гнезда по-другому три тысячи лет назад; и так же мало вероятно, что ее способ изменится за три последующих тысячелетия. Хотя современный человек верит, что он может менять себя безгранично или изменяться под внешним воздействием, перед нами встает поразительный или, скорее, ужасающий факт, что, несмотря на цивилизацию и христианское воспитание, он все еще, подобно животному, пребывает в рабстве инстинктов и поэтому в любой момент может пасть жертвой тающего внутри него зверя. Эта всеобщая истина, более чем любая -либо другая, не зависит от образования, культуры, языка, традиций, расы и места жительства.

Исследование алхимического символизма, также как и мифологии, уводит нас от жизни не больше, чем изучение сравнительной анатомии, уводит от анатомии живого человека. Напротив, алхимия открывает для нас подлинную сокровищницу символов, знание которых чрезвычайно полезно для понимания невротических и психотических процессов. Это, в свою очередь, позволяет нам применить психологию бессознательного к тем сферам истории человеческого духа, которые относятся к символизму. Именно здесь таятся вопросы, куда более насущные и безотла-

гательные, чем проблемы терапии. Существует множество предрассудков, которые все еще необходимо преодолеть. Идея о том, что современному необразованному человеку могут сниться мифические мотивы, известные только специалисту, считается столь же фантастической, как, например, мысль, что мексиканские мифы не могут иметь ничего общего со сходными идеями в Европе. Люди все еще думают, что подобные отношения искусственны и потому неправдоподобны. Но они забывают, что структура и функции человеческого организма везде более или менее одинаковы, это же относится и к мозгу. А так как душа (psyche) в величайшей степени зависит от этого органа, то он, скорее всего, будет — по крайней мере в принципе — производить одинаковые формы. Однако чтобы увидеть это, следует отказаться от распространенного предрассудка, что психика идентична сознанию.

Октябрь 1954 г.

Карл Густав Юнг

**MYSTERIUM
CONIUNCTIONIS**

I. Компоненты КОНЬЮНКЦИИ

1. Противоположности

Факторы, которые вступают в связь (coniunctio), рассматриваются как противоположности, либо враждебно противостоящие друг другу, либо притягивающиеся любовью¹. С самого начала они двойственны; например, противоположности humidum/siccum (влажный/сухой), frigidum/calidum (холодный/теплый), superiora/inferiora (верхний, высший/нижний), spiritus-anima/corpus (дух-душа/тело), coelum/terra (небо/земля), ignis/aqua (огонь/вода), agens/patiens (активный/пассивный), volatile/fixum (летучий, газообразный/твердый), pretiosum/vile (драгоценный, также carum, дорогой/дешевый, простой), bonum/malum (добро/зло), manifestum/occultum (открытый/тайный, также celatum, скрытый), oriens/occidens (восток/запад), vivum/mortuum (живой/мертвый, инертный), masculus/foemina (мужской/женский), Sol/Luna (Солнце/Луна). Часто полярность располагают в виде quaternio (четвериц), где элементы противостоят друг другу попарно, например, четыре элемента с четырьмя качествами (влага, сухость, холод, тепло) или четыре направления и сезона², образуя, таким образом, крест как эмблему четырех элементов и символ подлунного физического мира³. Эта четверичная Физис, крест, также

¹Рипли говорит: «Конъюнкция есть объединение разведенных качеств или уравнение принципов». См. Doudecim portarum axiomata philosophica / Theatrum chemicum, II, p. 128.

²Ср. определение тетрамерии у Штолькюса де Штолькенберга (Stolcius de Stolcenberg): Viridarium chymicum, Fig. XLII.

³Ср. Consilium coniugii / Ars chemica, p. 79: «В этом камне — все четыре стихии, и его можно сравнить с миром и структурой мира»^m (здесь и далее даны ссылки на соответствующие отрывки текстов, которые автор приводит на латинском и греческом языках. — Ред.). Также Михаэль Майер. De circulo physico

появляется в знаках Земли &, Венеры \$, Меркурия ^, Сатурна г) и Юпитера u¹.

Противоположности и их символы настолько обычны в текстах, что излишне обращаться к источникам для подтверждения этого. С другой стороны, принимая во внимание неясность языка алхимии, который «tam ethice quam physice» (настолько нравственный, насколько физический), будет полезно пока познакомиться ближе с присущей данным текстам манерой трактования противоположностей. Очень часто противоположность мужского и женского начал персонифицируется как Царь и Царица (в «Rosarium philosophorum» также как Император и Императрица), как servus (раб) или virrubeus (красный мужчина) и mulier Candida (белая женщина)²; в «Visio Arislei» они появляются как Габриций (или Фабриций) и Бейя, царские дети³. Териоморфные символы тоже распространены и часто встречаются в иллюстрациях⁴. Можно вспомнить орла и жабу («орел, летящий по небу, и жаба, ползающая по земле»), которых Михаэль Майер изображает как «эмблему» Авиценны⁵, орла, символизирующего Луну или «Юнону, Венеру, Бейю, легкую и крылатую, как орел, которая взлетает к облакам и ловит взглядом солнечные лучи». Жаба «противоположна воздуху, это обратный первоэлемент, а именно земля, и поэтому она передвигается медленно, не доверяясь другому первоэлементу. Ее голова очень тяжела и смотрит в землю. По этой причине жаба обозначает философскую землю, которая не может летать (то есть ее нельзя подвергнуть возгонке), потому что она твердая и плотная. Именно на ней строится основание золо-

quadrato, p. 17: «Природа, говоря я, совершая золотой круг, таким движением делает все стихии равными, то есть она устраивает так, что эта однородная пустота возвращается к себе: противоположности связываются с противоположностями, враги с врагами, как бы прочной нитью и удерживаются во взаимном объятии»¹²¹. Петр Бонус сказал: «Элементы соединяются в круге истинной дружбы»³¹ (Bib! iotheca chemica, II, p. 35).

¹ Ср. *John Dee. Monas hieroglyphica / Theatr. chem., II, p. 220.*

² Ср. *Consilium coniugii / Ars chemica, p. 69f., и Clangor buccinae / Artis aurifirae, I, p. 484.* В Каббале ситуация перевернута: красное означает женское, белое (левая сторона) — мужское начало. Ср. *Mueller, Der Sohar und seine Lehre, S. 20f.*

³ *Aenignata ex visione Arislei / Artis aurifirae, I, p. 146ff.* Союз солнца и луны: *Петр Бонус* (ed. Lacinius), *Pretiosa margarita novella* (1546), p. 112. Архетип не бесного брака играет здесь огромную роль. На примитивном уровне этот мотив можно обнаружить в шаманизме. Ср. *Eliade. Shamanism, p. 75.*

⁴ Наиболее полная коллекция иллюстраций, появившаяся в печатных трудах, содержится в «*Viridarium chymicum figuris cupro incisus adornatum*» *Штолкенберга* (Франкфурт, 1624).

⁵ *Symbola aureae mensae, p. 192.*¹⁴¹

того дома¹. Если мы не используем в наших трудах землю, то воздух улетит прочь, и не будет ни пищи для огня, ни сосуда для воды².

Другой излюбленный териоморфный образ — это две птицы или два дракона, один из которых крылат, а другой бескрыл. Эта аллегория появилась в старинном тексте «De Chemina Senioris antiquissimi philosophi libellus»³. Бескрылая птица или дракон предостерегает другую от полета. Они символизируют Солнце и Луну, брата и сестру, которые объединяются при помощи искусства⁴. В «Символах»⁵ Ламбш-принга они появляются как астрологические Рыбы, плывущие в противоположных направлениях и символизирующие полярность дух/душа. Вода, в которой они плывут называется mare nostrum (наше море) и интерпретируется как тело⁶. Рыбье — «без костей и кожи»⁷. Из них происходит mare immensum, которое есть aqua permanens (неизменная вода). Другой символ — олень или единорог, которого можно встретить в

¹ «Сокровищница» (gazophilacium, domusthesauraria) философии, которая является синонимом aurum philosophorum, ляписа или золота. Cp. von Franz, Aurora consurgens, S. 101ff. Эта идея восходит к Альфидиусу (Alphidius) (см. Consilium coniugii / Ars chemica, p. 108) и, в конечном счете, к Зосиме, описывавшему lapis как сверкающий белый мраморный храм. Berthelot. Collection des anciens alchimistes grecs, III, i, 5.

² Symbola aureae mensae, p. 200.

³ Работа не датирована, но, возможно, была напечатана в Страсбургском издательстве Самуэля Эммеля и, может быть, в одно время с «Ars chemica», которая была напечатана там в 1566 году и совпадает с ней по печати, бумаге и формату. Автор, *Сениор Задит сын Хаму эля* (Senior Zadith filius Hamuel). вероятно, может быть причислен к харранитам десятого века или, по меньшей мере, находился под их влиянием. Если «Clavis maioris sapientiae», упомянутая *Стэптоном* (Muhammad bin Umail: His Date, Writings, and Place in Alchemical History) идентична латинскому трактату под тем же названием, традиционно приписываемому Артефию, это можно было бы считать доказанным, поскольку данный трактат содержит типичную харранскую астральную теорию. *Руска* (Ruska. Studien zu M. Ibn Umail) классифицирует труды Сениора как литературу «Турбы» (Turba), вскормленную на египетской почве.

⁴ *Сениор* говорил: «Я соединил два светила в браке, и стало так, как будто вода светится двойным светом»¹⁵¹ (De chemia, p. 15f.).

⁵ Musaeum hermeticum, p. 343. Cp. *Waite*, The Hermetic Museum Restored and Enlarged, p. 276f.

⁶ Corpus (как corpus nostrum) обычно означает химическое «тело» или «вещество» (субстанцию), но в сущности это означает человеческое тело. «Море» — общий символ бессознательного. Поэтому в алхимии «тело» всегда символизирует бессознательное.

⁷ Aenigmata philosophorum II/Artisauriferae, I, p. 149. Cp. «Айон», с. 195, 213, прим. 51.

«лесу»¹. Следующие два рисунка в «Символах» Ламбшпринга показывают нам льва и львицу² или сражающихся волка и собаку. Еще на одном рисунке противоположности символизируются двумя птицами в лесу, причем у одной есть перья, а у другой нет. В то время как на предыдущих рисунках изображен конфликт между духом и душой, две птицы обозначают конфликт между духом и телом, и на следующем рисунке две сражающиеся птицы действительно символизируют этот конфликт, о чем свидетельствует название изображения. Противоположность духа и души обусловлена последней, имеющей очень тонкую субстанцию. Она ближе «материальному» телу и более *densiores crassior* (плотная и грубая), нежели дух.

Возвышение человеческой фигуры до царя или божества и, с другой стороны, представление его в нечеловеческой, териоморфной форме указывает на *транссознательный характер* пар противоположностей. Они не принадлежат эго-личности, а находятся за ее пределами. Эго-личность занимает промежуточное положение, подобно тому как «*anima inter bona et mala sita*» (душа находится между добром и злом). Пары противоположностей составляют феноменологию парадоксальной *самости*, цельности человека. Вот почему их символизм выражается космическими понятиями подобными сочетанию небо/земля³. Интенсивность конфликта выражается такими символами, как огонь и вода⁴, высота и глубина⁵, жизнь и смерть⁶.

2. Четверица и посредническая роль Меркурия

Расположения противоположностей в четверицах можно видеть на интересной иллюстрации в «*Viridarium chymicum*» Штолькенберга (рис. XLII) и в «*Philosophia reformata*» Милиуса (1622, стр. 117), Богини представляют четыре дома Солнца в зодиакальном круге

¹ «Психология и алхимия», рис. 240.

² Они также появляются в «*XI Clavis*» *Василия Валентина* (Basilus Valentinus), в «*Chimische Schriften*» (р. 68) и в «*Viridarium*» (рис. XI, LV, LXII). Варианты: лев и змея (*Viridarium*, рис. XII), лев и птица (рис. LXXIV), лев и медведь (рис. XCIII и CVI).

³ Ср. *Petrus Bonus*, *Pretiosa margarita novella / Theatr. chem.*, V, p. 647f.: «Гермес: В конце мира небо и земля должны соединиться, в чем и состоит девиз философов»¹⁶¹. См. также *Musaeum hermeticum*, p. 803 (Waite, II, p. 263).

⁴ Рук. *Incipit: Figurarum Aegyptiorum Secretarum*, XVIII в. (Коллекция автора).

⁵ «Таким образом, скрывается высота и проявляется глубина»¹⁷¹ (*Musaeum hermeticum*, p. 652).

⁶ Ср. часто повторяющееся изречение: «От смерти он сделался живым»¹⁸¹, (*Mylius, Philosophia rephormata*, p. 191).

(Овен, Рак, Весы, Козерог), и в то же самое время четыре степени нагревания¹, а также четыре первоэлемента (стихии), «скомбинированные» вокруг круглого стола². Синтез элементов осуществляется посредством циклического движения (*circulatio, rota*) Солнца через дома Зодиака. Как я показывал³, цель *circulatio* — производство (или, скорее, воспроизведение) Первоначального человека, который был сферой. Может быть, в этой связи стоит напомнить замечательную цитату из Ос-танеса у Абу-аль-Касима, где описывается промежуточное положение между двумя парами противоположностей, составляющих четверицу:

Останес говорит: «Спаси меня, о Боже, ибо я стою между двумя величайшими светочами, известными своей греховностью, и между двумя тусклыми светильниками; они достигают меня, и я не знаю, как спастись от них. И Он сказал мне: «Поднимись к Великому Агаговому демону и проси помощи у него, и знай, что в тебе есть нечто от его природы, что никогда не будет извращено... И когда я поднялся в воздух, он сказал мне: «Возьми ппенца частично красного и покрой золотом ложе его, которое должно быть на четверть стеклянным, и помести в сосуд, откуда он не сможет выбраться, если ты сам не пожелаешь, и оставь там, пока его влага не исчезнет»⁴.

Четверица в этом случае явно состоит из двух *malefici* [зол], Марса и Сатурна (Марс управляет Овном, Сатурн — Козерогом); в таком случае два «тусклых светильника» означают женские начала: Луну (управляющую Раком) и Венеру (управляющую Весами). Таким образом, противоположности, между которыми стоит Останес, суть мужское начало / женское начало, с одной стороны, и добро/зло — с другой. Путь четырех светил, от которых он не знает, как спастись, означает, что он является субъектом Эймармене, то есть подвержен принуждению звезд или транссознательному фактору, стоящему за всем богатством человеческой воли. Кроме этого, вредное воздействие четырех планет обусловлено тем фактом, что каждая из них

¹ *Mylius*, p. 118. Четвертый уровень означает конъюнкцию (*coniunctio*), которая могла бы соответствовать Козерогу.

² *Mylius* отмечает (стр. 115): «...равенство возникает ... из четырех несовместимостей, взаимодействующих в природе». ⁹ Сходная древняя идея, судя по всему, берет начало в *gíliaxí trýie^a* (трапезе солнца) орфических мистерий. Ср. *Прокл*. Комментарии к «Тимею» Платона, II, p. 378: «И Орфей, разумеется, знал о кратере Вакха, однако он усадил многих других за солнечную трапезу». ¹⁰¹ Ср. также *Геродот, История*, III, 17—18, и *Павсаний*, Описание Греции, VI, 26,2.

³ Ср.: Психология и алхимия, предметный указатель, слова «шар», «сфера», «колесо», и особенно (§ 469, прим. 110) колесо с двенадцатью ковшами для подъема душ в «Acta Archelai».

⁴ *Holmyard. KitBb al-'ilm al-muctasab*, p. 38.

оказывает свое специфическое влияние на человека и вызывает появление у него множества личностей, тогда как он должен быть еди-т ным¹. Вероятно, это Гермес указывает Останесу, что в его природе есть нечто нетленное, что он делит с Агатовым демоном², нечто божественное, очевидно, зачаток единства. Этот зачаток — золото,

¹ Идея объединения множественного в единое обнаруживается не только в алхимии, но также и у *Оригена*: In Libr. I Reg. [I Sam.] Not., 1,4 (*Migne*. P.G., vol. 12, col. 988): «Человек был единым. Мы, грешники, не вправе рассчитывать на такую похвалу, потому что любой из нас пока еще не един, но множествен... Посмотри, тот, кто считает себя единым, не един, но, кажется, имеет столько личин, сколько у него настроений, ибо, как сказано в Писании, глупец изменчив, как луна».¹¹¹ В другом поучении, In Ezeeh., 9, 1 (*Migne*. P.G., vol. 13, col. 732) он говорит: «Где грехи, там множественность...но где добродетель, там единственность, там единение».¹¹² Ср. *Порфирий философ своей жене Марцелле*, р. 61: «Если ты захочешь подняться до себя, собери все свои силы, которые тело разбрасывает и дробит на множество частей, не похожих на бывшее единство...». Подобное говорится в Евангелии от Филиппа (приводится у *Епифания*, Panagium, XXVI, 13): «Я обратилась к своему знанию (молвила душа) и собрала себя из всех четвертей и не родила (посеяла)детей Владыке, но вырвала эти корни и собрала вместе всех, кто был рассеян. И я знаю тебя, кто ты, ибо (молвила она), я из тех, кто взирает свыше». (*Джеймс. Апокрифический Новый Завет*, с. 12.). Ср. также Panagium, XXVI, 3: «Я — это ты, а ты — это я, и где бы ты ни был, там есть я, и я рассеяна во всех вещах и как бы ты ни желал, ты не сможешь собрать меня, но, собирая меня, ты соберешь вместе себя». Внутренняя множественность человека отражает его микрокосмическую природу, заключающую в себя звезды и их (астрологическое) влияние. Так, *Ориген* (In Lev. Not., V, 2; *Migne*, RG. vol. 12, cols. 449—50) говорит: «Пойми, что ты имеешь в себе стадо скота... стадо овец или стадо коз... Пойми, что птицы воздушные тоже в тебе, не изумляйся, если мы скажем, что они в тебе, но постигни, что ты суть еще один малый мир, и внутри тебя — солнце, луна и звезды... Смотри: в тебе есть все, что должно быть в мире».¹³¹ *К Дорн* (De tenebris contra naturam / Theatr. chem., I, р. 533) утверждает: «Четырем менее совершенным планетам в небесах соответствуют четыре стихии нашего тела: земля — Сатурну, вода — Меркурию (кроме луны, см. выше), воздух — Венере, а огонь — Марсу. Из них оно создано и потому, из-за несовершенства частей, слабое. И пусть из них вырастет дерево, чей корень присущ Сатурну»¹¹⁴, то есть философское дерево, символизирующее процесс развития, которое приводит к единству filius philosophorum, или ляпису. Ср. мое Философское дерево, §409.

² Ауавб; 5аиu,wu — это змеевидный демон хтонического плодородия, подобный «гению» героя. В Египте также был змеевидный демон, дающий силы и здоровье. В Берлинском Магическом Папирусе есть дуаGo; yt&pyoc., оплодотворяющий землю. На гностических геммах он изображается вместе с Енохом, Енох — ранняя параллель Гермеса. Сабен, которые принесли Агатового демона в Средневековье каккуЕща 7tdpe5pov(духа-покровителя)магической процедуры, отождествляли

aurum philosophorum¹, птица Гермеса или ее птенец, то же самое, что filius philosophorum². Его следует поместить в vas Hermeticum [герметический сосуд] и нагревать до тех пор, пока не улетучится «влага», все еще остающаяся в нем, то есть humidum radicale (коренная влага), prima materia (первоматерия), которая представляет собой первоначальный хаос и море (бессознательное). Итак, один из видов подхода к сознанию, кажется, указан. Мы знаем, что синтез четверицы был одним из главных занятий алхимиков, как, хотя и в меньшей степени, синтез семерицы (например, металлов). Так, в том же тексте Гермес обращается к Солнцу:

...Я вызвал к тебе духи твоих собратьев [планет], о Солнце, и создал для тебя из них корону, невиданную доселе; и я поместил тебя с ними в себя. И сделаю твое царство сильным³.

Это относится к синтезу планет или металлов с Солнцем, к формированию короны, которая будет «внутри» Гермеса. Корона обозначает полноту царственности, она символизирует единство и неподвластна Эймармене. Это напоминает нам семи- или двенадцатилучевую корону света Агатоваго демона-змея, изображенного на гностических геммах⁴, а также венец Мудрости в «Aurora Consurgens»⁵.

В «Consilium coniugii» есть подобная четверица с четырьмя качествами, расположенными как «комбинации двух противоположностей, холода и влаги, недружественных жару и сухости»⁶. Другие четверицы таковы: «Камень в начале — старец, а в конце — юноша, ибо albedo

его с Гермесом и Орфеем. (*Chwolsohn. Die Sssbier, II, S. 624.*) Олимпиодор (*Berthelot. Alch. grecsll, iv, 18*) упоминает его как «более тайного ангела» (циспхсхероv стУеХов), как уробороса или «небо», из-за чего он позднее стал синонимом Меркурия.

¹ Ср. индийское учение о *Хираньягарбхе*, «золотом зародыше», и *пуруше*. См. также: *Psychology and Eastern Meditation, 917f.*

² Ср. ἰτ] χffq брvбоУOvιαq (вещество, порождающее птицу) у Зосимы (*Berthelot, III, xlv, 1*).

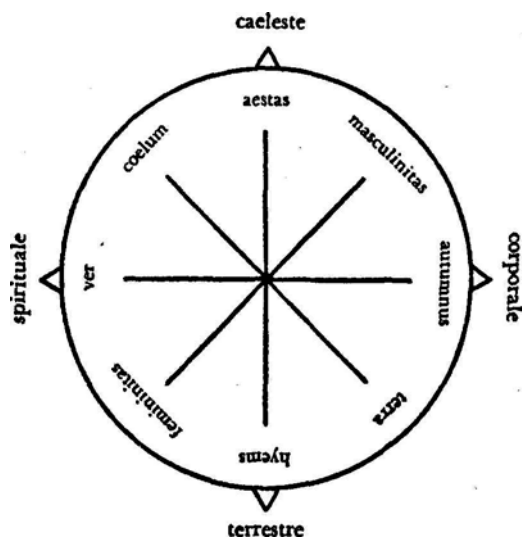
³ *Holmyard, p. 37.*

⁴ Ср.: Психология и алхимия, рис. 203—205.

⁵ *von Franz, p. 53f.* Ср. также *Goodenough. The Crown of Victory....* Сениор (*De chemia, p. 41*) называет *terra alba foliata* «венцом победы». В *Heliodori carmina, v. 252* (изд. Гольдшмидта, с. 57) душа, возвращаясь в тело, приносит ему *vixxhov* стёцца, «победный венок». В Каббале высшая Сефира (каки нижняя) называется Кетер, Корона. В христианской аллегории корона означает человечность Христа: *RabanusMaurus, Allegoriae in Sacram Scripturam (Migne, P.L., vol. 112, col. 909)*. В Деяниях Иоанна, § 109 (*Джеймс. Апокрифический Новый Завет, с. 268*) Христос именуется диадемой.

⁶ *Arschemica, p. 196.*^[1S]

приходит в начале, а *tubedo* — в конце»¹. Сходным образом стихии подразделяются на две «открытых» (воду и землю) и две «сокровенных» (воздух и огонь)². О еще одной четверице нам сообщает Бернар Треви-занский (Bernardus Trevisanus): «Верхнее обладает природой нижнего, а восходящее — природой нисходящего»³. Следующую комбинацию можно найти в «Tractatus Micreris»: «В нем (Индийском океане)⁴ суть образы неба и земли, лета, осени, зимы и весны, мужчины и женщины. Если ты назовешь их духовными, то поступишь верно, если телесными — то скажешь правду, если небесными — то не солжешь, если земными — то будешь прав»⁵. Здесь мы встречаемся с двойной четверкой, структура которой показана на диаграмме.

¹ Opusculum auctoris ignoti / Art. aurif., I, p. 390. Автор обычно цитируется (его называют) как «Разис» (Rhasis). Ср. *Ruska*, Turba Phil., p. 16H. *Ephraem Syrus*. Hymni et Sermones (ed. Lamy, I, col. 136): «Твое дитя, о Дева, — старик; он — Ветхий днями и предшествует всякому времени».¹¹⁶¹

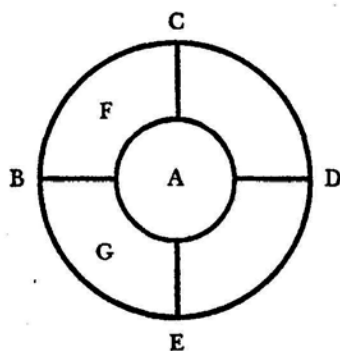
² Дорн. *Physica Trismegisti* / Theatr. chem., I, p. 420. Подразделение стихий на две высших, «психических», стихии и две низших, «соматических», восходит к Аристотелю. Ср. *Lippmann*, *Entstehung und Ausbreitung der Alchemie*, I, S. 147.

³ *Liber de alchemia* / Theatr. chem., I, p. 775.

⁴ Море является синонимом первичной материи.

⁵ Theatr. chem., V, p. 111. Этот трактат (Micreris=Mercurius), несомненно, весьма древний и, возможно, имеет арабское происхождение. То же высказывание

Двойная четверица, или огдоад (восьмерица), символизирует полноту, или целокупность, одновременно небесную и земную, духовную и телесную, пребывающую в «Индийском океане», иными словами, в бессознательном. Это, без сомнения, Микрокосм, мистический Адам или бисексуальный Первоначальный человек как бы в тот период, когда он идентичен бессознательному. Следовательно, в гностицизме «Всеобщий Отец» описывается не только как мужское и женское начала (или как никто), но и как Бифос, первичный хаос. В комментарии к «Tractatus aureus Hermetis»¹ есть четверица, состоящая из *superius / inferius* [верхнее / нижнее], *exterius / interius* [наружное / внутреннее]. Они объединены в единое целое посредством циклической дистилляции, названной Пеликаном²: «Пусть все будет одним в одном кругу или сосуде». «Для этого сосуда есть истинный философский Пеликан, и нет во всем мире ничего более прославленного». В тексте приводится следующая диаграмма.

В С D E символизируют внешнее, А — внутреннее — «как бы начало и источник, откуда истекают все остальные буквы, а также конечную цель, куда они стремятся»³, F G символизируют Верх и Низ. А В С D E F G вместе, несомненно, обозначают скрытую магическую Семери-

приводится в «Milvescindus» (*Bonus, Pretiosa marg. nov / Theatr. chem., V, pp. 662f.*). В «*Turba*» его называют «*Mirnefindus*».

¹ Этот трактат арабского происхождения напечатан в *Bibliotheca chemica, I*, p. 400 ff.

² «Ибо когда она касается клювом своей груди, ее шея с клювом изгибается в виде круга... Кровь, вытекающая из ее груди, возвращает жизнь мертвым птенцам».^{17^}, p. 442 Б.

³ *Ibid.*⁸

цу». Центральный пункт А, источник цели, «Океан или великое море», также именуется *sigculus exiguus*, очень маленький круг, или же «посредник, устанавливающий мир между врагами или элементами, ибо они могут любить друг друга, сливаясь в объятиях»¹. Малый внутренний круг соответствует Источнику Меркурия в «Rosarium», который я описывал в моей «Психологии переноса». Этот круг именуется «более духовным, совершенным и благородным Меркурием»², и далее говорится следующее:

Один дух пронизывает все вещи, даже самые твердые и плотные тела³. Поэтому католическая религия, или истинная Церковь, состоит не в видимом и телесном объединении людей, но в невидимом, духовном согласии и гармонии тех, кто искренне и благочестиво верит в одного Иисуса Христа. Всякий, кто присоединится к церкви, не признающей Царя Царей, пастыря истинной духовной Церкви, тот сектант, раскольник и еретик. Ибо Божье Царство невидимо, оно внутри нас, как наш Спаситель сам говорит в семнадцатой главе Евангелия от Луки⁴.

Что такое *Ecclesia spiritualis* [духовная Церковь], становится ясно из текста: «Но вы спросите, где тогда те истинные христиане, свободные от сектантской заразы?» Они «не в Самарии, и не в Иерусалиме, и не в Риме, и не в Женеве, и не в Лейпциге», но рассеяны по всему миру, «в Турции,

¹ *Ibid.*, 408 b. Ср. слова «невесты» в *Aurora Consurgens*, p. 143: «Я посредница между стихиями, приводящая их к согласию друг с другом; теплое я делаю холодным... сухое я делаю влажным... твердое я смягчаю, и наоборот». (Ср. *Senior. De chemia*, p. 34.)

² *Bibliotheca chemica*, 408 a.

³ «Это проникнет в каждую твердую вещь»¹¹⁰¹ («*Tabula Smaragdina*»). Фраза «ибо дух один пронизывает все вещи, даже самые твердые тела», возможно, является ссылкой на слова «...ибо Дух все пронизает, и глубины Божий» (1 Кор. 2:10). Точно так же Меркурий алхимиков — это «дух истины», *sapientia Dei*, именно он является тем, кто проникает в глубины материи, и обретение его есть *donum Spiritus Sancti*. Он представляется духом, которому ведомы тайны материи, и обладание им приносит свет, что подтверждают слова Павла: «Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия» (1 Кор. 2:11).

⁴ Лк. 17:21 *ел* {И не скажут: «вот, оно здесь», или: «вот, там». Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть}. Недавно слова «внутри вас» (*intra vos, ἰνῶς, *(*in*) перевели как «среди вас», и, следовательно, как утверждает наш автор, среди «видимо и телесно собравшихся вместе людей». Это свидетельствует о современной тенденции заменять человеческую внутреннюю связь внешним общением, как будто человек, не общающийся сам с собой, будет вообще способен на какое-то содружество! Именно эта прискорбная тенденция готовит почву для масового мышления.

в Персии, Италии, Галлии, Германии, Польше, Богемии, Моравии, Англии, Америке и даже в далекой Индии». Автор продолжает: «Бог есть Дух¹, и те, кто почитают его, должны почитать его и в духе, и в истине. После этих исследований и признаний пусть каждый сам рассудит, кто принадлежит истинной церкви, а кто нет»².

Подобные удивительные экскурсы прежде всего показали нам, что «центр» объединяет четыре и семь в единое целое³. Объединяющий посредник — дух Меркурий, и этот необычный дух побуждает автора признать себя членом Ecclesia spiritualis, ибо дух есть Бог. Религиозная подоплека очевидна уже в выборе термина «Пеликан» для циклического процесса, поскольку птица — распространенная аллегория Христа⁴. Идея Меркурия как миротворца, посредника между враждующими элементами и создателя единства, по-видимому, восходит к Посланию к Ефессянам(2:13—22):

А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою. Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию своею, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устроая мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нем. И, придя, благовествовал мир вам, дальним и близким, потому что чрез Него и те и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе. Итак, вы уже не чужие и не при-

¹ Пуйейца 6 0Еоq. Ин. 4:24.

² Bibliotheca chemica, I, p. 443 a.

³ В своей «Speculative philosophia» (Theatr. chem., I, p. 291) Дорн говорит об этом союзе следующее: «Такова философская любовь между частями неодушевленных вещей, а также и вражда, *какая существует между частями человека*. [Намек на проекцию!] Но в первой, как и в последней, не может быть истинного союза, по крайней мере, до тех пор, пока испорченность вышеназванных частей не будет устранена перед их объединением; вот почему то, что ты делаешь ради мира между врагами, открывает друзьям путь к объединению. Всем несовершенным телам (и тем, которые лишены изначального совершенства) присущи дружба и вражда; если последняя будет устранена усилиями человека, возникнет нужда в возвращении к первоначальному совершенству через искусство, которое мы видим в объединении человека».¹²⁰ Ср. Дух Меркурий, 259ff.

⁴ Ср. Гонорий Отенский, Speculum de misteriis ecclesiae (Migne. P.L., vol. 172, col. 936): «Ибо сказано, что самка пеликана любит своих птенцов так, что раздирает их до смерти своими когтями. Но на третий день в отчаянии она наносит себе раны и позволяет своей крови стекать на них и воскрешает их из мертвых. Пеликан означает Господа, который так любил мир, что пожертвовал своим едиnorodным Сыном, коего на третий день воскресил, поправ смерть, и вознес выше всех имен».¹²¹ Пеликаном также называют реторту, нос которой обращен в недра сосуда.

шелыцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на котором и вы устроитесь в жилище Божие Духом¹.

Объясняя алхимическую параллель к этому, следует отметить, что автор комментария к «Tractatus aureus Hermetis» предпосылает своему рассуждению про единство противоположностей следующее замечание:

Наконец после многих трудов появится горячо желаемый голубой или лазоревый цвет, который не затемняет и не притупляет взгляд смотрящего целебной силой своего блеска, как это случается, когда мы видим сияние внешнего солнца. Скорее, он [Меркурий] обостряет и усиливает зрение, и не убивает человека своим взглядом, подобно василиску, но, проливая кровь свою, зовет обратно тех, кто близок к смерти, и, подобно пеликану, возвращает им прежнюю жизнь такой же, как раньше².

Меркурий понимается как «божественная кровь»³, по аналогии с кровью Христа. В Послании к Ефессянам ранее разделенные «стали близки Кровию Христовою». Он создал из двух одно и разрушил разделяющую стену «Плотию свою». Саго (плоть)⁴ — синоним первоматерии и, сле-

¹ Ср. комментарий *Олимпиодора* к II Кор. 3:6 («потому что буква убивает, а дух животворит») (*Berthelot*, II, iv, 41), где он, опираясь на знание тайного искусства алхимии, говорит: «Как тогда я должен понимать преобразование (цетофоЦу)? Как же тогда вода и огонь, враждебные и противостоящие друг другу стихии, как они соединяются воедино? С помощью гармонии и дружбы?»

² *Bibl.chem.*, I, p.442b.

³ *Aqua permanens*, «чья сила — духовная кровь, то есть тинктура... Тело инкорпорирует дух посредством тинктуры крови: ибо все, что есть Дух, также и кровь».¹²² (*Mylus. Phil.*, ref., p. 42f.) Эти выдержки берут свое начало в «*Turba*» (изд. *Ruska*, p. 129) и в Книге *аль-Хабуба* (*Habib*) (цитируется у *Ruska*, p. 42f.) Для греческих алхимиков золото было «красной кровью серебра» (*Berthelot*, II, iv, 38,44). Ср. также *Филона Александрийского* (*Quaestiones in Genesim*, II, 59): «Но кровь есть сущность живого и чувствующего духа; ибо сказано в другом месте: «Душа всякого тела есть кровь его».¹²³ Ср. *Leisegang, Der heilige Geist*, S. 97 n, S. 94 n.

⁴ «Сын, ты должен взять от плоти отца».¹²⁴ (Выдержка из *Аристотеля* в *Rosarium philosophorum /Art. aurif.*, II, p. 318.) Первичная материя «произрастает из плоти и крови»¹²⁰ («Магомет» в *Rosinus ad Sarratantam /Art. aurif.*, I, p. 308.) «Возьмите яйцо в плоти»¹²⁶ (*Laurentius Ventura. Theatr. chem.*, II, p. 274.) «Выберите нежную (чувствительную) плоть и вы получите самую превосходную вещь».¹²⁷ (*Ibid.*, p. 292). «Плоть и кровь» соответствуют «внутреннему и скрытому огню». (*Дорн, Theatr. chem.*, I, p. 599), Чтобы ознакомиться с патристическим взглядом,

довательно, Меркурия. «Одно» — это «новый человек». Он примиряет двух «в одном теле»¹, и эта идея метафорически представлена в алхимии двуглавым гермафродитом. Двое имеют один дух; в алхимии у них одна душа. Далее, ляпис часто сравнивают с Христом как краугольным камнем (*lapis angularis*)². Как мы знаем из «Пастыря Гермы», храм построен после явившегося святым видения огромного здания, в котором человеческие существа, стекающиеся с четырех сторон света, образуют живые камни, соединяющиеся «без швов»³. Церковь построена на камне, от которого Петр получил свое имя (Евангелие от Матфея, 16:18).

Кроме того, из комментария мы узнаем, что круг и герметический сосуд — одно и то же, и в результате мандала, которая так часто встречается в рисунках наших пациентов, соответствует сосуду трансформации. Следовательно, обычная четвертичная структура мандалы⁴ должна соответствовать алхимической четверице противоположностей. В заключение приведем интересное утверждение, согласно которому *Ecclesia spiritualis* верна и преданна исключительно Христу, антропосу, то есть единственной цели стремлений алхимиков. Трактат о Гермесе в сравнении с другими очень стар и вместо христианской мистерии антропоса⁵ содержит ее особый парафраз или, скорее, ее античную параллель⁶, но комментарий нельзя датировать ранее начала семнадцатого столетия⁷ (автор, по-видимому, был врачом школы Парацельса). Меркурий соответствует Святому Духу, а также антропосу; он, как говорит Герхард Дорн, «истинный гермафродитный Адам и Микрокосм»:

*см. Августин. Quaestiones in Heptateuchum, I, lx, (Migne, P.L., vol. 34, col. 616): «Вероятно, тот, кто пострадал за наши грехи [Христос] символизируется плотью вечери».*¹²⁸¹

¹Ср.: *Aenigmata phil./Art. aurif., I, p. 151: «И тогда возьмите стеклянный сосуд с невестой и женихом и бросьте их в печь, чтобы они подвергались там обжигу три дня, и тогда станут они одной плотью».*²⁹(Ср. Быт. 2:24 и Мф. 19:5).

²«Как Христос в Священном Писании называется камнем, отвергнутым строителями, так же был отброшен и Камень Мудрости»³⁰¹ (*Epilogus Orthelii / Theatr. chem., VI, p. 431*).

³«The Shepherd of Hermas», II, p. 217ff., Similitude 9.

⁴Ср. мою работу «Исследование процесса индивидуации».

⁵Ср. взгляд Швейцера на христианскую идею как на «позднюю иудейскую эсхатологию»: *Geschichte der Leben-Jesu-Forschung, S. 635*.

⁶См. текст: Психология и алхимия, § 454.

⁷Предполагаемое первое издание схолии, датированное 1610 г., было опубликовано в Лейпциге под заглавием «*Hermetis Trismegisti Tractatus vere aureus de lapidis philosophici secreta Cum Scholiis Dominici Gnosii M.D.*». Схолия также напечатана в *Theatr. chem., IV, p. 672 ff.*, но там автор анонимный.

Наш Меркурий поэтому тот же самый [Микрокосм], который содержит в себе совершенства, добродетели и силы Солнца [в двойном смысле солнца и золота] и проходит по улицам [vicos] и заходит в дома всех планет и, возрождаясь, получает силы Высшего и Низшего, почему и уподобляется их свадьбе, как это очевидно из сочетающихся в нем белого и красного цветов. Недаром мудрецы утверждают, что все создания должны слиться в единую форму¹.

Поэтому Меркурий в незрелой форме первоматерии есть воистину Первочеловек, рассеянный в физическом мире. А в своей сублимированной форме он — восстановленная тотальность². В целом он подобен спасителю василидиан, который поднимается сквозь планетарные сферы, завоевывая их или забирая их силу. Замечание о том, что он вмещает в себя силу Солнца, напоминает нам приведенные выше слова Абу-аль-Касима, где Гермес утверждает, что он объединяет Солнце и планеты и делает их своим венцом. Возможно, именно поэтому лядис называют «победным венцом»³. «Силы Высшего и Низшего» отсылают нас к древнему источнику «Tabula Smaragdina», полученному из Александрии⁴. Кроме того, наш текст содержит аллюзии на Песнь Песней: слова «проходит по улицам и заходит в дома всех планет» напоминают Песнь Песней, 3:2: «Пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать того, кого любит душа моя...»⁵. «Белый и красный» цвета Меркурия мы находим там же: «Возлюбленный мой бел и румян...» (5:10). Он подобен «matrimonium» [супружеству] или coniunctio [соединению], то есть он *есть* свадьба вследствие своей андрогинной формы.

3. Сирота, вдова и Луна

В тексте, который я цитировал в конце предыдущей главы, Дорн продолжает: «Гермес Трисмегист называл камень «сиротой»⁶. «Сироту» как имя драгоценного камня можно найти у Альберта Великого. Камень

¹ Дорн. Congeries Paracesicae chemicae / Theatr. chem., I, p. 578.

² Также в: Aurora Consurgens, p. 129f. Адам, состоящий из четырех стихий, противопоставляется Адаму «чистых элементов», который, как говорится в законе чительном предложении, рожден циркуляцией четырех стихий.

³ Gratarolus. Verae alchemiae, II, p. 265.

⁴ «Он вмещает силу высшего и низшего. Так вы обретете славу во всем мире».¹³¹ Tabula Smaragdina / De alchemia, p. 363. См. также *Ruska. Tabula Smaragdina*, p. 2.

⁵ Cp. Aurora Consurgens, p. 135.

⁶ Theatr. chem., I, p. 578³²¹ Я не знаю, о каком Гермесе говорится в этом тексте Дорна. Сирота впервые появляется в «Pretiosa margarita novella» Петра Бонуса (Petrus Bonus): «У этого камня-сироты нет подходящего имени».¹³³¹ (Theatr. chem., V, p. 663). Это можно также найти в издании Janus Lacinius, 1546, p. 54r.

назвали «сиротой» из-за его уникальности — «такого, как он, не видели нигде» — и предназначили для императорской короны. Он был «винного цвета» и иногда светился по ночам, «но теперь он не сияет [более] в темноте»¹. Поскольку Альберт Великий был авторитетом в алхимии, он может быть прямым источником и для Дорна, и для Петра Бонуса. «Сирота» как название драгоценности может, таким образом, быть чем-то подобным современному «солитеру» — очень удачному имени для уникального философского камня. Кроме работ Дорна и Петра Бонуса это имя, похоже, найдено только в «Carmina Heliodori»², где упоминается ὀρφανός ἕξοικος (бездомный сирота), которого убивают в начале деяния в целях трансформации.

Термины «сын вдовы» и «дети вдовы» взяты из манихейских источников. Манихеи сами называли себя «детьми вдовы»³. «Сирота» упоминается Гермесом, должно быть, потому, что дополняет собой-vidua (вдову) как первоматерию. Ее синонимами являются также mater [мать], matrix [матка, форма], Венера, regina [царица], femina [женщина], virgo [дева], puella praegnans [беременная молодая женщина], «дева в центре земли»⁴, Луна⁵, meretrix (блудница), vetula (старуха), более специфически vetula extenuata (ослабленная, истощенная)⁶, Матерь Алхимия «с отеками и парализованными ниже колен ногами»⁷, и, наконец, мегера. Все

¹ Du Gauge, Glossarium, s.v. «Orphanus».

² Изд. Гольдшмидта, I, v. 112—114, p. 29. Гелиодор был византийцем VIII века. (Goldschmidt, p. 2: «В 716—17 гг., в царствование Феодосия [III]»). Кассель (Aus Literaturund Symbolic. S. 248) считает, что для «Orphanus» первоисточником служит Арнольд (Arnaldus?), которого Лессер цитирует в «Lithotheologie», p. 1161. Я не мог проверить это утверждение.

³ Считают, что в «Книге тайн» Мани говорил о «сыне вдовы», Иисусе (Shaeder. Urform und Fortbildungen des manichaischen Systems, S. 75 n). Буссе (The Antichrist Legend, p. 70) упоминает царствование вдовы, которое будет предшествовать Антхристу (в согласии с греческим и армянским Откровением Даниила (Apocalypse of Daniel, p. 68)). Масонов также считали «детьми вдовы» (Eckert, DieMysterien der Heidenkirche, erhalten und fortgebildet im Bunde der alten und neuen Kinder der Wittwe). В Каббале «вдовой» называют Мальхут. (Knorrfon Rosenroth. Kabbala denudata, I. S. 118).

⁴ Mt/ttus, Phil.ref., p. 173.

⁵ Gratarolus, Verae alch., II, p. 265.

⁶ Это выражение впервые появилось в Aurora Consurgens (Art. aurif., I, p. 201). Миллус (Phil. ref.) воспроизводит его. «Vieille extenee», упоминающиеся у Пернеми (Dictionnaire mytho-hermetique, p. 280), восходит к тому же источнику. Ср. также «столетнюю владычицу» в Aureum saeculum redivivum / Mus. herm., p. 64 (Waite, I, p. 59).

⁷ Aurora Consurgens, II /Art. aurif., I, p. 196.

эти синонимы отсылают нас к девственному или материнскому качеству первоматерии, существующей без мужчины¹ и тем не менее, являющейся «сущностью всех вещей»². Главное, что первоматерия — мать ляписа, *filius philosophorum*. Михаэль Майер³ упоминает труд анонимного автора Дельфинаса, который датирует не позднее 1447 года⁴. Майер подчеркивает, что данный автор особо настаивает на инцесте между матерью и сыном. Майер даже конструирует генеалогическое древо, показывающее происхождение семи металлов. На вершине дерева находится ляпис. Его отцом является «Габриций», в свою очередь рожденный Иси-дой и Осирисом. После смерти Осириса Исида выходит замуж за своего сына Габриция⁵; она отождествляется с Бейей — «вдовой, вступающей в брак со своим сыном». Вдова появляется здесь как классическая фигура скорбящей Исиды. В связи с этим Майер посвятил специальную «Эпиталаму в честь брака Матери Бейи и ее Сына Габриция»⁶. Но это бракосочетание, начатое с великой радостью, кончилось горькими сожалениями:

В самом цветке явилась злая язва: Где
мед был, там лишь желчь, Где грудь
вздмалась — гной⁷.

Ибо, «когда сын спит со своей матерью, она убивает его укусом змеи» (*virgino sonatu*). Это зло воскрешает в памяти Исиду убивающую⁸, которая положила «благородного червя» на пути Небесного

¹ В *Aurora Consurgens*, p. 77, семь женщин ищут одного мужа.

² Ср. «формы всех вещей» у Руланда: *Lexicon of Alchemy*, p. 226.

³ *Symb. aurg. mensae*, p. 344.

⁴ Опубликовано в *Theatr. chem.* III, p. 87 Iff, под заглавием «*Antiqui Philosophi Galli Delphinati anonymi Liber Secreti Maximi totius mundanae gloriae*».

⁵ Следовательно, Габриций соответствует Гору. В Древнем Египте Гора издавна приравнивали к Осирису. Ср. *Brugsch, Religion und Mythologie der alten Aegypter*, S. 406. В *Parurus Mimaut* сказано: «Принесет мне ужасную смерть сирота прославленной вдовы». ¹³⁴¹ *Прайзенданц* относит «вдову» к Исиде, а «сироту» — к Гору, с которым маг отождествляет себя (*Paruri Graecae Magicae*, I, p. 54f). Мы обнаруживаем «колдовство вдовы» в трактате «*Isisto Horus*», *Berthelot, Alch. greca*, I, xiii, 16.

⁶ *Symb. aurg. mensae*, p. 515. Эпиталама начинается словами: «Когда мать соединится с сыном в брачном завете, не считайте это инцестом. Ибо так предписывает природа, так требует священный закон судьбы, и это не противно Господу». ¹³⁵¹

⁷ *Est quod in ipsis floribus angat,
Et ubi mel, ibi fel, ubi uber, ibi tuber.*

⁸ В греко-римскую эпоху Исиду представляли в виде змеи с человеческой головой. Ср. иллюстрации: *Эрман* (*Erman*). *Religion der Aegypter*, S. 391. Касательно Исиды как брахмисма. *Reitzenstein, Poimandres*, p. 31.

Отца, Ра¹. Исида, однако, является также целительницей, поскольку не только вылечила ужаленного ядовитой змеей Ра, но и сложила вместе расчлененного Осириса. Она, кроме того, будучи росой², или aqua regnans³, олицетворяет ту арканную субстанцию, что объединяет враждебные элементы. Этот синтез описывается в мифе об Исиде, которая «собрала разбросанные части его (Осириса) тела, омыла их слезами и схоронила в тайной могиле на берегу Нила»⁴. Прозвище Исиды было %ιςα, Черная⁵. Апулей особо подчеркивает черноту ее одежд (palla nigerrima, «чернейшее платье»)⁶, и с древности считалось, что она владеет эликсиром жизни⁷ и посвящена в искусство магии⁸. Ее также называли Старухой⁹ и считали ученицей Гермеса¹⁰ или даже его дочерью¹¹. В трактате «Исида — пророчица своего сына Гора»¹² она является как наставница в алхимии. Она появляется в роли блудницы у Епифания, где о ней говорится, что она должна была продавать себя в Тире¹³. Согласно Фирмикусу Матернусу¹⁴, она символизирует землю и приравнивается к Софии¹⁵. Она циршуицх;, «тысячеименная», сосуд и содержание (χώρα καὶ ὄλη) добра

¹ Эрман, с. 301. Текст восходит к временам Нового Царства.

² Pmsendanz. Papyri Graec. Magicae, II, p. 74: «Я — Исида, которую называют росой».¹³⁶¹

³ Синоним aqua vitae. Родство «утешающей душу» Нильской воды с Исидой обозначено на барельефе (См. иллюстрацию в Eisler. Weltenmantel und Himmelszelt, I, S. 70; находится в Ватикане), где жрица Исиды несет *сумулу* (сосуд для воды). Здесь мы видим явную параллель — чаша воды в раннехристианских общинах и сосуд для воды Амитабхи. Для христианской чаши воды см. «Transformation Symbolism in the Mass», § 31 ff.; для святой воды в культе Амитабхи, см. Hastings, Encyclopaedia, I, p. 386 b, «Amitayus».

⁴ Latin Ms, XVIII cent. Figurarum Aegyptiorum secretarum. (Собственность автора).

"Eisler, II, p. 328, n. 1.

⁶ Золотой Осел, XI, 3: «черный плащ, отливающий темным блеском». Ср. *Ипполит* (Hippolytus), Elenchos, 1,8.

⁷ Диодор. Bibliotheca Historike, I, 25: то χυς, dBavaciaq pynaxov.

⁸ Она пыталась сделать дитя финикийского царя бессмертным, выдерживая его в огне. Плутарх. Об Исиде и Осирисе, 16 /Moralia, V, p. 40f.

⁹ Диодор, I, § 11.

¹⁰ Ibid., 1,27.

¹¹ Великий парижский магический папирус, строка 2290. Preisendanz. Papyri Graecae Magicae, I., p. 143.

¹² Berthelot. Alch. greca, I.xiii, *1αц яроф^тц tffl 1нф"Прф.

¹³ Лясолаги5(изд.Но11), с. 104,1, p.126.

¹⁴ Liber de errore profanarum religionum (изд. Naim), II, 6: «Земля есть тело Исиды».ⁱ³⁷ⁱ Ср. Плутарх. Об Исиде и Осирисе, 38, с. 92 ел.

¹⁵ Reitzenstein, Zwei religionsgeschichtliche Fragen, S. 108, и Poimandres, S. 44.

и зла¹. Она — луна². В одной из надписей к ней зывают как к «Одной, которой свойственно Все»³. Ее именуют *omteira*, искупительница⁴. У Афинагора она «природа Эона, откуда происходят и благодаря которому существуют все вещи»⁵.

Все эти утверждения так же хорошо применимы к первоматерии в ее женском аспекте: она также является луной, матерью всех вещей, сосудом; она состоит из противоположностей, носит тысячи имен; она — старуха и блудница, мудра, как Мать Алхимия, и учит мудрости, из нее можно извлечь эликсир жизни; она — мать Спасителя и *filius Macrocosmi*; она — земля и змея, скрытая в земле, тьма и роса, и живая вода, соединяющая разделенное. Поэтому о воде говорят, что это «мать», «моя мать — мой враг», но при этом она также «собирает все мои разделенные и разбросанные части»⁶. В «Turba» говорится (проповедь LIX):

Тем не менее философы приговорили к смерти женщину, которая убивала своих мужей, ибо тело этой женщины было во всеоружии и полно яда.. Выкопаем могилу для этого дракона, и похороним эту женщину рядом с ним, пусть он будет прочно прикован к ней; и чем сильнее он будет сливаться с ней и обвиваться вокруг нее, тем сильнее будет его поражать оружие, выросшее в теле женщины. И когда он увидит, что смешался с ее телом, то уверится в своей смерти и полностью сменит кровь. И когда философы увидят, что он сменил кровь, то оставят его на солнце на несколько дней, пока его мягкая часть не испарится, и кровь не высохнет, и они обнаружат яд. И тогда появится скрытый дух⁷.

Следовательно, конъюнкция (объединение) может принимать и более отвратительные формы, чем та, относительно безобидная, что описана в «Rosarium»⁸.

¹ *Плутарх*, 53, р. 130f.

² *Reitzenstein*. *Poimandres*, S.270.

³ *Corpus Inscriptionum Latinarum*, X, No. 3800 (=3580), из Капуи: «TE TIBI / UNA QUAE / ES OMNIA / DEA ISIS / ARRIUS BAL / BINUS VS.» (В настоящее время находится в Неаполитанском музее).

⁴ *Reitzenstein*. *Die hellenistischen Mysterienreligionen* (1927), S. 27ff.

⁵ Афинагор (Athenagoras). *Legatio pro Christianis*, 22 (*Migne*, RG., vol. 6, col. 939f.).

⁶ *Ros. phil.*, Art. aurif. (1572), II, р. 413. Из так называемой «Dicta Belini» (Аполлоний Тианский), «*Allegoriae sapientum*», Distictio 28, *Theatr. chem.*, V, р. 97.

⁷ *Ruska*, *Turba philosophorum*, р. 247. Ветер есть пневма, скрытая в первичной материи. На последней иллюстрации «*Scrutinium chymicum*» Майера изображено это погребение.

⁸ Ср. также ц&хл б^Ша (битва женщин) в «*Carmen Archelai*», одной из частей «*Carmina Heliodori*» (р. 56, IV, 230f.) (изд. Goldschmidt), где материя пронесится под тучей стрел и кончает свое существование как «труп» в могиле.

Из этих параллелей становится ясно, что Майер был совершенно прав, именую первоматерию, или женскую изменяющуюся субстанцию, Исидой¹. Кереньи, приведя в качестве примера Медею², блестяще показал, что именно в этом мифе сосредоточена типичная комбинация различных мотивов: любви, обмана, жестокости, материнства, убийства родственников и детей, магии, омоложения и — золота³. Такое же сочетание обнаруживается у Исиды и в первоматерии, и оно формирует центр той драмы, которую пробуждает материнский мир и без которой объединение оказывается невозможным.

В христианской традиции вдова обозначает Церковь. Святой Григорий⁴ приводит как аналогию историю сосуда с маслом, принадлежащего вдове (4-я Книга Царств, 4). Святой Августин повествует: «Вся Церковь — вдова, одинокая в этом мире»⁵. Ей «недостает мужа, ей не хватает человека», ибо ее жених еще не пришел. Душа тоже «обездолена в мире». «Но, — продолжает Августин, — ты не сирота, и вдовой тебя нельзя назвать... У тебя есть друг... Ты Божья Сирота, Божья вдова»⁶.

Другой традицией, рассматривающей образ вдовы, является Каббала. Вдова — это покинутая Мальхут, как говорит Кнорр фон Розенрот: «Вдова — это Мальхут, когда Тиферета нет рядом с ней»⁷. Тиферет⁸ — это сын⁹, и Рейхлин интерпретирует его как микрокосм. Мальхут¹⁰ — Госпожа,

¹ Соответствующей мужской субстанцией является красная сера, *vir* или *servus rubeus*, чья краснота делает ее сродни Тифону. В «погребальной песне по Габрицию, умершему вскоре после свадебных торжеств» *Afade*? (Symb. aig. mensae, p. 518), на самом деле, говорит о Тифоне, который, возможно, послужил причиной смерти Габриция. Он начинает так: «Она дала тебе жизнь и смерть», но затем добавляет: «Мне кажется, причиной твоей смерти были трое: Тифон, твоя мать и печь Мулцибера (Вулкана). Он [Тифон] разбросал твои члены; но истинной виновницей была только твоя мать, а не твой брат. Однако твоя мать притворяется невинной». Отсюда видно, что Майер в особенности подозревал мать, и хотел сделать из Тифона, красного раба, только «*causa ministrealis*».

² Кереньи (Kerenyi), *Tochter der Sonne*, S. 92ff.

³ По этой причине история убийства Медеей ее приемного отца Креонта, также интерпретировалась как алхимическая тайна.

⁴ *Super Ezechielem Hom.*, III, (Migne, *PL.*, vol. 76, col. 808).

⁵ *Толкование Псалтири*: Ps. 131, 23, vol. 6, p. 105.³⁸¹

⁶ *Ibid.*, Ps. 145, 18f., vol 6, p. 356.

⁷ *Kabbala denudata*, 1,1, p. 118J³⁹¹ Источником Кнорру служит Моисей Кордовский (*Moses Cordovero*. *Pardes Rimmonium*, ch. 23).

⁸ *Тиферет* означает «красота».

⁹ *Kabbala denudata*, p. 202.

¹⁰ *Мальхут* означает «царство, владение».

Владычица¹; ее также зовут Шекиной², местопребыванием (Бога) и воительницей³. Сефира Тиферет — это царь, и в обычной схеме Сефирот он занимает второе место:

Кетер
Тиферет
Йесод
Мальхут.

Кетер, корона, соответствует растущему вверх корню дерева Сефирот⁴. Йесод⁵ обозначает область гениталий Первочеловека, головой которого является Кетер. Мальхут в соответствии с архетипической структурой подчиняется женскому началу⁶. В этом порочном мире, где властвует зло, Тиферет *не* объединен с Мальхут⁷, но приход мессии воссоединит Царя с Царицей, и это вернет Богу его первоначальное единство⁸. Каббала

¹ Kabbala denudata, p. 528.

² Ее называют луной (с. 456), землей (с. 156), невестой (с. 477), госпожой, царицей небесной, рыбным прудом, колодцем, деревом познания добра и зла, ланью влюбленных (так в особенности называют Мальхут из-за таинства новолуния, с. 77), утробой (с. 192) и так далее.¹⁴⁰¹

³ Kabbala denudata, p. 163.

⁴ Согласно некоторым авторитетным источникам, Сефира происходит от *ספר* — *осира*. Ср. *Hastings*. Encyclopedia, VII, p. 625 b, «Kabbala». Согласно более новому взгляду, это слово происходит от корня *sfr*; «изначального числа». Ср. *Sholem*. Major Trends in Jewish Mysticism, p. 76ff. О Древе Сефирот см.: Философское древо, § 414, и *Sholem*, p. 214 ff.

^a Йесод означает «основание». В рукописи, находящейся в Национальной библиотеке Франции, 14765, полка 8, Йесод изображается подобно Сыну человеческому в Откр. 1:16, где «Он держал в деснице Своей семь звезд, и из уст Его выходил острый с обеих сторон меч», и стоял он посреди семи золотых светильников (1:13).

⁶ Ср. Kabbala denudata, I, p. 240, 4: «...ибо Мальхут назовут напоенным водою садом (Ис. 58:11), когда Йесод будет в ней, и наполнит ее, и воды ее с водами его поднимутся».¹⁴¹¹ С. 477: «Когда Мальхут принимает втекающее из четырех врат через Йесода, тогда она зовется невестой».¹⁴²¹ О Йесоде как *membrum genitale*, *ibid*, p. 22. Ср. также *Sholem*, pp. 227f., и *Hurwitz*, *Archetypische Motive in der chassidischen Mystik*, pp.123ff..

⁷ Ср. также легенду об Отце Океане и Матери Тетфисе, которые не могли больше сойтись на брачном ложе, в «Илиаде», XIV, 300-310 [Пер. Н.И.Гнедича], и у *Рошера*. (Lexikon, V, col. 394 B, строка 30ff). Эта ссылка указывает лишь на сходство мотивов, но не на эквивалентность значений.

⁸ Ср. сожителство Габриция и Бейи, вызванное вмешательством философов.

развивает идею священного брака, заключающегося в союзе души с деревом Сефирот, принадлежащим светлому и темному мирам, «ибо желание верхнего мира для богобоязненного человека, равносильно тому желанию, которое мужчина испытывает к женщине, добываясь ее»¹. И, наоборот, Шекина присутствует в сексуальном акте:

Absconditus sponsus [сокровенный жених] входит в тело женщины и соединяется *abscondita sponsa* [сокровенной невестой]. Подобное справедливо и для другой стороны процесса, когда два духа смешиваются и совершают постоянный обмен между телами... В той неразличимой форме, которая при этом возникает, можно сказать, что мужское вместе с женским не будет ни мужским, ни женским² — по крайней мере, не только чем-то одним. Этим подтверждается то, что мужчина состоит из верхнего, мужского, и женского, нижнего, миров. То же самое верно и для женщины³.

Каббала также толкует о *thalamus* (брачном покое), или свадебном пологе, за которым освящаются *sponsus* и *sponsa* (жених и невеста), а Йесоддействует как *paranymphus* (лучший человек)⁴. Прямо или косвенно Каббала была ассимилирована алхимией. Взаимоотношения между ними должны были существовать очень давно, хотя проследить их корни трудно. Позднее, в XVI столетии, мы сталкиваемся с цитатами из «Зо-гара», например, в труде *Блеза Вигенера* «De igne et sale»⁵. Один отрывок из этой работы представляет для нас особый интерес, поскольку касается мифологемы конъюнкции:

Конец[Сефирот] — в Мальхут или Луне, которая находится в конце спуска или в начале подъема из мира стихий. Ибо Луна есть путь на небеса, и не зря пифагорейцы именовали ее небесной землей и земным небом или звездой⁶, потому что в мире стихий вся низшая природа по отношению к небесной, и

¹ DerSohar(H3fl. Mueller), p. 234. Параллель этому можно найти в психотических опытах Шребера {Schreber. Memoirs of My Nervous Illness), где «лучи Бога» страстно желают проникнуть в него.

² Ср. согласующуюся с египетским взглядом параллель в Евангелии {James. Aposyphal New Testament, p. 11): «Когда двое становятся одним, то мужчина и женщина вместе ни мужчина, ни женщина».

³ Waite. The Holy Kabbalah, p. 381.

⁴ Kabbala denudata, I, p. 338.

Theatr. chem., VI, pp. Iff. Блез де Вигенер (Blaise de Vigenere или Vigenaire, 1523—96) известен как секретарь сперва герцога де Невера, а затем французского короля Генриха III.

Ср. *Прокл*. Комментарии к «Тимею» Платона, где говорится, что Орфей называл луну небесной землей (41 е), а пифагорейцы — эфирной землей (32 Б).

небесная по отношению к миру, постигаемому рассудком, является, как говорится в «Зогаре», женской или пассивной также, как Луна по отношению к Солнцу. В такой же степени, как [Луна] удаляется от Солнца, пока не окажется напротив него, так и ее свет усиливается на стороне, обращенной к нашему нижнему миру, но ослабевает на той стороне, что направлена вверх. Наоборот, когда она сочетается с Солнцем и не видна нам, то полностью освещена на стороне, обращенной к Солнцу. Это учит нас тому, что, чем больше наш разум опускается до явлений, постигаемых чувством, тем больше он удаляется от умопостигаемых вещей, и наоборот¹.

Отождествление Мальхут с Луной дает нам связь с алхимией, и это еще один пример процесса, посредством которого много раньше был ассимилирован патристический символизм *sponsus* и *sponsa*. В то же самое время именно первоначальный языческий священный символизм вошел в метафорический язык отцов Церкви. Но Вигенер добавляет нечто, что кажется отсутствующим в патристической аллегории, а именно темноту обратной стороны луны при ее противостоянии. Когда Луна обращена к нам во всем своем сиянии, ее обратная сторона погружена в абсолютный мрак. Такое прямое применение аллегории Солнце-Луна может оказаться для церкви затруднительным, хотя идею «умирающей» церкви позволительно до некоторой степени учитывать по причине быстротечности существования всего сотворенного². Я упомянул этот факт не для того, чтобы критиковать значение священной аллегории Солнца и Луны. Напротив, я хочу подчеркнуть это, потому что Луна, находясь на границах подлунного мира, управляемого злом, играет свою роль не только в мире света, но и в демоническом мире тьмы, как очевидно намекает наш автор. Вот почему ее изменения так символически значимы: она двойственна и непостоянна, подобно Меркурию, и подобно ему является посредницей; поэтому алхимия использует ее как символ посредничества³. Хотя у Меркурия есть освещенная сторона (в чем убеждает нас духовная алхимия), но есть также и темная, и ее корни глубоки.

Цитата из Вигенера ничем не напоминает длинный отрывок о фазах Луны у Августина⁴. Говоря об отрицательном аспекте Луны, то есть о ее

¹Theatr. chem., VI, p. 17. Мальхут также называли луной (*Kabbala denudata*, I, 1., p. 195, 501). Другие именованя — дом и ночь, а у Йозефа Гикатилы (*Shaare oga*) — источник, море, камень, сапфир, древо познания, земля жизни. (Эту информацию предоставил др. С. Гурвиц). Мальхут есть «Царство Божие», которое в «Зогаре» описывается как Кнессет Израэль, «мистический архетип израильского общества». (*S/zo/em.*, p. 213).

²Ср. *Rahner*. *Mysterium Lunae*. p. 313ff.

³Юнг. *Дух Меркурий*, § 273.

⁴Эпистола LV, 7f. (*CSEL*, XXXIV, pp. 176f).

переменчивости, Августин перефразирует Екклезиаста (27:12), где сказано: «Мудрый человек остается постоянным, как Солнце, а глупый изменчив, как Луна»¹, и задает вопрос: «Кто же этот глупец, изменчивый, как Луна, если не Адам, в котором все грешно?»² Августину, следовательно, Луна представляется союзницей всех испорченных созданий и отражает их глупость и непостоянство. Для людей древности и Средневековья сравнение со звездами и планетами явно предполагало астрологическую каузальность, где солнце вызывает постоянство и мудрость, тогда как луна приводит к переменам и глупости (включая безумие)³. Августин связывает со своими словами о луне нравоучение об отношении человека с духовным солнцем⁴, и так же делает Вигенер, который, по всей вероятности, был знаком с письмами Августина. Он называет (послание 15, 10) Церковь Луной, и связывает Луну с ранением стрелой: «Так сказано: они приготовили стрелы, дабы стрелять *во тьму Луны*, где расположено сердце»⁵. Ясно, что Августин понимает ранение не как энергию самой новой луны, но как результат человеческой порочности, в соответствии с принципом «*omne malum ab homine*» [«все зло — от человека»]. Тем не менее слова «*in obscura luna*», для которых предыдущий текст не дает оснований, показывают, как сильно вовлечена сюда новая Луна (новолуние). Этот намек на предполагаемую опасность, которую несет Луна,

¹ В Вульгате сказано: «*Homo sanctus in sapientia manet sicut sol, nam stultus sicut luna mutatur*» («Святой постоянен в своей мудрости как солнце, а глупец переменчив как луна»),

² «*Quis ergo est ille stultus, qui tamquam luna mutatur, nisi Adam, in quo omnes recesserunt*»?

³ Солнце (Sol) соответствует сознательному в человеке, Луна (Luna) — бес сознательному, то есть аниме.

⁴ «Ибо душа человека, когда она отвращается от солнца добродетели, обращает все свои силы к земным вещам и поэтому ее внутренние, высшие, составляющие становятся все темнее и темнее, но когда она начинает возвращаться к своей неизменной мудрости, то чем ближе она к любовной горечи, тем испорченней внешний человек, но внутренний человек обновляется день ото дня; и весь тот естественный свет, что обращен к нижним вещам, направляется к верхним, и некоторым образом он отнимается от земных вещей, так что они умирают в этом мире, и жизнь их оказывается сокрыта со Христом в Боге.⁴³¹ (CSEL, XXXIV, p. 178).

⁵ «*Unde est illud: Paraverunt sagittas suas in pharetra, ut saggitent in obscura luna rectos corde*». В Вульгате (Пс. 10:3) есть слова «*in obscuro*» (10:2 в русском тексте: «Ибо вот, нечестивые натянули лук, стрелу свою приложили к тетиве, чтобы во тьме стрелять в правых сердцем»). Ср. «стрелы, напоенные кровью» в: *Aurora Consurgens*, p. 67.

подтверждается, когда Августин несколькими предложениями позже, цитирует 71 -й псалом (7): «Во дни его процветет праведник, и будет обилие мира, доколе не престанет луна»¹. Вместо жесткого «interficiatur» Вульгата дает более мягкое «auferatur» — будет изгнана или потерпит неудачу². Насильственный способ, которым изгоняется Луна, объясняется в проследовавшем сразу же за этими словами толковании: «Иными словами, обилие мира будет преобладать до тех пор, пока он (мир) будет истреблять непостоянство смертных». Отсюда становится очевидным, что природа Луны определенно участвует в «непостоянстве всего смертного» как эквивалент смерти. И поэтому текст продолжает: «Ибо тогда последний враг, смерть, будет побеждена, и вся слабость плоти, заставлявшая нас сопротивляться, исчезнет полностью». Здесь уничтожение Луны явно эквивалентно уничтожению смерти³. Луна и смерть обнаруживают здесь свое сходство. Смерть пришла в мир через первородный грех и соблазнительность женщины (= Луны), а переменчивость приводит к испорченности (тленности)⁴. Изгнание луны из тварного мира поэтому так же желательно, как удаление смерти. Эта негативная оценка Луны полностью обязана ее темной стороне. «Умирание» Церкви также связано с тайной лунной темноты⁵. Предостережение Августина и, может быть, не вполне бессознательную маскировку греховного аспекта Луны можно вполне удовлетворительно объяснить его отношением к формуле Церковь-Луна.

Поэтому алхимия все более жестко настаивает на опасности новолуния. Луна, с одной стороны, являет собой сверкающую белизну полнолуния, а с другой — черноту новолуния, а с особенностью — черноту затмения, когда солнце скрыто от нас. Разумеется, то, что она делает с Солнцем, исходит от ее собственной темной стороны. «Consilium coniugti»⁶ очень ясно говорит нам о том, что алхимики думают о Луне:

¹ «Orietur, inquit, in diebus eius iustitia et abundantia pacis, quoad usque interficiatur luna».

² В каноническом тексте: «Во дни его процветет праведник, и будет обилие мира, доколе не престанет луна».

³ Далее Августин замечает, что «Иерихон» означает у евреев «луна», и что стены этого города, «стены смертной жизни», пали (Epist., LV, 10).

⁴ Согласно Оригену, солнце и луна были вовлечены в грехопадение. (Peti Archon, I, 7,4). Цит. по: Rahner. *Mysterium Lunae*. p.327.

⁵ Ранер (p. 314) очень удачно говорит о «мистической тьме ее (то есть Церкви) союза с Христом» во время новолуния, причем новая луна обозначает «умирающую» Церковь.

⁶ Первая публикация в *Ars chemica* (1566), P- 136.

Тленность льва, нижнего солнца¹, возрастает из-за плоти. [Его плоть слаба, потому что он страдает от «четырёхдневной малярии»².] Итак, природа льва³ испорчена из-за его плоти, которая подчинена фазам луны⁴, и поэтому он затемнен. Хотя Луна есть *тень Солнца* и поглощается ущербной массой, и посредством ее ущербности лев затемняется с помощью влаги Меркурия⁰, однако, его затмение улучшает его природу и делает ее более совершенной, чем раньше.

Переменчивость Луны и ее свойство темнеть интерпретируется как ее ущербность, и это негативное свойство может даже приводить к затмению Солнца. Текст продолжает:

В процессе возрастания, то есть во время полной черноты свинца, мой свет⁶ отсутствует и мое сияние гаснет.

Затем следует пассаж, который может напомнить картину смерти царской пары в «Rosarium», но также имеет значение как рассмотрение темной стороны сочетания Солнца и Луны⁷:

После⁸ завершения вы узнаете, что обладаете веществом, природа которого пронизывает все вещества, вмещает в себя природу и овладевает при-

¹ В тексте стоят слова «id est Sol inferius», причем и в позднейшей публикации 1622 года (Theatr. chem., У р. 515), и в «Bibl. chem.» *Магнета* (II, р. 248а). Эти слова могут читаться как «солнце внизу». Скорее всего, это «подземное солнце», эквивалентное *Sol niger* (Mylius. Phil. ref., р. 19, и Ripley. Chymische schriften, S. 51).

² Приступы четырехдневной малярии (или квартаны) повторяются каждый четвёртый день. Текст здесь гласит: «Ибо каждый четвертый день он испытывает страдания от квартаны».⁴⁴¹

³ Лев как *domicilium solis* символизирует солнце, то есть активного (красного) Меркурия.

⁴ «Per carnem suam sibi contemporaneam Lunarem vilescit». В оригинальном арабском тексте *Сениора* (De chemia, р. 9) стоит «сапет» вместо «сапет». Со бака — животное Гекаты и принадлежит луне (§ 174 ел.). О Первочеловеке и его сыновьях, сошедших в материальный мир, у манихеев существует легенда, что «их лишили сознания, и стали они подобны тем, кого укусила бешеная собака или змея» (Theodore barKonai; приводится в: Reitzensteln и Schaeder, Studien zum antiken Synkretismus aus Iran und Griechenland, S. 343.)

⁵ Aqua permanens.

⁶ Говорит солнце.

⁷ «Consilium coniugii», р. 141f. I⁴⁵¹

⁸ Предыдущий пассаж гласит: «...пусть оставшееся тело, именуемое землей, станет золой, из которой можно будет посредством воды экстрагировать тинктуру... ■затем соедини ее с головой и хвостом».⁴⁶¹ Здесь содержится указание, как получить уроборос в качестве арканной субстанции, изменяющей природу вещей.

родой¹. Оно именуется философской Тириакой², а также ядовитой змеей, ибо, подобно ей, откусывает голову самцу в миг страсти, когда происходит зачатие, и, давая жизнь, умирает, делясь надвое. Влага Луны³, становясь светлой, убивает Солнце, а при рождении философского дитя умирает сама, и оба родителя, умирая, отдают свои души сыну, и исчезают. *И родители суть пища для сына*-*Всякое* включение аллегории Солнце-Луна в эту психологему приводит к ее логическому завершению. Демоническое свойство, связанное с темной стороной луны или с ее промежуточным положением между небесным и подлунным миром⁴, проявляется здесь в полную силу. Солнце и Луна выказывают свою противоположность, которая в христианской традиции столь же затемнена, сколь и нераспознаваема, и обе противоположности отвергают друг друга, причем их столкновение приводит — в соответствии с законами энергии — к рождению третьей новой сущности, сына, который разрешает антагонизм родителей и сам является «объединенной двойной натурой». Неизвестный автор «*Consilium*»⁵ не осознавал тесной связи своей психологемы с процессом пресуществления, хотя в последнем предложении текста содержится достаточно ясный мотив теoqualo, «богоядения» у ацтеков⁶. Этот мотив встречается и в Древнем Египте. Текст на пирамиде Уны (пятая династия) гласит: «Уна вознесся какдушa, подобно богу, пожиравшему своих матерей и взявшему силы своих отцов»⁷. Следует отметить, что алхимия поместила на место христианских sponsus и sponsa образ целостности, которая, с одной стороны, была материальной, а с другой — ду-

¹ Хорошо известная формула Демокрита. См. Berthelot, *Alch. greccs*, II, i, 3: «Природа овладевает природой».^[47]

² *Turgia tinctura* или *Turgius color* (*Turba*, проповедь XIV), *lapis tyrii coloris* (проповеди XXI, XXVII). «Так, по названию ее цвета, мы называем нашу тирскую (краску) на каждой стадии процедуры»^[48] (проповедь LXII). «Это красная сера, сияющая во тьме; и красный гиацинт, и огненный, приносящий смерть яд, и сражающийся лев, и злодей, и разящий меч, и тирская (тинктура), исцеляющая все немощи».^[49] (*Theatr. chem.*, V, p. 705). *Turgiasa* тождественна *Theriasa*, которая представляет собой арканную субстанцию.

³ Луна посылает росу.

⁴ Где начинается эфирное царство демонов и Сатаны.

⁵ Sc/jmreder (*Geschichte der Alchemie*, S. 106) считает, что автором является араб, живший в XIII веке. Однако тот факт, что автор заменил *capem* на *saem*, а подобная ошибка возможна только в латыни, позволяет предположить, что он был одним из ранних латинистов.

⁶ Ср. *Bernardino de Sahagun*. *General History of the Things of New Spain*. B. 3: *The Origin of the Gods*, p. 5f, также *Transformation Symbolism in the Mass*, p. 224.

⁷ *Wallis Budge*. *The Gods of the Egyptians*, I, p. 45.

ховной и соответствовала Параклету [Святому Духу]. Кроме того, алхимии явно свойственна тенденция в направлении *Ecclesia spiritualis*. Алхимическим эквивалентом Богочеловека и Сына Божьего выступал Меркурий, гермафродит, в котором присутствовали как женское начало, Мудрость и материя, так и мужское, Святой Дух и дьявол. Повествования о Святом Духе, особенно распространившиеся в алхимической литературе в XIII—XIV веках, были главным образом связаны с Иоахимом Флорским (1145—1202), который ожидал скорого прихода «третьего царства», а именно царства Святого Духа¹.

Алхимики также представляли «затмение» как опускание Солнца в (женский) Источник Меркурия² или как исчезновение Габриция в теле Бейи. С другой стороны, Солнце в объятиях Луны гибнет от предательского укуса змеи (*sonatu viperino*) матери-возлюбленной, или же оказывается пронзенным *telum passionis*, стрелой Купидона³. Эти идеи служат объяснением странной картины в «Пандоре» Рейснера⁴, где Христа пронзает копьем дева в короне, чье тело оканчивается змеиным хвостом⁵. Древнейшее обращение к образу наяды в алхимии обнаруживается в цитате из Гермеса, приводимой Олимпиодором: «Девственная земля находится в хвосте девственности»⁶. По аналогии с раненым Христом в Кодексе Ашбурнхама показан Адам, раненный стрелой в бок⁷.

Этот мотив ранения дает Гонорий Отенский в своем комментарии к Песни Песней⁸. «Ты ранила сердце мое, сестра моя, невеста, ты ранила мое сердце одним взглядом твоим, одними волосами, спускающимися

¹ Ср. мои сообщения в Айон, § с. 137 и с. 232.

² Ср. Коран, сура 18: «Солнце садится в пруд с черной тinou».

³ *Ripley. Opera omnia*, p. 423; *Consilium coniugii / Ars chemica*, p. 186: «Он поразил себя своею собственной стрелой». (*Rosinus ad Sarrat / Art. aurif.*, I, p. 293): «Связавший вместе стрелы из колчана, то есть объединивший их в одно тело, меня, несчастного, — меня, обладающего веществом Меркурия и Луны... и мою возлюбленную, то есть тучность Солнца с влагой Луны».¹⁵ⁿ¹

⁴ 1588 г. изд., с. 249. Репродукция этой картины приведена в моей книге «Пара-Цельс как духовное явление», рис. В 4.

⁵ Этот хвост, конечно, нарисован случайно, и можно только гадать, символизирует ли он воду (?) или пар (?). Прототип этой картины можно обнаружить в так называемой *Drivaltigkeitsbuch*, fol. 2r. (*Codex Germanicus Monacensis 598*, XV в.) и ^B *Codex Germ. Alch. Vad.*, XVI в. Здесь у нее присущий змее хвост. Стрелами в тексте называются испарения (*Consil. Coniug.*, p. 127). Ср. орлов, вооруженных стрелами на картине, изображающей Гермеса Трисмегиста в работе Сениора (Психология и алхимия, рис. 128).

**Berthelot. Alch. greccs*, II, iv, 24.1⁵¹

Психология и алхимия, рис. 131.

⁸ *Migne, P.L.*, vol. 172, col. 419.

на шею твою»¹. Невеста отвечает: «Черна я, но красива» (1:4), и: «Не смотрите на меня, что я смугла; ибо солнце опалило меня» (1:5). Этот намек на *pigredo* не остался незамеченным алхимиками². Но там же (6:4, 6:5) приводятся и другие, более сильные слова, обращенные к новобрачной: «Прекрасна ты, возлюбленная моя, как Фирца, любезна, как Иерусалим, грозна, как полки со знаменами. Уклони очи твои от меня, потому что они волнуют меня...» (6:10): «Кто эта блистающая, как заря [*quasi aurora consurgens*]³, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами?»⁴ Невеста не только прекрасна и невинна, но подобна ведьме и устрашающа, так же как та сторона Луны, что связана с Гекатой. Подобно ей, Луна — «всевидящее» и «всезнающее» око⁵. Подобно Гекате, она насылает безумие, эпилепсию и другие болезни. Особо ей присуща любовная магия и магия вообще, в которой новолуние, полнолуние и лунная темнота играют огромную роль. Животные, которых связывают с ней — олень, лев и петух⁶ — являются также символами ее мужского партнера в алхимии. Как и у хтонической Персефоны, ее животные, согласно Пифагору, — это собаки⁷, то есть планеты; в алхимии сама луна появляется как «армянская сука»⁸. Зловещая сторона Луны играет значительную роль в классической традиции.

¹ «Vulnerasti cor meum soror mea sponsa. Vulnerasti cor meum in uno oculorum tuorum et in uno crine colli tui». Канонический перевод: «Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста; пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей» (4:9).

² Ср. *Aurora Consurgens*, p. 133.

³ Здесь, что весьма примечательно, источник заглавия этого таинственного трактата обсуждается у *von Franz* в «*Aurora Consurgens*», что дополняет настоящую работу.

⁴ AV mod. ⁵²¹ Более точным переводом было бы «грозная, как множество войска». Древнееврейское *nigalot* современные комментаторы читают как *nirgalot*, множественное число от *Nirgal* или *Nergal*. Нергал являлся вавилонским богом войны и нижнего мира, властелином духов и богом полуденной летней жары. По этому *Vuttkeind* (*Das Hone Lied und seine Beziehungen zum Istarkult*, S. 8) дает перевод «грозная, как планеты». «Очевидно, здесь подразумеваются противоречия в фигуре Иштар... Она милосердная богиня любви и красоты, но она также и воинственная убийца людей» (S. 9). Учитывая его магическую силу, следует уделить особое внимание нижней (хтонической) стороне Нергала как властелина духов. Ср. *Morris Jastrow*. *Die Religion Babiloniens und Assyriens*, I, S. 361, 467. Haller читал «*nirgalot*» (*Das Hone Lied*, S. 40). Еврейские *д* *вр* очень легко спутать.

⁵ *Roscher*. *Lexikon*, II, col. 3138.

⁶ *Ibid.*, col. 3185.

⁷ *Ibid.*

⁸ Сравни: Психология переноса, § 458, н. 4.

Невеста — это темная новая луна (в христианской интерпретации — Церковь в брачных объятиях¹), и этот союз в то же самое время — ранение жениха, Солнца (Sol) или Христа. Гонорий дает следующий комментарий к словам «Ты ранила сердце мое»:

Под сердцем понимается любовь, которая, как утверждают, находится в нем, и сосуд подменяет собой содержимое; метафора эта принадлежит тому любящему, чья любовь к возлюбленной настолько всеобъемлюща, что сердце его ранено этой любовью. Так был ранен своей любовью к Церкви Христос, распятый на кресте²: «Первый раз ты ранила мое сердце, когда бичевали меня за мою любовь, которая могла сделать тебя сестрой моей... Вновь ты ранила мое сердце одним своим взглядом³, когда, вися на кресте, я был ранен любовью, которая могла сделать тебя моею невестой, чтобы ты разделила мою славу»⁴.

Смерть на кресте означает миг затмения и мистической свадьбы, поэтому в Средневековье крест логически понимали как мать. Так, в средневековом английском «Споре между Марией и Крестом» крест именуется «ложным деревом», которое извело плод Марии смертель-

¹ В каббалистической интерпретации она — Израиль, невеста Господа. Так, в «Zohar» говорится: «Когда Бог именуется Единицей? Только в тот час, когда матрона (Мальхут) сочетается с Царем, и «царство будет принадлежать Богу, как сказано». Что подразумевается под царством? Дети Израиля, ибо Царь объединяется с ней, как сказано: «В тот день Бога узнают... как Единицу».

² Августин (Sermones, 120,8) говорит: «Подобно жениху Христос выступает из своих покоев, в предчувствии свадьбы он выходит на пажити мира. Хвадебное ложе его — это крест, и, взойдя на него, он свершает свой брак. И когда он воспринимает дыхание живого существа, то с любовью отдает себя мукам вместо невесты, и привязывает к себе женщину навеки».¹⁵³¹

³ Примечательно, что в Древнем Египте глаз тоже имел отношение к священной браку богов. Первый день осени (то есть начало убывания солнца) отмечен в одной из гелиопольских надписей как «праздник богини Иусат», как «явление сестры, готовящейся соединиться со своим отцом». В тот день богиня Менхит завершает свои труды, чтобы бог Осирис смог войти в левый глаз». Brugsh. Religion und Mythologie der alten Aegypten, S. 286.

⁴ Гонорий, в ранее цитированном месте.¹⁵⁴ Ранение Спасителя любовью — идея, приведшая к некоторым любопытным образам у поздних мистических писателей. Вот что сказано в «Libellus Desideriorum Joannis Amati»: «Я изучил искусство и стал лучником, лук мой — это добрые намерения, а непрестанные желания моей души — стрелы. Милостивая рука Господа удерживает лук, а Святой Дух направляет меня в том, как пускать стрелы прямо в небо. Милостью Божией я могу научиться стрелять лучше и однажды поразить Господа Иисуса». Также см. Angelus Silesius. Samtliche poetische Werke, I, S. 141.

ным ядом. Она жалуется: «Мачехой сына моего я тебя назову». Святой Крест (Sancta Crux) отвечает:

Госпожа, тебе я обязан славой...
Твой плод налился на мне цветом кровавым¹.

Мотив ранения в алхимии восходит к Зосиме (III век) и его видению жертвенной драмы². В точно таком же виде он больше не встречается. В следующий раз мы находим его в «Turba»: «Слеза прольется ради того, кто ранен и предан смерти»³. Слеза приходит с луны, а раненый — это солнце⁴. В трактате Филалета «Introitus apertus ad occlusum Regis palatium»⁵ рана означает укусы бешеного «корасенского» пса⁶, после которого гермафродитное дитя страдает от водобоязни⁷. Дорн в своей «De tenebris contra naturam» связывает ранение и укусы ядовитой змеи с третьей главой Книги Бытия: «Так как змея принесла в мир болезни, и она же нанесла смертельную рану, необходимо отыскать лекарство»⁸.

¹ Morris. Legends of the Holy Rood. (Легенды о святом распятии) p. 197ff.

² Berthelot. Alch. greecs, III, i—vi. Мотив убийства обсуждается в моих «Видениях Зосимы», а жертвенная смерть — в «Символе превращения в мессе». ³ Ruska. Turba, Sermo 58, p. 161 i⁵⁶t

⁴ Ртуть (алхимическая роса) «проникает» в золото, сливаясь с ним.

⁵ Предполагается, что этот трактат написан в 1645 году. Опубликован в Mus. herm., p. 647ff. (Waite, II, 165ff.). Автор, Иреней Филалет, имел также псевдоним «мирный любитель истины»; многие считают (как мне кажется, ошибочно), что под ним скрывается английский алхимик Томас Воган (1621—65). См. Waite. The Works of Thomas Vaughan, p. xiv., и Ferguson. Bibliotheca Chemica, II, p. 194.

⁶ См. ниже.

⁷ Mus. herm., p. 658: «(Вот) Это дитя-гермафродит, который, будучи укушен в своей колыбели бешеным хорасанским псом, впал от этого в безумие и постоянную водобоязнь».⁵⁶ (См. ниже). «Бешеного черного пса изгоняют «водой и ударами», чтобы «рассеялась тьма». Таким образом, понятно, что бешеный пес символизирует et pigredo и, стало быть, опосредованно темную новую луну, затмевающую солнце (Ср. Senior. De chemia, p. 9: «Левугасает, ослабленный псом [плотью]»⁶⁷). «Дитя» же должно соответствовать разгневанному Аттису, хатцфёс. ахоисца 'Рёок; «темному греху Реи», «кого ассирийцы называют трижды желанным Адонисом», сыну-возлюбленному, умирающему молодым (Inno. lunt. Elenchos, V, 9,8). Как рассказывали в Пессинунте, Агдистис (Кибела), мать Аттиса, сама была вначале гермафродитом, но боги кастрировали ее. Она довела Аттиса до безумия, так что он в день своей свадьбы совершил над собой то же самое. Зевс сделал его тело не тленным, что дает нам параллель с incorruptibilitas [нетленностью] алхимического «дитя». Ср. Павсаний. Описание Греции, VII, 17.

⁸ Theatr.chem., I, p. 518J^M>

Поскольку задачей алхимии является искоренение первородного греха и совершить это следует с помощью *balsamum vitae* (эликсира жизни), который есть «подлинная смесь естественного тепла с его природной влагой». «Жизнь мира есть природный свет и небесная сера¹, чье вещество представляет собой эфирную влагу и тепло небесного свода, подобно солнцу и луне»². Сочетание влаги (= луны) и жара (= солнца), таким образом, производит эликсир, «первоначальную и неиспорченную» жизнь мира. В Книге Бытия 3:15 («оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятку») всегда находят прообраз Спасителя. Но поскольку Христос не был запятан грехом, уловки змея не могли его коснуться, хотя, конечно, человечество было им отравлено. В то время как христианин верит, что человек освобожден от греха благодаря искупительному акту Христа, алхимик явно придерживался мнения, что «возвращение к образу первоначальной и неиспорченной природы» человека должно быть еще достигнуто посредством искусства, а это может значить лишь одно: что труды Христа во имя искупления считаются незавершенными. Зная, что порочность, которую не изгнал «князь мира сего»³ продолжает проявляться также свободно, как и раньше, этому мнению нельзя отказать в логике. Для алхимика, декларирующего верность *Ecclesia spiritualis*, естественно, самым важным было сделаться «чистым сосудом» Параклета и таким образом осуществить идею «Христа» на уровне, далеко превосходящим простое подражание ему. Прискорбно видеть, как эта потрясающая мысль снова и снова вязнет в болоте человеческой глупости. Убийственные примеры этого нам предоставляет не только история церкви, но прежде всего сама алхимия, вполне заслуживающая того, чтобы быть осужденной самой собой — что видно из иронического приговора «*In sterquiliniis invenitur*» (это найдено в выгребной яме). Агриппа Неттесхеймский был недалек от истины, полагая, что «химики из всех людей самые упрямые»⁴.

В своей «*Misterium Lunae*», самой полезной книге при изучении истории алхимического символизма, Ранер⁵ упоминает, что «прибывание и убывание» невесты (Луны, Церкви) основано на *kenosis*⁶ новобрачного, в соответствии со словами св. Амброзия⁷:

Луна убывает, дабы заполнить все элементы. Посему это великая тайна. Тайну эту даровал ей тот, кто простирает свое милосердие на всех тварей. Он

¹ *Lux naturae* и *caeleste sulphur* следует считать тождественными.

² *Theatr. chem.*, I, p. 518.¹⁵⁹ ³ Ин. 12:31.

О недостоверности тщете всех наук и искусств, с. 315.⁶⁰¹⁵

Zeitschrift für kath. / Theol. LXIII, p. 431.

Опорожнение. См. ниже. ⁷ Гексамерон, IV, 8, 32
{*Migne*, P.L., vol. 14, col. 204}.⁶¹>

опустошил ее, чтобы заполнить ее, как он опустошил себя, чтобы заполнить все создания. Он опустошил себя, дабы сойти к нам. Он сошел к нам, дабы вновь вознестись... Таким образом, Луна говорит о тайне Христа¹.

Таким образом, в переменчивости луны усматривают параллель с преобразованием предсущего Христа из божественной в человеческую фигуру посредством «опустошения», о чем говорит отрывок из Послания к Филиппийцам (2:6—7), отрывок, вызвавший столько коммента-

¹ Профессор Раннер оказал мне любезность, прислав следующее разъяснение: «Фундаментальная идея теологов всегда состоит в том, что земная судьба Церкви как тела Христова моделируется на судьбе самого Христа. В процессе своей истории Церковь, можно сказать, движется к смерти, что относится и к судьбе каждого ее члена, и к ее судьбе в целом, и так будет до тех пор, пока не настанет последний день, в ней «отпадет необходимость» и она «умрет», как указано в семьдесят первом псалме (стих 7) «доколе не престанет луна». Эти идеи выражаются символикой Луны как Церкви. Так же, как *кенозис* Христа был исполнен со смертью, даже смертью крестной (Фил. 2:8), и то как Бог по смерти превознес Его (2:9), было наградой за то, что Он «принял образ раба» (2:7), так и всю историю Церкви можно сравнить с закатом (смертью) солнца и его новым восходом (славой), даже с параллелью Церковь-Луна. Чем больше Луна приближается к Солнцу, тем больше она темнеет, пока не превратится в новую луну и не «проллет» весь свой свет на Христа, Солнце. (Стоит отметить, в этом месте Августин говорит о необычных рассуждениях манихеев одних «кораблях света», а именно, что корабль Луны изливает свой свет в корабль Солнца, — *Эпистола* 55, iv, 6.) Августин относит это к каждому из христиан, которые вместе составляют Церковь. Замечательный лунный парадокс, заключающийся в том, что чем она ближе к солнцу, тем чернее, является символом христианского аскетизма: «Чем больше внутренний человек приближается к солнцу, тем сильнее разрушается внешний; но внутренний человек обновляется день ото дня» (вариация II Кор. 4:16: «...но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется»). Иначе говоря, христианин умирает подобно Луне и его жизнь «сокрыта со Христом в Боге» (Кол. 3:3). Все это Августин излагает в «Эпистоле 55», v, 8. Далее он соотносит это с Церковью и ее судьбой (Эпистола 55, v, 10): в конце времен она исчезнет во Христе, в солнце: 'donec interficiatur Luna'. Августин переводит здесь слово $\alpha\upsilon\chi\alpha\upsilon\alpha\iota\epsilon\beta\omicron\tau\iota$ (престанет), Пс. 71:7, как «interficiatur»; в своем труде «Ennaratio in Ps. 71» (*Migne. P.L., vol. 36, cols. 907f*) он рассуждает о том, как следует понимать это греческое слово и предлагает переводы «tollatur» (удалена) и «aufegator» (унесена). Догма, подразумеваемая в данных выдержках, заключается в том, что Церковь в своей будущей славе прекратит усилия по спасению, ведь они предназначены только для земной жизни, и что она есть солнце, которое Христос полностью затмил своей славой, поскольку (и это опять-таки странный парадокс) по воскресении плоти она сама становится «полной луной» и, разумеется, «солнцем». «Permanebit cum Sole», она пребудет, «доколе пребудут солнце и луна», как говорится в Пс. 71:5».

риев: «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек»¹. Самые изощренные теологические объяснения не смогли превзойти краткий парадокс св. Илария «Deus homo, immortalis mortuus, aeternus sepultus» («Бог-человек, бессмертный-смертный, вечный-похороненный»)². Согласно Эфраиму Сирийскому, *kenosis* эффект, обратный облегчающему Творению: «Поскольку твари устали нести прообразы его славы, он освободил их от этой ноши, так же как освободил чрево, выносившее его»³.

Обращения св. Амвросия к *kenosis* делает изменение луны причинно зависимым от преобразования новобрачного. Тогда затмение Луны зависит от невесты, Солнца (Sol), и здесь алхимики могли сослаться на темное лицо возлюбленной в Песни Песней (1:4—5). У солнца тоже есть копья и стрелы. Тайный яд, который иным способом истекает из холода и влаги луны, иногда ассоциируется с «холодным драконом», содержащим «летучий огненный дух» и «трепещущее пламя». Так в эмблеме L в «Scrutinium»⁴ ему отведена мужская роль: в могиле он заключает женщину в смертельные объятия. Та же мысль вновь просматривается в эмблеме V, где жаба изображена лежащей на груди вскармливающей ее женщины, чтобы убить ее, когда вырастет⁵. Жаба — это холодное и влажное животное, как и дракон. Она «опустошает» женщину подобно тому, как луна изливает себя в солнце⁶.

4. Алхимия и манихейство

В начале предыдущей главы я упомянул термин «сирота» применительно к ляпису. Здесь мотив неизвестного или отсутствующего отца представляется особо важным. Мани — хорошо известный пример «сына вдовы». Его первоначальное имя звучало как *Κογ>Ρρ1ιο1*; (Кубри-кус); позднее он изменил его на Манес, вавилонское слово, означаю-

¹ Ὅς ἐν μορφῇ θεοῦ ὑπάρχων οὐχ ἀρπαγμὸν ἠγήσατο τὸ εἶναι ἴσα θεῷ ἀλλὰ ἑαυτὸν ἐκένωσεν μορφῇ δούλου λαβών.

² De trinitate. I, 13 (Migne, P.L., vol. 10, col 35). Буквально это звучит так: «Следовательно, как не принадлежат к области рационального ума истины, что Бог сделался человеком, что Бессмертный умер, что Вечный был погребен, точно так же не разум, но всемогущество свершило так, что тот, кто был человеком, был также и Богом, что умерший бессмертен, а вечный погребен».¹⁶²¹

³ Hymni et Sermones (изд. Lamy), II, col. 802.⁶³¹

*Maier. Scrut. chymicum, p. 148.

⁵ Ibid., p. 13, из Tractatulus Aristotelis/Mrt. aurif., I, p. 369. Ср. манихейскую идею луны, изливающей «содержимое души» на солнце.

идее «сосуд»'. Четырнадцатилетним мальчиком он был продан в рабство богатой вдове. Она же, полюбив его, позже усыновила и назначила своим наследником. Вместе с ее богатством он унаследовал «змеиный яд» своей доктрины — четыре книги Схитиана по имени «Будда»² первого учителя своего приемного отца Теребинтоса. Существует легендарная биография этого Схитиана, отождествляющая его с Симоном Магом³; про него также утверждается, что он появился в Иерусалиме во времена апостолов. Схитиан⁴ предложил дуалистическую доктрину, в которой, согласно Епифанию⁵, рассматриваются пары противоположностей: «белое и черное, желтое и зеленое, влажное и сухое, небо и земля, ночь и день, душа и тело, добро и зло, правое и левое». С помощью этих книг Мани состряпал свою пагубную ересь, отравившую народы. Кубрикус (Cubricus) весьма напоминает имена, употребляемые в алхимии: Kybrius⁶, Gabricus⁶, Kibrich⁷, Kybrich, Kjbriч⁸, Kybrig, Kebrick⁹, Alkibric¹⁰, Kjbrit¹¹, Kibrith¹², Gabricius, Gabrius¹³, Thabritius, Thabritus¹⁴, и так далее¹⁵. Арабское слово «kibrit» означает серу.

¹ *Epiphanius*. Panarium, LXVI, 1 (изд. Holl), III, pp. 14f., *Hegemonius*. Acta Archelai (изд. Beeson), LXII; *Socrates Scholasticus*. The Ecclesiastical History, I, 22; *Theodoret*. Haereticarum fabularum compendium, I, 26 (*Migne*. P.G., vol. 83, col. 378).

² Ссылка на буддизм. Манихейская теория метемпсихоза, возможно, восходит к этому источнику. Считают, что Схитиан путешествовал в Индию. Согласно *Судиасу* (*Suidas*), «Lexicon» (изд. Adler, III, p. 318) Схитиан-Мани был ВрахМ.освн<; (брахманом). Ср. также *Cedrenus*. Historiarum compendium, I, 456, (*Migne*. P.G., vol. 121, col. 498).

³ *Cyril of Jerusalem*. *Katechesis*, VI, 21 (*Opera*, изд. Reisch, I, p. 185).

⁴ Panarium. LXVI, 2 (изд. Holl, III, p. 18).

⁵ *Rulandus*. Lexicon, p. 187.

⁶ Art. aurif., 11, p. 246.

⁷ Maria Prophetissa / Art. aurif., I, p. 321.

⁸ Scala philosophorum, ibid., II, p. 116.

⁹ *Reusner* (Pandora, p. 297) интерпретирует это слово как «мышьяк», то есть активный мужской элемент, происходящий от *arpr* или *apriv*.

¹⁰ *Petrus de Silentio*. Opus / *Theatr. chem.*, IV, p. 1114.

¹¹ *Anthonijs de Abbatia*. Epistolae duae, у *Roth-Scholtz*, *Deutsches Theatrum Chemicum*, III, S. 703.

¹² *Pernety*, *Diet, mytho-hermitique*, p. 233.

¹³ Ibid., p. 179.

¹⁴ Visio Arislei / Art. aurif., I, p. 147f.

¹⁵ Что касается имени «Кубрикус» для Мани, то разъяснения на сей счет далеко не недостаточны. Ср. *Shaeder*. Urform und Fortbildungen des manich. Systems, S. 88f, n.

В «Aurora consurgens» «sulphur nigrum» («черная сера») стоит рядом с «vetula» [старушкой], причем первая — синоним духа, а вторая — души. Вместе они образуют пару, для которой допустимо грубое сравнение с чертом и его бабушкой. Это взаимоотношение также фигурирует в «Химической свадьбе» Розенкрейца¹, где черный царь сидит рядом со старой женщиной, скрытой под покрывалом. «Черная сера» — уничижительное имя для активной, мужской субстанции Меркурия и указывает на его темную, мрачную натуру, олицетворяющую зло². Это порочный мавританский царь «Химической свадьбы», который делает царскую дочь своей наложницей (meretrix), в других трактатах³ это «эфиоп», или «египтянин» в «Passio Perpetuae»⁴, который с точки зрения христианина есть дьявол. Он активизируется тьмой материи, umbra Solis (тенью Солнца), которая представляет собою девственно-материнскую первоматерию. Когда в XVI веке доктрина «Increatum»⁵ начала играть в алхимии заметную роль, это привело к дуализму, который можно сравнить с манихейским учением⁶.

В манихейской системе материю (hyle) олицетворяют тьма, жидкость, тело человека и принцип зла. Как утверждает св. Августин, субстанция зла «имеет свою собственную безобразную и бесформенную массу, либо плотную, которую называют землей, либо слабую и разреженную, подобно воздуху; поэтому ее изображают как некий вредоносный дух, выходящий над землей»⁷. Манихейское учение об антропосе разделяет дуализм своего образа Христа с алхимией, поскольку у последней также есть дуалистический спаситель: Христос как спаситель Человека

¹ В пер. Фоксброфта.

² Ср. Дух Меркурий, § 271, 276.

³ Ср. Психология и алхимия, § 484. Также Aurora Consurgens, p. 57: «...тьня смерти, ибо буря одолевает меня; затем эфиопы падут предо мною ниц и враги будут лизать мою землю».¹⁶⁴¹ Ср. Ориген. De oratione, 27, 12 (Migne. P.G. vol. 11 cols. 514f.): «Он, действующий совместно с «драконом», не кто иной, как «эфиоп» духовно, и сам обращается в змея»¹⁶⁵¹ (Alexandrian Christianity, p. 301). Epiphanius, Panarium, XXXVI, 16 (изд. Holl, I, p. 296) говорит об «Aethiopians denigradi peccato» (эфиопах, почерневших от греха).

⁴ Passio SS. Perpetuae et Felicitas (изд. van Beek), p. 26f. Ср. также M.L. von Franz. Passio Perpetuae (в «Айоне»).

⁵ Ср. Парацельс. Philosophia ad Athenianses (Sudhoff, XIII, p. 390L); Дорн, Phisica genesis/Theatr. chem., I, p. 380; Психология и алхимия, § 430ff.

⁶ Ср. «нерожденного отца, нерожденную землю и нерожденный воздух» манихейства (Августин. De Actis cum Felice, I, 18; Migne. PL., vol. 42, col. 532), о которых упоминают Bardesanes и Marinus (Буссе. Hauptprobleme der Gnosis, S. 97), а также Гермоген: «Бог создал все вещи из сосуществующей и нерожденной материи». ^ (Hippolitus. Elenchos. VIII, 17, 1).

⁷ Confessions, V, 10, p. 75.

(микрокосма) и lapis philosophorum как спаситель макрокосма. Доктрина манихеев изображает, с одной стороны, Христа, неспособного стра-АаТb(impatibilis) и пекущегося олушах, а с другой — Христа, способного на страдание (patibilis)¹, чья роль несколько напоминает роль spiritus vegetativus, или Меркурия². Дух заточен в теле князя тьмы, но ангелоподобные существа, обитающие на луне и солнце, освобождают его следующим образом: попеременно принимая мужскую и женскую личину, они возбуждают грешные желания, заставляют их выступать в виде пота, вызванного страхом, выпадать на землю и опылять растения³. Таким способом небесное легкое вещество высвобождается из темных тел и переходит в растительную форму⁴.

Воспламененное желание находит свою аналогию в алхимическом постепенном нагревании веществ, обладающих тайной. Здесь символ капель пота играет важную роль, как показано на иллюстрациях⁵. Точно также, как для манихеев пот архонтов обозначает дождь⁶,

¹ *Августин*. Ответ Фаусту, XX, 2, с. 253.

² *Walch*. Entwurf einer vollständigen Historie der Ketzereien, I. S. 753.

³ *Августин*. Природа Бога, 44, с. 344.

⁴ Ср. «*Фауст*» II, сцена смерти Фауста. Мефистофель обращается к ангелам:

Вы духами нас падшими зовете, Меж тем
гораздо больше есть причин, Как
колдунов, винить вас в привороте,
Прельщающем и женщин, и мужчин! Я,
кажется, влюбился, что за притча!

(Фауст, ч. II [Пер. Б.Пастернака])

⁵ *Майер*. *Scrut. chymicum*, p. 82ff. *Laurentis Ventura*. De ratione conficiendi Lapidis/Theatr. chem., II, p. 293: «Камень... начинает выделять влагу из-за тесноты своей тюрьмы».¹⁶⁷

⁶ *Hegemonius*. Acta Archelai, IX: «Владыка истекает потом от своего горя, и пот его — дождь». ¹⁶⁸*Christensen* (Les Types du premier Homme et du premier Roi dans l'histoire legendaire des iraniens, p. 16), приводит легенду о том, что Ормузд (Ахурмазда) создал сверкающего юношу из пота и что первые люди были сотворены из пота Имира (p. 35). Ормузд истекал потом из-за своих «полных сомнения мыслей» (ср. мой «Ответ Иову», § 579); из этих мыслей родился Ариман, а из его пота — Гайомарт. В Древнем Египте боги времен года производили урожай потом рук Осириса (*Budge*, *Coptic Apocrypha in the Dialect of Upper Egypt*, Intro., p. lxviii.). *Дорн* (*Congeries Paracelsicae/Theatr. chem.*, I, p. 584) говорит о ляписе весьма примечательно: «На последних стадиях...темная, красная как кровь, жидкость истечет из его материи и сосуда; поэтому они предсказывают, что в последние дни придет на землю самый чистый человек, через кого наступит освобождение мира; так мир будет спасен от падения».¹⁶⁹ Ср. мое «Философское древо», § 383 ел.

такдля алхимиков пот символизирует росу¹. В этой связи следует упомянуть странную легенду, изложенную в «Acta archelai» и рассказывающую об инструменте, который «сын живого Отца» изобрел, чтобы спасти человеческие души. Он сконструировал огромное колесо с двенадцатью ковшами, которые, вращаясь, черпали души из глубины и помещали их на лунный корабль². В алхимии rota является символом opus circulatorium. Как и алхимики, манихеи имели «воительницу», муже-деву Йоиль³, от которой Ева получила некоторое количество легкого вещества⁴. Ее отношение к князю тьмы соответствует тому двойнику Меркурия, который, подобно ей, освобождает тайну, скрытую в материи, «светильник светильников», filius philosophorum. Я не рискну делать выводы, какие и сколько из этих параллелей следует приписать непосредственно манихейской традиции, какие — ее непрямому влиянию, а какие считать возродившимися спонтанно.

Ко всем этим рассуждениям нас привело обозначение ляписа как «сироты», которое Дорн явно не зря упоминает при обсуждении вопроса единства противоположностей. Представленный нами материал показывает, что архетипическая драма смерти и возрождения скрыта в coniunctio и что с незапамятных времен древнейшие человеческие эмоции бурлят, сталкиваясь с этой проблемой. Нравственная задача алхимии — привести раздираемую страстями женскую, материнскую основу мужской психики в гармонию с принципом духа — труд, воистину достойный Геркулеса! Вот слова Дорна:

Посему научись, о Душа, обращать сопереживающую любовь к своему собственному телу, сдерживая его суетные желания, дабы оно могло во всех отношениях отвечать своему назначению вместе с тобой. Ради

¹ «И Марк сказал: Они начинают в купелях, символизируя их мягкий и влажный жар, где камень, растворяясь, истекает потом»¹⁷⁰¹ (Consilium coniugii / Ars chemica, p. 167). Данная цитата взята из комментария к Сениору (De chemia, P- 79). В Epistola ad Hermannum / Theatr. chem., V, p. 894, говорится: «Затем берется самое совершенное тело и прилагается к огню философов; затем... это тело увлажняется и испускает после разложения и умерщвления некий вид кровавого пота, то есть Небесную Росу, которую называют Меркурием философов, или aqua raptans». ¹⁷¹ Ср. с Творцом, создавшим первого человека из пота, который упоминается в связи с купелью, заполненной потом (*Eliade. Shamanism*, P-334п.).

² Текст приведен в «Психологии и алхимии», § 469, прим. 110.

³ Параллель с Барбело.

«В глазах мужчины это была миловидная женщина, но в глазах женщины — прекрасный и желанный юноша» (Acta Archelai, IX).¹⁷²¹

этого я буду трудиться, чтобы оно смогло испить с тобой из источника силы¹, и тогда двое станут одним, чтобы ты нашла мир в этом единении. Приблизься, о Тело, к этому источнику, дабы вместе со своей душой насытиться и более не жаждать суеты. О, чудесная сила источника, творящая из двух одно и примиряющая врагов! Источник любви может отделить разум от духа и души, но он же творит *цельного человека* из души и тела².

¹ «Est hominum virtus fides vera» (сила человека — в истинной вере). *Дорн. Speculative philosophia / Theatr. chem., I, p. 298.* ² *Ibid.*, p. 229.

II. Парадоксы

1. Арканная субстанция и цель

Огромная роль, которую противоположности и их единство играют в алхимии, помогают нам понять, почему алхимики так любили парадоксы. Чтобы добиться этого единства, они пытались не только мысленно представить противоположности вместе, но и выразить их одновременно¹. Характерно, что группы парадоксов наиболее тесно связаны с арканной субстанцией, которая, как считается, содержит отдельные противоположности как первоматерия и соединяет их как философский камень (*lapis philosophorum*)². Таким образом, *lapis*, с одной стороны, называется простым, дешевым, незрелым, непостоянным, а с другой стороны — драгоценным, совершенным и прочным; либо о первоматерии говорят, что она простая и благородная³, либо драгоценная и *parvi*

¹Ср. *Bonus. Pretiosa margarita. novella / Theatr. chem., V, p. 660f*: «Старые философы утверждали, что камень этот по его рождению и сублимации... иносказательно можно сравнить... со всеми вещами, существующими в мире телесно или мысленно. Вот почему все, что они могли бы сказать и заявить о добродетелях и пороках, о небесах и всех вещах — телесных и бестелесных, о сотворении мира... и обо всех стихиях...и о тленных и нетленных, видимых и невидимых вещах, духе, душе и теле...о жизни и смерти, добре и зле, истине и лжи, единстве и множественности, бедности и богатстве, о летающем и нелетающем, о войне и мире, победителях и побежденных, о труде и покое, сне и бодрствовании, мужском и женском началах, силе и слабости, белом, красном и всех остальных цветах, об адской пропасти и ее тьме, сернистом огне, о рае и его величии, его свете и красоте, и о его непревзойденной славе — короче говоря, обо всех вещах, существующих и несуществующих, высказанных и невысказанных, все то же самое они могут сказать и об этом почитаемом камне».¹

²Под «ляписом» подразумевается как исходный материал, первичная материя, так и конечный продукт работы, ляпис в строгом понимании.

Filius (сына) также называют «*vilis et сапог*» (дешевым и дорогим): *Consilium coniugii / Ars chemica, p. 150. Ср. Senior. De chemia, p. 11.*

momenti (малозначащая). Материю видят все, весь мир видит ее, касается ее, но все же никто не знает ее¹. «Этот камень потому не является камнем², — говорится в «Turba», — что он дорогой и дешевый, темный, скрытый, и известный каждому, носит одновременно одно имя и множество имен»³. Камень — «тысячеименный», подобно богам тайных религий, а арканная субстанция есть «Одно и Все» (ev to ituv). В трактате Комария, где «философ Комарий учит философии Клеопатру», говорится: «Своим искусством он доказывает единство целого»⁴. Пелагий спрашивает: «Зачем говоришь ты о множественной материи? У естественных вещей одна сущность, и все охватывает одна природа»⁵.

Последующие парадоксы: «Я — черный из белого, и красный из белого, и желтый из красного»⁶, или «Принцип искусства — ворон, летающий без крыльев во тьме ночи и при свете дня»⁷. Камень «холоден и влажен в своем открытом виде, но скрытые его свойства — жар и сухость»⁸ «В свинце — мертвая жизнь»⁹, или «Горит в воде и тонет в огне»¹⁰. В «Allegoriae sapientum» говорится о двух фигурах, одна из которых «белая и лишенная тени, а другая красная и лишенная красноты»¹¹. Цитата из «Сократа» гласит: «Ищи холод луны и найдешь жар солнца»¹². Одеянии говорится, что оно «бежит без бега, движется без движения»¹³. «Воздействуй на ртуть ртутью»¹⁴. Корни философского древа — в воздухе¹⁵ (возможно, отсылка к древу Сефирот). То, что парадокс и противоречие являются основными для любого деяния, показано в «Химической свадьбе»: над лавным порталом замка написаны два слова «Congraturator, Condoleo» [«Поздравляем, Сострадаем»]¹⁶.

¹ Tractatus aureus / Mus. herm., p. 10 (Waite, I, p. 13).

² Ср. с «телом, не являющимся телом» в Rosinus ad Euthicium / Art. aurif., I, p. 49.

³ Sermo XIII, Ruska, p. 122Я

⁴ Berthelot. Alch. grecs, IV, xx, 3. (MS. 2252, Bibl. Nat., Paris).

⁵ Ibid., IV, i, 7J³i

⁶ Ros. phil. / Art. aurif., II, p. 258.

⁷ Tractatus aureus / Ars chemica, p. 12.

⁸ Ros. phil. / Art. aurif., II, 259.

⁹ Mylius. Phil ref., p. 269.

¹⁰ Ros. phil., p. 269.

¹¹ Theatr. chem., V, p. 67.

¹² Ibid., p. 87.

¹³ Tractatus Aristotelis / Theatr. chem., V, p. 886J⁴¹

¹⁴ Khunrath. Von hylealischen Chaos, S, 224, и др.¹⁵¹

¹⁵ Gloria mundi / Mus. herm., p. 270 (Waite, I, p. 218).

¹⁶ Пер. Фокскрофта (Foxcroft), p. 30.

Парадоксальные свойства Меркурия уже обсуждались в специальном исследовании¹. Поскольку Меркурий — основное имя арканной субстанции, он заслуживает упоминания здесь как парадокс *par excellence* [по преимуществу (фр.)]. То, что говорится о нем, с очевидностью верно и для ляписа, который просто служит синонимом для «тысячеименной» арканной субстанции. Как упоминает «Tractatus aureus de Lapide»: «У нашей материи столько же имен, сколько в мире вещей»². Арканная субстанция также является синонимом Монады и Сына человеческого, упоминаемого Ипполитом:

Моноймос.полагает, что есть такой Человек, которого поэт назвал Океаном, когда произнес: «Океан, породивший богов и людей»³. Перефразируя эти слова, он говорит, что Человек есть все, первопричина вселенной, нерожденный, нетленный, вечный, и что есть Сын вышеназванного Человека, который был рожден и подвержен страданию и чье рождение произошло вне времени, не по воле и не по предопределению...⁴ Человек есть одиночная Монада, простая и неделимая, но сложная и делимая, любящий и находящийся со всеми в мире и в то же время непримиримый и находящийся со всеми в состоянии войны; непохожий и похожий на самого себя, представляющий собой музыкальную гармонию, которая наполняет все вещи... проявляющий все вещи и порождающий их. Он сам себе мать и сам себе отец, он есть два бессмертных имени. Эмблема цельного человека (ΤΕΛΕΙΟΥ ΑΝΡΩΠΟΥ), утверждает Моноймос — это йота, или мельчайшая частица⁵. Частица эта — несложная, простая, однородная Монада, составленная из ничего, однако состоящая из многих форм, из многих частей. Эта единичная, неделимая йота — многоликая, тысячеглазая и тысячеименная йота из йот. Она — эмблема совершенного и незримого Человека. Сын человеческий — одна йота, одна йота, начинающая расти, наполняться и заполняющая собой все вещи, содержащая в себе все, что есть в Человеке, отце Сына человеческого⁶.

¹ Дух Меркурий, § 255 ел. ²Mus.herm., p. 10(Waite, I, p. 13).¹⁶

³ Парафраз «Илиады», XIV, 201 и 246: «Я отхожу далеко, к пределам земли многодарной, Видеть бессмертных Отца Океана и Матерь Тефису... усыплю я и самые волны Древней реки Океана, от коего все родилось» [Пер. Н.И. Гнедича].

⁴ Elenchos VIII, 12,2ff. (Ср. пер. *Legge*. *Philosophumena*, II, p. 107).

⁵ Йота, мельчайшая из греческих букв, соответствует нашей «точке» (которая не существовала у греков). Ср. Лк. 16:17: «Но скорее небо и земля прейдут, нежели одна черта из закона пропадет».¹⁷¹

⁶ Elenchos VIII, 12, 5ff (*Legge*. II, p. 107f.). Все это — гностический парафраз первой главы Евангелия от Иоанна и в то же время выразительное описание психологической самости. В еврейской традиции Адам означает не букву, а только небольшой крючок наверху буквы Йод(S). (Shaare Kedusha, III, 1; приводится в *Encycl. Judaica*, s.v. «Adam Kadmon»).

Похоже, алхимики должны были представлять свой ляпис или первичную материю подобным образом. В любом случае, они были способны превзойти парадоксы Моноймоса. Например, о Меркурии они говорили: «Этот дух произошел из морского вещества¹ и поэтому именуется влажным, сухим и огненным»², что согласуется с призывом к Гермесу в магическом папирусе, озаглавленном «Тайна надписи», где к Гермесу обращаются как к «водно-огненному-холодному духу» (υδροπυρίνου πυρρον ψευδα)³.

Тайна наименьшего письменного знака, точки, также известна алхимии. Точка — символ тайного творящего центра природы. Автор «Novum lumen»⁴ предостерегает своего читателя:

Но ты, дорогой читатель, должен подняться над всем, чтобы рассмотреть точку в природе... и тебе больше ничего не понадобится, но будь внимателен, чтобы не увидеть точку в простых металлах, где ее нет. Ибо эти металлы, особенно простое золото, мертвы. Но наши металлы живы, они обладают духом, и лишь ими ты можешь воспользоваться. Поэтому знай, что огонь есть жизнь металлов.

Точка идентична первоматерии металлов, которая есть «жирная вода» (aqua pinguis), производящая влагу и жар.

Вот как рассуждает Джон Ди (1527—1607): «Небезосновательно будет предположить, что тайна четырех стихий обозначается четырьмя прямыми линиями, исходящими из одной точки и направленными в противоположные стороны». Согласно ему, четверица состоит из четырех лучей, сходящихся под прямым углом (из двух прямых, пересекающихся под прямым углом). «Вещи и существа берут свое начало в точке и монаде»⁵. Центр природы — «точка, сотворенная Богом»⁶ «солнечная точка» в яйце⁷. Ведь как сказано в «Turba» — «начало яйца — в

¹ *Pernety (D)ci. mytho-hermetique*, p. 293, s.v. «тег») говорит о «море» алхимиков: «Их море находится повсюду, и мудрецы плывут по нему в тишине, не нарушая ее ветрами или бурями. Море это вообще является четырьмя стихиями, а в частности — их (мудрецов) Меркурием». Ср.: Психология и алхимия, § 57, прим. 1, и § 265. О «человеке из моря» см. во второй (апокрифической) Книге Ездры, 11 и 13, пятое и шестое видения.

² *Mylius. VM. ref.*, p. 192J⁸

³ Pap. IV, строка 1115 сл. *Preisendanz, Papiri Graecae Magicae*, I, p. 110.

⁴ *Mus. herm.*, p. 559 (Waite, II, p. 89).

⁵ *Monas hieroglyphica / Theatr. chem.*, II, p. 218J⁹

⁶ *Mus. herm.*, p. 59.

⁷ *Consilium coniugii / Ars chemica*, p. 95, 125: «Punctus Solis in medio rubeus» (солнечная точка в середине желтка). Желток соответствует огню. «В середине желтка» находится *quintum elementum* (пятый элемент), квинтэссенция, из которой и развивается цыпленок. Ср. *Mylius. Phil. ref.*, p. 145.

желтке»¹. Из этой маленькой точки, говорит Дорн в своем «Physica Genesis», мудрость Божия творящим Словом создала «огромную машину» мира². «Consilium coniugii» отмечает, что точка — это цыпленок (pullus)³. Милиус добавляет, что это птица Гермеса⁴, или дух Меркурий. Тот же автор помещает душу в «непроглядную тьму сердца» вместе с духом, которого он сравнивает с ангелом, что «проникает в душу именно здесь» (т.е. в матке)⁵. Парацельс утверждает, что «anima iliastri» обитает в огне сердца, она «неспособна страдать», тогда как «anima sagastris» может страдать и располагается в воде перикарда⁶. Так же как земля соответствует треугольнику, а вода — линии, так огонь соответствует точке⁷. Демокрит подчеркивает, что огонь состоит из «огненных частиц»⁸.

¹ «Солнечная точка — это зародыш яйца, который находится в желтке, и этот зародыш побуждается к развитию (приводится в движение) теплом курицы». ¹⁰¹ Codex Berolinensis Latinus 532, fol. 154v. *Ruska. Turba*, p. 94.

² *Theatr. chem.*, I, p. 382: «О чудотворная мудрость, чье одно только слово смогло вызвать к жизни каждую частицу той гигантской тяжелой массы, той огромной машины, что создана творением». ¹⁰¹

³ *Ars chemica*, p. 95.

**Mylus. Phil. ref.*, p. 131.

⁶ P. 21. Здесь Милиус упоминает «злодеяние духа» из анонимного трактата (*Liber de arte chymica incerti authoris / Art. aurif.*, I, p. 613f.). Злодеяние духа состояло в том, что он вызвал грехопадение души, обращаясь к ней, он произносит: «Я приведу тебя к вечной смерти, к аду и владениям тьмы». Душа отвечает ему: «Мой дух, почему ты не вернешь меня к тому источнику, откуда, пустив в дело лезть, ты унес меня? Я полагаю, что необходимость связывает тебя со мной. Но я твой друг и приведу тебя к вечной славе». ¹²¹ «Конечно, я желал бы того, но увы, вынужден уйти, однако я поставлю тебя превыше всех драгоценных камней и сделаю тебя благословенной. Посему я молю тебя, когда воссядешь на трон своего царства, не забывай обо мне». ¹³¹ Это явная ссылка на Лк. 23:42: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» Поэтому душа, как lapis pretiosissimus, означает Спасителя. Дух, напротив, играет роль гностического *Naasa*, змея, который привел наших прародителей к грехопадению. В тексте даже сказано об этом: «Но если сей дух пребудет с душой и телом, то это вызовет бесконечное тление (порчу)». ¹⁴¹ Об этом примечательном аспекте духа см. мою «Феноменологию духа в волшебной сказке», разд. 3, и «Дух Меркурий», § 264 сл., а также комментарии *Аниелы Жаф-фе* (Aniela Jaffe) к «фосфору» в: «Bilderund Symbole aus E. T. A. Hoffmans Marchen «Der Goldene Topf»». (Образы и символы сказки Гофмана «Золотой горшок»). Здесь дух, очевидно, выступает как «люциферианский» (светоносный) principum individuationis.

⁶ Ср. с моим трудом: Парацельс как духовное явление, § 201.

⁷ *Steeb. Coeium Sefhiroticum*, p. 19.

^b Ср. *Aristoteles. De anima*, I, 2.

Свет также имеет шаровидную форму, отсюда обозначение «солнечная точка». Эта точка, с одной стороны, находится в сердцевине мира; «соль великой фабрики всего мира», как назвал ее Кунрат (соль = , Премудрость). Однако она «не только соединяет, но и разрушает все, г бренные вещи». Следовательно, «мировое яйцо есть древний Сатурн... j самое тайное учение мудрецов» и «бисексуальный Философский Че- ' ловек философов, Всеобъемлющий Андрогин софистов», Ребис и т.д.' Круг есть самая совершенная фигура, ибо создан по образцу точки. Солнце круглое и поэтому огненное, поскольку состоит из «огненных частиц» Демокрита. Бог окружил себя светящейся сферой. «Бог есть разумная сфера, чей центр везде, а границы нигде»². Точка символизирует свет и огонь, а также божественное, поскольку свет — «образ Божий» или же «воплощение Божества». Этот сферический свет, созданный по образцу точки, является также «сиянием или телом, проливающим свет» и пребывает в человеческом сердце. Свет природы — «коренная влага» (*humidium radicale*), которая подобна «бальзаму» и царит в сердце, как солнце в макрокосме и, следовательно, как Бог в «наднебесном мире». Так, Стиб описывает *Sevheroq Geoq*, «второго Бога» в человеке³. Тот же автор производит золото от росы, или небесного бальзама, падающего на землю. Здесь он, по всей вероятности, обращается к старому определению Майера⁴, в котором утверждается, что солнце создает золото в земле. Отсюда золото, как говорит Майер, приобретает «простоту», подобную простоте неделимой точки и символа вечности — круга. Золото имеет «круглую форму»⁰. «Это — линия, которая возвращается к своему началу, подобно змее, кусающей собственный хвост, туда, где можно в истинном свете увидеть высшего и вечного художника и гончара — Бога»⁶. Золото- — это «дважды рассеченный круг», то есть круг, разделенный на четыре квадранта и потому четверичный, причем природа этого деления такова, «что противоположности можно соединить противоположностями»⁷. Поэтому, продолжает автор, золото можно сравнить со «святым градом», Иерусалимом⁸ (ср. Откровение, 21:10). Это «золотой замок,

¹ Von Hylealischen Chaos, p. 194ff.

² Ср. *св. Бонаventura. Itinerarium*, 5, p. 60.¹¹⁵

³ *Coel. Sephir.*, p. 19, 33, 35ff, 117.

⁴ *De circulo quadrato*, p. 29.

⁵ *Ibid.*, p. 15.

«*Ibid.* p. 16.

⁷ *Ibid.*, p. 41.

⁸ «И поэтому он выражает идею небесного Иерусалима», с. 38. Ср. с небесным Иерусалимом как «невестой» в *Aurora Consurgens*, p. 53f., и *КаКdomus thesauraria* (домом сокровищ) *Sapientia Dei*, p. 101ff.

опоясанный тройной стеной»¹, «видимый образ вечности»². «Хотя золото немое и мы не слышим звучания его голоса, но самим своим существом оно провозглашает бытие Бога и свидетельствует о нем». И так же, как Бог единосущ, так и золото есть «однородная единая субстанция»³. Для Дорна единство Бога⁴, «единичность» — это центр «троичности», что соответствует построенной около центра окружности⁵. Точка как центр четверицы элементов — это место, где Меркурий «вываривается и совершенствуется»⁶.

2. Искра (Scintilla)

Точка идентична $\sigma\pi\iota\nu\theta\acute{\eta}\rho$ ⁷, искре, маленькой «искре-душе» Мейстера Экхарта⁸. Мы обнаруживаем ее уже в учении Сатурнина⁹. Будучи, подобно Гераклиту, «физиком», он, как считают, представлял душу в качестве «искры звездного существа»¹⁰. Ипполит утверждает, что в учении сетийцевъема «держите рабстве свет и его искру», и что эта «наименьшая из искр» смешалась в конце концов с темны-

¹¹⁶¹ Ср. с символизмом антропоса в Codex Brucianus: Психология и алхимия, §138 ел.

² De circulo quadrato, p. 42f.¹⁷¹

³ Ibid., p. 45f.1⁸¹

*Нелкин (Nelken) сообщает (Analytische Beobachtungen fiber Phantasien eines Schizophrenen, p. 536) о душевнобольном пациенте с гностическими галлюцинациями, который утверждал, что Бог-Отец усох до малой точки из-за постоянного распространения его семени. К этому его побуждает «космическая блудница», родившаяся из его крови, смешавшейся с тьмой. Это патологическая версия «vir a foemina circumdatus» (жена спасет мужа: Иер. 31:22).

⁵ Congeries Paracelsicae / Theatr. chem., I, p. 545ff. Дорн — противник этой четверицы. Ср. Психология и религия, § 104 и прим. 47.

⁶ Анонимная схолия к Tractatus aureus / Theatr. chem., IV, p. 691.

⁷ Буссе (Bousset. Hauptprobleme der Gnosis, S. 321) говорит: «Гностики верили в то, что человеческие существа, или, по меньшей мере, некоторые человеческие существа, несут в себе изначально высший элемент ($\sigma\pi\iota\nu\theta\acute{\eta}\rho$), происходящий из мира света и позволяющий им подняться над миром Семи в высший мир света, где пребывают незнанный Отец и небесная Мать».

⁸ Meerpohl. Meister Eckhardts Lehre vom Seelenfiinklein.

⁹ Irenaeus. Adv. haer., I, 24. Pneumatikoi несет в себе маленькую частицу Плеромы (II, 19). Ср. учение Сатурнейлуса у Ипполита: Elenchos. VII, 28, 3 (k?gge, II, p. 80f.).

Macrobius. In somnium Scipionis, cap. xiv, 19. ¹

Elenchos, V, 19, 7 (Legge, I, p. 162)¹⁹¹

ми водами¹ внизу². Симон Маг³ тоже учит нас, что в сперме и молоке есть очень маленькая искорка, которая «растет и становится силой⁴, постоянной и беспредельной»⁵.

Догмат искры существует и в алхимии. В первую очередь это огненный центр земли, где четыре стихии «в непрерывном движении разбрасывают свои семена». Все вещи берут начало в сем источнике, и ничто, рожденное в этом мире, не может избежать этого»⁶. В центре обитает Архей, «слуга природы», кого Парацельс также называет Вулканом, идентифицируя его с Адехом, «великим человеком». То, что Архей, творческий центр земли, является гермафродитом (подобно Прачеловеку), становится ясно из эпилога к «Novum lumen» Сендивигия: «Когда человек освещен светом природы, с его глаз спадает пелена, и он без труда может созерцать источник притягательной для нас силы, согласующийся с обоими излучающими центрами — солнцем и землей». Это таинственное изречение можно прояснить на следующем примере: если посадить рядом одинаково одетых двадцатилетних юношу и девушку, то различить их будет невозможно. Но стоит им снять одежду⁷, как разница станет очевидной⁸. Соответственно центр представляет собой сочетание мужского и женского начал. Подтверждение этому можно найти в тексте Авраама Элеазара⁹, где описывается жалоба арканной субстанции в состоянии nigredo:

Хама (Cham)¹⁰, египтянина, должна я миновать... Ной должен омьть меня... в глубочайшем из морей, чтобы моя чернота исчезла... От той черноты, что

¹ Эта идея встречается в алхимии в различных вариантах. Ср. *Maier. Symb. aur. mensae*, p. 380, и *Scrut. chymicum, Emblema XXXI*, p. 91: «Царь, плавающий в море, громко восклицает: «Всякий, кто спасет меня, получит награду».¹²⁰¹ Аналогично в *Aurora Consurgens*, p. 57: «Кто тот человек живущий, знающий и понимающий, который избавит мою душу от адского плена?»¹²¹ и начало гл. 8.

² *Elenchos. V*, 21, 1.

³ Ср. Символ превращения в мессе, § 359.

⁴ Ср. Айон, § 344, прим. 147 с *Frances G. Wickes. The inner World of Man*, p. 245.

⁵ *Elenchos*, VI, 17, 7.

⁶ Von den dreyen ersten Principiis oder essentiis, ch. IX. (*Sudhoff*, III, p. 11). Ср. Парацельс как врач, § 39, прим. 56; «Парацельс как духовное явление», § 168, 209, 226.

⁷ Мотив снятия покровов восходит к Песни Песней, 5:7: «...сняли с меня покрывало стерегущие стень», и 5:3: «Я скинула хитон мой; как же мне опять надевать его?» Снятие покровов символизирует извлечение души.

⁸ *Mus. herm.*, p. 579 (*Waite*, II, p. 106).

⁹ Я подробно обсуждаю этот текст в гл. V

¹⁰ «Cham» (Хам) означает черноту; «египтянин» — то же, что «эффиоп» (*von Franz. Passio Perpetuae*, p. 464ff).

окутывает меня, должны очистить меня горечь и несчастья, чтобы я стала белой, чтобы... мое сердце могло сверкать подобно карбункулу, и старый Адам вновь появился бы из меня. О! Адам Кадмон, сколь прекрасно искусство твое!... Подобно Кедару, черна я теперь, ах! Как долго! О, приди, мой Месех¹, и разоблачи меня, чтобы стала видна моя внутренняя красота... О, Суламита, исстрадавшаяся душой и телом, страж великого города отыщет тебя и ранит, и лишит тебя твоих одеяний, и сорвет с тебя покрывало. Кто тогда выведет меня из Эдома, из твоих прочных стен?... Но я снова стану счастливой, если избавлюсь от моего проклятия — яда, и скрытое во мне семя и первоначало откроется миру... Ибо отец его — солнце, а мать — луна².

Из этого текста становится ясно, что «скрытая» вещь, невидимый центр — это Адам Кадмон, Первочеловек еврейского гнозиса. Он страдает, «заключенный» во тьму³, которую олицетворяет черная Суламифь Песни Песней. Он есть результат конъюнкции солнца и луны.

Искры часто проявляются в виде «золота и серебра» и в бесчисленных формах встречаются в земле⁴. Их также называют «*oculi piscium*»

¹ *Mesex* означает «смешанное питье».

² *Urales Chymisches Werck*, II, p. 51f. Предположительно, это книга Авраама Иудея, сыгравшая огромную роль в жизни Николая Фламелья.

³ А MS (*Incipit: Figuratum aegyptiorum*, XVIII в., в моей собственности), дает иную версию этого мотива: «Это человек, который ни в чем не может быть полезен, которого невозможно удержать под стражей, ибо он бежит из любой тюрьмы и, более того, он облегчает любое наказание; но тем не менее отыскался простой, скромный и чистосердечный человек, хорошо понявший его природу, который по совету сорвать с него все одеяния и оставить нагим».¹²²¹ Согласно тексту (fol. 21r), раздевание означает гниение (разложение). Ср. *Trevisanus*, *Theatr. chem.*, I, p. 799ff. О тюрьме см. *Aurora Consurgens* I, Parable 3: «Врат медных, решеток железных Вавилонского плена». Подобно этому, в *Carmina Heliodori* (*Goldschmidt*, p. 55), *nigredo* называется «стенной, подобной черноте из мрака или «мантии уничтожения» (p. 56). Это восходит к древней идеосуща/ст)ца(тело/знак). Ср. *Corpus Hermeticum* (ed. *Scott*, I, p. 172f.): «Но прежде всего ты должен сорвать одежду, которую носишь — этот покров тьмы, эту паутину невежества, эту [опору] зла, эти оковы тления — эту воплощенную смерть, этот чувствующий труп, эту могилу, которую ты носишь с собой». *Nigredo* также представляют «одеянием тьмы». Ср. *Aurora Consurgens*, p. 59: «Он не осмеет мою одежду» и притчу из «*Aureum Saeculum Redivivum*» *Мадатануса* — *Mus. herm.*, p. 61 (*Waite*, I, p. 58): «Ее одежды, протухшие, дурно пахнущие, тлетворные, лежали у ее ног, куда она сбросила их; и наконец она воскликнула: «Я скинула хитон мой; как же мне опять надевать его?»»¹²³ (Ср. песн. 5:3).

⁴ *Mylius*. *Phil. ref.*, p. 149. Также *Morienus*. *De transmut. metallica / Art. aurif.*, II, p. 45.

(рыбьими глазами)¹. Рыбьи глаза часто упоминаются в различных трудах, возможно, впервые у Мориениуса Римского², в «Tractatus Aristotelis»³ и позже у многих других⁴. У Манже есть символ, приписываемый «философу Малу»⁵, который повествует о глазах, что видны в звездах, облаках, воде и на земле. Заглавие таково: «Этот камень — под тобой, близ тебя, над тобой и вокруг тебя»⁶. Глаза указывают, что ляпис находится в процессе эволюции и произрастает из этих вездесущих глаз⁷. Рипли замечает, что после того, как «море высохнет», останется субстанция, «сияющая подобно рыбьему глазу»⁸. Согласно Дорну, этот сияющий глаз — солнце⁹ посылающее «средоточие своего взора» в сердце человека, как бы открывая тайну своего тепла и света. Рыбий глаз всегда открыт, подобно Божьему оку¹⁰. Подобные взгляды должны встречаться и у алхимиков, о чем свидетельствует тот факт, что Иреней Оранд¹¹ предпосылает своему изданию Николя Фламелья¹² слова пророка Захарии (4:10): «Ибо кто может считать день сей маловажным, когда радостно смотрят на строительный отвес [lapidem stanneum] в руке Зоровавеля те семь, — это очи Господа, которые объемлют взором всю землю?» Здесь также уместны и предшествующие слова (3:9): «...на этом одном камне — семь очей». Можно вспомнить и Фирмикуса Матернуса, который говорит¹³: «Символом одного языческого таинства является beo<; ex яётрос<;...[богиз

¹ Morienus, ibid., p. 32 и Lagneus. Harmonia chemica/ Theatr. chem., IV, p. 870.

² Art. aurif., II, p. 32. Это пузырьки пара, поднимающиеся вверх в растворе.

³ Theatr. chem., V, p. 884: «До тех пор, пока земля сверкает, подобно глазам рыбьим»¹²⁴.

⁴251 Aquariumsapientuni/Mus.herm., p. 91 (Waite, I, p. 83): «В начале подобны красным зернам, а когда они ступаются — рыбьим пназаМ»²⁶ Af{/ius. Phil, ref., p. 193. Также Penotus.RegulaeetCanones/ Theatr. chem., 11, pp. 153f. «Когда они сверкают в нем, подобно рыбьим глазам»¹²⁷. Ventura. De ratione confic. lap. / Theatr. chem., II, p. 333.

⁵ Bibliotheca chemica, II, Tab. IX, Fig. 4. Мал, предположительно Маг, упоминается у Ruska (в «Turba») как арабский автор. Ср. Дух Меркурий, § 287.

⁶ Свободная версия Rosinus ad Sarrat. / Art. aurif., I, p. 310.¹²⁸

⁷ Очевидно, Дорн (Congeries Paracesicae / Theatr. chem., I, p. 607) имеет в виду то же самое, когда говорит о Фениксе как преобразующей субстанции: «Ее пенцы выклеивают глаза своей матери»¹²⁹.

⁸ Opera, p. 159.

⁹ Physica Trismegisti / Theatr. chem., I, p. 423.

¹⁰ Scheftelowitz. Das Fischesymbol im Judentum und Christentum», S. 383.

¹¹ Псевдоним неизвестного автора.

¹² Nicolas Flamel. His Exposition of the Hieroglyphicall Figures.

¹³ Liber de errore profanarum religionum, 20, l.³⁰¹

скалы]¹. В другом случае это камень, которым Бог обещал укрепить основание грядущего Иерусалима². Священный камень символизирует для нас Христа³. Так же как «один камень» означает для алхимиков ляпис⁴, так и рыбы глаза означают семь глаз Бога, который есть солнце.

Египтяне полагали, что душа находится в глазах; например, Осирис скрыт в глазу Гора⁵. В алхимии глаз — это *coelum* (небо): «Он подобен небу и образу души, и все время позволяет нам познать душу и ее стремления, а лучи и блеск [небес] придают форму всем вещам»⁶. Стиб, соглашаясь с Марсилио Фичино⁷, считает, что «*coelum*» — это «*virtus*», т.е. действительно «безупречное живое существо»⁸. Поэтому алхимики называют их *quinta essentia* «*coelum*». Идея *virtus* родилась из описания Святого Духа в виде глаза⁹, что находит свою параллель в обращении к Гермесу: «Гермес... небесное око»¹⁰. Божье око испускает силу и свет¹¹, подобный крохотным искоркам души рыбьих глаз, искоркам, из которых вырастает сияющая фигура Сына. Они соответствуют части-

¹ Намек на рождение Митры из скалы.

² Небесный Иерусалим Апокалипсиса.

³ Эта ссылка обоснованна, если под «камнем с семью глазами» имеется в виду не краеугольный камень, а камень, лежащий в основании храма. Первая ссылка указывает на *lapis angularis*, чьей параллелью в пасхальном освящении огня является *silex* (огневой камень, кремень), из которого высекаются искры. Ср. первую молитву в канун Пасхи: «О Господь, через Сына Твоего, именуемого краеугольным камнем, принес огонь Твоего света верующим, сделал святым для нас этот новый огонь, высеченный из огневого камня».

⁴ Ср. сказанное в «Адаме и Еве», § 568f., ниже, о каббалистическом камне, и в особенности о камне, понимаемом как Мальхут.

⁵ *Campbell. The Miraculous Birth of King Amon-Hotep III*, p. 67. Согласно Плутарху («Об Исиде и Осирисе», 55, p. 134f.), Тифон, злой брат—тень Осириса, ранил или вырвал глаз у Гора, что следует интерпретировать как новолуние. О родстве глаза и «хемии» см. важные для нашей темы строки Плутарха (33, p. 82f): «Кроме того, Египет, где почва чернейшая из всех, они называли тем же именем, что и черную часть глаза, «хемией», и сравнивали его с сердцем».¹³¹¹

⁶ *Steeb. Coelum sephiroticum*, p. 47J³²¹

⁷ *Opera*, II, pp. 1447f.

⁸ По утверждению *Leone Ebreo. Phisophy of Love*.

⁹ *Garnerus de S. Victore. Gregorianum* {*Migne. P.L.*, vol. 193, col. 166}.

"Папирус XLVI, Британский музей. Ср. *Preisendanz. Pap. Graec. Magicae*, I, P- 194, li. 401.

Diodorus. Bibliothek Historike, I, 11: «Осирис значит «многоглазый» ...ибо, проливая свои лучи, во всех направлениях он смотрит многими глазами»³³(*Loeb. edn.*-I, p.38f.).

цам света, заточенным в черной Физис, чье воспроизведение было одной из основных целей гностицизма и манихейства. Подобную систему идей можно найти в джайнизме: «*Лока* [мир] находится в сердце *алоки* [пустоты], и имеет форму человеческого туловища с *сиддхасилой* наверху, в том месте, где должна быть голова. *Сиддхасила* царит над всеведущими душами и может именоваться духовным оком вселенной»¹.

Глаз, подобно солнцу, является символом, а также аллегорией бессознательного². В алхимии искры соединяются, формируя золото (Солнце), в гностической системе атомы света вновь объединяются в единое целое. С точки зрения психологии данная доктрина свидетельствует в пользу личностного или эго-характера психических комплексов. Также: как различимый знак эго-комплекса есть сознание, также вполне воз-; можно, что другие, «бессознательные» комплексы, будучи частицами души, могут светиться своим собственным светом³. Из этих атомов возникает Монада (и ляпис в его различных обозначениях) согласно с учением Эпикура, который полагал, что даже Бог образован из скопления атомов⁴.

В главе, посвященной знанию⁵, Дорн использует концепцию сцинтилл (искр) для нравственного умозаключения: «Пусть каждый человек со всем усердием рассмотрит в своем сердце то, что было произнесено свыше, и тогда мало-помалу он увидит своим внутренним взором множество искр, сверкающих день ото дня все сильнее и сильнее и превращающихся в великий свет, озаряющий все вещи мира». Свет этот есть «свет природы». А в своей «*Phylosophia meditativa*» Дорн говорит следующее:

Что за безумное заблуждение охватило тебя?... Ибо в себе, а не в том, что исходит от тебя, желает он найти все то, что ты ищешь вне, а не внутри себя. Ибо таков порок современного человека — презирать свое и вечно жаждать чуждого... Жизнь, свет человеческий, сияет в нас, хотя и слабо, будто во тьме⁶. И не следует искать ее происхождение в нас, хотя она в нас и не в нас⁷,

¹ Radhakrishnan. Indian Philosophy, I, p. 333.

² Ср. Rabanus Maurus. Allegoriae in Sacram Script. (Migne. P.L., vol. 112, col. 100 «Глаз есть... ясность ума»).

³ Ср. мою Теорию комплекса, § 203f., и Природу души, § 388ff.

⁴ Hippolitus. Elenchos, I, 22, 2 (Legge, I, p. 58): «И вот из скопления атомов возник Бог и все элементы, и из них состоят все животные и все вещи».¹³⁴¹

⁵ Speculative philosophia / Theatr. chem., I, p. 275.

⁶ Ин. 1:4, 5: «В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков; и свет во тьме светит...»

⁷ «Если человек знает, как превращать вещи в большом мире... насколько он будет в состоянии свершать это в микрокосме, то есть в себе самом, настолько он сумеет свершать это во внешнем мире, если только поймет, что величайшее сокровище чело века в нем самом, а не вне его».¹³⁵¹ Dom. Spec. phil. / Theatr. chem., I, p. 307.

но исходит от Того, Кому она принадлежит, Кто соизволил сделать нас местом Его обитания... Он даровал нам этот свет, чтобы мы могли увидеть свет Того, Кто пребывает в свете недостижимом, и чтобы мы превзошли другие его создания. Он вложил в нас искру своего света, и именно поэтому мы созданы по образу Его и подобию. Посему истину следует искать не в себе, но в образе Божьем¹, который внутри нас².

Дорн считает, что в человеке скрыто «невидимое солнце», которое он отождествляет с Археем³. Это солнце идентично «солнцу в земле» (согласно отрывку из «Novum lumen», см. выше). Невидимое солнце воспламеняет стихию огня, которая поглощает человеческое вещество⁴ и редуцирует его тело до первоматерии. Его можно также сравнить с «солью» или «природным бальзамом», «в котором есть своя порча и защита от нее». Этот парадоксальный аспект вырос из любопытного изречения: «Человек есть место, где искры, высеченные кремнем, то есть Меркурием, и сталью⁵ (огнивом), то есть небесами, при помощи трута демонстрируют свою силу»⁶. Названный «кременем», Меркурий, очевидно, рассматривается здесь в своей женской, хтонической форме, а «небеса», наоборот, символизируют мужскую, духовную квинтэссенцию. При этом (брачном) соединении двоих высекается искра, Архей, «разлагающий тело» так же, как «химик» «разлагает металлы». Сей негативный аспект искры удивителен, но он хорошо согласуется с менее оптимистичным алхимическим, научно-медицинским видением мира⁷. Для алхимиков темная сторона мира и жизни вовсе не побеждена, отсюда становится ясна та задача, решения которой они добиваются в своей

¹ Imago Dei — это «Образ Божий» и как «отражение», и как архетип.

² Theatr. chem., I, p. 460. Ср. Айон, p. 37ff.

³ «Архей» есть человек, по природе своей свободно практикующий химическое искусство».^[36] (Spec. phil., p. 308). Это совпадает со взглядами Парацельса.

⁴ «Поскольку человек появляется на свет испорченным, его собственное вещество с ненавистью преследует его».^[37] Ibid., p. 308.

• ⁶ Здесь chalybs означает (железо)«огниво», НОКаKchalybsSendivogii будет уже тайной субстанцией, представляющей собой «тайный Нашатырь», Sal Armoniacus (хлористый аммоний), «растворимый камень» (Ruland. Lexicon, p. 281). Где-то в другом месте Ruland сказал: «Соль аммония — звезда»^[38] (Latin edn., p. 71). Милиус (Phil. ref., p. 314) говорит о чудесной воде: «Это лучшее, что извлекается силой нашего железа, находящегося в желудке Рама...до того, как будет соответствующим образом приготовлено, оно является смертельным ядом».^[39] Аресом (Aries) правит Марс (=железо). Ср. Ареса (Ares) у Парацельса (Парацельс как Духовное явление, § 176ff.).

⁶Spec. phil., p. 308.ⁿ⁴⁰

⁷ Ср. «злодеяние духа» в прим. 37.

работе. В их глазах огненная точка, божественный центр человека, является чем-то опасным, сильным ядом, который потребовал бы весьма осторожного обращения, если бы его сделали панацеей. Процесс инди-видуации также несет в себе специфическую опасность. Дорн выражает точку зрения алхимиков в таком метком высказывании: «В природе ничто не содержит зла больше, чем добро»¹.

У Кунрата² искра обозначает то же самое, что эликсир: «Ныне эликсир действительно и поистине именуется сияющей славой или совершенной искрой того, кто один есть Могущество и Сила... Это воистину aqua regnans, вечная жизнь»³. «Коренная влага» «оживлена... огненной искрой мировой души, ибо Дух Божий заполняет весь мир»⁴. Он также говорит о множественности искр: «Это — огненные искры мировой души, происходящие из света природы, Божьим велением рассеянные и рассыпанные по ткани огромного мира и проникшие во все плоды, порожденные первоэлементами»⁵. Искра ассоциируется с доктриной антропоса: «Сын Огромного Мира... заполненный, оживленный и насыщенный... огненной искрой Руах Элохим, духом, дыханием, ветром или дуновением триединого Бога... из Тела, Духа и Души Мира, или... Серы и Соли, Меркурия (ртути) и универсальной огненной искры света природы»⁶. «Огненные искры Мировой Души» были уже в хаосе, в первичной материи, в начале мира⁷. Кунрат поднимается до высот гностицизма, когда восклицает: «И наш Универсальный Меркурий, посредством своих универсальных огненных искр света природы, есть, без сомнений, Протей, морской бог древних язычников, обладавший ключом от моря и... властью над всеми вещами: сын Океана и Тетисы»⁸. Немало столетий разделяет Моноймоса и Кунрата. Учение Моноймоса было абсолютно неизвестно Средневековью⁹, и тем не менее у Кунрата мы находим очень похожие мысли, которые едва ли можно приписать традиции.

¹Spec.phil.,p.308.¹⁴;

²Родился в 1560 г., изучал медицину, в 1588 г. в Базеле получил степень, умер в Лейпциге в 1605 г.

³*Von Hylealischen Chaos*, pp. 54f.

⁴Р. 63. Ср. *Aurora Consurgens*, p. 97.

⁵Р. 94. Заполнение мира искрами, возможно, проекция многократного освещения бессознательного. Ср. *Природа души*, § 388ff.

⁶Р. 170f.

⁷Р. 217.

⁸Другие многочисленные синонимы искры см. р. 220f. и 263f.

⁹Его следы сохранились только у Ипполита, чей «Elenchos» был обнаружен лишь в середине XIX столетия, на горе Афон. Высказывание о йоте у Иренея (*Irenaeus. Adv. haer.*, I, 3,2) (ср. Мф. 5:18) едва ли могло породить традицию.

3. Болонская загадка¹

Эти парадоксы находят свою кульминацию в аллегории древнего «монумента», эпитафии, обнаруженной в Болонье и известной как Посвящение Элии-Лелии-Криспу. Он был присвоен алхимиками, которые, по словам Михаэля Майера, утверждали, что «монумент был установлен старыми мастерами во славу Божью и для восхваления химического искусства»².

D.	M.	D.	M.
<i>Aelia Laella Crispis</i> , pes mulier,		<i>ЭлияЛелияКрисп</i> , ни мужчина, ни	
pes androgyna, pes puella, pes iuvenis,		женщина, ни андрогин, ни девушка, ни	
pes anus, pes casta, pes meretrix, pes		юноша, ни старуха, ни девственница,	
prudica, sed omnia.		ни блудница, ни скромница, но все это	
Sublata neque fame, nee ferro, nee		вместе взятое.	
veneno, sed omnibus. — Nee coelo,		Она не умирала ни от голода, ни от	
nee aquis, nee terris, sed ubique iacet!		меча, ни от яда, но от всех этих вещей	
<i>Lucius Agatho Priscius</i> , nee maritus,		сразу. Место ее успокоения не на небе,	
nee amator, nee necessarius, neque		не в земле, не в воде, но повсюду.	
moerens, neque gaudens, neque flens,		<i>Луций Агато Приск</i> , который не был	
hanc neque molem, nee pyramidem,		ни мужем, ни возлюбленным, ни	
nee sepulchrum, sed omnia.		родичем, ни скорбящим, ни	
Scit et nescit, (quid) cui posuerit.		ликующим, ни плачущим, (воздвиг) не	
(Noc est sepulchrum, intus cadaver		курган, не пирамиду, не надгробие, но	
pop habens.		все вместе.	
Noc est cadaver, sepulchrum extra		Он знает и не знает, (что) воздвиг и	
pop habens.		кому.	
Sed cadaver idem est et sepulchrum		(Вот могила, в которой нет трупа.	
sibi.)		Вот труп, для которого нет могилы.	
		Но труп и могила суть одно и то же.)	

Признаемся сразу же: эта эпитафия — полнейшая чепуха, шутка³, но такая шутка, которая столетия блестяще выполняла свою функцию

¹ Первоначально статья в мемориальном томе памяти Альберта Эри (Albert
^{0er}), p. 265ff.

Symb. aur. mensae, p. 169.

² Доказывается это очень легко. Так, Якоб Спон говорит в своем «Voyage d'Italie,
Dalmatie, de Grece et du Levant fait aux années 1675 et 1676», I, p. 53: «Я заявляю,

приманки для всех мыслимых планов, когда-либо зарождавшихся в человеческом мозгу. Она вызвала «cause celebre» [знаменитое дело], постоянное психологическое «дело», продолжавшееся около двух веков и породившее множество комментариев, в конце концов пришла к бесславному концу как один из поддельных текстов *Corpus Inscriptionum Latinarum* [Свода латинских надписей], а впоследствии была предана забвению. Я вытащил этот курьез на свет божий в двадцатом веке потому, что он представляет собой пример особого склада ума людей Средневековья, благодаря которому они писали сотни трактатов о несуществующем и поэтому совершенно непознаваемом явлении. Интересен не сам пустячный предлог, а те труды, к которым он привел. Они выявляют необычную склонность к дичайшим фантазиям и рассуждениям в таком психическом состоянии, которое встречается и в наши дни, причем воинствующие ученые мужи считают его изолированным патологическим явлением. В таких случаях всегда обнаруживается, что бессознательное испытывает определенное давление и нагружено высокоэмоциональным содержанием. Иногда трудно провести черту между дурачеством и творчеством, и постоянно происходит так, что два этих явления смешиваются.

Такой феномен, исторический или индивидуальный, невозможно объяснить при помощи одних лишь причинно-следственных связей, но следует также рассматривать с точки зрения того, что произошло после. Все психическое беременно будущим. XVI и XVII века были временем перехода от основанного на метафизике мира к эре рационального объяснения мира, лозунгом которой были явяуже не слова «*omne animal a Deo*» [«все живущее есть Бог»], а «*omne vivum ex ovo*» [«все живое — из яйца»]. То, что тогда назревало в бессознательном, принесло свои плоды в широчайшем развитии естественных наук, младшая сестра которых — эмпирическая психология. Все, что наивно полагали знанием трансцендентных и божественных вещей, которые люди никогда не познают до конца, и все, что казалось невозполнимо потерянным с упадком Средневековья, воскресло вновь с открытием психики. Это предчувствие будущих открытий в психической сфере проявилось в фантазмагорических спекуляциях философов, которые до тех пор казались первейшими разносчиками бесплодного пустословия.

что, кто бы не составил эту надпись, он не понимает правил латинских имен, потому что Элия и Лелия — два разных рода, а Агато (Агафон) и Приск — это две разных *фамилии*, которые никак не могут быть соединены в одной». Также на с. 351: «Если какой-нибудь меланхолический чудака захочет развлечься, комментируя эту надпись, пусть его; что же касается меня, я уже говорил, что не верю в ее древность, и не хотел бы доставлять себе лишние хлопоты, исследуя эту загадку».

Однако бессмысленная и бесцветная эпитафия Элии-Лелии может стать значимой, если мы увидим в ней вопрос, который занимал умы более двухсот лет, а именно: чем же на самом деле является то, что вы не способны понять, а можете только выразить в форме необъяснимого парадокса?

Разумеется, я не собираюсь приписывать этот вопрос тому неизвестному юмористу, который сочинил сию «грубую шутку». Она существовала в алхимии задолго до него. Ему бы и в голову не пришло, что его шутка станет *cause celebre* [знаменитым делом (фр.)] и породит у его современников и потомков вопрос о природе основ психики — вопрос, который в отдаленном будущем должен был заменить определенность выявленной истины. Он был всего лишь «*causa instrumentalis*», и его жертвы, такие же наивные и невинные, как он сам, сделали свои первые невольные шаги как психологи.

Кажется, первое сообщение об этом тексте появилось в 1548 году в трактате некоего Мариуса Л. Михаэля Ангелуса из Венеции, а уже в 1683 году¹ Цезарь Мальвазий² собрал не менее сорока пяти³ работ, содержащих попытки его толкования. В алхимической литературе сохранился трактат врача Николя Барно из Креса (Дофине), жившего во второй половине XVI столетия. Его алхимическая интерпретация текста была опубликована в 1597 году⁴. Прежде всего я буду придерживаться ее, а также интерпретации Михаэля Майера.

Майер утверждает, что Элия и Лелия представляют две персоны, которые объединены в одном субъекте, именуемом Криспом. Барно называет Лелию «соляной», вероятно, производя это имя от Шос., «солнце». Лелия идентифицируется как «лунарная». Имя Крисп (кудрявый), как думает Майер, произошло от кудрявых волос, превращенных в «очень

¹ Надпись также упоминает *Tonlola. Basilea sepulta relecta continuata* (1661), р. 101 приложения к «*Exotica monumenta*».

² *Aelia Laelia Crispis Non Nata Resurgens* (1683). Из комментаторов цитируются *Рейснер* (автор «Пандоры»), *Барно* (Barnaud) и *Витус* (Vitus), но отсутствует *Михаэль Майер*.

³ *Фергюсон*. *Bibliotheca chemica*, I, р. 6, называет сорок три комментатора. Но у Мальвазия (Malvazij) упоминаются еще двое, предположительно друзья автора, которых он представляет как «Олдрованд Улисс из Болоньи и его друг — наш Ахиллес» (р. 29). В 1683 г. число известных комментаторов возросло до 48 (включая Майера). Улисс Олдрованд из Болоньи, живший с 1522 по 1605 год, был знаменитым врачом и философом. «Наш Ахиллес», возможно, тождествен Ахиллесу Вольте; его имя, как одного из комментаторов, упоминает *Шварц* в *Acta eruditorum*, P- 333 (к несчастью, я не имею доступа к этому трактату). Общее же число комментаторов, однако, превышает 48.

⁴ Ср. *Ferguson*, s.v. Барно и Элия Лелия. «*Commentarium*» Барно опубликован в *Theatr. chem.*, III, р. 83611, и *Magnet. Bibl. chem.*, II, pp. 713Й.

¹ Таинство воссоединения

мелкий порошок»¹. Майер, очевидно, имеет виду тинктуру, арканнук} субстанцию. С другой стороны, Барно говорит, «наша материя» — «obvoluta, intricate» [закрыта, запутана] и поэтому витиевата. Эти две персоны, указывает Майер, *не* мужчина и *не* женщина, но *и то, и другое* сразу; подобным образом, этот субъект вначале был гермафродитом, но более не является таковым, поскольку, хотя арканная субстанция и включает в себя sponsus и sponsa (жениха и невесту) и, стало быть, является как бы бисексуальной, она сама по себе представляет уже новый, уникальный объект. Субъект не является девушкой или девственницей, потому что девушка должна быть «нетронутой». В опусе, однако, девственницу называют матерью, хотя она остается девственной. Не является эта личность ни мальчиком, потому что осуществление конъюнкции противоречит этому, ни старухой², поскольку все еще полна сил, ни блудницей³, так как не нуждается в деньгах, ни воплощением целомудрия, ибо дева здесь сожительствует с мужчиной. Данный субъект, говорит Майер, есть мужчина и женщина, потому что они совершают акт супружеской любви, и гермафродит, поскольку два тела объединяются в одно. Это девушка, так как она еще не стара, и юноша, потому что он обладает всей своей силой. Это и старая женщина, поскольку она существует уже долгое время (сохраняя свою индивидуальность). Это и блудница, потому что Бейя⁴ продается Габрицию до свадьбы. Она же и добродетельна, так как последующая свадьба даровала ей прощение⁵.

«Но и то и другое сразу» представляет собой реальное объяснение загадки: все эти обозначения относятся к свойствам *одной вещи*, что неизбежно приводит к мысли об их существовании, но при этом ни одно из них не является вещью в себе. О том же говорят и слова «унесенный прочь». Субстанция (igobogos) пожирает сама себя и поэтому не страдает от голода; ее нельзя поразить мечом, но она «убивает сама себя собственной стрелой», подобно скорпиону, который является еще одним синонимом арканной субстанции⁶. Ее невозможно поразить ядом,

¹ Согласно Руланду (Lexicon, p. 91) «capilli» — название lapis Rebis. Также делают вывод, что первичную материю можно обнаружить в волосах.

² См. выше, «vetula» и «vidua».

³ Слова «пес casta» (не девственница) у Майера пропущены.

⁴ От арабского *аль-байда* («Белая единица»).

⁵ «Ибо брак, подобно покрову, прячет все пороки».¹⁴²¹

⁶ «Скорпион, или яд. Ибо он убивает себя и возвращается к жизни вновь».¹⁴³¹ *Mylius. Phil. ref.*, p. 256 и *Ros. phil. /Art. aurif.*, II, p. 272. «О двурогий, с двумя образами! Бог ваш не двумя образами явлен, но многими... он — василиск и скорпион... он — коварный змей... он — гигантский дракон, пойманный в ловушку... Бог ваш украшен волосами Лернейской гидры».¹⁴³¹ *Firmicus Maternus. Lib. de err. prof. relig.*, 21,2 (ed. *Halm. Corp. script, lat.*, II).

потому что, как утверждает Барно, это «добрый яд», панацея, возвращающая жизнь¹. В то же время она может погибнуть от всех трех сил: стремления пожрать себя, меча Меркурия² и собственного яда, подобно змее или скорпиону. «Все три силы» вновь указывают на тайную субстанцию, как говорит Барно: «Все это содержит в себе все необходимое для своего завершения, т.е. все, что может из него произойти, и (эта субстанция) состоит из всего»³. «Ибо Единица есть все, как утверждает величайший Химик: [из Единицы] исходит все, и если бы всецелое не содержало все [в себе], всецелого бы не существовало»⁴.

Отсутствие тайны в небесах, на земле и в воде Майер объясняет, ссылаясь на ляпис, «находящийся повсюду». Он содержится во всех элементах, а не только в одном из них. Барно, в свою очередь, высказывает более тонкую мысль, приравнивая небеса клуше, землю к телу, а воду к духу⁵ и, таким образом, приходя к заключению о целостности живого организма. «Наша суть, — говорит он, — одновременно на небесах, на земле и в воде, полностью содержится во всем и в каждой части; поэтому наши части, в других случаях делимые, не могут разделиться после того, как стали одним: очевидно, на этом основаны Закон и Пророчества алхимии»⁶.

Барно объясняет имя воздвигшего гробницу человека, Луций Агато Приск, следующим образом: Луций — это «светлый», «наделенный наиболее ясным умом»⁷; Агато — «добродушный» (по-гречески ауабс, означает «добрый»), «честный», Приск — это «*priscus*» (чистый), «первый» (вдревности), «причисляемый к честнейшим старым философам». Майер утверждает, что эти имена «обозначают все необходимое для завершения деяния».

«Не муж, не возлюбленный» и т.д. означает, что Элия-Лелия притягивает его к себе, «как магнит железо» и изменяет его в своей «неяс-

¹ (Божественная вода) заставляет жизненные силы проявлять себя, и это оживляет мертвых. *Djablr, Livre du Mercure oriental (Berthelot. Chimie aii moyen age, III, 213)*. Ср. «Комарий — Клеопатре» (*Berthelot. Alch. grecs, IV, xx, 15*): «Восстань из могилы... и лекарство жизни войдет в тебя».¹⁴⁵¹ «Растворенный дух и металлическая вода, изливающаяся на тело, возвращает его к жизни».¹⁴⁶¹ *Auroga Consurgens II /Art. aurif., I, p. 229*.

² О «разящем мече, разрезающем лезвии Меркурия» см.: Видения Зосимы, §86, 109f.

³ *Commentarium / Theatr. chem., III, p. 884*.¹⁴⁷¹

⁴¹⁴⁸¹ Ср. *Berthelot. Alch. grecs, III, xviii, 1*.⁴⁰¹ Барно должен был быть знаком с Парижским манускриптом № 2327 (*Berthelot, p. ix*).

⁰ Он добавляет: «Которая обычно уносит дух». Ср. Злодеяние духа.

⁶ *Theatr. chem., III, p. 845J*⁵⁰¹!

⁷ Барно называет его «осиянным естественным и божественным светом» (с. 840).

ной и темной природе». В конъюнкции он стал ее мужем и был «необходим»¹ для делания. Но Майер не разъясняет нам, до какой степени он *не* был мужем и т.д. Барно говорит: «Здесь не может рассматриваться ни одна из основных причин, а именно свадьба, любовь и родство, которые * побуждают человека воздвигнуть колонну смерти в храме памяти». Луций имеет в виду иную цель: но желает, чтобы «на сцене появилось»¹ искусство, скрытое под покровом тайны, которое учит всему и является самым драгоценным из всех вещей», дабы исследователи могли «проявить себя в искусстве и в превосходящей что бы то ни было истинной науке». Правда, он сделал исключение для «святейшего изучения [agnitionem] Бога Отца и Христа, от чего зависит наше спасение»², — эта оговорка часто встречается в текстах.

Майер игнорирует негативную сторону в словах «не скорбящий» и т.д. также, как и в словах «не муж» и т.д. «В действительности, — говорит он, — все это можно сказать о Луции позитивно, а не негативно». С другой стороны, Барно отмечает, что такой взгляд создает картину «бесстрашного философа, спокойного и подобного шару»³. Слова «не курган» и т.д. Майер вновь объясняет позитивно: Элия сама есть курган, который неподвластен времени, тверди неподвижен. Здесь видно желание достичь совершенства. Автор утверждает, что пирамида означает «каждо вечной памяти» и что это — сама Элия. Она была похоронена, потому что Луций «делал то, что должен был сделать во имя ее». Он, так сказать, занимает ее место, как *filiius philosophorum* занимает место материнской первоматерии, которая до этого была лишь готовой к действию арканной субстанции. Барно утверждает, что, воздвигнув гробницу, Луций не достиг своей цели (так как она символична). «Но все это вместе» он относит к «*Tabula Smaragdina*», поскольку эпитафия в целом указывает на «*medicina summa et catholica*».

Слова «Он знает и не знает» Майер интерпретирует следующим образом: сперва Луций знал тайну, однако после утратил это знание, так

¹ Здесь Майер употребляет слово *necessarius* в значении «необходимый», а не «родственный».

² *Theatr. chem.*, p. 846.

³ «Мудрец, цельный, спокойный и подобный шару» — образ, принадлежащий Горацию (Сатиры, кн. II, 84—88) и рисующий человека, независимого от земных вещей:

Кто же свободен? Мудрец, который владеет собою: Тот, кого не страшат ни бедность, ни смерть, ни оковы; Тот, кто довлеет себе; кто, как шар, и круглый, и гладкий, Все отрясает с себя, что его ни коснется снаружи...⁵¹

[Пер. М. Дмитриева.]

как сам был предан неблагодарному забвению. Мне не ясно, что здесь имеется в виду. Барно считает монумент аллегорией ляписа, о котором Луций было известно. Он интерпретирует слово «quid» (кусочек) как «quantum» [количество], потому что Луций, возможно, не знал, сколько камень весит. И, разумеется, он не знал, для какого будущего исследователя создает свою надпись. Объяснение Барно слова «кусочек» выглядит явно слабым. Ему следовало бы помнить о том, что ляпис — это невероятный объект грандиозного масштаба, недоступного человеческому пониманию. Забота о престиже алхимика не позволила ему соблазниться этой многозначительной мыслью, поскольку, как алхимик, он не мог допустить, чтобы мастер сам не знал, что он создал своим искусством. Будь Барно современным психологом, он смог бы без больших усилий представить себе, что человеческая целостность, самость, по определению¹ находится за пределами познания.

Дойдя до слов «это могила» и т.д. мы достигаем первого (за исключением имен) позитивного утверждения надписи. По мнению Майера, не следует ничего делать с могилой, которая обозначает отнюдь не могилу, а саму Элию. «Ибо она сама есть сосуд, превращающийся в свое содержимое; и поэтому она — могила или вместилище, которое само является телом или же не имеет его. Так говорится и о жене Лота, которая была своей собственной могилой без тела и телом без могилы»². Он, по всей видимости, намекает на вторую версию «Visio Arislei», в которой говорится: «Бейя с такой любовью обняла Габриция, что полностью поглотила его, разложив на бесконечно малые частицы»³. Рипли упоминает, что по смерти царя его тело рассыпается на «атомы»⁴. Здесь мы встречаемся с

¹ В той степени, в какой она является суммой сознания и бессознательного.

² Symb. aur. mensae, p. 173.¹⁵²¹

³ Ros. *phll. I Art. aurif.*, II, p. 246. Эмпирическая модель этого — смешение золота (солнца) с ртутью (меркурием). Отсюда изречение: «Вся работа заключена в растворении» (т.е. солнца и луны в Меркурии). *Ibid.*, p. 270.

⁴ Opera, p. 351. Он говорит, что тогда «воздух сгущается [то есть происходит конкретизация духа] и все члены распадаются на атомы».¹⁵³¹ Выражение «расчлененный Царь» относится к Осирису, хорошо известному алхимикам, и его расчленению. Так, Олимпиодор (*Berthelot*, II, iv, 42) вспоминает Осириса, говоря о «тесной могиле (τῆ κα<pf]Ea<piYnevη), укрывающей все его части». Он — влажное начало (в соответствии с Плутархом — Об Исиде и Осирисе, с. 33) и, очевидно, как его «душа, «соединяет (α\|καυ\.y£,ε\» в единое целое свинец». Тифон запечатал гроб с Осирисом свинцом (*Плутарх*, *ibid.*). Осирис и Исида вместе формируют андрогин-ⁿУю первичную материю (*Maier*. Symb. aur. mensae, p. 343f.; *Pernety*. Dictionnaire mytho-hermetique, p. 359). Он обладает сродством с «большим» и «заточенным» Царем, *Rex marinas* из «Visio Arislei». У Диодора (I, 11) он «многоглазый» (Loeb ^{esc:n}-, I, p. 38f.) и «многоликий», подобно Аттису (или самотрансформирующемуся

мотивом расчленения, хорошо известным в алхимии¹. Атомы являются или становятся «белыми искрами», сверкающими в terra foetida [зловонной земле]². Их также называют «рыбьими глазами»³.

Истолкование самой Элии как «могиль», естественно, могла понравиться алхимику, так как этот мотив играет значительную роль в литературе. Он называет свой сосуд «могилой»⁴ или, как в «Rosarium», «красным надгробием из камня». В «Turba» говорится, что могила должна быть вырыта для дракона и женщины⁵. Погребение идентично nigredo⁶. В греческом трактате алхимический процесс описывается как «семь могил»⁷. Александр нашел «гробницу Гермеса», когда открыл тайну искусства⁸. «Царь» погребен в Сатурне⁹, по аналогии с Осирисом¹⁰. Слова: «Пока

Меркурию). В гимне, посвященном Аттису (*Hippolytus. Elenchos*, V, 9, 8), его называют «группом, или богом, или бесплодным»¹⁵⁴. Он должен быть освобожден из могилы или из тюрьмы. Ср. ежедневный ритуал, когда царь вырезает глаз у священной жертвы в память о глазе Гора, в котором находится душа Осириса. (*Campbell. The Miraculous Birth of King Amon-Hotep III*, p. 67). В первый день Фаменота (начала весны) Осирис вступает в новую луну; это — его соединение с Исидой (Плутарх, стр. 83). «И как в начале солнце скрыто в луне, так, будучи скрытым и в конце, оно извлекается из луны».¹⁵⁵¹ *Ventura. «De ratione confic. lapidis» / Theatr. chem., II, p. 276.*

¹ Ср. Символ превращения в мессе, §245ff., 400,410f.

² Дурной запах — это «зловоние могил». Ибо его [мертвого тела] запах есть зло, и он подобен зловонию могил».¹⁵⁶ *Мшег. Symb. aur. mensae; Morienus. De transmut. metallica / Art. aurif., II, p. 33.* Идея зловония нижнего мира восходит к Древнему Египту. Ср. «Book of Gates», цитируемую eWallis Budge, *Coptic Arosograph in the Dialect of Upper Egypt*, p. lxvi.

³ «Чистое лато варится, пока не начинает сиять, подобно рыбьим глазам».¹⁵⁷¹ *Morienus. Art. aurif., II, p. 32.*

⁴ «Это Единственное Существо помещается в свою сферическую могилу».¹⁵⁸¹ (*Tractatus Aristotelis / Theatr. chem., V, p. 886.*) «Сосуд также называют могилой».¹⁵⁹¹ (*Hoghelande. De alchemiae diffic. / Theatr. chem., I, p. 199.*) Vas = «могила, тюрьма». (*Ventura, De ratione confic. lap. / Theatr. chem., II, p. 289.*) В *Auroga Consurgens*, p. 135, камень отодвигали «от дверей моего склепа».

⁵ *Ruska. Turba, Sermo LIX*, p. 162.

⁶ *Dorn. Physica Trismegisti / Theatr. chem., 1(1659)*, p. 436.

⁷ *Berthelot. Alch. greccs, IV, xxiii.*

⁸ *Albertus Magnus* (Альберт Великий). *Super arborem Aristot.*, *Theatr. chem.*, II, p. 527.

⁹ «Могила, в которой наш царь погребен, именуется...Сатурном» (*Waite. Herm. Mus.*, II, p. 189).¹⁶⁰¹

¹⁰ *Firmicus Maternus. De erig. prof. rel.*, 2, 3: «В этой усыпальнице у них стоит идол погребенного Осириса».¹⁶¹

дятся похороны *nigredo*, правитженщина»¹ относится к затмению солнца или сочетанию его с молодой луной.

Итак, заключает Майер, гробница и тело суть одно и то же. Барно говорит:

Говорят, что каждую вещь следует похоронить в могиле другой. Ибо Серу, Соль и Воду, или Солнце, Луну и Меркурий, что содержатся в наших тканях, следует экстрагировать, соединить, похоронить и умертвить, и превратить в золу. Так происходит, что гнездо птицы становится ее могилой, и наоборот — птица поглощает гнездо и сливается с ним. Так происходит, утверждаю я, что душа, дух и тело, мужчина и женщина, активное и пассивное начало, находясь в одном и том же субъекте, будучи помещены в сосуд, согретые собственным огнем и направляемые внешним искусством могут в должное время вырваться [на свободу]².

В этих словах — вся тайна единства противоположностей, *summa medicina*, исцеляющая не только тело, но и дух. Слово «вырваться» предполагает заточение, которое приходит к концу с объединением противоположностей. Индусы описывают это состояние как нирвану, «свободу от противоречий», концепция которой, по крайней мере в этой форме, чужда западному христианству, так как подчеркивает относительность противоположностей и предназначена для смягчения или даже исцеления непримиримого конфликта, свойственного воинственному христианскому духу³.

Приведенную здесь интерпретацию этой загадочной надписи можно рассматривать как завет алхимического способа мышления, которое в данном примере говорит о себе больше, чем можно было бы извлечь из самой эпитафии. Но нам следует двигаться осторожно, так как здесь возможны (и существуют) другие объяснения⁴. Кроме того, следует об-

¹ *Liber Alze / Mus. herm.*, p. 332 (Waite, I, p. 267). Ср. *Ludus puerorum / Art. aurif.*, II, p. 189: «Поэтому Авиценна сказал: Пока *nigredo* будет проявляться, будет преобладать черная женщина, и в этом — первая сила нашего камня».¹⁶²¹

² *Commentarium / Theatr. chem.*, III, pp. 847f.

³ Ср. Психология и алхимия, §23ff. Тот факт, что алхимики, в своих попытках разгадать Загадку, сразу же задумывались о наиболее значительной вещи, которую они знали, то есть о тайне их искусства, совершенно понятен, потому что в то время все тайны в равной степени касались Бога, Священного Писания и так далее. Ср. *Lorichius. Aenigmatum libri III*, (fol. 23r), где также описывается загадка гермафродита: «Когда моя беременная мать носила меня» и так далее (см. ниже).

⁴ Трактровка Афанасия Кирхера в его «*Oedipus Aegyptiacus*» (II, ch. 6, p. 418) чисто алхимическая и не отличается какой-либо оригинальностью. Он называет надпись «первейшей алхимической загадкой», упоминая, что Вильям Барольд Англичанин (*Wilhelmus Baroldus the Englishman*) предлагает ее каббалистическую

судить подлинность памятника и его происхождение. Ни один из трех вышеупомянутых авторов не видел надпись своими глазами. Во времечко на Мальвазия, в 1683 году, по-видимому, существовали две копии первоисточника, одна в Болонье, другая в Милане. Болонский текст заканчивался словами «cui posuerit». Миланский добавлял «Nos est sepulcrum» и далее, а также «quid» к словам «Scitet пезсН»болонского варианта. Далее, в миланской версии мы обнаруживаем непонятные буквы «A.M.P.P.D.» вместо «D.M.» (Diis Manibus) болонского текста¹. Мальвазий утверждает, что памятник был разрушен¹, однако ссылается на свидетелей, претендовавших на то, что они видели надпись и скопировали ее, в особенности на Иоганна Туррия из Брюгге, который в письме Ричарду Витусу (Ричарду Уайту из Базингстока), датированном январем 1567 года, сообщает, что он «читал эпитафию собственными глазами» на вилле Марка Антония де ла Вольта «на первом межвом камне от Порта Мачарелла», в Болонье. Камень, как утверждает свидетель и комментатор Иоганн Каспар Герватий, находится в стене, соединяющей виллу с церковью. Несколько высеченных букв были «стерты временем и изъедены чем-то вроде ржавчины», что, как он считает, свидетельствует о древности надписи². Мальвазий пытается доказать ее подлинность с помощью других многочисленных римских эпитафий³ и выдвигает следующую теорию:

Надпись говорит о дочери Лелия, которая была предназначена в невесты Агато, но она ни дочь, ни невеста, потому что была зачата, но не рождена, так как беременность закончилась выкидышем. Поэтому Агато, давно избранный ей в мужья, разочарованный в таких больших надеждах и обманутый судьбой, должным образом посмеялся над собой, составив этот загадочный текст⁴.

Мальвазий отдает должное автору эпитафии. Он называет Агато «весьма искусным в тех и других науках»⁰ и, более того, сравнивает его, «превосходного жреца исключительно благоприятного числа

интерпретацию. Памятник также упоминается у *Drexelius*. Opera (I, p. 69): «В Болонье есть старинная эпитафия, поставившая в тупик многие умы...Одни считают, что она говорит о человеческой душе, другие думают, что речь в ней идет о воде, истекающей из туч, третьи — о Ниобе, превращенной в скалу, четвертые находят другие объяснения».¹⁶³¹

¹ Все это есть в *Malvasius*. Aelia Laelia, p. 55.

² P. 103.

³ Проф. Феликс Штехелин (Felix Staehelin) сообщил мне, что надпись цитируется в *Corp. inscr. lat.*, XI, 1, p. 15*, No. 88*, как поддельная. [Звездочки относятся к ссылкам в *Corp.*]

*ip*40.1^{stn}6 P.

90.

Три»¹, с Гермесом Трисмегистом, и называет его «Трижды-Величайшим», в чем видна ссылка на заключительную фразу «*Tabula Smaragdina*»². Подобные хвалы вызваны тем, что надпись состоит из трех частей³, чему Мальвазий посвятил длинный трактат. В данном случае он сталкивается с трудностями, связанными с четырьмя стихиями и четырьмя свойствами, и, подобно всем алхимикам, путается в своих попытках истолковать «аксиому Марии»⁴. Его идея о выкидыше так же приводит в сферу алхимии (не говоря уже о гностицизме)⁵, потому что в «*Tractatus Aristotelis*»⁶ мы читаем: «Змея эта стремительна, ищет выход [смерть] до рождения, хочет лишиться плода и желает выкидыша»⁷. Это приводит нас, конечно, к змее Меркурия или первоматерии, которая, как утверждает трактат⁸, стремится быстро пройти через процесс трансформации и вырастить цветы из семян света, скрытых в *anima mundi* [мировой душе].

Из множества интерпретаций, сделанных комментаторами данного источника, я хотел бы обратиться к одной, которая кажется мне достойной того, чтобы извлечь ее из мрака забвения. Эта точка зрения, высказанная двумя друзьями Мальвазия, заключается в том, что Луций Агато существовал в действительности, а Элия была «вымышленной женщиной» или, возможно, «злым гением» в женском облике, или «нечистым духом», который, по мнению одного из авторов, «парит в воздухе», а по мнению другого — находится на земле. Она была «заключена и оставлена в дубе Юноны»; или же была «лесным духом, нимфой или гамадри-адой», которая вынуждена была искать другое убежище после того, как

¹ «*AuspicatissimL.Ternarii Cultorem eximium*».

² «Потому я называюсь Гермесом Трисмегистом, что постиг три части философии всего мира».¹⁶⁵¹

³ «Бог предпочитает нечетные числа».¹⁶⁶¹ (Бог троицу любит.)

⁴ Ср. «Психология и алхимия». § 26, 209.

⁵ Ср. Фибионита, Стратиота и так далее в Eriphanius / Panarium, XXVI, 5 (ed. Holl, I, p. 281). Та же идея встречается в манихействе: *Reitzenstein, Schaefer. Studien zum antiken Synkretismus aus Iran und Griechenland*, p. 346. Для алхимии особенно важна третья ступень сыновства Василида (ср. Айон, § 118ff.). Сыновство (хуоїпq), оставшееся внутри «универсальной грядки» (jtavcjtJpp.ia) «осталось бесформенным, подобно рожденным на земле (i\ ttj ацорфш хаiaJUXeinnevTi oiovei i*xp&nax\)(*Hippolytus. Elenchos*, VII, 26,7).

⁶ Этот трактат восходит к старым латинистам или «арабистам», чья связь с арабской традицией неясна.

⁷ *Theatr.chem.*, V, p. 881 J⁶⁷.

⁸ «Нежность естества... становится причиной р^ста и жизни».¹⁶⁸¹ «Этот Змей... Раздувается подобно черной как смоль Жабе...и молит освободить его от страданий».1^{ad1}

срубили и сожгли ее дуб, и нашла его, «как будто умерев, в этом саркофаге». Так и получилось, что «любимый и любящий Агато превознес ее^
описал и почтил ее память»¹.

Согласно этому толкованию Элия является анимой Агато, перенесенной в «дуб Юноны». Дуб — дерево Юпитера, но посвящен также и Юноне². В переносном смысле, как женский носитель проекции анимы, это супруга Юпитера и возлюбленная Агато. С точки зрения мифологии, гии, нимфы, дриады и им подобные существа — божества деревьев и природы, но психологически они — проекции анимы³ значимые для мужского утверждения.

! Подобное толкование можно найти также в «Dendrologia» одного из*
двух вышеупомянутых друзей, Улисса Олдрованда:

; Я утверждаю, что Элия Лелия Крисп была одной из гамадriad... связанной с дубом близ города Болонья или заключенной в нем. Она явилась ему и, нежной, и суровой, (до того) две тысячи лет подряд постоянно меня форму подобно Протею, и приворожила Луция Агато Приска, жителя Болоньи, вни-манием и жалостью, которые, несомненно, вызваны хаосом, или тем, что* Платон называл агафоновым смятением⁴.

I

Трудно вообразить лучшее описание женского архетипа, олицетворяющего человеческое бессознательное, чем фигура этой «опаснейшей возлюбленной» (*incertissima amasia*), преследующей человека подобно дразнящей фее среди мирных «рощ и родников». Из текста явствует, что надпись не дает основания считать Элию лесной нимфой. Олдрованд сообщает нам, однако, что Порта Марчарелла в Болонье, поблизости от которой, как утверждают, была обнаружена надпись, в римские времена называлась Юнонией, из чего он делает вывод, что Юнона, по-видимому, была местным духом. В подтверждение своей гипотезы о том, что Элия была дриадой, ученый гуманист цитирует римскую эпитафию, найденную в тех местах:

CLODIA PLAVTILLA
SIBI ET
QVERCONIO AGATHONI
MARITO OPTIMO

¹ Aelia Laelia, p. 29.

² На Капитолийском холме рос старый дуб, посвященный Капитолию. О «Юнонии» см. *Плутарх. Quaestiones Romanae*, 92, *Moralia* (ed. Babbitt), IV, p. 138f.

³ Ср. Психология и алхимия, § 166, и Парацельс как духовное явление, § 179ff, 214ff.

⁴ *Dendrologia*, I, p. 211 J⁷⁰

Эту эпитафию действительно можно найти в *Corpus Inscription Latinarum*¹, но третья строка там выглядит так:

Q. VERCONIO AGATHONI

Итак, Квинт Верконий должен страдать оттого, что автор изменил его имя на Кверконий для собственного удобства.

Олдрованд объясняет загадочные слова «hoc est sepulcarium» тем, что дуб предоставил необходимый строительный материал для гробницы! В доказательство этого он добавляет, что в тех местах была деревня, именуемая Казарлата², название которой он разлагает на casa (дом), ага (алтарь) и alta (высокий).

Далее он ссылается на итальянскую поэму, посвященную великому дубу, который «представляет мир элементов и произрастает как бы в небесном саду, где Солнце и Луна распускаются подобно двум цветкам»³. Эта аллюзия на мировой дуб Ферекида приводит нас прямо к солнечно-лунному дереву алхимии, красной и белой лилии⁴, красной рабыне и белой женщине (или белой голубке)⁵, и четырехоттеночному цветению Древа в Западной Земле⁶. В «Пандоре» Рейснера дерево изображается в облике факельщицы, причем его вершина вырастает из ее увенчанной короной головы⁷. Здесь дерево персонифицируется женским началом.

Интерпретация Олдрованда преимущественно алхимическая, как мы можем видеть из трактата Беранара Тревизанского (графа Марша и

¹ Corp. inscr. lat., XI, 1, p. 163, 884: MVTINA.

² Ответственность за это утверждение возлагаю на автора.

³ *Dendrologia*, I, p. 215J⁷"

⁴ О красной и белой лилии см. *Zohar*, I, p. 3: «Как лилия между тернами (Песн. 2:2) бывает и красной и белой, так и на народ Израиля нисходит и спра ведливость, и милость». В противоположность алхимии, красный здесь ассоциируется с женским, а белый с мужским принципом системы Сефирот.

⁵ Ср. с голубями в «роще Дианы», *Mus. herm.*, p. 659 (*Waite*, II, p. 170). Символика голубя напрямую восходит к христианским аллегориям. Здесь следует рассмотреть материнское значение голубки, поскольку Марию называют *columba mystica* [таинственной голубкой]. (*Godefridus. Homiliae Dominicales/Migne, P.L.*, vol. 174, col. 38.) Ср. также «скрытую мать», изображенную в виде голубки в Деяниях Фомы (*James. Aposyphal New Testament*, p. 388) и символику голубки Параклета у Филона («Кто наследник божественных созданий?», *Loeb edn.*, IV, p. 398f). В видении душевнобольного пациента, которое приводится у Нелкина, «Бог Отец» своим дыханием породил дерево жизни с красными и белыми плодами, на котором сидела голубка (*Analytische Beobachtungen*, S. 541).

⁶ *Abu'l-Qasim Muhammad. Kitabal-'ilm al-muktasab*, ed. by Holmyard, p. 23.

⁷ Психология и алхимия, рис. 231. Ср. «Sapientia Dei» как дерево жизни в *Auroga Consurgens*, p. 35.

Треви, 1406—1490). Он поведал нам притчу² о посвященном, нашедшем чистый источник, что был облечен в прекраснейший камень, «храним стволом дуба» и окружен стеной. Это была царская купель, в которой он искал возрождения. Старый мистагог Гермес объясняет, как Царь построил эту купель: он поместил в ней старый дуб, «расщепленный пополам»³. Таким образом, источник обнесен толстой стеной: «сначала окружен прочным полированным камнем, а потом полым дубом»⁴.

Суть рассказа, очевидно, в соединении дуба с купелью. Обычно имеется в виду свадебная купель царской пары. Но здесь царицы нет, и поэтому только царь проходит возрождение. Эта необычная версия⁵ известного мотива приводит нас к мысли, что здесь место царицы занимает дуб, олицетворяющий женское начало. Если это предположение корректно, особенно значимым представляется то, что дуб сначала назван «расщепленным», а затем «полым». То он кажется прямым стволом или «осью» источника, то живым деревом, бросающим тень поперек источника. Эта неопределенность отсылает нас к различным аспектам дерева, как «ствол», дуб есть основа источника, как полый предмет — это сосуд, а как защищающее дерево — это мать⁶. С древних времен дерево было местом рождения человека⁷; поэтому оно — источник жиз-

¹ De chemico miraculo / Theatr. chem., I, p. 773ff.

² P. 799.

³ «Он поставил там старый дуб, расщепленный посередине, защищенный от лучей солнца, бросающий тень» (с. 800).¹⁷²¹

⁴ p. 800 J⁷³!

⁵ Обычно царь находится в одиночестве, только когда сидит в парной бане.

⁶ Текст в этом месте двусмыслен: «Petii rursus utrum ionti Rex esset et tons ipsi? Qui ait, mirum in modum sese vicissim amant, fons Regem attrahit et non Rex fontem: nam Regi velut mater est», p. 801. (Я вновь спросил, был ли Царь дружбе любен к источнику, а источник — к нему. И он ответил, что они были исполнены друг к другу удивительной любовью. Источник притягивал Царя, а не Царь — источник: ибо для Царя он был подобен матери). Сходную ассоциацию можно найти у Кирилла Иерусалимского. Katecheses Mystagogicae, II, 4 (Opera, ed. Reischl, II, p. 361): «И эта спасительная вода становится для тебя и могилой, и матерью».¹⁷⁴¹ Ср. Usener. Das Weihnachtsfest, S. 173.

⁷ Ср. Овидий. Метаморфозы, VII (22,24): «Рядом случайно был дуб, редчайший, раскидист ветвями — / .../Длинный строй увидали мы там муравьев (635 — 636). / И дуб мне привиделся тот же, и столько ж было ветвей у него, и столько ж в ветвях насекомых...». Исидор утверждает, что «крылатый дуб» (тжбктЕро; SpSq) Ферекиды был укрыт капюшоном (фарод), как женщина. (Diets. Vorsocratiker, I, S. 47). «Вуаль» (покрывало) — атрибут Артемиды Хитоны, а в особенности — Иштар: она — таимету, Та, что под покрывалом, Ситури-Сабиту, восседающая на морском троне (царица морей), «скрывающаяся под вуалью» (Wittekindt. DasHohe

ни. Алхимики называли сосуд и купель «лоном»¹. К этой интерпретации приводит расщепленный или полый ствол². Царская купель сама есть матка, дерево служит атрибутом последней. Зачастую, как у Рипли³, дерево находится в свадебной купели, или как опора, или непосредственно как дерево, в чьих ветвях божество появляется в обличье русалки (= анима) со змеиным хвостом⁴. Аналогия с Древом Познания очевидна⁵. Дуб Додоны также был жилищем оракула, и анима играла роль пророчицы⁶. Змееподобный Меркурий появляется как древесное божество в волшебной сказке братьев Гримм «Дух из бутылки»⁷.

Lied, S. 15). Постоянный атрибут Иштар — пальма. Согласно Корану (сура 19) Мария родилась под пальмой, подобно тому как Лето родила Аполлона и Артемиду под пальмовым деревом в Делосе. Майя родила Будду не без помощи ивы. Некогда считали, что дубы дают жизнь человеческим существам (*Pauly-Wissowa. Realencyclopädie*, s.v. «Drys»). Дополнительный материал в моем «Философском древе», §418f., 258ff.

¹ Это также литургическое имя купели (источника). См. пролог к *Benedictio Fontis*: «Да оплодотворит он эту воду для возрождения человека» и т.д. Ср. *Consilium coniugii / Ars chemica*, p. 204: «Для матки (matrix) он предназначил корень тыквы».¹⁷⁵¹ «Спагирический сосуд следует изготовить наподобие естественного сосуда»¹⁷⁶¹ (Оогя. *Physica Trismegist, Theatr. chem.*, I, p. 430). «Естественный сосуд» — это матка. (*Aurora Consurgens II / Art. aurif.*, I, p. 203).

² «Сосуд, где протекает беременность, хоть и искусственный, но имитирует натуральный, потому что он вогнутый и закрытый».¹⁷⁷¹ (*Consilium coniugii*, p. 147.)

³ Ср. Психология и алхимия, рис. 257.

⁴ Идея явления душ и божеств (нуменов) в виде змей широко распространена (например, нумен героя, Кекропа, Эрихтея и так далее). Ср. *Иоанн Златоуст. Nomilia XXVI (или XXV) in Ioannem (Migne, P.G., vol. 59, col. 155)*: «Кем для нерожденного дитяти является мать, тем вода является для верующего. Ибо в воде он создается и формируется. Прежде говорили: Пусть вода произведет раболопных тварей с живой душой. Но с тех пор, как Господь вступил в воды Иордана, вода более не порождает раболопных тварей с живой душой, но порождает разумные души, несущие в себе Святой Дух».¹⁷⁸¹

^a Согласно Гегемонию (*Hegemonius. Acta Archelai*, p. 18), манихейская традиция видела в Иисусе райское дерево — Древо Познания, понимается: «Деревья, что пребывают [в раю], являют собой вождение и другие соблазны, растлевающие мысли людей. Но то дерево, коим добро познается — это Иисус и познание его, что есть в этом мире: и тот, кто приемлет это, отличит добро от зла».¹⁷⁹¹ Здесь Древо Познания рассматривается как средство от похоти, хотя внешне оно неотлично от Других (растлевающих) деревьев.

⁶ Ср. Психология и алхимия, рис. 8 и 19.

⁷ Ср. Дух Меркурий, §239, 247f.

Дерево имеет примечательное родство со стариком в «Turba»:

Возьмите то белое дерево и постройте вокруг него круглый черный дом, с крышей из росы, и поместите в него¹ человека очень почтенного возраста — столетнего старика, крепко закройте за ним двери, чтобы в дом не проникали ни ветер, ни пыль. И после оставьте старика в доме этом на сто восемьдесят дней. Необходимо, чтобы старик не переставал есть фрукты с этого дерева до завершения срока (180), и тогда он станет юным. О сколь чудесны силы, переносящие душу старика в тело юноши и превращающие отца в сына².

В этом контексте можно, видимо, привести достаточно неясный отрывок из Сениора³:

Маркое⁴ также сказал: Настало время для рождения дитя, и поведал такую историю: Мы построим ему дом, который назовем могилой Сихоки. Он [или Марьях]⁵ сказал: Вот земля⁶ рядом с нами, зовущаяся «тормос»⁷, где живут змеи [или ведьмы]⁸, выедающие тьму⁹ из раскаленных камней, и на этих камнях они пьют кровь черных козлов¹⁰. Оставаясь во тьме, они зачина-

¹ «Imrone ei» может относиться к дереву, поскольку «imronere» также означает «посадить». Дерево может быть местом рождения. Ср. древний мотив древа жизни.

² Sermo 58.

³ De chemia, p. 78.1⁸⁰

⁴ Возможно, тождествен Марку Греку, автору так называемой «Книги Огня», трудно поддающейся датировке. (Ср. *Lippmann. Entstehung und Ausbreitung der Alchemie*, I, S. 477ff). То, что его упоминает Сениор, чьи труды на арабском сохранились, позволяет отнести его к периоду до X века. У *Бертло* (*Chimie au moyen age*, III, p. 124) приводится диалог между Маркушем, царем Египта, и Сафаньей, царем Сайды. Ср. М. Т. АН, ed., «Three Arabic Treatises on Alchemy by Bin Umail» (X в.) и обсуждение Стэплтона (Н. Ё. Stapleton) и Хусейна (М. N. Husain) («M, B. Umail: His Date, Writings, and Place in Alchemical History», p. 175).

⁵ У Стэплтона и Хусейна (p. 177, прим. 12) говорится: «Это дом, именуемый могилой (qabr) Сахафы. Она сказала (qalat)...» и т.д. Возможно, имя Марьях тут пропущено.

⁶ Или «страна»?

⁷ тормос. = «дыра»? В арабском тексте стоит слово *tumto*.

⁸ Арабское слово, переведенное как «рептилия» (змея), в действительности означает «ведьма». Ср. *Стэплтон* и *Хусейн* (p. 177, прим. 14): «Это арабское слово на самом деле означает ведьм, которые пожирают печень [*iecora* вместо *opasa*] детей и пьют молоко черных коз». Стэплтон отвергает слово «рептилия».

⁹ В арабском тексте — «печень».

¹⁰ Это наводит на мысль об алтарном огне и козах, принесенных в жертву. Ср. «кровь самого красивого козла» (топ *Franz. Aurora Consurgens*, p. 103). У Пибехиоса (*Berthelot. Alch. grecs*, III, xxv, 3) козлиная кровь — синоним божественной

ют в воде¹, рожают² в воздухе, парят над морем³ и населяют склепы и гробницы, и змея сражается с мужчиной, мужчина же остается сорок ночей в могиле, а сорок ночей — в малом доме⁴.

Латинский перевод «змеи» как «ведьмы» связан с широко распространенной примитивной идеей о том, что змеи — это духи умерших. Кровь черного козла фигурирует здесь закономерно, поскольку жертвоприношение черных животных хтоническим божествам было явлением обычным. В арабском тексте «ведьмы» относятся к женским демонам пустыни, джинниям. Посещающее могилы божество тоже широко распространенная идея, сохранившаяся в христианских легендах. Я столкнулся с этой идеей, когда познакомился со сном двадцатидвухлетнего студента-теолога, и приведу сон здесь, чтобы те мои читатели, которые знакомы с языком снов, смогли бы увидеть масштабы обсуждаемой нами проблемы⁵.

Спящий стоял рядом с красивым старым человеком, одетым полностью в черное. Он знал, что это белый маг. Маг разговаривал с ним довольно долго, но о чем шла речь, спящий уже не может вспомнить. В его памяти сохранились лишь последние слова: «И для этого нам необходима помощь черного мага». В этот момент дверь отворилась и вошел другой старик, в точности подобный первому, за тем лишь исключением, что одет был во все белое. Он сказал белому магу: «Мне нужен твой совет», однако бросил косой вопросительный взгляд на спящего, в то время

воды. Здесь кровь используют в пищу для теней, как в Некий, где Одиссей принес в жертву черную овцу, а для Тиресия, особо, черного барана: «Черная кровь полилась в нее, и слетелись толпою /Души усопших, из темных бездн Эреба поднявшись» {Гомер. Одиссея [Пер. Жуковского], XI, 36—37}.

¹ Это может относиться к «растворенному» состоянию жидкой среды.

² Если читать «pariunt» как «pereunt».

³ В виде volatilia и vapores.

⁴ Здесь слышны отголоски христианства. В Aquarium sapientum (Mus. herm., p. 117) по этому поводу говорится: «Христос постился в пустыне сорокдней и сорок ночей, а проповедовал и творил чудеса на земле сорок месяцев, и лежал в гробнице сорок часов. За сорокдней после своего воскресения из мертвых и до вознесения на небеса он встретился с учениками и явил им себя живым».⁸¹¹ «Сорок» — это прообраз длительности orus'a. Как указано в Быт. 50:3, сорокдней требуется для бальзамирования. Сорок представляется магически умноженной четверкой, 10 (denarius) x 4.

⁵ Этот сон я упоминал несколько раз, см.: Архетипы коллективного бессознательного, §71; Феноменология духа, § 398; Аналитическая психология и образования, § 208; Отношения между это и бессознательным, § 287.

как белый маг отвечал: «Ты можешь говорить свободно, он невинен». Тогда одетый в белое черный маг рассказал свою историю. Он пришел из далекой страны, где случилось что-то необычное. Страной правил старый король, который, почувствовав близость смерти, задумался о достойном погребении для себя. В той стране сохранилось множество древних гробниц, и король выбрал себе лучшую. Легенда гласила, что это была гробница девы, умершей много лет назад. Король велел вскрыть погребение, чтобы приготовить его для себя. Но когда кости оказались на дневном свету, они внезапно наполнились жизнью и превратились в черную лошадь, которая ускакала в пустыню. Черный маг, услышав эту историю, тут же отправился на поиски лошади. После многодневного путешествия он достиг пастбищ на другом краю пустыни. Там он увидел пасущуюся лошадь и нашел то, из-за чего и почувствовал нужду в совете белого мага. Ибо он нашел потерянные ключи от рая и не знал, что с ними делать. На этом месте сон заканчивается.

Гробницу занимал дух девы, который играл роль в аниме царя. Подобно нимфе у Мальвазия, она стремилась покинуть свое старое место обитания. Ее хтоническая и темная натура проявилась в ее превращении в черную лошадь, что выступает как одно из обликов демона пустыни. Мы видим здесь широко распространенную концепцию анимы как кобылицы и ведьмы, действительно «нечестивого духа», в то же самое время встречаем хорошо известный сказочный мотив стареющего царя, чья жизнь подходит к концу. Тут подразумевается магический, возрождающий брак с нимфой (некто вроде брака бессмертного Мерлина с его феей), ибо в раю, в яблоневом саду любви, все противоположности соединяются.- Как сказано у Исаяи:

Господь... сделает пустыни его, как рай, и степь его, как сад Господа [51:3].

Тогда волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею и детеныши их будут лежать вместе; и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспиды, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. [11:6-8].

В царском браке белое и черное соединяются, «ибо Он облек меня в ризы спасения, одеждою правды одел меня, как на жениха возложил венец и, как невесту, украсил убранством» (61:10). Два противоположных мага, как очевидно, готовы действовать вместе, а то, что это должно значить для юного теолога, представляет собой ту колоссальную проблему, чье решение наиболее подверженные спекуляциям алхимики считали своей основной задачей. Поэтому далее текст гласит:

Он [мужчина] будет пробужден¹, подобно белым голубям², и шаги его будут радостны, и он испустит свое семя на мрамор³ в статую [или в дух, обитающий в мраморе], и прилетят вороны, и падут на него, и подхватят его. Затем они полетят на горные вершины, куда никто не поднимается, и побелеют⁴, и умножатся в числе... Но сего ни один человек не узнает, если он сам не достигнет это своим умом.

¹ Ср. Stapleton and Husain, p. 178.

² Птицы любви Астарты.

³ Здесь мрамор — женская субстанция, так называемая Сатурния (или Луна, Ева, Бейя и т.д.), растворяющая солнце. «Сверкающий мрамор — эликсир выбеливания»¹⁸²¹ (*Mylius. Phil. ref.*, p. 234). «Et de la changea sa forme noire et devint comme marbre blanc et le soleil etait le plus haut» (MS. 3022, Bibl. de Г Arsenal, Paris). «Мрамором» также называют «воду, подобную себе самой», то есть Меркурианский дуплекс (*Филалет. Mus. herm.*, p. 770). Этот пассаж Сениора комментируется в «*Consilium coniugii*»: «Пускай они бросят свое семя на мрамор статуй [?] и в обожествленную воду, подобную себе, и вороны прилетят и падут на статую. Под вбронами... он понимает nigredo».¹⁸³¹ Очевидно, «*Consilium*» указывает на то, что в алхимии было известно как «статуя». Про исхождение этой идеи прослеживается в трактате Комария (*Berthelot*, IV, xx, 14f.), где душа, изгнанная из тела после появления черной тени, теперь возносит сияющее тело из Гадеса, чтобы оно могло восстать из могилы, облеченное духовностью и божественностью. (Точный текст см. ниже, «*The Statue*»). В *Auroga Consurgens II* (*Art. aurif.*, I, p. 196) *мать Алхимия* тоже статуя, но состоящая из разных металлов. Так же сделаны семь статуй у Раймунда Луллия (*Norton. Ordinal/Theatr. chem. Brit.*, ch. 1, p. 21). У *Миллуса* (*Phil. ref.*, p. 19) мы можем прочесть: «Великое таинство — создание статуй и превращение безжизненного тела в живую статую».¹⁸⁴¹ Согласно мандейскому (*Bousset. Hauptprobleme der Gnosis*, S. 34) и наассенскому учениям (*Hyppolitus. Elenchos*, V, 7, Legge I, p. 122), Адам был «телесной» (вещественной) или «безжизненной статуей». Подобным образом у Гегемония (*Acta Archelai*, VIII) «совершенный человек» был «колонной света», что опять же имеет отношение к *Act. Arch.*, XIII: «Но сущности эти явятся тогда, когда явится статуя».¹⁸⁵¹ Мы должны иметь эти идеи в виду при чтении *Луллия* (*Codicillus*, ch. 49, p. 88): «Всегда извлекайте масло [душу] из сердца статуй; ибо душа в притче — это огонь, и огонь скрытый».¹⁸⁶¹ Сениор (*De chemia*, p. 65) говорит: «Мы нагреваем воду, когда она выделяется из сердец каменных статуй».¹⁸⁷¹ А в *Rosarium philosophorum* (*Art. aurif.*, II, p. 335) мы читаем: «...Чтите в статуях души: ибо там они пребывают».¹⁸⁸¹ Статуя или колонна родственна древу света или древу огня и мировым осям. Ср. колонну, воздвигнутую Адонаю Саваофу во Второй Книге пророчеств Сивиллы (ed. *Geffsken*, p. 39). Подробнее см. *Философское Древо*, §42 Iff.

⁴ В арабском тексте сказано: «Они отложат яйца».

Данный текст описывает воскрешение после смерти и, если мы не обманываемся, он имеет форму конъюнкции, образующейся из белого (голубь) и черного (ворон), где последний — дух, обитающий в мо* гильном камне. Отсюда, как часто происходит, териоморфные символы (змеи и голуби) используются для мужского и женского начал, что, указывает на объединение бессознательных факторов¹. Вороны, под¹ хватывающие семя (продукт объединения?) и затем летящие с ним на горные вершины², представляют собой полезных или близких человеку духов, завершающих работу, когда он терпит поражение в своем искусстве. Это не прекрасные ангелы «Фауста», а темные посланники небес, обретающие в тот момент белизну³. Даже у Гете ангелы не вполне невинны в том, что касается искусства оболыщения⁴, и невосприимчивость их ко греху, как нам известно, понимается настолько относительно, что женщины должны находиться в церкви с покрытыми головами из-за моральной неустойчивости этих крылатых вестников, неоднократным доказательством чему служат бедствия древних времен (напр., см. Бытие, 6:2).

Сходные мотивы прослеживаются и во снах наших современников, причем тех, которые никогда даже отдаленно не касались алхимии. Вот один из таких снов: *«Большая поленница дров горела на каменной стене высотой в фут; пламя с клубами дыма вздымалось вверх. Это было пустынное и романтическое место. Высоко в небе над огнем кружила стая больших черных птиц. Время от времени одна из птиц бросалась прямо в пламя и с радостью сгорала, превращаясь в белую»*⁵. Как заметил сам спящий, сон обладал символической природой, что становится совершенно понятным, если рассмотреть его значение: он рассказывает о зеркале феникса, преобразовании и возрождении (превращение

¹ Пациентка, которую очень беспокоила проблема противоположностей, увидела сон: *«На берегу озера [то есть на краю бессознательного] спаривались две свернувшиеся в кольца змеи с бледными человеческими головами»*. Примерно через шесть месяцев последовал такой сон: *«Снежно-белая змея с черным брюхом выросла из моей груди. Я почувствовала к ней сильную любовь»*.

² Птицы, взлетающие вверх и спускающиеся вниз, часто встречаются в литературе и символизируют восходящие пары. «Небо», к которому они поднимаются — перегонный куб или *capitelum* (колпак, верхняя часть реторты), помещенный над сосудом, в котором происходит реакция, чтобы уловить конденсирующийся пар.

³ Как бы то ни было, такова интерпретация латинского переводчика.

⁴ См. ч.1.

⁵ Я должен поблагодарить доктора Майера за информацию об этом сне.

nigredo в albedo, бессознательного в «освещенное»), как говорится в стихах «Rosarium Philosophorum»:

Два орла взлетают и крылья их пылают,
Падают на землю, лишившись оперенья. Но
вскоре они в небе, и перья вновь сверкают...¹

После этого отступления на тему трансформации и воскрешения, вернемся к мотиву дуба, обсуждение которого начали комментаторы Загадки.

Надо сказать, что мы сталкиваемся с этим вопросом в другом алхимическом трактате, «Introitus apertus» Филалета². Там говорится: «Итак, узнайте о спутниках Кадма, о том, кем была поглотившая их змея и что представлял собой полый дуб, к которому Кадм пригвоздил ее».

Чтобы прояснить этот отрывок, я должен вернуться к мифу о Кадме, родиче пеласгийского Гермеса Итифалликоса³. Этот герой отправился на поиски своей пропавшей сестры Европы, которую увез превратившийся в быка Зевс. Кадм, однако, получил от бога повеление оставить поиски, а вместо этого следовать за коровой лунного цвета, до тех пор пока она не ляжет на землю, и на этом месте основать город Фивы. В то же время ему была обещана в жены Гармония, дочь Ареса и Афродиты. Когда корова легла, он пожелал принести ее в жертву и отправил своих спутников за водой. Они нашли ее в роще, посвященной Аресе, которую охранял дракон, сын Ареса. Дракон убил большинство товарищей Кадма, и Кадм, придя в ярость, убил его и засеял зубами дракона землю. Тут же из них выросли вооруженные люди, которые сражались между собой до тех пор, пока не осталось лишь пятеро. Позже Кадм получил Гармонию в жены. То, что дракона пригвоздили к дубу, — добавление Филалета. Это символизирует заключение опасного демона в дубе⁴, о чем говорится не только в комментарии Мальвазия к надписи об Элии, но и в волшебной сказке «Дух в бутылке».

Психологическое значение мифа ясно: Кадм потерял свою сестру-аниму, ибо та была унесена высшим божеством в царство сверхчеловеческого и предчеловеческого — в бессознательное. По велению богов он не должен опуститься до инцеста, и поэтому ему обещают жену. Его сестра-анима, действуя как психопомп в образе коровы (в соответствии

¹ Art. aurif., II, p. 293. Ср. Психология переноса, § 528.

² Mus. herm., p. 652ff. (Waite, II, p. 166).

³ С III века, до н.э. Кадм отождествлялся с Гермесом Кадмилосом.

⁴ Как и гамадриады, змеи являются древесными божествами. Змея охраняла яблоки Гесперид и дуб Ареса в Колхиде. Меламп принял дар второго зрения от змей, коих он обнаружил в полном дубе.

с быком Зевса), ведет его к его судьбе, представленной драконом-убийцей, ибо переход от братско-сестринских отношений к экзогамным не так прост. Но когда он преуспевает в этом, то в награду получает «Гармонию», которая является *сестрой дракона*. Дракон, как очевидно, есть «дисгармония», что доказывает произрастание из его зубов вооруженных людей. Они убивают друг друга, как бы иллюстрируя этим максимуму Псевдо-Демокрита, гласящую, что «природа покоряет природу», которая есть не что иное, как концептуально сформулированный уробо-рос. Кадм крепко держит Гармонию, пока противоположности в своей выраженной форме уничтожают друг друга. Этот образ репрезентирует способ, с помощью которого проходит разделяющий конфликт, а именно их собственную битву. В общем и целом это справедливо также для *инь* и *ян* китайской классической философии. Рука об руку с этим замкнутым на себя конфликтом идет бессознательный аспект нравственной проблемы противоположностей. Именно христианство привело к тому, что «метафизические» противоположности начали проникать в человеческое сознание и затем в форме почти дуалистической оппозиции достигли своего зенита в манихействе. Эта ересь подтолкнула Церковь к важному шагу: сформулировать доктрину *privato boni*, посредством которой она установила идентичность «добра» и «сущности». Зло как *quod non* (нечто несуществующее) стоит на пути человека — *omne bonum a Deo, omne malum ab homine* [всякое добро от Бога, всякое зло от человека]¹. Такая идея наряду с концепцией первородного греха положила основание нравственному сознанию, которое стало новым событием в истории человечества: одна из противоположностей, до тех пор, в основном, метафизическая, редуцировалась до психического фактора, означающего, что дьявол проигрывает, если не сможет воспользоваться некоей нравственной слабостью человека. Добро, однако, оставалось метафизической субстанцией, берущей начало в Боге, а не в человеке. Первородный грех испортил создание, изначально доброе. Поэтому, согласно догме, добро порождает полную проекцию, а зло — лишь частичную, потому что его основной источник — человеческие страсти. Алхимическая спекуляция продолжала этот процесс интеграции метафизических проявлений, пока посвященным не стало ясно, что обе противоположности имеют психическую природу. Они прежде всего выражаются в двойственности Меркурия, которая, однако, отменяется ради единства камня. Ляпис был — *Deo concedente* [с Божьего соизволения] — сделан посвященным и признан эквивалентом *homo totus* [целостного человека]. Данное событие следует расценивать как чрезвычайно важное, ибо оно являлось попыткой объединить ранее известные противоположности.

¹Ср. Айон, §80г

Кадм у алхимиков соответствует Меркурию в мужском виде (Солнце). Он ищет свою женскую пару, ртуть, свою сестру (Луну), но она встречает его в облике змеи Меркурия, которую он должен убить, поскольку та несет яростный конфликт противоборствующих элементов (хаос). Отсюда возникает гармония элементов, и снова может иметь место конъюнкция. Боевой трофеей, в данном случае змеиная кожа, по древнему обычаю отдается полому дубу, матери, которая символизирует священную рощу и источник. Другими словами, она передается бессознательному как источнику жизни, создающему гармонию из дисгармонии¹. Из враждебности элементов между ними возникают узыдружбы, запечатленные в камне, и эти узы гарантируют нерушимость и чистоту ляписа. Данная часть алхимической логики порождена тем, что, согласно мифу, Кадм и Гармония превратились в камень (очевидно, из-за *embarras de richesse*: совершенной гармонии в смерти). По другой версии, они превратились в змей «и даже в василисков, — замечает Дом Пернети², — ибо конечный продукт делания, соединенный со своим подобием, требует силы, свойственной василиску, как говорят философы. Для этого странного автора Гармония — естественная первоматерия, и свадьба с Кадмом³ которая происходила при согласии всех богов, есть конъюнкция Солнца и Луны, за которой следует получение смеси ляписа. Интерпретация Пернети будет корректной, только в случае если Гармония останется родственной дракону. Но как только она утрачивает связь с пресмыкающимися, то логически должна превратить себя и своего мужа в змей.

Итак, Мальвазий, наиболее интересный из комментаторов, остается в магическом круге алхимических мифологем. Это не удивительно, поскольку герметическая философия, в том виде, в каком

¹Музыкальные идеи звучат в алхимии, поскольку существуют так называемые алхимические «композиции». Михаэль Майер приложил руку к этому искусству в своих «*Atalanta fugies*». Примеры также можно обнаружить у *Read. Prelude to Chemistry*, p. 28 ff. Касательно параллелей между музыкой и алхимией см. *Berthelot*, III, xliv, 1 и VI, xv, 2ff.

²*Les fables egyptiennes et grecques*, II, p. 121.

³Пернети выводит «Кадмия» от «Кадм». Руланд считает Кадмию кобальтом (что указывает на «кобольда» — духа, домового). Кадмия, по всей вероятности, оксид цинка или другое цинкосодержащее вещество (*Lippmann. Entstehung und Ausbreitung der Alchemie*, II, S. 24). Кадм связан с алхимией также потому, что именно он положил начало горному делу и добыче золота. Кадмия (цинковая мазь) входит в фармакопею Галена как средство для высушивания сильных язв. (*De simplicium medicamentorum facultatibus*, IX, p. 599ff.) Кадмия была также известна Плинию (*Hist. nat.*, XXXII, 7, и XXXIII, 5).

она тогда существовала, являлась всего лишь интеллектуальным инструментом, который мог помочь заполнить темные места в цельности понимания. Болонская Загадка и ее комментаторы, действительно, дают нам совершенную парадигму метода алхимии в общем. Все это имело в точности тот же эффект, как и неясность химического процесса: философ смотрел на парадоксы надписи об Элии так же, как на реторту, до тех пор пока архетипические структуры коллективного бессознательного не начали приоткрывать завесу тьмы¹. И, если мы не полностью заблуждаемся, надпись сама оказывается фантазией, возникшей из той же парадоксальной *massa confusa* [неупорядоченная масса] коллективного бессознательного. Противоречие бессознательного разрешается архетипом бракосочетания, посредством которого хаос начинает упорядочиваться. Любая попытка определить природу бессознательного состояния наталкивается на те же трудности, что и атомная физика: сам акт наблюдения изменяет наблюдаемый объект. Следовательно, в настоящее время нет способа объективно определить истинную природу бессознательного.

Если мы не убеждены, подобно Мальвазию, в древности надписи об Элии, нам следует порыться в средневековой литературе в поисках источника или хотя бы аналогов. Мотив тройного предсказания или тройной причины смерти может вывести нас на правильный путь². Этот мотив прослеживается в «*Vita Merlini*» [«Жизни Мерлина»], в старом французском рыцарском романе «Мерлин», а также в его позднейших испанских и английских подражаниях XV столетия. Но самый важный источник, как мне кажется, это так называемая «Эпиграмма гермафродита», приписываемая Матье де Вендому (ок. 1150):

Когда моя беременная мать носила меня в своей утробе,
 Говорят, она спросила богов, кого ей суждено родить.
 Мальчика, сказал, Феб, девочку, сказал Марс, никого,
 сказала Юнона.
 И когда я родился, то был гермафродитом.
 На вопрос, как я встречу свой конец, богиня ответила: от оружия;
 Марс: на кресте; Феб: в воде.
 Дерево склонялось над водой, я взобрался на него;
 Мой меч соскользнул и ранил меня.
 Моя нога запуталась в ветвях, моя голова свесилась в ручей;

¹ Скорее наподобие свадебной пляски танцующих пар в видении Кекуле, когда он увидел строение бензольного кольца. Ср. Психология переноса, § 353.

² Ср. *Wickersham Crawford*. El Horoscopo del Hijo del Rey Alcaraz en el «*Libra de Buen Amor*», p. 184ff.

И я — мужчина, женщина и никто —
пострадал от воды, оружия и креста¹.

Другая параллель, но принадлежащая более древним временам, упоминается Майером. Эта одна из «Загадок Платона», которая гласит: «Мужчина, который не был мужчиной, видящий и не видящий, на дереве, которое не было деревом, ударивший и не ударивший камнем, который не был камнем, птицу, которая не была птицей, высиживающую и не высиживающую птенцов»². Ответ таков: одноглазый евнух оцарапал пемзой летучую мышь, висевшую на кусте³. Эта шутка, конечно, слишком явная, чтобы ее можно было оценить с точки зрения алхимии. Насколько мне известно, алхимики не комментировали «Эпиграмму гермафродита», хотя она была более подходящим объектом для толкования. Возможно, эта шутка и лежит в основе надписи об Элии. Серьезность, с которой алхимики приняли ее, подтверждает не только то, что в каждой шутке есть нечто серьезное, но и то, что парадокс — естественный посредник для выражения транссознательных фактов. Индийская философия, также старающаяся сформулировать трансцендентные концепции, очень часто подходит близко к парадоксу, так любимому алхимиками, о чем говорит следующий пример: «Я не человек, не бог, не дух, не брамин, не воин, не купец, не шудра, не ученик брамина, не отец семейства, не лесной отшельник и не нищий странник: Пробуждающийся — вот мое имя»⁴.

Ричард Уайт из Базингстока⁵ упоминает другой источник, нуждающийся в серьезном рассмотрении. Он утверждает, что Элия Лелия есть «Ниоба преображенная» и придерживается такой интерпретации, ссылаясь на эпиграмму, приписываемую византийскому историку Агату Схоластику⁶:

¹ *Lorichius. Aenigmatum libri III, fol. 23r.*⁸⁹¹

² *Symbola aureae mensae, p. 171.*¹⁹⁰¹

³ Эта загадка представляет собой ссылку на замечание Платона в его «Государстве» (V, 479): «Это словно двусмысленность из тех, что в ходу на пирушках, или словно детская загадка о том, как евнух хотел убить летучую мышь: надо догадаться, что он бросил, и на чем летучая мышь сидела» [Пер. А.Н. Егунова]. В схолии затем дается выражение «*Vimpon vir*», приведенное выше. В другом виде эти слова приводятся как загадка Панарка (*Athenaeus. Deipnosophists, X, 452*): «Мужчина, который не был мужчиной, попал в птицу, которая не была птицей, сидящую на Дереве, которое не было деревом, камнем, который не был камнем. Ответы тако вы: евнух, летучая мышь, дымовая труба и пемза»⁰¹¹.

⁴ *Zimmer. DerWeg zum Selbst, S. 54.*

⁵ *Richardus Vitus Basinstochius, Aelia Laelia Crispis Epitaphium Antiquum, и т.д.*

⁶ Был ли автором Агат, неясно. Он находился в Византии в 577 и 582 гг. В числе прочего он написал *KwXos tSv vJ<ov eя1ура|1|штшу*(Цикл новых эпиграмм), многие

Эта могила без тела.
 Это тело лишено могилы.
 Но оно само себе и могила и тело¹.

Уайт, убежденный в подлинности памятника, считает, что Агат написал свою эпиграмму как его имитацию, тогда как в действительности эпиграмма предшествовала надписи или, по крайней мере, их авторы пользовались общим источником.

Ниоба, как оказывается, имеет для Ричарда Уайта характер анима, поскольку, продолжая свои толкования, он считает Элию (или Гелию, как он ее называет) душой, повторяя вслед за Вергилием: «Сила ее — огонь, и родина ее — небеса. Посему имя ее — Гелия»². Имя Лелия она получила, говорит он, из-за Луны, которая оказывает тайное влияние на души людей. Человеческая душа «андрогинна», «потому что девушка имеет мужскую, а мужчина — женскую душу»³. К этой проницательной психологической мысли он добавляет другую: душу также называют «старухой», так как душа юного существа слаба. Это удачно иллюстрирует тот психологический факт, что всем людям со слишком юношеским сознанием анима зачастую представляется в облике старой женщины.

Ясно, что Ричард Уайт указывает на аниму в психологическом смысле даже более прямо, чем Олдрованд. Но в то время как последний подчеркивает ее мифологический аспект, Уайт делает акцент на ее философской стороне. В своем письме от февраля 1567 года Иоганну Туррию он пишет, что душа есть идея «такой великой силы, что сама создает формы и вещи», и «заключает в себе «самость» всего человечества»⁴. Она превосходит все индивидуальные различия. «Таким образом, если бы душа познавала себя, она должна была бы обдумывать себя и вглядываться в то место, где обитает сила души, Мудрость»⁵.

из которых, включая и вышеприведенную, сохранены в «*Anthologia palatina et planudea*». (Ср. *Anthologia Graeca Epigrammatim*, ed. *Stadtmueller*, II, 1, p. 210, No. 311). Евстафий Макремболит (*Aeschylus*, p. 209, 8 H) цитирует вышеупомянутую интерпретацию Голоболуса, который связывает эту эпиграмму с женой Лота.

¹ *Richardus Vitus*, p. II.⁶²¹

² Ср. Энеида, VI, 730: «Эти семена жизни обладают силой огня и небесным происхождением».¹⁹³¹

³ Эта психологическая интерпретация, заново открытая лишь в XX веке, по-видимому, была общим местом для алхимиков еще начиная с середины XVI столетия.

⁴ «Она несет в себе идентичность (Я — атяблпа) всего человечества».¹⁹⁴¹ *Vitus*, p. 48.

⁶ P. 50.⁶¹

Именно это произошло с толкователями Болонской надписи: во тьме тайны душа (*psyche*) смотрела на себя и воспринимала мудрость, имманентную ее структуре — мудрость, которая является ее силой. И, добавляет он, «человек есть не что иное, как его душа»¹. Следует добавить, что он описывает эту душу совершенно по-иному, чем могла бы описывать ее сегодняшняя биологическая или субъективная психология: душу, свободную от всех индивидуальных различий, содержащую «самость всего человечества» и даже создающую объективный мир силой своей мудрости. Это описание, как можно подумать, подходит намного лучше к *anima mundi*, чем к *anima vagula* конкретного человека, если он не имеет в виду загадочную основу всего психического, коллективное бессознательное. Уайт приходит к заключению, что надпись описывает не что иное как душу, форму, запечатленную в материи². Кроме того, это же случилось с интерпретаторами: они истолковали затруднительную надпись в соответствии с тем, что запечатлено в их психике.

Трактовка Уайта не только оригинальна, но и глубоко психологична. И то, что глубину взгляда он обрел после получения письма Туррия в январе 1567 года, нисколько не уменьшает его заслуги. По мнению Туррия, «Элия и Лелия» символизируют «форму и материю». Он объясняет слова «не в небесах, не в земле, не в воде» следующим образом: «Поскольку первоматерия есть *ничто*, но постигается единственно воображением, она не может содержаться ни в одном из этих мест»³. Она не является объектом чувств, но «постигается только разумом», и поэтому мы не можем знать, каков ее состав. Очевидно, что интерпретация Туррия также описывает концепцию психики и ее содержание, так что в результате ее дополнительные объяснения суть *retitio principii* [доказательство, основанное на предположении, которое само нуждается в доказательстве].

Фортунат Лицет, как это видно из заглавия его труда, «*Allegoria peripatetica de generatione, amicitia, et privatione in Aristotelicum Aenigma Elia Lelia Crispis*»⁴, усматривает в надписи всю философию Аристотеля. Он упоминает, что сия надпись была «высечена в камне и в прежние времена установлена высоко на стенах Св. Петра», однако он не утверждает, что видел ее своими глазами, так как в его время ее уже не существовало, если когда-либо она вообще существовала. Он полагает, что надпись содержит суммарную философскую теорию о происхождении земных вещей, — теорию, которая была «научно-нравственной», или «этико-физической». «В намерения автора входило сочетать

¹ P. 50 J⁹⁶ «В этой эпитафии душа описывается как идея»⁹⁷¹ (p. 46).

³ P. 40.⁹⁸¹

⁴ Падуя, 1630.

удивительным образом атрибуты происхождения, притяжения и отсутствия»¹. Вот почему, говорит он, памятник является истинной сокро-и, вицницей.

После обзора ранних авторов, посвятивших себя этой теме, Лице[^] упоминает работу Иоганна Каспара Герватия², который предложил теод[']рию о том, что в надписи запечатлена природа Любви. Герватий цитируй[']ет комического поэта Алексида Афинянина:

Я думаю, что живописцы или, точнее, те, кто создает образы этого божества, не знакомы с Эросом. Ибо он не обладает ни женской, ни мужской природой; он, опять же, не бог, не человек, не глупец, но и не мудрец, но, скорее, создан из всех этих элементов и обладает множеством свойств, скрытых под одной формой. Ведь его смелость — мужская, его робость — женская; его глупость доказывает его безумие, его рассуждения выказывают здравый смысл; его пылкость — животная, его постоянство непреклонно, его любовь к чести равна божественной³.

К сожалению, я не смог найти оригинальный трактат Герватия. Однако более поздний автор Каэтан Феликс Вераний приводит теорию Эроса в книге «Pantheon argenteae Elocutionis»⁴. Он упоминает множество ранних комментаторов, среди которых бросается в глаза отсутствие Герватия. Так как имя Герватия часто встречается в прежних подобных перечислениях, едва ли Вераний не был с ним знаком. Подозрение в плагиате почти неизбежно. Вераний отстаивает свой тезис с большим искусством, хотя, рассматривая задачу неоспоримой парадоксальности Эроса, он не сталкивается с серьезными затруднениями. Я упомяну только один из его аргументов, относящийся к концу надписи. «Надпись заканчивается, — говорит он, — словами «scitet nescit quid cui posuerit», потому что, хотя автор этой загадочной надписи знает, что посвятил ее Любви, он, однако, не ведает, что в действительности представляет собою любовь, следовательно, и описывает ее столь противоречиво и загадочно. Поэтому он знает и не знает, чему посвящена надпись».

Я обратился к интерпретации Верания главным образом потому, что она предшествовала теории, весьма популярной в конце девятнадцатого и начале двадцатого столетия, а именно сексуальной теории Фрейда о бессознательном. Вераний даже пошел настолько далеко, чтобы предположить (предвосхищая в этом отношении Олдрованда), что Элия Ле-лия имела особый эротический талант. Он пишет: «Лелия была блудни-

¹ Allegoria peripatetica, p. 166J¹

² Electorium libri III, Bk. III, cap. I, p. 8ff.

³ Deipnosophists, XIII, 562, VI, p. 36f.

⁴ Vol. II, p. 215.

цей; имя Крисп происходит от слова «кудрявый», потому что кудрявые люди менее нравственны, чем остальные, и более склонны к соблазнам Любви». Здесь он ссылается на Марциала: «Кто этот кудрявый парень, который все время увивается вокруг твоей жены, Мариан? Кто *этот* кудрявый парень?»¹

Теперь действительно стало ясно, что, кроме личного стремления к власти, или *superbia*, любовь, в смысле *concupiscentia* [вожделение], тоже является силой, непреложно выявляющей подсознание. И если бы наш автор принадлежал к тому типу людей, чьим основным пороком является похоть, ему бы никогда не пришла в голову идея, что в небесах или на земле есть иная сила, иная причина его конфликтов и переживаний. Поэтому он будет цепляться за свои предубеждения, как если бы это была универсальная теория, и будет тем менее прав, чем более фанатичными будут его убеждения. Что может значить любовь для человека, который жаждет власти?! Вот почему мы всегда обнаруживаем две главные причины психических катастроф: с одной стороны, разочарование в любви, а с другой — препятствия на пути к власти.

Последняя трактовка, которую я упомяну — одна из самых недавних. Она датируется 1727 годом и, хотя ее аргументы глупейшие, ее содержание, тем не менее, самое значительное. Сейчас мы об этом сказали бы, что тот, кто выявляет значимость того или иного факта, не всегда обладает умом. Дух веет там, где уступает разум... Несмотря на недостаток своих возможностей, автор, К-Шварц², сумел высказать блестящую идею, вся важность которой, однако, ускользнула от него. Он полагал, что Луций Агато Приск хотел, чтобы памятник понимали как *Церковь*. Поэтому Шварц считал, что надпись имеет не классическое, а христианское происхождение, и в этом, в отличие от других, он был, несомненно, прав. Его аргументы, однако, достаточно избиты, например, он пытается расшифровать «D.M.» как «Deo Magno». Хотя его интерпретация не является ни в малейшей степени убедительной, она тем не менее остается значительным фактом, указывающим на то, что Церковь частично выражает, а частично заменяет все тайны души, которые гуманистические философы проецировали в надпись об Элии. Чтобы не повторяться, я должен отослать читателя к тому, что я сказал о защитной функции церкви в «Психологии и религии»³.

Рассмотренные нами интерпретивные проекции (за исключением последней) идентичны психическим содержаниям, которые, выйдя из своих догматических рамок в эпоху Ренессанса и Великого Раскола, с тех пор оставались секуляризованными и находились во власти «им-

¹ Lib. V, epigram 61J¹⁰⁰1

² Acta eruditorum (1727), p. 332. ³ § 32ff.

манентного» принципа объяснения, то есть натуралистической и субъективной интерпретации. Открытие коллективного бессознательного начало менять ситуацию, поскольку в пределах психического опыта коллективное бессознательное принадлежит к Платонову царству вечных идей. Только, в отличие от этих моделей, определяющих форму сотворенных вещей, коллективное бессознательное посредством архетипов а priori обеспечивает условия для наделения смыслом.

В заключение я хотел бы представить еще один документ, который кажется уместным в нашем контексте, а именно, историю о «дочери» Мейстера Экхарта.

«Дочь» пришла в доминиканский монастырь и спросила Мейстера Экхарта. Когда привратник поинтересовался, о ком ему следует доложить, она ответила: «Не знаю». «Почему ты не знаешь?» — стал он допытываться. «Потому, — ответила она, — что я ни девица, ни жена, ни мужчина, ни женщина, ни вдова, ни госпожа, ни господин, ни служанка, ни рабыня». Привратник отправился к Мейстеру Экхарту. «Выйдите, — сказал он, — к самому странному созданию, которое я когда-либо слышал, и позвольте мне пойти с вами, а также спросите: Кто меня ищет?» Мейстер Экхарт так и сделал. Девушка ответила ему то же, что и привратнику. На что он молвил: «Дитя мое, ты обладаешь острым и проворным языком, но, молю тебя, объясни, что ты имеешь в виду?» «Если бы я была девицей, — ответила она, — я была бы совсем невинной, если бы женой — то постоянно хранила бы в своей душе вечную клятву; если бы была женщиной — боролась бы со своими недостатками; была бы женщиной — оставалось бы верна своему мужу; была бы вдовой — тосковала бы по своей первой и единственной любви; будь я госпожой — внушала боязливое почтение, служанкой — смиренно бы служила Господу и всем его созданиям, а будь я рабыней — усердно трудилась, оказывая послушание своему хозяину. Я не являюсь ни одним из этих созданий, но все вместе». Мастер пошел и сказал своим ученикам: «Я разговаривал с самой совершенной личностью, которую когда-либо встречал»¹.

Этой истории почти на двести лет больше, чем самому раннему упоминанию о Болонской надписи, и если здесь есть какое-нибудь литературное влияние, то оно скорее всего могло бы исходить от Матье де Вендома, что кажется мне таким же невероятным, как то, что видение «обнаженного мальчика» Мейстера Экхарта произошло от классического *puer aeternus* [предвечного дитя]. В обоих случаях мы сталкиваемся с важным архетипом, в первом — с божественной девой (анима), во втором — с божественным ребенком (самость)². Как нам известно, эти

¹ *Evans*. Meister Eckhart, I, p. 438.

² Ср. мои Психология и архетип ребенка и Психологические аспекты Коры.

первобытные образы могут спонтанно проявляться повсюду в любое время, без малейшего свидетельства о какой-либо внешней традиции. Эта история может быть как фантастическим слухом, так и фантазией самого Мейстера Экхарта или одного из его учеников — она слишком эксцентрична для реального события. Но подчас действительность бывает такой же архетипической, как и человеческая фантазия, и временами души, кажется, «проникают в предметы вне тел»¹, где они мелькают, как в наших снах.

¹ De sulphure /Mus. herm., p. 617: «(Душа) понимает множество мудрых вещей вне тела и этим уподобляется Богу».¹⁰¹

III. Персонафикация противоположностей

1. Введение

Попытки алхимиков объединить противоположности нашли свою кульминацию в «химической свадьбе», высшем акте единения, в котором деяние приходит к своему завершению. После того как преодолевается враждебность четырех элементов, все еще остается последняя и самая серьезная противоположность, которую алхимики очень удачно выражают взаимоотношением между мужским и женским началом. Мы склонны прежде всего считать это силой любви, страсти, соединяющей два противоположных полюса, забывая о том, что такое сильное притяжение необходимо лишь тогда, когда сопротивление равной силы держит их разделенными друг с другом. Хотя вражда была положена только между змеем и женщиной (Бытие, 3:15), она тем не менее перешла на отношения полов вообще. Еве было сказано: «...и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» (3:16). А Адаму Бог сказал: «За то, что ты послушался голоса жены своей...проклята земля за тебя» (3:17). Первородный грех лежит между ними, *прерванное состояние вражды*, и оно кажется беспричинным только для нашего рационального разума, но не для психической природы. Разум часто преувеличивает влияние чисто физических условий, и соединение полов кажется только вопросом чувств, а побуждением к такому соединению главным образом является чувственный инстинкт. Но если мы задуманы природой в высшем смысле как сумма всех явлений, тогда физическое начало — лишь одна из ее сторон, другая же — пневматическое, или духовное. Первое всегда считалось женским, второе — мужским. Цель первого — союз, второго — разделение. Из-за переоценки физического начала наш современный разум потерял духовную ориентацию, то есть пневму. Похоже, у алхимиков есть намеки на это, иначе как же они смогли наткнуться на странный миф о стране Морского царя, где в союз вступают только подобные с подоб-

ными и страна бесплодна¹? Это, очевидно, царство невинной дружбы, подобие рая или «золотого века», которому «философы», представители физического подхода, чувствуют себя обязанными положить конец своими добрыми советами. Но происходящее не было никоим образом естественным союзом полов; напротив, это был «королевский» инцест, грешное деяние, которое непосредственно ведет к изоляции и гибели и лишь позже восстанавливает плодородие страны. Как иносказание, миф, конечно, двусмыслен; подобно алхимии вообще, он может пониматься как духовно, так и физически, «*tañ moralis quam chymica*»². Физической целью алхимии было золото, панацея, эликсир жизни, духовной же целью было возрождение (духовного) света из тьмы Физис: излечивающее самопознание и освобождение пневматического тела от тленности плоти.

Тонкой особенностью «*Visio Arislei*» является то, что именно тот, кто размышляет о соединении полов, и есть царь страны невинности. Вот что говорит *rex marinus* [морской царь]: «Поистине я имею сына и дочь и властвую над своими подданными потому, что они не обладают ни одной из этих вещей. Я же породил сына и дочь в моем мозгу»³. Царь — потенциальный нарушитель райского состояния невинности, ибо он может производить «в своей голове», и он является царем именно потому, что способен на этот грех против первичного состояния невинности. Он может отличаться от них, он *больше*, чем любой из его подданных, и поэтому он — царь по справедливости, хотя с физической точки зрения он считается плохим правителем⁴.

Здесь мы снова встречаемся с контрастом между алхимией и превалирующим христианским идеалом стремления к восстановлению первоначального состояния невинности посредством монашества и, позднее, целибатам духовенства. Конфликт между мирским и духовным, скрытый в мифе о любви Матери и Сына, был-развит христианством до мистического брака жениха (Христа) и невесты (Церкви), тогда как алхимики перенесли его в физическую плоскость и выразили в конъюнкции Солнца и Луны. Христианское разрешение конфликта чисто духовное, физические отношения полов превращаются в аллегорию или же — совершенно нелогично — в грех, который увековечивает или даже усиливает первородный грех в райском саду. Алхимия, с другой стороны, возводит самый ужасающий грех любви — инцест — в символ единения противоположностей, надеясь таким способом вернуться в золотой век. Для

¹ *Visio Arislei* / *Art. aurif.*, p. 146ff.

² *Maier. Symb. aur. mensae*, p. 156.

³ *Visio Arislei*, p. 147.

Философы обращаются к нему: «Ты можешь быть господином и царем, но ты правишь и властвуешь плохо»^{1,1}.

обоих направлений разрешение лежит в экстраполяции единения полов на другую основу: в первом случае на духовную, во втором — на материальную. Но ни одно из них не помещает проблему туда, где она возникла — в душу человека.

Конечно, возникает соблазн отодвинуть такой сверхсложный вопрос на второй план и затем представить его как решенный. Но это объяснение слишком поверхностное, и поэтому психологически поверхностно предполагать, что проблема была поставлена сознательно, найдена болезненной и впоследствии отодвинута на второй план. Такая уловка соответствует нашему современному способу мышления, но не духу прошлого, и исторических доказательств такой невротической операции не существует. Скорее, все говорит о том, что ранее проблема казалась лежащей вне психики, как это теперь известно нам. Инцест был священным браком богов, мистической прерогативой царей, жреческим ритуалом и т.д. Во всех этих случаях мы имеем дело с архетипом коллективного бессознательного, который по мере развития сознания оказывает все большее влияние на сознательную жизнь. Сейчас определенно кажется, что духовные аллегории жениха и невесты, не говоря уже о полностью забытой алхимической конъюнкции, настолько изгладились из сознания, что инцест можно встретить только в криминалистике и сексопатологии. Открытие Фрейдом Эдипова комплекса, конкретного примера общей проблемы инцеста, оживляет данную проблему, хотя главным образом только среди врачей, интересующихся психологией. Даже если непрофессионал знает об определенных медицинских патологиях очень мало или имеет о них превратные суждения, это меняет факты не более, чем невежество публики относительно заболеваемости туберкулезом или психозом.

Сегодня врач знает, что проблема инцеста практически универсальна, и когда привычные иллюзии отходят на задний план, она тут же выходит на поверхность. Но обычно ему известна только патологическая сторона, он находится в плену одиозности этого слова, не обращая курюку истории, говорящему, что сия болезненная тайна консультационного кабинета — всего лишь эмбриональная форма вечной проблемы, которая в сверхличностной сфере духовной аллегории и в ранних фазах естественных наук создала символику величайшей важности. В общем, он видит только «*materia vilis et in via eiecta*» [низменную материю, валяющуюся на дороге] с патологической стороны и не имеет представления о духовном подтексте. В противном случае он смог бы воспринять, как исчезающий дух возвращается к нам в неподобающем, несомненно предосудительном облике, и в некоторых предрасполагающих к этому случаях может приводить к смятению и разрушению в больших и малых вещах. Психопатологическая проблема инцеста заключается в том, что инцест есть аберрантная, естественная форма единения противополож-

ностей, — единения, которое никогда не рассматривалось осознанно как задача психологии, а если подобные мысли и появлялись у кого-нибудь, то ненадолго.

Личности, которые играют роль в этой драме — мужчина и женщина, в алхимии Царь и Царица, Солнце и Луна. Далее я остановлюсь на тех способах, какими алхимия описывает крайних символических протагонистов.

2. Солнце (Sol)

В алхимии солнце символизирует прежде всего золото и обозначается одинаково с ним. Но так же, как «философское» золото не есть то же, что «простое» золото¹, так и солнце в данном случае не является ни обычным металлическим золотом², ни только небесным телом³. Иногда солнце проявляется как активная субстанция, скрытая в золоте, и выделяется в виде *tinctoria rubea* (красной жидкости). Иногда, как небесное тело, оно испускает магически действенные и преобразующие лучи. Как золото и небесное тело⁴, оно содержит активную серу красного цвета, горячую и сухую⁵. Из-за этой красной серы солнце алхимиков, подобно алхимическому золоту, — красное⁶. Как было известно каждому

¹ *Senior. De chemia*, p. 92²¹

² «Золото и серебро в металлической форме (конформации) не являются вещем нашего камня». ¹³¹ *Tractatus aureus / Mus. herm.*, p. 32 (Waite, I, p. 33).

³ Из-за того что золото не подвержено окислению, Солнце (Sol) представляет тайное снадобье, описанное в «*Consilium coniugii*» следующим образом: «Субстанция однообразная, постоянная, пребывающая вечно»⁴¹ (*Ars chemica*, p. 58). «Ибо в Солнце коренится нетленность».¹⁵¹ «Поистине у Искусства нет иных основ, кроме Солнца и его тени»¹⁶¹ (*Ibid.*, p. 138).

⁴ *Rupescissa. La Vertu et propriete de la quinte essence*, p. 19: «J'celuy soleil est vray or... L'or de Dieu est appele par les Philosophes, Soleil; car il est fils du Soleil du Ciel, et est engendre par les influences du Soleil es entrailles et veines de la terre». (Золото — истинное солнце... Божье золото философы называют солнцем, ибо оно — дитя солнца и порождено им в венах земли).

⁰ Сера также идентична огню. Ср. *Consilium coniugii* (*Ars chemica*, p. 217): «Посему знай, что сера — это огонь, то есть Солнце (Sol)».¹⁷¹ У *Мунуса* (*Phil. ref.*, P- 185) Солнце идентично сере, то есть алхимическое Солнце означает активную субстанцию солнца или золота.

⁶ «Наше Солнце красное и пылающее».¹⁸¹ (*Zacharius, Opusculum / Theatr; chem.*, I, p. 840). Бернар Тревизанский заходит достаточно далеко, чтобы провозгласить: «Солнце есть не что иное, как сера и рТуТб»⁹¹ (*Ibid.*, *Flamel's annotations*, p. 860).

алхимику, золото обязано своим красным цветом примеси Си (меди), которая интерпретируется как Киприда (Киприана, Венера), упоминаемая греческими алхимиками в связи с преобразующей субстанцией¹. Краснота, жар и сухость являются классическими свойствами египетского Сета (греческого Тифона), то есть враждебного принципа, который, подобно алхимической сере, тесно связан с дьяволом. И так же, как царство Тифона находится в запретном море, так и солнце, как «sol centralis», имеет свое море, свою «материальную видимую воду», а как «sol coelestis» — свою «тонкую неразличимую воду». Эта морская вода (aqua pontica) выделяется из солнца и луны. В отличие от воды Тифоно-ва моря, жизнотворная сила этой воды восхваляется, хотя это не означает, что она неизменно несет добро². Она эквивалентна двуликтому Меркурию, чья ядовитая натура часто упоминается в трактатах. Не следует оставлять без внимания тифонианский аспект активной солнечной субстанции, красной серы, воды, «которая не увлажняет руки»³, и «морской воды». Автор «Novum lumen chemicum» не мог не вспомнить ее парадоксальную природу: «Не тревожьтесь, если обнаружите в моем трактате противоречия, что в привычке философов; вы увидите, что они необходимы, когда поймете, что не может быть розы без шипов»⁴.

Активная солнечная субстанция также обладает благоприятным эффектом. Подобно бальзаму, она истекает из солнца и производит лимоны, апельсины, вино, а в царстве минералов — золото⁵. У человека этот бальзам формирует «коренную влагу, происходящую из наднебесных вод»; он — «сияние» или «светящееся тело», которое «от рождения человека оживляет внутреннее тепло и от которого происходят все движения желаний и воли и принцип всех потребностей». Это «живой дух», он «обитает в мозгу и властвует в сердце»⁶.

¹ Олимпиодор {Berthelot. Alch. grecs, II, iv, 43}: «Натри [им] одежды сияющей богини, красной Киприды».

² Ср. притчу о сере, где вода оказывается опасной.

³ Hoghelande, Theatr. chem., I, p. 181.

⁴ Mus. herm., p. 58If. (Waite, II, p. 107).

⁵ Steeb. Coelum Sefiroticum, p. 50. Парацельс в «De natura rerum» (Sudhoff. XI, p. 330) говорит, что «ныне жизнь человеческая представляет собою не что иное, как астральный бальзам, печать бальзама, небесный и невидимый огонь, закрытый воздух». — De Vita longa (ed. Bodenstein, fol. c 7v): «(Рассматривая некую невидимую силу), он называет ее бальзамом, превосходящим всякую телесную природу, хранящим два тела в соединении и защищающим небесное тело вместе с четырьмя стихиями».¹⁰¹

⁶ Steeb. p. 117. Луна получает «универсальную форму и естественную жизнь» у солнца. (Dorn. Physica genesis / Theatr. chem., I, p. 397).

В арабском трактате «Liber Platonis Quartorum» spiritus animalis [животный дух], или солярная сера — это еще *πνεῦμα πάρεδρον* — охраняющий или дружелюбный дух, которого можно вызвать при помощи магии для помощи в работе¹.

Из всего, что было сказано об активной солнечной субстанции, должно быть ясно, что Солнце в алхимии скорее не конкретное химическое вещество, а «virtus» [энергия, истина], таинственная сила² которая, как верили, обладает порождающим³ и преобразующим свойством. Как физическое солнце освещает и согревает мир, также и в сердце есть солнцеподобное нечто, источающее жизнь и тепло⁴. «Поэтому солнце, — говорит Дорн, — по праву именуется первым после Бога и является всеобщим отцом и вдохновляющей силой⁵, поскольку в нем скрыта плодоносящая и внешняя сила всех вещей»⁶. Сила называется «серой»⁷. Это горячий, демонический жизненный принцип, который из всех земных элементов ближе всего к солнцу, — «центральный огонь» или «ignis gehennalis» (адский огонь). Существует также понятие «Sol niger» [черное солнце], которое соответствует nigredo и putrefactio [разложению], состоянию смерти⁸. Подобно Меркурию, Солнце (Sol) в алхимии носит противоречивый характер.

Своей чудодейственной силой солнце, по словам Дорна, обязано тому, что «в нем содержатся все простые элементы, ибо они есть в

¹ Theatr. chem., V, p. 130.

² «Глупо верить, как верят многие, что солнце всего лишь небесный огонь».¹¹¹ (Dorn. Physica Trismegisti / Theatr. chem., I, p. 423).

³ Алхимики все еще верили, подобно Проклу, что солнце порождает золото. Ср. Прокл. Комментарии к «Тимею» Платона 18 Б, I, p. 36.

⁴ Дорн (Physica Trismegisti, p. 423) говорит: «Источником жизни человеческого тела выступает центр человеческого сердца, или, скорее, та тайная сущность, что скрыта в нем, в том месте, где живет естественное тепло».¹²¹

⁶ *Zosima* (Berthelot. Akh. grees, III, xxi, 3) приводит слова Гермеса: «Солнце — творец всех вещей».¹¹³¹

⁶ Physica Trismegisti, p. 423.¹⁴¹ В Codex Berol. Lat. 532 (fol. 154v) говорится о зародышевой клетке яйца: «Солнечная точка (то есть зародыш яйца), которая находится в желтке».¹¹⁵¹

«Первое и самое сильное мужское и универсальное семя это, по своей природе, сера — первая и самая мощная причина появления потомства. Вот почему Па-Рацельс говорит, что солнце и мужчина посредством мужчины порождают человека»¹⁶¹ (Zorn, ibid.).

Ср. выше. Алхимическое солнце также поднимается из земной тьмы, как в Aurora Consurgens, p. 125f.: «Эта земля подготавливает луну... затем появляется солнце... из тьмы, которую ты обустроивал перед восходом солнца».¹⁷¹

небесах и в других небесных телах». «Мы утверждаем, что солнце — простой элемент», — продолжает он, подразумевая его идентичность с квинтэссенцией. Этот взгляд объясняется в примечательном отрывке из «*Consilium coniugii*»: «Философы утверждают, что отцом золота и серебра является животная первооснова (*animal*) земли и воды, или человек либо часть человека, например, волосы, кровь и т.д.»¹. За этой идеей стоит примитивная концепция универсальной силы роста, исцеления, волшебства и возвышения², которую можно обнаружить как у солнца, так и у человеке, и у растений, поэтому не только солнце, но и человек, особенно посвященный человек, адепт, может производить золото посредством этой универсальной силы. Дорну, как и другим алхимикам, было ясно, что золото невозможно получить при помощи обычных химических процедур³, и поэтому процесс создания золота (*хризопейю*) он назвал «чудом». Чудо происходило благодаря *natura abscondita* (тайной природе), метафизической сущности, «воспринимаемой не внешним зрением, а только душой»⁴. Эта сущность была «привнесена небесами»⁵, благодаря чему посвященный приближался к вещам божественным настолько близко, насколько это возможно, и в то же самое время получал из вещества тончайшие силы, «годные для чудодействия». «Именно в человеческом теле есть некая эфирная субстанция, которая оберегает и сохраняет все остальные его элементы»⁶, — говорит он. Действиям этой

¹ *Ars chemica*, p. 158. Для примитивного сознания кровь — место обитания души. Волосы означают мощь и божественную силу (*Суд*. 13:5,16:17).

² Ср. труды *Лемана* (*Lehmann*), *Пройса* (*Preuss*) и *Рёра* (*Rohr*). Ряд концепций маны можно найти в моей работе: О психической энергии, § 114ff.

³ Ср. *Bonus. Pretiosa margarita novella / Theatr. chem.*, V, p. 648: «Таким образом, Алхимия сверхъестественна и божественна. И в этом камне — все трудности Искусства, и никаких естественных причин не хватит, чтобы объяснить, почему это суждено. Разуму не дано постичь это, и никакие объяснения не удовлетворят его, здесь возможна только вера, вера в чудесную божественную материю; также как основы христианской веры, будучи сверхъестественными, должны быть приняты неверующими как истина, так и цели алхимического деяния можно достичь только посредством чудесного и сверхъестественного. Поэтому Бог один действует здесь, природа не принимает вдеянииучастия».^{1,81}

⁴ *Spec. phil. / Theatr. chem.*, I, p. 298; *Phil, chemica*, p. 497.

⁵ Ср. *Aurora Consurgens*, p. III: «Ибо я не был изумлен той великой силе сущности, которую небеса принесли в дар».^{1,91}

⁶ *Phil, meditativa / Theatr. chem.*, I, p. 456. Аналогичный пассаж можно найти на стр. 457: «Далее, в человеческом теле скрыта некая, известная лишь очень немногим, субстанция небесной природы, которая не нуждается в лекарстве, будучи сама совершенным лекарством».²⁰¹

субстанции, или энергии (добродетели), мешает «испорченность (греховность) тела», но «философы благодаря роду божественного вдохновения знают, что сия добродетель (энергия) и небесная сила может быть освобождена от оков плоти не противоположностью своею, ... но своим подобием»¹. Дорн называет его «Veritas» [истиной]. «Это высшая сила, непобедимая крепость, у которой немного друзей, но бесчисленное множество осаждающих ее врагов». Ее «защищает чистейший Агнец», и она обозначает небесный Иерусалим в душе человека. «Это крепость истины и подлинных сокровищ, которые не могут быть ни растрчены, ни украдены, а остаются навсегда, а значит, и после смерти»².

В таком случае для Дорна божественная искра, вселенная в человека, оказывается тем, что Гете в своей первоначальной версии «Фауста» называл фаустовской «энтелехией», которую унесли ангелы. Это высшее сокровище «животный человек не постигает... Мы созданы подобно камням, имеем очи и не видим»³.

В итоге этого обсуждения мы можем сказать, что алхимическое Солнце (Sol), как «некий свет» (quaedam luminositas), во многих отношениях подобно *lumen naturae* [естественному свету]. Оно было подлинным источником света в алхимии, и из алхимии Парацельс позаимствовал этот же источник, чтобы пролить свет на искусство медицины. Таким образом, солярная концепция сыграла немалую роль в росте современного сознания, которое за последние двести лет все больше и больше полагалось на опыты и наблюдения природных объектов. Солнце, по-видимому, указывает на важные психологические данные. Следовательно, вполне корректно будет детально обрисовать все его особенности на основе обширной литературы.

Вообще Солнце рассматривается как мужская и активная половина Меркурия, высокоорганизованной идеи, чью психологию я обсуждал в отдельном исследовании⁴. Поскольку Меркурий в своей алхимической форме в реальности не существует, он должен быть проекцией подсознания, и так как он является абсолютно фундаментальной концепцией алхимии, он сам должен обозначать бессознательное. По своей природе он — бессознательное, где ничего не может быть дифференцировано, но, как *spiritus vegetativus* (живой дух), он — активное начало и, следовательно, должен в действительности проявляться в дифференцированной форме. Поэтому его справедливо называют «двойным», и активным и пассивным одновременно.

¹ Р. 457. Р. 458. См. также *Spec, phil.*, p.

266.

³ Р459²¹

⁴ Дух Меркурий.

«Восходящая», активная его сторона именуется Солнцем (Sol), и только с ее помощью может быть воспринята пассивная сторона. Пассивная сторона берет имя Луны потому, что заимствует свет у Солнца¹. Доказано, что Меркурий соответствует мировому разуму классической философии. Из него происходит человеческий разум, а также бодрствующая жизнь психики, которую мы называем сознанием². И в качестве своего двойника сознание нуждается в темной, скрытой, непроявляющейся стороне, бессознательном, которое можно увидеть только в свете сознания³. Как рассветное солнце поднимается из ночного моря, так же, онтогенетически и филогенетически, сознание рождается из бессознательного и каждую ночь вновь погружается в свое первичное состояние. Эта двойственность нашей психической жизни является прототипом и архетипом солярно-лунарной символики. Алхимик настолько сильно чувствует символизм своих подсознательных положений, что, вопреки всем астрономическим данным, он снабжает солнце тенью: «Солнце и его тень придают деянию совершенство»⁴. Михаэль Майер, у кого я позаимствовал это изречение, уклонился от объяснения такой замены земной тени на солнечную в сорок пятом дискурсе своего «Scriptorium». Очевидно, он не мог полностью закрыть глаза на астрономическую действительность. Но далее он приводит классическое изречение Гермеса: «Сын, порождение луча его тени»⁵, и таким образом ясно дает нам понять, что тень содержится в солнечных лучах и поэтому может быть выделена из них (что бы это ни означало). К этому изречению близка часто встречающаяся в литературе⁶ алхимическая идея черного солн-

¹ Ср. древнюю идею о том, что солнце соответствует правому глазу, а луна — левому (Олимпиодор у *Berthelot*. *Alch. grecs*, II, iv, 51).

² Как солнце для средневековых философов было богом физического мира, так и сознание — это «малый бог мира».

³ Сознание, подобно солнцу, — это «глаз мира». (Ср. *Лико делла Мирандолла*. *Disputationes adversus astrologos*, lib. III, cap. X, p. 88r). В своем «*Heptaplus*» (*Expositio* 7, cap. IV, p. 11r) он пишет: «Поскольку Платон называл Солнце... видимым сыном Божиим, то почему же мы не можем понять, что мы сами — образы невидимого сына? И если он — истинный свет, освещающий каждый разум, то его самый выразительный образ — это Солнце, которое есть свет образа, освещающего каждое тело».¹²²¹

⁴ Эта идея встречается уже в «*Turba*» (ed. by *Ruska*, p. 130): «Тот, кто примешает к яду мудрецов солнце и его тень, раскроет величайшую из тайн».¹²³¹ *Минус* (*Phil. ref.*, p. 22) говорит: «В тени солнца — жар луны».¹²⁴

⁵ Из второй части *Tractatus aureus / Ars chemica*, p. 15.¹²⁵¹

⁶ Ср. *Mylius*, *Phil. ref.*, p. 19. Здесь *sol niger* выступает в качестве синонима *caput corvi* [голова ворона] и означает *anima media natura* [душу промежуточной

ца. Это утверждение поддерживает тот самоочевидный факт, что без света нет тени, то есть, что тень в известном смысле тоже испускается солнцем. Поэтому физика требует темного объекта, помещенного между солнцем и наблюдателем, но такое условие неприменимо к алхимическому Солнцу, так как оно иногда само бывает темным. Оно содержит и свет, и тьму. «Почему же, в конце концов, — спрашивает Майер, — это солнце не имеет тени? Это то же самое, что колокол без языка». В то время как Солнце (Sol) является самой драгоценной из вещей, его тень — *res vilissima* или *quid vilius alga* (бесполезнее водоросли). Парадоксальное мышление алхимии противопоставляет каждой позиции ее отрицание и *vice versa* [наоборот]. «Внешне это телесные вещи, но внутренне — духовные», — говорит Сениор¹. Подобный взгляд справедлив для всех алхимических свойств, и каждая вещь несет в себе свою противоположность².

Для алхимического способа мышления тень не просто *privatio lucis*; свет и тень прочно и явно связаны, так же как колокол и его язык. Только в этом смысле можно понимать слова Гермеса. Полностью они звучат так: «Сын, порождение луча его тени, и порча, происходящая из тумана, окружающего его, оскверняет его и затемняет его свет, и поэтому неизбежность и краснота истребляют его»³. Здесь тень мыслится совершенно конкретно; это туман, который способен не только затемнить солнце, но и осквернить его («*coinquinare*» [запятнать, опозорить] — сильное выражение). Краснота (*rubedo*) солнечного света — отсылка к содержащейся в нем красной сере, активному воспламеняющему элементу, разрушительному по своему действию.

природы] в состоянии *nigredo*, которое возникает, «когда золотая земля растворяется своим собственным совершенным духом».¹²⁶ Психологически это означает временное угасание сознательной точки зрения из-за вторжения бессознательного. Милиус ссылается на «древних философов» как на источник *sol niger*. Аналогичный пассаж имеется на стр. 118: «Солнце затемняется от рождения. И это очернение — начало делания, знак разложения и подлинное начало смешения». I²⁷) *Nigredo* — это «измененная тьма чистилища». *Pupli* (Chymische schriften, p. 51) говорит о «черном» солнце, добавляя: «Вы должны пройти через врата тьмы, если хотите достичь белизны райского света». Ср. Turba, p. 145: «*Nigredo soils*».

'Dechemia.p. 9U²⁸) *Sol niger* — это «противосолнце», равносильное невидимому солнцу, укрытому в центре земли. (Ср. *Agnostus. Prodrum Rhodostauroticus*, 1620, Vr). Подобная идея встречается у *Вентуры* (Theatr. chem., II, p. 276): «И как в начале солнце скрыто в луне, так же, скрытое и в конце, оно извлекается из луны». I²⁸]

Tractatus aureus / Ars chemica, p. 15.

Дорн утверждает, что у человека «естественная сера» тождественна «стихии огня», являющейся «причиной порчи», и этот огонь «загорается невидимым солнцем, известным немногим, то есть солнцем философов». Естественная сера стремится вернуться в свое первичное состояние, так что тела становятся «сатанинскими, пламенными» и могут воспринять огонь, который «разлагает человека до его первоэлементов»¹. Солнце, несомненно, является орудием физиологической и психологической драмы возвращения к первоmaterии, смерти, которая должна воспоследовать, если человек возвращается к первоначальному состоянию простых элементов и обретает чистую природу неземного рая. Для Дорна этот процесс был как физическим, так и духовным и моральным.

Солнце появляется здесь в сомнительном, действительно в «сатанинском» свете: оно оскверняет (очевидно, из-за содержащейся в нем серы²).

Соответственно, Солнце, как и золотая тинктура, является преобразующей субстанцией. Анонимный трактат «De arte chymica» различает две части или стадии ляписа. Первая называется *sol terrenus* (земное солнце). «Без земного солнца деяние не полно»³. На следующей стадии работы Солнце соединится с Меркурием.

На земле эти камни мертвы, они ничего не делают, если человек не применит к ним свою энергию. [Рассмотрим]⁴ обоснованную аналогию с золотом: высшее небо потеряно для всех людей, и они вынуждены были спуститься в нижний мир, где были заточены навеки.

¹ *Dorn. Spec. phil. /Theatr. chem., I, p. 308.* Он представлял это явление в первую очередь как психологически деструктивное действие, при котором соли, находящиеся в теле, превращаются в шлак, так что тело становится «серным». Но этому медицинскому наблюдению предшествует следующее замечание: «Поскольку человек рождается в грехе, его собственная плоть с ненавистью преследует его». Он имел в виду первородный грех и испорченность, последовавшую за ним.

² Я не забываю, что опасность Солнца может быть также вызвана тем, что лучи его содержат чудесную воду, «которая силой магнита извлекается из лучей солнца и луны».¹³⁰¹ Эта вода является разлагающим веществом, поскольку «перед тем, как ее соответствующим образом приготовили, она была смертельным ядом». *Mylus, Phil. ref., p. 314.* *Aqua petmanens* является также йбюр *GEIOV* (божественной водой), «божественной» серой. Ее называли «серной водой» (то *8EIOV* также означает серу), и она эквивалентна ртути. *9elov* или *Sfj'tov* у Гомера считалась обладающей апотропическими силами, почему ее и называли «божественной».

³ *Art. aurif., I, p. 58ff.*¹³¹

⁴ В тексте стоит только «*auri similitudinem profundam*», без глагола.

Но Иисус Христос отомкнул врата небесного Олимпа и оставил открытым царство Плутона, чтобы души могли обрести свободу, когда Дева Мария, споспешествуемая Святым Духом, в невыразимом и глубочайшем таинстве зачала в своем девственном лоне превосходящее все на небесах и земле, и наконец родила для нас Спасителя всего мира, который своей высшей добротой спасет всех грешников, если они сами обратятся к нему. Но Дева осталась чистой и неоскверненной: и поэтому были все причины для того, чтобы приравнять (*aequiratur*) Меркурия к славнейшей и всеми почитаемой Деве Марии¹.

Из вышесказанного очевидно, что конъюнкция Солнца и Меркурия — священный брак, где Меркурий играет роль невесты. Если не счесть такую аналогию слишком оскорбительной, то можно хладнокровно спросить себя, не может ли тайна *opus alchymicum*, как ее понимали старые мастера, рассматриваться как эквивалент догматического таинства. Для психолога решающим здесь является субъективная позиция алхимика. Как я показал в «Психологии и алхимии», такой взгляд на веру отнюдь не уникален².

Метафорическое именование Христа Солнцем³ на языке отцов церкви было воспринято алхимиками буквально. Они применили его к своему *sol terrenus*. Когда мы вспоминаем, что в психологии Солнце алхимиков соответствует сознанию, двойственной стороне психики, то должны добавить к этому символизму аналогию Христа. Христос появляется по существу как *сын* — сын своей матери-невесты. Роль сына в действительности падает на эго-сознание, когда оно отделяется от материнского подсознания. Согласно такому источнику, как «*Tabula Smaragdina*», Солнце — отец Меркурия, который в вышеприведенном отрывке представляет собой женское начало и мать-невесту. В этом качестве Меркурий идентичен Луне и — благодаря символизму Луна-Мария-Экклезия (Церковь) — Деве. Так, трактат «*Exercitationes in Turbam*» гласит: «Как кровь лежит в основе плоти, так Меркурий дает начало Солнцу... и, таким образом, Меркурий есть Солнце, а Солнце есть Меркурий»⁴. Следовательно, Солнце оказывается отцом и сыном сразу, а его женский двойник в одном лице

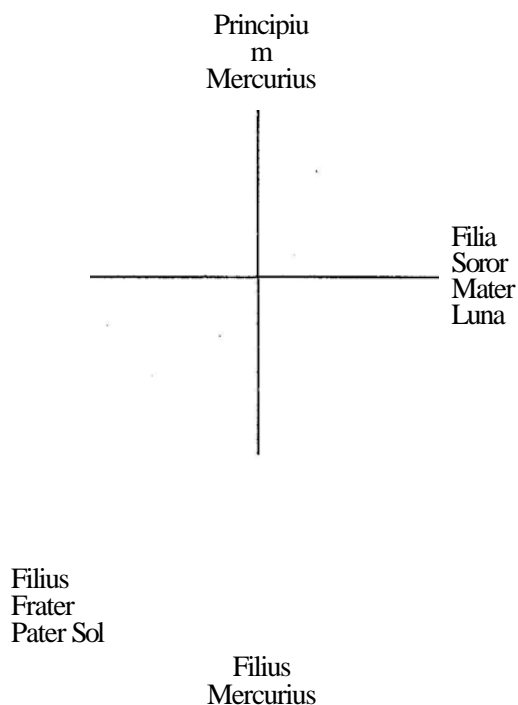
¹ Art. aurif., I, pp. 580ff.

² «Параллель Христос-ляпис».

³ Особенно как «*sol iustitiae*» (солнце правды), Мал. 4:2. Ср. *Гонорий Отенский*. *Speculum de misteriis Ecclesiae* (Migne, P.L., vol. 172, col. 921): «Ибо, подобно солнцу за тучами, солнце правды скрыто под человеческой плотью».¹³² Соответственно, гностический антропос тождествен солнцу. (Ср. *Reitzenstein*. *Poimandres*, p. 280).

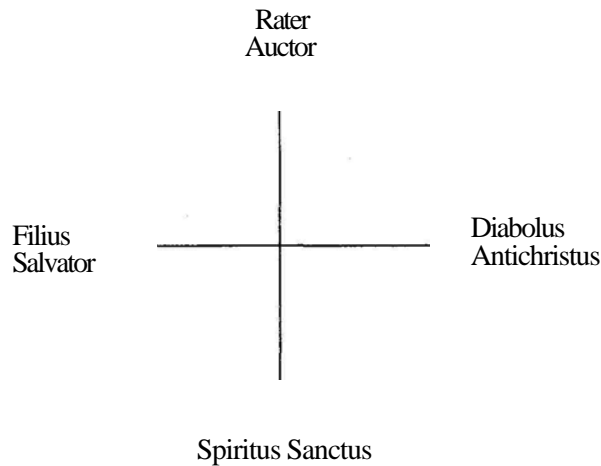
⁴ Art. aurif., I, p. 155.

представляет и мать, и дочь; более того, Солнце и Луна просто стороны одной и той же субстанции, которая является одновременно причиной и продуктом обоих, а именно — двойственного Меркурия, о котором философы говорят, что он содержит все, что ищут мудрецы. Этот способ мышления основан на четверице:

Хотя солярный символизм напоминает догматические модели, его основная структура очень от них отличается; в догмате Троица включает в себя только Божество, а не вселенную¹. Алхимическая схема появляется, чтобы охватить только материальный мир, однако из-за своего четверичного характера она близко подходит к отображению всеобщности, примером чему служит символ креста, воздвигнутого между небом и землей. Крест опосредованно представляет собой общехристианский символ: как орудие пытки, он выражает земные страдания воплощенного Бога, а как четверица символизирует вселенную, которая включает также материальный мир. Если мы теперь добавим к этой крестообразной схеме четыре действующих лица божественной мировой драмы — Отца как *auctor regum* [творца всех вещей], Сына, Его двойника дьявола (для борьбы с которым он стал человеком) и Святого Духа, то получим следующую четверицу:

¹ Алхимический эквивалент Троицы — трехглавый змей (Меркурий). См. Психология и алхимия, рис. 54.

Я не буду более подробно обсуждать здесь различные аспекты этой четверицы, поскольку уже сделал это в отдельном исследовании¹. Я упомянул ее только для сравнения с алхимической четверицей. Такие четверицы, как вышеописанные, логически характеризуют гностическое мышление, которое Кёпген удачно назвал «круговым»². Мы уже встречали подобные фигуры, когда рассматривали противоположности, часто объединяющиеся в четверки. Ритм обеих схем подразделяется на три этапа:

¹Ср. Попытка психологического истолкования догмата о Троице, § 243ff. Хотя это может вызвать раздражение, оппозиция Христос — дьявол на вышеприведенной схеме предполагает внутреннее родство (эбиониты, по словам Епифания, полагали его родством таким же близким, как между двумя братьями). Ангелус Силезиус, по-видимому, тоже чувствовал нечто подобное:

Коль выйти из себя (seinheit) сам сатана бы смог,
Уже бы и сидел у самых Божьих ног.

Херувимский странник (Cherubinisher Wandersmann), I, 143.

[Пер. И.О. Гучинской]

Говоря о «я» сатаны, от которого он должен был избавиться, Ангелус Силезиус имел в виду «осужденную индивидуальность», так как это неоспоримо для любой индивидуальности, неосведомленной о ее тождестве с Богом.

²Мышление псалмов и пророческих писаний «округло. Даже Апокалипсис состоит из спиральных образов... Одна из основных характеристик гностического мышления — круглость» (*Koergen. Gnosis des Christentums*, S. 149). Кёпген приводит пример из Эфраима Сирийского: «Утешьте тело с помощью души, но

Алхимический:	Начало Источник Меркурий	—	Развитие Солнце Луна	—	Цель Сын Меркурий
Христианский:	Создатель Отец	—	Развитие конфликта Спаситель Дьявол	—	Заступник Святой дух Церковь или Царство Божие

Алхимическая драма ведет снизу вверх, из земной тьмы к духовному, крылатому *filius mactocosmi* [сын макрокосма] и *lux moderna* [новый свет]; христианская драма, с другой стороны, представляет нисхождение на землю из Царствия Небесного. Здесь мы видим зеркальное отражение мира, как если бы Богочеловек, спустившись с небес — как гласит гностическая легенда — отразился бы в темных водах Физис. Сознание и подсознание в определенной степени взаимно дополняют друг друга, поскольку элементарные психогенные симптомы и сны вызываются элементарными *stimulis probe* [достоверными стимулами]¹. (Отсюда странная идея, высказанная, в частности, Рудольфом Штейнером, что потусторонний мир обладает свойствами, дополняющими свойства нашего мира.) Внимательное наблюдение и анализ показывают, однако, что не все сны можно механически рассматривать только как дополнительное свойство, но следует интерпретировать скорее как попытки *компенсации*, хотя это не препятствует тому, что многие сны на поверхностный взгляд обладают отчетливым дополняющим характером. Подобно этому в алхимическом движении мы можем видеть отражение христиан-

верните душу в тело, дабы они могли утешаться тем, что после разделения вновь соединятся (с. 151). Алхимик то же самое может сказать про уробороса, поскольку уроборос представляет первейший символ алхимической истины. Кёпген также и догму называет «круглой»: «Она кругла, как живая реальность»... Догмы связаны с религиозной реальностью, а она кругла» (с. 52). Он обращает внимание на «то непознанное и нераспознанное, лежащее в самой сердцевине догмы» (с. 51). Это замечание указывает на причину или одну из причин «круглости»: догмы — это приближенные концепции тех наличных фактов, которые, тем не менее, еще нельзя описать и о которых можно говорить только приблизительно. В то же самое время эти факты являются «сферами» неопределяемого объема, поскольку они олицетворяют *принципы*. Существенной частью их природы является частичное совпадение и взаимопроникновение. «Круглость» — это особенность не только догмы, но, в особой степени, и алхимического мышления.

- ¹ В особенности сны о голоде, жажде, боли и сексе. Другой дополнительный фактор — это женская природа бессознательного у мужчины.

ского¹. Кёпген допускает значительное различие между двумя аспектами Христа: нисходящий, воплощенный Бог, и восходящий, гностический Христос, возвращающийся к отцу. Мы не можем приравнять последнего к алхимическому *filius regius*, хотя схема Кёпгена предлагает верную параллель с алхимической ситуацией². Фигура спасителя в алхимии несоизмерима с фигурой Христа. В то время как Христос — Бог и Сын Божий, *filius regius* есть душа природы, порождение творящего мир Логоса, отделившаяся от Божественного Разума и проникшая в материю. *Filius regius* тоже сын Божий, но отстоит от него дальше и был зачат не Девой Марией, а Матерью Природой: он — «сын третьего порядка» в понимании Василида³. Не следует учитывать традиционные влияния, рассматривая концептуальную структуру *filius*; это автохтонный продукт, порожденный бессознательным. Его логическое развитие достигло поля действия сознания уже в раннехристианскую эру, и этому послужила та же настоятельная потребность бессознательного, которая в более поздние времена стимулировала движение мысли. Ибо, как показывает наш современный опыт, коллективное бессознательное есть живой процесс, который следует своим внутренним законам и выплескивается в назначенное время, подобно фонтану воды. Так же происходило и в алхимии, которая своими сложными и неясными путями обязана по большей части трудностям парадоксального мышления, которое постоянно вступало в противоречие с требованиями логической последовательности метафизических образов и душевного совершенства. «Вопит *superexcedens*» [превосходящая все доброты] Божья не допускает объединения со злом. Хотя Николай Кузанский отожествил на смелую мысль о *coincidencia oppositorum* [совпадении противоположностей], ее логическое последствие — относительность идеи бога — подтверждает несчастья, обрушившиеся на Ангелуса Силезиуса, лишь высохший венчик поэта лежит на его могиле. Вместе с Якобом Бёме он испил из

¹ О компенсаторной стороне «рефлексии» см. Психология и алхимия, §26ff.

² *Koerger*, p. 112.

³ Ср. Дух Меркурий, § 282f. В другом отношении, если рассматривать развитие концепции дьявола у эбионитов, *filius philosophorum* — это «третий» (*Epiphanius. Panarion*, XXX). Они утверждали, что Бог породил двоих — Христа и дьявола. Пселл пишет, что эвхиты называли последнего Саганаилом, младшим братом Христа. (Ср. Аион, § 229 и Дух Меркурий, § 27И). По отношению к этим двоим *filius regius* [царский сын] — в качестве *donum Spiritus Sancti* [дара Святого Духа] и сына первоматерии — выступает как «третий сын», который, вместе с первомате-Рией, может проследить свое происхождение (хотя и более далекое) от Бога. О трехкратном сыновстве см. *Hypolytus. Elenchos*, VII, 22, 7f. (Legge, II, p. 71f.); Аион, § 118f. «Сыновья» происходят от «света истинного» (Ин. 1:9), от Логоса, от ⁸⁹*Pientia Patris* [мудрость Отца] — *Hypolytus*, VII, 22, 4 (Legge, II, p. 68f).

источника Матери Алхимии. На самом деле, алхимики захлебнулись собственным замешательством.

Итак, именно эти исследователи природы, вооруженные новыми средствами познания, извлекли запутанные проблемы из мрака забвения, сделав их подходящими для психологии предметами рассмотрения. Такого никогда не могло произойти раньше, по той простой причине, что психологии бессознательного тогда не существовало. Но исследователь в медицине, благодаря своим знаниям архетипических процессов, находится в выгодном положении, поскольку в состоянии распознать в трудных для понимания и выглядящих гротескно символах алхимии ближайших родичей тех серийных фантазий, что лежат в основе симптомов параноидальной шизофрении, а также рассматриваются в процессе лечения психогенных неврозов. Высокомерное отношение к другим областям науки, возникающее, видимо, из-за пренебрежения психическими процессами «патологических личностей», не должно отвлекать врача от его задачи — облегчить и излечить болезнь. Однако он может помочь больной душе, только когда он видит в ней уникальную душу именно этого человека и когда знает ее земные и неземные тайны. Он может считать такой же важной задачей защитить само сознание, его ясность, «здравомыслие», а также сформировавшееся доброе начало от того шумного потока, что вечно течет во тьме души — *Ttdvxapei*, ничего не оставляет неизменным и непрерывно создает прошлое, которое никогда не вернуть. Он знает, что в царстве человеческого опыта нет чистого добра, но знает также и то, что для многих людей лучше быть убежденными в абсолютном добре и прислушиваться к голосам тех, кто поддерживает идею верховенства сознания и прямолинейного мышления. Он может утешить себя мыслью, что человек, способный соединить тень со светом, обладает величайшим богатством. Однако врачу не следует впадать в искушение возвести свои знания в ранг закона и сделаться проповедником истин, поскольку он обязан помнить, что больной, страдающий и беспомощный пациент, стоящий передним, не фигура из толпы, а господин или госпожа N, и врач (если он — врач) должен оказать ему какую-то реальную помощь. Его долг — всегда долг перед конкретным человеком, и он убежден, что ничего не сдвинется с места, если он не поможет этому человеку. Врач в первую очередь отвечает перед личностью, и только во вторую — перед обществом. Если он поэтому предпочитает лечить индивидуума, нежели исправлять общество, то этот подход вполне соответствует опыту, что социальные и коллективные влияния приводят к отравлению масс, и только прямое воздействие человека на человека может принести реальные преобразования¹.

¹ Ситуация в психотерапии не отличается от той, что имеет место в соматической медицине, где хирургия применяется *индивидуально*. Я упомянул этот факт

Алхимики не могут избежать того, что их Солнце оказывает действие на человека. Так, Дорн пишет: «Сначала человек был серой». Сера представляет собой разрушительный огонь, «воспламеняемый невидимым солнцем», и это солнце есть Sol Philosophorum¹, желанное и высоко ценящееся философское золото, действительная цель всей работы². Несмотря на то что Дорн рассматривает солнце и его серу как один из физиологических компонентов человеческого тела, ясно, что здесь мы имеем дело с образцом физиологической мифологии, то есть с проекцией.

В ходе нашего исследования мы часто видели, что, невзирая на полное отсутствие какой-либо психологии, алхимические проекции дают эскизную картину определенных фундаментальных психологических фактов и, так сказать, отражают их в материи. Одним из этих фундаментальных фактов является первичная пара противоположностей, сознание и подсознание, чьи символы — Солнце и Луна (Sol, Luna).

Нам хорошо известно, что проявления бессознательного персонафицированы: обычно это анима³, в единичной или множественной форме представляющая коллективное бессознательное. Индивидуальное бессознательное персонафицируется тенью⁴; реже коллективное бессознательное персонафицирует Мудрый Старец⁵ (я говорю здесь только о мужской психологии, потому что только ее можно сравнить с построениями алхимиков). Еще реже луна символизирует ночную сторону психики в снах, но в продуктах активного воображения символ луны появляется гораздо чаще, то же относится и к солнцу, которое представляет освещенное царство психики и наше двойственное сознание. Для современного подсознания солнце и луна иногда используются как символы сновидений⁶. Озарение («рассвет», то, что становится ясным), мо-

из-за современной тенденции лечить душу при помощи группового анализа, как будто она является коллективным феноменом. Поэтому душа (психе) как фактор индивидуальный отвергается.

¹Spec. phil. / Theatr. chem., I, p. 308.

²Ripley. Chymische schriften, S. 34: «Тогда наше Деяние даст чистейшую белизну. Затем повернись от востока к полудню, и там вещество должно остаться в огне, так как это и есть результат или конец нашего Деяния... Посему солнце должно сиять чистой краснотой в своем круге и торжествовать над тьмой».

³Ср.: Относительно архетипов с особым упоминанием о концепции анимы. При мер анимы в множественной форме приводится в Психология и алхимия, § 58ff.

⁴Примеры обоих архетипов можно обнаружить там же, часть II. Ср. также Айон, гл. 2 и 3. Другой проблемой является *тень самости*, обсуждаемая в настоящей работе.

⁵Ср. Психология и алхимия, § 759.

"Примеры снов о солнце и луне приводятся там же, с. 135.

жет также или даже лучше выражаться в современных снах^ключением электрического света.

Неудивительно поэтому, что бессознательное проявляется в проективной или символической форме, ведь другого способа, с помощью которого его можно воспринять, не существует. Но ясно также, что для сознания все обстоит иначе. Сознательное как сущность всех осознанных содержаний, по-видимому, нуждается в определенных условиях для проекции. Строго говоря, проекция не произвольное событие; это нечто, приближающее бодрствующий разум к «внешнему миру», определенный вид сияния, освещающего объект, в то время как субъект и не подозревает, что он сам является источником света, который заставляет сверкать кошачьи глаза. Луна поэтому мыслится как проекция, хотя рассматривать Солнце как проекцию (поскольку оно символизирует сознание) кажется на первый взгляд явным противоречием, однако Солнце — не меньшая проекция, чем Луна. Так же, как мы не воспринимаем от реального солнца ничего, кроме света и тепла, и можем познавать его физическую структуру только посредством предположений, так и наше сознание берет начало в темном эго, которое является необходимым условием для всего сознательного, причем последнее представляет собой лишь ассоциацию эго и объекта или содержания. Эго, которое мы ошибочно считаем хорошо изученным, в действительности запутанный и сложный предмет, в нем полно непостижимых загадок. Разумеется, эго можно определить как *относительно постоянную персонификацию самого бессознательного*, или же как зеркало Шопенгауэра, в котором бессознательное видит свое лицо¹. Все миры, когда-либо существовавшие до человека, физически были там. Но они были безы-

¹ Здесь концепция *самости* может быть упомянута только мимоходом. (Подробно см. Айон, гл. 4). Самость — это гипотетическая совокупность и неопикуемая полнота, одна часть которой устанавливается эго-сознанием, а другая — тенью. Последняя, поскольку она может быть установлена эмпирически, обычно является низшей или негативной личностью. Она включает ту часть коллективного бессознательного, которая вторгается в индивидуальную сферу, формируя в ней так называемое персональное бессознательное. Тень как бы строит мост к аниме, которая только частично принадлежит личности, а через нее — к безличным фигурам коллективного бессознательного. Концепция самости существенно интуитивна и охватывает эго-сознание, тень, аниму и коллективное бессознательное в неопределимом объеме. Как целокупность, самость представляет собой *coincidentia oppositorum* [совпадение противоположностей], поэтому она — и свет, и тьма, и в то же время — ни то и ни другое.

Если мы примем самость в качестве гипотезы и выведем из нее (как из вида пре-существующей личности) эго и тень, тогда они окажутся эмпирическими аспектами противоположностей, формирующими самость. Поскольку я не желаю создавать мир спекулятивных концепций, приводящих только к бесплодному мелочному

мянными событиями, неопределенной действительностью, потому что еще не существовало минимальной концентрации психического фактора, чтобы произнести слово, перевешивающее все мироздание: Это мир, а это я! Наступило первое утро мира, первый рассвет после первичной тьмы, когда тот зачаточный сознательный комплекс, эго, дитя тьмы, намеренно отделил субъект от объекта, и таким образом вверг мир и себя в ясное существование¹, одарив и его и себя голосом и именем. Сияющее тело солнца есть эго и поле его сознания — *Sol et eius umbra* [свет снаружи и тьма внутри]. В источнике света достаточно тьмы для любого количества проекций, потому что эго вырастает из темноты души.

Зная чрезвычайную важность эго в освещении действительности, мы можем понять, почему эта бесконечно малая частица вселенной персонифицируется солнцем, со всеми атрибутами, свойственными этому образу. Поскольку средневековая душа была неизмеримо более чуткой к божественным свойствам солнца, то мы можем допустить, что целокупный характер образа солнца был скрыт во всех его аллегорических или символических приложениях. И в язычестве, и в христианстве частый и наиболее важный образ солнца-полноты — это образ Божий.

Хотя алхимики очень близко подошли к пониманию того, что эго — непостижимая, арканная субстанция, родственная ляпису, они не осознавали, что посредством своего солнечного символа установили тесную связь между Богом и эго. Как уже отмечалось, проекция не является произвольным действием: это естественный, свойственный природе человеческой психики феномен, находящийся за пределами сознательного мышления. Следовательно, если эта природа дает начало солнечному символу, то она сама выражает идентичность Бога и эго. В таком случае обвинить в богохульстве можно только бессознательную природу, но не человека, оказывающегося ее жертвой. На Западе укоренилось убеждение в том, что Бог и эго суть разные миры. Однако в Индии их тождество считается самоочевидным. Природе индийского мышле-

педантизму философских дискуссий, я не придаю особого значения подобным рассуждениям. Если такие концепции временно служат для приведения в порядок эмпирического материала, то с этой задачей они справятся. Эмпирику ничего не надо говорить о концепции самости и Боге в себе, а также о том, как они соотносятся друг с другом.

¹ Быт. 1:1-7 — проекция этого процесса. Появление сознания описывается как объективное событие, активный субъект которого не эго, а Элохим. Поскольку примитивные люди очень часто не ощущали себя субъектами своего мышления, можно предположить, что в далеком прошлом сознание казалось внешним событием, происходящим с эго, и было интегрировано субъектом только в более поздние времена. Освещение и вдохновение, которые в действительности являются внезапными экспансиями сознания, которое даже нам все еще кажется субъектом, не тождественным эго. Ср. *Neumann. The Origins and History of Consciousness*, p. 102ff.

ния присуще понимание того, что творящее мир сознание¹ проявляется в человеке². Запад, напротив, всегда подчеркивал ничтожность, слабость и греховность эго, невзирая на тот факт, что оно поднимает человека до божественного состояния. Алхимики по крайней мере подозревали скрытую в человеке богоподобность и Ангелус Силезиус наконец интуитивно высказал эту мысль без обиняков.

Восток разрешил эти запутанные и противоречивые вопросы, объединив эго, личный атман, с универсальным атманом и таким образом интерпретировал эго как покрывало майи. Западный алхимик не осознавал ясно эти проблемы, но когда его невысказанные предположения и символы вышли в плоскость сознательного гносиса (как в случае с Ангелусом Силезиусом), именно ничтожность и низость эго³ привела его к пониманию, что оно тождественно своей крайней противоположности⁴. Причи-

¹ Я употребил здесь слово «сознание» в качестве эквивалента «эго», поскольку, по моему мнению, оба эти понятия являются сторонами одного и того же явления. В самом деле, не может быть сознания без познающего субъекта, и наоборот.

² См. Ригведа. X, 31,6:

И эта молитва поэта, что ширится непрерывно,
Охватила все, бывшее прежде, до мира, Где боги,
принадлежащие к одному роду, Пребывали вместе
в лоне божьем.

Вайасанейи-самхита, 34,3:

Он, как сознание, мысль и решение
Живет в человеке бессмертным светом.

³ Херувимский странник, I, 153:

Стань малым, как дитя, ведь нет широких врат,
Которые ведут в обитель Божьих чад.

⁴ Там же:

Мне Бог — Отец и Сын, но Сын Ему и я:
Мы оба — как же так? — Друг другу сыновья. (I, 256)
Бог — точка, фокус мой, коль я того желаю,
И круг, коль я в него любовь свою вливаю. (III, 148)
Бог столь велик во мне, как если б океан
Вместился полностью в один единый гран. (IV, 156)
Яйцо ли в курице иль курица в яйце —
В одном являет два, а двух — водном лице. (IV, 162)
Бог станет мной в веках, мою Он примет плоть,
Все от того, что аз был прежде, чем Господь. (V, 259)

[Пер. И.О. Гучинской]

ной появления такого взгляда было не произвольное мнение безумной души, но, скорее, природа самой психики, которая — одинаково на Востоке и на Западе — выразила эти истины либо прямо, либо прикрывая их прозрачными метафорами. Это становится понятным, когда мы видим, что творящее мир начало является также свойством человеческого сознания. Говоря так, мы не оскорбляем религиозные чувства, поскольку верующий свободен рассматривать человеческое сознание (посредством которого, так сказать, происходит второе сотворение мира) как божественное орудие.

Я должен обратить внимание читателя на то, что приведенные мысли о значении эго могут легко побудить его к обвинению меня в непоследовательности. Он, вероятно, вспомнит, что в других моих работах встречался с подобными аргументами. Но то был не вопрос эго, а вопрос *самости*, или, скорее, индивидуального атмана, в отличие от надличностного атмана. Я определяю самость как целокупность сознательной и подсознательной психики, а эго как главную отличительную черту сознания. Оно является существенной частью самости, и может быть использовано *pars pro toto* [часть вместо целого], когда значение сознания рождается в душе. Но когда мы хотим подчеркнуть психическую полноту, лучше использовать термин «самость». Это не проблема противоречивого определения, а просто различные точки зрения.

3. Сера (Sulphur)¹

Сера, благодаря той исключительной роли, которую она играет в алхимии, заслуживает более подробного обсуждения. Первая интересная деталь, которой мы уже касались, это ее отношение к Солнцу (Sol): ее называют первичной материей Солнца, причем под Солнцем, естественно, понимается золото. Собственно говоря, серу иногда отождествляли с золотом². Близкой связью между ними объясняется взгляд на серу как на «компаньона Луны»³. Когда золото (Солнце) и невеста (Луна) объединяются, сгущенная сера, которая в телесном золоте обращена наружу (*extraversum*), теперь обращается вовнутрь, то есть на себя⁴. Это замечание указывает на двойную психическую природу серы (*sulphur duplex*); имеется красная и белая сера, где белая является активной субстанцией луны, а красная — солнца⁵. Красной сере присуще боль-

¹ Часть этой главы была опубликована в: *Nova Acta Paracelsica*, 1948, p. 27ff.

² *Laurentius Ventura*. *De ratione confic. lap.* / *Theatr. chem.*, II, p. 334f.

Figurarum Aegyptiorum, MS, XVIII в. (собственность автора). ⁴ *Introitus apertus* / *Mus. herm.*, p. 652 (Waite, II, p. 165). ⁰ *Tractatus aureus* / *Mus. herm.*, p. 33 (Waite, I, p. 34); *Mylius*, *Phil. ref.*, p. 54.

шее специфическое «достоинство»¹, но ее двойственность также имеет другое значение: с одной стороны это первоматерия, и в этой форме она воспламеняющая и едкая (*adurens*), и «враждебна» веществу камня; с другой стороны, «очищенная от всех примесей, она представляет собой вещество нашего камня»². Вообще сера — один из бесчисленных синонимов первоматерии³ в ее двойственном аспекте, то есть и начальный материал, и конечный продукт. В начале это «грубая» и «простая» сера, в конце — сублимированный продукт процесса⁴. Все единодушно подчеркивают огненную природу серы⁵, хотя она означает не просто воспламеняемость, а таинственную пламенную сущность. Как всегда, ссылка на таинственную двойственность означает, что главным вопросом была суть тех проекций, которые придают ей священное значение.

В соответствии со своей двойственной природой сера с одной стороны телесный и земной⁶, а с другой — таинственный, духовный принцип. Как земная субстанция она происходит из «тучной земли»⁷, символизирующей коренную влагу и первичную материю. Иногда ее называли «*cinis extractus a cinere*» (золой, полученной из золы)⁸. «Зола» — общий термин для оставшегося после сгорания шлака, субстанции, «оставшейся внизу», что является прямым напоминанием хтонической природы серы. Красный вариант считается мужским⁹ и в этом смысле

¹ *Ventura*. *Theatr. chem.*, II, p. 342.

² *Tractatus aureus / Mus. herm.*, p. 24 (Waite, I, p. 26).

³ *Ibid.*, p. 11 и 21 (Waite, I, p. 14 и 23); *Aegidius de Vadis*. *Dialogus / Theatr. chem.*, II, p. 100; *Ripley*. *Axiomata philosophica / Theatr. chem.*, II, p. 125.

⁴ *Ripley*. *Theatr. chem.*, II, p. 125. Как *sulphur incremabile*, сера представляет собой конечный продукт, см. *Theatr. chem.*, II, p. 302; *De sulphure / Mus. herm.*, p. 622 (Waite, II, p. 142).

⁵ *Consilium coniugii / Ars chemica*, p. 217. У *Парацельса* (изд. Huser, II, p. 521) сера — один из трех первичных огней («огонь есть тело души»), В своей «*Vita longa*» (изд. Bodenstein, fol. a 6v) он говорит: «Сера — это все, что горит, и ничто, затронутое огнем, не найдет от нее спасения?»¹³⁴¹ *Бернар Тревизанский* *chemico miraculo / Theatr. chem.*, I, p. 793) говорит: «Ибо сера не что иное, как чистый огонь, скрытый в ртути».¹³⁴¹ У *Митуса* (*Phil. ref.*, p. 50) философская сера — «простой живой огонь, оживляющий другие мертвые тела [или инертные субстанции]».¹³⁵¹ Ср. также *Penotus*. *Regulae et Canones / Theatr. chem.*, II, p. 150. Сера как «*magna flamma*» (великий огонь) опасна для малого жизненного огня алхимиков (*De sulphure / Mus. herm.*, p. 637).

⁶ *Ripley*. *Opera omnia*, p. 150.

⁷ *Tractatus aureus / Mus. herm.*, p. 24 (Waite, I, p. 26).

⁸ *Aurora Consurgens II / Art. aurif.*, I, p. 229.

⁹ В таблице символов *Пенотуса* (*Theatr. chem.*, II, p. 123) сера находится на одном уровне с «*virilitas prima*» и «*Dii caelestes*». Дальнейшее отождествление

представляет золото или Солнце (Sol)¹. Какхтоническая сущность, она близка к дракону, которого называют «нашей тайной серой»². В этой форме сера также aqua divina [божественная вода], которую символизирует уроборос³. Данные аналогии часто вызывают трудности при различении серы и Меркурия, поскольку по отношению к ним используются одинаковые утверждения. «Это наш естественный, самый верный огонь, наш Меркурий, наша сера», — гласит «Tractatus aureus de lapide»⁴; в «Turba» ртуть — огненное тело, ведущее себя в точности так же, как сера⁵. Для Парацельса Sulphur (сера), наряду с Sal (солью) является первоисточником Меркурия, который рожден от солнца и луны⁶. Либо же она находится «в глубинах природы Меркурия»⁷, или же сама является «природой Меркурия»⁸, либо же сера и Меркурий «брат и сестра»⁹. Сера приписывается меркурианская «сила растворять, убивать и оживлять металлы»¹⁰.

Близкая связь серы с Меркурием позволяет сделать вывод, что сера — это духовная или физическая субстанция универсального значения, о которой можно сказать почти все, что сказано о Меркурии. Итак, сера — душа не только металлов, но всего живого; в «Tractatus aureus» она приравнивается к «nostra anima» (нашей душе)¹¹. В «Turba» говорится: «Сера во множестве своем представляет души, скрытые в четырех телах»¹². Парацельс также называет серу

серы со львом, драконом и единорогом представляет собой прямую противоположность небесному началу.

¹ Consilium coniugii / Ars chemica, p. 217; Epistola ad Hermannum / Theatr. chem., I, p. 859.

² Mylius. Phil. ref., p. 104; Zacharius. Opusculum auctoris ignoti / Theatr. chem., I, p. 859.

³ Mylius. p. 179; Mus. herm., p. 37 (Waite, I, p. 37).

⁴ Mus. herm., p. 39.

⁵ Turba, p. 149, строка 21ff. В «Consilium coniugii» (p.66) сказано: «Все быстрое серебро (ртуть) — это сера» (цитата, приписываемая Платону). На с. 202 есть сходная цитата из Гебера.

⁶ De pestilente, lib. 1 (ed. Sudhoff, XIV, p. 597).

⁷ Цитата из Гебера у *Бернара Тревизанского*. Theatr. chem., I, p. 793.

⁸ Цитата из Мориенуса, там же.

⁹ Ripley, Chymische Schriften, S. 31.0 ртути как «жене» серы, «оплодотворяющей ее» см. там же., стр. 1 Of.

¹⁰ De Sulphure / Mus. herm., p. 626 (Waite, II, p. 145).

¹¹ Mus. herm., p. 39 (Waite, I, p. 39). «Наша», конечно, означает: такая, как мы, алхимики, ее понимаем. Аналогичное см. в *Turba*, p. 123, lines 17f.

¹² Turba, p. 149.³⁶ «Четыре тела» — это ссылка на античную *тетрасомию* четырех металлов. Дорн (Congeries Paracelsicae / Theatr. chem., I, p. 622) обвиняет

душой¹. У Милиуса сера производит «фермент» или «душу, дающую жизнь несовершенному телу»². «Tractatus Micreris» гласит: «...до появления зеленого сына, или его³ души, именуемой философами зеленой птицей, бронзой и серой»⁴. Душу также описывают как «скрытую часть» [occultum]serbi»⁵.

В сфере христианской психологии золото обладает сперматическим, оплодотворяющим свойством, и по этой причине золотой цвет является атрибутом святого Духа как созидательного начала⁶. Поэтому Дорн говорит: «Мужское и универсальное семя, первое и наиболее могущественное, представляет собой соляную серу, основную часть и наиболее сильную причину рождения всего»⁷. Это сам жизненный дух. В своем «De tenebris contra naturam» Дорн утверждает: «Ранее мы говорили, что жизнью мира является свет природы и небесная сера, чья основа [subiectum] — эфирная влага и жар небесного свода, а именно Солнце и Луна»⁸. Сера здесь поднимается до космического значения, она эквивалентна свету природы, высшему источнику знания для натурфилософов. Но, по словам Дорна, свет этот не сияет свободно, но скрывается во тьме элементов человеческого тела. Именно поэтому Sulphur для Дорна — сияющая, небесная сущность, и хотя этот Sulphur — «сын несовершенных тел», он «готов облечься в белые и пурпурные одежды»⁹. УРиплион — «дух оплодотворяющей силы, которая действует во влажной среде»¹⁰ В трактате «De sulphure» он составляет «движущую силу

греков в том, что они сделали из числа четыре (то есть из *тетрасомии*) владычество дьявольских идолов, управляемых Сатурном, Венерой, Марсом и Меркурием.

¹ De natura rerum, lib. I (De Heneratione rerum naturalium). (Sudhoff, XI, p. 318;/user, 1590, VI, p. 265.)

² Phil, ref., p. 202.

³ Отсылка к ранее упомянутому «Солнцу» (Sol).

⁴ Theatr. chem., V, p. 103J³⁷i

⁵ *Hoghelande*. Liber de alchimiae diff. / Theatr. chem., I, p. 171.

⁶ Бог приравнивается к растениям в «Херувимском страннике» (1,90):

Я — ветка Божества, и каждый мой цветок —
Святого Духа дар, и плод Его, и сок.

[Пер. Н.О. Гучинской]

⁷ Physica Trismegisti / Theatr. chem., I, p. 423. *Хогеланде* (Theatr. chem., I, p. 172) цитирует Луллия: «Отец и мужское семя»¹³⁸¹ и Фому Аквинского: «Вещество серы подобно отцовскому семени, активному и созидающему».¹³⁹¹

⁸ Theatr. chem., I, p. 518.

⁹ Phil.chemica, ibid., p. 482.

¹⁰ Chymische Schriften, p. 10.

всех вещей», а также источник света и всего знания¹. Ему, в действительности, известно все².

Исходя из значения серы, нам следует рассмотреть те ее эффекты, которые описывают алхимики. Кроме всего прочего, она сжигает и истребляет: «Совсем немного силы требуется сере, чтобы поглотить прочное тело»³. Это «прочное тело» является солнцем, что становится ясным из следующих слов: «Sulphur зачерняет Солнце и поглощает его». Кроме того, сера вызывает или предвещает разложение, «которое в наши дни никто не видел», говорится в «Rosarium»⁴. Третье ее свойство — сгущающее⁵, а четвертое и пятое — растворяющее (*tingere, colorare*) и развивающее (*maturare*)⁶. Ее «разлагающее» действие также понимается как способность «портить». Сера есть «причина несовершенства всех металлов», «уничтожающая совершенство», «вызывающая тьму в каждом действии», «слишком большая сернистость есть причина порчи», она — «отвратительная смесь» «зла, дурного запаха и немощи». Ее вещество плотное и упругое, а ее вредоносное действие обусловлено, с одной стороны, ее горючестью, а с другой — «мутным осадком». «Она повсюду препятствует совершенствованию»⁷.

Один из адептов описывал эти отгаливающие свойства в таких сильных выражениях, что даже добавил «дьявольская» к выражению *causa corruptionis* [причина тления]⁸. Эта фраза объясняется так: она образует контрапункт с освещающей ролью серы, потому что сера — это «Люцифер» или «Фосфорус» (Светоносный), повсюду, от прекраснейшей из звезд химического небосклона до *candelulae* [свечек], «маленьких кусочков сернистой пакли, продаваемых старухами для светильников»⁹. В дополнение

¹ «Более того, в ее Царстве есть зеркало, в котором можно увидеть весь Мир. Всякий, кто посмотрит в это зеркало, может увидеть и узнать в нем частицы мудрости всего Мира и познать все в Трех Царствах».¹⁴⁰¹ — *Mus. herm.*, p. 635 (Waite, II, p. 151).

² Ср. беседу алхимика с «голосом» в *Mus. herm.*, p. 637: «Мастер, ведает ли сера что-нибудь о металлах? *Голос*: Говорю тебе, что сера ведает обо всех вещах, а о металлах даже более всех прочих».¹⁴¹¹ «Сера — сердце всех вещей»¹⁴²¹ (с. 634).

³ *Turba*, p. 125, line 10.

⁴ *Art. aurif.*, II, p. 229.

⁵ *Zacharius. Opusculum /Theatr. chem.*, I, p. 842.

⁶ *De sulphure / Mus. herm.*, p. 632 (Waite, II, p. 149).

⁷ *Mylius. Phil. ref.*, p. 61ff.

⁸ В моей копии *Phil. ref.*, с. 62. У *Глаубера* (*De natura salium*, p. 41 и 43) сера названа «чрезмерно черным дьяволом ада», враждующим с солью.

⁹ *De sulphure / Mus. herm.*, p. 640 (Waite, II, p. 155).¹⁴³¹ *Candelulae* — это ЗДихний из серы, в которые вставляют волокна или маленькие кусочки дере-
Ва>>W(*Ruland. Lexicon*, лат. изд., с. 457).

ко многим другим свойствам, сера разделяет эту крайнюю парадоксальность с Меркурием, хотя здесь аллюзия завуалирована: «Наша Венера не та обычная сера, что зажигается и истребляется пламенем огня и разложения, но белизна Венеры мудрецов истребляется при воспламенении белого и красного (*albedinis et rubedinis*), и такое истребление представляет собой полное побеление всего деяния. Таким образом, мы видим две серы и две ртути¹, философы называют их одинаково², и обладают они одна другой³ и каждая из них в другой содержится»⁴.

Намек на Венеру встречается также в одной из притч «*De sulphure*»⁵, рассказывающей об алхимике, который ищет Sulphur. Поиски приводят его в рощу Венеры и голос, позже оказавшийся голосом Сатурна, сообщает ему, что Sulphur заточен по приказу его собственной матери. Sulphur восхваляют как «изобретателя тысячи вещей», как сердце всех вещей, поскольку, будучи причиной жизни всех цветов, трав и деревьев, он дает ключ к пониманию всего живого, и наконец как «живописца всех красок»⁶. Все это вполне подходит к описанию Эроса. Далее мы узнаем, что он был заточен по той причине, что, по мнению алхимиков, оказался слишком привязанным к своей матери. Хотя нам и не сообщается, кем была его мать, можно предположить, что это сама Венера, которая заперла своего непослушного Купидона⁷. Такая интерпретация подкрепляется прежде всего тем фактом, что Sulphur, неизвестный алхимикам, находился в роще Венеры⁸.

¹ Высшая и низшая, тонкая и грубая, духовная и материальная.

² Тем не менее, они — одно и то же, и с одной, и с другой стороны. Ср. *Tabula Smaragdina*.

³ «Природа овладевает природой», согласно аксиоме Демокрита.

⁴ Аллюзия на уробороса. Этот текст есть в *Rosinus ad Sarratantum / Art. atirif.*, I, p. 302.

⁵ *Mus. herm.*, p. 633ff. (Waite, II, pp. 149ff.).

⁶ Сон одного пациента: «Животные охотились. Появился дьявол, их святой покровитель. Внезапно его темно-коричневое лицо окрасилось всеми цветами, а затем на щеках его появились красные пятна».

⁷ Единственная фигура, которая может быть матерью, — это Луна. Она тоже появлялась ранее в притче, но под видом Дианы, то есть в роли дочери-сестры.

⁸ Зеленый цвет, который приписывается Sulphur, придает ему нечто общее с Венерой, как в стихотворении из «*Gemma demmarum*». Венера говорит:

Прозрачная/ зеленая/ приятная на вид Я сочетаю все цвета/
Однако во мне укрыт Красный Дух/ Имени его я не ведаю/ И он
исходит не от моего супруга/ Благородного Марса, всегда
готового к битве. «Красный Дух» — это наш Sulphur», «живописец
всех красок».

(леса, подобно деревьям, означают материнское начало); во-вторых, Сатурн представляет собой «управляющего тюрьмами», и всем алхимикам сознанием астрологии должна быть известна тайна природы Сатурна¹; в-третьих, после того как умолкает голос, уснувший алхимик видит в той же роще источник и рядом с ним персонифицированного Sulphur'a; и, наконец, тем, что видение заканчивается химическим «объятием в воде». Здесь Венера, без сомнения, является amor sapientiae [любовью рассудительной], препятствием на пути чар Серы. Последнее может быть выведено из того факта, что место серы в уроборосе — в хвосте дракона². Сера — мужской элемент *par excellence*, «*sperma homogeneum*»³; и поскольку дракон, как говорится, «оплодотворяет сам себя», его хвост является мужским, а рот — женским органом. Подобно Бейе⁴, которая поглощает своего брата и расщепляет его на атомы, дракон, начиная с хвоста, пожирает себя до тех пор, пока его тело не окажется полностью в его голове⁵. Будучи внутренним огнем Меркурия⁶, Sulphur, очевидно, разделяет его наиболее опасную и враждебную природу, его жестокость, олицетворяемую драконом или львом, и похотливость, которая персонифицируется Гермесом Киллениосом⁷. Дракона, чью природу сера разделяет, часто называют «вавилонским драконом» или, точнее, «драконьей головой» (*caput draconis*), которая представляет собой «самый пагубный яд», ядовитый пар, выдыхаемый летящим драконом. Голова дракона «чрезвычайно быстро приносится из Вавилона». Однако, «крылатый дракон», символизирующий ртуть, превращается в выдыхающее ад чудовище только после объединения с «бескрылым драконом», соответствующим сере⁸. Сера здесь играет враждебную роль, которая хорошо согласуется с порочным «Вавилоном». Далее, этот дракон эквива-

¹ «*Occulta chemicorum philosophia*», в 1611 г. опубликованная в «*Triumphwagen Antimonii*» *Василия Ва. Лентина* (с. 579 ел.), упоминает астрологическую характеристику Сатурна: он — «верховный испытатель», и Солнце с Луной, («существующие лишь благодаря ему») согревают его холодное тело «лучше, чем молодая женщина» (с. 583). Уже в доплатемеевской традиции Сатурна связывали с подозрительной любовной интригой. (Bouche-Leclercq. *L'Astrologie greque*, p. 436, p. 1). *Mus. herm.*, p. 623 (Waite, II, p. 143) упоминается «адская темница, где томится сера».

² «Сера — это [драконий] хвост». (*Ars chemica*, p. 140).

³ *Johannes aMehung* (Jean de Meung) в *Demonstrate naturae* /*Mus. herm.*, P- 162 (Waite, I, p. 135). Жан де Мен жил в 1250— 1305 гг.

⁴ В другом варианте «Видений Арислея»!^ . *phil./Art. aurif.*, II, 1572, p. 246.

⁵ *Albertus Magnus*. *Super arborem Aristot.* /*Theatr. chem.*, II, p. 526f.

«Все таинство скрыто в сере философов, которая помещается в глубинах их ртути». *i.ci* — *Mus. herm.*, p. 643 (Waite, II, p. 157). О Гермесе Киллениосе см. Дух Меркурий, § 278. *Flamel*. *Summarium philosophicum* /*Mus. herm.*, p. 173 (Waite, I, p. 142).

лентен райскому змею с человеческой головой, в которой находится «*imago et similitudo Dei*» [образ и подобие Божие], и здесь таится причина того, почему змей поглощает свое ненавистное тело. «Его голова живет в вечности, жизнь его восславлена, и ангелы служат ему»¹. Это отсылка к Евангелию от Матфея, 4:11: «Тогда оставляет Его диавол, и се, Ангелы приступили и служили Ему».

Здесь мы наблюдаем параллелизм головы дракона с Христом, в соответствии с гностическим учением о том, что сын высочайшего божества принял в раю вид змея, с целью одарить наших прародителей даром проницательности, дабы увидели они несовершенство труда демиурга. Как сын семи планет, дракон явно представляется *filius masecosmi* и, по существу, фигурой, аналогичной Христу, и в то же время его противником². В голове дракона находится драгоценный камень, который означает, что сознание содержит символический образ самости, и точно так же, как ляпис соединяет противоположности, так самость усваивает содержание сознательного и бессознательного. Такая интерпретация полностью согласуется с традиционным значением головы дракона как доброго знамения.

Из всего сказанного должно быть очевидно, что сера является сущностью активной субстанции. Она «дух металлов»³, составляющая вместе с ртутью, другим «духом природы», две основы и, следовательно, сущность металлов, поскольку эти две основы сами являются металлами *in potential*. Вместе с Меркурием она также образует ляпис⁵, который в действительности является «сердцем всех вещей»⁶ и «свойством всех вещей»⁷. Называя ляпис, наряду с водой и влагой, синонимом «всей тайны и жизни любых вещей», «*Continuum coniugii*» гласит: «Масло, принимающее цвет, то есть излучение солнца, само является серой»⁸. Милиус сравнивает ее с радугой: «Сера сияет подобно радуге над водами... радуга Исиды стоит наполовину на чистой, прозрачной, текущей воде, а наполовину на земле...отсюда все совершенство серы и ее образ

¹ *Albertus Magnus*, p. 525J⁴⁶ⁱ

² Ср. Психология и алхимия, § 26.

**Mylius*. *Phil. ref.*. p. 185.

⁴ *Ventura*. *Theatr. chem.*, II, p. 262.

«*Ibid.*, p. 276. ⁶*Mus. herm.*,

p. 634.

⁷ *Ibid.*, p. 635.

⁸ *Ars chemica*, p. 66. Масло характеризуют как аналог *anima media natura* в «*Aphorismi Basiliani*» (*Theatr. chem.*, IV, p. 368): «Но оживляющая сила, подобная той, что удерживает мир в единстве, находится между духом и телом, связывая их вместе, и особенно видна эта связь в сере некоего красного и прозрачного масла...».¹⁴⁷¹

в природе, выраженный радугой». Итак, сера, представленная радугой, есть «божественное и чудесное переживание». Несколькими строками дальше, после упоминания серы как одного из компонентов воды, Милиус пишет, что Меркурий (то есть воду), следует очистить дистилляцией «от всей грязи земной, и тогда Люцифер, нечистота и проклятая земля, падет с золотых небес»¹. Люцифер, прекраснейший из ангелов, становится дьяволом, а сера состоит «из грязи земной». Здесь, как и в случае с головой дракона, высочайшее и низменное находятся в тесной близости. Являясь персонификацией зла, сера, тем не менее, блистает над землей в сиянии радуги, «природного сосуда»² божественного преображения.

Из всего вышесказанного очевидно, что для алхимиков сера была одним из многих синонимов таинственной преобразующей субстанции³. Более прямо это высказывается в «Turba»⁴: «Ее следует обжигать семь дней, пока она не засияет подобно мрамору, поскольку по свершении сего осуществляется великое таинство [arsanum], ибо сера смешивается с серой; и посредством взаимного влечения свершается величайшее деяние, ибо две одинаковые природы, встречаясь, ликут вместе»³. Особенность арканной субстанции состоит в обладании «всем, что необходимо»; это автономная сущность, которая, подобно дракону, порождает, воспроизводит, убивает и поглощает сама себя. Сомнительно, чтобы алхимики, которые были последовательными мыслителями, когда-либо осознавали, о чем они говорят, пользуясь такими образами. Если бы мы приняли их слова буквально, то пришли бы к мысли о «несотворенном», существе без начала и конца, не нуждающемся в «подобном ему». Такая сущность может быть по определению только самим Богом и, можем добавить, Богом, увиденным в зеркале физической природы и искаженным в процессе распознавания. Тем «Единственным», которого алхимики стремятся поставить в соответствие с *rex simplex* [простой вещью], и который в «Liber quartorum» определяется как

¹ Phil, ref., p. 18.¹⁴⁸ Более старый источник — *De arte chymica/Art. aurif.I*, p. 608.

² Термин Луллия. Ср. *Hoghelande. Theatr. chem.*, I, p. 199.

³ Подобная идея имеется и у *Кунрата*; ср. *Von Hylealischen Chaos*, p. 264. В *Rosinus ad Euthicium / Art. aurif.*, I, p. 252 сера — это «имя божественной воды». У *Захарюса* (*Theatr. chem.*, I, p. 831) сера названа «лучностью пещер земных»¹⁴⁹. Ср. *Ruland. Lexicon*, p. 305. *Пернетти* (*Dictionnaire mytho-hermetique.*, p. 148f.) говорит: «On voit le mot de soufre attribue a bien des matieres meme tres opposees entre elles... Les Philosophes ont donne a ce soufre une infinite de noms». (Под словом «сера» понимают противоположные материи... философам известно, что у С^сРБІ тысяча имен).

⁴ Р. 192.

, Аллюзия на аксиомы Демокрита.

Бог¹. Однако такое указание встречается только однажды, и, учитывая плохое состояние текста, я не хотел бы детально рассматривать это значение, хотя рассуждения Дорна о «единственном» иунариусе обладают сходством. «Turba» продолжает: «И все же они не различные натуры, и их не несколько, но одна природа, объединяющая в себе все силы, посредством которых она торжествует над всеми остальными вещами. Взгляните, разве Христос не начал с Одного и не закончил Одним? Ибо он назвал водой серы то единство, что покоряет целостность природы»². Особенность серы также выражает следующий парадокс: именно оставшаяся после сжигания (несгораемая) «зола выделяется из золы»³. Очень велик ее эффект как aqua sulfurea [серной воды]⁴. В «Consilium coniugii» сказано: «Наша сера — не простая сера»⁵, а так обычно говорят о философском золоте. Парацельс в своем «Liber Azoth» описывает серу как «lignum» (дерево), «linea vitae» (линию жизни) и «четырёхкратную» (соответствующую четырем элементам); дух жизни обновляется ею⁶. Относительно философской серы Милиус утверждает, что такую вещь нельзя обнаружить на Земле, а только на Солнце и Луне, и человек не познает ее, если Бог не явит ее для него⁷. Дорн называет Sulphur'a «сыном, порожденным несовершенными телами», который, будучи подвергнут возгонке, преобразуется в «высокоценную соль четырех цветов». В «Tractatus Micreris» сера даже именуется «сокровищем Бога»⁸.

Думаю, что привел достаточно сведений о сере как таинственной и преобразующей субстанции. Мне следует лишь подчеркнуть замечание Парацельса о четырехкратной ее природе и слова его ученика Дорна о четырех цветах как символах целокупности. Психический фактор, по-

¹ «Сущность этих вещей есть Бог невидимый и неподвижный, чьей волей был создан разум; воля и разум породили простую душу; но душа произвела различные природы (натуры), из которых составились сложные натуры» и т.д.¹⁵⁰ (Theatr. chem., V, p. 145).

² P. 255.

³ Aurora Consurgens II / Art. aurif., I, p. 229. В «Consilium coniugii» ее называют «несгораемой» (p. 149).

⁴ «Нет конца ее действию, ибо она продолжает растворяться всегда»⁵ (Ibid., p. 164).

⁵ Там же, p. 199.

⁶ УХьюзера, II, p. 525; у Стюдхофа, XIV, p. 555, для серы используется знак <р, в данном случае, как у Милиуса, она ассоциируется с радугой. Стюдхоф, без указания причин, текстуальных или каких-либо еще, считает Liber Asoth подделкой. Я не могу с этим согласиться.

⁷ Phil, ref., p. 50.

⁸ Theatr. chem., V, p. 106.

являющийся во всех сходно характеризующихся таинственных субстанциях, есть бессознательная самость. Именно из-за этого хорошо известная параллель Христос-ляпис¹ появляется вновь и вновь, как, например, в вышеупомянутом отрывке о приключениях адепта в роще Венеры. Как мы видели, он уснул после долгой и поучительной беседы с голосом Сатурна. Во сне он видел две человеческие фигуры у источника в роще; одним из них был Sulphur, а другим — Sal (соль). Произошла стычка, и Sal нанес Sulphur'у «неисцелимую рану», из которой сочилась кровь в виде «белейшего молока». Когда сон адепта стал глубже, молочная кровь полилась рекой. Диана вышла из рощи и погрузилась в чудотворную воду. Когда принц(Солнце), проходя мимо, заметил ее, они загорелись любовью друг к другу, но Диана потеряла сознание и скрылась под водой. Свита принца отказалась спасать ее, опасаясь этой воды², и тогда принц нырнул и был затянут ею в глубину. Тут же их души появились над водой и объяснили адепту, что не вернуться в «столь оскверненные тела» и рады, что освободились от них. Они хотели бы остаться на воде, пока не рассеются «туманы и облака». В этот момент адепт вернулся к своему прежнему сну и со многими другими алхимиками обнаружил в фонтане тело Sulphur'a. Каждый из них взял часть и трудился над нею, но безуспешно³. Далее мы узнаем, что Sulphur не только «медицина», но и «меди-кус» — врач, испытывающий боль⁴. Сера претерпевает ту же судьбу,

¹ Детальное обсуждение см. в «Психологии и алхимии», часть III, гл. 5.

² Поток, хотя и малый, «очень опасен». Слуги говорят, что они однажды пытались пересечь его, «но едва избежали смерти», и добавляют: «Мы знаем, что наши предшественники стигнули здесь». Слуги — это алхимики, и водный поток символизирует угрожающую им опасность, разумеется, опасность утонуть. Психическая опасность опуса — это опасность вторжения бессознательного и вызванной им «потери души». У меня имеется алхимическая рукопись XVII столетия, где наше ствие бессознательного изображено в серии рисунков. Возникшие образы несут все признаки шизофрении.

³ De sulphure / Mus. herm., p. 639ff.

⁴ Проф. Кереный оказал мне любезность, выслав рукопись своего труда об Асклепии (Asclepios: Archetypal Image of the Physician's Existence, 1959), который представляет чрезвычайный интерес для всех медиков. Автор описывает первоначального врача как «раненого носителя ран» (Хирона, Махаона и т.д.). Но, что достаточно удивительно, есть и другие параллели. В нашем трактате принца называют «vir fortis», сильным человеком. Он, несомненно, и есть солнце, застающее Диану врасплох во время купанья. В мифе о рождении Асклепия солнечный бог Аполлон застал Корониду (деву-ворону) во время купания в озере Бойбейс (ibid., p. 93ff). Коронида, будучи черной, ассоциируется с новой луной (ciivoSoi; solis et lunae), а имя ее отца Флегия («поджигатель») свидетельствует о ее опасности. Ее братом или дядей^{сн} был Иксион, насильник и убийца. Связь Корониды с луной заключается

что и тело, пронзенное копьем Меркурия. У Рейснера в «Пандоре»¹ тело символизирует Христа, второго Адама, пронзенного копьем сирены, или Лилит, или Эдем².

Данная аналогия показывает, что сера как арканная субстанция стоит на одной ступени с Христом, так что для алхимиков она должна означать нечто очень похожее. Нам следовало бы с отвращением отвернуться от подобного абсурда, если бы не было очевидным, что такая аналогия — иногда в ясной, а иногда в завуалированной форме — была навязана им бессознательным. Конечно, не может быть большего несоответствия, чем между священнейшей идеей, известной человеческому сознанию, и серой с ее источающими запах зла компонентами. Поэтому подобная аналогия не очевидна, но может появиться только в результате интенсивной и углубленной работы с химическими веществами, которая постепенно формирует в душе алхимика *tertium comparationis* [критерий сравнения] и постоянно воздействует на него. Общий же знаменатель этих двух несоизмеримых концепций есть самость, образ целостного человека, который достигает своей высшей, самой значительной ступени развития в «Ессе Номо», а с другой стороны, проявляется как наихудшая, презреннейшая, ничтожнейшая из вещей и возникает в сознании именно в этом образе. Будучи концепцией человеческой цельности, самость по определению больше, чем эго-сознательная личность, поскольку, кроме нее, охватывает также индивидуальное и коллективное бес-

еще и в том, что ее прародительницей была Феба (луна). Когда Коронида была уже беременна сыном Аполлона, Асклепием, она изменила ему со смертным человеком Исхией (Ισχηΐς — сильный, «virfortis»), за что Артемида убила ее. Аполлон же вырвал дитя из чрева матери, когда та лежала на погребальном костре. Кереньи предполагает тождество между светлым Аполлоном и темным Исхией. (Подобным тождеством должны были бы обладать Асклепий и Трофоний.) Раны врачей обычно вызваны стрелами, и такая же участь постигла Асклепия: Зевс поразил его молнией за чрезмерное рвение в искусстве, ибо он не только исцелял больных, но и воскрешал мертвых, что вызвало гнев Плутона. (Ср. *Wilamowitz-Moellendorff*, *Isyllos von Epidauros*, p. 44ff). «Novum lumen chemicum» дает «Aenigma coronidis» (*Mus. herm.*, p. 585ff.; Waite, II, pp. 11 Iff.), нотам, помимо чудесной «воды, временами являющейся тебе во сне», нет никаких указаний на миф об Асклепий. *Дом Пернети* (*Fables egyptiennes et grecques*, II, p. 152) верно интерпретирует Корони-ду как *putrefactio* (разложение), *nigredo*, *caput corvi*, а сам миф — как опус. Это удивительно точная мысль, поскольку алхимия (хотя сами алхимики и не знали об этом) есть дитя мифологии, или той общей матрицы, ранее давшей начало классическому мифу.

¹ Репродукция приведена в работе: Парацельс как духовное явление, рис. В 4.

² Ср. Психология и алхимия, рис. 150, где один «*telum passionis*» несет знак Меркурия, а другой — знак серы.

сознательное. Наоборот, весь феномен бессознательного кажется для эго-сознания столь незначительным, что мы скорее объясним его как *privatio lucis* [отсутствие]¹, чем допустим его автономное существование. К тому же бодрствующая душа всегда настроена критически и недоверчиво ко всему, исходящему из подсознания, будучи убеждена, что в нем есть что-то подозрительное и грязное. Поэтому психическая феноменология самости полна парадоксов подобно индуистской концепции атмана, который, с одной стороны, охватывает вселенную, а с другой, находится в сердце и размером не больше пальца. Восточная идея атмана-пуруши психологически соответствует западной фигуре Христа, который является вторым Лицом Троицы и самим Богом, но, что касается его человеческого существования, в точности соответствует страдающему рабу Божьему у Исайи² — начиная от рождения в хлеву среди животных до его позорной смерти на кресте между двумя разбойниками.

В наассенском изображении Спасителя контраст даже ярче, как можно прочесть у Ишполита³: «Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы»⁴. Это чудо из чудес. «Но кто же, — говорит он, — этот Царь славы? Червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе»; и в то же самое время это Царь, «сильный в брани»⁵. Но борьба, как говорят наассенцы, относится к элементам, противоборствующим в теле. Такая ассоциация отрывка из Псалтири с идеей конфликта вовсе не случайна, поскольку психологический опыт показывает, что символы самости появляются в снах и в активном воображении в моменты яростных столкновений между двумя противоположными точками зрения как компенсаторные попытки смягчить конфликт и «сделать врагов друзьями». Следовательно, ляпис, порожденный драконом, превозносится как избавитель и посредник, поскольку он представляется эквивалентом спасителя, возникшего из бессознательного. Параллель Христос—ляпис колеблется между простой аналогией и вызывающей далеко идущие последствия идентичностью, но вообще она не продумывается до своего логического заключе-

¹ Что очевидно из самого слова бес-сознательное.

² Книга Исайи 52,14: «Как многие изумлялись, *смотря* на Тебя, — столько был обезображен паче всякого человека лик Его, и вид Его — паче сынов человеческих!», 53, 2, 3: «Ибо Он взошел пред Ним, как опрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изнедавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его».

³ Elenchos. V, 8, 18 (Legge, I, p. 134).

⁴ Пс.23:7.

⁵ Там же, 21:7 и 23:8.

ния и остается двойственной. Неудивительно, что тогда и даже сегодня большинство из нас не подошло к пониманию Христа как психической реальности архетипа, безотносительно к его исторической реальности. Я не сомневаюсь в историчности Иисуса из Назарета, но фигура Сына Человеческого и Христа-Спасителя имеет архетипическое прошлое. Именно оно сформировало основы своих алхимических аналогов.

Как исследователи природы, алхимики высказали свою христианскую позицию отношением к объекту своей науки, и не их виной было то, что во многих случаях психика оказывалась сильнее, чем химические субстанции и их хорошо охраняемые секреты, искажая таким образом результаты работы. Лишь гораздо более эффективные возможности наблюдения, доступные современному человеку, показали, что, взвешивая и измеряя, можно добыть ключ к запертым дверям химических комбинаций, и это после того, как интуиция алхимиков в течение столетий подчеркивала важность «меры, числа и веса»¹. Первичный и самый непосредственный опыт делал материю одухотворенной, что для средневекового человека было самоочевидным; ведь каждая месса, каждый церковный ритуал и чудотворное воздействие реликвий — все демонстрировало ему этот естественный и очевидный факт. Французское Просвещение и удар по метафизическому мировоззрению были необходимы для того, чтобы ученые, подобные Лавуазье, осмелились протянуть наконец руку к чаше весов. Но раньше алхимики были очарованы неизведанной ими душой материи, которая возникла из человеческой души посредством проекции. Интенсивные занятия с материей как конкретным фактом вывели их на след психики, который должен был привести их туда, где, исходя из нашего способа мышления, нет даже отдаленной связи с химией. Умственные усилия алхимиков преимущественно были направлены на интуитивное понимание психических фактов; интеллект играл лишь скромную роль помощника. Результаты этого странного метода, однако, несколько столетий оказывались вне пределов досягаемости какой-либо психологии. Если кто-либо не понимает другого человека, он склонен считать его глупцом. Несчастьем алхимиков было то, что они сами не понимали, о чем говорили. Тем не менее у нас имеется достаточное количество свидетельств о том уважении, которым пользовалась их наука, и о том удивлении, которое вызывала тайна материи; ибо они обнаружили — если взять серу в качестве примера — в этом веществе, которое было одним из привычных атрибутов ада и дьявола, а также в ядовитом, обманчивом и предательском Меркурии аналогию с самой священной фигурой их религии. Поэтому они придали этой тайне символику, отражающую ее зловую, опасную и сверхъесте-

¹ «Mensura, numerus et pondus». Ср. *von Franz*. *Aurora Consurgens*, Parable 4 (p.83).

ственную природу, и выбирали при этом именно те символы, позитивная сторона которых использовалась патристической литературой для обозначения Христа. Такими символами были змей, лев, орел, туча, тень, рыба, камень, единорог и носорог, дракон, ночной ворон, мужчина во власти женщины, женщина, вода и многие другие. Это странное обыкновение объясняется тем фактом, что большинство патристических аллегорий обладали в дополнение к своему позитивному значению и негативным значением. Так, у св. Евхерия¹ хищный волк «со своей лучшей стороны» обозначает апостола Павла, но «с худшей стороны» — дьявола.

Отсюда мы можем заключить, что алхимики открыли психологическое существование тени, которая противостоит сознательному, позитивному образу и компенсирует его. Тень для них не была *privatio lucis*, она была столь реальной, что им представлялось, будто они могут различить ее физическую плотность, и эта конкретность привела их к тому, что тени были приписаны свойства чистой и вечной субстанции. Относительно религиозной сферы это психологическое открытие отражается в следующем историческом факте: только подъем христианства заставил дьявола, «извечного двойника Христа», принять его истинную форму, фигура Антихриста появляется на сцене уже в Новом Завете. Для алхимиков было бы естественным предположить, что они выманили дьявола из темноты материи, указания на это, разумеется, были, как мы уже видели, но они являлись исключениями. Намного более распространенной и подлинной характеристикой алхимии служило то оптимистическое мнение, будто сие порождение тьмы было обречено стать *medicina*, что доказывает использование термина «*medicina et medicus*» для ненадежной серы. Такое же название появляется как аллегория Христа у св. Амвросия², это противоречие обозначается греческим словом *фарпахоу* (яд и противоядие). В нашем отрывке о сере река из «опаснейшей воды», приведшая ко многим смертям, аналогична воде из бока Христа и потокам, текущим из его желудка. То, что в одном случае есть река благоволения, в другом — смертельный яд, который, однако, скрывает в себе возможности исцеления.

В данном случае это не эвфемизм или утешительный оптимизм, но, скорее, интуитивное восприятие компенсаторного эффекта противоположной сознанию позиции бессознательного, которую не следует понимать дуалистически, как абсолютную противоположность, но как полезное, хотя и опасное дополнение сознательной позиции. Медицинский опыт показывает, что бессознательное действительно пробуждается компенсаторной тенденцией, во всяком случае, у нормальных индивиду-

¹ *Liber formularum spiritalis intelligentiae*, V (Migne, P.L., vol. 50, col. 751).

² *Explanatio Psalmorum XII* (изд. Petschening, p. 139, 256).

^v Таинство воссоединения

умов. Считаю, что в области патологии я наблюдал случаи, когда тенденция бессознательного должна была бы рассматриваться по всем человеческим стандартам как существенно деструктивная. Но не будет неуместным предположить, что саморазрушение, будучи безнадежно неэффективным или вредоносным, можно понимать в высшем смысле как еще одну попытку компенсации. Убийцы — это те, кто чувствует, что их казнь — заслуженное наказание, и самоубийцы — кто идет к своей смерти, ликуя.

Итак, хотя алхимики не сумели обнаружить скрытую структуру материи, они не познали и структуру психики, даже если искренне сознавали значимость такого открытия. Их наивная параллель Христос—ляпис есть одновременно символизм химической тайны и фигуры Христа. Идентификация или параллель с Христом химического фактора, который, по существу, являлся чистой проекцией бессознательного, имеет обратный эффект в интерпретации Спасителя. Ведь если А (Христос) = В (ляпис) = С (бессознательное содержание), тогда А = С. Чтобы такое умозаключение было эффективным, нет нужды приходить к нему осознанно. Вызванное первоначальным импульсом, такое заключение появится само собой (что доказывается на примере параллели Христос—ляпис) — даже если оно не достигнет сознательного уровня и останется невысказанной, духовной возможностью того направления мысли, что впервые обнаружилось в этом уравнении. Единственным исключением является то, что наследники этого направления, в данном случае естествоиспытатели, сохраняют такую идею как неотъемлемую часть своего умственного багажа. Уравнение приводит к тому, что божества проникают в физическую природу и в конечном счете в саму материю, которая, в свою очередь, имеет шанс стать самозамещающимся «метафизическим» принципом. Развивая свои базовые построения, алхимики, как я показал в «Психологии и алхимии», логически противопоставили сыну Духа сына земли и звезд (или металлов) и Сыну Человеческому или *filius microcosmi* — *filius macrocosmi*, тем самым нечаянно обнаружив в алхимии автономный принцип, который, несмотря на то, что он не заменил дух, тем не менее является самодостаточным. Хотя алхимики более или менее осознавали, что их взгляды и истины были божественного происхождения, они знали, что получили их не путем божественного откровения, а посредством личного вдохновения или *lumen naturae, sapientia Dei*, скрытой в природе. Автономность этих взглядов видна в освобождении науки от доминирования веры. Человеческая нетерпимость и недалёковидность виновны в том открытом конфликте, который, в конечном счете, разразился между верой и знанием. Конфликт или сравнение несоизмеримых понятий невозможен. Единственно возможной позицией является взаимная терпимость, потому что ни одна сторона не может отказать другой в закон-

ности ее мнения. Существующие религии, помимо своих сверхъестественных положений, опираются на психологические факты, чье существование обосновано в той же степени, как и существование естественнонаучных фактов. Если понимать эту проблему односторонне, на факты это не повлияет, потому что они существуют независимо от того, понимает их человек или же нет, и всякий, кто не придерживается их, рано или поздно должен заплатить за них свою цену.

Этим я хотел бы завершить свои комментарии, касающиеся серы. Эта арканная субстанция дает возможность для некоторых общих рассуждений, которые не совсем случайно именно в сере символизируют активную субстанцию солнца или, на психологическом языке, *мотива-ционный фактор сознания*: с одной стороны волю, которую корректнее рассматривать как динамизм, подчиненный сознанию, а с другой — принуждение, произвольную мотивацию или импульс, колеблющийся от простого интереса до всеохватывающего чувства. Бессознательный динамизм будет соответствовать сере, потому что принуждение есть величайшая тайна человеческой жизни. Нашей сознательной воле и нашему разуму мешает имеющийся в нас воспламеняющийся элемент, проявляющийся и как всепожирающий огонь, и как дающее жизнь тепло.

Causa efficiens et finalis [начальная и конечная причина] этой потери свободы лежит в бессознательном и формирует ту часть личности, которая должна добавиться к сознанию человека, чтобы сделать его цельным. На первый взгляд, это не более чем незначительный фрагмент — *lapis exilis, in via eiectus* [невзрачный камешек, лежащий на дороге], — ■ и часто неудобный и отталкивающий, поскольку он символизирует нечто такое, что прямо демонстрирует наши тайные пороки (данный аспект отвечает за наше неприятие психологии в целом, а психологии бессознательного в особенности). Но наряду с этим фрагментом, который мог объединить наше сознание в целое, в бессознательном уже имеется существующая целостность, «*homo totus*» Запада и *чжэнь-жэнь* (истинный человек) китайской алхимии, завершенное исконное существо, представляющее большого внутреннего человека, антропоса, который сродни Богу. Этот внутренний человек неизбежно является частично бессознательным, поскольку сознание — только часть человека и не может охватывать его целиком. Но цельный человек всегда присутствует, так как дробление феномена «человек» есть не что иное, как эффект сознания, состоящего только из здоровых, сознательных идей. Психическое содержание не может стать сознательным, если не будет обладать запасом энергии. Если уменьшается запас энергии, содержание опускается ниже порогового уровня и становится бессознательным, возможные содержания сознания тогда рассортировываются, поскольку энергетический запас отделяет то, что способно стать сознанием от того, что на это не способно. Подобное разделение приводит, с одной

стороны, к сознанию, чьим символом является солнце, а с другой — к тени, соответствующей *umbra sois*.

Следовательно, у принуждения есть два источника: тень и антропос. Этого достаточно, чтобы объяснить парадоксальную природу серы: как «растлитель» она сродни дьяволу, а с другой стороны, появляется как параллель Христа.

4. Луна (Luna)

а. Значение Луны

Как мы видим, Луна — двойник Солнца, холодная¹, влажная, слабо светящаяся из тьмы, женственная, телесная, пассивная. Согласно своей наиболее значительной роли, она является одним из партнеров в конъюнкции. Она — женское божество, и сияние ее — мягкое; она — возлюбленная. Плиний называл ее «нежной и мягкой звездой». Она сестра и невеста, мать и нареченная Солнца². Чтобы проиллюстрировать отношения между солнцем и луной, алхимики часто обращаются к Песни Песней³, как, например, «в беседе между влюбленными» в «*Augra Consurgens*»⁴. В Афинах новолуние считалось благоприятным временем для свадебных торжеств, а арабский обычай играть в этот день свадьбы существует и поныне; Солнце и Луна — брачные партнеры, которые соединятся на двадцать восьмой день месяца⁵. Согласно этим древним взглядам Луна есть сосуд солнца; она — универсальное вместилище, но в особенности — вместилище Солнца⁶, и ее называли «*infundibulum terrae*» (воронкой, трубой земли), потому что она «при-

¹ *Gloria mundi* / *Mus. herm.*, p. 275 (Waite, I, p. 221).

² *Dorn. Physica Trismegisti* / *Theatr. chem.*, I, 424.

³ «Этот союз философы именовали по-разному, уподобляя его супружескому союзу, заключаемому между невестой и женихом (как в Песне Песней)».¹⁵²¹ *Mus. herm.*, p. 90 (Waite, I, p. 82).

⁴ Непосредственной моделью для этой беседы, была, вероятно, «*Epistola solis ad lunam crescentem*» (*De chemia*, p. 7f.), но, возможно, и «*De natura deorum*» Цицерона, III, 11: «...если мы, разумеется, не будем полагать, что солнце беседует с луной, когда их пути сближаются». Луна отождествляется с женой *par excellence*, Юноной: «...считая Луну и Юнону одним и тем же» (*Macrobius, Saturnalia*, lib. I, cap. XV).

⁵ *Wittekindt. Das Hohe Lied und seine Beziehungen zum Istarkult*, S. 13 и 23. Дополнительный материал у *Эйслера. Weltenmanrel und Himmelszelt*, I, S. 122ff.; II, S. 370, 435, 602.

⁶ *Penotus. Theatr. chem.*, I, p. 681.

нимает и отдает»¹ силу небес. Также утверждается, что «влага луны» (lunarius humor) впитывает солнечный свет², или что Луна тянется к Солнцу, чтобы «вытянуть из него, как из источника, универсальную форму и природную жизнь»³; рассуждения о ней вызвали концепцию «универсального семени солнца» в квинтэссенции, «утробе и лоне природы»⁴. В этой связи, как утверждают Плутарх и Макробий⁵, существует определенная аналогия между луной и землей. В «Aurora consurgens» говорится, что «земля создана из луны», и здесь нам следует вспомнить, что Луна также означает серебро. Но суждения алхимиков о луне настолько сложны, что можно с той же справедливостью утверждать, что серебро есть еще один символ для тайной «Луны». Более того, только что приведенное замечание может оказаться ссылкой на то, что золото, предположительно, формируется в земле: земля «принимает» силу звезд, и солнце образует в ней золото, и т.д. Поэтому «Aurora Consurgens» приравнивает землю к невесте: «Я есть земля святого обета»⁶, или, по крайней мере, утверждает, что именно на земле происходит священный брак⁷.

¹ Steeb. Coelum sephiroticum, p. 138. Впервые встречается у Плутарха, см. Об Исиде и Осирисе, 43 (Moralia, V): «Она [Селена] восприимчива к солнцу и оплодотворяется им, но сама, в свою очередь, испускает в воздух и рассеивает в нем свои производящие начала».

² Consilium coniugii / Ars chemica, p. 141ff.

³ Dorn. Physica genesis / Theatr. chem., I, p. 397. Также, как ранее у Фирмикуса Матернуса (Matheseos, I, 4, 9) здесь мы сталкиваемся с идеей, что солнце вызывает возрождение луны. Эта идея достигла высочайшего уровня своего развития в патристической параллели между Луной и Церковью. Ср. Rahner. Mysterium Lunae.

⁴ Dorn. Physica Trismegisti / Theatr. chem., I, p. 426. Для стойков луна была посредницей между миром вечных звезд и нижним, земным царством; подобным образом у Макробия (In somnium Scipionis) луна находится на полпути между вещами божественными и вещами тленными. Менненс в своем «Aureum vellus» (Theatr. chem., V, p. 321) говорит: «Но Луна, будучи самой нижней из планет, приемлет, подобно утробе, силы всех звезд и затем одаривает ими подлунный мир... Луна вливает всю силу звезд в подлунные вещи, а особенно в их семена, чтобы обрели они плодоносную силу».⁶³¹ Луна также оказывает животворное воздействие на минералы, «формируя и храня в [земных] недрах разные виды камней, металлов и даже живых существ».¹⁶⁴¹

⁵ Плутарх. Лик луны, 21 (XII, с. 139), Макробий. In somnium Scipionis, 1, 11, ¹¹ Орфический фрагмент 81: ἡΧΙζ\ yata, «иная земля». См. Eisler. Weltenmantel, II, p. 657.

⁶ P. 141. «Он желает лежать со своей матерью в центре земли».¹⁶⁵¹ (Allegoriae ⁸⁸Pientum / Theatr. chem., V, p. 69). Вигенерфе igne et sale / Theatr. chem., VI, p. 98)

Земля и луна совпадают с albedo, потому что, с одной стороны, очищенная и пережженная земля считается terra alba foliata [белюлистной землей], «стремящейся к добру, подобной белейшему снегу»¹, а с другой стороны, Луна, как повелительница albedo², есть femina alba конъюнкций³ и «посредница побеления»⁴. Лунная сера, как уже упоминалось, — белая. Особенно важно plenilunium (полнолуние): когда луна сияет в своей полноте, то изгоняется прочь «бешеная собака», опасность, угрожающая божественному дитя⁵, изгоняется прочь. У Сениора полная луна представляет арканную субстанцию.

В древней традиции Луна дает влагу и управляет знаком воды Раком (2>). Майер утверждает, что umbra solis не может быть уничтожена, если солнце не окажется под знаком Рака, но что Рак есть «дом Луны, и Луна управляет влагой»⁶ (соком, кровью и т.д.). Согласно «Auroga consurgens II», она сама представляет собой воду⁷, «щедрю песту-ню свежести»⁸. Ранер в своей «Mistrem Lunaе» показывает, как широко отцы церкви использовали аллегорию луна-роса для объяснения следствий молитв в церковных таинствах. Здесь вновь патристический символизм оказывает очень сильное влияние на алхимические аллего-

указывает: «Ни небо нетленных тел, ни царство и сосуд изменчивых вещей не есть Луна, правящая влагой и символизирующая воду и землю».¹⁵⁶¹

¹ Ros. phil. / Art. aurif., II, p. 338f.: «...когда ты видишь землю как белый снег... зола извлекается из золы и земли, очищается и возвышается... белая амальгамированная земля — то добро, к которому стремятся».¹⁵⁷¹

² «Первая цель деяния — белизна, дом Луны».¹⁵⁸¹ (D'Espagnet, *Arcanum Hermeticae philosophiae opus*, p. 82).

³ Servus rubicundus (красный раб) и femina alba (белая женщина) образуют традиционную пару. «Белизна» встречается также в китайской алхимии, где ее уподобляют девственнице: «белизна живет внутри, подобно деве» Вэй Пу-янь, «Древнекитайский трактат по алхимии», p. 238). О белизне луны см. перевод Виттекинды Песни Песней, 6:10: «Кто она, встающая, как луна, прекрасная, как белизна?» (Das Hohe Lied, S. 8). [В русском переводе: «Кто эта, блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце...?» — Пер.] Lehana = белизна, как называет луну Исая, 24:23, и 30:26 [В русском переводе — «луна» — Пер.]

⁴ Ripley. Opera omnia, p. 362. То же в Gloria mundi/Mus. herm., p. 217(Waite, I, p. 176) и в Fons chymicae veritatis / Mus. herm., p. 809(Waite, II, p. 267).

⁵ Philaletha. Introitus apertus / Mus. herm., p. 659 (Waite, II, 170).

⁶ Symb. aur. mensae, p. 378.

⁷ Art. audi., I, p. 191.

⁸ Consilium coniugii / Ars chemica, p. 57. Аналогично в Rosinus ad Sarrat / (Art. aurif., I, p. 301): «Влага... из владений Лунь». Макробий сказал: «Но есть некое свойство... и некая природная сущность в испускаемом ею свете, которая увлажняет тела и как бы купает их в скрытой росе».¹⁰⁹¹(Saturnalia, lib. VII, cap. XVI).

рии. Луна вырабатывает росу или жизненный сок. «Именно Луна есть сок или вода жизни, скрытая в Меркурии»¹. Даже греческие алхимики утверждали, что Луне присуще начало (τὴν τῆς σελήνης οὐσίαν), которое христиане² называли «ихором (божественной кровью) философов» (τὰ ὑγρὰ τοῦ φιλοσόφου)³. Связь луны с душой, которой в древности уделялось большое значение⁴, встречается и в алхимии, правда, с иным нюансом. Обычно говорили, что из луны происходит роса, но луна также aqua mirifica⁵, изымающая душу из тела или дающая телам жизнь и душу. Вместе с Меркурием Луна окропляет расчлененного дракона и возвращает ему жизнь, «делает его живым, двигающимся и резвящимся и изменяет его цвет на цвет крови»⁶. Как вода для омовения, роса приходит с неба, очищает тело и придает ему способность принять душу⁷; иными словами, она вызывает albedo, белое состояние невинности, которое, подобно луне и невесте, ожидает жениха.

Поскольку алхимики зачастую были также врачами, то воззрения Галена на луну и ее свойства должны были, конечно, оказывать влияние на их идеи. Гален называл луну императрицей, «справедливо правящей своим земным царством, превосходя другие планеты не из-за возможностей, но из-за близкого расстояния». Он также считал луну ответственной за все физические изменения, происходящие как во время болезни, так и в здоровом состоянии, и полагал, что ее аспекты имеют решающее значение для медицинского прогноза.

Старинная вера в то, что луна способствует росту растений, привела алхимиков не только к подобным заявлениям, но также к курьезной идее, что луна сама является растением. Так, в «Rosarium» говорится, что

¹ MHC herm n. 809 (Waite, II, p. 267).

² Ὁ Χριστιανός не настоящее имя, а только прозвище, под которым был известен анонимный «христианский философ». Считают, что он был современником Стефана Александрийского и, таким образом, должен был жить в царствование императора Ираклия, в начале VII века.

³ Они называли ее «вечно изливающимся фонтаном *рая*». (Berthelot. / Alch. grece, VI, i, 2). У Макробия (In somnium scipionis, I, 11) Луна — «автор и создательница смертных тел»¹⁶¹¹ и (I, 19) «вегетативное начало, то есть рост, который Дает нам лунная округлость».¹⁶²¹

⁴ Луна принимает души умерших (*Haegemonius*. Acta Archelai, изд. Beeson, P- 11). Душа приходит с луны: «луна создает душу... для зарождения человека». Милуша/?*. Лик Луны, 28). Дополнительный материал см. у Capelle. De luna stellis lacteo orbe animarum sedibus.

⁶ «Меркурианская вода луны» и «материнский источник». Cp. Rosinus ad Sarrat/Art. aurif., I, p. 299.

Albertus Magnus. Super arborem Aristot. / Theatr. chem., II, p. 525.

⁷ Ros. phil. / Art. aurif., II, pp. 275ff.

Солнце именуется «великим животным», а Луна — «растением»¹. Среди алхимических рисунков мы находим множество солнечно-лунных деревьев². В «Super arborem Aristotelis» «лунный круг» в обличье аиста сидит на чудесном дереве у могилы Гермеса³. Гален⁴ объясняет arbor philosophica [философское древо] следующим образом: «Это некая трава или растение по имени Лунатика или Берисса⁵, чьи корни из земных металлов, чей стебель красный, наполненный черным, и чьи цветы подобны цветам майорана; их тридцать, по числу дней луны, когда она прибывает и убывает, цвет их - желтый»⁶. Другое имя лунатики — лунария, чьи цветы Дорн упоминает, приписывая им чудесную силу⁷. Кунрат говорит: «Из этого маленького соленого источника вырастает также дерево солнца и луны, красное и белое коралловое дерево наших морей», которое и есть лунария и чья «соль» зовется «Luna Philosophorum et dulcedo sapientum» (сладость мудрости)⁸. «Allegoriae super librum Turbae» описывает луну-

¹ Ibid., p. 243.

² См. ПСИХОЛОГИЯ и алхимия, рис. 116 и 188. Ср. также солнечно-лунные деревья «Дома Солнца» в «Romance of Alexander»: «Быть может, вы хотели бы увидеть те святые деревья Солнца и Луны, что откроют вам будущее».¹⁶⁴¹ {Hilka. *Der altfranzosische Prosa-Alexanderroman*, S. 203f.}

³ Theatr. chem., II, p. 257.

⁴ Разумеется, алхимический псевдо-Гален. Галену приписывают трактат «Liber Secretorum», который мне, к несчастью, недоступен.

⁵ *Du Cange* (Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis, Appendix, p. 38) дает такое написание: «Щроса, то цйХи, molix». В травнике Табернемонтана (Krauterbuch, I, S. 408) упоминается «Рцоаоо = арцаХа = nfiуovov аурiov», *Peganum silvestre*, которую Гален называл цSA.i>, *Hermelraute*, и которую часто путают с болиголовом. Эту траву применяют при лечении эпилепсии и меланхолических фантазий, а также для любовных напитков; она делает человека сонливым и пьянит, как вино». Диоскорид (*De medica materia*, lib. III, cap. 46, p. 349) утверждает, что *Ruta sylvestris* «в Каппадокии и Галатии, соседних с Азией странах, называют моли». Гален (*De simplicium medicamentorum facultatibus*, lib. VII, p. 491) утверждает: «У моли, *Ruta sylvestris*, черный корень и молочно-белые цветы». О «моли» см. Rahner. *Die seellenheilende Blume: Moly und Mandragora in antiker und christlicher Symbolik*.

⁶ *Aurora Consurgens* II / Art. aurif., I, p. 222. «Желтые цветы» напоминают о «Снеуги», удивительном травнике Парацельса. См. ниже: Парацельс как духовное явление. В своем «*Labyrinthus medicorum*» (*Sudhoff*, XI, p. 205) Парацельс упоминает лунатику: «Именно в Лунатике — весь путь луны, не видимый, но духовный».

⁷ Он называет цветы «наиболее знакомые философам» — *Congeries Paracelsicae* / Theatr. chem., I, p. 581.

⁸ Von hylealischen Chaos, p. 270.

растение так: «В лунном море¹ растет губка, обладающая кровью и чувствами [sensum]², как дерево, которое укоренено в море и не двигается с места. Если ты хочешь забрать это растение, возьми серп, чтобы срезать его, но позаботься о том, чтобы кровь не вытекла, ибо она — яд философов»³.

Может показаться, что луна-растение — родмандрагорыинеимеет ничего общего с ботанической лунарией (лунником). В травнике Табернемонтана, где аккуратно перечислены все магико-медицинские свойства растений, не упоминается алхимическая лунатика или лунария. С другой стороны, очевидно, что лунатика тесно связана с «морским деревом» арабской алхимии⁴, следовательно, с *arbor philosophica*⁵, которое,

11⁶) я не нашел параллель для «*maris Luna*». «Море» всегда означает растворитель, то есть *aqua permanens*. В нем купается Солнце (погружается или тонет), зачастую одно. Параллелью Луны в купели, как рассмотрено выше, является Диана. Но она не тонет в этой купели, поскольку она сама и есть вода.

² «*Spongia*» означает не только губку, но и пемзу, которая обладает той же структурой. Так, в «*Liber quartorum*» (*Theatr. chem.*, V, p. 190) говорится: «Но все, что является паром или едва уловимым различием этих частей... удерживается только твердым телом... и всякий раз это камень, напоминающий губку (пемзу)».¹⁶⁶¹ Возможно, ссылаясь на эти слова, *Миллус* (*Phil. ref.*, p. 107) пишет: «Солнце и Луна философски кальцинируются первой водой, чтобы тела смогли открыться и стать губчатыми и нежными, и вторая вода тогда проникнет в них гораздо легче». *Руланд* (*Lexicon*, p. 300) заимствовал у Диоскоридафе *medica materia, lib. V, cap. 96, p. 625* подразделение губок на мужские (один вид из них называют *трагос*, «козел») и женские. Их зола останавливает кровь. Руланд, ссылаясь на Авиценну, добавляет, что у губок «есть душа», под которой он, вероятно, имеет в виду пары, образующиеся при их нагревании. Для алхимиков «ани-ма» всегда имела определенное значение, которое Авиценна формулировал следующим образом: «Высшая часть — это душа, возбуждающая камень и возвращающая его к жизни».¹⁶⁸¹ Руланд подчеркивает, что губки обладают «разумом» (*intellectual*), так как они сокращаются от шума или прикосновения. Он считал губки «зоофитами, не животными и не растениями, но обладающими третьей природой».¹⁶⁹¹

³ *Art. aurif.*, I, p. 141.

⁴ Ср. Психология и алхимия, § 537, где текст Абу-аль-Касима цитируется в переводе Хольмьярда.

⁰ См. Психология и алхимия, рис. 122,131,135,186, 188. Вентура: «Корни его [РУД] в воздухе, а верхушки — в земле. И когда их вырывают, слышен ужасный звук, за которым следует великий страх. Поэтому бегите быстро, ибо они быстро исчезают».¹⁷⁰¹ (*Theatr. chem.*, II, p. 257). По всей вероятности, в данном случае имеется ввиду мандрагора, которая кричит, когда ее рвут. См. Философское дерево, §380, прим.4и§410П

в свою очередь, имеет параллели с каббалистическим деревом Сефирот¹, с деревом христианского мистицизма² и индийской философии³.

Замечание Руланда о том, что губка «обладает разумом» (см. прим. 205) и слова Кунрата о том, что сутью лунарии является «сладость мудрости», говорят о существовании идеи, по которой луна имеет некую тайную связь с человеческой душой⁴. Алхимики много говорили об этом, и это становится особенно интересным, поскольку мы знаем, что луна — предпочтительный символ для некоторых аспектов бессознательного (разумеется, только для мужчин). У женщин луна соответствует сознательному, а солнце — бессознательному. Это происходит из-за контрасексуального архетипа бессознательного — у мужчин это анима, у женщин — анимус.

¹ Здесь древо — это сам Бог: «Цель создания была известна Богу как Господу и Правителю; Он — ствол и корень мира» (*Zohar*, I, fol. 1 lb, как приведено у *Hamberger*. Encyclopadie der Judentums, II). Йозеф Гикатила говорит: «Знайте, что святые имена Бога, обнаруженные в Писании, все производятся от четырех буквенного имени YHVH [или YHWH — *Пер.*]. Если вы не согласны с тем, что это имя Ehyeh (Яхве, Иахве) — основа и источник, узнайте, что четырехбуквенное имя Яхве [тетраграмматон — *Пер.*] можно уподобить древесному стволу. У него четыре корня и ветви, раскинутые по всем направлениям» (*Winter* и *Wiinsche*. *Die Jüdische Literatur seit Abschluss des Kanons*, III, S. 267). О «короне» (Кетере) сказано: «Это источник, от которого дерево делается плодоносящим и сок течет по всем его ветвям. Ибо Ты, Господин миров, Ты, что являешься основой для всех основ, причиной всех причин, — Ты орошаешь древо из этого источника, который, подобно душе в теле, повсюду распространяет жизнь» (*Tikkune Zohar*, цит. *Joel*. *Die Religionsphilosophie des Sohar*, S. 308f., и *Bischoff*. *Elemente der Kabbalah*, I, S. 82).

² Джон из Рюисброка (1294—1381) говорит о древе (смоковнице) Закхей (Евангелие от Луки 19): «И он должен был подняться на древо веры, которое растет сверху вниз, потому что его корни в Божестве. Это древо имеет двенадцать ветвей — двенадцать предметов веры. Нижняя говорит о Божественной Человечности, и о тех вещах, которые относятся к нашему спасению души и тела. Верхняя часть древа говорит нам о Божестве, Едином в трех Лицах и о единстве Природы Бога. И человек должен держаться этого единства в высшей части древа, потому что именно там должен явиться Иисус со всеми своими дарами» (*The Adornment of the Spiritual Marriage*, p. 47f.).

³ *Katha Upanishad*, II, 6, 1 (SBE, XV, p. 21): «Там есть старое дерево, корни которого растут вверх, а ветви — вниз. Оно зовется Светом, который зовется Брахманом, который один зовется Бессмертным. Все миры содержатся в нем, и ни одного нет вне его».

⁴ Слово «мана» на санскрите означает «душа» (разум). Она включает интеллектуальные и эмоциональные процессы и поэтому может означать, с одной стороны, разум, интеллект, размышление, мысль и т.д., а с другой — душу, сердце, сознание,

В гнозисе Симона Мага Елена (Селена) есть кршпг evvoia', мудрость², и eii voш³. Последнее обозначение также встречается у Ипполита: «Ибо в то же время Эпинойя сама находится в Елене»⁴. В своем «Απόφασις μεγάλη» («Великом объяснении») Симон говорит:

УвсехЭонов есть два ответвления, не имеющих ни начала, ни конца, а лишь один корень, и этот корень есть некая Сила [δύναμις], невидимое и непостижимое Молчание [σῆμα]. Одно из них находится в высях и представляет собою великую силу, всеобщую душу [νοῦς τῶν ὅλων], правящую всеми вещами и имеющую мужское начало; другое, находящееся внизу, есть великая Мысль [ἐπίνοια μεγάλη], женское начало, порождающее все вещи. Становясь друг против друга, они соединяются и вызывают в пространстве между ними непостижимую Атмосферу, безначальную и бесконечную; но в ней находится Отец, который защищает все вещи и питает все, что имеет начало и конец. Именно он стоял, стоит и будет стоять и является той муже-женской Силой и образом той пре-существующей безграничной Силы, которая не имеет ни начала, ни конца и вечно пребывает в одиночестве

Этот отрывок примечателен по нескольким причинам. Здесь описано coniunctio Solis et Lunae, которое Симон, похоже, воплощает в своей собственной жизни с Еленой, проституткой из Тира, представляя ее в роли Иштар. В результате соединения с soror или filia mystica была порождена муже-женская пневма, странно обозначенная как «Атмосфе-

желание, волно и т.д. *Мана* — орган внутренней «души», или *атмана*. (MacDonnel. A Sanscrit-English Dictionary, s. v. *manas*.) В Ригведе, X, 90, 13, говорится: «Луна порождена его разумом, а из глаза его родилось Солнце». Это указание на два глаза Пуруши, макрокосмического антропоса, который создал мир, преобразовав себя в него — весьма примитивная концепция, возможно лежащая в основе «порождения переделкой», упоминающегося в «Tabula Smaragdina» (см. ниже). Brihadaranyaka Upanishad (I, 3, 16) гласит: «Когда душа-разум освободится от смерти, она станет лунной» (II, p.81).

¹ Bousset. Hauptprobleme der Gnosis, S. 78: «Evvoia» означает «мысль, понимание, размышление, взгляд», а также «значение» и, как противоположное avoia (безрассудство, безмыслие), может быть переведено современными терминами «понимание (интуиция)» и «сознание», в то время как avoia в некоторых местах (например, в Corpus Hermeticum) в точности передается словом «бессознательное». В орфическом учении Селену называют «премудрой Девой».

² Clement of Rome. Recognitions (Migne. P.G., vol. 1, col. 1254).

³ «Представление, изобретение, цель, план».

⁴ Elenchos, VI, 19,2.

⁵ Ibid., 18,2 (Cp. Legge, II, p. 13).

ра». Поскольку пневма, так же как и дух, первоначально обозначала воздух в движении, такое название выглядело архаичным или нарочито физическим. Очевидно, однако, что атмосфера употребляется здесь в духовном смысле пневмы, поскольку ее прародители носят имена $\nu o \iota \rho$, $\epsilon \nu \nu o \iota \alpha$, $\epsilon \iota \nu \nu o \iota \alpha$, имеющие абстрактный характер и поэтому принадлежащие духовной сфере. Из этих трех имен Нус обозначает наиболее широкую идею, и во времена Симона это слово употребляли неотделимо от пневмы. Эннойя и Эпинойя не значили ничего такого, что нельзя было также представить посредством Нуса; они отличались от последнего только своим особым характером, подчеркивая более специфическое содержание того, что включал в себя термин «Нус». Далее, в этом контексте они требовали употребления в женском роде, в то время как Нус был мужского рода. Все три указывают на существенное сходство компонентов сизигии и на свою «духовную» природу.

Всякий, кто знаком с алхимией, будет поражен сходством между взглядами Симона и отрывком из «*Tabula Smaragdina*»:

И так же, как все вещи происходят от Единого, благодаря Его размышлениям, так они происходят из одной вещи, благодаря ее преобразению¹. Ее отец — Солнце, ее мать — Луна; ветер несет ее в своей утробе².

Так как «все вещи» происходят из размышлений Единого, это справедливо и для Солнца и Луны, которые, таким образом, изначально наделены пневматическим характером. Они символизируют первичные образы духа, а их соединение производит *filius magoscosmi*. Солнце и Луна в поздней алхимии, несомненно, являются арканными летучими субстанциями, то есть духами³.

Рассмотрим тексты, где говорится об интеллектуальной стороне Луны. Таких текстов удивительно мало; тем не менее, в «*Rosarium*» можно найти следующий отрывок:

¹ Руска справедливо отвергает такой вариант, как «усыновление». Под «вещами» алхимики понимают «субстанции». «Преобразующий» процесс напоминает понятие, особенно распространенное среди австралийских аборигенов, что Первоначальное Существо превратило себя в вещи и существа этого мира. То, что здесь используется средний род, легко можно объяснить гермафродитизмом получившегося создания, что постоянно подчеркивается.

² *Ruska*. *Tabula Smaragdina*, p. 2.¹⁷¹ Сениор говорит об этом тексте (*De chemia*, p. 30f.): «Воздух — посредник между огнем (=Солнцем) и водой (=Луной), поскольку он горячий и влажный». «Воздух — жизнь для всего». «Сын мудрости рожден в воздухе».¹⁷²

³ Ср. *Senior*, p. 20: «...духи душа, когда они ступают при повторной дистилляции, соединятся в универсальной смеси, и один поддержит другого, и они станут единым».¹⁷³¹

Если ты не поразишь меня, разум твой не будет совершенным, только с моей сестрой луной возрастет мудрость твоя, и ни с кем-либо другим из моих слуг, даже если ты узнаешь мою тайну¹.

Милюс некритично воспроизводит эту фразу в своей «Philosophia reformata»². И он, и автор «Rosarium» в качестве источника указывают на «Metaphora Belini de sole»³. «Dictia Belini» включена в «Allegoria sapientum», но мы имеем дело со следующим отрывком:

Поэтому я объявляю всем вам, мудрецы, что если вы не поразите меня, то не сможете именоваться мудрецами. Но если вы поразите меня, разум ваш будет совершенным, и возрастет с моей сестрой луной согласно степени вашей мудрости, а не с другими из моих слуг, даже если вы узнаете мою тайну⁴.

Белинус (поскольку Руска, по-видимому, прав в своем предположении) соответствует Аполлонию Тианскому⁵, которому приписывают некоторые проповеди «Turba». В тридцать второй проповеди «Бонеллус» обсуждает проблему смерти и преобразования, также затронутой в нашем тексте. Другие проповеди Бонеллуса не имеют соприкосновений с нашим текстом, и даже повсеместный мотив воскрешения не имеет здесь решающего значения, так что «Dicta», по всей вероятности, связана с «Turba». Более вероятным источником «Dicta» мог бы быть харранит-ский трактат Артефия «Clavis maioris sapientiae»⁶: «Наш господин, философ Белениус, изрек: Поместите ваш свет в сосуд из прозрачного стекла, и вы увидите, что вся мудрость этого мира вращается вокруг следующего древа...»⁷. И опять: «Но однажды мой господин, философ Болемус, позвал меня и сказал: О! Сын мой, я надеюсь, что ты стал человеком духовного понимания и способен достичь высокой ступени мудрости»⁸. Далее следует объяснение того, как две противоположных

¹ «Nisi me interfeceritis, intellectus vester non erit perfectus, et in sorore mea Luna crescit gradus sapientiae vestrae, et non cum alio ex servis meis, etsi sciretis secretum meum». — Art. aurif., II, p. 380. Слово «слуги» относится к планетам, или к металлам.

² P. 175. Здесь он приводит это высказывание, как имеющееся в «Epistola Solis ad Lunam» Сениора (De chemia, p. 7ft.), однако этой фразы там нет.

³ Mylius. Phil. ref., p. 309, и Ros. phil. /Art. aurif., II, p. 378.

⁴ «Nuncio ergo vobis omnibus sapientibus, quod nisi me interficiatis, non potestis sapientes nuncupari. Si vero me interfeceritis, intellectus vesper erit perfectus, et in sorore mea crescit luna, secundum gradum sapientiae nostrae et non cum alio ex servis meis, etsi sciretis secretum meum». (Theatr. chem., V, pp. 96ff.)

⁵ Это имя также искажали как Болемус, Белениус, Балинас, Беллус, Бонеллус.

⁶ Theatr. chem., IV, p. 221.

⁷ «Три» указывает на три типа объединения душ: в теле, в душе и в духе.

⁸ [75]

природы, активная и пассивная, возникли из первичной простой субстанции. В начале Бог сказал «без единого слова»: «Да будет творение», и тогда появилось простое (*simplex*). Затем Бог создал природу, или первомерию, «первое пассивное, или воспринимающее [начало], где все присутствовало в принципе*! в потенции». Чтобы завершить это промежуточное состояние, Бог создал «*causa agens*» [действующую причину], подобно кругу небес, который он преобразовал, чтобы назвать Светом. Но этот Свет вмещал в своей пустоте некую сферу, первое творение». Свойствами этой сферы были тепло и движение. Очевидно, что это было солнце, в то время как холодный и пассивный принцип должен был соответствовать луне¹.

Мне кажется маловероятным, что «*Dicta Belini*» скорее связана с отрывком из Артефиуса, чем с «*Turba*», так как в ней нет ссылок на проповеди Апполония. Данная работа может представлять традицию, независимую от «*Turba*», и это более вероятно, поскольку Артефиус был, похоже, очень древним автором арабского происхождения². Он разделял доктрину «*simplex*» с трактатом «*Liber quartorum*»³, который, вероятно, тоже имел харранский источник. Я вспомнил здесь эту теорию сотворения, несмотря на то, что она не имеет параллелей в «*Dicta*». Она показалась мне достойной упоминания по причине своей внутренней связи с «*Arphasis megale*» Симона Мага. «*Dicta*» касается не первичного разделения начал, а скорее синтеза, который имеет такое же отношение к сублимации (возвышению) человеческого разума (*exaltatio intellectus*), как процедуры «*Liber quartorum*»⁴.

¹ Я не могу удержаться от того, чтобы не указать на замечательную аналогию, существующую между Симоном из Гитты и Псевдо-Аполлоном, с одной стороны, и Лао-цзы — с другой, в отношении *pricipia mundi* [мирового начала]. Компонентами *dao* являются мужское *ян* — горячее, яркое и сухое, как солнце, и женское *инь* — холодное, темное и влажное, как (новая) луна. В «*Дао Дэ Цзин*» (гл. 25) говорится о Первоначальном Существе:

Оно бесформенное и, тем не менее, завершённое
 Которое существовало до неба и земли;
 Беззвучное, невещественное,
 Ни от чего не зависящее, неизменное,
 Всеохватное, неисчерпаемое.
 О нем можно думать как о матери всех вещей под небесами.

{Книга о пути и его проявлениях}

² Возможно, это Сениор. Ср. *Stapleton and Husain. Muhammad bin Umail*, p. 126, n. 2.

³ *Theatr. chem.*, V, pp. 114ff.

⁴ Ср. Психология и алхимия, § 366ff.

Кроме связи между Луной и разумом мы должны также рассмотреть их отношения с Меркурием, потому что в астрологии и мифологии Меркурий отождествляется с божественным началом, имеющим много общего с Эпинойей. Связи между ними в алхимии имеют классическое прошлое. Не касаясь отношения Гермеса и Нуса, я лишь напомним, что у Плутарха Гермес находится на Луне и движется вместе с ней (то есть имеет к луне такое же отношение, как Геракл — к солнцу)¹. В магическом папирусе Гермесу молятся так: «О Гермес, правитель мира, ты, пребывающий в сердце, светящийся круг Луны, круг и квадрат»².

В алхимии Меркурий — сферический *par excellence*. Луна формируется из его холодного и влажного начала, а Солнце — из горячего и сухого³; по-другому ее называют «специфической субстанцией Меркурия»⁴. От Луны происходит *aqua Mercurialis* или *aqua permapens*⁵; своей влагой, подобно Меркурию, она возвращает к жизни убитого дракона⁶. Как мы видели, светящийся круг луны упоминается в «*Super arborem Aristotelis*», где «аист, также называющийся кругом луны», сидит на дереве, зеленом изнутри, а не снаружи⁷. Здесь стоит указать, что душа, чья связь с луной уже обсуждалась, также считается круглой. Так, Цезарий Гейстербахский утверждает, что душа имеет «сферическую природу», «по образу лунного шара»⁸.

А теперь обратимся к вопросу, поднятому в «*Rosarium*», когда там цитируется «*Dicta Belini*». Это одна из тех приблизительных цитат, которые так свойственны «*Rosarium*»⁹. Рассматривая цитату как целое следует отметить, что не совсем понятно, о ком в ней говорится. В «*Rosarium*» имеется в виду Солнце. Но из контекста «*Dicta*» можно сделать вывод, что это с той же вероятностью может быть *filiius philosophorum*, так как женщину иногда называют «сестрой», иногда — «матерью», а иногда — «супругой». Эти странные взаимоотношения

¹ Об Исиде и Осирисе, cap. 41 / *Moralia*, V, pp. 100f.

² *Preisendanz*, *Papyri Graecae Magicae*, II, p. 139.⁷⁶¹

³ *Gloria mundi/Mus. herm.*, p. 266(Waite, I, p. 215).

⁴ *Mylius*, *Phil. ref.*, p. 185; аналогичное *eEpist.ad Hermannum / Theatr. chem.*, V, p. 893.

⁵ *Rosnus ad Sarath / Art. aurif.*, I, p. 299.

⁶ *Theatr. chem.*, II, p. 525.

⁷ *Ibid.*, p. 527. d значения аиста в «*Aureum vellus*» (*Theatr. chem.*, V, p. 446) говорится: «Аисты уничтожают змей, а мясо их служит универсальным противоядием».⁷⁷¹ Поэтому аист — это победитель дракона и символ сражающейся с демонами луны. Символ аиста является одним из атрибутов церкви.

⁸ *Dialogue on Miracles*, IV, 39,1, p. 236. Родство луны и души подтверждается «*She* и тем, что луна — «вместилище душ». Ср. *Hegemonius*, *Acta Archelai*, VIII.

⁹ Ср. *Психология и алхимия*, § 140, прим. 17, § 220, прим. 108, § 385, прим. 87.

объясняются древним суждением, по которому сын символизирует возрожденного отца, — мотивом, знакомым нам из христианской традиции. Говорящий, таким образом, является отцом-сыном, чья мать приходится сестрой-женой сыну. Слова «согласно степени вашей мудрости» противоречат словам «ваш разум»; следовательно, это относится к мудрости Sol redivivus [обновленного солнца], и, вероятно, к его сестре-луне, отсюда «наша», а не «моя» мудрость. «Степень» не только правдоподобная, но и свойственная данному опусу концепция, потому что Солнце проходит через различные стадии трансформации от дракона, льва и орла¹ до гермафродита. Каждая из этих стадий означает новый уровень разума, мудрости и инициации, также как митраистские орлы, львы и солнечные посредники представляют собой ступени инициации. «Если ты не порaziшь меня» обычно является ссылкой на убийство дракона, mortificatio последнего, опасную, ядовитую стадию анимы (=Мер-курия), освобожденной из заточения в первоматерии². Анима также идентифицируется с Солнцем (Sol)³. Солнце часто называют Царем (Rex), при этом изображают, как его убивают десять человек⁴. Таким образом, он подвергается mortificatio, как и дракон, с той лишь разницей, что он никогда не бывает самоубийцей. Ибо Солнце, поскольку дракон есть предварительная форма films Solis, — в известной степени отецдрако-на, хотя о последнем определенно говорится, что он порождает сам себя и таким образом является несотворенным⁵. В то же самое время Солнце, будучи своим собственным сыном, также является драконом. Отсюда возникает coniugium дракона и женщины, которая может быть только Луной или лунарной (женской) половиной Меркурия⁶. Так же как Солнце, Луна (мать) должна находиться в драконе. Мне известно, что никогда не ставился вопрос о ее mortificatio в смысле убийства. Тем не менее ее заключают в Солнце, когда умирает дракон, как утверждает в «Rosarium»: «Дракон не умирает, если с ним нетего брата и сестры»⁷. Та идея, что дракон, или Солнце, должны умирать, является существенной стороной таинства преобразования. Mortificatio, на этот раз толь-

¹ Ср. Kalid. «Liber trium verborum», ch. VI/Art. aurif., 1(1593), pp. 357f.

² «Дракон рождается во тьме и ..убивает себя».¹⁷⁸ — Ros. phil. /Art. aurif., II, p. 230. Выражение «душа в цепях» встречается еще в трактате Софе Египтянина: «Божественная душа заточена в стихиях». Berthelot, III, xlii, 1, line 17.

³ «Мировой душе мы отводим место главным образом в солнце».¹⁷⁹ M///us. Phil-ref., p. 10.

⁴ См. рис. 8 у Миллуса, с. 359 и рис. С1 у Штолькеберга. Viridarium chymicum.

⁶ Ср. Психология и алхимия, §430 и далее.

⁶ См. последнюю эмблему в Майеровой «Scrutinium chymicum», p. 148.

⁷ Art. aurif., II, p. 224.¹⁸⁰ Этот пассаж встречается еще раз на стр. 241, с дополнением: «То есть, Солнца и Луны».

ко в виде увечья, осуществляется в отношении льва, чьи лапы отрубаются¹, и в отношении птицы, чьи крылья подрезаются². Это означает победу над старым и отжившим, а также преодоление опасных стадий, характеризующихся животными символами.

Интерпретируя слова «ваш разум возрастает с моей сестрой» и т.д., полезно вспомнить, что философская интерпретация мифов была развита уже у стоиков, и сегодня нам не следует ее расшатывать, описывая в психологическом смысле. Работа над толкованием мифов не прервалась с развитием христианства, но усердно практиковалась в несколько иной форме, а именно в герменевтике отцов церкви, оказавшей решительное влияние на алхимический символизм. Иоаннитская интерпретация Христа как пред-мирного Логоса представляет собой раннюю попытку выразить иными словами «значение» сущности Христа. Поздние представители средневековой мысли, а в особенности натурфилософы, сделали *Sapientia Dei* [мудрость Божию] ядром своего понимания природы и таким образом создали новый миф о природе. В этом они подвергались очень сильному влиянию арабов и харранитов, последних сторонников греческой философии и гнозиса, чьим главным представителем был Табит ибн Курра, живший в десятом веке. Один из его трудов, «*Liber Platonis quartorum*», представляет собой диалог, в котором Те-бед (Табит) беседует сам с собой. В этом трактате интеллект как орудие натурфилософии играет роль, с которой мы встречаемся вновь лишь в конце XVI столетия, у Герхарда Дорна. Пико делла Мирандола обращается к философской интерпретации древних и упоминает, что «греческие платоники» описывали Солнце как $\delta\iota\acute{\alpha}\nu\omicron\iota\alpha$ ³, а Луну как $\delta\delta\acute{\omicron}\xi\alpha$ ⁴, термины, которые напоминают Нус и Эпинойю Симона⁵. Пико сам и определил различие между «*scientia*» [знанием] и «*oripio*» [воображением]⁶. Он думает, что ум, душа (*animus*) обращаясь к духу (*spiritus*) Божьему, начинает сиять и поэтому называется Солнцем. Дух Божий соответствует *aquae superiores*, «водам над твердью» (Бытие 1:7). Но поскольку человеческая душа обращена к «водам под твердью» (*aquae inferiores*), то ее одолевает «*sensualis potentiae*» [сила чувств], «в результате чего она оказывается запятнанной» и зовется Луной⁷. В

¹ Как на фронтисписе *Le Songe de Poliphile* (Психология и алхимия, рис. 4).

² *Senior*. *De chemia*, p. 15.

³ «Мысль, ум, разум».

⁴ «Мнение, взгляд, представление». Пико добавляет: «Согласно принципам их Учения» — *Hermaplus / Opera omnia*, Lib. IV, cap. IV, p. 32.

⁶ В этом месте Пико упоминает, что Платон и «некоторые ранние» философы интерпретировали Солнце как «активный ум, а Луну [как] ум потенциальный».¹⁸¹

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid.*

случаях ясно, что человеческий дух или душа (психе) имеет двойственную природу, где одна сторона обращена вверх, к свету, а другая — вниз, во тьму, где царит луна (солнце правит днем, а луна точно также господствует над ночью). «И пока, — говорит Пико, мы странствуем вдали от нашего отечества и пребываем во тьме нашей теперешней жизни, то по большей части пользуемся теми нашими свойствами, которые толкают нас к чувствам, и поэтому скорее придумываем многие вещи, чем знаем их»¹, — пессимистический, но, без сомнения, верный взгляд, который полностью соответствует духовному мраку и грешной тьме подлунного мира, столь черного, что в нем тускнет сама Луна.

По сравнению с Солнцем, Луна выступает в невыгодной позиции. Солнце — концентрированное светило: «День освещен одним лишь солнцем». Луна же — «как бы менее сильная», нуждается в помощи звезд, когда решает задачу «соединения и разделения, рационального мышления, определения», и т.д.² Инстинктивные стремления, как «*potentiae sensuales*», принадлежат лунной сфере; они суть гнев (*ira*) и желание (*libido*), или, одним словом, *concupiscentia* [вожделение]. Страсти обозначаются животными, поскольку это общие для нас и них свойства и, «что самое страшное, страсти часто вовлекают нас в скотскую жизнь»³. Как говорил Пико, Луна «обладает сродством с Венерой, о чем в особенности говорит тот факт, что она поднимается в Тельце, доме Венеры, и нигде больше не оказывается более благоприятной и благотворной»⁴. Телец — дом священного брака Солнца (*Sol*) и Луны (*Luna*)⁵. Разумеется, Пико заявляет, что Луна — «самая нижняя земля и наиболее низкая из звезд»⁶ что напомина-

¹ Ibid.

² Ibid. Ср. идею о «внутреннем небосводе» как символе бессознательного. — Природа души, §390f., Парацельс как врач, §29ff.

³ Cap. V Пико добавляет: «Отсюда халдейское изречение: чудовища земные наполняют твой сосуд», а из «Государства» Платона мы узнаем, что в нас есть разнообразные виды животных».¹⁸²¹ Ср. текст Оригена выше. Английский мистик Джон Пордейдж (John Pordege) говорит в своей «*Sophia*» (стр. 108 голландского издания, 1699) об «ужасном народе» в душе.

⁴ Neptaplus, Lib. II, cap. III, p. 20.

⁵ Ср. Дм (Dee). *Monas hieroglyphica* / *Theatr. chem.*, II, p. 219: «И когда полумесяц был дан в дополнение солнцу, то был вечер, и было утро, день один. Поэтому этот день был первым, на который пролился свет философов».¹⁸³¹ Когда (©) и (S) соединяются, это дает (fc>), правителя дома Венеры. Свадьба дня (солнца) и ночи (луны) приводит к тому, что ляпис, правда редко, называют «*filius unius diei*» (сыном дня). См. ниже.

⁶ «Мы считаем луну самой нижней землей и наиболее презренной из всех звезд, поскольку земля подобна ей темнотой своих элементов и их пороками».¹⁸⁴¹ (Neptaplus, Lib. II, cap. II, p. 18).

ет Аристотелево сравнение Луны с Землей. Луна, говорит Пико, ниже всех других планет¹. Новолуние особенно неблагоприятно, поскольку лишает растущие тела их пищи и таким образом вредит им².

Психологически это означает, что объединение сознания (Sol) с его женским двойником подсознанием (Luna) приводит к нежелательным результатам: в результате возникают ядовитые животные, такие, как дракон, змея, скорпион, василиск и жаба³; затем идут лев, медведь, волк, пес⁴ и, наконец, орел⁵ и ворон. Сперва появляются холоднокровные животные, потом теплокровные хищные звери и, наконец, хищные птицы, или несущие зло стервятники. Таким образом, первое потомство *matrimonium luminarium*, выглядело довольно отталкивающим. Но это произошло оттого, что зло, зачастую скрытое в родителях, проявляется в детях (ситуация, часто встречаемая в реальной жизни). Я помню, например, случай с двадцатилетним банковским клерком, который растратил несколько сот франков. Его отец-старик, старший кассир того же банка, был в отчаянии, потому что сорок лет исполнял свои высокоответственные обязанности с примерной честностью. Два дня спустя после ареста сына он сбежал в Южную Америку с миллионом. Стало быть, что-то неладное было именно «в семье». В случае с Солнцем мы видим, что оно либо обладает тенью, либо выступает даже как *Sol niger*. О положении Луны мы уже говорили, когда обсуждали новолуние. В «*Epistola Solis ad Lunam crescentem*»⁶ Солнце осмотрительно говорит: «Если ты не навредишь мне, о Луна»⁷. Луна обещает ему полное растворение, пока она сама «сгущается», то есть твердеет, и одевается своей темнотой (*induta fuero nigredine tua*)⁸. С дружелюбным видом она притворяется, будто ее темнота исходит от *него*. Матримониальная ссора уже началась, Луна есть «тень солнца, и в испорченном теле она зачинает, и из-за ее испорченности... Лев затмевается»⁹.

¹ «И мы знаем, что луна находится подо всем».¹⁸⁶¹(In *Astrologiam*, X, iv/*Opera omnia*, I, p. 685.)

² *Ibid.*, III, v, p. 461f.

³ Усредненная их форма — это саламандра.

⁴ Часто упоминается как «корасенский пес» (солнце) и «армянская сука» (луна). См. ниже.

^a О котором сказано, что он пожирает собственные крылья или перья.

Следовательно, орел — вариант уробороса.

⁶ *Senior/ De chemia*, p. 9.

⁷ Солнце помнит об опасности Луны: «Сестра моя, а не кто-либо другой, причинила мне муки». (*Exercitationes in Turbam / Art. aurif.*, I, p. 173).

⁸ Песн. 1:4: «Черна я, но красива...», и 1:5: «...я смугла; ибо солнце опалило меня...» часто цитируется в подобных случаях.

⁹ *Consilium coniugii / Ars chemica*, p. 136.¹⁸⁶¹

Согласно древним взглядам, луна находится на границе между вечными, эфирными предметами и земным, подлунным царством¹. Макро-бий говорит: «Царство тленности начинается с луны и спускается вниз. Души, приходящие в эти места, становятся подверженными исчислению дней и времени... Несомненно, луна изобретатель и творец смертных тел»². Из-за своей влажной природы луна также служит причиной гниения³. Красота новолуния, воспетая поэтами и отцами церкви, прикрывает ее темную сторону, которая, однако, не может остаться скрытой от ищущих фактов глаз эмпирика⁴. Луна, как ближайшая к земле звезда, близка Земле и ее страданиям, и ее аналогия с Церковью и Девой Марией как посредниками имеет то же самое значение⁵. Она соотносится не только с земными страданиями, но и с демонической тьмой⁶.

Б. Собака

Темная сторона луны напоминает нам древнюю молитву Селене как «собаке» или «суке» (κ υ ὄ ν), в Магическом Папирусе⁷. Там также говорится, что во втором часу Гелиос появляется в облике соба-

¹ Commentary on the Dream of Scipio, I, xxi, p. 181: «Луна отделяет эфир от воздуха, божественное от смертного».¹⁸⁷¹ ² Ibid., I, xi, p. 131⁸⁸;

³ «Тепло и роса луны вызывают загнивание плоти». *Macrobius/ Saturnalia*, lib. VII, cap. XVI.

⁴ Согласно *Исидору Севильскому*, эмпирический врачебный метод не что иное, как ересь. (*Liber Etymologiarum*, IV, cap. IV, fol. xxix). В медицине известно три вида ереси, и об одном из них он говорит: «Второй метод, метод проб и ошибок, был открыт Асклепием».¹⁸⁹¹

⁵ Ср. *Rahner*. *Das christliche Mysterium von Sonne und Mond*, S. 40.

⁶ На посредническую позицию луны Церкви указывает алхимик *Уильям Менненс* (*Aureum vellus / Theatr. chem.*, V, p. 560): «[Это] приходит, когда свет Луны начинает усиливаться и усиливается вплоть до пятнадцатого дня, а затем ослабевает вплоть до тридцатого, возвращаясь в рога — пока Луна полностью не поглотит его. Исходя из такого мнения, Луна есть аллегория... обозначающая Церковь — яркую со своей духовной стороны, но темную с плотской».¹⁹⁰ Заметьте, что автор особо подчеркивает два аспекта луны. Здесь мы видим дух научной истины, который так контрастирует с затушевывающей правду декларативной точкой зрения, сыгравшей зловещую роль для двух христианских конфессий.

⁷ *Preisendariz*. *Papyri Graecae Magicae*, I, p. 142, Pap. IV, lone 2280. Утверждения также, что у Селены был голос собаки. (Pap. IV, line 2810, p. 162, и IV, line 2550, p. 152). То, что Селену смешивают с Гекатой, еще больше усиливает это свойство. (Ср. *Siecke*. *Beitrage zur genauen Kenntnis der Mondgottheit bei den*

ки¹. Это утверждение представляет интерес, поскольку «символика»² собаки³ введена западной алхимией через «Liber secretorum» Халида (первоначально, очевидно, арабский трактат). Все сходные отрывки, которые я могу найти, восходят — прямо и косвенно — к Халиду⁴. Подлинный отрывок таков:

Гермес⁵ сказал: «Мой сын, возьми корасенского пса и армянскую суку, соедини их, и они породят собаку небесного цвета; и если она почувствует жажду, дай ей море воды, чтобы могла она напиться: ибо она будет охранять от врагов друга твоего и тебя и поможет тебе, где бы ты ни был, и всегда будет с тобой, в этом мире и в будущем». Псом и сукой Гермес обозначил вещи, сохраняющие тела от воспламенения и от огненного жара⁶.

Некоторые цитаты взяты из оригинального текста. Другие из варианта «Rosarium», который гласит:

Griechen, S. 14f.). В «Илиаде»(У1, 344) Елена называет себя «скверной, бездушной сукой»(κυνὸς κακομηχανοῦ ἀκροέσσης)[в русском переводе — «женой бесстыдной, виновницей бед нечестивой» — *Пер. J. Кúνες* — так звали дерзких распутных служанок Пенелопы.

¹Line 1695, p. 126. В двенадцатом часу он появляется в виде крокодила. Ср. «сын-дракон солнца».

²Эта тема появляется у *Aegidius de Vadis. Dialogus philosophiae* (Theatr. chem., II, p. 107). «Символика» — это изображение параллелей и аналогий — короче, их распространение, описанное *Клементом Александрийским* (Stromata, V, 46, II, p. 48) как «символическая интерпретация».

³В истории символов собака отличается необычайно широким диапазоном ассоциаций, и я не буду пытаться здесь изложить их все. Гностическая параллель *Логос/собака* отражается в христианской параллели *Христос/собака* и выражается в формуле «милостивый с избранниками, суровый с нечестивцами», «истинный пастырь».¹⁹¹ Св. Григорий сказал: «Кто иной может быть сторожевым псом этого стада, кроме святого лекаря?»¹⁹² (Moralia in Job, XX, vi, 15; *Migne. PL.*, vol. 76, col. 145). В душе также рождается так называемый «индийский пес», на земле — четвероногий, а в воде — рыба. Способность менять форму превращает его в аллереорию св. Павла. Все эти и другие сведения можно найти у Пинчинеллуса (Mundus symbolicus, I, p. 352ff., s.v. *canis*). В «Hieroglyphics of Noapollo» (No 39, p. 77) большое значение придается тому, что собака распространяет инфекцию, в особенности бешенство и неврозы. Из-за богатства своего символического контекста собака служит прекрасным синонимом для преобразующей субстанции.

⁴Халид ибн Язид (700), омейядский князь. «Liber secretorum» приписывают ему. Текст цитируется в Theatr. chem., IV, p. 859.

⁵Одна из многих цитат Гермеса, чье происхождение неясно.

⁶Art. aurif., I, p. 340fJ⁹³1

Али, философ и царь Аравии, сказал в своей Загадке: «Возьми коэтанского пса и армянскую суку, соедини их. И тогда они породят для тебя щенка [filius canis] небесного цвета, и сей щенок будет охранять тебя в доме твоём с самого начала — и в этом мире, и в будущем²».

Для объяснения «Rosarium» вспоминает союз белого и красного, и цитирует Сениора: «Красный раб берет в жены белую женщину». Ясно, что это бракосочетание отсылает нас к царской свадьбе Солнца и Луны.

Териоморфная форма Солнца в виде льва и пса и Луны в виде суки являет нам те стороны обоих светил, которые подтверждают необходимость животной «символики». Иными словами, два светила являются в известном смысле животными, или страстями, хотя, как мы видели, «возможность чувств» описана только для Луны. Существует, однако, также Sol niger, существенно контрастирующее с дневным солнцем и ясно отличимое от него. Подобного свойства нету Луны, поскольку вполне ясно, что она временами сияет, а временами темна. В психологическом смысле это означает, что сознательное благодаря самой своей природе отлично от своей тени, тогда как бессознательное не только загрязнено своей собственной негативной стороной, но отягощено тенью, которую бросает на него сознательная душа. Хотя солярные животные, лев и орел, благороднее суки, они, тем не менее, по сути животные и хищные звери, а это значит, что даже в нашем солнце-подобном сознании сидят свои опасные твари. Или же, если солнце есть дух, а луна — тело, дух также может быть замутнен гордыней и похотью, а этот факт мы склонны упускать в нашем одностороннем восхищении «духом».

Упомянутый Халидом «сын собаки» есть то же самое, что многократно превозносимый «сын философов». Здесь подчеркивается двусмысленность этой фигуры: она яркая, как день и темная, как ночь, совершенная coincidentia oppositorum, выражающая божественную природу самости. Подобная мысль, кажущаяся невозможной для нашего христианского мироощущения, является, однако, столь логичной и столь неопровержимой, что она, пусть странными и извилистыми путями, проложила свой путь в алхимии. А поскольку это естественная истина, то нет ничего удивительного, что ее выразили много раньше. В «Elenchos» Ипполита сообщается, что согласно Арату:

Киносура³ это [Малая] Медведица, Второе Творение, малый, узкий путь⁴, а не Большая Медведица [п Шхт()]. Поэтому она не уводит назад, а выводит

¹ Ср. Психология переноса, § 353, прим. 1.

² Art. aurif., II, p. 248.¹⁹⁴¹ Этот отрывок приводится eTheatr. chem., IV, p. 832.

³ Квинсовра означает «собачий хвост» и является указанием на созвездие Малой Медведицы.

⁴ Возможно, ссылка на Мф. 7:14: «...тесны врата, и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их».

тех, кто следует за ней, вперед, на прямую дорогу, будучи хвостом Собаки. Ибо Логос есть собака: [κύων γὰρ ὁ λόγος], что охраняет и защищает овец от коварства волков, изгоняет диких тварей из Мироздания и убивает их, а также порождает все вещи. Ибо Кион [κύων], как говорят, означает Родителя¹.

Арат ассоциирует Собаку с ростом растений, и продолжает:

Но когда восходит Собачья звезда, то она отделяет живое от мертвого, потому что в действительности все, что не укореняется, высыхает. Эта Собака, как говорят, является истинным божественным Логосом, установленной справедливостью для живых и мертвых, и для растений она — Собачья звезда, а для небесных растений — людей, она — Логос. По этой причине Второе Творение Киосура пребывает на небесах как образ рационального творения [λογικῆς κτίσεως]. Но между двумя Творениями простирается Дракон, мешая Великому Творению проникнуть в сферы малого, следя за всем существующим [τά καθεστῆκότα] в Великом Творении, подобно Коленопреклоненному², наблюдающему, [καθ-ι] каким образом существует ἐστῆκε] каждая вещь в Малом Творении.

У Халида filius canis³ «небесного цвета», что указывает на его происхождение от великих светил. Голубой цвет или сходство с собакой⁴ также приписывается женщине, которую Ипполит называет *περηφιλόλα*⁵ и которую преследует седой, крылатый, непристойного вида старик (πρε-βύτης). Его зовут *φάος ῥυέντης*, Падающий Свет, а ее — *ἡ φιλόλα*, «что означает Темную Воду» (τὸ σκοτεινὸν ὕδωρ)⁶. В этих фигурах можно узнать *coniunctio Solis et Lunaе*, где и солнце, и новая луна появляются в своем неблагоприятном аспекте. Здесь между ними также возникает «гармония» духа-посредника (*πνεύματος*), приблизительно соответствующего положению *filius philosophorum*. *Filius* Халида играет роль ведущего или дружественного духа, молитвы которому с употреблением магии столь типичны для харранских текстов. Параллелью собаке-духу является пудель в «Фаусте», который превращается в Мефистофеля, дружественного Фаусту-алхимику.

¹ Elenchos, IV, 48, 10 (Ср. Legge, I, p. 112). ΚΥΕΙΝ значит «быть беременной», а такж.
² ἠγγόνασι. Родственный глагол χ ν ν ε f ν значит «целовать».
(Коленопреклоненный) — созвездие Геркулеса. Ср. Elenchos, V, 16, 16.

О собаке (canis) как синониме ляписа см. Lagneus. Harmonia chemica / Theatr. chem., IV, p. 822.

У Вендланда — «κυνοειδῆ». «Κυανοειδῆ» — это предположение.

⁶ Можно догадываться, что это «Περσεφόνη Φλύα». ⁶
Elenchos, У 20, 6f.

В этой связи я хотел бы рассказать о сне одной пациентки, где присутствовал мотив инцеста: «*Две собаки спариваются. Самец просовывает голову в самку и исчезает в ее брюхе*»¹. Териоморфный символизм всегда указывает на психический процесс, протекающий на животном уровне, то есть в инстинктивной сфере. Сон изображает обратный рождению процесс как завершение сексуального акта. Архетипическая ситуация лежит в основе мотива инцеста вообще и присутствовала у современного человека задолго до того, как он осознал ее. Архетип инцеста также стоит за примитивным представлением о том, что отец возрождается в сыне, и за священным браком матери и сына в его языческой и христианской формах²; он означает высшее и низшее, ярчайшее и темнейшее, самое лучшее и самое отвратительное. Он является образцом обновления и возрождения, бесконечного создания и исчезновения символических фигур.

Мотив собаки с необходимостью уравнивает чрезмерно восхваляемую «светлую натуру» камня. Кроме описанного Халидом существует еще один аспект собаки; правда, намеки на него встречаются в литературе спорадически. Один такой отрывок имеется в «*De ratione conficiendi lapidis philosophici*» Лаврентия Вентуры³:

Снеси дом, разрушь стены, выдели оттуда чистейший сок⁴ с кровью и приготовь то, что сможешь съесть. Вот почему Арнольд сказал в Книге Тайн⁵: Очисти камень, разотри дверь в пыль, разорви суку на куски, выбери нежное мясо, и ты поступишь наилучшим образом. В одной вещи скрыты все стороны, в ней сверкают все металлы. В числе этих [сторон] есть два мастера-алхимика, два сосуда, два времени, два плода, два конца и одно спасение⁶.

Данный текст изобилует неясностями. В предыдущем разделе Вентура обсуждает единство камня и медицины, упоминая при этом аксиомы «не води ничего чуждого» и «ничего извне»⁷, а также цитируя Гебера,

¹ Мотив исчезновения встречается в другой версии мифа о Габриэли и Бейе (Ros. phil. / Art. aurif., 1593, II, p. 263), в представлении о том, как солнце опускается в море (p. 333).

² Этот диалог лежит в основе беседы Никодима с Христом (Евангелие от Иоанна, 3).

³ Венецианский врач XVI столетия.

⁴ В оригинальном тексте стоит слово «succu». Фраза поэтому может означать: «выжмите как можно тщательнее кровь и сок».

⁵ Шмидер {Schmieder. Geschichte der Alchemie, p. 153) и Ду Фресной (*Du Fresnoy. Histoire de la philosophie hermetique*, III, p. 325) упоминают рукопись Арнольда из Виллановы «*De secretis naturae*».

⁶ Theatr.chem., II, p. 292f⁹⁵i

⁷ «*Noli alienum introducere*» и «*nihil extraneum*», часто повторяющееся изречение.

«Turba» и «Thesaurus thesaurorum» Арнольда¹. Далее он обращается к «излишкам, которые должно удалить»². Ляпис, утверждает Вентура, есть «самый чистый по природе своей», поэтому он существенно очищается, когда его «удаляют из собственного дома, и заточают в чужом». Текст далее гласит:

В своем доме рождается летающая птица, а в чужом доме³ является камень для тинктуры. Две летающих птицы⁴ оказываются на столах и головах царей⁵, потому что обе они, и покрытая перьями и ошипанная⁶, отдают [нам] открытое искусство⁷ и не могут оставить общество людей.⁸

¹ АН.апГ.П, р. 385ff.

² Так же популярна фраза «Superflua removenda».

³ Идея «дома» может происходить непосредственно из астрологии. Здесь дом (как *domus propria*) означает матрицу вещества, но как *domus aliena* — химический сосуд (например, *domus vitrea*, «стеклянный дом»). «Летающая птица» — это газ, истекающий из матрицы. Камень, с другой стороны, означает субстанцию, которая не покидает свой дом, подобно газу, а должна быть перенесена в другой сосуд. Газ (дух) невидим и женствен по натуре и поэтому принадлежит сфере бессознательного, в то время как субстанция видима и осязаема, как бы «более реальна». Ее природа — мужская и, следовательно, она принадлежит сфере сознания (мужского). Соответственно *domus aliena* можно интерпретировать как сознание, а *domus propria* — как бессознательное.

⁴ В «separatio» [разделении] одна из птиц способна летать, а другая — нет. Союз, «unio» порождает крылатого гермафродита.

⁵ Возможно, единственную параллель этому¹⁹⁶¹ можно обнаружить только у Сениора (*De chemia*, р. 78): «И вороны прилетят и нападут».¹⁹⁷¹ Очевидно, идея того, что птицы оказываются среди царской пищи, развилась под влиянием притчи о брачном пире царского сына (Мф. 22:2 и далее) и брачной вечере Агнца (Откр. 19:9 и далее). Царь (rex) всегда символизирует солнце, в то время как царский стол означает светлый мир дня, то есть сознание, в котором и посредством которого распознаются содержания бессознательного (то есть птицы). Это те самые «птицы и рыбы», что приносят камень. (Ср. «Айон», I, § 224).

⁶ Вариант «птицы летающей и бескрылой» (*Senior. De chemia*, р. 37). Об ошипанной птице см. *Allegoriae super turbam / Art. aurif.*, I, р. 140: «Возьми петуха с красным гребнем и ошипай его живым».¹⁹⁸¹

⁷ Две птицы — это также и два светила, Солнце и Луна, или их духи. Одна птица мужского пола и бескрылая, а другая — женского пола и крылатая. Сцепленные вместе, они символизируют воссоединение (*coniunctio*). Они — родители ляписа, который практически идентичен «*Ars nostra*» [нашему искусству], поскольку он и есть *artificum* [искусство].

⁸ «*Nominum consortia relinquere nescit*». Иными словами, они остаются с людьми, что напоминает нам слова Халида «всегда быть с вами» (§ 174). Птицы — персонифицированные содержания бессознательного, которые, оказавшись в сфере

Отец' [искусства] побуждает нерадивого к труду, его мать² кормит сыновей, истощенных трудами, и снова делает их уставшие члены быстрыми и красивыми.

Затем следует отрывок «...Поэтому снеси дом» и т.д. Если читатель внимательно изучит вышеприведенный отрывок вместе с примечаниями, он увидит, что эти инструкции являются типичными алхимическими процедурами извлечения духа или души, процедурами, которые, таким образом, служат для превращения бессознательных содержаний в сознательные. Во время *solutio* [растворение], *separatio* [разделение] и *extractio* [извлечение] *succus lunariae* (сока лунного растения) либо применяется, либо выделяется кровь, или *aqua permanens*. Эта «жидкость» приходит из бессознательного, но не всегда является его аутентичным содержанием, чаще всего она — эффект воздействия бессознательного на сознание. Психиатру знаком этот не прямой эффект множественных бессознательных содержаний, которые привлекают внимание к бессознательному или отвлекают от него внимание и приводят к его ассимиляции. Этот процесс можно наблюдать не только при постепенном формировании ипохондрических навязчивых идей, фобий и маний, но также в сновидениях, фантазиях и при творческой деятельности, когда бессознательные содержания усиливают внимание. Это *succus vitae* [сок жизни]³, кровь, живое соучастие, с которым пациент бессознательно воздействует также на психиатра, и без чего невозможно добиться реального терапевтического эффекта. Внимание, отданное бессознательному, обладает инкубационным эффектом, разведение⁴ медленного огня нуждается в начальных стадиях работы⁵; отсюда — частое использование терминов *decoctio*, *putrefactio*, *solutio*. Действительно,

сознания, больше не могут вернуться в бессознательное состояние. Как нам известно, существенная, но не решающая часть всякого психоаналитического лечения основывается на том факте, что сознательная реализация вообще осуществляет изменения в психике.

¹ Солнце как дневная звезда.

² Луна как мать живого и госпожа ночи.

³ *Succus vitae* — это еще одна *aqua permanens*, которую, что весьма примечательно, символизирует «собака», как показано в «*Opus praeclarum*» Валентина (*Theatr. chem.*, IV, p. 1069): «...из воды... именуемой Собакой бальзама, или молоком девственницы, или нашей ртутью, или душой, или ветром, или хвостом дракона».¹¹¹

⁴ Таинственную субстанцию часто уподобляют яйцу. Ср. трактат «О яйце» (*περὶ τοῦ ὄου*. Berthelot, *Alch. greca*, I, iii), где его эквиваленты — мозговой камень (*οἶδὲ λίθον ἐγκέφαλον*), камень, который не камень (*ἕτεροι λίθον οὐ λίθον*) и образ мира (*ἕτεροι τὸ τοῦ κόσμου μίμημα*), как в *Turba* (ed. Ruska) и во многих других местах.

⁵ Ср. частое указание на «медленный огонь».

внимание как бы нагревает бессознательное и активизирует его, разрушая этим барьеры, отделяющие его от сознания.

Чтобы освободить содержимое, скрытое в «доме»¹ подсознания (*anima in compredibus!*), следует открыть «матку». Эта матка есть «*sanicula*», луна-сука, которая носит в своей утробе ту часть личности, которая ощущается как существенная, точно так же как Габриций для носящей его Бейи. Она — сосуд, который надо разбить на куски, чтобы высвободить драгоценное содержимое, «нежную плоть»², потому что это «единственная вещь», ради которой совершается все деяние. В этой единственной вещи заключены все части деяния³. Две из них представляют собой мастеров, которыми в символическом царстве являются Солнце и Луна, в царстве людей — адепт и его *soror mystica*⁴, а в цар-

¹Как утверждалось выше, термин «*domus*» используется нередко. *Domus thesauraria* (дом сокровищ) это место, где можно обнаружить тайну, или же просто химический сосуд (*domus vitrea*) или печь. Ср. *Visio Arislei / Art. aurif.*, I, p. 148.

²*Caro* (плоть) называют таинственную субстанцию, особенно, когда она «оживлена». В «*Consilium coniugii*» говорится (*Ars chemica*, p. 234), что «сей круглый сосуд вмещает плоть, или осадок, и кровь, или тинктуру»!¹⁰⁰ Причины этого Дорн раскрыл в своем труде «*Spec. phil.*» (*Theatr. chem.*, I, p. 300): «Так мы поймем философскую трансмутацию: ведомо ли нам, как чистое вещество хлеба и вина преобразуются в плоть и кровь?»¹⁰¹ Бернар Тревизанский (*De chemico miraculo / Theatr. chem.*, I, p. 802) совершенно прозрачен, говоря о «царе»: «А ныне он дает всем нам в пищу свою струящуюся красную кровь».¹⁰² В «*Congeris Paracelsicae*» (*Theatr. chem.*, I, p. 599) Дорн утверждает, что «самое совершенное лекарство можно создать из собственной плоти и крови», что согласуется с вышеприведенной цитатой из «*Consilium*». В *Ros. phil. / Art. aurif.*, II, p. 238 в цитате из Мальхамеха о ляписе говорится: «Он вырастает из плоти и крови». Часто мы наталкиваемся на выражение «жирная плоть», например Милиуса (*Rgi. ref.*, p. 277), где он приводит слова Псевдо-Аристотеля: «Сын, ты должен взять от более жирной плоти», и Арнольда из Виллановы (p. 70): «Вкусы от жирной плоти» (*Theasaurus thesaurorum / Art. aurif.*, II, p. 406). «*Caro*» — это намек на «плотскую» природу человека, преобразенную посредством опуса. «*Liber Platonis quartorum*» (*Theatr. chem.*, V, P- 144) подчеркивает это, а также важность «приобретения знания о грубом, не упорядоченном, плотском теле, обременяющем природу и достигающем простой души»¹⁰³ «*Animam simplicem*» [простая душа] близка Платоновой «вечной Идее».

³Арнольд из Виллановы (p. 206) подчеркивает исключительность камня: «Ибо это один камень, одно снадобье, к которому ничего нельзя ни прибавить извне, ни отнять кроме тех излишков, что уже удалены».¹⁰⁴ Слова в «*Ros. phil.*» (*Art. aurif.*, " < P- 206) еще более выразительны: «Один камень, одно лекарство, один сосуд, °Дна процедура и одно расположение».¹⁰⁵

⁴Классические пары — это Симон Маг и Елена, Зосима и Феосебия, Николая Фламель и Перонилла, мистер Саус и его дочь миссис Отвуд (автор «Вдумчивых

стве психологии — мужское сознание и женское бессознательное (анима). Два сосуда опять же — Солнце и Луна¹, два интервала, по видимому, представляющие два главных раздела деяния, *opus ad album et ad rubeum*². Первый — *opus Lunae*, второй — *opus Solis*³. Психологически они соответствуют конstellации бессознательных содержаний на первом этапе аналитического процесса и интеграции этих содержаний в реальную жизнь. Два плода⁴ — это плоды солнечно-лунного дерева⁵, золотой и серебряный, или же возрожденные и сублимированные Солн-

исследований герметического таинства»). Хороший обзор деятельности Фламель можно найти у *Larguier. Le Faiseur d'or Nicolas Flamel*. В недавнем издании «*Mutus liber*» *Альтуса*, *Mysterium Solis et Lunae* выражается в виде проходящего между мужчиной и женщиной алхимического процесса, представленного в ряде рисунков. То, что эта трудная для понимания и далеко не отвечающая эстетическим требованиям книга могла быть переиздана в XX веке, доказывает, что психика обладает тайной и совершенно иррационально участвует в своем собственном таинстве. Я попытался описать психологию этих взаимоотношений в моей «Психологии переноса».

¹ Ср. иллюстрацию в «*Mutus liber*», где ярко выражен этот мотив.

² Опус должен подразделяться на фиксированные определенным образом, символические интервалы. Например, в «*Arcanum hermeticae phillosophiae opus*» (р. 82) говорится: «Ибо первая процедура, ведущая к белизне, должна завершаться в доме Луны, а вторая — во втором доме Меркурия. Первая процедура, ведущая к красноте [должна завершиться] во втором доме Венеры, последняя же — во втором царском доме Юпитера, откуда наш всемогущий царь получает свою украшенную драгоценными камнями корону».¹⁰⁶¹ Помимо этих, скоординированных по времени этапов, существует ряд других. В «*Consilium coniugii*» (*Ars chemica*, р. 65) говорится: «Белый [камень] появляется на закате на лице вод, скрывается до наступления полуночи, а затем уходит в глубину. А красный ведет себя противоположным образом, поскольку он поднимается над водами на рассвете и потом опускается в глубину».¹¹⁰⁷¹

³ Ср. *Senior. De chemia*, р. 26ff. Его сообщение в этом месте не вполне ясно.

⁴ Результат опуса часто называют его «плодом», как в «*Turba*», *Sermo LVIII (Ruska, р. 161)*: «Почему ты забываешь о древе, вкусивший плодов которого ни когда не будет голодным?»¹¹¹⁸ (Здесь, вероятно, ссылка на Ин. 6:35: «...приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда.») «*Turba*» продолжает: «Я говорю, что старик не перестает вкушать плоды этого древа... пока он не превращается в юношу... а отец не становится сыном».¹¹⁰⁹¹ Представляют ли эти слова христианскую интерполяцию, вопрос спорный.

⁵ Существуют множество изображений *arbor philosophica*. На языке патристики это «плодоносное древо, которое должно быть лелеемо в наших сердцах» (*Григорий Великий. Super Cantica Canticozum, 2:3; (Migne. P.L., vol. 79, col. 495)*), подобно виноградной лозе в Восточной (Православной) Церкви: «Ты, пророк Господень, подобен мощной виноградной лозе, и наполняешь мир божественными словами,

це и Луна. Психологическая параллель тут — трансформация сознания и подсознания, факт, известный каждому, кто методологически «объясняется» со своим подсознанием. Два конца, или две цели, — это трансформации. Но спасение одно, как единственная вещь: это та же самая вещь в начале и в конце, она была всегда и, тем не менее, появляется лишь в конце. Эта вещь — самость, неопишуемая целостность, которая, хотя и является непостижимой и «непредставимой», тем не менее, необходимая, как интуитивная концепция. Эмпирически мы можем установить не более, чем то, что это окружено со всех сторон бессознательным фактором. Доказательство этому дает ассоциативный эксперимент, представляющий графическую демонстрацию частой потери эго и эго воли. Душа — это уравнение, которое нельзя решить, не учитывая фактор бессознательного; это целостность, включающая и эмпирическое эго, и эго транссознательную основу.

В алхимии существует еще одна функция собаки, которую следует рассмотреть. В «Introitus apertus» Филалета мы встречаем следующее высказывание:

Сей Хамелеон есть дитя-гермафродит, зараженный еще в колыбели укусом бешеного корасенского пса; поэтому он в бешенстве и ярости от постоянной водобоязни; нет, хотя из всех естественных вещей вода наиболее близка ему, он страшится ее и бежит от нее. О рок! Но в роще Дианы есть два голубя, которые успокаивают его безумный бред. Тогда, чтобы он больше не страдал от водобоязни, нетерпеливый, темный, бешеный пес, погрузится в воду, а когда он появится на поверхности полузадохнувшимся, преследуй его с ведром воды и облей, и держи его на расстоянии, и тьма рассеется. Когда наступит полнолуние, дай ему крылья, и он улетит прочь, как орел, оставив за собой мертвых птиц Дианы¹.

Здесь связь с лунной говорит нам, что темный, опасный, бешеный пес превратится в орла во время полнолуния. Его темнота исчезнет и он станет солнечным животным. Поэтому мы можем предположить, что самая тяжелая фаза его болезни была во время новолуния. Ясно, что это указывает на психическое расстройство², которым в той же степени

как плодами». ¹ (Фео(30/7 *Смудит*. *Himnes de S. Ephrem*, in Pitra, *Analecta Sacra*, I, p. 341). «[Я] плодоносная виноградная лоза» (*Aurora Consurgens*, p. 139). *Aurora* H тоже ссылается на Иоанна, 15:1 и 5: «Разве вы не знаете, что все священное писание основано на иносказании? И Христос поступал так же, и сказал: Я есмь истинная виноградная Лоза»¹ (*Art. aurif.*, I, p. 186). Ср. также «Философское Древо», § 359, прим. 5, § 458, прим 5.

¹ Mus. herm., p. 658f. (Waite, II, p. 171).

² «Спагирики... извлекают из самой луны масло, [используемое] против падучей болезни и всех поражений мозга». ¹ (*Penotus*. *Theatr. chem.*, I, p. 174.

было поражено «дитя-гермафродит». Возможно, это тоже произошло в новолуние¹, то есть на стадии *nigredo*. Неясно только, как бешеный пес со своим ужасом перед водой оказывается в воде, если только она не была с самого начала *aquae inferiores* [хтонической водой]. Тексту предшествует замечание: «Откуда и придет Хамелеон или наш Хаос, в котором скрыты все тайны в своем потенциальном состоянии». Хаос как первоматерия идентичен «водам» начала. Согласно Олимпиодору, в свинце (тоже первоматерия) заключен демон, который приносит адепту безумие². Весьма любопытно, что Вэй Пу-янь, китайский алхимик II века, сравнивает свинец с безумцем в лохмотьях³. В другом месте Олимпиодор говорит о «том, кого проклял Бог» и кто обитает в «черной земле». Это крот, который, как прочитал Олимпиодор в герметической книге, когда-то был человеком, разгласившим тайны солнца, и потому был проклят Богом и ослеплен. Он «знал очертания солнца, каким оно было»⁴.

Нетрудно различить в этих аллюзиях опасность, действительную или воображаемую, связанную с бессознательным. В этом отношении бессознательное имеет плохую репутацию не столько из-за опасности, которую оно носит в себе, сколько из-за случаев скрытых психозов, нуждающихся всего лишь в слабом толчке, чтобы раскрыться во всех своих катастрофических проявлениях. Здесь особенно важен анамнез или комплексный подход. Но бессознательного также опасаются и те, чье сознание находится в разладе с их истинной природой. Естественно, что их сны будут тогда принимать неприятную и угрожающую форму, потому что, если природу насиловать, она возьмет реванш. Само по себе бессознательное нейтрально, и его нормальной функцией является компенсация состояния сознания. Противоположности в ней дремлют бок о бок; они вырываются наружу только в результате сознательной деятельности мозга, и чем более узким и ограниченным является сознание, тем более болезненной или опасной будет бессознательная реакция. Эта сфера не представляет угрозы, если сознательная жизнь покоится на прочных основаниях. Но если сознание ограничено и настаивает на

¹ Луна не только приводит к лунатизму, она сама больна или немощна. Причина одной болезни — в «горючей сере», из-за которой она ни с чем не смешивается, причина другой — в «чрезмерном холоде и сырости». *Hollandus. Theatr. chem.*, III, p. 365.

² «Они впадают в безумие из-за невежества». ¹ⁿ³¹ *Berthelot. Alch. grecs*, II, iv, 46.

³ *Isis*, XVIII, p. 237. На с. 238 Вэй Пу-янь описывает охватывающее адепта безумие. Ср. Философское древо, § 432 ел.

⁴ *Berthelot, И*, iv, 52. Алхимик мог сказать, что ему известна тайна получения золота. Психологически это значило бы, что он знает о трансформации сознания, но трансформация была прервана, и вместо света он оказался в глубокой тьме.

своей односторонности, а убеждения слабы, тогда приближение или вторжение бессознательного может привести к смятению или панике, или к опасному его раздуванию, поскольку самой очевидной опасностью является опасность идентификации с фигурами бессознательного. Любого человека с неустойчивой психикой это может довести до психоза.

Безумный бред зараженного «ребенка» смягчается (в действительности, мы должны сказать «смягчается лаской», потому что таково значение слова «muleege») голубей Дианы. Эти голуби образуют пару — любовную пару, так как голуби — птицы Астарты¹. В алхимии они представляют, подобно всем крылатым созданиям, духов или души, или, в точной терминологии, aqua, извлеченную преобразующую субстанцию². Появление пары голубей указывает на приближающуюся свадьбу *filius regius* и уничтожение противоположностей в результате соединения. *Filius* только заражен злом, но само зло, бешеный пес, сублимируется и во время новолуния превращается в орла. В трактате Авраама Элеаза-ра ляпис в своей темной, женской форме появляется вместо собаки и сравнивается с Суламифью из Песни Песней. Ляпис говорит: «Но я должна быть подобна голубке»³.

В «Introitus apertus» есть еще один отрывок, уместный в данном контексте:

Если ты знаешь, как оросить эту сухую землю своей водой, тогда открой поры земли, и этот вор, проникший извне, будет выброшен грешниками, и вода с примесью истинной серы будет очищена от тлетворной грязи и от излишних примесей, а ты обретешь силу источника Рыцаря Тревизо, чьи воды по праву посвящены деве Диане. Ничтожен этот вор, вооруженный пагубой мышьяка, от которого юноша крылатый улетает, содрогаясь. И хотя вода, находящаяся в центре — его невеста, он не осмеливается показать свою горячую любовь к ней из-за ловушек вора, чьих козней действительно невозможно избежать. Здесь к тебе может быть благосклонной Диана, которая знает, как приручить диких зверей, и чьи два голубя смягчат своими крыльями -

¹ «При философской сублимации или первом приготовлении Меркурия мастер Должен выполнить поистине Геркулесов труд... Порог, [который надо преодолеть], охраняют рогатые чудовища... ничто не утишит их свирепость, кроме Дианы или голубок Венеры, если, конечно, судьба вспомнит о тебе»¹⁴ «Arcanum Hermeticae philos.», XLII / Bibliotheca chemica, II, p. 653). Голубки первоначально были «птенцами вороны» (p. 655). Голубками называли жриц Иштар (*Wittekindt. DasHoheLied*, p. 12), а жриц азиатской богини Минор — *mlnabzq*, «дикими голубками» (*Eisler. Weltenmantel und Himmelszelt*, S. 158). Голубка также является атрибутом хеттской богини-матери, которую изображали в непристойной позе *Wittekindt*, S. 50).

² *Eleazar. Uraltes Chymisches Werck*, I, p. 34.

³ *Ibid.*, p. 52.

ми носящееся в воздухе зло, так что юноша легко проникнет внутрь через поры и тут же сотрясет основания земли¹, и породит черную тучу. Но приведи воды к сиянию луны и тьма пучины будет развеяна духом, носящимся над водами. Так по велению Божьему появится Свет².

Очевидно, что это описание является вариацией темы предыдущего текста. Вместо дитя-гермафродита мы видим крылатого юношу, чья невеста — фонтан Дианы (Луна в облике нимфы). Аналог бешеного пса — вор или злодей, вооруженный «пагубностью мышьяка». Его злобность смягчается крыльями голубя, также как это происходило с бешенством пса. Крылья юноши — символ его эфирной природы; он — пневма, проникающая сквозь земные поры и активирующая ее — что означает не что иное, как свадьбу живого духа с «сухой, девственной землей», или сочетание ветра с водой, посвященной деве Диане. Крылатый юноша описывается как «дух, носящийся над водами», и это отсылает не только к Книге Бытия, но и ангелу, который потревожил фонтан Вифезды³. Его враг, вор, ожидающий его, есть, как мы говорили ранее, «поверхностная раскаленная испаряющаяся сера», иными словами, sulphur vulgi, вооруженная злым духом, дьяволом, или же плененная им в аду⁴ и, таким образом, эквивалентная псу, которого останавливает вода. То, что собака и вор идентичны, ясно из слов о Диане, знающей, как приручить диких зверей. Два голубя в действительности оказываются парой влюбленных, появляющихся в истории любви Дианы и пастуха Эндимиона. Эта легенда первоначально относилась к Селене.

Диана неизменно появляется со своим охотничьим псом, символизирующим ее темную сторону. Темнота ее проявляется в том, что она также богиня разрушения и смерти, чьи стрелы никогда не летят мимо. За то, что охотник Актеон тайно наблюдал за ее купанием, Диана превратила его в оленя, и собственные псы охотника, не узнав, разорвали его на куски. Этот миф представляет собой основу символики ляписа в виде cervus fugitivus (бегущего оленя)⁵, а затем бешеного пса, который от-

¹ Текст испорчен в месте «concutit statim pero ledos». Я читаю «terrae sedes». Это ссылка на воскрешение ляписа из земли, которую он пронизывает как «aer sorhorum» (воздух мудрецов), что является одной из многих аллюзий на конъюнкцию. Рождение ляписа — параллель воскресения Христа, отсюда ссылка на землетрясение. (Ср. Мф. 28:2: «И вот, сделалось великое землетрясение...».)

² *Philaletha*. Mus. herm., p. 657 (Waite, II, p. 169).

³ Ин. 5:2 и далее.

⁴ «У него есть ключ от той адской темницы, где томится в путах сера». ¹⁶⁶ De sulphure / Mus. herm., p. 623 (Waite, II, p. 143).

⁵ «Semis fugitivus» (беглый раб) более распространенное выражение. «Cervus» встречается у *Азритты Неттесхеймского* (The Vanity of Arts and Sciences, p. 315): «...глупые таинства этого искусства и пустые загадки о Зеленом Льве и бегущем

ражает мстительность и коварство Дианы в качестве новой луны. Притча, которую мы обсуждали в главе, посвященной сере, также содержит мотив «неожиданности в купальне». Но в том случае обнаруживает ее сам Гелиос, и инцест между братом и сестрой приводит к тому, что оба тонут. Эта катастрофа заложена в инцесте, поскольку в результате инцеста царской пары появляются животные, которых убивают или которые сами убивают друг друга¹. Животные (дракон, лев, змея и т.д.) символизируют злые страсти, которые в конце концов принимают форму инцеста. Они погибают из-за своей собственной хищной природы, так же как Солнце и Луна, чье высшее желание со всей очевидностью находит свою кульминацию именно в инцесте. Но поскольку «все происходящее имеет свою мораль», инцест, как мы говорили выше, есть предварительная форма *unio oppositorum* [единства противоположностей]². Из хаоса, тьмы и греховности поднимается новый свет, одной смертью искупающий «неизбежные козни» Нечистого.

Олене». На титульном листе «Mus. herm.», 1678, изображены Диана и Актеон (репродукция приведена у Бернулли, в книге «Отражение духовного развития в алхимии»). В списке иллюстраций у Манже (Bibl. chem., Plate IX, Fig. 13) олень появляется как эмблема «Магомета Философа». Олень — символ самообновления у Гонория Отенского. *Sermo in Epiphania Domini* (Migne. P.L., vol. 172, col. 847), где говорится, что если олень проглотит ядовитую змею, то пьет воду, «которая может вывести яд, а затем сбрасывает рога и шерсть, таким образом обновляясь»; нам тоже следует «сбросить рога гордыни и шерсть чрезмерной велеречивости». В легенде о Граале рассказывается, что Христос иногда являлся своим ученикам в образе белого оленя в сопровождении четырех львов ^четыре евангелистов). Там же утверждается, что олень способен к самообновлению (Le Saint Graal, III, p. 219, 224). Руланд (Lexicon, p. 96) упоминает лишь, что «Cerviculae Spiritus — главное для сердца оленя». Дол Пернети (Dictionnaire mytho-hermetique, p. 72) говорит о «cerveauoucoeurde cerf» [«мозге или сердце оленя»]: «C'est la matiere des Philosophes» [«Это философская материя»]. В «Livre des Secrez de Naturaе» говорится: «Хорошо известно, что такое животное, как олень, обновляется, когда чувствует себя постаревшим или ослабевшим. Тогда он отправляется к муравейнику, и выкапывает из него змею, топчет ее ногами и съедает, тогда он разбухает и таким образом обновляется. Поэтому олень, как мы знаем из священного писания, живет 900 лет...» (Delatte. Textes Latins et Vieux Fransais relatifs aux Cyranides, p. 346).

¹ Поскольку мы рассматриваем преобразование души, уместным будет привести несколько туманный отрывок из наассенского гимна (*Hippolitus*. Elenchos, V, 10,2), где говорится о страданиях души: «Душа... под видом оленя измучена и подавлена страхом смерти». ¹ⁿ⁶¹ Но текст настолько неясен, что не обладает большой документальной значимостью.

² Ср. Психология переноса, §419 и далее.

с. Алхимическая аллегория

Новичок в психологии бессознательного, возможно, сочтет тексты о бешеной собаке и воре весьма странными и мудреными. В действительности это не более чем сны, с которыми психотерапевт встречается ежедневно и, подобно снам, их можно перевести на рациональный язык. Чтобы интерпретировать сновидения, мы нуждаемся в некоторых знаниях о личной ситуации видящего их человека, а чтобы понять алхимические притчи, мы должны быть знакомы с символическими подходами алхимиков. Мы обогатим сны индивидуальной историей пациента, а притчи — суждениями, найденными в тексте. Вооружившись этим знанием, можно без труда распознать в каждом случае то значение, которое оказывается существенным для наших нужд. Интерпретацию едва ли можно с убедительностью доказать. Вообще она оказывается корректной только тогда, когда доказана ее ценность как эвристической гипотезы. Поэтому мы обратимся к тексту Филалета, и попытаемся интерпретировать его так, как если бы он был сновидением[^]

Tu si aridam hanc Terram, aqua sui Если ты знаешь, как увлажнить эту
generis rigare sciveris, poros Terrae сухую землю ее собственной водой,
laxabis, открой поры земли.

Если вы увидите, что вам не хватает фантазии, вдохновения и внутренней живости и почувствуете в себе бессмысленный застой и бесплодную пустыню, если вы оплодотворите эту пустыню интересом, который порожден страхом внутренней смерти, тогда что-то оформится в вас, потому что внутренняя ваша пустота скрывает таких же размеров полноту, надо лишь позволить ей проявиться. Если вы докажете восприимчивость к этому «зову пустыни», жажда заполнения оживит стерильную пустыню вашей души, как дождь оживляет сухую землю. (Так Душа поступает со своим Носителем, когда он хмуро оглядывает свою пещеру и чешет за ухом, потому что у него больше нет идей.)

et externus hie fur cum Opera-toribus и вор этот, пришедший извне, будет
pequitiae foras projicietur, изгнан грешниками,

Вы так бесплодны потому, что, когда вы не обладаете знанием, нечто подобное злему духу затыкает источник вашей фантазии, вашей души. Враг — ваша собственная неувоенная сера, которая сжигает вас адским огнем желания, или concupiscentia. Вы хотели создать золото, поскольку «бедность есть величайшее из бедствий, здоровье — высочай-

щее из благ»¹. Вы желаете получить результаты, которые польстят вашей гордости, вы ожидаете чего-то полезного, но нет сомнений, что получите удар. Из-за этого вы больше даже не *захотите* быть плодотворным, так как это нужно только Богу, но, к несчастью, не вам самим.

purgabitur aqua per additamentum и вода, с примесью истинной Серы, Sulphuris veri a sorde leprosa, et ab будет очищена от тлетворной грязи humore hydropico superfluo проказы и от излишней жидкости,

Поэтому оставьте ваши грубые и вульгарные желания, с их ребяческой и близорукой способностью видеть только узкую ограниченную цель. Считается, что сера — жизненный дух, «ЙецерХа-ра»² злой дух страсти, хотя подобно страсти, она представляет активный элемент; временами полезная, она стоит между вами и вашей целью. Вода, интересующая вас, — нечиста, она заражена проказой желаний, что является общим недугом. Вы тоже заражены этой коллективной болезнью, поэтому задумайтесь, «extrahe cogitationem» [помыслив отвлеченно], и спросите себя: что стоит за этими желаниями? Жажда вечного, которую вы никогда не сможете удовлетворить полностью, потому что это «Гадес», в чью честь желали «стать безумными и неистовыми»³. Чем сильнее вы будете стремиться к тому, чего желает весь мир, тем в большей степени вы будете обывателем, который, спотыкаясь, бредет по миру, подобно тому слепцу, который в сомнамбулической уверенности ведет другого слепца к пропасти. Обыватель всегда в большинстве. Очистите ваш интерес от этой коллективной серы, цепляющейся к вам, как проказа. Ибо желание вспыхивает для того, чтобы сгореть самому, и в этом огне и из этого огня появляется истинный живой дух, который творит жизнь по своему собственным законам, и он не ослеплен нашими недалекими намерениями или грубой самонадеянностью нашей веры в волю. Гёте как-то сказал...

Все живое я прослаблю,
Что стремится в пламень смерти⁴.

Это значит: сгорайте в собственном огне и не будьте существом, подобным комете или пылающему факелу, который показывает верный путь другим, но не знает его сам. Бессознательное требует вашего вни-

¹ *Goethe. Der Schatzgraber.*

² Так в хорошо известной поэме Риккертга еврейское «Йецер ха-ра» означает инстинкт зла.

³ Ср. *Гераклит*. R. P. 49, у *Burnet. Early Greek Philosophy*, p. 141. ⁴

Западно-восточный диван.

мания ради себя самого и желает быть воспринято как оно есть. Как только распознается это противоречие, это может и должно прийти в согласие с его требованиями. Если содержание, данное вам бессознательным, не будет осознано, его компенсаторный эффект не только будет сведен к нулю¹, но даже превратится в свою противоположность, пытаясь реализоваться буквально и конкретно.

habebisque in posse Comitum a Trevis и ты обретешь силу источника Ры-Fontinam, cujus Aquae sunt propriae царя Тревизо, чьи воды по праву посвящены девице Диане.

Источник БернараТревизанского — это купальня обновления, упоминавшаяся раньше. Вечно текущий источник выражает постоянный интерес к бессознательному, тот вид постоянного внимания или «religio», которое также можно назвать преданностью. Переход бессознательных содержаний в сознание становится, таким образом, значительно легче и связывается для пользы психического равновесия на длительное время. Диана в роли божества и нимфы этого источника представляет собой превосходное воплощение фигуры, известной нам как анима. Если внимание направлено на бессознательное, оно отдаст свое содержимое, которое, в свою очередь, оплодотворит сознание, подобно источнику с живой водой. Ведь если обе половины нашей психической жизни разделены, то сознание будет таким же бесплодным, как и бессознательное.

Nicturestnequamarsenicalimaligni- Ничтожен этот вор, вооруженный тате armatus, quemjuvenis alatus horret пагубой мышьяка, от которого крылатый юноша улетает, содрогаясь.

Очевидно, сложная это вещь — «отмыться от тлетворной грязи проказы», более того, д'Эспанье называет это «Геркулесовым трудом». Вот почему текст в этом месте возвращается к «вору». Вор, как мы говорили, олицетворяет вид самограбежа. От него не легко избавиться посредством стандартного мышления, поддержанного традицией и средой: все, что нельзя обработать с его помощью, — неинтересно, отсюда происходит девальвация психики. Следующая причина кроется в обыкновении осуждать все непонятное или то, что невозможно потрогать руками. В этом отношении наша традиционная система образования — как будто необходимая — не вполне свободна от той вины, которая заключается в ее негативном отношении к эмпирической психологии. В недавние времена это традиционное заблуждение было даже шире из-за

¹ Естественно, это верно только тогда, когда проходит процесс согласования с бессознательным.

якобы биологической точки зрения, согласно которой человек является существом не более развитым, чем стадное животное, и его мотивации не выходят за рамки категорий страха, силы и секса. Мы думаем о тысячах и миллионах, и в таком случае, естественно, что нет более важного вопроса, чем тот, кому принадлежит стадо, где оно пасется, достаточно ли рождается телят, и много ли молока и мяса производится. При таких огромных цифрах бледнеет мысль одной-единственной личности, потому что статистика нивелирует всякую уникальность. Сравнивая такую подавляющую мощь и рядом с ней страдания личности, приходишь в замешательство и задаешься мыслью, как можно существовать вообще. Однако реальный носитель жизни — индивидуум. У него одного есть счастье, добродетели и какая бы то ни было мораль. Только человек живет как индивидуальное существо; государство — всего лишь система, простая машина для сортировки и систематизации масс. Поэтому каждый, кто думает о людях только посредством огромных цифр, не учитывая личность, уничижает свою индивидуальность, делаясь грабителем и воруя у самого себя. Он заражается проказой коллективного мышления и становится заключенным этой вредной для здоровья племенной фермы, именуемой тоталитарным государством. Наше время содержит и производит более чем достаточно «неусвоенной серы», которая своей «пагубой мышьяка» препятствует человеку в раскрытии его истинной самости.

Я был вынужден перевести слово «arsenicalis» как «ядовитый». Но этот перевод был бы слишком современен. Не все, что алхимики называли «arsenic», в действительности означало химический элемент мышьяк¹). «Arsenic» [мышьяк] первоначально означало «мужской, му-жественный, сильный»(ἄρσεν) и по существу было тайной, как видно из

«Лексикона» Руланда. Тогда мышьяк определяли как «гермафродита, способ, посредством которого соединяются Солнце и Луна»¹). Мышьяк также называют «Луной, нашей Венерой, товарищем Серы» и «душой». Здесь мышьяк больше не является мужским аспектом арканной субстанции, а представляется гермафродитным и даже женским. Это делает его опасно близким луне и неусвоенной сере, так что мышьяк теряет свое сродство с солнцем. Как «товарищ Серы» он ядовитый и едкий. Поскольку арканная субстанция всегда указывает на основные бессознательные содержания, ее особая природа показывает, в каком отношении эти содержания находятся с сознанием. Если сознание восприняло его, оно принимает позитивную форму, если нет — негативную. Если, с другой стороны, арканная субстанция разделяется надвое, это означает, что содержания частично воспринимаются, а частично отвергаются; они рассматриваются в двух различных, несравнимых аспектах и поэтому принимают две разные формы.

¹ Р. 49.

Именно это происходит в нашем тексте: вор противопоставлен крылатому юноше, который представляет другой аспект, или олицетворяет «истинную Серу», дух внутренней правды, меряющий человека не его отношением к массе, но отношением к тайне души. Этот крылатый юноша (дух Меркурия), очевидно, осознает свою истинную слабость и, «содрогаясь», улетает от неусвоенной серы. Точка зрения внутреннего человека таит больше угрозы подавления, чем у внешнего человека. Иногда только невидимость спасает его. Он так мал, что никто бы не услышал его, если бы он не был связан с внутренним миром и счастьем¹. Ведь, в конце концов, не «восемьдесятимиллионный народ» и не государство чувствует мир и счастье, а личность. Никто не может опровергнуть тот простой расчет, что миллионы нулей, поставленных в ряд, никогда не дадут единицу, так же как самые громкие крики никогда не уничтожат тот простой психологический факт, что чем больше масса, тем менее значима личность.

Застенчивый и робкий юноша олицетворяет в психике все, что имеет крылья или может их отрастить. Но он умирает от яда организованного мышления и массовой статистики; личность уступает безумию, которое рано или поздно охватывает любую массу, — инстинкту смерти леммингов. В политике имя этому безумию — война.

Et licet Aqua centralis sit hujus Sponsa,
tamen Amorem suum erga illam ardentissimum
non audet exerere, ob latronis insidias,
cujus technae sunt vere inevitabiles.

И хотя вода, находящаяся в центре, — его невеста, он не осмеливается показать свою горячую любовь к ней из-за ловушек вора, чьих козней действительно невозможно избежать.

Цель крылатого юноши выше, чем достижение коллективных идеалов, которые являются всего лишь временными условиями выживания. Поскольку это абсолютная основа существования, никто не отрицает ее важности, но коллективные идеалы не могут долго обеспечивать ту жизненную энергию, в которой человек нуждается, чтобы жить. Если

¹ Во внешних формах не найдешь единства,
Но обращай всегда свой взгляд вовнутрь.
Сумей себя забыть для всех забытых, И
справедливый Бог в тебе родится.

(*Tersteegen*. Geisliches Blumengartlein inniger Seelen, No. 102, S. 24).

Ты не ищи во внешнем мире Бога,
Внутри себя — к спасению дорога.

(*Angelus Silesius*. Samtliche Poetische Werke, I.)

его душа не живет, то все его усилия будут тщетны. Его жизнь есть почва, в которой может и должна развиваться его душа. У него имеется только тайна его живой души, чтобы противостоять подавляющей силе и жесткости коллективных убеждений.

Эта старая драма противоположностей — неважно, как они называются — происходит в жизни каждого человека. В нашем тексте это, как очевидно, борьба между добрым и злым духом, высказанная на языке алхимии, также так сегодня мы выражаем ее в противоречивых идеологиях. Язык текста близок к мистическому языку барокко — языку Якоба Бёме (1575—1624), Абрахама Франкенбергского и Ангелу -са Силезиуса (1624—1677).

Мы знаем, что крылатый юноша обручен с «Водой, находящейся в центре». Это источник души или источник мудрости¹, из которого наполняется внутренняя жизнь. Нимфа весны в последнем анализе — Луна, мать-возлюбленная, из чего следует, что крылатый юноша — это Солнце, *filius solis, lapis, aurum philosophicum, lumen luminum* [свет всех светил], *medicina catholica* [универсальное лекарство], *una salus* [единственно возможное средство] и т.д. Но он станет реальным, только если сможет соединиться с Луной, «матерью смертных тел». Если же нет — тогда ему угрожает судьба вечного дитя из Фауста, которое трижды улетучивалось². Поэтому адепт должен всегда заботиться о том, чтобы герметический сосуд был хорошо запечатан, чтобы не дать его содержимому улететь прочь. Содержимое становится «связанным» посредством мистерии конъюнкции, в которой крайние противоположности соединяются, ночь вступает в брак с днем, «и двое станут одним, внешнее будет как внутреннее, а мужчина и женщина — ни мужчиной, ни женщиной»³. Апокрифическое изречение Иисуса, записанное в начале II века, разумеется, представляет собой парадигму алхимического единения противоположностей. Очевидно, что эта проблема является эсхатологической, но, несмотря на усложненный язык, она не составляет трудностей для понимания, потому что обладает универсальностью, начиная от *dao* Лао-цзы и до *coincidentia oppositorum* Николая Кузанского. Та же идея проявляется в христианстве в форме апокалиптического брака Агнца (Откровение Иоанна, 22:9), и мы редко можем найти такую высшую точку религиозного чувства, где не появлялся бы этот вечный образ Царской свадьбы.

Я могу лишь продемонстрировать существование этого образа и его феноменологию. Недействительное «значение» единения противополо-

¹ Книга Еноха, 48:1: «...источники мудрости; и все жаждущие пьют из них». {*Charles. Apocrypha and Pseudepigrapha*, II, p. 216.)

² Мальчик-колесничий, Гомункулус и Евфорюн.

³ *Климент Римский*. Второе послание к Коринфянам, 12 (The Apostolic Fathers, I).

ложностей превосходит человеческое воображение. И опыт может отказаться от этой «фантазии» без дальнейших затруднений, поскольку совершенно ясно: *tertium pop datur* [третьего не дано]. Но это нам не очень поможет, поскольку мы имеем дело с вечным образом, архетипом, от которого человек может отвернуться на время, но не навсегда¹. Всегда, когда этот образ замутнен, человеческая жизнь лишается свойственного ей значения и, следовательно, теряет свой баланс. Пока человек знает, что он — носитель жизни и поэтому самое важное для него — жить, тайна его души тоже жива, неважно, осознает он это или нет. Но если он больше не видит, что смысл его жизни в ее осуществлении, и больше не верит в вечное человеческое право на такое осуществление, тогда он предает и теряет свою душу, заменяя ее безумием, ведущим к разрушению, о чем слишком ясно свидетельствует наше время.

«Козней вора, — гласит наш текст — невозможно избежать». Они являются неотъемлемой частью роковой драмы противоположностей, также, как тень неотделима от света. Разум, однако, не может предложить тут стандартный рецепт, потому что неизбежность не извиняет зло, так же как и не увеличивает достоинства добра. Минус остается минусом, и вина, как всегда, должна быть отомщена. «Зло влечет за собой зло», — сказал монах-капуцин в лагере Валленштейна — банальная истина, которую забывают слишком охотно, и из-за этого крылатый юноша не может ввести свою невесту в дом так быстро, как он желал бы. Зло не может быть искоренено раз и навсегда; оно неизбежный компонент жизни, и с ним нельзя справиться, не заплатив за это. Вор, которого не может изловить полиция, тем не менее грабит сам себя, а убийца — свой собственный палач.

Вор в нашем тексте вооружен всем злом, но в действительности он представляет собою всего лишь эго с тенью, где начинают проявляться бездонные глубины человеческой природы. Повышенная психологическая проницательность мешает проекции тени, и такой рост знания логически ведет к проблеме единства противоположностей. Прежде всего, исследователь понимает, что он не может проецировать тень одного на других и бесполезно настаивать на их вине, так как более важно обладать своей собственной виной, потому что это часть собственной само-

¹ В наши дни это еще раз показало официальное распространение догмы Успения. Католический автор очень точно отмечает: «Кажется, есть какая-то странная справедливость в том, что во всем его блеске показали это воссоединение Сына и Матери, Отца и Дочери, Духа и Матери» (*Victor White. The Scandal of the Assumption / Life of the Spirit, V, p. 199*). В этой связи стоит вспомнить слова из Апостольского постановления папы Пия XII (*Munificentissimus Deus*): «Настал день, и Святая дева была взята в свой небесный брачный покой». Ср. св. *Антоний Падуанский. Sermo in Assumptionis S. Mariae Virginis / Sermones, III, p. 730.*

сти и необходимый фактор, без которого ничего в этом подлунном мире не может произойти. Хотя и не сказано, что Луна олицетворяет темную сторону, мы видим в новой луне нечто очень подозрительное. Тем не менее, крылатый юноша любит свою невесту-луну и, следовательно, тьму, которой она принадлежит, потому что противоположности не только отталкиваются, но и притягиваются. Нам всем известно, что зло, особенно если его не рассматривать слишком близко, может казаться привлекательным, и больше всего тогда, когда оно появляется в идеалистическом наряде. Нам кажется, что мы видим дерзкого вора, который препятствует юноше в его любви к целомудренной Диане, но в действительности зло уже таится в идеальном юноше и в темноте новой луны, и главной опасностью для него является та, что он может оказаться в роли обычной серы. Он как бы осмеливается не знать себя, поскольку он недостаточно взрослый для восприятия того факта, что должен испытывать благодарность, если получит яблоко без червя и тарелку супа без волос.

Esto hic tibi Diana propitia, quae feras Здесь к тебе может быть благосклон-
domare novit, ной Диана, которая знает, как при-
ручить диких зверей,

Тьма, противоположная свету, — это необузданная инстинктивность природы, утверждающая себя, несмотря на все сознание. Каждый, взывающий единства противоположностей, несомненно, нуждается в благосклонности Дианы, потому что она считается невестой и в то же время стоит на пути диких животных. Возможно, вор в сравнении с ней покажется совершенно незначительным.

cujus binae columbae pennis suis aeris и чьи два голубя смягчат своими
malignitatem temperabunt, крыльями носящееся в воздухе зло,

Нежная пара голубей, очевидно, безвредная сторона той же самой инстинктивности, хотя сам по себе териоморфный символ можно было бы использовать как «интерпретацию спуска сверху вниз». Тем не менее его нельзя интерпретировать в этом смысле, поскольку аспект дикого животного начала и зла представлен в предыдущей цитате бешеной собакой, а в этой — вором. По контрасту с этим голуби являются эмблемой невинности и супружеской любви, а также Святого Духа и Мудрости, Христа и его Девственной Матери¹. Из этого контекста мож-

¹ Также доброты, кротости, миролюбия (голубь Ноя), простоты («simplices sicut columbae», Мф. 10:16: «будьте... просты, как голуби»). Христа тоже называли голубем: «Господь Иисус был голубем... говорящим: Да будет Мир с вами... Вот голубь,

но видеть, что должен символизировать голубь: он — вечный противник злого вора. Вместе они осуществляют атаку дуалистического существа на более ограниченное человеческое сознание, сначала с одной стороны, потом с другой. Цель или результат этого нападения — расширение сознания, которое, похоже, всегда следует образцу, установленному в Книге Бытия, 3:4,5): «И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло».

Это, как очевидно, и есть момент высших возможностей и для добра, и для зла. Обычно, однако, вначале приходит первое, а затем второе: добрый человек уступает злу, грешник обращается к добру, и на этом, на некритический взгляд, все заканчивается. Но тот, кто наделен более ясным нравственным чувством или мыслит более глубоко, не может отрицать, что эта кажущаяся последовательность — всего лишь события, стоящие рядом, и, быть может, никто не осознал этого более ясно, чем св. Павел, который знал, что носит жало в плоти и что посланец Сатаны явился удручать его, дабы он не «превозносился чрезмерностью откровений»¹. Познание последовательности событий необходимо для подготовки к более глубокому познанию событий, происходящих параллельно друг другу, потому что это несравненно более сложно. Далее, то мнение, что добро и зло являются духовными силами вне нас, что человек находится в плену конфликта между ними, намного более приемлемо, чем тот взгляд, что противоположности — это настолько неискоренимые и необходимые условия психической жизни, что и сама жизнь является виной. Даже жизнь, посвященная Богу, проходит посредством эго, говорит об эго, и утверждает эго, невзирая на Бога, и не сливается немедленно с Богом, а оставляет для себя свободу и волю, которые ставит вне Бога и противопоставляет ему. Как *можно* действовать против всеохватной силы Бога? Только посредством самоутверждения, которое так же свободно в своей воле, как Люцифер. Все отличие от Бога состоит в отделении, отдалении и падении. Грехопадение было неизбежно даже в раю. Христос «незапятнан грехом» потому, что он символизирует целостность Божества и не отделяет от него свой человеческий разум². На человеке, однако, лежит пятно отделения его от Бога. Такое

вот зеленая оливковая ветвь в его устах»¹⁷ (Фернандис, цит. по: Пичинеллус. *Mundus symbolicus*, p. 283). Пичинеллус называет Марию «чистой голубкой». В «*Aureum vellus*» (*Mennens. Theatr. chem.*, V, p. 311) голубь трактуется следующим образом: «Почему Пророк воскликнул: Кто даст мне крылья, как у голубя, то есть незапятнанные, чистые помыслы и намерения?»¹⁸

¹⁷ 41 Кор. 12:7.

¹⁸ Парадокс, который, подобно доктрине кенозиса (Послание к Филиппийцам, 2:6-11), — удар по рассудку.

положение вещей было бы невыносимым, если злу ничего не противостояло бы, кроме закона и десяти заповедей, как это было вдохристианском иудаизме — до тех пор, пока реформатор и равви Иисус не попытался ввести более передовой или более психологически корректный взгляд, согласно которому антитеза злу — не верность закону, а любовь и доброта. Крылья голубя смягчают зло, носящееся в воздухе («греховность духа воздуха» — Послание к Ефессянам, 2:2), и только они производят такой эффект.

quod per poros facile ingreditur ado- так что юноша легко проникнет
lescens, concutit statim (terrae sedes), внутрь через поры и тут же сотря-
nubemque tetricam suscitatur. сет основание земли¹, и породит
черную тучу.

Как только враждебность будет смягчена — смягчится и греховность и ее дурные последствия, и то, что имеет крылья, сможет принять землю. Ибо теперь мы подошли к завершению священного брака, к «приземлению» духа и одухотворению земли, единению противоположностей и примирению разделенного (Послание к Ефессянам 2:14)², одним словом, к давно желанному акту искупления, посредством которого греховность существования, первоначальное разобщение будет уничтожено Богом. Землетрясение, с одной стороны, представляет собой аллюзию на сошествие Христа в ад и его воскресение, а с другой — символизирует потрясение однообразного земного существования человека, в чьей жизни и душе, наконец, проявилось значение, что одновременно создает и угрозу, и возможность возвышения.

Всегда существует интуитивный опыт, ощущаемый как конкретная реальность. Это — представление и предвосхищение будущего состояния, проблеск невысказанного, полусознанное объединение эго и не-эго. Справедливо именуемый *unio mystica*, он действительно составляет фундаментальный опыт всех религий, который живет в них и не вырождается в конфессиональность; хранит тайну, известную другим только в виде порожденных ею ритуалов, воспринимаемых как простые кольца, с которых давно сошла позолота.

¹ Конъектура моя. См. выше.

² Идея, отзывающаяся в догме Успения, которая особо подчеркивает негленность тела и в качестве земного сосуда божества уподобляет его ковчегу Завета: «Под ковчегом Завета, созданным из неподверженного порче дерева и поставленным в храме Божьем, они понимают чистейшее тело Девы Марии, неподверженное могильному тлению». (*Munificentissimus Deus*, p. 13.) Существование в небесах и тела, и души недвусмысленно выражается словами: «...была взята... душой и телом...».

Землетрясение поднимает темное облако: сознание, несмотря на переворот своих былых основ, окутано тьмой так же, как была окутана тьмой земля, когда Христа поразила смерть, за которой последовало воскресение. Этот образ говорит нам, что расширение сознания представляет прежде всего переворот и темноту и создает целостного человека. Этот «Человек», будучи неопишным, является интуитивным или «мистическим» опытом, и имя «Антропос» поэтому очень точно, так как демонстрирует непрерывность этой идеи в течение тысячелетия.

tu undas superinduces ad Lunae usque candorem, Но приведи воды к сиянию луны,

Как мы видим, вода здесь имеет значение «плодотворного интереса», и подъем ее означает, что она теперь обращается к полнолунию, прекрасному и безмятежному двойнику греховной новой луны и ее опасностей.

atque ita Tenebrae, quae supra abyssi faciem erant, per spiritum se in aquis moventem discutientur. Sic jubente Deo Lux apparebit. и тьма пучины будет развеяна духом, носящимся над водами. Так по велению Божьему появится Свет.

Глаза, которые до сих пор видели только темноту и угрозу зла, обращаются к диску луны, где начинается эфирное царство бессмертных, и мрачная глубина может быть теперь предоставлена самой себе, ибо дух извергает ее из себя, сотрясает и преобразует ее. Когда сознание подтягивается близко к бессознательному, оно не только заставляет *ego* принять сильнейший удар, но что-то из его света проникает в темноту бессознательного. В результате бессознательное становится уже не таким далеким, чуждым и ужасающим, и это открывает путь к окончательному единению. Естественно, «освещение» бессознательного не означает, что оно теперь стало меньше бессознательным. До этого далеко. Произошло то, что его содержания теперь поступают в сознание легче, чем раньше. «Свет», сияющий в конце, — это *lux moderna* алхимиков, новое расширение сознания, еще один шаг в реализации антропоса, и каждый из этих шагов означает возрождение божества.

Здесь мы закончим наше обсуждение текста. Теперь возникает вопрос: действительно ли алхимики высказывали подобные мысли, укрывая их за этой цветистой метафорой? Иными словами, имел ли в виду Фила-лет, скрывающийся под псевдонимом автор этих строк, мысли и идеи, подобные тем, что я выдвинул, интерпретируя его текст? Я считаю, что да, и даже верю, что эти авторы всегда выражали подобные мысли наи-

лучшим и наиболее подходящим образом — настолько ясно, насколько они могли сказать о предмете. Для наших вкусов и интеллектуальных требований их модель, однако, столь неудовлетворительна, что мы ощущаем необходимость в попытке выразить ту же мысль более ясно. Нам кажется очевидным, что алхимики никогда не думали об этом предмете то же, что и мы, ведь если бы это было так, то было бы обнаружено очень давно. «Философы» приложили массу усилий, дабы раскопать секрет философского камня, обвиняя старых алхимиков в том, что их писания слишком многословны и слишком туманны. Если они, по их собственному признанию, писали «иносказательно, символически, метафорически», это было наилучшее, что они могли сделать, и именно благодаря их трудам мы можем сегодня что-то сказать о тайнах алхимии.

Всякое понимание, не имеющее математической природы (а математика, кстати, ничего не понимает, а просто формулирует), обусловлено своим временем. В основе алхимии лежит подлинная, истинная тайна, которую уже с семнадцатого века недвусмысленно понимали как тайну психики. И теперь мы не можем допустить здесь ничего иного, кроме производного психики, чье значение можно выявить посредством методики и эмпирического подхода медицинской психологии двадцатого столетия. Но я ни на мгновение не предполагаю, что психологическая интерпретация мистерии должна обязательно быть последним словом. Если это — мистерия, тайна, то у нее должны быть и другие аспекты. Конечно, я верю, что психология может распутать тайны алхимии, но это не будет снятием всех покровов с тайны тайн. Поэтому мы можем ожидать, что через какое-то время в будущем наши попытки объяснения покажутся такими же «метафорическими и символическими», какими нам кажутся интерпретации алхимиков, и что тайна камня, или самости, разобьет такую сторону, которая, пусть и не осознается нами сегодня, скрывается в наших формулировках — и, скорее всего, в такой завуалированной форме, что будущий исследователь, так же как теперь мы, спросит себя: знали ли мы, что имеем в виду.

d. Луна-природа

Мы достаточно детально обсудили греховный и опасный аспект новолуния. В этой фазе убывание луны, которое в фольклоре не всегда считается благоприятным, достигает своей кульминации. Новолуние опасно для родов и свадеб. Если отец умирает во время убывающего месяца, это приносит ребенку несчастье. Также следует поклоняться молодому месяцу, чтобы он не принес беду. Даже лунный свет опасен, так как вызывает лунную болезнь, которая возникает из-за «луны-волчицы». Свадебное ложе, беременные женщины, маленькие дети должны быть

защищены от лунного света. Каждый, оказавшийся во власти лунного света, будет опьянен, и т.д.¹

Парацельс в своем труде «De pestilitate (III, 95), рассуждая о луне, очень точно улавливает атмосферу, окружающую бледный лунный свет:

Теперь отметим: где бы ни находился малодушный и пугливый человек, чье воображение порождает в нем великий страх и оставляет на нем свою печать, и именно луна в небесах, поддерживаемая звездами, есть тот corpus, что приводит к этому. Когда такой малодушный человек смотрит на луну, находясь во власти своего воображения, он заглядывает в *speculum venenosum magnum naturae* [великое губительное зеркало природы], в таком случае астральный дух и *magnes hominis* [магнетизм человека] будут отравлены звездами и луной. Но более ясно мы изложим это для вас следующим образом. Посредством своего воображения робкий человек превращает свои глаза в подобие глаз василиска, он заражает зеркало, луну и звезды сперва непосредственно сам, а позже через зараженную его воображением луну; это происходит быстро и легко, при помощи магнетизма, с которым астральное тело и дух воздействуют на небесные тела, то есть на луну и звезды великой Природы [Макрокосма]. Итак, человек, в свою очередь, будет заражен зеркалом луны и звезд, на которые он смотрит; и именно поэтому (ибо, как мы видим, это происходит вполне естественно), беременная женщина сходным образом во время менструации пятнает и вредит зеркалу луны, если смотрится в него. Ибо в это время она несет яд и обладает взглядом василиска *ex causa menstrui et venosissimi sanguinis* [из-за менструальной и ядовитой крови], яд, скрывающийся в ее теле более всего проявляется во взгляде. Поэтому астральный дух запятого тела открывается для астрального воздействия. *Quia ex menstruo et venosissimo sanguine mulieris causatur et nascitur basiliscus, ita luna in coelo est oculus basilisci coeli* [Так же, как василиск вызван и рожден от ядовитой менструальной крови женщины, так и луна в небе — это глаз небесного василиска]. И так же, как зеркало осквернено женщиной, так и наоборот — глаза, астральный дух и тело мужчины осквернены луной, потому что глаза робкого малодушного человека слабы и тусклы, но астральный дух и тело переносят яд из яркого лунного зеркала туда, куда устремлен взгляд. Но не только человеческое существо обладает силой заражать луну своим взглядом, нет; я утверждаю, что менструирующая женщина отравляет луну и звезды намного сильнее и сделать ей это гораздо легче, чем любому мужчине. Ибо вы знаете, что они отравляют и пятнают металлические зеркала и даже стеклянные, но в то же время сильнее и скорее они оскверняют луну и звезды. И даже если луна лишь отражается в воде, на которую в этот миг смотрит женщина, луна будет отравлена. Есть и многие другие способы, но все их описать невозможно. Вот по какой причине происходит сие отравление луны: она есть открытый глаз души и астрально-

¹ *Baechtold* и *Staubli*. Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens, VI, s.v. «Mond».

го тела и постоянно, как известно, обновляется и молодеет. Говорят, что ребенок, смотрящийся в зеркало, в которое смотрела менструирующая женщина, станет дальновзорким и косоглазым, и глаза его будут отравлены, запятнаны и погублены; так и зеркало было запятнано менструирующей женщиной, а также луна и человеческая сущность. А как проявляется ядовитость прибывающей луны, вы можете узнать двумя способами, а именно в стихии воды, а также в дереве, глине и т.д.: как дерево, если его собрать в плохое время, не будет хорошо гореть, но окажется ядовитым, гнилым и изъеденным червями, то же происходит и с луной, заражающейся всего лишь от брошенного на нее взгляда; а ведь луна со своим светом есть *humidum ignis* [влага огня], имеет холодную природу и поэтому способна легко воспринять яд¹.

В «Таблице Соответствий» Пенотуса² луне принадлежат: змея, тигр, Мани, Лемуры и *dei infernales* [подземные божества]. Эти соотношения ясно показывают, как сильно Пенотус был поражен адской природой луны³. Его «еретический» эмпиризм привел его к тому, что за патристическими аллегориями он сумел различить темную сторону луны, не позволяющую ей служить аллегорией прекрасной Христовой невесты. И также, как лунарная аллегория церкви предала забвению собаку, так и наша мужская справедливость склонна забыть это, когда имеет дело с переоценкой женщины. Нам не следует обманываться греховностью «хвоста» несомненно желанной «головы»: вой Гекаты всегда присутствует там, где он звучит, не важно — издали или вблизи. Это всегда женская и ни в малейшей степени не мужская анима. Мифология луны — объективный урок женской психологии⁴.

Луна со своей противоречивой натурой является в некотором смысле прототипом индивидуации, прообразом самости: она — «мать и невеста солнца, носящая в воздухе спаригический эмбрион, который солнце зачало в ее утробе⁵. Этот образ соответствует психологеме беременной анимы, чье дитя — самость, или же отмечено атрибутами

¹ *Sudhoff*, XIV, pp. 65ff.

² Псевдоним Бернара а Порту Аквитанского (*Bernardus a Portu Aquitanus*), *Theatr. chem.*, 11, p. 123.

³ Луна также родственна Сатурну, астрологическому врагу. В «*Dicta Belini*» Сатурн является как бы «отцом-матерью» луны: «Я свет всех вещей, принадлежащих мне, и я причина того, что луна появилась прямо из моего отца Сатурна, даже из враждебной мне царственной МатерИ». ¹¹⁹ (*Allegoriae sapientum /Theatr. chem.*, V, P- 97.) Сатурн играет роль Тифона: расчленение.

⁴ Психологи -медики могли бы воспользоваться исследованием лунной психологии в книге *Эстер Харбине* «*Woman's Mysteries*», а особенно гл. 12: «Глубинное значение лунного цикла».

⁵ *Dorn. Phys. Trismeg. / Theatr. chem.*, I, p. 424.¹²⁰¹ Аллюзия на «*Tabula Smaragdina*» (*De Alchemia*, p. 363): «Ветер несет ее в себе».

героя. Так же как анима представляет и персонифицирует коллективное бессознательное, так луна представляет шесть планет или духи шести металлов. Дорн говорит:

Из Сатурна, Меркурия, Юпитера, Марса и Венеры не может возникнуть никакой другой металл, кроме Луны (то есть серебра)... Поскольку Луна состоит из шести духовных металлов и их сил, причем у каждого металла две силы... От планеты Меркурий, от Водолея и Близнецов (или Водолея и Рыб) Луна приобретает свою жидкость [liquatio] и свое белое свечение... от Юпитера, Стрельца и Тельца — белый цвет и чрезвычайную стойкость в огне... от Марса, Рака и Овна — твердость и чистый звук... от Венеры, Близнецов и Весов — прочность [coagulationis] и ковкость... от Солнца, Льва и Девы — истинную чистоту и способность противостоять напору огня... от Сатурна, Девы и Скорпиона (или Козерога) — однородность тела, беспримесную чистоту [puram munditiam] и стойкость против силы огня¹.

Луна, таким образом, есть сущность природы металлов, которые вместе составляют ее сияющую белизну. Она многоприродная, тогда как Солнце, как «седьмой из шести духовных металлов»², обладает лишь одной природой. Эта роль Луны передается аниме (поскольку анима олицетворяет множественность архетипов), а также Церкви и Пресвятой Деве, которые, будучи обе лунной природы, простирают свою защиту на многих и заступаются за них перед Sol iustitiae [солнцем справедливости]. Луна есть «универсальное вместилище всех вещей», «первый подступ к небесам»³, и Уильям Менненс⁴ говорит, что она, подобно матке, вбирает силу всех звезд так, чтобы затем одарить ею подлунные создания⁵. Этим свойством, как кажется, объясняется ее мнимый эффект в opus ad Lunam [деяние, направленное на получение луны], во время которого она своей тинктурой придает силу всем звездам. Вот, что читаем во «Фрагменте персидских философов»: «Благодаря тинктуре все мертвые оживают и живут вечно, и тинктура сия есть первосотворенный фермент⁶, а именно «принадлежащий луне»⁷, свет всех светил, а также цветок и плод всех светил⁸, освещающий все предметы»⁹.

¹ Congeries Paracelsicae / Theatr. chem., I, p. 64If.

² Ibid., p. 642.

³ Пенотус в «De medicament, chem.» (Theatr. chem., I, p. 681).

⁴ Aurei velleris Libri tres / Theatr. chem., V, p. 321.

⁵ Параллель с Марией Заступницей Церкви, дарующей милость.

⁶ Вероятно, эфир в качестве quinta essentia [пятого элемента].

⁷ «Opus ad Lunam» — это побеление (albedo), которое сравнивают с восходом солнца.

⁸ То есть всех светил, или звезд.

⁹ «Art. aurif., I, p. 398»¹²

Эта почти подобная гимну хвалебная песнь *materia lapidis* или тинктуре в первую очередь относится к Луне, ведь когда она белеет, то освещает все вокруг. Она — «мать этого искусства». В ее воде «Солнце [скрыто, подобно огню]¹ — параллель концепции Селены как Циттербоха у Плутарха. В первый день месяца Фаменота Осирис входит в Селену, а это явно эквивалентно звездному небу весны. «Так силу Осириса передают Луне»². Селена, как утверждает Плутарх, это муже-женщина, оплодотворенная Гелиосом. Я упомянул эти слова, потому что они показывают, что луна обладает двойным светом — внешне женским, но внутри мужским, таящимся в ней огнем. Луна действительно мать солнца, а это значит, что бессознательное беременно сознанием и порождает его. Это ночь, которая старше дня:

Я — части часть, которая была Когда-то
тьмой и свет произвела. Свет этот —
порожденье тьмы ночной И отнял место
у нее самой³.

Из тьмы бессознательного исходит освещающий свет, *albedo*. Противоположности находятся в нем *in potentia*, отсюда гермафродитизм бессознательного, его способность к спонтанному и автохтонному воспроизведению. Эта идея отражена в «Матери-Отце» гностиков⁴, а также в наивном образе брата Клауса⁵ и современном образе Мэйтланда⁶, биографа Анны Кингсфорд.

Наконец я хотел бы сказать несколько слов о весьма непростой психологии луны. Алхимические тексты писались исключительно мужчинами, и их утверждения о луне являются поэтому продуктами мужской психологии. Тем не менее женщины играли роль в алхимии, как я упоминал выше, и «символика» хранит случайные следы их влияния. Вообще, как близость, так и отсутствие женщин производит определенный констеллирующий эффект на сознание мужчины. Когда женщины нет рядом или она недостижима, сознание порождает в нем определенную женственность, которая выражается по-разному и приводит к многочисленным конфликтам. Чем ограниченнее его сознание, тем ниже, банальнее, вульгарнее его мужская духовная сторона, и биологическое компенсирует это женственностью подсознания. Возможно, он не будет осозна-

¹ *Gloria mundi* / *Mus. herm.*, p. 280 (Waite, I, p. 225).¹²²¹

² «Об Исиде и Осирисе», 43, *Moralia*, V, pp. 104f.

³ *Гете*. Фауст, ч. I. Рабочая комната Фауста [Пер. Б. Пастернака].

⁴ Например у Марка Гностика. Ср. *Hypolytus. Elenchos*, VI, 42.2 (Legge, II, p. 44).

⁵ Ср. Брат Клаус, §485ff.

⁶ *Anna Kingsford: Her Life, Letters, Diary and Work*, I, p. 130. Я достаточно подробно привожу это видение в моем «Комментарии к «Тайне золотого цветка», § 40.

вать все эти темные проявления, ибо они настолько скрыты под слащавой сентиментальностью, что он не только обманывается сам, но и радуется, видя это в других. Чисто биологическое или грубое отношение к женщине вызывает чрезмерно завышенную оценку женственности в подсознании, где ей склонны придавать форму Мудрости или Девы Марии. Часто, однако, понятие женственности извращается всем, что только может изобрести женоненавистничество, чтобы защитить мужское сознание от женского влияния, так что вместо этого мужчина становится жертвой непредсказуемых настроений и бессмысленного возмущения.

Утверждения мужчин относительно женской психологии принципиально страдают от того факта, что проекция бессознательной женственности всегда особенно сильна там, где в наибольшей степени требуется критический подход, то есть там, где мужчина захвачен эмоциями. В метафорических описаниях алхимиков луна является прежде всего отражением бессознательной мужской женственности, но также и основой женской души, в том же смысле, в каком солнце — основа мужской. Наиболее очевидно это проявляется в астрологической интерпретации солнца и луны, не говоря уже о древних мифологических представлениях. Алхимия немыслима без своей старшей сестры — астрологии, и основные положения этих дисциплин (вместе с мифологией) должны приниматься в расчет при любой психологической оценке светил. Если в таком случае Луна характеризует женскую душу, а Солнце — мужскую, сознание должно быть исключительно мужским делом, что, конечно, не так, поскольку женщины тоже обладают сознанием. Но так как мы ранее идентифицировали Солнце с сознанием, а Луну с бессознательным, нам следовало сделать вывод, что женщины не могут обладать сознанием.

Эта ошибка нашей формулировки кроется в том факте, что прежде всего Луну как таковую мы приравниваем к бессознательному, в то время как рассматриваем главным образом мужское сознание, и далее, мы проглядели то обстоятельство, что луна не только темная, но также приносит свет и может поэтому представлять сознание. Это, разумеется, так и есть для женщины: ее бессознательное имеет скорее лунарный, чем солярный характер. Его (бессознательного) свет — это «мягкий» лунный свет, который соединяет вещи в большей степени, нежели разъединяет их. В отличие от сурового, ослепительного света дня, этот свет не выставляет объекты в их безжалостной разобщенности и разделенное-ти, но смешивает в обманчивом мерцании близкое и далекое, магически трансформируя малое в большое, высокое в низкое, смягчая все цвета и превращая их в синеватую дымку, и незаметно делая ночной пейзаж чем-то единым.

По чисто психологическим причинам в других моих работах я попытался поставить в соответствие мужскому сознанию концепцию Лого-

са, а женскому — концепцию Эроса. Логосом я обозначил пронизательность, рассудительность, понимание, разум, а Эросом — способность установлению связи. Обе концепции я рассматривал в качестве интуитивных идей, не поддающихся точному и исчерпывающему определению. С научной точки зрения это достойно сожаления, но с практической обладает своей ценностью, поскольку эти две концепции относятся к такой же трудно определяемой области человеческого опыта.

Так как мы едва ли можем высказать психологическое предположение без того, чтобы немедленно не перевернуть его, противоположные примеры тут же бросаются в глаза: мужчины, не хранящие ничего из пронизательности, рассудительности и понимания, и женщины, проявляющие чересчур мужское искусство в этом отношении. Я описал бы такие случаи как простые исключения. По моему мнению, они демонстрируют обычное явление психически преобладающей контрасексуальности. Везде, где так происходит, мы обнаруживаем насильственное вторжение бессознательного, соответствующее исключение сознательного начала, свойственного данному полу, преобладание тени и контрасексуальности, и в известной степени присутствие симптомов одержимости (таких, как принуждение, навязчивые идеи, автоматизм, гиперчувствительность и т.д.). Эта перестановка ролей, возможно, и есть основной психологический источник алхимической концепции гермафродита. Лунарная анима у мужчины, солярный анимус у женщины — оказывают сильное воздействие на сознание. Даже если мужчина часто не осознает своей анима-одержимости, он подвергается, разумеется, не понимая этого, все более сильному влиянию анимуса-одержимости своей жены, и наоборот.

Логос и Эрос являются интеллектуально сформулированными интуитивными эквивалентами архетипических образов Солнца и Луны. На мой взгляд, скрытый смысл этих двух светил так хорошо описан и настолько нагляден, что я предпочел бы их более прозаическим терминам Логосу и Эросу, хотя последние объясняют некоторые психологические особенности более удачно, чем неопределенные «Солнце и Луна». Использование этих терминов требует в любом случае активной и живой фантазии, а она не свойственна тем, кто по своему темпераменту склонен к построению чисто интеллектуальных концепций. Они предлагают нам нечто завершенное и полное, в то время как архетипический образ обладает только своей открытой полнотой, которая кажется уму непостижимой. Концепции — измышленные и продажные ценности; образы — это сама жизнь.

Если наша формула, рассматривающая лунарную природу женского сознания, корректна — а с точки зрения *consensus omnium*, трудно представить, как могло быть иначе, — мы должны сделать вывод, что это сознание обладает в большей степени темной, ночной природой и из-за своей малой яркости может легко проглядеть различия, которые

для мужского сознания являются самоочевидными камнями преткновения. Это вызывает у луноподобного сознания потребность удерживать большую семью вместе, несмотря на все различия, и говорить и поступать таким образом, чтобы гармоничные отношения частей целого не только не нарушались, но даже улучшались. А где пропасть слишком глубока, луч света смягчает ее. Классическим примером являются мирные предложения св. Екатерины Александрийской из «Острова Пингвинов» Анатоля Франса. Небесный совет зашел в тупик, обсуждая проблему крещения, потому что, хотя пингины и животные, они были крещены св. Маэлем. Тогда она сказала: «А посему умоляю тебя, Господи, даровать пингинам старца Маэля человеческую голову и стан, дабы они могли достойным образом воздавать тебе хвалу, и наделить их бессмертными душами, только меньшего размера»¹.

Эта «лунатическая» логика приводит к тому, что рациональный ум попадает в белую горячку. К счастью, в большинстве случаев она действует во тьме или скрывается в сиянии невинности. Лунная натура — наилучший камуфляж, но сразу становится видна, когда бессознательная мужественность женщины прорывается в ее сознание и вытесняет Эрос. Затем то же самое происходит с ее очарованием и смягчающей полутьмой: женщина становится на ту или иную позицию и рьяно защищает ее, хотя каждое колкое замечание разрывает ей душу, и своей грубой недальновидностью она подвергает опасности самую драгоценную цель своего женского начала. И тогда, по непостижимым причинам — или, быть может, просто потому, что настало время для этого, — картина полностью меняется: новолуние еще раз побеждено.

Солнце, персонифицирующее женское бессознательное, отнюдь не дневное солнце, а соответствует скорее *Sol niger*. Это не реальное *Sol niger* мужской психологии, второе «я», брат Медардус из рассказа Э.Т.А.Гофмана «Эликсир дьявола» или грубая идентичность противоположностей, с которой мы сталкиваемся в истории Джеки-ла и Хайда. Бессознательное Солнце (*Sol*) женщины может быть темным, но не «угольно-черным» (<xv0pax(054(;), как сказано о луне, оно скорее подобно солнцу при постоянном затмении, которое, во всяком случае, редко бывает полным. В норме женское бессознательное излучает столько же тьмы, сколько и света, так что, если ее сознание не может быть полностью светлым, ее бессознательное не может быть полностью темным. В любом случае, когда лунные фазы подавлены из-за слишком сильного солнечного влияния, ее сознание принимает очень ясный солнечный характер, в то время как, с другой стороны, ее бессознательное становится темнее и темнее — *pigum nigrius nigro* — и оба они невыносимы друг для друга, если это продолжается долго.

¹ См. *Анатоль Франс. Остров Пингвинов*. [Пер. В.Дынник]

Ее Sol niger настолько же лишено света и очарования, насколько мягкий лунный свет полон небесного мира и волшебства. Оно горячо отстаивает свою светоносность, потому что света в нем нет, и великую истину, ибо попадает мимо цели, и высшую власть, которая тем не менее всегда ошибается, или, во всяком случае, права не больше, чем слепой кот, который пытался ловить воображаемых летучих мышей среди бела дня, но однажды поймал по ошибке одну настоящую и после этого стал совершенно необучаемым. Мне не хотелось бы быть несправедливым, но именно это напоминает мне женское Солнце, когда оно слишком навязывается. (А оно должно немного навязываться, если мужчина его не понимает!)

Мужчина способен познать свою аниму только в проективной форме, это же справедливо и для женщины по отношению к ее темному солнцу. Когда ее Эрос функционирует должным образом, ее солнце не будет слишком темным, и носительница проекции сможет даже создать определенную полезную компенсацию. Но если с ее Эросом не все в порядке (а в таком случае она изменяет самой Любви), темнота ее солнца передастся мужчине, обладающему анимой, который тут же выпустит на свободу худшего из духов, не менее ядовитого, чем сильнейший алкоголь.

Темное солнце женской психологии связано с образом отца, поскольку отец — первый носитель образа анимуса. Он наделяет этот потенциальный образ содержанием и формой, так как из-за своего Логоса он является источником «духа» для дочери. К несчастью, этот источник часто замутнен там, где мы ожидаем найти чистую воду: ведь дух, полезный женщине, не просто ум, это нечто гораздо большее: это позиция, моральная сила, которой жив человек¹. Даже так называемый «идеальный» дух не всегда лучший, если он не понимает, как вести себя в соответствии с природой, то есть с животным человеком. Это действительно был бы идеал. Поэтому каждому отцу дана возможность тем или иным способом испортить природу дочери, а учитель, муж или психиатр потом должны расплачиваться за это. Ибо «то, что испортил отец»², только он и может исправить, так же как и «то, что испортила мать», может быть исправлено лишь ею. Это губительное повторение модели семьи можно описать как психологический первородный грех, или как проклятие Ат-ридов, передающееся из поколения в поколение. Но по справедливости эти вещи не следует считать заведомо добром или же злом. Добро и зло здесь почти равновесны. Однако нашим оптимистам от культуры следует начать понимать, что сил добра недостаточно, чтобы породить либо рациональный мировой порядок, либо этически безупречное поведение

¹ Дух и жизнь, § 629ff.

² Ср. И Цзин, или Книга перемен, I, гексаграмма 18: «Работа над тем, что испорчено».

личности, тогда как силы зла сильны настолько, что способны подвергнуть опасности любой порядок и заключить личность в дьявольскую систему, совершающую самые ужасные преступления, где человек, даже если он и обладает нравственностью, вынужден забыть о моральной ответственности, чтобы продолжать жить. «Зловредность» коллективного человека проявляется сегодня в более ужасающей форме, чем когда-либо раньше в истории, и служит объективной точкой отсчета, относительно которой следует измерять большие и меньшие грехи. Нам необходимо найти более казуистическое и тонкое различие между ними, поскольку вопрос скорее не в том, чтобы искоренить зло, а в сложном искусстве заменять большее зло на меньшее. Время для «радикальных утверждений», столь дорогое для моралистов-проповедников, облегчающих свою задачу наиболее приятным для себя образом, давно миновало. Нельзя избежать конфликта, отказываясь от нравственных ценностей. Сама подобная идея чужда нашим инстинктам и противна нашей природе. Каждая человеческая группа, которая не сидит в данный момент в тюрьме, будет следовать этими проторенными путями в соответствии со степенью своей свободы. Каким бы ни было умственное определение и оценка добра и зла, конфликт между ними никогда не прекратится, потому что никто никогда не сможет о нем забыть. Даже христиане, чувствующие себя освобожденными от злой воли, когда проходит первый восторг, вспоминают о тех терниях, которые даже св. Павел не мог вынуть.

Всех этих советов достаточно, чтобы выяснить, какой дух необходим дочери. Это истины, говорящие с душой не слишком громко и не очень навязчиво, но достигающие личности в молчании — личности, которая утверждает значение мира. Вот знание, которое необходимо дочери, чтобы она передала его своему сыну.

5. Соль (Sal)

а. Соль как арканная субстанция

В этом разделе я буду обсуждать не только соль, но и множество символов, близко связанных с нею, таких как морская «горечь», морская вода и ее крестильные свойства, которые, в свою очередь, относятся к «Красному Морю». Я включил последнее в рамки моих наблюдений, но не включил символ моря как такового. Поскольку Луна символизирует бессознательное, Соль, как один из ее атрибутов, составляет особый пример лунного символизма. Этим объясняются размеры всей данной главы: пространственные отступления необходимы, чтобы выявить различные аспекты бессознательного, которые выражает соль, и в то же время объяснить их психологическое значение.

Вследствие теории «соответствия» (*correspondentia*), которую в Средневековье считали аксиоматичной, принципы каждого из четырех миров — интеллигибельного, или божественного, небесного, земного и inferнального¹ — соответствуют друг другу. Однако, чтобы соответствовать Троице, обычно использовали деление на три мира: небо, землю, ад². Триады были также известны в алхимии. Со времен Парацельса наиболее важной триадой была триада Sulphur-Mercurius-Sal (Сера-Меркурий-Соль), претендовавшая на соответствие Троице. Георг фон Веллинг, плагиатор Иоганна Рудольфа Глаубера, в 1735 году все еще думал, что его триада из огня, солнца и соли³ была «в своей основе единой вещью»⁴. Использование формулы Троицы в алхимии настолько распространено, что в дальнейших ссылках на это нет необходимости. Тонкость формулы Сера-Меркурий-Соль состоит в том, что центральная фигура, Меркурий, по своей природе является андрогинном и, таким образом, имеет примесь мужской красной серы и лунной соли⁵. Его эквивалент в небесном царстве — планетарная пара Солнце и Луна, а в «интеллигибельном» царстве — Христос в его мистической андрогинности, «мужчина, охваченный женщиной»⁶,

¹ *Вигенер* (*De igne et sale / Theatr. cnem.*, V, p. 32f.) говорит о трех мирах. Огонь на земле соответствует солнцу в небесах, и Святому Духу в «интеллигибельном» мире. Но на с. 39 он внезапно вспоминает о четвертом, забытом мире: «Четвертый мир — inferнальный, раскаленный и горящий, но не светящийся».¹²³ Он также различает четыре вида огня. (Ср. Айон. § 203, 393 и прим. 81).

² Триада: небо, земля, ад (или сера, ртуть, соль), — ложная, поскольку земля двойственна и состоит из светлого верхнего мира и темного нижнего.

³ Огонь = сера, Солнце = Меркурий (как мать и сын Солнца).

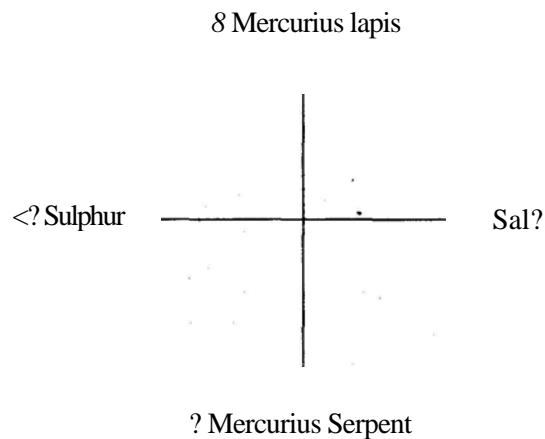
⁴ *Opus Mago-Cabbalisticum et Theosophicum*, p. 30.

⁵ Цитата из Гермеса (*Rosarium philosophorum / Art. aurif.*, II, p. 244) толкует о «*Sal postae lunariae*» (соли нашего лунного растения): «Нашу соль можно обнаружить в определенном качестве драгоценной Соли и во всех вещах. Поэтому древние философы называли ее обычной луной»¹²⁴ (*Mus. herm.*, p. 217; *Waite*, I, p. 177). Соль из Полярного моря — «лунарная» (женственная), а соль из Экваториального моря — соляная (мужская): *Weiling*, p. 17. *Глаубер* (*De signature salium, metallorum et planetarum*, p. 12) называет соль женственной и приводит Еву как ее параллель.

⁶ *Се. Григорий*. (*In primum Regum expositiones*, I, i, 1 / *Migne*, P.L., vol/ 79, col. 23). Эта идея разивалась и в тибетском, и китайском тантризме и понималась в буквальном смысле как Шива в объятиях Шакти, создавшей Майю. В алхимии мы встречаемся с той же идеей. *Миллус* (*Phil. ref.*, p. 8f.) говорит: «[Бога] любит все вокруг. Иные называют его интеллектуальным и огненным духом, не имеющим формы, но преобразующим все, что он желает, и таким образом становящимся тождественным всем вещам... Поэтому мы, по образу природы души, даем силе Божьей, опоре всего сущего, имя *Anima media natura* или Мировая душа».¹²⁵¹ Заключительные слова взяты из *De arte chymica / Art. aurif.*, I, p. 608.

то есть sponsus и sponsa (Церковь). Подобно Троице, алхимическое «триединство» представляет собой скрытое четвероединство из-за двойственности центральной фигуры: Меркурий не только разделен на мужскую и женскую половины, но ядовитый дракон в то же самое время является и небесным ляписом. Отсюда становится ясным, что дракон — аналог дьявола, а ляпис — Христа, в соответствии со взглядом церкви на дьявола как на самостоятельного контрагента Христа. Далее, идентичен дьяволу не только дракон, но и негативная сторона серы, а именно sulphur comburens [сера сжигающая], как говорит Глаубер: «Воистину, сера — подлинный черный дьявол ада, которого может победить только одна соль»¹. По сравнению с ним, соль, как мы увидим, выступает как «светлая» субстанция, наподобие ляписа.

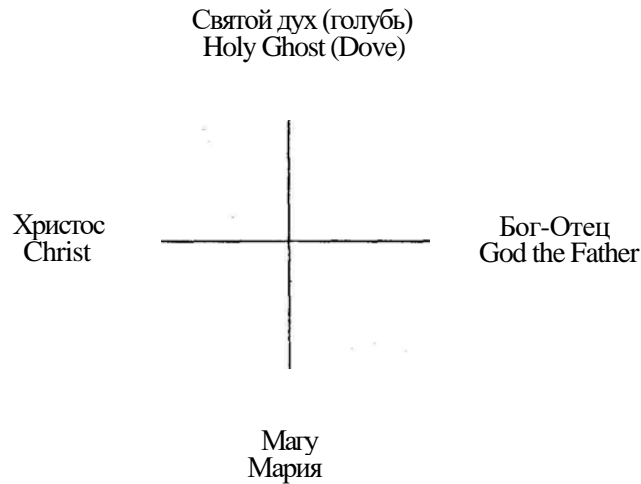
Из всего этого мы выводим следующую схему:

Здесь мы видим еще одну из тех хорошо известных четвериц противоположностей, которые обычно замаскированы в триады, также как христианская Троица может установиться как таковая только после элиминации четвертого героя божественной драмы. Если бы он участвовал в ней, тогда была бы не Троица, а христианская Четверица. Долгое время существовала психологическая необходимость этого, что видно из средневековых картин, изображающих Успение и Увенчание Богородицы; такое отношение поднимало ее до положения посредницы, соответствующего такому же положению Христа как посредника, с тем лишь

¹ De natura salium, p. 4lff.

различием, что Мария только передает милость, но не порождает ее. Распространение в последнее время догмы Успения свидетельствует о том, что не только душа, но и тело Марии возносится к Троице, делая таким образом догматической реальность средневековых представлений о четверице, для которых составлена следующая схема:

Лишь в 1950 году, когда Церковь давно уступила науке свой приоритет в образовании, и почти столетие спустя после объявления догмы о Непорочном Зачатии, папа, побуждаемый растущей волной общественных петиций¹, был вынужден объявить Успение истиной откровения. Абсолютно очевидно, что догматизация мотивировалась главным образом религиозными нуждами католических масс. За этим стоял архетипический дух женской богини², которой на Эфесском со-

¹ «С течением времени эти требования и петиции, вовсе не уменьшаясь, но становились все более многочисленными и настойчивыми». — *Munificentissimus Deus*, p. 5.

² Некий католический писатель говорит об Успении: «Похоже, что основополагающий мотив даже не особенно христианский; скорее, может показаться, что он выражает универсальную архетипическую структуру, которая каким-то образом отвечает глубинным и распространенным нуждам людей во всем мире и находит сходное воплощение в бесчисленных мифах и ритуалах, стихах и картинах, в обыденной жизни и даже философии».

боре в 431 году было дано имя «Теотокос» (Богоносица), отличающееся от простого «Антропотокос» (Человеконосица) несторианских рационалистов.

Вознесение тела давно считалось историческим и материальным событием, и алхимики могли поэтому использовать в своих трудах образы Успения для восхваления материи. На иллюстрации этого процесса в «Пандоре» Рейснера¹ под сценой увенчания расположен некий щит между эмблемами Матфея и Луки, на котором изображено выделение Меркурия из первоматерии. Извлеченный дух является в чудовищном виде: голова окружена нимбом, что напоминает нам о традиционном изображении головы Христа, но вместо руку него змеи, а нижняя часть похожа на стилизованный рыбий хвост². Это, без сомнения, *anima mundi*, свободная от оков материи, *filius mactocostmi* или Меркурий-антропос, который из-за своей двойственной природы не только представляет и духовное, и физическое, но и объединяет в себе морально высочайшее и самое низменное³. Иллюстрация к «Пандоре» указывает на скрытую в Успении великую тайну, о чем смутно подозревали алхимики. Известная всем тьма подлунной материи всегда ассоциировалась с «князем мира сего», дьяволом. Он представляет собой метафизическую фигуру, исключенную из Троицы, но, как противоположный Христу, является *sine qua* поп драмы искупления⁴. Его эквивалент в алхимии — темная сторона Меркурианского дуплекса и, как мы видели, активная сера. Он также скрывается за ядовитым драконом, первичной, хтонической формой *lapis aethereus* (эфирного ляписа). Натурфилософам Средневековья, а в особенности Дорну, было совершенно ясно, что триада должна быть дополнена четвертым членом, поскольку ляпис всегда рассматривался как четверица стихий. Их не тревожило, что четвертым должен стать злой дух. Напротив, может быть, расчленение и самопожирание дракона казалось им похвальным деянием. Дорн, однако, видел в четверице абсолютную противоположность Троицы, а именно женское начало, которое, как ему казалось, было «от дьявола», и по этой причине он называл дьявола «четырёхрогим змеем». Эта проницательная мысль должна была подтолкнуть его к сути проблемы⁵. Пытаясь опровергнуть

¹ (Базель, 1588), с. 253. Ср. Психология и алхимия, рис. 232.

² Ср. человека с рыбим хвостом с мозаичного пола собора VI в. в Песаро. Подпись под изображением гласит: «Est homo поп totus medius sed piscis ab imo». (Этот человек не завершен, наполовину он — глубоководная рыба.) — *Becker. Die Darstellung Jesu Christi unter dem Bilde des Fisches*, p. 127.

³ Ср. Дух Меркурий, § 267ff, а также тайное учение Парацельса в книге: Парацельс как духовное явление, § 159ff.

⁴ Ср. Догма Троицы, § 248 ел., 252 ел.

⁵ Более детальное обсуждение см. в «Психологии и религии» (§ 104 ел.).

себя, он отождествил женщину с дьяволом из-за цифры два, которая характеризует их обоих. Дьявол, думал он, сам был бинарным, ибо создан на второй день Творения, в понедельник, день луны, в который Бог не выразил своего удовлетворения, то есть в день «сомнения» и разъединения¹. Дорн просто облек в слова то, что скрывается в иллюстрации к «Пандоре».

Если мы сравним подобный ход мыслей с христианской четверицей, которую фактически породила (но не определила как таковую) новая догма, тут же станет ясно, что здесь мы имеем «высшую» четверицу, которая превосходит цельность человеческой природы и психологически сравнима с четверкой Моисея у гностиков². Человек и темный первичный хаос мира, *deus absconditus*, еще не объединились в ней. Алхимия, однако, выступает глашатаем пока еще неосознанной тяги к максимальной интеграции (что, по-видимому, может осуществиться только в далеком будущем), пусть даже она порождена сомнением Ори-гена в окончательной судьбе дьявола³.

В философской алхимии соль — космическое начало. Согласно своему положению в четверице, она коррелирует с женской, лунарной стороной и с верхней, светлой половиной. Поэтому неудивительно, что соль (*Sal*) — одно из многих обозначений арканной субстанции. Эта коннотация, по-видимому, развилась в раннем Средневековье под влиянием арабов. Самые старые следы ее можно найти в «*Turba*», где соленая вода и морская вода — синонимы *aqua permarens*⁴ и у Сени-ора, который утверждал, что Меркурий сделан из соли⁵. Его трактат служит одним из ранних авторитетных источников в латинской алхимии. Здесь «*Sal Alkali*» также играет роль арканной субстанции, и Сениор упоминает, что *dealbatio* [белизну] называли «*salsatura*» (морской солью)⁶. В почти столь же древнем «*Allegoriae sapientum lapis*» описывается как «*salsus*» (соленый)⁷. Арнольд из Виллановы (1235? — 1313) говорит: «*Всякий, обладающий солью, которую можно растворить, и маслом, которое можно поджечь, может восхвалять Бога*»⁸.

¹ *De Tenebris contra Naturam / Theatr. chem.*, I, p. 527. Ср. Психология и религия¹⁰⁴, прим. 47, 120, прим. 11; Догма Троицы.

² Подробнее см.: Айон, § 359 ел.

³ *Ibid.*, § 171, прим. 29.

⁴ P. 283.

«Сначала получается зола, потом соль, а из соли путем различных процедур — философский Меркурий».¹¹²⁶ Приводится в *Ros. phil. / Art. aurif.*, II, p. 210,^a также в *Clangor buccinae / Art. aurif.*, I, p. 488.

⁶ *De chemia / Theatr. chem.*, V, p. 231.0 «*salsatura*» см. *Aurora Consurgens II / Art. aurif.*, I, p. 205.

⁷ *Theatr. chem.*, V, p. 77.

⁸ *Um / Ros. phil.*, p. 244.

Из этих слов ясно, что соль является арканной субстанцией. В «Rosarium», который в значительной степени основан на старых латинских источниках, отмечается, что «вся тайна заключена в обычной приготовленной соли»¹ и что «в основе мастерства лежит мыло мудрецов» (*sapo sapientum*), представляющее собой «руды» всех солей и называемое «горькой солью» (*sal amarum*)². Всякий, кто знает соль, знает секрет старых мудрецов³. «Соли и квасцы помогают камню»⁴. Исаак Голландец называет соль посредницей между *terra sulphurea* и водой. «Бог вливает в них некую соль, чтобы объединить, и мудрецы называют эту соль солью мудрости»⁵.

У поздних писателей свойства соли как арканной субстанции выражены даже более явно. Для Милиуса она синоним тинктуры⁶; это и земляной дракон, поседающий свой собственный хвост, и «зола», «венец твоего сердца»⁷. «Соль металлов» — это и ляпис⁸. Василий Валентин говорит о «*sal spirituali*»⁹. Это основа той силы, которая делает «искусство» возможным¹⁰, «самое благородное из сокровищ»¹¹, «добрая и благородная соль», которая, «хотя в начале и не имеет формы соли, тем не менее называется солью»; она «загрязняется и очищается, растворяется и концентрируется, или, как говорят мудрецы, открывается и запирается»¹²; она — «квинтэссенция и стоит над всеми вещами и всеми созданиями»¹³. «Вся мудрость лежит в соли и ее ра-

¹ Ibid.

² Ibid., p. 222.

³ Ros.phil.,p.244.

⁴ Ibid., p. 269. В тексте далее стоит: «Не узнавший вкуса соли никогда не полует желаемый фермент ферментов».¹¹²⁷¹

⁵ Opera mineralia / Theatr. chem., III, p. 411.

⁶ Phil.ref.,p. 189.

⁷ Ibid., p. 195.

⁸ Ibid., p. 222. Также в Ros. phil., p. 208; *Khunrath. Amp hit heat rum sapientiae*, p. 194, и *Mus. herm.*, p. 20 (Waite, I, p. 22).

⁹ Приводится в Tract, aureus / Mus. herm., p. 31 (Waite, I, p. 32). Писания Василия Валентина относятся не к пятнадцатому веку, а являются подделкой века семнадцатого.

¹⁰ «Александр Великий, царь Македонский, в своей Философии сказал следующее: ...Благословен Бог на небесах, сотворивший это искусство в Соли».¹²⁸¹ *Gloria mundi/Mus. herm.*, p. 217 (Waite, I, p. 176).

¹¹ Ibid., p. 218(Waite, I, p. 177).

¹² Ibid., p. 216.

¹³ Ibid., p. 217. Также говорят о «природном бальзаме» (*Khunrat. Hyl. Chaos*, p. 258) и о «пятом элементе» (море). Ср. *Vigenerus. De igne et sale / Theatr. chem.*, VI, p. 122.

створе»¹. «Непрерывная коренная влага» состоит из соли². Соль — синоним «несгораемого масла»³ и в целом представляет тайну, которую надо скрывать⁴.

Как арканная субстанция, она идентифицируется с различными синонимами последней. Прежде всего это «ens centrale» [существующее в центре]. Для Кунрата соль — «физический центр земли»⁵. Для Виге-нера это компонент «той девственной и чистой земли, которая находится в центре или в глубинах всех сложных стихий»⁶. Глаубер называет соль «концентрированным центром элементов»⁷.

Хотя арканную субстанцию обычно идентифицируют с Меркурием, отношение соли к Меркурию упоминают редко. Сениор, как мы отмечали, говорит, что «в различных процессах» Меркурий производится из соли⁸, а Кунрат отождествляет Меркурий с обычной солью⁹. Редкость такой идентификации поражает нас именно потому, что «соль мудрых» действительно подразумевает ее родство с Меркурием. Я могу объяснить это, только предположив, что соли не придавали ее значения до недавних времен, и затем она появилась как независимый член в триаде Sulphur-Mercurius-Sal.

Соль также имеет явное отношение к земле, не к земле как таковой, но к «нашей земле», которой, естественно, обозначают арканную субстанцию¹⁰. Это видно из вышеупомянутой идентификации соли с земляным драконом. Полный текст Милиуса гласит:

На дне реторты остается наша соль, то есть наша земля, это черный дракон, пожирающий свой собственный хвост. Ибо дракон есть вещество, которое остается после дистилляции воды из него, и вода эта именуется драконьим хвостом, а дракон, насыщенный этой водой, сворачивается, поэтому он и поедает свой хвост".

¹ Hyl. Chaos, p. 256.

² Ibid., p. 257.

³ Ibid., p. 260.

⁴ Amphitheatrum, p. 194.

⁵ Hyl. Chaos, p. 257.

⁶ De igne et sale, p. 44.

⁷ De natura salium, p. 44. Глаубер добавляет стихотворные строки: «В соли и огне/ скрыто драгоценное искусство».

⁸ Art. aurif., I, p. 210. В «Turba» соленая вода и морская вода — синонимы Меркурия.

⁹ Hyl. Chaos, p. 257.

¹⁰ «Наша соль, то есть наша земля». — «Tractatus aureus» / Mus. herm. P. 20 (Waite, I, p. 22). См. также Clangor buccinae / Art. aurif., I, p. 488; Scala Philosophorum / Art. aurif., II, p. 107.

¹ Phil. ref., p. 195.

Редко упоминавшуюся связь соли с *nigredo*¹ не стоит здесь обсуждать, потому что из-за пресловутой белизны соль постоянно ассоциируется с *albedo*. С другой стороны, следует ожидать близкой связи между солью и водой, которая действительно подразумевается в морской воде. *Aqua pontica* [морская вода] играет важную роль как синоним *aqua permanens*, как и для «mare» (моря). То, что соль, как и Луна, является существенным компонентом моря, ясно из Вигенера: «Нигде влага не остается дольше, и ничто не мокрее, чем соль, из которой большей частью состоит море. Нигде луна не являет свое движение яснее, чем в море, как можно видеть... наблюдая приливы и отливы». Соль, говорит он, обладает «неистребимой сыростью», и «поэтому море не может высохнуть»². Кунрат отождествляет *femina alba* или *Candida* с «кристаллической солью», а последнюю — с прозрачной водой³. «Наша вода» не может быть создана без соли⁴, и без соли труд не может быть успешным⁵. Согласно Рупесдиссе (ок. 1350 г.), соль — это «вода, которую выпаривает сухость огня»⁶.

Б. Горечь

Неотделимым от соли и моря свойством является *amaritudo*, «горечь». В течение всего Средневековья принималась этимология Исидора Севильского: «*Mare ab amaro*»⁷. У алхимиков горечь стала своего рода техническим термином. Так, в трактате «*Rosinus ad Euthiciam*»⁸, приводится диалог между Зосимой и Феосебией: «*Зосима*: Это камень, обладающий великолепием и цветом. *Феосебия*: В чем причина такого цвета? *Зосима*: Чрезвычайно сильная горечь. *Феосебия*: Что дает эту горечь и яркость? *Зосима*: Загрязнение его металла». В трактате «*Rosinus ad Sarratantam episcopum*»⁹ говорится: «Добудь камень, который будет черным, белым, красным и желтым, и получишь чудесную

¹ Один раз это упоминается в *Gloria mundi/Mus. herm.*, p. 216 (Waite, I, p. 176): «(В начале) она была очень черная и дурно пахнущая».¹²⁹¹

² *De igne et sale / Theatr. chem.*, VI, p. 98.

³ *Hyl. Chaos*, p. 197ff.

⁴ *Ibid.*, p. 229.

⁵ *Ibid.*, p. 254.

⁶ *De confectione lapidis / Theatr. chem.*, III, p. 199.

⁷ *Liber etymologiarum*, XIII, 14, fol. lxxviii.

⁸ Искаженная (в результате перевода с арабского на латынь) версия «*Zosimos ad Theosebeiam*». — *Art. aurif.*, I, p. 264.

⁹ *Art. aurif.*, I, p. 316. Ср. также *Ros. phil./Art. aurif.*, II, p. 258; *Mylius. Phil. ref.*, p. 249; *Tract. Aureus / Ars chemica*, p. 11 f.

птицу, летающую без крыльев во тьме ночи и при свете дня: в горечи ее горла можно найти цвет». «Каждая вещь вначале нечиста и горька», утверждает Рипли. «Горечь имеет привкус яда»¹. Милиус: «Наш камень наделен сильнейшим духом, горьким и твердым (aeneus)»²; а «Rosarium» напоминает, что соль горька, потому что происходит от «морского минерала»³. «LiberAlze»⁴ восклицает: «О природа этой дивной вещи, преобразующая тело в дух!... Если она получена в чистом виде, то превосходит все вещи, терпкая и горькая кислота, которая превращает золото в чистый дух»⁵.

В этих цитатах особо подчеркивается острый вкус соли и морской воды. Причина того, почему вкус описывается как горький, а не просто соленый, может лежать в первую очередь в неточности языка, поскольку amarus также означает «острый», «едкий», «терпкий», и метафорически употребляется в язвительных речах и оскорбительных шутках. Кроме этого, значительное влияние в данном случае оказал язык Вульгаты, поскольку он был одним из главных источников средневековой-латыни. Нравственная польза, последовательно извлекаемая Вульгатой из понятий amarus и amaritudo, придает им — а особенно в алхимии — нюанс, который не следует упускать. Это ясно видно из замечания Рипли, что «каждая вещь вначале нечиста и горька». Сопоставление этих двух атрибутов указывает на внутреннюю связь между ними: нечистота и горечь имеют общее основание: они обозначают состояние несовершенных тел, начальное состояние первоматерии. Среди наиболее известных синонимов для последней следует отметить «хаос» и «море», в классическом, метафизическом смысле, обозначающие начало мира, причем море в особенности представляется как $\pi\alpha\mu\mu\eta\tau\eta\rho$, «матка всех созданий»⁶. Первоматерию часто называют aqua pontica. Соль, «возникшая из морского минерала», горька по самой своей природе, но горечью также обязана и нечистоте несовершенного тела. Плутарх объясняет это явное противоречие тем, что египтяне считали море чем-то нечистым и ненадежным ($\mu\eta\delta\epsilon\ \sigma\acute{o}\mu\phi\upsilon\lambda\omicron\nu\ \alpha\upsilon\tau\eta\varsigma$), а также владением Тифона (Сета); они называли соль «пенной Тифона»⁷. В своей «Philosophia reformata» Милиус упоминает «морскую пену» вместе с «очищенным или

¹ Art. aurif., I, p. 316. Ср. также Ros. phil. /Art. aurif., II, p. 258; *Mylius. Phil. ref.*, P-249; Tract. Aureus/Arschemica, pp. 11f.

² Phil. ref., p. 244. То же в Ros. phil., p. 248.

³ P. 222.

⁴ Mus. herm., p. 328 (Waite, I, p. 263f).

⁵ Цитата в «Turba» из пятнадцатой проповеди Флирита (или Фикта — Сократа).

⁶ *Ruska. Turba philosophorum*, p. 124f.

⁷ Ср. Психология и алхимия, § 56 ел., 476.

Об Исиде и Осирисе, 32 / *Moralia*, V, pp. 78f.

вычищенным» морем, горной солью, птицей и Луной как эквивалентным синонимом *lapis occultus*¹. Здесь на нечистоту моря опосредованно указывают эпитеты «очищенный» или «вычищенный». Морская пена в данном случае упоминается наравне с солью и — что особенно любопытно — с птицей (естественно, с птицей Гермеса), и это проливает внезапный свет на вышеприведенный отрывок из «Rosinus» о птице с горечью в горле. Птица — параллель соли, йедь соль — это дух², летучее вещество, которое алхимики имели обыкновение представлять в образе птицы.

Поскольку изгнание духа осуществлялось посредством различных способов горения (*combustio, adustio, calcinatio, assatio, sublimatio, incineratio* и т.д.), конечный продукт было естественно назвать «золой» — снова в двойном смысле как *scoria* [металлический шлак], *faex* [осадок] и т.д., как дух птицы Гермеса. Так, в «Rosarium» указывается: «Осуществляй возгонку над огнем, пока дух, который ты желаешь найти в нем [веществе] не выйдет прочь из него, и это будет птица или пепел Гермеса. Посему сказал Мориенус: «Не презирай прах, потому что он венчает сердце твое, и пепел вещей, которые выдерживают испытание временем»³. Иными словами, пепел есть дух, живущий в прославленном теле.

Эта птица или дух ассоциируются с разными цветами. Сначала птица черная, потом у нее вырастают белые перья, которые в конце концов становятся цветными⁴. Китайская сестра *avis Hermetis* [птицы Гермеса], «алая птица», меняет оперение подобным же образом⁵. В

¹Текст — это поэма, цитируя которую, Милиус обращается к старому источнику. Вот наиболее важные отрывки:

Это тайный камень, скрытый в глубоком колодце
Беспольный и отвергнутый, спрятанный в грязи... И
этот камень — птица, но и не камень, и не птица... .. то
морская пена или укус,

То вновь камень (*gem*) из соли, Альмисадир обычной соли...

То море, вымытое и очищенное серой.¹³⁰¹

Phil, ref., p. 305. В то время слово *gemma* означало просто «камень». Ср. *Руланд. Lexicon*, pp. 24If.

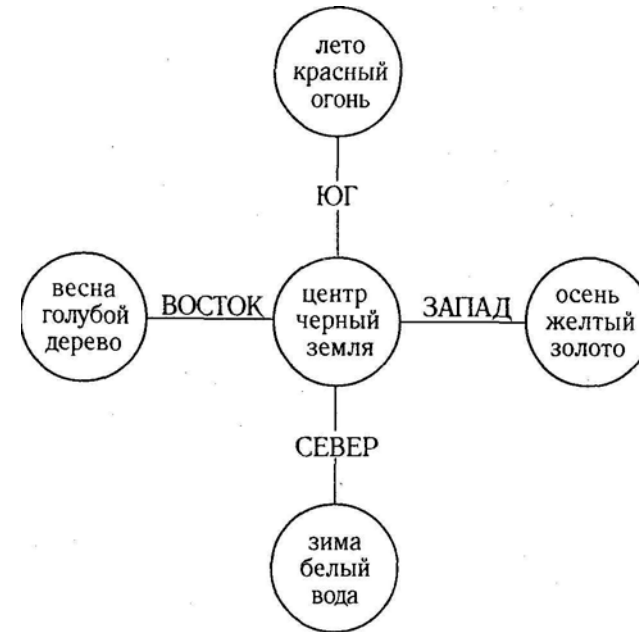
²См. выше: «Наш камень наделен сильнейшим духом».

³Art. aurif., II, pp. 282f.

⁴Ср. Rosencreutz. Chymical Wedding, p. 155.

⁵Феникс, западный аналог чуждо-птицы, представлен у Майера ярким и многоцветным: «Его шея охвачена золотым сиянием, а перья на всем остальном теле — пурпурные».^{113,1} *Symb. aur. mensae*, p. 598.

трактате Вэй Пу-яня говорится: «Порхающая Ху-Ньяо сменяет пять цветов»¹. Они располагаются следующим образом:

Земля в качестве пятого элемента занимает центральное положение, хотя она не является квинтэссенцией и целью работы, а скорее ее основой, соответствуя terra как арканной субстанции в западной алхимии².

Что касается происхождения и значения *avis Hermetis*, то я хотел бы вспомнить сообщение Элиана о том, что ибис «дорог Гермесу, отцу слов, потому что своим видом напоминает природу Логоса; из-за черных головы и хвоста и быстроты полета его можно сравнить с безмолвным и сосредоточенным (ἔνδον ἐπιστρεφόμενον) Логосом, но белизна его говорит о том Логосе, что является служителем и посланником внутреннего мира»³.

¹ Isis, XVIII, pp. 218, 258.

² Странно, что издатели Вэй Пу-яня не видели фундаментальной аналогии между китайской и западной алхимией. На самом деле их сходство поразительно.

³ De natura antimalium, X, 29 (ed. Hercher, I, p. 257).

Для современного сознания нелегко представить соль, холодно-влажное, лунно-земное вещество, в виде духа или птицы. В понимании китайцев, дух — это ян, огненный и сухой элемент, что соответствует взглядам Гераклита, а также христианской концепции Святого Духа как огненных языков. Луна, как мы видели, несомненно, связана с *mens* [умом], *manas*, духом в смысле разума и т.д. Но природа этих связей неясна. Хотя земля может похвастаться земным духом и другими демонами, они, в конце концов, «духи», а не «дух». «Холодная» сторона природы не испытывает недостатка в духе, но сама является духом особого рода, который христианство считает демоническим и который поэтому не приветствуется нигде, кроме царства магических искусств и наук. Дух этот — змееподобный Нус или Агатовый демон, который в эллинистическом синкретизме связывается с Гермесом. Христианская аллегория и иконография также использовала его, основываясь на Евангелии от Иоанна, 3:14: «...И как Моисей вознес змею в пустыне...». Меркури-анский змей, или «дух Меркурий», представляет собой персонификацию и живое продолжение духа, к которому в молитве, озаглавленной «Тайная надпись» и приведенной в Парижском Великом Магическом Папирусе, обращаются со следующими словами:

Поклон тебе, совершенная природа Духа воздуха, поклон тебе, Дух, пронизывающий все от небес до земли и от земли, пребывающий в сердце вселенной, вплоть до отдаленнейших пределов первичного хаоса, поклон тебе, Дух, охватывающий и потрясающий меня... Поклон тебе, начало и конец неизменной Природы, поклон тебе, движущий стихии, чья служба неутомима, поклон тебе, ярко сияющее солнце, чьи лучи служат миру, поклон тебе, луна, сверкающая ночью, подобно диску с меняющейся яркостью, поклон вам, все духи демонов воздуха... О великая, величайшая, непостижимая ткань мира, чья форма — круг! ...пребывающий в эфире, принимающий вид земли, огня, воздуха, света, тьмы, блистающий, подобно звездам, влажно-огненно-холодный Дух! [ὕρο πύρινο ψυχρὸν πνεῦμα]¹.

Здесь мы встречаем великолепное описание духа, со всей очевидностью противоположного христианской пневме. Этот древний дух представляет также и дух алхимии, который сегодня мы можем интерпретировать как бессознательное, проецированное в небесное пространство и на внешние объекты. Хотя ранние христиане объявили его дьяволом, его, однако, нельзя считать тождественным злу; просто он обладает неудобным свойством существа, находящегося по ту сторону добра и зла, и наделяет этим опасным качеством каждого, кто отождествляет себя с ним, что мы можем наблюдать на примере с Ницше и последовавшей за этим психической эпидемии. Дух этот, находящийся «по ту сторону доб-

¹ *Preisertdanz*. *Papyri Graecae Magicae*, I, p. 1 lOff. Pap. IV, 1115-66.

ра и зла», не парит «в шести тысячах футах над добром и злом», но, скорее, находится на том же расстоянии под ними или, точнее, перед ними. Это дух вод первичного хаоса перед вторым днем Творения, перед разделением противоположностей и, следовательно, перед пришествием сознания. Вот почему он ведет охваченных им не вперед и выше, а назад, в хаос. Этот дух соответствует той части психики, которая не воспринята сознанием и чья трансформация и интеграция являет собой результат долгого и изнурительного труда (опуса). Мастер, безусловно, в должной мере осознавал опасности своей работы и поэтому в его операциях значительное место отводилось предосторожностям, эквивалентным церковным ритуалам.

Алхимики считали возвращение в хаос существенной частью опуса. Это были стадии *nigredo* и *mortificatio*, за которыми следовали «очищающий огонь» и *albedo*. Духхаоса незаменим в работе, и его можно отличить от «дара Святого Духа» не в большей степени, чем Сатану Ветхого Завета можно отличить от Яхве. Сознание является и добрым, и злым, и тем не менее никаким, ибо оно содержит в себе все возможности.

После этого необходимого, на мой взгляд, отступления о «соляном духе» (как называл его Кунрат) вернемся к *amaritudo*. Поскольку горькая соль происходит из нечистого моря, становится понятным, почему в «*Gloria mundi*» ее должны называть «изначально самой черной и пахнущей злом»¹. Чернота и дурной запах, описанный алхимиками как «могильное зловоние», принадлежит нижнему миру и сфере нравственного невежества. Нечистота свойственна также *coarctio*, которое, как мы помним, Рипли приравнивает к горечи. Вигенер описывает соль как «подверженную тлению», в том смысле, что тело есть субъект тления и распада и не обладает огнем и нетленной природой духа².

Использование в моральной сфере свойств, которые изначально имели физическую природу, со всей ясностью зависит (а в особенности у духовных лиц, подобных Рипли) от церковного языка. Здесь я могу быть краток, поскольку смею полагаться на значительный труд Ранера «*Antennae Stucis II: Das Meer der Welt*». Ранер сводит вместе все патристические аллегории, необходимые для понимания алхимического символизма. Патристическое употребление слова «*mare*» определено св. Августином следующим образом: «*Mare saeculum est*» (море есть мир)³. Оно — «сущность мира, будучи стихией... подчиненной дьяволу». Св. Иларий говорит: «Говоря о глубинах моря, подразумевают местоположение ада»⁴.

¹ Mus. herm., p. 216 (Waite, I, p. 176). «Духовному [телу] соответствует огонь, тленному [телу] — соль». ¹¹³²¹ — *De 'gne et sale / Theatr. chem., VI, p. 7.*

Толкование Псалтири: Ps. 92:7, IV, p. 340. [В русском тексте - 94:5].⁴
Tractatus super Psalmos, 68, 28 (Migne, P.L., vol. 9, col. 487)¹³³¹

Море — «темная бездна», остатки первоначальной преисподней¹, а значит, и хаоса, покрывавшего землю. Для св. Августина этот хаос тождествен царству, предназначенному дьяволу и демонам после их падения². С одной стороны, оно — «глубина недостижимая и непостижимая»³, а с другой — «глубины греха»⁴. Для Григория Великого море — «глубины вековечной смерти»⁵. С древних времен оно было «жилищем водных демонов»⁶. Там обитает Левиафан (Книга Иова, 3:8)⁷, который на языке отцов церкви означает дьявола. Ранер выводит патристические уравнения: *diabolus* = *draco* = Левиафан = *setus magnus* [великий кит] = *aspis* (гадюка, аспид) = *draco*⁸. Св. Иероним говорит: «Дьявол охватывает все моря и океаны»⁹. Горечь соленой воды уместна здесь, так как это одна из особенностей ада и проклятия, которое должно быть полностью прочувствовано созерцателем в «Упражнениях» Лойолы. В четвертом пункте пятого упражнения сказано, что созерцатель должен «почувствовать вкус горьких вещей, таких как слезы, печаль и угрызения совести»¹⁰. Еще более ярко это выражено в «Духовных упражнениях» иезуита Себастьяна Изкердо (1686): «В-четвертых, чувства могут быть раздражены сильнейшим голодом и жаждой, без надежды на облегчение, и пища для них станет горше полыни, а вода будет из желчи»¹¹.

с. Красное море

Вероятно, одним из алхимических парадоксов является то, что Красное море, по контрасту со значением, обычно придаваемому слову «*mare*», обозначает целебную и преобразующую крестильную воду¹²,

¹ *Rahner. Antennae Crucis II*, p. 105.

² Толкование Псалтири: Ps. 148:9, VI, p. 424 (Migne, P.L., vol. 76, col. 1943).

³ *Ibid.*, II, p. 193: *Profunditas aquarum impenetrabilis*.

⁴ *Ibid.*, I, p. 412: *Profunditas peccatorum*.

⁵ *Homiliae in Evangelia*, 11, 4 (Migne, P.L., vol. 76, col. 1116): *Aeternae mortis profunda*.

MM. *Die Apologie des Apuleius*, S. 257(183). —

⁷ Септуагинта называет Левиафана *צָדָוּ חִיָּתוֹ* (великим китом).

⁸ «*Antennae Crucis II*», p. 108.

⁹ *Epistula II ad Theodisium*, p. 12, см. *Opera, Sectio I, Pars I, Epistolarum Pars U*¹³⁴;

¹⁰ *Spiritual Exercises*, p. 41¹³⁶¹

¹¹ *Practica di alcuni esercitij Spirituali di S. Ignatio, / Escercitio dell'Inferno*, Н. р. 61¹³⁶⁶ Заключительные слова напоминают Книгу пророка Иеремии, 23:15: «Вот, я накормлю их полынью и напою их водою с желчью».

¹² *Doelger. Antike und Christentum*, II, p. 63ff.

и) таким образом, оказывается эквивалентным алхимической aqua rontica. Св. Августин говорит: «Красное море обозначает крещение»¹;
 и) согласно Гонорию Отенскому: «Красное море — это крещение, окрасившееся кровью Христовой, в котором тонут наши враги, то есть наши грехи»².

Мы должны также вспомнить иератическую интерпретацию Красного моря. Красное море утопило египтян, но египтяне все были «незнающими» (οἱ ἀγνοοῦντες). Исход из Египта символизировал исход из тела, которое было Египтом в миниатюре, будучи инкарнацией греховности, и переправа (περᾶσαι)³ через Красное море есть переправа через воды разложения, которые представляют собой Хронос. Другой берег Красного моря — это другой берег Творения. Прибытие в пустыню — «бытие вне времени» (ἔξω γενέσεως γενέσθαι). Здесь рядом существуют «боги разрушения» и «бог спасения»⁴. Красное море несет воды смерти для тех, кто «бессознателен», но для «сознательных» это крестильные воды возрождения и возвышения⁰. Под «несознательными» понимаются те, в ком нет знания, т.е. те, кто не просвещен относительно природы и судьбы человека во вселенной. На современном языке так можно было бы назвать тех, кто не обладает знанием о содержании индивидуального и коллективного бессознательного. Личное бессознательное — это тень и низшая функция⁶, в гностических терминах — греховность и нечистота, которые должно смыть крещением. Коллективное бессознательное выражается в мифологических учениях, характерных для большинства тайных религий, открывающих сокровенные знания о происхождении всех вещей и путях спасения. «Несознательные» люди, стремящиеся пересечь море без очищения и водительства просвещения, тонут; они погружаются в бессознательное и претерпевают духовную смерть в той мере, в какой они не в состоянии преодолеть свою односторонность. Чтобы сделать это, они должны в большей степени осознавать то, что является бессознательным для них и их поколения, прежде всего о своих внутренних противоположностях, то есть о тех своих содержаниях, которым каким бы то ни было образом противоречат преобладающие взгляды-

¹ Тракта́т о Евангелии от Иоанна, XXV, 9, II, с. 80¹³⁷¹

² Speculum de misteris ecclesiae, (Migne, P.L., vol. 172, col. 921)¹³⁸¹

³ Отсюда название гностической секты «периатики».

⁴ Hypolytus. Elenchos, V, 16,4f.

⁰ Для каждого определенного периода времени или слоя общества характерен свой уровень или порог сознания, который можно сравнить с уровнем воды. Уровень бессознательного поднимается там, где падает уровень сознания, и наоборот. Все, что находится вне сознательного поля видения, остается невидимым и формирует содержание бессознательного.

⁶ Ср. Психологические типы, 30.

ды. Этот продолжительный процесс познания противоречий в бессознательном я назвал «трансцендентной функцией»¹, поскольку конфронтация сознательных (рациональных) данных с бессознательными (иррациональными) неизбежно приводит к изменению точки зрения. Но изменение возможно, только если существование «иного» признается, по крайней мере, в той степени, в какой сознание может его распознать. Современный христианин, например, больше не должен упрямо держаться одностороннего взгляда, но должен признать тот факт, что христианство уже четыреста лет находится в состоянии раскола, в результате чего у каждого отдельного христианина психика расщеплена. Естественно, это повреждение невозможно лечить и вылечить, если пациент будет настаивать на собственных взглядах. Укрываясь за этими барьерами, он может радоваться своим стойким убеждениям и считать, что пребывает над схваткой, но, переступив их, будет раздувать конфликт своей непримиримостью и продолжать порицать глупость и упрямство всех остальных. Похоже, христианство с самого начала было религией постоянных распрей, и даже теперь оно делает все, что в его силах, дабы не позволить ссорам угаснуть. Весьма удивительно, что при этом оно не перестает проповедовать любовь к ближнему.

Мы могли бы уживаться друг с другом намного лучше, если бы понимали, что склонны преуменьшать у себя недостатки, которые преувеличиваем у «других». Вооружившись этой психологической концепцией, которая сегодня уже не выглядит откровением, поскольку воспринимается здравым смыслом, мы можем выйти на путь единства противоположностей и затем, как в ператической доктрине, прийти туда, где «боги разрушения и бог спасения пребывают вместе». Но это со всей очевидностью обозначает деструктивные и конструктивные силы сознания. Это *coincidentia oppositorum* образует параллель с мессианским утверждением о полноте, записанным в Книге Исайи, 11:6 ел. и 35:35 ел., хотя с одним существенным отличием: место «бытия вне времени» — вероятно, *opus contra naturam* — явно не рай, а «ертцод, пустыня и дикость. Каждый, кто осознает хотя бы часть своего бессознательного, выпадает из своего собственного времени и социального уровня в некий вид одиночества, как отмечает наш текст. Но лишь там можно встретить «бога спасения». Свет сияет во тьме, и приходит спасение от опасности. В своей проповеди, посвященной Евангелию от Луки, Мейстер Экхарт говорит: «И разве можно быть благороднее человека, стремящегося к высочайшему и наилучшему из миров, которому должно молиться, и разделяющему сокровенные основы Божьей природы и Божьего одиночества? Поэтому Господь рек пророку Осии: Я поведу благородные души в пустыню, дабы говорить в серд-

¹ Психологические типы, 51 (§ 828). См. также Трансцендентная функция.

цах их. Единый с Единым, Единый из Единого, в самом Едином Единый, во веки веков!»¹

Я столь обширно комментировал текст Ипполита потому, что Красное море имело для алхимиков особое значение. В проповеди LXII «Turba» упоминается «тирская краска, полученная из самого чистого Красного моря». Это параллель *tinctura philosophorum*, которую описывают как черную и выделенную «из моря»². Старинный трактат «Rosinus ad Euthiciam» говорит: «Знайте, что нашему Красному морю больше всех других присуща тинктура, и что его яд³, будучи уже приготовленным и сделавшись ужасным и нечистым, пропитывает все тела»⁴. Тинктура, которая означает «жидкость» и крестильную воду алхимиков, как заявляется здесь, приходит из Красного моря. Эта идея понятна с точки зрения патристич^еской и гностической интерпретации Красного моря как крови Христовой, в которой мы крестимся; отсюда параллелизм тинктуры, соли и *aqua pontica* с кровью⁵.

Красное море весьма необычно появляется в «Tractatus Aristotelis ad Alexandrum Magnum», где приведен нижеследующий рецепт:

Возьми змея и помести его на колесницу с четырьмя колесами, и пусть она движется по земле, пока не погрузится в пучину моря, и ничего больше не будет видно, кроме чернейшего мертвого моря. И пусть колесница остается там до тех пор, пока от змея не поднимется столько испарений, что Вся поверхность [planities] высохнет, а после высушивания станет песчаной и черной. Это земля, которая не является землей, а камнем, потерявшим свой вес... [А когда испарения осядут в виде дождя], тебе следует вынести колесницу из воды на сухое место, установить на ней ее четыре колеса и ты добьешься цели, если продвинешься дальше в Красное море, плывя без плавания, двигаясь без движения [*currens sine cursu, movens sine motu*]⁶.

Этот любопытный текст требует небольшого разъяснения. Змей — это первоматерия, *Serpens Hermetis*, «которого он [Гермес] послал Царю Антиоху, чтобы тот мог биться с тобой [Александром] и твоей

¹ Данный отрывок соотносится с 13:5 Книги Осии: «Я признал тебя в пустыне, в земле жаждущей».

² Ed. *Ruska*. Turba, p. 164.

³ *Venerum* или *rdpn* — синоним тинктуры.

⁴ Art. aurif., I, p. 272.

⁵ *Gloria mundi / Mus. herm.*, p. 216: «Во время деяния она становится подобной крови».

⁶ В заглавии далее стоит: «Olim conscriptus et a quodam Christiano Philosopho collectus» (Написано в давние времена и собрано одним христианским философом). — *Theatr. chem.*, V, p. 880ff.

армией»¹. Змей помещен «на колесницу, что находится на корабле и запечатана со всех сторон четырехкратным чередованием сущностей, но должна быть тщательно охраняема». Корабль или судно — это «сферическая могила» змея². Четырехкратное чередование сущностей соответствует древней тетрамерии опуса (его подразделению на четыре части), то есть последовательной трансформации четырех стихий, от земли до огня. Данная символика кратко описывает основные части опуса: змей Гермеса или Агатовый демон, Нус, одушевляющий холодную часть натуры — то есть бессознательное — заключен в сферический сосуд из прозрачного стекла, который с алхимической точки зрения символизирует мир и душу³. Психологу это показалось бы скорее психическим отражением мира, а именно *сознанием* мира и души (психе)⁴. Трансформация соответствует психическому процессу ассимиляции и интеграции посредством трансцендентной функции⁵. Данная функция объединяет пары противоположностей, которые, как показывает алхимия, представляя целостность, организованы в виде четверицы. Целостность является в четверичной форме не как факт бессознательного, но как осознанная и дифференцированная целокупность; например, когда о горизонте не думают, как о круге, разделенном на любое число секторов, а как о состоящем из четырех ясно определяемых точек. Соответственно, одна данная личность может быть представлена сплошным кругом, тогда как личность, наделенная сознанием, может быть кругом, разделенным определенным способом, и вообще превращается в четверицу. Четверица основных функций сознания сталкивается с этим требованием. Поэтому ожидается, что колесница должна иметь четыре колеса⁶, соответствующие четырем стихиям. Колесница как сферический сосуд и сознание зиждется на четырех элементах основных функций⁷, так же как плавучий остров Делос, родина Аполлона, поддерживается четырьмя опорами, которые создал для него Посейдон. Колеса, естественно, находятся вне колесницы, они при-

¹ Здесь автор добавляет (с. ^86): «Лучше получить удовольствие от опуса, чем от сокровищ или виртуозной работы (*virtuoso labore*)». ¹¹³⁹¹ Редкое слово «виртуозный» эквивалентно греческому *Evapetoq*.

² *Ibid.*, p. 885.

³ В своей проповеди о «сосуде из кованого золота» (Еккл. 50:9) Мейстер Экхарт говорит: «Я произнес слово, которое можно сказать о Святом Августине или любой добродетельной душе, что она (душа) подобна золотому сосуду, массивному и крепкому, украшенному драгоценными камнями».

⁴ Круглым должен быть не только сосуд, но сжигаемое «топливо». «Топливо» делается из *finus equinus* (конского навоза). Ср. Evans, I, p. 50.

⁵ Ср. Психологические типы, def. 29 и §828 и; Трансцендентная функция.

⁶ Ср. Психология и алхимия, § 469.

⁷ Ср. Два очерка по аналитической психологии, § 367.

водят ее в движение, так же как функции сознания облегчают взаимоотношения психики с ее окружением. Следует, однако, подчеркнуть, что известная нам сегодня так называемая схема функций была архетипически оформлена как одна из древнейших упорядоченных структур, известных человеку, то есть четверица, которая всегда представляла сознательно помысленную и дифференцированную целостность. Не говоря уже о своей почти повсеместной встречаемости, она спонтанно является в снах, выражая полноту и цельность личности. И «Колесницу Аристотеля» можно понимать в этом смысле как символ самости.

Далее в рецепте говорится, что символический корабль должен быть погружен в море бессознательного для нагревания и инкубации¹, соответствующего состоянию *taras*², инкубации посредством «самонагревания». Этим, очевидно, обозначено состояние самососредоточенности, при котором идет размышление над содержанием бессознательного и его усвоение. Во время этой операции все отношения с внешним миром прерываются; органы восприятия и интуиции, распознавания и оценки не работают. Четыре колеса «установлены на колесницу»: во внешнем мире спокойствие и тишина, но глубоко внутри души колеса продолжают вращаться, выполняя то циклическое движение, которое определяет мандалу целостной личности³, основной план самости, близкий сознанию. Но пока сознание не завершило процесс интеграции, оно покрыто «чернейшим мертвым морем», затемнено бессознательным и угнетено жарой, как герой в чреве кита, плывущего по ночному морю⁴. Во время инкубации змееподобное содержимое испаряется, буквально — «сублимируется», иными словами, узнается и становится объектом сознательного распознавания.

За «испарением» следует «высушивание поверхности», которая затем становится «песчаной и черной». Здесь образы сменяются: аллюзия на спадающее наводнение психологически означает, что исчезает черный занавес бессознательного, который скрывал возникающие символы. «Арена» (песок) определяется как «чистое вещество камня»⁵, и,

¹ Ср. нагревание и выдерживание философов в тройном стеклянном доме в видении Арислея (*Ruska. De vision des Arisleus, Historische Studien und Skizzen zu Natur- und Heilwissenschaft, S. 22ff.*; ср. Психология переноса, § 455 и прим. 22),

² *Tana* — это технический термин, означающий «самоинкубацию» («вынашивание») в состоянии *дхьяны*.

³ О психологии мандалы см. Комментарий к *Тайне золотого цветка*, § 31 ел.; Психология и алхимия, § 122 ел.; Исследование процесса индивидуации; О символизме мандалы.

⁴ См. Символы трансформации, § 308 ел., и видение Арислея, которое кажется прототипом мотива царя в купели из пота.

⁵ *Ruland. Lexicon*, p. 37.

соответственно, текст описывает восстановленную землю как «камень, лишившийся всего веса». Текст не объясняет точно, почему земля становится невесомой, но очевидно, что в ней не остается ничего материального, имеющего вес, а все, что осталось, это психическое содержание проекции.

Опус далек от того, чтобы завершится на этом этапе, ведь *nigredo* (*terra nigra*) все еще преобладает и вещество камня еще черное. Поэтому необходимо, чтобы «испарения» (*evaporationes*) выпали в осадок и смыли черноту, «и тогда вся земля побелеет». Дождь теперь становится таким сильным, что почти вся земля превращается в море. Отсюда указание, что колесницу необходимо вынести на сухую землю. Это, как очевидно, еще одна аллюзия на Ноев ковчег и потоп¹. С приходом потопа первоначальное состояние хаоса могло вернуться, и в результате опус вновь засосало бы бессознательное. Этот мотив повторяется в мифе о драконе, преследующем Лето, и в словах Откровения (12:1) о жене в венце из звезд.

Если колесница достигает суши, это явно означает, что содержание стало видимым и остается осознанным, «и затем, — говорится в тексте, — установите колеса на колесницу»². Четыре сущности, или стихии, собирают вместе и помещают в сферический сосуд, то есть, четыре аспекта или функции интегрируются в сознание, так что почти достигается целостность. Здесь, на этом этапе, опус действительно мог бы завершится, но «результат» (*effectus*) можно получить, только продвигаясь вперед. Ибо «результат» означает нечто большее, чем интеграция четырех сущностей. Если посчитать, что загрузка колесницы символизирует сознательную реализацию четырех функций, то в действительности это указывает только на возможность осознания всего предварительного материала, то есть принципиальных аспектов психики. Затем возникает вопрос, как поведут себя все эти дивергентные факторы, ранее державшиеся порознь из-за явно непреодолимой несовместимости, и что будет делать с ними это.

Необычный образ Нуса-змея, возведенного на колесницу, напоминает нам колесницу змееподобных богов южной Индии, например, величественный черный замок в Пури, который сам предстает в виде каменной колесницы. Это, разумеется, не означает, что наш текст испытал

¹ Весьма примечательно, что изображение четырехколесной колесницы, относящееся к двенадцатому веку (см. ниже), было снабжено подписью: «*Foederis ex area Christi cruce sisitur ara*» (Из ковчега завета возведен алтарь у распятия Христа).

² «*Plastrum*» также означает небесную колесницу, Большую Медведицу (*Ursa Major*, или Ковш). Данное созвездие отмечает полюс мира, который играет большую роль в истории символов. Это модель структуры самости.

на себе какое-то индийское влияние, ведь под рукой существует другая, более близкая модель, а именно видение Иезекииля, когда ему поочередно явились четыре создания, с человеческим лицом, львиной головой, головой быка и головой орла. Эти четыре фигуры ассоциируются с четырьмя колесами, «и по виду их и по устройению их казалось, будто колесо находилось в колесе. Когда они шли, шли на четыре свои стороны; во время шествия не оборачивались»¹. Вместе они образуют движущийся трон фигуры, имеющей «человеческий облик». В Каббале эта колесница (Меркаба) играет важную роль сосуда, в котором верующие восходят к Богу и душа человека соединяется с мировой душой.

Интерпретацию четырех колес как квадриги и божественного сосуда можно найти в оконном медальоне Суже, мастера двенадцатого века, который создал витраж для аббатства Сен-Дени². Колесница, обведенная надписью «QUADRIGE AMINADAB», отсылает нас к Песни Песней, 6:12: «...душа моя влекла меня к колесницам знатных народа моего»³. Бог-Отец стоит на четырехколесной колеснице, держа перед собой распятие. В углах медальона расположены четыре эмблемы евангелистов, христианских продолжений крылатых созданий Иезекииля. Четыре евангелия как бы формируют четырехчастный подиум, на котором стоит Спаситель.

Еще одним источником можно считать Гонория Отенского. В своем комментарии к Песни Песней (6:11) он говорит, что его «animalis vita» [душевная жизнь] была нарушена из-за колесницы, символизирующей четырех евангелистов. Эта была та самая колесница, которую апостолы и их последователи вели по всему миру. Ибо Христос сказал: «Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все также погибнете» (Евангелие от

¹ Иез. 1:16-17. Ср. подобное видение у Захарии, 6:1: «...вот, четыре колесницы выходят из ущелья между двумя горами...». Кони первой колесницы рыжие, второй — вороные, третьей белые, а четвертой — пегие (или серые), (в Вульгате: «vari et fortes»). Кони эти суть «четыре духа небесных» и выходят к четырем сторонам света. Замечательную параллель этого видения см. у *Neihardt*. *Black Elk Speaks, being the Life Story of a Holy Man of the Ogalala Sioux*, p. 23. В видении черного лося двенадцать черных коней движутся на запад, двенадцать белых — на север, двенадцать гнедых — на восток, и двенадцать серых — на юг.

² Male, *L'Art religieux du XIIeme siecle en Frange*, p. 182.

³ Текст Вульгаты здесь искажен. [В Вульгате — «...была встревожена колесницами Аминадава» — *Пер.*] В еврейском оригинальном тексте стоит именно: «Душа моя влекла меня к колесницам Аминадава». Существует множество интерпретаций Данного отрывка, я называю только Ривкаха Шэрфа (*Riwkah Scharf*): Меркаба может быть также солнечной колесницей (4-я Книга Царств); Аминадав — царское имя, происходящее от Аммон, 'Амм, 'Амми (имя семитского бога), и вданном случае, возможно, перенесенное на солнечную колесницу.

Луки, 13:3). И это к нему, Гонорию, обращены слова: «Оглянись, оглянись, Суламита» (Песнь Песней, 7:1)¹.

Психологически видение Иезекииля есть символ самости, состоящей из четырех индивидуальных творений и колес, то есть, из различных функций. Три из них териоморфны и только одна антропоморфна, а это, возможно, означает, что лишь одна из функций достигла человеческого уровня, тогда как другие все еще находятся в бессознательном или животном состоянии. Проблема тройки и четверки (троицы и четверицы) играет огромную роль в алхимии как «аксиома Марии»² и, подобно видению Иезекииля, связана с образом Божьим. Символы самости являются, как правило, символами целостности, полноты, и только изредка символами истинного образа Божьего. Раньше преобладал круг и четверица, позже — круг и троица, да и то только в случае абстрактных представлений, а речь идет не только о них.

Эти намеки могут пролить немного света на странную идею змеиной колесницы. Она служит символом арканной субстанции и квинтэссенции, эфира, в котором содержатся все четыре стихии, и в то же самое время — образа Божьего или, точнее, образа *anima mundi*. На это указывает змей Меркурия, который, в свою очередь, трактуется алхимиками как «дух жизни, пребывавший в колесах»³. Мы должны также упомянуть, что, согласно Иезекиилю (1:18), взаимно вращающиеся колеса «полны были глаз». Поэтому старые иллюстраторы в своих попытках изобразить видение рисуют нечто напоминающее астролябию. Представление о колесах естественно связано с движением во всех направлениях, ибо «...очи господа... объемлют взором всю землю» (Книга Захарии, 4:10). Это также сказано и о конях, что они «прошли землю» (Книга Захарии, 6:7). Глаза имеют сферическую форму и в обыденной речи подобны «тележным колесам». Они тоже выглядят типичным символом того, чему я дал название «множественного света бессознательного». Под этим термином я понимаю кажущуюся возможность того, что комплексы обладают родом сознания, своим собственным светом, который, как я предполагаю, выражается в образе души-искры, множественных глаз (*poliophthalmia*) и звездного неба⁴.

Благодаря своей «соляной» природе глаз является символом сознания и, соответственно, множественные глаза означали бы множе-

¹ Для Гонория эти слова, разумеется, несли моральный смысл «возвращения». См. *Expositio in Cantica Cant.* (Migne, P.L., vol. 172, col. 462).

² В этой связи алхимики часто вспоминали о трех мужах в печи огненной, Дан. 3:20 ел.

³ Вульгата: «*Quia spiritus vitae erat in rotis*», Книга Иезекииля, 1:20. Ср. Психология и алхимия, § 471.

⁴ Ср. О природе психики, § 395 ел.

ственность сознательных центров, скоординированных, подобно много-фасеточному глазу насекомого. Поскольку видение Иезекииля можно психологически интерпретировать как символ самости, мы можем также в этой связи вспомнить индийское определение самости — в данном случае *hiranyagarbha* — как «общую совокупность всех индивидуальных душ»¹.

Видение Иезекииля психологически важно потому, что олицетворенная в нем четверица есть сосуд или трон того, кто имеет «человеческий облик». Вместе с «духом жизни» в колесах он представляет эмпирическую самость, целокупность четырех функций. Эти четыре функции только частично принадлежат сознанию. «Подчиненная», или подсознательная, функция автономна полностью, а вспомогательные функции — частично; они не могут быть использованы осознанно и достигают сознания лишь косвенно, становясь *fait accompli* [свершившимся фактом (фр.)] посредством своих, иногда раздражающих, импульсов. Их специфическая энергия добавляется к нормальной энергии бессознательного и, следовательно, придает ей импульс, который способствует ее спонтанному проникновению в сознание. Как мы знаем, такое проникновение можно систематически наблюдать в ассоциативных экспериментах².

Четверица самости появляется в видении Иезекииля как подлинное психологическое обоснование идеи Бога. Бог использует ее как свой сосуд. Психолог может верифицировать структуру этого обоснования, но последнее слово остается за теологом. Чтобы прояснить любые недоразумения, особенно с теологической стороны, я должен еще раз подчеркнуть, что не дело науки строить выводы, выходящие за пределы нашего эмпирического знания. Я не испытываю ни малейшей нужды ставить самость на место Бога, что близорукие критики часто ставят мне в вину. Если индийские философы приравнивают атман к концепции Бога и многие западные мыслители копируют их, то это просто их субъективное мнение, а не наука. *Consensus generalis* [общераспространенный взгляд] на этот счет мог бы сам по себе быть еще одним фактом, который для эмпирического психолога достоин рассмотрения в той же степени, что и примечательные взгляды многих теологов, чьи религиозные утверждения не имеют ничего общего с психикой. Для мистической философии алхимиков также характерно, что змей Меркурия возведен на колесницу. Это живой дух, в качестве колесницы использующий тело, состоящее из четырех первоэлементов. В этом смысле колесница есть символ земной жизни. Одна грузинская сказка завершается стихами:

¹ Комментарий *Рамануджи* к Веданта-Сутрам (SBE, XLVIII), p. 578.

² Ср. Анализ ассоциаций при эпилепсии.

Я втянул повозку на гору, Она
стала подобной горе. Призови
меня из этой жизни Наверх, к
вечности¹.

Как я говорил, процесс трансформации не завершается созданием четверичного символа. Продолжение опуса приводит к опасной переправе через Красное море, что означает смерть и возрождение. Весьма примечательно, что наш автор своим парадоксом «плывя без плавания, двигаясь без движения» вводит понятие совпадения противоположностей именно в этом месте, и то, что говорится в тексте Ипполита, равно парадоксально, потому что «боги разрушения и богоспасения» пребывают вместе. Четверица, как мы видели, есть четверка противоположностей, синтез четырех изначально разделенных функций. Здесь их синтез достигается в образе, но в психической реальности становится сознанием цельной души (психе)², ставя нас перед весьма проблематичной ситуацией. Мы можем обрисовать её простым вопросом: что мне делать с бессознательным?

Для его разрешения, к несчастью, не существует рецептов или общих правил. В моей работе «Отношения между эго и бессознательным» я попытался в основном обрисовать то, что может наблюдать психотерапевт в этом скучном и слишком знакомом процессе. Для неспециалиста эти опыты остаются terra incognita, которую нельзя сделать более доступной при помощи широких обобщений. Даже воображение алхимиков, в других случаях столь богатое, здесь полностью отсутствует. Лишь исследование текстов может пролить немного света на данную проблему. Та же задача требует наших усилий в области психотерапии. Здесь также присутствуют тысячи образов, символов, снов, фантазий и видений, все еще ожидающих сравнительного исследования. Единственная вещь, о которой можно говорить с некоторой определенностью, это то, что при постепенном процессе сближения двух позиций, сознательной и бессознательной, обе они изменяются. Различия в индивидуальных случаях, однако, столь же велики, как и среди алхимиков.

d. Четвертый из трех

Во время своих мистических странствий³ Майер добрался до Красного (Эритрейского) моря, и вот каким образом: он путешествовал в че-тырехнаправлениях: в северном (в Европу), в западном (в Америку), в

¹ «Стадо гусей с белыми отметинами». — Ср. *Din. Kaukasische Marchen*, S. 47f.

² «Цельной», разумеется, только относительно, и включающей просто наиболее существенные аспекты индивидуальной души и коллективного бессознательного.

³ *Symb. aur. mensae*, p. 568ff.

восточном (в Азию)¹. Покинув Азию и повернув на юг, в Африку, он обнаружил статую Меркурия, отлитую из серебра и с золотой головой. Статуя указывала на рай, который он увидел издалека. Благодаря своим четырем рекам и тому, что в нем изначально пребывал анд-рогинный Первый человек (Адам), сад Эдема был любимой мандалой в христианской иконографии, следовательно, символом целокупности и — с психологической точки зрения — самости. Если мы рассмотрим четыре направления и четыре стихии как символический эквивалент четырех основных функций сознания, то сможем сказать, что Майер стал осознавать три из них, когда достиг Азии. Это осознание принесло ему четвертую и последнюю, «подчиненную» функцию, самую темную и самую неосознанную из всех. «Африка» — подходящий образ для нее. Но как только Майер собрался направить свои стопы в ту сторону, ему явилось видение рая как первоначального образа целостности, которое показало ему, что цель его путешествия — достижение этой целостности. К тому времени, когда он достиг Африки, солнце было в ее доме — Льве, а луна была в Раке, «луна использует Рака, чтобы покрыть свой дом крышей». Близость этих двух домов указывает на *coniunctio Solis et Lunae*, объединение высших противоположностей, которое венчает опус и является целью странствия. Он добавляет: «И это дает мне великую надежду лучшего предзнаменования».

Четвертая функция находится в бессознательном. В мифологии бессознательное изображают в виде огромного животного, например, Левиафана, или же кита, волка или дракона. Из мифа о солнечном герое нам известно, что в чреве китовом было настолько жарко, что его волосы выпали². Ариелей с товарищами также страдал от страшной жары, царящей в их подводной тюрьме³. Алхимики любили сравнивать свой огонь с «адским огнем» или огнем чистилища. Майер дает описание Африки, очень похожее на описание ада: «невозделанная, знойная, опаленная⁴, бесплодная и сухая»⁵. Он говорит, что здесь так мало источников, что животные самых различных видов собираются у водоемов и смешиваются друг с другом, «отчего рож-

¹ Майер предлагает следующие формулы: Европа = земля, Америка = вода, Азия — воздух, Африка = огонь.

² *Frobenius. Das Zeitalter des Sonnengottes*, S. 82 и примечание.

³ «В сильную летнюю жару». — *Art. aurif.*, I, p. 148.

⁴ «*Sitibundus*» означает «страдающий жаждой посреди моря». «*Sitibundi in medio Oceani gurgite*» (Жаждающий посреди реки Океан).

⁵ *Symb. aur. mensae*, p. 594. Майер завершает картину ада, приводя легенду об Ориксе: «И тогда Ориксу, изнывающему от жажды в летний зной, было велено проклинать жар Солнца со слезами и беспрестанными жалобами».¹⁴⁰¹

даются животные с новым обликом); в связи с этим становится понятным изречение «все новое — из Африки». Там обитают фавны, сатиры, песьеголовые бабуины и полулюди, «не говоря уже о бесчисленных видах диких зверей». Согласно утвердившимся современным взглядам, едва ли можно лучше описать бессознательное. Далее Майер сообщает, что в районе Красного моря обнаружено животное по имени «Ортус» (восходящий, источник). У него красная голова с золотыми прожилками, спускающимися к шее, черные глаза, белое лицо, белые передние и черные задние лапы. Его представления об этом существе основываются на замечаниях Авиценны: «То существо, чья голова красная, глаза черные и ноги белые, несет в себе знания»¹. Майер убежден, что легенда об этом существе относится к фениксу, которого также видели в тех местах. Когда он расспрашивал о фениксе, до него «дошел слух», что недалеко в пещере живет пророчица, известная как «Эритрейская сивилла». Эта была та самая сивилла, которой приписывали предсказание о пришествии Христа. Майер, по-видимому, имеет здесь в виду не восьмую книгу «Пророчеств Сивиллы», стих 217, на который указывают четыре стиха, начинающиеся следующими словами: ΙΗΣΟΥΣ ΧΡΕΙΣΤΟΣ ΘΕΟΥ ΥΙΟΣ ΣΩΤΗΡ ΣΤΑΥΡΟΣ², а сообщение св. Августина в «De civitate dei»³, хорошо известное в Средневековье. Он также приводит отрывок о сивилле в «Constantini Oratio» Евсевия и особо подчеркивает, что пророчество сивиллы относится к «пришествию Христа во плоти».

Нам и ранее было известно, что «Эритрейское море» — место таинственное, но здесь мы встречаемся с несколькими заслуживающими внимания деталями. Прежде всего наш автор прибывает к этому морю сразу же после путешествия через три континента, он близок к тому, чтобы проникнуть в критическую четвертую область. Из аксиомы Марии и из «Фауста» нам известно ключевое значение кажущегося невинным вопроса в начале «Тимея»:

Сократ: Один, два, три — а где же четвертый из тех, что вчера были нашими гостями, любезный Тимей, а сегодня взялись нам устраивать трапезу?

Тимей: С ним приключилась, Сократ, какая-то хворь, уж по доброй воле он ни за что не отказался бы от нашей беседы⁴.

¹ Ibid., p. 199.⁴ Из труда Авиценны «Liber de anima artis», к несчастью, для меня недоступного. Изречение приводится как «Загадка» в «Rosarius» (cap. X) Арнольда из Виллановы (*Gratarolus. Verae alchemiae*, I, 2, p. 42).

² «Крест Иисуса Христа, Сына Человеческого, Спасителя».

³ О граде Божьем, II. Ср. *Geffcken. Die Oracula Sibyllina*, p. 153f.

⁴ [Пер. С.С.Аверинцева]

Переход от трех к четырем представляет собой ту проблему¹, которую неясная формулировка Марии освещает крайне скупо². Проблема тройки и четверки встречалась нам в различных видах, а в Майеровом «*Symbola aureae mensae*» важность такого события, как шаг от трех к четырем, подтверждается и знаменуется видением рая. Общеизвестно, что в районе Красного моря жарко, и Майер достигает его в конце июля, «в сильную-летнюю жару». Ему действительно было «жарко», необычайно жарко, жарко, как психике в аду, потому что он приблизился к той области души(психе), которую по справедливости называют населенной «фавнами, сатирами, песьеголовыми бабуинами и полулюдьми». Нетрудно заметить, что этот район — животная душа человека. Ибо так же, как тело человека в принципе не отличается от тела животного, так и его психология имеет целый ряд нижних этажей, на которых все еще живут призраки прошедших эпох человечества, еще ниже животные души времен питекантропов или гоминид, затем «психе» холоднокровных ящеров, и на самой глубине, трансцендентальное таинство симпатических и парасимпатических психонидных процессов.

Итак, не удивительно, что наш путешественник почувствовал себя в самом жарком из мест — он был в «Счастливой Аравии» — в знойную летнюю жару! Ему тяжело было осознать, что он рискует своей шкурой: «вас охватывает тревога, когда вы видите, что огонь преграждает вам путь»³. Он был хозяином пиршества и гостем, едоком и поедаемым в одном лице.

Уже у Красного моря начали появляться «бесчисленные виды животных», возглавляемые мифическим четвероногим «Ортусом», который сочетал в себе четыре алхимических цвета: черный, белый, красный и желтый⁴ (золотые прожилки на голове и шее). Майер, не колеблясь, идентифицирует Ортуса с фениксом, другим легендарным обитателем «Счастливой Аравии»⁵, и делает это скорее из-за его име-

¹ Существуют две армянских легенды об Александре, одна из которых гласит: «Когда Александр пришел в мир, он тут же забегал по комнате. Но когда он подбежал к четвертому углу, ангел свалил его с ног и тем самым дал понять, что Александр может завоевать только три четверти мира». Во второй легенде Александр завоевывает три четверти мира, но не четвертую, которой приписывают «честную бедность». Часть окружена морем и отрезана от остальной земли. *Durr. Kaukasische Marchen, S.259.*

² Ср. Психология и алхимия, § 209.0 проблеме «Тимея» см. Попытка психологического истолкования догмата о Троице, § 181 ел.

³ *Горацій. Epistolae, I, xviii, 84.*¹⁴²¹

⁴ Соответствует *xanthesis, cirinitas* или желтизне.

⁵ *Isidore of Seville. Liber etymologiarum (XII, ch. 7, fol. lxxw):* «Феникса, птицу из Аравии, называют так из-за пурпурного цвета и потому, что он и единственный в мире».¹⁴³¹

ни, нежели из-за его вида; потому что феникс тоже после самосожжения в землях Египта каждый раз возрождается, как восходящее солнце в Гелиополисе.

Ортус — это алхимическое «животное», представляющее живую четверицу в ее первом синтезе. Чтобы стать вечноживущей птицей духа, ему необходим преобразующий огонь, который находится в «Африке», то есть там, где сталкиваются и исследуются четыре функции и животная душа, представленная Ортусом. Интерпретируя его как феникса, Майер, как мы видели, придает ему далеко идущее значение. Ибо, кроме животной души, он также обнаруживает рядом с ней женскую душу, деву, которой он в первый раз является подобно докучливому гостю¹. Это и есть сивилла, предсказавшая пришествие Христа. Итак, у Красного моря он встретил животную душу в форме ужасающей четверицы, символизирующей, так сказать, первоматерию самости и, подобно фениксу, возрожденной. Упоминаемая здесь мистерия, представляет собой не только столкновение с животной душой, но одновременно и встречу с анимой, женским психопомпом, указывающим ему путь к Меркурию и фениксу².

Неважно, что животное есть символический носитель самости. Намек Майера нашел подтверждение у современных людей, не имеющих понятия об алхимии³. Это является выражением того факта, что структура целостности всегда существовала, но была погребена в глубочайшем бессознательном, где всегда могла быть обнаружена вновь, в том случае если бы человек пожелал рискнуть своей шкурой, чтобы достичь высочайшей из возможных степеней сознания посредством величайшего из возможных самопознания — «терпкого и горького питья», приберегаемого обычно для ада. Божий престол кажется недостаточно высокой наградой для подобных испытаний. Ведь самопознание — в общем значении этого слова — не только одностороннее интеллектуальное времяпрепровождение, но странствие по четырем континентам, где человек подвергается всем опасностям земли, моря, воздуха и огня. Весь акт узнавания достоин имени, охватывающего четыре — или 360! — аспектов существования. Ничего не может быть «проигнорировано». Когда Игнатий Лойола рекомендовал созерцателю «воображение посредством пяти чувств»⁴, и приказал ему имитировать Христа, «пользуясь своими чувствами»⁵, он имел в виду полнейшую воз-

¹ «Кого, — спросила она — ищешь ты, чужеземец? Мужчина не вправе приближаться к девственнице». ¹¹⁴⁴¹ Однако Сивилла его прощает, ибо он «страстно стремится к знанию».

² Об аниме в этой роли см.: Психология и алхимия, §73 ел.

³ А именно в виде символических животных, появляющихся в снах как прообразы самости.

⁴ Spiritual Exercises, p. 41.

⁵ Ibid., p. 215.

можную «реализацию» объекта созерцания. Действительно, кроме морального и других подобного рода эффектов медитации, основным ее эффектом является тренировка сознания, возможности концентрации, внимания и ясности мышления. Соответствующие формы йоги обладают теми же эффектами. Но по контрасту с этими традиционными методами реализации, где медитирующий проецирует себя в некую заранее предписанную форму, самопознание, упомянутое Майером, есть проекция в эмпирическую самость, какой она фактически является. Это не «самость», которую мы хотели бы вообразить себе после тщательного избавления от всех недостатков, но эмпирическое эго как оно есть, со всем, что оно совершило и со всем, что может с ним произойти. Каждый хотел бы избавиться от этого ненавистного свойства, и именно поэтому на востоке в эго видят иллюзию, а на западе его приносят в жертву фигуре Христа. Напротив, целью мистического странствия является понимание всех сторон света, достижение наиболее возможного расширения сознания, как будто его ведущим принципом была карпократическая¹ идея о том, что человек не должен освобождаться от греха, которого он не совершал. Не уход от своей эмпирической «тождественности», но полнейший возможный опыт эго как отраженного в «десяти тысячах вещей» — вот цель странствия². Это логически следует из психологического осознания того, что Бог не может быть познан вообще, если пустое и нелепое эго не предложит скромный сосуд, чтобы уловить в него эманацию Высочайшего и назвать это именем Бога. Значение сосуда-символа в алхимии показывает, что заботливый мастер должен иметь правильный сосуд для правильного содержимого: «Это — ляпис, это — лекарство, это — сосуд, это — процедура и это — констелляция». *Aqua nostra* [наша вода], преобразующее вещество, является даже сосудом для самой себя³. Отсюда один шаг до парадоксального утверждения Ангелуса Силезиуса:

Бог — точка, фокус мой, коль я того желаю,
И круг, коль я в него любовь свою вливаю⁴.

Майеров эритрейский четвероног, Ортус, соответствует четырехколесной колеснице Псевдо-Аристотеля. Тетраморф также является про-

¹ Ср. Психология и религия, § 133.

² Ангелус Силезиус тем не менее говорит:

Чтоб золото сыскать, спустись в свои глубины, За
камнем мудрецов не иду на чужбины.

Херувимский странник, III, 118. [Пер. Н.О.Гучинской]. И все же невозможно открыть себя, не обращаясь к миру. ³*Mylius. Phil. ref.*, p. 33 и 245. ⁴ Херувимский странник, III, 148.

дуктом ранней средневековой иконографии¹, преобразуя четырехкрылых тварей видения Иезекииля в четвероногое чудовище. Трактование Ортуса как феникса соединяет его с Христом, чье пришествие было предсказано сивиллой, ибо феникс — это хорошо известная аллегория как воскресения Христа, так и воскрешения после любой смерти вообще². Это есть символ преобразования *par excellence*. Когда мы рассматриваем эту хорошо известную интерпретацию феникса и Эритрейского оракула, то удивляемся, как автор начала семнадцатого столетия мог осмелиться обратиться к сивилле не для того, чтобы она указала ему путь к Христу, а для помощи в поисках Меркурия! Данный отрывок предоставляет нам еще одно поразительное доказательство параллелизма между Меркурием и Христом. Феникс выступает здесь не как аллегория Христа, а как носитель и место рождения универсальной медицины, «средство против гнева и боли». Некогда сивилла предсказала пришествие Господа, а теперь она указывает путь к Меркурию. Христос есть антропос, Первый человек; антропос имеет то же значение, а Первый человек символизирует окружность, изначальную целостность, давно плененную силами этого мира. В случае Христа сказано, что победа и освобождение Первого человека совершились, так что труды алхимиков выглядят излишними. Мы можем лишь предположить, что алхимики придерживались иного мнения и искали собственное средство против гнева и боли, дабы завершить кажущиеся им незавершенными искупительные труды Христа.

Для взглядов Майера характерно, что наиболее важная идея заключена не в Меркурии, который везде появляется определенно персонифицированным, а в веществе, принесенном фениксом, птицей духа. И в данном случае не на живое существо, а на неорганическую субстанцию, используемую как символ целостности или как средство достижения целостности, возложена задача, с которой Христос в качестве символа-явно не справляется³. Невольно задаешься вопросом, не будет ли силь-

¹ См. Психология и алхимия, рис. 53.

² Святой Амвросий сказал: «Пусть эта птица на своем примере научит нас вере в воскресение». ¹⁴⁵ Епифаний: «Почему тогда грешные евреи не верят в воскресение Господа нашего Иисуса Христа на третий день, если [известно, что] птица возвращается к жизни в течение трех дней?» ¹⁴⁶ Оба высказывания приводятся у Пичинеллуса, *Mundus symbolicus*, I, pp. 575, 576, 578.

³ Если с этой позиции исследовать те иконографические образы, что спонтанно возникают у современных людей, мы редко обнаружим среди них человеческое существо в качестве центральной фигуры (например, в мандале), но гораздо чаще безличный абстрактный знак, долженствующий выражать целокупность. Иногда это лицо или голова, что лишь усиливает аналогию с алхимией. (Ср. Психология и алхимия, § 530; Символ превращения в мессе, § 363 сл.) Наиболее сильным

ная персонализация божественных фигур, как это привычно для христианства, а в особенности для протестантизма¹, в конце концов скомпенсирована и до некоторой степени смягчена более объективной точкой зрения, порожденной бессознательным.

е. Подъем и спуск

В своей борьбе за целостность Михаэль Майер, помимо того, что пересек три континента и путешествовал в трех направлениях, открыл и статую Меркурия, указывающего путь в рай; перед ним на мгновение блеснул рай вдалеке, Майер нашел животную душу и аниму сивиллы, от которой получил совет отправиться к семи рукавам Нила (Ostia Nili), чтобы отыскать Меркурия. Продолжение его паломничества напоминает полет феникса из Египта, где он живет, в Аравию, где он умирает и возрождается к новой жизни. Поэтому мы можем ожидать, что нечто подобное произойдет и с автором. Нам ничего не говорят о его переправе через Красное море и о кратком повторении (только в обратном направлении) чудесного странствия детей Израиля. Мы, однако, вскоре узнаем, что нечто похожее на мистерию возрождения должно иметь место, потому что Майер сравнивает семь рукавов Нила с семью планетами. Сначала он достиг Канопских Ворот, западного рукава дельты, где нашел обитающего там Сатурна. Из планет определенно можно узнать только Марс, так как города, где находятся остальные, описаны не столь ясно. Встречаясь с бесчисленными опасностями, он пересек семь земель, не встретив Меркурия. Он не нашел его даже в его собственном городе. Наконец Майер повернул назад и вернулся в Канопские Ворота, где на сей раз отыскал Меркурия. Но даже узнав от него все тайны, Майер не нашел феникса. Позднее он вернулся снова, чтобы найти панацею. В своей «Epiγραμμα ad Phoenicem» он умоляет чудесную птицу отдать мудрецу свои перья², а в эпиграмме «Medicina Phoeniciae» он ценит феникса выше «богатств и золота, а кто считает поиному, тот не человек, а зверь»³.

выражением для абстракции и близости служит в алхимии ляпис. Я уже обращал внимание на необычную природу этих центральных фигур (Психология и религия, § 156 ел.).

¹ Исключением является третье лицо Троицы, Святой Дух, «дыхание» Отца и Сына (активного и пассивного дуновения: см. Догма Троицы, § 235 ел. и прим. 10). Он, как видно из обычных представлений, наиболее «обезличенная» фигура. Я уже говорил, что алхимики в религии предпочитают именно Святой Дух. (См. также Айон, § 141 ел.).

² Symb. aur. mensae, p. 606J¹⁴⁷,

³ Ibid., p. 607J¹⁴⁸ i

Испытание в четвертой четверти, в области огня (то есть, подчиненной функции), описано Майером как восхождение и нисхождение через семь планетарных сфер (домов). Даже если до этого момента странствие и не было аллегорией *opus alchymicum*, теперь оно явно ею стало. Опус есть «transitus», *πέρασις* в гностическом смысле, «переход» и «преобразование», чей субъект и объект — неуловимый Меркурий. Я не буду здесь обсуждать природу прохождения планет, хотя это было бы существенно для рассмотрения опуса. Однако одним из аспектов перехода является восхождение и нисхождение через планетарные сферы [дома], и ему мы должны уделить несколько слов. Как указывает «Tabula Smaragdina», целью восхождения и нисхождения является объединение высших и нижних сил. Следует особо упомянуть, что в опусе за восхождением следует нисхождение, тогда как предполагаемый гностическо-христианский прототип сначала изображает нисхождение, а затем восхождение. Этому существуют многочисленные свидетельства в литературе, и нет необходимости цитировать их здесь. Я приведу только слова одного из великих греческих отцов церкви, св. Василия, который сказал в своем комментарии к десятому стиху семнадцатого псалма¹ («Наклонил Он небеса и сошел, — и мрак под ногами Его»): «Давид говорит здесь: Бог сошел с небес, чтобы помочь мне и наказать врагов своих. Но он ясно предсказывает воплощение (*ἐνανθρώπησις*) Христа, когда изрекает: Наклонил Он небеса и сошел. Ибо Он не прорвал небеса и не сделал тайное явным, но сошел на землю тайно, подобно дождю, падающему на скошенный луг², потому что воплощение было тайным и неведомым никому, и его пришествие в миропорядок (*ἐν τῇ οἰκονομίᾳ*) было сокрыто»³. Комментируя следующую стих («И воссел на херувимов и полетел, и понесся на крыльях ветра»), Василий замечает: «Для нисхождения Он взшел на херувимов, которых Давид назвал также крыльями ветра из-за их крылатой и неистовой природы. Крыльями ветра еще называют облако, поднявшее Его»⁴. Иреней резюмирует это таинство в следующем лапидарном изречении: «Ибо именно Он сошел и поднялся ради спасения людей»⁵.

¹ [Соответствует русскому каноническому тексту — *Ред.*]

² *jtoxoq* = «шерсть, руно» (L. *vellus*). Слова относятся к Пс. 71:6, Вульгаты: «Descendet sicut pluvia in vellus». [В русском каноническом тексте это звучит так: «Он сойдет, как дождь на скошенный луг, как капли, орошающие землю» — *Пер.]* и Суд. 6:37: «Ponam hoc vellus lanae in aera» (Вульгата: «...я расстелю здесь на гумне стриженую шерсть»).

³ *Puga*. *Anacleta sacra*, V, pp. 85f.

⁴ Ссылка на Деян. 1:9: «...и облако взяло Его из взгляда их».

⁵ *Adv. haer.*, III, VI, 2 (The Writing of Irenaeus, I, p. 270).

В алхимии, наоборот, сначала происходит восхождение, а потом — нисхождение. Мне хотелось бы напомнить восхождение и нисхождение души в иллюстрациях к «Rosarium»¹, а главным образом — введение в «Tabula Smaragdina», а этот труд пользовался авторитетом в течение всего Средневековья:

IV Его отец — солнце, его мать — луна; ветер несет его в себе; его кормилица — земля.

VI. Он наполняется силой, когда обращается к земле.

VIII. Он восходит от земли к небесам и спускается снова на землю, вбирая силу высших и низших вещей. Так обретешь ты славу всего мира².

В этих пунктах (чей субъект иногда мужской, а иногда бесполой) описывается «дитя солнца и луны», которое покоится в колыбели четырех стихий, с их помощью и с помощью земли оно обретает полную силу, поднимается к небесам и вбирает силу верхнего мира, а затем возвращается на землю, приходя к триумфу целостности («gloria totus mundi»). Слова «так обретешь ты», очевидно, адресованы философу, поскольку именно он знаток *filii philosophorum*. Если он преуспеет в трансформации арканной субстанции, то одновременно обретет свою собственную целостность, которая и проявится как всемирная слава.

Не может быть сомнений, что арканная субстанция, неважно, в нейтральной или персонафицированной форме, поднимается из земли, соединяет противоположности, а затем возвращается к земле, посредством этого осуществляя свое собственное превращение в эликсир. «Он поднимается и опускается в солнечном древе», до тех пор пока не станет эликсиром, сказано в «Consilium coniugii»³. И далее:

Некто произносит⁴: И поднявшись нагим на небеса, я затем сойду одетым на землю и сделаю совершенными все минералы⁵. И если мы примем крещение в источнике из золота и серебра, и дух нашего тела [то есть арканная субстанция] взойдет на небеса с отцом и сыном и снова опустится, то наши души воскреснут, а мое животное тело побелеет, то есть [тело] луны⁶.

¹ Репродукции см.: Психология переноса, илл. 7 и 9.

² Ср. *Tabula Smaragdina*, ed. Ruska, p. 2.¹⁴⁹¹

³ *Arschemica*, p. 118.

⁴ «Некто», как ясно из более позднего текста (в «*Bibliotheca Chémica*»), это «возлюбленная» из Песни Песней, то есть Луна. Здесь она обращается к Солнцу.

⁵ Вероятно, аллюзия на «*Tabula Smaragdina*».

⁶ *Consilium coniugii*, с. 128: или станет «наподобие золотого древа» (с. 211). Здесь, очевидно, ссылка на Ин. 3:13: «Никто не восходил на небо, как только спешший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах».

Здесь объединение противоположностей состоит в восхождении на небеса и нисхождении на землю в воды тинктуры. На земле его эффект виден прежде всего в совершенствовании минералов, затем в воскрешении души и преобразении животного тела, которое ранее было черным. Параллельный отрывок в «Consilium» гласит:

Его душа поднимается из нее¹ и возносится на небеса, то есть к духу, становится восходящим солнцем (то есть красным) в прибывающей луне и обретает солнечную природу². А затем светильник с двойным светом³, или живая вода, возвратится к своему истоку, то есть к земле. Положение его становится ниже, он слабеет и гаснет, и соединяется со своей возлюбленной⁴, земной серой⁵. -

В данном тексте описывается восхождение души арканной субстанции, несгораемой серы. Душа, как Луна, достигает своего полнолуния, своего солнцеподобного сияния, а затем тускнеет в новолуние и тонет в объятиях земной серы, которая здесь означает смерть и тлен. Это напоминает нам ужасную конъюнкцию новой луны в Майеровом «Scrutinium chymicum», где женщина и дракон сливаются в могильном объятии⁶. В описании, которое Дорн дает в своей «Physica Trismegisti», подчеркивается: «В конце произойдет так, что эта земная, спагирическая птица после своего восхождения примет небесную природу, а после благодаря своему нисхождению явно обретет природу центра земли, однако природа небесного центра, полученная ею при восхождении, неявно сохранится»⁷. Такое «размножение» (foetura) побеждает «тонкую и духовную болезнь человеческой души, а также все телесные дефекты, внутренние и наружные». Лекарство создается «таким же способом, каким был создан мир». В другом месте Дорн замечает, что «foetus spagyricus» [гомункулус] возводится силой огня на небеса (caelum), то есть поднимается со дна сосуда наверх, а оттуда, достигнув полной зрелости, опускается вниз, возвращается на землю. «Этот духовный облекается плотью после того, как превратился из тела в дух»⁸.

¹ То есть из «sulphur nostrum» (нашей серы), упомянутой ранее.

² «In Luna crescente, in naturam solarem». Это выражение можно также перевести как «прибывая в луне, становясь солнцем».

³ Свет солнца и луны.

⁴ В издании 1566 года стоит «figatur amanti eum». Я читаю «eam».

⁵ Consilium coniugii, p. 165: (комментарий см. Сениор. De chemia, p. 15). Ср. «перенос огней» в Каббале.

⁶ Эмблема L, p. 148: «Дракон убивает женщину, она — его, и кровь заливает их обоих».¹⁵⁰

⁷ Theatr. chem., I, p. 409.

⁸ Ibid., p. 431. Дорн добавляет: «Старые философы скрыли эту мысль под загадкой: «Сделайте твердое летучим, а летучее твердым, и вы полностью освоите искусство».¹⁶¹

Как бы в опровержение «*Tabula Smaragdina*», чьему авторитету он здесь следует, Дорн пишет в своей «*Philosophia speculativa*»: «Никто не поднимется в небеса, которых он ищет, если тот, кто спускается с небес, коих он не ищет, не просветит его»¹. Дорн был, быть может, первым алхимиком, у которого можно найти утверждения о «проблематичности»² его искусства, и это произошло потому, что он снабдил своего *foetus spraguis*, ведущего себя в слишком василидианской манере, христианским алиби. В то же самое время он сознавал, что мастер неотделим от опуса³. К спекуляциям Дорна не следует относиться как к чему-то незначительному, они представляют огромный психологический интерес: «Нисхождение к четырем и восхождение к монаде одновременны»⁴. «Четыре» — это четыре элемента, а монада — первоначальное единство, которое вновь появляется в «денарии» (числе 10), цели опуса; это единство личности, проецированное в единство камня. Спуск — это анализ, разделение целостного на четыре компонента; подъем — синтез, сложение денария (десятки) вместе. Это рассуждение соответствует тому психологическому факту, что противостояние сознательного и бессознательного ведет к распаду личности и в то же самое время восстанавливает ее в одно целое. Это можно ясно увидеть в моменты психического кризиса, ведь именно в такие моменты в сны приходит символ единства, например, мандала. «Гдеждетопасность/Тамнайदेशьспасенье», — говорит Гёльдерлин.

В то время как старые авторы строго придерживались «*Tabula Smaragdina*»⁰, более новые, под водительством Дорна, считали, что процессу свойственно обратное направление. Например, Милиус заявля-

¹ *Spec. phil. /Theatr. chem.*, I, p. 276J¹⁵²¹ Здесь аллюзия на Ин. 3:13 выступает еще явственнее.

² См. ниже, § 393.

³ Он, например, говорит: «Чтобы сделаться мудрым во всем, изучи себя изнутри, дабы знать, что есть на небесах и на земле. Разве тебе не ведомо, что небеса и стихии изначально были единым целым, но воле творца разделила их, дабы сотворить тебя и все вещи? Если тебе ведомо это, покой не оставит тебя, или ты лишишься рассудка. Опять же, как я говорил, каждое поколение нуждается в таком разделении, и ты должен прочувствовать эту необходимость, прежде чем станешь на путь истинной философии. Ты никогда не познаешь Единого, коего взыскуешь, если сам не станешь единым».¹⁵³ *Spec. phil.*, p. 276. Этапы восхождения таковы: (1) посвящение в веру, (2) познание Бога верой, (3) интеллектуальная любовь к Богу. (*Physica Trithemii, Theatr. chem.*, I, p. 449).

⁴¹⁵⁴¹ Сходный взгляд излагается в «*Congeries Paracelsicae chemicæ*» / *Theatr. chem.*, I, p. 589: «Он должен быть вскипячен, обожжен и расплавлен; он восходит и нисходит, и все эти операции суть одна, осуществляемая одним огнем».¹⁵⁵¹

⁵ В «*Rosarium philosophorum*» восхождение и нисхождение формулируется следующим образом: «Наш камень превращается в землю, земля — в воду, вода — в

ет, что земля не может подняться, если небеса не спустятся первыми. И только тогда земля может возвыситься до небес, если она «распадется до состояния духа¹ и сделается одной с ним субстанцией»². Пенотус Парацельса даже более настойчив. Рассуждая о Меркурии, он говорит:

Касательно же того, как философ порождает сына человеческого [filius hominis] и дева обретает плод, то необходимо, чтобы плод этот поднялся над землей и очистился от всего земного; затем он как целое поднимется в воздух и превратится в духа. Так исполняется слово философа: он возносится с земли на небо и вбирает высшие и низшие силы, отбрасывая свою земную и нечистую природу³.

Эта полная идентификация ляписа с «сыном человеческим» должна, очевидно, заканчиваться его вознесением. Но это противоречит исконной и широко распространенной концепции ляписа как тинктуры или лекарства, которое действенно, только когда применяется к основным субстанциям нижнего мира. Верхний мир не нуждается в лекарстве, потому что его нельзя испортить никаким образом. Испытатель, происходящий из материи и возвращающийся в материю, постепенно становится немислимым. Те, кто абсолютно отождествляют ляпис с Христом, прекращают трудиться в лаборатории, а те, кто предпочитают лабораторную работу, постепенно отказываются от своего мистического языка.

Восхождение и нисхождение, выше и ниже, вверх и вниз, представляют эмоциональную реализацию противоположностей, и эта реализация постепенно ведет (или должна вести) к их равновесию. Очень часто подобный мотив встречается в снах, когда снится восхождение на холм и спуск с него, а также в виде восходящих звезд, подъема и спуска на лифте, воздушном шаре, самолете и так далее⁴. Это соответствует борьбе

воздух, воздух — в огонь, и на этом останавливается, хотя, с другой стороны, он нисходит».¹¹⁵⁶¹ — Art. aurif., II, p. 250.

¹ Вода, в которой растворяется земля, есть душа или дух земли, о которой Сениор сказал: «Эта божественная вода есть царь, сходящий с небес». Ранее «царь» находился в земле. Sp. Ros. phil., p. 283.

² Phil, ref., p. 20. Эта идея восходит к «De arte chymica» (Art. aurif., I, p. 612). Здесь восхождение тождественно божественному воплощению. За приведенным отрывком следует такой текст: «Я одарю тебя притчей: Сын Божий сошел к Деве и, облекшись плотью, родился человеком, и, открыв нам путь к истине во имя нашего спасения, страдал и умер за нас, а после воскресения вернулся на небеса, где земля, то есть человечество, возвышается над кругами мира и утверждается на интеллектуальном небе святейшей Троицы».¹¹⁵⁷¹

³ «De vera praer. medicament, chem.», *Theatr. chem.*, I, p. 681.

⁴ Ср. Психология и алхимия, § 64 ел., 78 ел.

между крылатым и бескрылым драконом, то есть уроборосом. Дорн также описывает данный процесс как «циркулярную дистилляцию»¹ и как «спагирический сосуд», который нужно сконструировать по образу естественного сосуда, то есть сферы. Согласно интерпретации Дорна, это колебание между противоположностями, метание туда и сюда, означают сущность противоположностей. Они делаются сосудом, в котором попеременно проявляется то одно, то другое вещество, так что мучительное перемирие между двумя противоположностями постепенно перетекает в билатеральную активность центра². Это — «освобождение от противоположностей», нирвана индийской философии, хотя мы видим в ней не философское, а скорее психологическое развитие. «Aurelia occulta» выражает эти мысли словами о драконе: «Многое из одного и один из многого, основатель прославленного рода, я поднимаюсь от низшего к высшему. Наинизшие силы всей земли объединяются с наивысшими. Поэтому я Един и во мне Многое»³. Из этих слов дракона становится ясно, что он — хтонический предтеча самости.

1. Путешествие через планетарные дома

Возвращаясь теперь к путешествию Михаэля Майера к семи рукавам Нила, означающим семь планет, мы привносим в эту тему углубленное понимание того, что алхимики имели в виду под восхождением и нисхождением, а именно, освобождение души от оков тьмы, или бессознательного; ее восхождение к небесам, расширение сознания; и, наконец, ее возвращение на землю, к суровой реальности, в виде тинктуры или целебного питья, одаренного высшими силами. Что это значит психологически, ясно видно в «Hypnerotomachia»⁴, где это значение не скрыто под ворохом причудливых подробностей. Следует отметить, что вся первая часть книги состоит из описания восхождения спящего в мир богов и героев и его инициации в мистерии Венеры, за которой следует восславление и частичное обожествления Полифило и его Полии. Во второй, более короткой части книги это приводит к

¹ Phys. Trismeg. / Theatr. chem., I, p. 430.

² Этот мотив нередок в нарисованных пациентами мандалах, где в центре изображается порхающая птица, пульсирующий пузырь или сердце. (В патологии мы говорим об «аурикулярной вибрации».) Тот же мотив появляется в виде концентрических кругов (см. Исследование процесса индивидуации, рис. 8) или волн вокруг Центра (рис. 3).

³ Theatr. chem., IV, p. 575.

⁴ *Colonna. Hypnerotomachia Poliphili* (1499).

освобождению и охлаждению любовников, находя свое завершение в осознании того, что случившееся было всего лишь сном. Здесь показано нисхождение на землю, к реальности повседневной жизни, но тут не вполне понятно, управляет ли героем «втайне сохранный в его природе небесный центр, который он обрел после восхождения»¹. Весьма сомнительно. Однако это захватывающее приключение оставляет нам психологический документ, представляющий собой прекрасный пример пути и символики процесса индивидуации. Здесь ощущается присутствие духа алхимии, проливающего свет на самые головоломные загадки Мастеров².

Путешествие Майера через планетарные дома начинается с Сатурна, самой холодной, тяжелой и самой далекой из планет, планеты враждебной, где обитает зло, таинственный и греховный Старец (Senex). Оттуда Майер поднимается в область солнца, чтобы найти Юношу Меркурия, давнюю и вымечтанную цель посвященного. Восхождение это всегда приближает к солнцу, идет от тьмы и холода к свету и теплу, от старости к юности, от смерти к возрождению. Однако адепту придется вернуться тем же путем, что и пришел, поскольку Меркурий находится не в области Солнца, а в той точке, откуда был начат путь. Это звучит очень психологически, а в действительности жизнь всегда движется только туда, где должна остановиться³. Вымечтанный Меркурий — это *spiritus vegetativus*, живой дух, чьей природе свойственно проходить через все планетарные дома, то есть через весь Зодиак. Мы могли бы сказать также: через весь гороскоп, или (поскольку гороскоп есть хронометрический эквивалент индивидуального характера) через все характерологические компоненты личности. Индивидуальный характер, по представлениям древних, есть не что иное, как проклятие или благословение, которыми боги наделяют ребенка при рождении в виде благоприятных или неблагоприятных астрологических аспектов. Гороскоп подобен «хирографу», «бывшему о нас рукописанию, которое было против нас, и Он взял его от среды и пригвоздил ко кресту; отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою»⁴.

Данная идея написанной на руде судьбы самая древняя, как мы можем судить, и представляет собой западную версию врожденной кармы. Это — архонты, семь управителей планет, которые запечатлевают на

¹ *Dom. Phys. Trismeg. /Theatr. chem., I, p. 409.*

² О психологическом анализе текста см. *Fierz-David. The Dream of Pöiiphilo*, p. 57ff.

³ Психологическое утверждение, которое, как и все прочие, становится истинным, только когда меняется на противоположное.

⁴ Кол. 2:14 ел.

душе ее судьбу. Так, Присциллиан (ок. 385) утверждает, что душа, спускаясь к новорожденному, проходит через «некие круги», где ее берут в плен силы зла, «и по желанию победоносного князя она проникает в различные тела, и судьба ее написана на ней»¹. По-видимому, это должно означать, что в душе запечатлены влияния разных планетарных сфер. Нисхождение души через дома планет соответствует прохождению через планетарные врата, описанные Оригеном: первые врата свинцовые, и связаны они с Сатурном², из чего ясно, что Майер следовал старой традиции³. Его «химическое странствие» повторяет старое «небесное путешествие души» — идею, чрезвычайно развитую в Персии.

Впрочем, я не буду особенно вдаваться в переход через планетарные дома⁴; существенным здесь является то, что Михаэль Майер, подобно Меркурию, проходит через них во время своего мистического путешествия⁵. Данное путешествие напоминает странствие героя, один из мотивов которого очевидным образом проявляется в архетипической встрече (происходящей в критическом месте, у «брода») с Ортусом, чья голова переливается четырьмя цветами. Здесь есть и другие мотивы. Там, где есть чудовище, недалеко будет и красавица, ведь их, как нам известно, связывает тайное понимание, и редко можно встретить одного без другого. Сивилла, водительница душ, указывает герою путь к Меркурию, в лице которого в данном случае выступает Гермес Трисмегист, величайший мистагог.

В «Пастыре Гермы» рассказывается, что герой, путешествия по Via Сатрапа, встретил чудовище, напоминающее морского дракона (xfJTOi):

И голова зверя была четырех цветов: черного, потом цвета пламени и крови, затем золотого, затем белого. Когда я миновал зверя и отошел от него на тридцать футов, о чудо! девица встретилась мне, «украшенная, как будто только из брачного покоя», вся в белом, в белых сандалиях, вуаль закрывала ее лоб, тюрбан украшал прическу, а волосы ее были белыми⁶.

¹ *Orosius. Ad Aurelium Augustinum commonitorium* (CSEL., XVIII, p. 153)^{IM}

² *Contra Celsum*, VI, 22, p. 334. (Migne, R.G., vol. 9, col. 1324.)

³ Обычно ряд начинается с Сатурна. Ср. *Bousset. Die Himmelsreise der Seele*.

⁴ Заинтересованный читатель может обратиться к *Cumont. Textes et Monuments relatifs aux Mysteres de Mithra*, I, pp. 36ff.; *Bousset. Himmelsreise; Reitzenstein. Himmelswanderung und Drachenkampf*.

⁵ Ср. мотив путешествия в Психологии и алхимии, § 304 ел., 457 и прим. 75. О Меркурии см. мотив *puer-senex* у *Куртмуса*. *European Literature and the Latin Middle Ages*, p. 98ff.

⁶ *Shepherd of Hermas*, IV, 1, 10-2, 1, p. 63.

Сходство между двумя повествованиями настолько полно, что невольно возникает предположение, что Майер читал «Пастыря Гермы». Это вряд ли возможно. Хотя он хорошо знал классическую литературу, я не вижу в его работах свидетельств его знакомства с патристической литературой. Ссылаясь в своих трудах на Альберта и Фому Аквинского¹, он легко мог позволить себе касающиеся патристической литературы замечания, но таких замечаний нет, и поэтому кажется маловероятным, чтобы Майер сам читал апокрифы Нового Завета.

Герма в образе девицы видит Церковь, а Майер, пятнадцать веков спустя, Эритрейскую сивиллу, всего лишь намеревающуюся показать еще раз, что новое — это хорошо забытое старое. «Верховная владычица» ведет Герму в царство истинного Бога, но Майера она приводит к Гермесу Трисмегисту и Тризомату, троичному Меркурию, который должен раскрыть ему тайну воскрешения феникса². Он может найти Меркурия, только пройдя ритуал восхождения и нисхождения, «циркулярную дистилляцию», начав с черной ртути, тьмы, холода и враждебности вредоносного Сатурна; затем поднявшись через другие планеты к огненному Солнцу (Sol), где золото нагревается в жарчайшем огне и очищается от всех примесей; и, наконец, возвратившись к Сатурну, где на этот раз он встретит Меркурия и получит от него много полезных знаний. Сатурн здесь превращается из звезды, сулящей зло, в «*domus barbae*» (Дом Бороды), где «мудрейший из мудрых», Трижды Величайший Гермес, передает мудрость³. Герма тоже начинает с черноты; его владычица дает ему такое объяснение:

Чернота — цвет мира, в котором ты живешь; цвет огня и крови означает, что сей мир должен быть уничтожен огнем и кровью. Золотая часть — это ты, улетающий из этого мира, ибо так же, как золото очищается в огне и становится драгоценным, так и ты, живущий среди них, очищаешься... Белая часть — мир, в который ты идешь, где будут жить избранники Бога; ибо те, кого избрал Бог для вечной жизни, будут незапятнанно чисты⁴.

¹ В его «*Symbola aureae mensae*».

² Мне хотелось бы также обратить внимание на девушку и дракона, а также символизм триады в «Сне Полифило» (изд. Fierz-David), особенно на черную призму и встречу с трехязычным драконом в стране царицы Элевтерилис (с. 73 ел., 90 ел.). Об Эритрейской Сивилле см. *Куртиус*, с. 101 ел.

³ «Я именуся Гермесом Трисмегистом (Трижды Величайшим), ибо постиг три части философии, существующей во всем мире».¹⁵⁹¹ *Tabula Smaragdina/Dealchemy* (1541), cap. 12. «*Domus barbae*» происходит от арабского *аль-бирба*, «пирамида», где якобы был погребен Гермес.

⁴ *Shepherd of Hermas*, IV, 3,2-3,5.

В алхимии огонь очищает, а также соединяет противоположности. Тот, кто поднимается, объединяет Высшее и Низшее и выказывает свою полную силу, когда вновь возвращается на землю¹. Под этим понимается получение, с одной стороны, панацеи, или *Medicina Catholica* [универсального лекарства], а с другой — живого человекоподобного существа, *filii philosophorum*, которого часто изображают в виде юноши, гермафродита или ребенка. Он соответствует антропосу гностиков, но часто появляется и как Антропарион (вид гоблина), помощник, стоящий рядом с посвященным во время его работы и помогающий врачу в исцелении². Это существо поднимается и спускается, объединяет таким образом Верх с Низом, обретая при этом новую силу, которая теперь всегда будет присутствовать в повседневной жизни. Владычица дает Герме следующий совет: «Не прекращай взывать к святым»³, — иными словами, трудись среди своих товарищей, распространяя вести Свыше.

Также как Майер, возвращаясь, встретил Меркурия, так и Герма в своем следующем видении повстречал Поймена, пастуха («белое руно покрывало его плечи, мешок был за его спиной, и посох в его руках»). Герма понял, что «это тот, кому я был передан»⁴, именно тот самый пастух овец. В иконографии божественный пастух близко связан с Гермесом Кривоногим (водящим овец); таким образом, даже в древности эти две фигуры спасителя объединялись. В то время как Герма «был передан» пастуху, Гермес передал искусство и мудрость своему ученику Майеру, тем самым даруя ему возможность совершать все самому, управляясь с помощью магического кадуцея⁵. Кадуцей заменяет для врача, одновременно являющегося и алхимиком, жезл Асклепия, на котором была только одна змея. И если священная змея Асклепиона означала: бог исцеляет, то кадуцей или Меркурий в форме конъюнкции в реторте указывал на то, что в руках врача находятся магические лекарства, дарованные Богом⁶.

¹ «Он наполняется силой, обращаясь к земле». ¹¹⁶⁰¹ *Tabula Smaragdina / De alchemia* (1541), сар. 6.

² Как, например, Асклепий и его кабир (демон) Телесфор. Ср. Kerényi. *Asklepios*, P- 58,88, и *C.A. Meier. Antike Incubation und moderne Psychotherapie*, pS. 47f.

³ *Shepherd of Hermas*, IV, 3, 6, p. 67.

⁴ *Ibid.*, V, 1-4, p. 69.

⁵ [Кадуцей — обвитый двумя змеями жезл Меркурия. — *Пер.*]

⁶ Об интерпретации кадуцея см. *Servius. In Vergilii Carmina commentarii* (изд. Thilo и Hagen), I, p. 508: «Головы змей обращены вовнутрь, дабы указать, что посланцы могут спорить и соглашаться друг с другом... По этой причине... по сланцев мира называют кадуцеаторами... и к этим кадуцеям добавлены два яблока, одно из них — Солнце, а второе — Луна... Меркурий примиряет этих двух

Многочисленные аналогии между двумя текстами, столь отдаленными во времени, дают нам возможность взглянуть с психологической точки зрения на описанные в них трансформации. Последовательность цветов совпадает с последовательностью планет. Серый и черный соответствуют Сатурну¹ и миру зла; они символизируют нечто, чьи истоки лежат во тьме, в меланхолии, огне, злобе и прозябании обыденной человеческой жизни. Именно у Майера можно найти слова о «благородной субстанции, которая движется от господина к господину, в начале ее пути — горькое прозябание»². Под «господином» он имеет в виду архонта или управителя планетарного дома. Майер добавляет: «И это произойдет со мной». Темнота и чернота психологически трактуются как человеческие смятение и потерянности; это состояние, которое в наши дни суммируется в припоминании как результат наблюдения всех признаков, являющихся причиной проблематичной ситуации или, во всяком случае, ее проявления. Данное наблюдение, как нам известно, включает иррациональные содержания, коренящиеся в бессознательном и проявляющиеся в фантазиях и сновидениях. Анализ и интерпретация снов противостоит точке зрения и утверждениям сознания, таким образом расширяя его узкий горизонт. Подобное увеличение гибкости позиции, ранее ограниченной и косной, соответствует растворению и разделению элементов при помощи aqua regia, она присутствует в «теле», ее только нужно выманить с помощью искусства. Вода — это душа или дух, то есть психическая «субстанция», которая теперь, в свою очередь, применяется к первичному материалу. Этому соответствует анализ сновидений, посредством которого выявляются экзистенциальные проблемы. Дорн определяет «*solutio*» (растворение) именно в этом смысле³.

Теперь ситуация постепенно проясняется, подобно тому как темная ночь озаряется восходящим солнцем. Ясность в определенной степени

у свирепых зверей, и мы тоже можем прийти к согласию друг с другом».¹⁶¹ «Иные говорят, что латиняне называли Меркурия таким именем, как если бы он был Медикуррием, посланцем, потому что он всегда передвигается между небом и нижними землями... и кадуцей предназначен ему, поскольку Меркурий своим посредничеством превращает врагов в друзей».¹⁶² (Там же, II, стр. 220.) Средневековый писатель Пиерий говорит о кадуце: «Он с легкостью приведет несогласные умы к согласию и жезлом своего чения свяжет вместе двух змей, то есть ненавидящих друг друга, в одно целое».¹⁶³ Приведено у *Picinellus. Mundus symbolicus*, I, p. 152.

¹ «В первую очередь Сатурн управляет nigredo».¹⁶⁴ *Symb. aur. mensae*, p. 156

² *Ibid.*, p. 568.

³ *Spec. phil. /Theatr. chem.*, I, p. 303: «Кактела растворяются, так и сомнения разрешаются знанием».¹⁶⁶¹

исходит из бессознательного, потому что именно сны помогают нам увидеть луч света. Этот утренний свет соответствует albedo, лунному свету, который, по мнению некоторых алхимиков, возвещает восход солнца. Растущая краснота (rubedo), которая следует с ним, указывает на увеличение тепла и света, исходящего из солнца, то есть сознания. Это следует приписывать растущей роли сознательного, которое начинается с эмоционального реагирования на то, что производит бессознательное. Сначала процесс интеграции представляет собой «огненный» конфликт, но постепенно приходит к «смещению» или синтезу противоположностей. Алхимики называют этот этап rubedo, когда осуществляется брак между красным мужчиной и белой женщиной, Солнцем (Sol) и Луной (Luna). Хотя противоположности удаляются друг от друга, они, тем не менее, стремятся к балансу, поскольку состояние конфликта также враждебно жизни, стремящейся быть бесконечной. Таким образом они истощают друг друга: один поедает другого, как два дракона или же как другие хищные твари алхимической символики.

Астрологически, как мы уже упоминали, данный процесс соответствует восхождению через планеты от тьмы и холода далекого Сатурна к Солнцу. Для алхимиков связь между индивидуальным темпераментом и расположением планет была самоочевидной, ведь эти элементарные астрологические соображения были общим местом для каждого образованного человека Средневековья и античности. Восхождение через планетарные сферы было поэтому неким подобием снятия характерологических свойств, указанных в гороскопе, регрессивного освобождения от характера, запечатленного архонтами. Сознательная или бессознательная модель для такого восхождения была гностическим избавителем, который либо обманывает архонтов, либо побеждает их силой. Схожий мотив — освобождение от «законов судьбы». Человек поздней античности особенно чувствовал, что его психическое состояние прямо зависит от принуждения звезд, или Эймармене, и это можно сравнить с теми чувствами, какие вызывает современная теория наследственности или, скорее, пессимистический взгляд на нее. Похожая деморализация встречается во многих неврозах, когда пациент думает, что психические факторы, вызывающие симптомы болезни, — это неизменные обстоятельства, сопротивляться которым бесполезно. Следовательно, путешествие через планетарные дома, подобно проходу через огромные помещения в нижнем мире египтян, означает преодоление психического препятствия или автономного комплекса, вполне представимого планетарным богом или демоном. Каждый, кто проходит через все сферы, освобождается от принуждения; он венчается короной победителя и становится подобным богу.

Сегодня на нашем языке психологии мы выражаем это более скромно; путешествие через планетарные дома приводит в сферу сознательного добрые и дурные свойства нашего характера, и апофеозом является всего лишь достижение максимального сознания, равного максимальной свободе воли. Эту цель нельзя представить лучше, чем алхимическим символом цеаирстца fNoи (солнца в зените) у Зосимы¹. Но именно с точки зенита начинается спуск. Мистический паломник возвращается к устью Нила, откуда он начал свой путь. Он повторяет как бы нисхождение души, которое прежде всего ведет к запечатлению «хирографа». По своим следам она возвращается через планетарные дома, пока вновь не придет к черному Сатурну. Это означает, что душа, запечатленная-в гороскопическом характере в момент своего вселения в новорожденного, осознает теперь свою богоподобность, выступает против архонтов в их логовах и несет ясный свет в мировую тьму.

Здесь психология вновь не претендует на нечто особенное. То, что раньше казалось нежеланным бременем и пятном на всей семье, теперь благодаря величайшей проницательности (которая, возможно, весьма посредственна) кажется не более чем обладанием собственной личностью, и человек наконец осознает — как будто это не самоочевидно! — что источником его жизни является только он сам.

Вернувшись в дом Сатурна, наш пилигрим находит долгожданного Меркурия². Майер с удивительной быстротой пробегает эту многозначительную встречу и упоминает просто «многочисленные беседы», не раскрывая при этом их содержания. Это тем более удивительно, поскольку Меркурий либо олицетворяет великого учителя, либо имеет характер арканной субстанции, а и то, и другое было бы весьма плодотворным источником для дальнейших откровений. Ведь Меркурий — это светоносный Нус, знающий тайну преобразования и бессмертия.

Позволю себе предположить, что неожиданное молчание Майера не простая случайность, но было намеренным и даже необходимым. Такая гипотеза не лишена оснований, ведь Майер был одним из основателей международного общества Розенкрейцеров³ и поэтому, несомненно, мог бы во всех подробностях поведать о герметических тайнах. То, что нам известно о так называемых герметических тайнах, не объясняет, почему они замалчивались. Это, между прочим, характерно для большинства «мистерий» подобного рода. Весьма существенно, что мистерии ранней церкви достаточно быстро превратились в «церковные таинства».

¹ *Berthelot.Akh. grecs*, III, v bis (text vol., p. 118).

² Точнее, ранее он проникает в дом Сатурна, «через один из входов». — *Symb. aur. mensae*, p. 603.

³ *Ibid.*, p. 477. Ср. *Waite. The Real History of the Rosicrucians*, p. 268ff.

W поскольку все в ритуалах стало открытым, слово «мистерия» не соответствовало теперь своему значению. Розенкрейц снабдил свою «Химическую свадьбу» таким эпиграфом: «Мистерии были профанированы, лишились своего блеска и привлекательности. Поэтому не мечите бисер перед свиньями и не дарите роз ослу». Такая позиция может быть мотивом для молчания. Узнавая под страшной клятвой тайны мистерий, люди часто удивлялись, почему их следовало хранить в такой тайне. Очевидный ответ на этот вопрос, похоже, заключается в самомнении или престиже жрецов или посвященных. Несомненно, что мистериями зачастую злоупотребляли именно таким образом, недействительной причиной являлся императив, гласящий, что необходимо иметь *неопределенную* или, быть может, *определенную* тайну, без которой жизнь лишается своего высшего смысла. Сама тайна может быть нестоящей, но правда в том, что самим своим существованием она обнаруживает равную по силе и устойчивости психологическую мотивацию для сохранения тайн, и в этом-то и заключается подлинная тайна, подлинная мистерия. В самом деле, то, как вообще возникает этот обозначающий тайну жест, кажется весьма примечательным и «таинственным». Почему человек нуждается в сохранении тайны, и с какой целью он изобретает нечто, что украшает невыразимый священный ритуал? Скрытая вещь всегда более или менее неуместна, потому что сама по себе служит всего лишь образом или знаком, указывающим на содержание, которое нельзя выразить более ясно. Что касается содержания, то оно, разумеется, не является маловажным, поскольку знаменует собой живое присутствие нуминозного архетипа. Существенным представляется сокрытие, выразительный жест, символизирующий нечто бессознательное и «непоименованное», лежащее за ним, то есть нечто такое, что является либо еще бессознательным, либо не может стать и не станет фактом сознания. Одним словом, жест указывает на присутствие бессознательных содержаний, которые настоятельно требуют от сознания постоянной заботы и внимания. С появлением интереса становится возможным продолжительное восприятие и усвоение результатов «тайны». Это благотворно для жизни, поскольку содержания бессознательного могут оказать свой компенсаторный эффект и, если они будут замечены и распознаны, поспособствуют равновесию, поддерживающему жизнь. Поэтому на примитивном уровне основной результат, к которому приводят таинства, — это улучшение здоровья, содействие росту и плодородию. Если бы в ритуалах ничего хорошего не было, вряд ли они могли бы существовать, во всяком случае, давно бы исчезли. Например колоссальный психологический эффект Элевсинских мистерий несомненен. Психотерапевтический опыт делает значение тайн еще более актуальными, и не только с религиозной или философской

точки зрения, но и в отношении тех требований, которые индивидуация предъявляет человеку.

Молчание Майера красноречиво, как мы вскоре увидим, когда попытаемся рассмотреть психологический эквивалент нисхождения и открытия Меркурия. Максимальный уровень сознания противостоит эго с его тенью, а индивидуальная психическая жизнь — коллективной психике. Эти психологические термины звучат легко, но весят много, потому что обозначают почти непереносимый конфликт, психологическую проблему, весь ужас которой может понять лишь тот, кто сам испытал его. Все, что затем человек узнает о себе, людях и мире, носит такой характер, что об этом лучше не говорить; кроме того, это так трудно выразить словами, что пасуешь при малейшей попытке. Поэтому вполне достаточным и вовсе не дерзким будет простой намек о разговоре с Меркурием. Из столкновения с миром и жизнью возникает опыт, подвигающий нас к долгому размышлению, которые, в свою очередь, порождают взгляды и убеждения — процесс, который алхимики изображают в виде философского древа. Развертывание данного опыта регулируется двумя архетипами: анимой, которая выражает *жизнь*, и «Мудрым Старцем», олицетворяющим *смысл*¹. Сперва нашего автора вела ани-ма-сивилла, дабы он смог предпринять путешествие через планетарные дома, которое было необходимым условием для всего дальнейшего. Отсюда сам собой следует логический вывод, что к концу своего нисхождения пилигрим должен встретить Трижды Величайшего Гермеса, носителя всей мудрости. Это точно описывает характер того духа или мысли как «маленького бога этого мира», эту мысль вы не можете, даже приложив умственные усилия, представить сами, но она воздействует на вас в качестве внешней силы, пришедшей от более мощного, может быть, самого великого духа нашего мира, неслучайно названного Трисмегистом. Длительное размышление, «*immensa meditatio*» алхимиков определяется ими как «внутренняя беседа с другим, который невидим»².

Возможно, Майер открыл бы нам больше, если бы Меркурий не спешил бы взять на себя «роль арбитра между совой и напавшими на нее птицами»³. Это аллюзия на труд Майера, озаглавленный «*Jocus 5euегиз*» (Франкфурт-на-Майне, 1617), где он защищает мудрость алхимии против ее клеветников, а указанная тема играет также важную роль в его «*Symbola aureae mensae*», разворачиваясь в виде аргумента и контраргумента. Справедливо будет предположить, что чем больше Майер углубляется в конфликт между собой и своим окруже-

¹ Детали см. Архетипы коллективного бессознательного, § 66, 79.

² *Ruland. Lexicon*, p. 226.

³ *Symb. aur. mensae*, p. 603f.

нием, тем больше он погружается в запутанные рассуждения о герметической философии. Ничего нового от этого ожидать не следует, потому что мир герметических образов привязан к бессознательному, и сознательные взгляды (которые наиболее сильно защищены именно в силу своей сомнительности) всегда стремятся к бессознательной компенсации, хотя их очевидно враждебный аспект просто отражает жестокий лик обращенного к ним эго. В действительности, бессознательная компенсация не носит враждебного характера, а представляет собой необходимую и полезную попытку восстановить равновесие. Для Майера она означает внешний и внутренний конфликт, который нельзя отменить, а можно лишь растравить из-за твердости убеждений, ибо каждое одностороннее убеждение сопровождается голосом сомнения и фактами, представляющими собой просто веру, превратившуюся в неуверенность, что, вполне возможно, больше соответствует истине. Истина «sic et non» (да и нет), которую почти, но не полностью, распознал Абельяр, с трудом переносится разумом; поэтому неудивительно, что Майер увяз в конфликте и вынужден был отложить свое открытие феникса до второго пришествия. К счастью, он был достаточно честен, чтобы не настаивать на том, что создал ляпис или философское золото, и поэтому никогда не скрывал свою работу под покровом лжи. Благодаря скрупулезности Майера его преемники могли по крайней мере догадываться, насколько далеко он продвинулся в искусстве и на каком этапе остановилась его работа. Как мы видим, он не достиг того пункта, где конфликт и аргумент становятся логически излишними, где «да и нет» представляют собой два аспекта одной и той же сущности. «Ты никогда не создашь Единое, которого взыскуешь, — говорит мастер, — если прежде сам не сделаешься единым»¹.

g. Регенерация в морской воде

После долгого отступления о взаимосвязанных символах, относящихся к морю и его аспектам, продолжим наше обсуждение соли и соленой воды.

Aqua pontica (или aqua permanens) ведет себя подобно крестильной воде Церкви. Ее главная функция — омовение, очищение от греха, в алхимии — от «лато», т.е. нечистого тела² отсюда часто повторяющиеся слова³:

¹ *Dorn. Spec. phil. / Theatr. chem.*, I, p. 276.

² Rosinus ad Sarrat. / *Art. aurif.*, I, p. 280: «Но лато — это неотмытое тело».¹¹⁶⁶¹

³ Например, у Майера: *Symb. aur. mensae*, p. 15.

«Побелите лато¹ и разорвите книги, чтобы не разорвались ваши сердца»². В «Rosarium» омовение³ лато происходит по-иному: не водой, а «алхимической ртутью и огнем»⁴, то есть своего рода огненным крещением, которое часто используют как синоним для крещения водного⁵. В католическом обряде эквивалентом этому служит погружение горящей свечи в купель, в соответствии с Евангелием от Матфея, 3:11: «Он будет крестить вас Духом Святым и огнем»⁶. Алхимики, не колеблясь, называли процесс трансформации (или преобразования) «крещением». Так, «Consilium coniugii» гласит: «И если мы примем крещение в источнике из золота и серебра, и дух нашего тела вознесется в небеса с отцом и сыном, и опустится вновь, тогда наши души оживут и мое животное (т.е. лунное) тело останется белым»⁷. Это высказывание относится к Солнцу и Луне. «Auroga consurgens I» различает три вида крещения: «водой, кровью и огнем»⁸, и христианская идея здесь прямо переносится на химическую процедуру. Также спра-

¹ Побелевшее лато тождественно «кристаллической соли». (*Khunrath*. Nyl. Chaos, p. 197). Лато тоже является таинственной субстанцией, но ей присущ негативный характер. Милиус говорит: «Лато — это несовершенное желтое тело, со четающее в себе Солнце и Луну, когда вы выбелите его и восстановите первоначальную белизну, вы снова получите лато... И тогда перед вами откроется дверь, и вы увидите зарождение искусства».¹¹⁶⁷¹ Это и есть *prima materia lapidis* в состоянии *vitalis*, «основы», в результате чего возникает «драгоценнейшая из жемчужин». (*Phil. ref.*, p. 199.) По-видимому, этот отрывок взят из *Consilium coniugii / Ars chemica*, p. 134. Лато — это «черная земля» (там же, p. 80 и 39). Согласно Дю Канжу, «лато» должно иметь какое-то отношение к «electrum» [букв. янтарного цвета сплав золота и серебра]. Ср. *Lippmann*. Entstehung und Ausbreitung der Alchemie, I, p. 481.

² «Dealbate Latonem et libros rumpite, ne corda vestra corrumpantur». Это изречение в «Ros. phil». — искаженная цитата из Гебера: «geronite» вместо «rumpite».

³ Промывание (*ablutio*) алхимики понимали как дистилляцию (*distillatio*).

⁴ Цитата из Гермеса: «Азот и огонь очищают лато, изгоняя из него черноту».¹¹⁶⁸¹ — *Phil. ref.*, p. 297.

⁵ У Милиуса так: «Огонь и вода промывают лато истирают ее черноту».¹⁶⁹¹ — *Phil. ref.*, p. 297.

⁶ Связанная с крещением символика огня выражается особенно ярко в гимне св. Романа «De theophania»: «Я вижу его посреди потока, — его, однажды ставшего росой для трех юношей в печи огненной [Дан. 3:24-28], а теперь как огонь сверкающего в Иордане».¹¹⁷⁰¹ *Pitra*. Analecta sacra, I, p. 21.

⁷ P. 128¹⁷¹

⁸ Притча 4. Другие строки гласят: «Но когда он принимает крещение, то принимает и душу».¹¹⁷²¹ Там же.

ведлива идея, что крещение — это утопление, как указано в Послании к Колоссянам, 2:12: «Быв погребены с Ним в крещении, в Нем вы и совоскресли верою в силу Бога, Который воскресил Его из мертвых». В своей «Таблице Символов» Пенотус¹ устанавливает связь между «луной, духами, призраками смерти [Manes et Lemures] и богами нижнего мира» и «таинством крещения», а соответствующий этап опуса — это *solutio*, при котором происходит полное растворение несовершенного тела в *aqua divina*, погружение его в воду, умерщвление² и погребение. В могиле наступает разложение, и сопутствующий ему отвратительный запах — это зловоние могил³. В греческой алхимии встречается мотив заточения в нижнем мире, который мы находим в трактате Комария: «Заточи их [вещества] в Гадесе»⁴. Возрождение из вод(κλύδωνες) и из могилы можно найти у Кирилла Иерусалимского: «Сей спасительный поток — и ваша могила, и ваша мать»⁵, и у св. Августина: «Вода влечет его, какумирающе-го, вниз, в могилу; Святой Дух возносит его ввысь, как воскресающего, в небеса»⁶.

В трактате Останеса⁷ говорится, что во время приготовления ὕδωρ θεῖον сосуд с ингредиентами необходимо погрузить в морскую воду, и тогда божественная вода обретет совершенство. Текст гласит: «Сия [божественная] вода делает мертвое живым, а живое — мертвым, освещает тьму и затемняет свет, концентрирует[δράσσειται] морскую воду и гасит огонь». Поскольку эта божественная вода встречается даже в древнейших текстах, ее источник скорее языческий, чем христианский. В древнейшем из известных нам китайском трактате (142 н.э.) тоже присутствует идея божественной воды: это «текучий жемчуг» (ртуть) и божественная ци, означающая «воздух, дух, эфир-

¹ Theatr. chem., II, p. 123.

² Классический пример этого — распадение Габриция на «атомы» (*partes indivisibilis* [неделимые частицы]) в теле Бейи.

³ *Morienus. De transmut. metallica / Art. aurif.*, II, p. 33.

⁴ ἰ73i Текст здесь в плохом состоянии. Данные слова явно приписаны Стефану и встречаются не только в трактате *Комария* (*Berthelot. Alch. greccs, IV, xx, 13, lines 17,20*), но и у *Зосулия* (III, ii). Мог ли Стефан (VII в.) использовать столь архаичное выражение, неясно. Отрывок действительно принадлежит трактату Комария, где встречается в другом месте (10, строки 22 сл.) в несколько измененном виде. Текст гласит: «Волны повредили их [вещества]...¹¹⁷⁴¹ в Гадесе и в могиле, где они лежали. Но когда могилу открыли, они вышли из Гадеса, как новорожденный из утробы».¹¹⁷⁵¹

⁵ *Catecheses mystagogicae*, II, 4 (Migne, P.G., vol. 33, col. 1080).¹¹⁷⁶

**Pitra. Analecta sacra*, V, p. 150.¹¹⁷⁷¹

⁷ *Berthelot. Alch. greccs, IV, ii, 2.*

ную сущность». Различные сущности можно уподобить «изобильным вешним водам»¹, и это напоминает «благословенную воду» в трактате Комария, которая приносит весну². Древнее употребление воды для жертвоприношений и огромная роль, которую она играла в Египте, откуда берет начало западная алхимия, предвещало ту символику, которую вода обрела в позднейшие времена. Народные представления и суеверия, такие, какие мы находим в Магическом Папирусе, тоже вносят сюда свой вклад; слова, которые я сейчас приведу, вполне могли бы украшать собой алхимический трактат: «Я растение, называемое Байс, я поток крови... дитя бездны³... Я священная птица Феникс⁴... Я Гелиос... Я Афродита... Я Хронос, указующий свет впереди... Я Осирис, названный водой, я Исида, названная росой, я Эзенеф, названный весной»⁵. Точно также можно назвать и персонифицированную ὕδωρ θεῖον.

Христианское крещение смывает грехи и принимает неопита в Церковь, земное царство Христа; при этом происходит освящение и возрождение прощением, и крещеный одаряется новыми «неизгладимыми качествами». Воздействие aqua permanens такое же чудотворное. В «Gloria mundi» говорится: «Тайна всего сущего — жизнь, которая является водой, ибо вода растворяет тело в духе и забирает дух умершего»⁶. Растворение в духе, улетучивание или сублимация тела, химически аналогичны испарению или, во всяком случае, удалению испаряющихся ингредиентов, подобных ртути, сере и т.д. Психологически это соответствует сознательной реализации и интеграции содержания бессознательного. Бессознательные содержания скрываются где-то в теле, наподобие многочисленных и неуловимых демонов болезни, особенно когда они приводят к физическим симптомам, органические причины которых невозможно выявить. «Дух», покидающий тело, обычно представляет дух Меркурия, который как anima mundi в латентном состоянии присущ всем существам. Следующий отрывок предоставляет нам ясное свидетельство того, что это

¹ Isis. XVIII, p. 238 и 251.

² Berthelot *Alchimies*, IV, xx, 8, 9, 12.

ἐναβύσσατον ὕδωρ (глубинная вода) упоминается в трактате Христианоса «The Making of the Mystical Water» (Berthelot, VI, v, 6, line 12).

⁴ Самая ранняя ссылка на феникса, вероятно, принадлежит Зосиме (Berthelot, III, vi, 5), который, цитируя Останеса, приводит слова о «медном орле», что каждый день погружается в чистый источник, купаясь там, обновляется».¹¹⁷⁸

⁶ *Preisendanz*, *Papyri Graecae Magicae*, II, Pap. XII, lines 228—38J¹⁷⁹; ⁶ Mus. herm., p. 262 (Waite, I, p. 212). Это мнение вложено в уста «Сократа», и более или менее соответствует шестнадцатой проповеди из «Turba».

соль, о которой сказано: «И вот вещь, которую мы ищем: все наши тайны сокрыты в ней». Соль, однако, «ведет свое происхождение от Меркурия», так что соль — синоним арканной субстанции. Она также играет важную роль в католическом ритуале: после благословения сольдобавляют в освященную воду, а в церемонии крещения несколько кристаллов освященной соли кладут в рот неопита со словами: «Прими соль мудрости: быть может, она будет твоим утешением для жизни вечной».

Поскольку алхимики стремились создать нетленное «восславленное тело», они могли бы, если бы добились успеха, достичь этого состояния в *albedo*, когда тело становится чистым и уже не подверженным тлению. Белое вещество золы¹ было поэтому описано как «диадема сердца», а его синоним, белолистная земля (*terra alba foliata*) — как «победный венец»². Зола идентична «чистой воде», которая «очищена от тьмы души и от темной материи, ибо злобность (*malitia*) низменной суетности была от нее отделена»³. Эта «*terrestreitas mala*» представляет собой «*terra damnata*» (проклятую землю), упомянутую другими авторами; именно ее Гете называл «невыносимым качеством земли», несмываемой моральной низостью. У Сениора земля выступает в качестве синонима *vitrum* (стекла), которое из-за своей чистоты и прозрачности приводит на память восславленное тело. Стекло, в свою очередь, ассоциируется с солью, поскольку соль восхваляется как «дева и чистая земля» и «чистейшее хрустальное стекло», сделанное главным образом из *sal Sodae* (содовых солей) и песка, добавленного в качестве связующего вещества. Итак, сырье стекольного производства (в технической терминологии «замес»), «формируется из двух чистых веществ»⁴. Далее стекло обрабатывается в огне, «чистой» стихии. В остром или обжигающем вкусе соли алхимики видят огонь, обитающий в ней, чьи охранительные свойства она в действительности разделяет. В связи с этим приводят слова Александра Македонского: «Знайте, что соль — это огонь и сухость»⁵, или: «Соль обладает при-

¹ Зола — пережженное и прокаленное вещество, неподверженное никакому разложению.

² *Senior. De chemia*, p. 41: «Белолистная земля — это победный венец, который есть зола, извлеченная из золы». ¹¹⁸⁾ Связь с I Фес. 2:19: «...наша надежда, или радость, или венец похвалы» в данном случае сомнительна, как и с Ис. 28:5: «...Господь Саваоф будет великолепным венцом и славною диадемою...» С другой стороны, слова Исайи, 61:3 «...вместо пепла дается украшение...» весьма важны для понимания алхимической связи между золой, диадемой и венцом. Ср. *Goodenough. The Crown of Victory*.

³ *Ibid.*, p. 40.

⁴ *Vigenerus. De igne et sale / Theatr. chem.*, VI, pp. 44f.

⁵ *Mus. herm.*, p. 217 (Waite, I, p. 176).

родой огня»¹. Соль также родственна сере, чья природа по существу огненная². Глаубер утверждает, что «огонь и соль по своей глубинной натуре суть одно и то же» и потому «высоко ценятся всеми благоразумными христианами, но невежда разбирается в подобных вещах не больше, чем корова, свинья или иная скотина, живущая без разума». Он также говорит, что «абиссинцы» крестятся водой и огнем. Без огня и соли варвары не могут совершать жертвоприношения, и евангелист Марк повествует, что «...всякий огнем осолится, и всякая жертва солью осолится»³.

h. Интерпретация и значение соли

Соль, как и зола, синоним *albedo* (или *dealbatio*), и идентична «белому камню, белому солнцу, полной луне, плодоносной белой земле, очищенной и прокаленной»⁴. Связующее звено между золой и солью — поташ, а обжигающие и разъедающие качества щелока (едкого натра) общеизвестны⁵. Сениор упоминает, что *dealbatio* знали как «*salsatura*» (соление)⁶.

Относительно многочисленных, частично совпадающих, значений соли ситуация проясняется, когда мы далее узнаем, что, в первую очередь, она символизирует *душу*. Как белое вещество соль — «белая женщина», а как «соль нашей магнезии»⁷ — «искра *anima mundi*» [мировой души]⁸. Для Глаубера соль обладает женским началом и соответствует Еве⁹. «*Gloria mundi*» гласит: «Солью земли является душа»¹⁰. Эта многозначительная фраза несет в себе всю двусмыслен-

¹ *Vigenerus*, p. 57.

² *Mus. herm.*, p. 217.

³ *De natura salium*, p. 16f. Здесь Глаубер ссылается на Мк. 9:49.

Mylius. Phi!.ref.,p.20.⁸¹¹

⁵ Ср. «*Liber de aluminibus et salibus*», приписываемую Разису или Гарланду (*Buch der Alaune und Salze*, изд. *Ruska*, p. 81ff). Этот чисто химический трактат арабского происхождения дает некоторое представление о познаниях средневековых алхимиков в химии.

⁶ *De chemia*, p. 42.

⁷ Для алхимиков магнезия, как правило, была арканной субстанцией, а не специфически химическим веществом. Ср. Айон, § 241 сл., 244.

⁸ *Khunrath. Nyl. Chaos*, p. 197.

⁹ *De signature salium*, p. 12. О Еве как содержащемся в мужчине женском начале см.: Психология и религия, § 47, прим. 22.

¹⁰ *Mus. herm.*, p. 217 (*Waite*, I, p. 176): «*Sal terrae est anima*». [Соль земли - душа.]

ность алхимии. С одной стороны, душа выступает как «aqua permanens, растворяющая и концентрирующая», арканная субстанция, одновременно преобразующая и преобразуемая, та сущность, которая покоряет природу. С другой стороны, человеческая душа заточена в теле, как *anima mundi* — в материи, и эта душа подвергается такому же преображению смертью и очищением и, наконец, *прославлением*, как и ляпис. Это тинктура, которая «сгущает» все вещества и, даже более того, сама «фиксируется» (*figit*); она берет начало «от центра земли, и сама является разрушенной землей, и нет на земле ничего подобного тинктуре»¹. Поэтому душа представляет собой не земную, а трансцендентальную сущность, несмотря на то, что алхимики ожидали ее появления в реторте. Такое противоречие не смущало средневековую мысль. Тому была хорошая причина: философы были столь зачарованы своим собственным анимизмом, что наивно переносили на внешний мир внутреннее психическое состояние. Хотя бессознательное, олицетворенное в аниме, по своей сути трансцендентально, оно может появиться в сфере сознательного, то есть в этом мире, как влияние на процессы сознания.

Соль, как и мировая душа, пронизывает собой все. Она вездесуща и таким образом отвечает главному требованию к арканной субстанции, то есть ее можно обнаружить повсеместно. Несомненно, что читателю, как и мне, ясно, насколько сложно оценить все значение соли и выявить ее всеобъемлющие связи с окружающим. Она представляет женский принцип Эроса, который заставляет все взаимодействовать почти совершенным образом. В этом отношении она уступает только Меркурию, и поэтому совершенно понятно утверждение, что соль происходит из Меркурия. Ибо соль, как душа или искра *anima mundi*, подлинная дочь *spiritus vegetativus* творения. Соль намного более независима и более универсальна, чем сера, чья сущность часто определяется ее огненной природой.

Отношение соли к *anima mundi*, которая, как нам известно, олицетворяется Первым человеком, или антропосом, вызывает аналогию с Христом. Глаубер сам придумал уравнение Соль : Солнце = $\Lambda:\Omega^2$, так что соль оказалась вариантом Бога. Согласно Глауберу, знак соли \ominus раньше представлял собой \odot ³, символ двойной полноты; окружность означа-

¹ P. 218. В какой степени тинктура является «крестильной водой», можно видеть из трудов греков (*Berthelot*, VI, xviii, 4, line 2): «Будучи телами, они становятся Духами, дабы он мог окреститься в тинктуре духа».¹⁸²¹ Аналогичный пассаж есть у *Пелагия* (*Berthelot*, IV, i, 9, lines 17ff.). Мы вспоминаем и знаменитый отрывок из Зосимы о *кратере* (*Berthelot*, III, li, line 8): «окрещенный в *кратере*», что является ссылкой на крещение Феосебии в общине Поймандра.

² De signature salium, p. 15.

³ Ibid., p. 23.

ла недифференцированную целостность, а квадрат — дифференцированную¹. Собственно говоря, для соли есть другой знак в отличии ♁, от знака Венеры ♀, которая, разумеется, играет меньшую роль в достижении понимания и мудрости, чем соль. Соль, как говорит Глаубер, была сотворена «первым велением»². Христос — соль той мудрости, что даруется при крещении³. Эти идеи были усовершенствованы Георгом фон Веллингом, а именно: Христос есть соль, веление есть Слово, рожденное вечностью, дабы мы хранили его. Христос есть «сладкая, твердая соль молчания, кроткая вечность». Тело, посоленное Христом, становится тинктурированным и, стало быть, неподверженным тлену⁴.

Аналогия с Христом, проходящая через поздние алхимические спекуляции, появившиеся после Бёме, стала возможной благодаря уравнению *sal* : *sapientia*. Уже в древности соль (как и дух) обозначала остроумие, добрые чувства, хороший вкус и т.д. Цицерон, например, замечает: «Остротой ума [*sale*] и юмором Цезарь ... превосходит их всех»⁵. Но самое большое влияние на формирование алхимических концепций оказала Вульгата. В Ветхом Завете даже «соль завета»⁶ имеет нравственный смысл. В Новом Завете знаменитые слова «Вы — соль земли» (Евангелие от Матфея, 5:13) показывают, что ученики считаются персонификацией высшего понимания и божественной мудрости, также как в своей роли *dnbaxoloi* (свидетельствующих обучении), они выступают как «ангелы» (*αγγελοι*, «посланники»), чтобы царство Божье на земле смогло максимально приблизиться к структуре небесной иерархии. Другой хорошо известный отрывок Евангелия от Марка (9:50) заканчивается словами: «Имейте в себе соль, и мир имейте между собою». Более раннее обращение к соли в Новом Завете (Послание к Колоссянам, 4:6) тоже считается классическим: «Слово ваше (да будет) всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому».

Здесь соль, несомненно, обозначает понимание, разум, мудрость. И у Матфея, и у Марка соль может потерять свой вкус. Очевидно, что соль должна хранить свои качества, подобно тому как благоразумные девы сохраняют свои светильники зажженными. Для таких целей необходима гибкость ума, поскольку самой нежелательной вещью здесь было бы упорное убеждение в необходимости веры. Все согласится, что задача

¹ См. выше.

² *De natura salium*, p. 44.

³ *Ibid.*, p. 51.

⁴ *Opus Mago-Cabbalisticum*, p. 6 и 31.

⁵ *De officiis*, I, §133, p. 136f.¹⁸³

⁶ Например, Лев. 2:13.

церкви — сохранять свою сокровищницу мудрости, aqua doctrinae [вода учения], в ее первоначальной чистоте, и, в то же время, из уважения к изменяющемуся духу времени, она должна обновлять и преобразовывать ее, как это делали отцы церкви. Для культурного греко-римского мира раннее христианство было в числе прочего учением в маске философии, что мы непосредственно можем наблюдать у Ипполита. Это была конкурирующая философская доктрина, достигшая пика своего совершенства в писаниях св. Фомы Аквинского. Вплоть до шестнадцатого века философский уровень христианской доктрины был таким же, как в сегодняшней науке.

Тем не менее врачи и натурфилософы Средневековья видели перед собой вопросы, на которые Церковь ответить не могла. Сражаясь с болезнями и смертью, врачи, не колеблясь обращались за советам к арабам и таким образом воскрешали ту часть древнего мира, которую Церковь считала навсегда истребленной, то есть те следы эллинистического синкретизма, которые выражались в мандействе и сабействе. Из них они вывели *sal sapientiae*, которая казалась столь далекой от доктрины Церкви, что это привело к длительному процессу взаимной ассимиляции, давшему весьма примечательные плоды. Церковные аллегории, насколько я могу судить, придерживаются только классического подхода к соли. Только св. Иларий (ум. 367), кажется, проник более глубоко в природу соли, когда отметил, что «соль содержит в себе стихии воды и огня, и поэтому она единая из двух»¹. Пичинеллус замечает: «Две стихии, находящиеся в непримиримой вражде, в соли вступают в удивительный союз. Ибо соль — целиком огонь и целиком вода»². Что же касается прочего, он советует пользоваться солью умеренно: «Сдобрите слово солью, но не пересолите его»³, а другой ранний аллегорист, иезуит Никола Коссен⁴, не упоминает соль вообще.

Это, в общем, не удивительно, ибо как примириться мудрости с откровением? Как показано в некоторых канонических книгах Ветхого Завета, кроме мудрости Божьей, которая выражается в откровении, существует человеческая мудрость, которую нельзя получить иначе, кроме как трудясь для нее. Поэтому Марк (9:50) призывает к тому, чтобы мы всегда имели в себе достаточно соли, он, разумеется, не имеет в виду божественное откровение, потому что оно является тем, что человек не может произвести сам, своими силами. Но человек, по крайней мере, может развивать и возвращать свою собственную, человеческую мудрость. То, о чем предупреждает Марк, и то, что говорит об этом Па-

¹ *Commentarium in Matthaei Evangelium*, IV, 10 (Migne, P.L., vol. 9, col. 954).¹¹⁸⁴

² *Mundus symbolicus*, p. 711.

³ «Aspergatur sermo sapientia, non obruatur».

⁴ *Polyhistor symbolicus*.

вел, согласуется с традиционным иудео-эллинизмом еврейских общин того времени. Авторитарная Церковь, однако, оставила очень мало места для соли человеческой мудрости. Поэтому не удивительно, что *sal sapientiae* играет несравненно большую роль вне Церкви. Ирелей, рассказывая о взглядах гностиков, замечает: «Духовное начало, говорят они, нисходит к нам, чтобы объединиться с душой (психе), придать ей форму и наставить ее. И они объявляют ее солью и светом мира»¹. Объединение духовного, мужского начала с женским, психическим (душевым) началом, встречается далеко не только в фантазиях гностиков: его эхо можно обнаружить в Успении Богородицы, в союзе Тиферет и Мальхут и в словах Гете: «Здесь — заповеданность истины всей./Вечная Женственность тянет нас к ней». Ипполит высказывает ту же точку зрения, что и Сетиан. Он говорит:

Но когда эта волна вздымается ветром над водой, оплодотворяется им и обретает плодоносные силы женственности, она поддерживает свет, распространяемый свыше вместе с благоуханием духа[πνεύματος]², и Нус принимает различные формы. Этот [свет] есть совершенный Бог, нисходящий из извечного света и духа в человеческое естество, как в храм, силой природы и дуновением ветра. Он рождается из воды, смешивается и растворяется в телах, как соль всех сотворенных вещей, а свет тьмы стремится освободиться из тела и не может найти выход. Поэтому очень маленькие искорки света смешиваются с благоуханием свыше... [Здесь следует искаженный и спорный отрывок, который я опускаю].

...Поэтому каждая мысль и тревога о высшем свете — это мысль о том, как и каким образом Нус можно освободить от смерти грешного и темного тела, от отца, пребывающего внизу[τοῦ κατωθεν]³, вздымающий волны в смятении и ужасе и порождающий Нуса, своего собственного совершенного сына, не являющегося, однако, его собственным сыном по сути. Ибо он — луч высшего света, посредством которого совершенный свет одолевает во тьме и ужасе горькую оскверненную воду, и сияющий дух возносится над водами...⁴

В этом удивительно прекрасном отрывке содержится почти все, что алхимики когда-либо пытались сказать о соли: она — дух, превращающийся из тела в свет (*albedo*), искра *anima mundi*, заточенная в темных глубинах моря и рожденная там высшим светом и «плодоносными

¹ Adv. haer., I, vi, 1.

² Здесь *пневма* — это святой дух, а не ветер.

³ «Смерти» и «отцу, пребывающему внизу», предпослано одно и то же еловый я б (из) и поэтому они параллельны, если не идентичны, поскольку порождающий жизнь порождает и смерть. Это указывает на неизбежно полярную природу *auctor rerum*.

⁴ Elenchos, V, 19, 14ff. Cp. Legge, *Philosophumena*, I, p. 163f.

силами женственности». Следует отметить, что алхимики не могли ничего знать об Ипполите, поскольку его «Philosophumena», долго считавшаяся утерянной, была вновь открыта лишь в середине девятнадцатого столетия в монастыре на горе Афон. Всякий, знакомый с духом алхимии и гностическими взглядами Ипполита, будет вновь и вновь поражаться этому близкому сродству.

Ключ к этому отрывку из «Elenchos», а также другим, сходным с ним, обнаруживается в феноменологии самости¹. Соль выступает не как обычный символ, встречающийся в сновидениях, но появляется в кристаллической кубической форме², которая на рисунках многих пациентов находится в центре и поэтому представляет самость; подобно этому, четвертичная структура большинства мандал напоминает один из знаков соли, упоминавшихся выше. Символы самости выражают различные ее аспекты, так же как многочисленные синонимы и атрибуты ляписа подчеркивают различные его стороны. Кроме своей охранительной функции, соль главным образом выражает метафорическое значение sapientia. В «Tractatus aureus» об этом аспекте сказано: «Говоря тайным языком наших мудрецов, работающий без соли никогда не поднимет мертвых... Кто работает без соли, тот тащит корову без веревки. Поэтому ты должен знать, что здесь подразумевается соль, совершенно отличная от обычного минерала... Иногда магию называют *Солью*»³. В данных словах содержится двоякий смысл: соль здесь означает «разум» и «мудрость». Касаясь важности соли для опуса, Иоганнес Грассеус говорит об арканной субстанции: «Это Свинец философов, который они также называют свинцом воздуха. В нем находится сияющая белая голубка, именуемая солью металлов, где заключены все тайны работы. [Голубка] — чистая, целомудренная, мудрая и богатая царица Савская»⁴. Здесь соль, арканная субстанция (парадоксальный «свинец воздуха»), белая голубка (spiritus sapientiae), мудрость и женственность объединяются в одной фигуре. Фраза из «Gloria mundi» совершенно ясна: «Не поймет Искусство тот, кто не знает соли и ее приготовления»⁵. В «Aquaigium sapientum» sal sapientiae происходит из aqua benedicta [благословенная вода] или aqua pontica, которая, будучи экстрактом, именуется «сердцем, душой и духом». Вначале aqua была заключена в первоматерии и имела «крово-красный цвет, но после приготовления она становится светлой, ясной, прозрачно-белой и мудрецы называют ее Солью Муд-

¹ См. Айон, § 13.

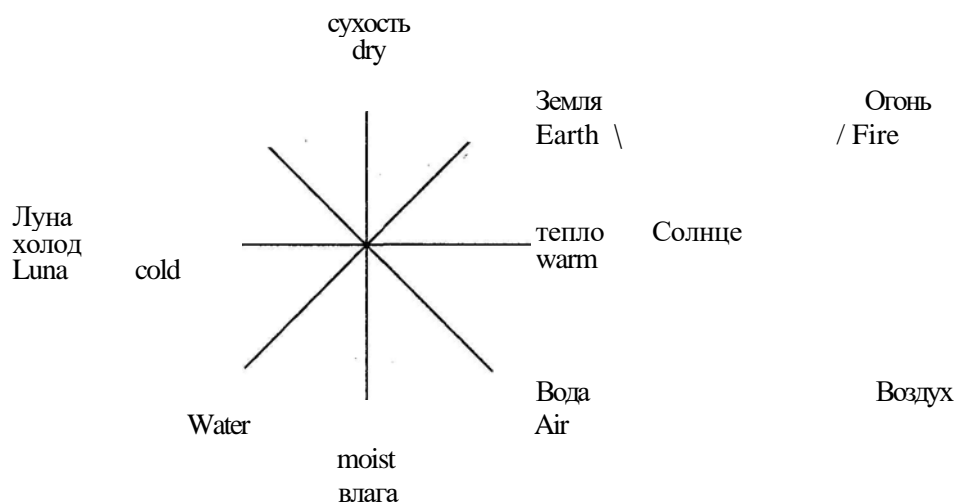
² Кубические кристаллы соли упомянуты у Веллинга: Opus Mago-Cabbalisticum, p. 41.

³ Mus. herm., p. 20 (Waite, I, p. 22).

* Acta arcani / Theatr. chem., VI, p. 314.

⁵ Mus. herm., p. 216 (Waite, I, p. 176).

рости»¹. Кунрат смело подытоживает эти утверждения о соли, когда говорит: «Наша вода не может быть получена без соли мудрости, потому что сама является солью мудрости, как говорят философы; именно огнем, соленым огнем, истинным Живым Универсальным Растворителем». «Без соли деяние не будет успешным»². В другом месте он замечает: «Мудрецы не без причины нарекли соль именем Мудрости». Соль — это ляпис, «тайна, которую надо скрывать»³. Вигенер утверждает, что Спаситель избрал своих учеников, дабы они были солью чело-веков и проповедовали для них чистое и незамутненное учение евангелия. Он сообщает также, что, по мнению «каббалистов», «соптрИаIю»⁴ еврейского слова *melach* (соль) дает число 78. Это число делят и получают еще одно слово, относящееся к Имени Бога. Мы не будем обсуждать сделанные им выводы, лишь отметим, что по этой причине соль использовали «для службы Богу во время всех жертвоприношений и священных ритуалов»⁵. Глаубер называет Христа *sal sapientiae* и говорит, что его любимый ученик Иоанн был «осолен солью мудрости»⁶.

¹ *Mus. herm.*, p. 88 (Waite, I, p. 80).

² *Nyl. Chaos*, p. 229, 254.

³ *Amphitheatrum*, p. 197. Ляпис, однако, соответствует самости.

⁴ Под «computatio» [расчет] имеется в виду «изопсефия», то есть сравнение сумм числовых значений букв, составляющих слова; слова с одинаковой суммой затем считают равными друг другу.

⁵ *De igne et sale / Theatr. chem.*, VI, pp. 129f.

⁶ *De natura salium*, pp. 25 и 51. Еще один символ самости — это Христос как *sal sapientiae*.

Помимоугунной влаги и земной природы, главными свойствами соли являются ее горечь и мудрость. Так же как в двойной четверице стихий и свойств общим качеством для земли и воды является холод, так и горечь и мудрость образуют пару противоположностей с третьим членом между ними.

Фактор, общий для обеих, хотя и не соизмеримый с этими идеями, может быть функцией *чувства*. Слезы, печаль, отчаяние — горьки, но мудрость — утешительница во всех душевных страданиях. Разумеется, горечь и мудрость образуют пару взаимоисключающих моментов: там, где есть горечь, там мудрость теряется, а где есть мудрость, нет места горечи. Соль, как носительница этой судьбоносной альтернативы, соответствует женской природе. Мужская, солнечная природа на правой стороне четверицы не знает ни холода, ни тени, ни тяжести, ни меланхолии и т.д., поскольку, пока все идет хорошо, она настолько близко, насколько это возможно, согласуется с сознанием и, как правило, представляет собой определенную идею. Тень в этой идее обычно отсутствует: во-первых, потому, что никто не желает примириться с какой-либо неполноценностью, а во-вторых, из-за логического запрета называть белое черным. Хороший человек обладает хорошими свойствами, и только дурной человек обладает дурными свойствами. Не желая ронять авторитет, мы обходим тень полным молчанием. Знаменитым примером мужского предрассудка может служить сверхчеловек Ницше, презирающий сострадание и противостоящий «недочеловеку», то есть обычному человеку, которым, по сути, является каждый. Тень не должна быть видна, она должна отрицаться, подавляться или преобразиться в нечто экстраординарное. Солнце всегда сияет, и все улыбается ему. Нет места для снижающей авторитет слабости, и поэтому *sol niget* никогда не просматривается. Его страшатся только в часы одиночества.

Что касается Луны, тут совсем другое положение: каждый месяц она темнеет и гаснет; она не может скрыть это ни от кого, даже от самой себя. Она знает, что сегодня она яркая, а завтра — темная, но кто когда-либо слышал о темном солнце? Мы назвали это свойство Луны «женской близостью к природе», а огненный блеск и пустые поверхностные разговоры, не проникающие в суть вещей, мы хотели бы назвать «мужской душой».

Невзирая на все попытки отрицания и затемнения бессознательного фактора, существует темное солнце, отвечающее за удивительно общий феномен мужского раздвоения личности, когда правая рука не знает, что делает левая. Такое расщепление мужской души и регулярное потемнение луны у женщин объясняют примечательный факт: мужчина обвиняет женщину как несущую мрак, а сам при этом наслаждается мыслью, что он — подлинный источник света и просвещения для

всех окружающих его существ женского пола. На самом деле лучшим советом для него был бы совет притушить блеск своего разума глубочайшим сомнением. Для этого типа мышления (который, помимо прочего, является великим трикстером, подобно Меркурию) нетрудно мириться с множеством грехов в полном убеждении своей правоты и даже объединять их с ложным чувством этического превосходства, ни на йоту не приближаясь к подлинной пронизательности. Этого никогда нельзя достичь безучастия чувства, но разум открывает чувствам дорогу, только тогда, когда они уместны. Новолунные женщины — источник бесчисленных разочарований для мужчины, которые всегда обращаются в горечь, хотя в равной мере могут быть источником мудрости, если их правильно понять. Естественно, это возможно только в том случае, если мужчина готов познать свое темное солнце, свою тень.

Подтверждение нашей интерпретации соли как Эроса (то есть чувственных взаимоотношений) можно найти и в том факте, что горечь является источником *цвета*. Нам надо лишь взглянуть на рисунки и картины пациентов, дополняющие анализ активным воображением, и мы увидим, что цвета представляют собой оценку чувств. По сути дела, вначале только карандаш или перо способны быстро и ярко изобразить сны, скрытые мысли и фантазии. Но с определенного момента пациенты начинают пользоваться красками, и именно тогда простой интеллектуальный интерес открывает путь эмоциональному участию. Редко подобный феномен можно наблюдать в снах, которые в такие моменты становятся цветными или окрашенными в один, особенно яркий цвет.

Разочарование — всегда потрясение для чувств, оно не только мать горечи, но и сильнейший стимул к дифференциации чувств. Крушение выношенных планов, разочарование в любимом, может привести либо к более или менее жестокой вспышке чувств, либо к их модификации и корректировке и, следовательно, к их дальнейшему развитию. Все это находит свое высшее воплощение в мудрости, если сопровождается размышлением и рациональной точкой зрения. Мудрость никогда не бывает яростной: там, где она царит, нет конфликтов между мышлением и чувством.

Интерпретируя соль таким образом, невольно задаешься обычным при обсуждении алхимических текстов вопросом: а приходили ли такие мысли в голову самим алхимикам? Из литературы нам известно, что они вполне осознавали моральное значение *amaritudo*, а под *sapientia* они понимали почти то же, что и мы. Но как мудрость происходит из горечи, и как горечь может быть источником цвета, это осталось для нас скрыто. У нас нет никаких причин верить, что эти связи были настолько самоочевидны для них, что любые разъяснения

считались излишними. Если бы это было так, кто-нибудь обязательно проболтался бы. Более вероятно, что они просто проговорили эти вещи, не осознавая и не обдумывая их. Более того, все упомянутые утверждения в сумме редко или никогда не формулируются последовательно одним автором, скорее, один автор упоминает одну вещь, а другой — другую, и только комплексный подход, который мы попытались здесь применить, способен дать целостную картину¹. Алхимики сами предлагали этот метод, и я должен признать, что именно они подтолкнули меня к психологической интерпретации. «Rosarium» говорит, что надо «читать страницу за страницей», а также что «следует освоить много книг» и «одна книга открывает другую». Однако из-за полного отсутствия, вплоть до девятнадцатого столетия, любого психологического подхода (который даже сегодня встречается с величайшим непониманием) представляется невероятным наличие в сознании алхимиков чего-либо, напоминающего психологическую интерпретацию. Их моральные представления вращались вокруг синонимов и аналогий, одним словом, вокруг «соответствия». Многие из их утверждений брали свое начало не в сознательных, а в бессознательных актах мышления, таких как сновидения, скрытые мысли и фантазии, значение которых можно понять только посредством тщательного сравнения и анализа.

Но величайшей из загадок, конечно, является вечная проблема того, что же алхимики в действительности имели в виду под их веществами. Что, например, значит «*sal spirituale*»? Единственно возможным ответом будет такой: химические вещества были настолько неизвестны им, что постоянно становились носителями проекций. Тьма, окутывающая их, была так загружена бессознательным содержанием, что между ним и химическим веществом возникало состояние *participation mystique* [мистическая сопричастность (фр.)]² или бессоз-

¹ Олимпиодор (*Berthelot*, II, iv, 38) замечает: «Таким образом, ключом к значению кругового искусства является его синопсис».¹⁸⁵¹ А в «*Turba*» говорится: «Чем больше я читаю книги, тем больше я просвещаюсь»¹⁸⁶¹ (изд. Ruska, *Sermo XV*, p. 125).

² Я взял концепцию *participation mystique* в вышеупомянутом смысле из трудов Леви-Брюля. Не так давно эту идею воспроизвели этнологи, частично по той причине, что в примитивных обществах очень хорошо известно, как дифференцировать вещи. В этом нет сомнений; но тем не менее нельзя отрицать, что для несоизмеримых вещей существует такой же несоизмеримый критерий сравнения (*tertium comparationis*). Можно думать только о повсеместном употреблении «мань», моти ве вервольфа и так далее. Далее, «бессознательная идентичность» — это психологический феномен, с которым психотерапевт вынужден сталкиваться каждый День. Некоторые этнологи также отказались от Леви-Брюлевской концепции *etat*

нательной идентичности, подобной, во всяком случае отчасти, бессознательным содержаниям. Об этом взаимоотношении алхимики имели смутное представление — однако вполне достаточное, чтобы позволить им сделать заключения, которые можно понять только как психологические.

Кунрат говорит: «И Свет сделался Солью, телом соли, солью мудрости»¹. Он же отмечает, что «точка в центре соли» соответствует «Тартару большого мира», то есть аду². Сольдолжна обладать парадоксальной двойственностью арканной субстанции. Так, «Gloria mundi» утверждает, что «в соли две соли», а именно сера и «коренная влага», две самые могущественные противоположности, которые только можно вообразить, и по этой причине соль также называют Ребисом³. Вигенер утверждает, что соль состоит из двух субстанций, поскольку все соли содержат серу и ртуть⁴. Это соответствует «царю и царице» Кунрата, двум «водам, красной и белой»⁵. Во время деяния соль «принимает вид крови»⁶. «Ясно, — говорит Дорн, — что соль, естественный телесный бальзам, порождается человеческой кровью. Она и порча, и защита против порчи, потому что при естественном порядке вещей несет столько же зла, сколько добра»⁷. Дорн был врачом, и его замечание характерно для эмпирического подхода алхимиков.

Темная натура соли объясняется ее «чернотой и зловонным запахом»⁸. При растворении живого тела она есть «последнее, что оста-

prelogique [дологического мышления (фр.)], тесно связанной с идеей participation. Термин не слишком удачен, потому что примитивный человек в давние времена мыслил так же логически, как и мы сегодня. Леви-Брюль осознавал это, как мне известно, из наших бесед. Под «дологическим» он имел в виду примитивное мышление, противоречащее только нашей рационалистической логике. Это мышление часто было чрезвычайно странным, и хотя оно не достойно именоваться «дологическим», но вполне заслужило термин «иррациональное». Удивительно, что Леви-Брюль, как это видно из его посмертно опубликованного дневника, отказался от обеих этих концепций. Это еще более удивительно, поскольку в них присутствовала весьма здравая психологическая основа.

¹ Hyl. Chaos, p. 74. Вероятно, аллюзия на Ин 1:9: «Был свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир».

² Ibid., p. 194.

³ Mus. herm., p. 217f (Waite, I, p. 177).

⁴ Theatr. chem., VI, p. 127.

⁵ Hyl. Chaos, p. 197f.

⁶ Mus. herm., p. 216.

⁷ Spec. phil / Theatr. chem., I, p. 307.

⁸ Mus. herm., p. 216.

«тятся после распада», но, в то же время, «первичный фактор возрождения»¹. Милиусясно идентифицирует соль с уроборосом-драконом². Мы уже упоминали ее идентификацию с морем Тифона; отсюда легко отождествить ее и с морским чудовищем Левиафаном³. Во всяком случае, между солью и Левиафаном существует удивительная связь, о которой Авраам Элеазар, ссылаясь на Книгу Иова, 40:15⁴, говорит: «Ибо Бегемот есть дикий бык, которого Высочайший осололил Левиафаном и сохранил для грядущего мира»⁵, очевидно, как пищу для обитателей рая⁶ или для чего-то, что может скрываться за словами «грядущий мир».

Другое ужасающее свойство соли — ее связь с вредоносным Сатурном, подразумеваемая в словах Грассеуса о белой голубке и философском свинце. Говоря о тождественности моря и соли, Вигенерука-зывает, что пифагорейцы называли море «слезой Крона» из-за его «соленой горечи»⁷. Что же касается ее связи с Тифоном, то соль также наделена смертоносным свойством⁸, как мы видели в главе о Сера, где

¹ Steeb. Coel. sephiroth., p. 26 и 29.

² Phil.ref., p. 195.

³ Я вспоминаю это всякий раз, сталкиваясь в текстах с такой ассоциацией.

⁴ [В русском каноническом тексте Книги Иова, 40:10: «Вот бегемот, которого я создал, как и тебя; он ест траву, как вол» — *Пер.*]

⁵ Uraltes Chymisches Werck, II, p. 62. Эта история изложена в сокращении в Вавилонском Талмуде. — Baba Bathra, II, p. 296f. (74b): «Все, что Благословенный Единый, сотворил в этом мире, он сотворил мужским и женским. И Левиафанов было двое: змей и ужасная змея. Он сотворил самца и самку, и, соединившись, они могли бы разрушить мир. Какже тогда поступил Святой Единый, Благословенный? Он кастрировал самца и убил самку, сохранив ее в соли, чтобы справедливость могла прийти в мир, ибо написано: И он поразит дракона, обитающего в море». Упоминается, что с Бегемотом он поступил так же. В порядке объяснения мне хотелось бы добавить, что два доисторических животных, Левиафан (вода) и Бегемот (земля), вместе со своими женскими половинами образуют четверицу противоположностей. Coniunctio oppositorum на животном, то есть на бессознательном, Уровне, предотвращается Богом как опасное, поскольку оно может оставить сознание на данном уровне и задержать его дальнейшее развитие. (Ср. Айон, § 181 сл.). Что же касается связи между солью и женским началом, то следует вспомнить, что осолена была женская ипостась Левиафана.

⁶ Подревней традиции Бог после грехопадения перенес рай в будущее.

⁷ Ср. *Плутарх*. Об Исиде и Осирисе, 32, *Moralia*: «Пифагорейцы называют море слезами Крона».

⁸ Ср. гностическое представление о Кроне, «всеразрушающем и неумолимом, Каквода». — *Hypolytus*. *Elenchos*, V, 16, 2 (Legge, I, 154). О дальнейших ассоциациях «ярким» морем см. Дух Меркурий, § 274.

Соль (Sal) наносит Сера (Sulphur) неисцелимую рану. Любопытная параллель этого обнаруживается в «Парсифале», где Кандри наносит рану Амфортасу. В притче о Сера Соль играет роль грешной новой луны.

Как естественный продукт, соль «несет столько же добра, сколько и зла». Как море, она — $\mu\alpha\tau\epsilon\rho$, «мать всего сущего», как слеза Крона, она — горечь и печаль; как «морская пена», она олицетворяет пену Тифона, а как чистая вода — саму Премудрость.

«Gloria mundi» утверждает, что aqua permarina — «очень прозрачная вода, такая горькая, что ее невозможно пить»¹. Превращаясь в молитвенный гимн, текст далее звучит так: «О вода вкуса горечи, охраняющая стихии! О природа подобия, растворяющая природу! О лучшее из сущего, превосходящее саму природу! ...Ты увенчана светом и рождена... и все сущее истекает из тебя»². Подобного этой воде нет ничего на земле, кроме того «иудейского источника», называемого «источником Спасителя или Блаженства». «С огромными усилиями и милостью Божией философы нашли этот великолепный родник». Но родник находится в месте столь тайном, что немногие знают о его «струе», и не известен им путь в Иудею, где его можно обнаружить. Поэтому философ³ восклицает: «О вода терпкого и горького вкуса! Ибо тяжело и трудно для любого человека отыскать сей источник»⁴. Эта очевидная аллюзия на арканную субстанцию и нравственное значение воды, и так же очевидно, что это не вода милости и не вода учения, но что она истекает из lumen naturae. Иначе автор не должен был подчеркивать, что Иудея находится в «тайном месте», потому что если бы имелось в виду христианское учение, то никому не было бы нужды искать его в тайном месте, ведь оно доступно всем. Также было бы совершенно необъяснимо, почему философу понадобилось восклицать: «О вода, которую всякий считает никчемной! Из-за ее бесполезности и извилистости⁵ никто не может достичь совершенства в искусстве или воспринять ее действительную силу; потому что в ней, можно сказать, находятся все четыре стихии. Несомненно,

¹ Mus. herm., p. 222 (Waite, I, p. 180).

² Ibid., p. 213 (Waite, p. 173).¹⁸⁷¹

³ Мориенус, в чьем трактате «De transmutatione metallica» («О трансмутации металлов») можно обнаружить лишь выражение «благословенная вода», идею «одного источника» четырех качеств и, наконец, важное замечание, что никто не может завершить делание «без душевных страданий». (Art. aurif., II, p. 18, 26, 34).

⁴ Mus. herm., p. 214.¹⁸⁸¹

⁵ «Curvatum» прежде всего аллюзия на извилистый путь воды и «nivuli» (струи ящегося, как ручей) Меркурианского змея.

что это aqua permanens или aqua pontica, первичная вода, что вмещает четыре стихии.

Психологическим эквивалентом воды первоначального хаоса¹ является бессознательное, которое старые авторы могли воспринять только в форме проекции, подобно тому как сегодня большинство людей не видят бревно в собственном глазу, но при этом прекрасно различают соломинку в глазу ближнего. Политическая пропаганда эксплуатирует эту примитивность и завоевывает наивных, используя их собственные недостатки. Только сражаясь с этой подавляющей опасностью, можно распознать тень. Даже взглянуть в эту тьму — значит осветить, расширить сознание посредством интеграции ранее бессознательных компонентов личности. Усилия Фрейда перевести тень в область сознания являются логическим и благотворным ответом на почти универсальное бессознательное и проективные склонности обывателей. Можно сказать, что Фрейд со своим безошибочным инстинктом пытался отвести опасность общенародной психической эпидемии, которая угрожала Европе. Но он не понимал, что встреча с тенью вовсе не является безопасным и невинным делом, с которым можно справиться при помощи «разума». Тень есть то примитивное, которое все еще живет и действует в современном человеке, и наш цивилизованный разум ничего для нее не значит. Она должна управляться высшими силами, которые можно найти в великих религиях. Даже Разумность, справив свой триумф в начале Французской Революции, скоро превратилась в богиню и восседала на престол в Соборе Парижской Богоматери.

Тень вызывает опасное очарование, которому может противостоять только другое *fascinosum* [колдовство, очарование]. Тень не может быть вызвана из тьмы разумом, даже разумом самой рациональной личности, но только освещением, степень и форма которого эквивалентна тьме, но полностью противоположна «просвещенности». Поэтому мы называем «рациональным» все, что кажется «пригодным» человеку с улицы, и при этом задаемся вопросом, не окажется ли эта «пригодность» в конце концов «иррациональной» в худшем смысле слова. Временами, даже имея самые благие намерения, эту дилемму разрешить невозможно. Это происходит тогда, когда примитивный человек сам полагается на высокие авторитеты и на решение за пределами его понимания. Цивилизованный человек в своем ближайшем окружении функционирует в подходящей и адекватной манере, то есть рационально. Но если из-за какой-то явно неразрешимой дилеммы он выходит за пределы цивилизации, то снова становится примитивным;

¹ «Была тьма: сначала Все, что скрывала тьма, было неразделенным хаосом». Ригведа, X, 129,2.

он пользуется иррациональными идеями и действует интуитивно; тогда уже не он думает, но «оно» думает за него; и тогда, чтобы обрести чувство безопасности, он нуждается в магических действиях; тогда скрытая ранее автономия бессознательного становится активной и начинает проявляться, как это всегда происходило в прошлом.

Добрые вести, провозглашенные алхимией, заключались как в том, что в Иудее однажды забил источник, так и в том, что теперь существует тайная Иудея, дорогу в которую найти непросто, и скрытый родник, воды которого кажутся столь никчемными¹ и столь горькими, что считаются абсолютно бесполезными. Из многочисленных намеков² мы знаем, что внутренняя жизнь человека — это «тайное место», где можно обнаружить aqua solvens et coagulans [воду, расжиженную и сгущенную], medicina catholica, или панацею, искру природного света³. Наш текст показывает нам, что многие алхимики поднимали свое искусство до уровня божественного откровения и рассматривали его по меньшей мере как существенную добавку к труду искупления. В действительности, лишь некоторые из них создали золотую цепь, протянувшуюся от земли до неба, но как раз они и являются отцами сегодняшнего естествознания. Они были невольными инициаторами раскола между верой и знанием, и это они заставили мир осознать, что спасение не было ни полным, ни окончательным. «Поскольку эти вещи существуют, — говорили церковники семнадцатого столетия, — для людской проничательности будет достаточно в свете веры распознать как бы преломленные лучи Божьего величия в мире и в сотворенных вещах»⁴. «Преломленные лучи» соответствуют «некой освещенности», о которой алхимики говорят, что она присуща миру природы.

Откровение, сообщающее общие истины, которые зачастую ни в малейшей степени не освещают состояние современной личности, не было тем откровением, которое подарило нам микроскоп и машины. А поскольку человеческая жизнь не основывается в сколько-нибудь заметной степени на высоких истинах, источник знаний, открытый старыми алхимиками и врачами, оказал человечеству огромную и желанную услугу — настолько огромную, что она затмила для многих людей свет откровения. В рамках цивилизации вполне достаточно человеческого упорного рационализма. Вне ее сияет или должен сиять свет веры. Но там, где тьму невозможно постичь (а это прерогатива тьмы!),

¹ «Vilitas» [бесполезность, никчемность] — это то, в чем упрекали Иисуса. Ср. Ин. 1:46: «...из Назарета может ли быть что доброе?»

² Ср. Психология и алхимия, §421.

³ Или, как выразительно сказал Мориенус (Art. auif., II, p. 32): «Пока она не засверкает, подобно рыбьим глазам».

⁴ Caussin. *Polyhistor symbolicus* (1618), p. 3.^{1189!}

те, кто трудится в темноте, должны пытаться завершить опус, что приведет к появлению «рыбьих глаз», сверкающих в глубине моря, или к восприятию «преломленных лучей Божьего величия», несмотря на то что они излучают свет, который, как правило, не может победить тьму. Но если во тьме присутствует свет, рассеивающий тьму, тьма более не преобладает. Стремление тьмы к свету находит свое завершение лишь тогда, когда свет больше невозможно рационально объяснить при помощи тьмы. Ибо тьма обладает своим специфическим разумом и своей собственной логикой, которую следует рассматривать очень серьезно. Только «непостижимый для тьмы» свет может осветить ее. Все, что тьма думает, понимает и постигает посредством самой себя, есть тьма; поэтому она может быть освещена только тем, что нежеланно для нее, неожиданно и непостижимо. Психологический метод активного воображения является прекрасным примером для этого; иногда сон, содержащий религиозные мотивы и какой-нибудь особенный случай, дает тот же эффект.

Алхимию объявили источником знания, параллельным, если не эквивалентным откровению, которое дает «горькую» воду способом, неприемлемым на человеческий взгляд. Она терпкая и горькая или подобна уксусу¹, поскольку является горьким веществом, посредством которого можно воспринять тьму и черноту *umbra solis*, и пройти через долину тени. Да, она горька и именно для того, чтобы суметь раскрыть за чьей-то высокой идеей узкие, фанатичные и в силу этого упорно поддерживаемые убеждения, а за чьими-то героическими притязаниями не обнаружить ничего, кроме грубого самомнения, детской жадности и самодовольства. Это болезненное лечение — неизбежная стадия любого психотерапевтического процесса. Как говорят алхимики, он начинается с *pigredo* либо же генерирует его как обязательное условие для синтеза, потому что если противоположности не сформируют систему и не поступят в сознание, они никогда не объединятся. Фрейд остановил процесс на редукции низшей части личности и был склонен к переоценке опасности темной стороны, которая, разумеется, не состоит только из относительно безобидных инфантилизмов. Человек не настолько разумен и добр, чтобы справиться со злом *eo ipso* [тем самым]. Тьма может совершенно поглотить его, особенно когда он находится среди себе подобных. Массовое сознание возвращает бессознательное и затем зло нарастает подобно лавине, как показывают современные события. Разумеется, общество способно трудиться и

Майер (*Symb. aur. mensae*, p. 568): «В нашей химии есть некая благородная субстанция... в начале приносящая уксус несчастья, но в конце — радость и веселье. Так, полагаю я, произойдет и со мной: сперва я буду страдать, вкушу трудно-^{Ст}и, горечь, беду и усталость, но в конце увижу свет радости и облегчения».¹¹⁹⁰¹

для добра; это даже необходимо из-за нравственной слабости большинства человеческих существ, которые, чтобы выжить, должны цепляться за что-то доброе во внешнем мире. Великие религии являются психотерапевтическими системами, дающими опору для тех, кто не может стоять самостоятельно, а таких людей подавляющее большинство.

Несмотря на свои явно «еретические методы», алхимики своим позитивным отношением к церкви показали, что они были умнее, чем некоторые современные апостолы просвещения. Также — по яркому контрасту с сегодняшними рационалистическими тенденциями — они продемонстрировали, невзирая на «извилистость своих мыслей», замечательное понимание образов, на которых строится христианский космос. Мир образов, в своей исторической форме, невозвратно потерян для современного человека; эта потеря духовно обеднила массы и принудила их искать ничтожную замену, столь же тлетворную, сколь и бесполезную. Нельзя найти ответственного за такое развитие. Оно скорее вызывается неравномерным темпом духовного роста и переменами, чьи движущие силы простираются далеко за горизонт индивидуума. Человек может только надеяться сохранить скорость этого роста и попытаться понять его в достаточной мере, чтобы не оказаться целиком в его власти. Тревожной стороной массовых движений, даже если они изначально несут добро, является безусловное требование слепой веры. Церковь никогда не объясняла истину своих образов, потому что признавала правильность только своей точки зрения. Она развивается исключительно в рамках своих образов, и ее аргументы никогда не должны требовать доказательств. Стадо невинных агнцев всегда было прототипом легковой толпы, хотя Церковь легко распознает волков в овечьей шкуре, сбивающих верующих с пути истинного, чтобы уничтожить их. Трагедия в том, что слепая вера, ведущая к гибели, широко практикуется и в самой Церкви, преподносясь как высочайшая добродетель. Однако Господь сказал: «Итак будьте мудры, как змии»¹, и Библия сама подчеркивает мудрость и хитрость змеи. Но как развить эти полезные, если не сказать похвальные качества и отдать им должное? Змея вошла в поговорку, как нечто нравственно отвратительное, однако если человек не так ловок, как змея, то из-за своей слепой веры он может столкнуться с трудностями.

Алхимики знали о змее и «холодной» стороне природы² и сказали об этом достаточно, чтобы их преемникам стало ясно, что они пытались

¹ Мф. 10:16.

² Ипполит приводит следующие слова перипатиков: «Универсальный змей — это мудрое слово Еввы».¹⁹¹¹ Змей — таинство и река рая, и знак, защищающий

провести этот змеевидный Нус тьмы, *serpens mercurialis*, через стадии трансформации к цели — совершенству (*telesmus*)¹. Более или менее символическая или проективная интеграция бессознательного, шедшая рука об руку с этим процессом, давала так много благоприятных эффектов, что алхимики сочли возможным проявить осторожный оптимизм.

Каина, чтобы никто не убил его, ибо Бог этого мира (6 Seoq тоШ хо) > хосоч) не принял его жертву. Этот Бог весьма напоминает нам «князя мира сего» св. Иоанна. У перипатиков он был, конечно, демиургом, «отцом, пребывающим внизу» (*icaif*]p "4tffl9ev). См. *Elenchos. W*, 16, 8f. (Legge, I, 155f.).

¹ «Это отец всего совершенного».¹⁹²¹ *Ruska. Tabula Smaragdina*, p. 2.

IV. Rex и Regina

1. Введение

Мы уже несколько раз в ходе нашего исследования встречали царскую чету, особенно фигуру Царя, не буду упоминать уже о материале, представленном под таким же заголовком в «Психологии и алхимии». Соответствуя прототипу Христа, Владыки в христианском мире идей, Царь играет центральную роль в алхимии и поэтому им нельзя пренебречь как простой метафорой. В «Психологии переноса» я обсуждал серьезные причины более детальной проработки этого символа. Поскольку царь, согласно общим представлениям, высшая фигура, возносящаяся над простыми людьми, он становится носителем мифа, то есть выражения коллективного бессознательного. Внешние атрибуты царского достоинства особенно ясно указывают на это. Корона символизирует связь царя с солнцем, испуская солнечные лучи; его украшенная драгоценными камнями мантия — это звездный небосвод; держава — модель мира; величественный трон возносит царя над толпой; обращение «Величество» приближает его к богам. Далее мы обратимся к истории, чтобы более наглядно показать, как царей наделяли божественным достоинством. Божественное право царей сохранялось до относительно недавних времен, а римские императоры даже узурпировали титул бога и потребовали ввести собственный культ. На Ближнем Востоке сама суть монархии основывалась больше на теократии, чем на политической власти. Душа всего народа была подлинной и первой основой монархии: было самоочевидно, что владыка является магическим источником благоденствия и процветания для целостного органического сообщества людей, животных и растений; благодаря ему его подданные жили и процветали, растения росли, и земля плодоносила. Такое значение монархии не было изобретено *a posteriori*, оно находится в глубине души *a priori* и уходит своими корнями далеко в предысторию, очень близко подходя к естественному откровению структуры психики. Тот факт, что мы

объясняем этот феномен на рациональной основе целесообразности, что-то значит только для нас; он ничего не значит для примитивной психологии, которая в гораздо более высокой степени, чем наши объективно ориентированные взгляды, базируется на чисто психических и бессознательных представлениях.

Теологическая сторона монаршей власти хорошо нам известна и, может быть, наиболее ярко воплотилась в Древнем Египте, где развились концепции, воспринятые греками, которые пропитывают ныне всю духовную историю Запада. Фараон был инкарнацией Бога¹ и сыном Бога². В нем находилась божественная энергия и плодоносная сила, *ка*: Бог воспроизводил себя в человеческой матери Бога и рождался от нее как Богочеловек³. Поскольку он гарантировал рост и процветание земли и людей⁴, то возлагал на себя бремя быть убитым, когда исполнялся его срок, то есть когда истощалась его плодоносная сила⁵.

¹ Житель островов Фиджи говорил Хокарту: «Только в вождя можно верить: он — истинный человеческий бог» (Kings and Councillors, p. 61). «Мы должны всегда хранить в душе ту истину, что царь — это бог богов» (p. 104).

² Фараон выступает как сын Бога-Творца. «Но на некоторых празднествах «сын» объединяется с божественным «отцом» в мистическом ритуале». (Jacobsohn. *Die dogmatische Stellung des Königs in der Theologie der alten Aegypten*, S. 46).

³ Амон, Бог-Отец, объединяется, например, с Тутмосом I, а затем, как отец, порождает сына вместе с Царицей (Jacobsohn, p. 17). Или же Царь после смерти живет как «Гор, сын Хатор» (p. 20). Текст на пирамиде говорит о фараоне: «Меренре Великий, сын Великого; Нут дала ему жизнь» (p. 26). Матерью бога Царицу делает *Ка-мутеф* (p. 62). Подобные идеи вызывают в памяти имена ханаанских царей Адони-безека и Адони-зедека, тождественные Адонису, божественному сыну Иштар. Фрэзер (The Golden Bough, Pt. IV, p. 17), у которого я позаимствовал это наблюдение, комментирует: «Адони-безек» означает «господин справедливости» и поэтому эквивалентен Мелхиседеку, титулованному «царем справедливости», это му таинственному царю Салема и жрецу Бога Высочайшего».

⁴ На Фиджи царя называют «Процветанием странь». Когда Великий вождь, титулованный «Властелином рифа», восходит на трон, народ начинает молиться: «Пусть поля наполнятся, пусть земля наполнится... пусть рыба придет к берегам, пусть деревья плодоносят, пусть земля процветает» (Hocart, p. 61).

" Frazer. The Golden Bough, Pt. III, p. 14ff. За смертью или жертвоприношением следует его расчленение. Классические примеры — Осирис и Дионис. Ср. Firmicus Maternus, *Liber de erroreprofanarum religionum* (Corp. Scrip. Eccl. Lat., II, p. 76): «Убей Осириса, и отдели его части друг от друга, и разбросай трепещущие члены жалкого тела по берегам Нила». ¹¹ Тот же автор говорит (7,7) о Дионисе: «Сказания греков претендуют на родство Вакха с Солнцем... Кто видел солнечное дитя? Кто обманул его, кто убил его? Кто разорвал его на куски, кто разрубил его, кто Услаждался его членами? Но эту ошибку также пытались спрятать под покровом

Отец и сын были единосущи¹, и после смерти фараон снова становился богом-отцом², потому что его *ка* было единосущим с отцом³. Лд состоит, так сказать, из наследственных душ фараона, четырнадцать из которых он поочередно возносил молитвы⁴, поскольку именно они соответствовали четырнадцати *ка* бога-творца⁵. Точно также, как фараон в человеческом плане соответствует божественному *ка*, так его *ка* соответствует божественному Творцу, *Ка-мутеф*⁶, «быку его матери», а его мать соответствует матери богов (то есть Исиде).

Это приводит нас к своеобразной двойной троице, включающей как божественный ряд: бога-отца, божественного сына (сына божьего), *Ка-мутеф*, так и человеческий ряд: бога-отца, человеческого сына божь-

рационального объяснения, исходя как из неразделенного, так и из разделенного сознания и, таким образом, считали, что нашли причину этого культа».¹²¹ В этой связи можно также упомянуть бога-быка одиннадцатого нома Нижнего Египта: «Его называли «Разделенным Единым», в позднейшие времена он ассоциировался с Осирисом. Поэтому одиннадцатый ном был табуирован. (Kees. Der Gotterglaube im alten Aegypten, S. 12, 258).

¹ Ср. Jacobsohn, p. 17 и 46.

² Кумершему и воскресшему царю обращаются как к Амону, который пил молоко Исиды (там же, p. 41).

³ Бог, царь и его *ка* как бы образуют троицу из отца, сына и творческой силы (там же, p. 58).

⁴ В процессиях несли статуи 14 предков царя, соответствующие 14 *ка* Ра. Они представляли собой прежние царские воплощения бога-отца, который воспроизвел себя еще раз в нынешнем царе (Jacobsohn, p. 28, 32, 62, 67). Бейнес в этой связи сообщает: «Сила, охраняющая родовую власть и традиции, с древнейших времен концентрируется посредством массового проецирования наличность царя. Далекие героические предки, могущественные фигуры прошлого оказываются живыми и присутствуют в личности царя. Он является основным символом именно потому, что представляет собой живую историю». (On the Psychological Origins of Divine Kingship, p. 91.)

⁵ Следует отметить, что Тифон разрубил убитого Осириса на 14 частей. *Плутарх* указывает: «Расчленение Осириса на 14 частей аллегорически выражает дни убывания Луны от полнолуния до новолуния». (Об Исиде и Осирисе, 18, *Moralia*.) Якобсон обращает внимание на родословную Иисуса в Евангелии от Матфея, 1:1 ел. Стих 17 гласит: «Итак всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов». Эту конструкцию можно с определенной степенью произвольности использовать в рассуждении о числе 14. О 14 предках фараона Якобсон говорит (p. 67): «Всякий раз ясно видна сознательная интенция к выявлению числа 14».

⁶ Jacobsohn, p. 38.

его (фараона) и *ка* фараона. В первом ряду отец превращается в сына, а сын — в отца посредством плодоносной силы *Ка-мутеф*. Все три фигуры еднотелности. Второй, божественно-человеческий ряд, который тоже приходит к единству через еднотелность, выражает проявление Бога в земной сфере¹. Божественная мать не входит ни в одну из троиц; она стоит вне их, являясь то целиком божественной фигурой, то целиком человеческой. В этой связи следует упомянуть египетский амулет, с изображением троицы, который рассматривает Шпигельберг: Гор и Хатор сидят друг против друга, а между ними и над ними парит крылатый змей. Все три божества держат *анх* (символ жизни). Подпись гласит: «Бейт един, Хатор едина, Акори един, и сила их едина. Поклон тебе, Отец Мира, поклон тебе, троичный Бог»². Бейт — это Гор. Треугольный амулет можно датировать первым или вторым веком нашей эры. Шпигельберг пишет: «На мой взгляд, эта запись, несмотря на греческую форму, дышит египетским духом эллинистической природы и не содержит ничего христианского. Но она рождена духом, который внес свой вклад в развитие догмы христианской Троицы»³. Иллюстрации конъюнкции в «Rosarium» показывают нам Царя, Царицу и голубя Святого Духа, в точности соответствующих фигурам на амулете⁴.

2. Золото и Дух

Яркая аналогия между некоторыми алхимическими идеями и христианской догмой не случайна, а согласуется с традицией. Большая часть символики царя происходит из этого источника. Также как и христианская догма, алхимия частично берет свое начало в египетско-эллинистичес-

¹ *Якобсон* настаивает на омоусии отца, сына, царского *ка* и *Ка-мутеф* (р. 38, 45, 46, 58, 62). Трактует *Ка-мутеф* как прототип *πῦλον πνεύμα*, он приводит (р. 65) ответ на пятьдесят третий вопрос Гейдельбергского Катехизиса: «[Я верю], что он [Святой Дух] есть в то же самое время вечный Бог с Отцом и Сыном. Верно также, что он снизошел на меня» (как личное *ка*). *Якобсон* приводит рассказ о Христе в «*Pistis Sophia*», где Святой Дух выступает как двойник Христа (то есть, как истинное *ка*). Он входит в дом Марии, и та сперва принимает его за Иисуса. Но он спрашивает: «Где Иисус, мой брат, куда мне идти, чтобы встретиться с ним?» Марии он кажется призраком, и она привязывает его к ножке кровати. Иисус же, войдя, сразу узнает его, заключает в объятия, и они становятся одним». (*Pistis Sophia*, изд. Schmidt, ch. 61, p. 20ff. Ср. Айон, § 131).

³ *Spiegelberg*. Der Gott Bait in dem Trinitasamulett des Britischen Museums», S. 225S.

Полное собрание иллюстраций см. в моей «Психологии переноса».

тическом фольклоре, частично — иудео-эллинистической философии, развивавшейся авторами, подобными Филону. Происхождение алхимии в определенной мере (но не полностью) христианское, а в большей степени языческое или гностическое. Ее древнейшие трактаты порождены этой сферой, и среди них — трактаты Комария (I в.?), а также труды Псевдо-Демокрита (I—II вв.) и Зосимы (III в.). Заголовок последнего таков: «Подлинная книга Софе¹ египтянина, Божественного Владыки евреев, [и] сил Саваофа»². Бертло думает, что Зосима действительно был автором данного трактата, и это вполне возможно. Трактат толкует о знании или мудрости, происходящей от Эонов:

Его происхождение ничем не обусловлено (ἀβασίλευτος) и автономно; оно нематериально (αὔλος) и не стремится ни к каким материальным и полностью подверженным тлению³ телам. Ибо для действия оно не нуждается во внешнем толчке (ἀπαθῶς). Но в ответ на просьбу о даре символ химического искусства является из мироздания для тех, кто освобождает и очищает божественную душу, заточенную в элементах, то есть божественную Пневму, смешанную с плотью. Ибо как солнце есть царство огня, а небесное солнце — правое око мира, так и медь, когда ее при очищении погружают в огонь, становится земным солнцем, владыкою земли, подобно солнцу в небесах⁴.

Из этого и последующего текста ясно, что «символ химического искусства» (τὸ σὺμβόλον τῆς χημείας), царь, по сути, не что иное, как золото, король металлов⁵. Но также ясно, что золото получается только посредством освобождения божественной души от цепей «плоти». Бесспорно, все это лучше соответствовало бы нашим рациональным ожиданиям, если бы вместо слова «плоть» в тексте стояло бы «руда» или «земля». Хотя стихии упоминаются как тюрьма божественной души (psyche), она представляет собой всю природу, Физис в целом — не только руду и землю, но и воду, воздух, огонь и, кроме этого, «плоть», кото-

¹ Согласно Бертло, «Софе» — это вариант «Хеопса-Суфиса». Он цитирует выдержку из изложения работ Африкануса (III в.), приведенную у Евсевия: «Царь Суфис написал книгу, которую я купил в Египте, где она обладала огромной ценностью» (Origines de l'alchimie, p. 58).

² Berthelot. Alch. grecs., III, xlii.¹⁴¹ Так же в Codex Parisiensis 2327, fol. 251 (Berthelot. Origines de l'alchimie, p. 58).

³ В тексте стоит παναφθέρων, но смысл требует παμφθέρων. Поэтому Бертло переводит это слово как «подверженный тлению».

⁴ Berthelot. Alch. grecs., III, xlii, 1.

⁵ Безусловно, это остается справедливым для алхимии позднего периода. Так, Кунрат (Von hylealischen Chaos, p. 338) определяет Царя как золото, очищенное от серебра.

рая уже в третьем веке означала «мир» в нравственном смысле, — как оппозицию духу, а не просто человеческое тело. Следовательно, не может быть сомнения в том, что *chrisopoeia* (получение золота) мыслилось как психическая операция, идущая параллельно физическим процессам и, так сказать, независимо от них. Моральная и духовная трансформация не только независима от физической процедуры, но на самом деле кажется ее *causa efficiens* [действующей причиной]. Она объясняется высокопарным языком, который был бы неуместен в простом химическом рецепте. Душа изначально заключена в стихиях (первоэлементах), а божественный дух, скрытый в плоти, превосходит ее физическое несовершенство и облекается благороднейшим из всех тел, царским золотом. Итак, «философское» золото есть воплощение души (*psuche*) и пневмы, которые символизируют «дух жизни». Оно на самом деле есть «*aurum pop vulgi*», живое золото, которое во всех смыслах соответствует ляпису. Оно также живое существо с телом, душой и духом, и его с легкостью олицетворяет божественное существо или высшая персона, подобная царю, которого в древние времена считали инкарнацией Бога¹. В этой связи Зосима пользуется первоначальным образом в форме божественного антропоса, который в то время имел решающее значение в философии и религии, причем не только в христианстве, но и в митраизме. Библия, так же как памятники митраизма и гностические трактаты, служила этому свидетельством. Более того, Зосима оставил нам длинное доказательство по этой проблеме². Мысли этого автора, прямо или опосредованно, имели решающее значение для всего философского и гностического направления алхимии последующих столетий. Поскольку я достаточно детально обсуждал этот предмет в «Психологии и алхимии», то не вижу необходимости возвращаться к этому здесь. Я

¹ Rex как синоним ляписа: «Философский камень... это Химический Царь» (*Aquarium sapientum / Mus. herm.*, p. 119; *Waite*, I, p. 103). В «Символах» Ламбшпрингаон — совершенная таинственная субстанция:

Я одолеваю и покоряю своих врагов,
Я попираю ногами злобного Дракона,
Я великий и прославленный Царь земной...
Поэтому Гермес назвал меня Господином Лесов.¹⁵¹

(*Mus. herm.*, p. 358; *Waite*, I, p. 292). «Философский камень — это царь, сошедший с небес». (*Consilium coniugii / Ars chemica*, p. 61). У *Хогеланда* (*De alchemiae difficultatibus / Theatr. chem.*, I, p. 162) есть необычное описание камня как «высокого человека в шлеме» (*homo galeatus et altus*); он также «царь, увенчанный красной диадемой». У *Мишуса* (*Phil. ref.*, p. 17) он — «княжеский камень» (*princeps lapis*).

² Буквальный перевод этого текста см.: «Психология и алхимия», § 456.

касаюсь его только из-за вышеприведенного отрывка из Зосимы, где, насколько мне известно, имеется самое раннее упоминание царя в алхимии. Как египтянин, Зосима должен был быть знаком с мистической стороной царской власти, в то время вновьусилившейся при Цезарях, и поэтому, после того как старые труды Псевдо-Демокрита подготовили почву для взглядов на $\Theta\epsilon\iota\alpha\ \phi\acute{\upsilon}\sigma\iota\varsigma$ (природу божества)¹, ему было легко

вести идентичность божественной пневмы и царя в физическую и духовную практику алхимии.

Определение царя как пневмы гораздо более весомо, чем его интерпретация как золота. «Лексикон» Руланда определяет царя (Rex) следующим образом: «Rex — Царь, Душа, Духовная Вода, дарящая влагу Женщине и обретающая новую силу в Источнике, откуда была взята. Дух есть Вода»². Здесь Rex все еще божественная душа, влажный Осирис³, дарующий жизнь, оплодотворяющий прежде всего пневму, а не природное золото. Тайна царя еще яснее раскрывается у Кунрата. Он утверждает: «Когда закончатся фазы цвета золы, белая и желтая, вы увидите Философский Камень, нашего Царя и верховного Господина, который появляется из своих чертогов и престола в стеклянном склепе⁴ и переходит в стадию этого мира, в свое восславленное тело, восстановленное и более чем совершенное, сияющее, подобно бриллианту, и провозглашает: «Вот, я обновляю все сущее»⁵. В своем рассказе о создании ляписа Кунрат описывает мистическое рождение царя. Руах Элохим (дух Божий) проникает в самый центр (meditullium) девственной *massa confusa*, и распространяет искры и лучи своего плодородия. «Так отпечатывается форма [forma informavit], и чистейшая душа оживляет и оплодотворяет тоху-боху, не имевшее формы и пустое». Это была «*misterium typicum*» («символическая» мистерия), рождение «Хранителя и Спасителя Макрокосма и Микрокосма. Слово стало плотью... и Бог явился во плоти, дух Божий — в теле. Это сын Макрокосма... то есть сын Божий, Богочеловек... один в лоне Макрокосма, другой — в лоне Микрокосма», причем в обоих случаях лоно было девственным. «В

¹ См. приводящееся в различных вариантах изречение Демокрита: «Природа овладевает природой». Истинность этого афоризма находит замечательное подтверждение в психологии процесса индивидуации.

² Р. 276.

³ Ср. любопытный пассаж из *Distinctio XIV «Allegoriae sapientum»* (Theatr. chem., У р. 86): «Ибо говорят, что увлажненных следует почитать, поскольку они — высо комудрые цари, не терпящие оскорблений; посему будь внимателен к ним и добивайся от них [проявлений] доброй воли, и они обратят на тебя свой взгляд, дабы ты мог получить все, что пожелаешь».¹⁶¹

⁴ Парафраз реторты как места возрождения.

⁵ *Amphitheatrum*, р. 202.⁷¹

Книге или Зеркале Природы, Камень Мудрости, Хранитель Макрокосма ■ — ^{это} символ Иисуса Христа Распятого, Спасителя всего рода человеческого, то есть Микрокосма»¹. «Сын Макрокосма», порожденный божественной пневмой (египетским *Ка-мутеф*), «подобен и единосущ Отцу»- Его душа — искра мировой души. «Наш камень — это дерево, причем такое, какое называют троичным, то есть небесным, земным и божественным». Это напоминает нам египетскую последовательность: фараон, *ка*, Бог. Троичный камень состоит из «трех различных и несхожих веществ: Sal-Mercurius-Sulphur»².

3. Преображение царя

Как показывают нам египетские таинства царской власти, царь, как и любой архетип, не просто статичный образ; он обозначает динамический процесс, посредством которого человеческий носитель мистерии вовлекается в таинственную драму воплощения Бога. Так происходит при рождении фараона, при его коронации³, во время праздника Геба и Сета, во время его правления и тогда, когда он умирает. Тексты и иллюстрации к «царскому рождению» во дворце изображают божественное сотворение и рождение фараона в виде мистического брака Царственной Матери и Бога-Отца. Праздник Геба и Сета необходим для ассоциации его *ка* с земледелием и, по-видимому, служит сохранению или увеличению его сил⁴. Идентичность *ка* и Бога-Отца под-

¹ Ibid., p. 197.I!»!

² Ibid., p. 198f.

³ Colin Campbell. *The Miraculous Birth of King Amon-Hotep III*, p. 82: «Когда при коронации на божественное существо возлагаются две короны Египта, это возводит его на ступень высшую, чем та, на которую поставило божественное рождение».

⁴ Ibid., p. 83ff.: «День коронации празднуют каждый год как праздник Сета, когда царя считают земным Осирисом». «Царь не поклоняется своей самости-Осирису, когда «пляшет» и шагает в его присутствии... нет, шаг — это движение в Церемонии, подготовка к принятию трона, отмечающая его полную «Осирификацию» — последний этап праздника Сета» (p. 94). *Bricmed {Breasted. Development of Religion and Thought in Ancient Egypt*, p. 39) рассказывает о празднике Сета: «Одна из церемоний этого праздника символизирует воскрешение Осириса и, возможно, ассоциирует фараона с этим благоприятным событием так, что он принимает на себя роль Осириса». О значении праздника Сета *Фрэзер (The Gold Bough, "t. IV, ii, p. 153)* говорит: «Целью праздника, похоже, является обретение фараоном нового жизненного срока, обновление его божественной энергии, омоложение». Одна из надписей в Абидосе гласит: «Ты начнешь обновляться, тебе будет

тверждается смертью монарха и закрепляется навеки. Трансформация монарха из несовершенного состояния в совершенную, целостную и нетленную сущность сходным образом изображается в алхимии. Алхимия описывает либо его сотворение и рождение, рассказывая о священном браке, либо его несовершенное первичное состояние и последующее возрождение в совершенной форме. Далее я приведу несколько примеров такого преобразования.

В числе старых средневековых трактатов есть так называемая «Allegoria Merlini»¹. По поводу имени Мерлина остается открытым вопрос, имеется ли здесь в виду маг Мерлин² или искаженное Меркулину³. Аллегория повествует о некоем царе, который готовился к битве. Когда он собирался вскочить на лошадь, то захотел воды. Слуга спросил его, какую воду он предпочитает, и царь ответил: «Мне нужна вода, близкая моему сердцу, которую я люблю больше всего на свете». Когда слуга подал ее, царь выпил так много, что «все его члены переполнились и все вены надулись, и с него сошли все краски». Воины царя просили его сесть на лошадь, но он ответил, что не может этого сделать: «Я слишком тяжел, моя голова болит, и мне кажется, что мои руки и ноги отваливаются». Он потребовал отвести его в натопленное помещение, чтобы вода вышла у него с потом. Но когда через некоторое время люди открыли комнату, то увидели, что он лежит как мертвый. Они призвали египетских и александрийских врачей, которые тут же обвинили друг друга в некомпетентности. Наконец александрийские врачи уступили египтянам, которые разрезали царя на мелкие кусочки, растерли их в порошок, смешали со своими «увлажняющими» лекарствами, и положили его в натопленную комнату, как раньше. Через некоторое время

даровано благословение, как молодой луне, ты вернешь молодость... На празднике Сета ты возродишься обновленным» (*Moret. Du caractere religieux de la royauté pharaonique*, p. 255ff.). Праздник Сета отмечался раз в 30 лет, вероятно, по завершении каждой четверти 120-летнего цикла Сириуса (= Исиды). Следует отметить, однако, что праздник этот был также связан с церемонией обеспечения плодородия полей; царь обходил поле четыре раза, сопровождаемый быком Аписом. (Kees, *Der Gotterglaube im alten Agypten*, S. 296f.) Аналогичные церемонии все еще проводятся сегодня. Аменхотеп IV (Эхнатон) включил в праздник Сета Атона, символ его религиозной реформации (Kees, p. 372).

¹ Опубликовано в *Art. aurif.*, I, p. 292ff.

² Иногда встречающееся имя «Артус», которое может быть связано с королем из легенды о Граале — это искаженное «Горус». Возможно, что источником «Allegoria Merlini» был труд «Prophetia Merlini», хорошо известный в Средние века. Ср. *Geoffrey of Monmouth. Histories of the Kings of Britain*, Book 7, p. 170ff.

³ Стихи некоего Меркулинуса сохранились в *Ros. phil. / Art. aurif.* (изд. 1610), II, p. 242f.

они вытащили царя наружу опять полумертвым. Увидав это, присутствующие принялись причитать, восклицая: «Увы, царь умер». Врачи успокоили их, сказав, что он только спит. Затем они мыли его свежей водой, дабы вымыть все остатки лекарств и добавили новые. После они снова поместили его в ту же комнату. Когда они вытащили его, то на этот раз он был действительно мертв. Но врачи сказали: «Мы убили его, чтобы после воскресения в Судный день он мог стать лучше и сильнее в этом мире». Однако, родичи царя посчитали их шарлатанами, отняли лекарства и изгнали врачей из государства. Теперь они хотели похоронить тело, но александрийские врачи, которые прослышали обо всех событиях, отсоветовали это делать и сказали, что оживят царя. Александрийские врачи взяли тело, второй раз стерли его в порошок, вымыли, чтобы уничтожить все следы прежних лекарств и высушили его. Затем они взяли одну часть соли аммония и две части александрийской селитры, смешали их с порошкообразным телом, сделали пасту, добавив немного льняного масла, и поместили в тиглеобразную камеру с отверстиями внизу; за ней они установили чистый тигель и оставили тело на час. Затем они разожгли огонь и расплавили тело так, чтобы образующаяся жидкость стекла в нижний сосуд. И тогда царь восстал из мертвых и воскликнул громким голосом: «Где мои враги? Я убью их, если они не покорятся!» Все цари и князья почитали и боялись его. «И когда они желали видеть одно из его чудес, то помещали в тигель унцию хорошо очищенной ртути и клали на него как можно больше семян проса, свои волосы или кровь, раздували яркий огонь из древесного угля, давали ртути охладиться и получали камень. Вот что я знаю».

В этой притче содержится примитивный мотив убийства или жертвоприношения царя для обновления его царской силы и улучшения плодородности почвы. Первоначально это было убийство старого и бессильного царя. В вышеприведенной сказке царя мучила водянка, как реальная, так и метафорическая: он страдал от отека и водянки, потому что выпил слишком много особой «воды». Это могло бы натолкнуть на мысль, что «вода, близкая его сердцу, которую он любил больше всего на свете», была *eau de vie* [водкой (фр.)], и что он страдал от цирроза печени, ведь нельзя отрицать, что выделением влажной души (*psyche*) из элементов (стихий) алхимики занимались задолго до дистилляции спирта¹. Идея была такова: выделить пневму, или душу, или «истину», из материи (то есть из золота) в виде летучего или жидкого вещества и таким образом умертвить «тело». Эта *aqua permanens*² за-

¹ Дистилляция спирта из вина, была, по всей вероятности, открыта в начале XII века. (Lippmann, Entstehung und Ausbreitung der Alchemie, II, S. 38).

² Ее эквивалент, ὕδωρ θεῖον, можно перевести или как «божественная вода» или как «серная вода», потому что θεῖον означает и то, и другое.

тем использовалась для оживления или одушевления «мертвого» тела и, что парадоксально, для повторного выделения души¹. Старое тело должно было умереть; его либо просто убивали, либо приносили в жертву; так и старый царь должен был либо умереть, либо быть принесен в жертву богам (а фараон предлагал выпивку своей собственной статуе). Некоторые из этих ритуалов отмечались на празднике Сета. Море полагает, что церемония на этом празднике была символом гуманизированного царевубийства².

В жертвоприношениях вода всегда играла роль «одушевляющего» начала. Текст из Эдфу гласит: «Я принесу тебе сосуды с конечностями богов [Нила], дабы ты мог испить из них; от радости твоей сердце мое оживет». Нильская вода была подлинным «утешением» Египта. В египетской сказке Анубис находит сердце своего умершего брата Баты, которое Бата положил в «цветок» кедра, превратившийся в кедровую шишку. Анубис помещает его в сосуд с холодной водой, сердце всасывает ее и Бата возвращается к жизни. Здесь вода дарует жизнь. Но об aqua permanens сказано: «Она убивает и оживляет».

Царь связан с водой множественными связями. В приводившейся ранее притче о Сере (Sulphur), царь тонет в воде вместе с Дианой³. Священный брак также празднуется в воде. Мотив потопления принимает форму внутреннего потопления, а именно водянки. У Матери Алхимии отечные ноги⁴. Царь болеет водянкой и прячется в «брюхо лошади», чтобы вода вышла с потом⁵. Тема воды появляется и как купель, как «Dicta Alani», где в купели⁶ сидит старик. Тут я вспомнил бы царскую купель у Бернара Тревизанского, рассмотренную ранее⁷. Водуприменя-

¹ Например, в «Allegoriae sapientum» (Theatr. chem., V, p. 67): «И знай, что это та самая вода, которая извлекает сокровенное».¹⁹¹

² *Jacobsohn*. Die dogmatische Stellung des Königs in der Theologie der alten Aegypter, p. 11.

³ К этому контексту также относится царь, заточенный в море. (Ср. *Maier*. Symb. aug. mensae, p. 380). Текст см.: Парацельс как духовное явление, § 181 ff.

⁴ *Aurora Consurgens II / Art. aurif.*, I, p. 196: «Остерегайся водянки и потопа».¹⁹¹ (Ср. *Ripley*. Opera omnia, p. 69).

⁵ *Maier* (с. 261): «Брюхо лошади есть великая тайна, наш страдающий водянкой пациент укрывается в нем, дабы вернуть здоровье и освободиться от всякой воды, [обращаясь] к солнцу».¹⁹¹

⁶ Старик должен находиться в купели, представляющей собой тщательно запечатанный и закрытый сосуд, пока видимый Меркурий не станет невидимым и скрытым» (Theatr. chem., III, p. 820)¹⁹¹

⁷ Ср. выше.

ют для крещения и очищения. Часто в качестве аллегории приводят очищение Неемана¹ (4-я Книга Царств, 5:10).

В нашей притче чудесная вода уже обладает разлагающей и растворяющей силой, которая ускоряет расчленение царя². Растворение первоначальной материи играет в алхимии огромную роль как неотъемлемая часть процесса. Здесь я упомяну только уникальную интерпретацию *olutio*, которую предлагает Дорн. В своей «*Speculativa philosophia*» он рассматривает семь стадий работы. Первая стадия начинается с «философского исследования», представляющего собой путь постижения истины.

Но истина такова, что от нее ничего нельзя отнять и ничего нельзя к ней прибавить, более того, ей ничего нельзя противопоставить. ...Поэтому истина — великая сила и непоколебимая крепость... непобедимый дар для того, кто им владеет. В этой цитадели находится истина и тот самый камень и сокровище философов, которое не может уничтожить моль и не в состоянии выкопать вор, но остается всегда, когда все, кроме него, исчезает, и предназначается для уничтожения одного, но для спасения другого. Это вещь, которая кажется бесполезной для непосвященных, и наиболее презираема ими, но она достойна не ненависти, а любви, и для философов она дороже всех сокровищ³.

В своих «Итогах первой стадии» Дорн говорит:

Это исследование химии проводят, дабы освободить бестелесную истину⁴ от оков телесного мира, потому что с ее помощью можно прийти к более тонкому пониманию небесных сил...⁵ Знание — это подлинное и несомненное разрешение [*resolutio*] всех мнений об истине, которое формируется посредством эксперимента... Эксперимент служит очевидным доказательством истины, он разрешает сомнения. Мы не можем избавиться от сомнений без эксперимента, и поэтому лучше всего будет провести его на себе. Итак, проверим все, что мы сказали об истине ранее, начав с себя. Ранее мы говорили, что добродетель состоит в самопозна-

¹ Ср. *Aurora Consurgens*, p. 97ff.: «И Нееману было сказано: Иди и омойся семь раз в Иордане, и станешь чистым. Ибо лишь там найдешь ты крещение для отпущения грехов».^{1,3}

² «О благословенная морская вода, растворяющая все элементы» (*Tractatus aureus / Ars chemica*, p. 20).^[4]

³ *Theatr. chem.*, I, p. 266.

⁴ У Дорна слово «*Veritas*» — синоним «*sapientia*», как видно из оригинального текста. Истина там говорит: «Придите ко мне, ищущие», что представляет собой незначительное перефразирование Екклесиаста, 24:19: «Придите ко мне, взыскующие меня».

⁵ *Spec. phil.*, p. 271.

нии¹, и посему философское знание тоже необходимо начать с него. Но никто не сможет познать себя, если не будет знать, *чем* он является и *кем* не является², от кого он зависит и чей он (ибо по закону истины никто не принадлежит себе), и с какой целью он создан. С этого знания начинается добродетель, связанная с двумя сущностями: Создателем и его творением, созданным по его подобию. Поэтому тварь не может познать себя в себе самой, если сперва не познает своего Творца...³ Никто не может лучше узнать Создателя, чем мастер, испытанный своим трудом⁴.

Далее Дорн говорит:

Химическое разложение сравнимо с трудом философов, поскольку, как философы приходят к знанию через исследование, так и естественные предметы растворяются [ad solutionem] посредством разложения. Это можно сравнить с философским знанием, потому что также, как посредством растворения тела растворяются [solvuntur], так и при помощи знания все сомнения разрешаются [resolvuntur].

Он говорит в своей «Physica Trithemii»:

Первый шаг при восхождении к высшим сущностям — размышление о вере, ибо так сердце человека склоняется к растворению в воде [ad solutionem in aquam]⁶.

Наконец, в своей «Philosophia chemica» Дорн заявляет:

Растворение есть знание, или спагирическое⁷ единение мужского и женского начала, последнее получает от него все, что можно получить. Это начало особого зарождения, посредством которого эффект нашего спагирического-го брака понимается чувственно, то есть происходит образование единого двойного семени и формирование эмбриона⁸.

¹ В других местах Дорн также подчеркивает огромную важность самопознания для выполнения opus alchymicum. Например, на с. 307 он говорит: «Итак, человек небо и земля представляют одну сущность, что справедливо и для воздуха и воды. Если человеку известно, как превращать вещи в большом мире... то тем более он сделает это в микрокосме, если только будет знать, что величайшее сокровище находится внутри человека, а не вовне».¹¹⁵¹

² «Quid, non quis ipse sit» — прекрасная формулировка личного вопроса «Кто?» и безличного и объективного «Что?». Quis относится к эго, quid — к самости. Ср. Айон, § 252.

³ Spec. phil., p. 272.

⁴ R 273.¹⁶¹

⁵ P. 303.

⁶ Theatr. chem., 1, 449.

⁷ То есть алхимический или оккультный.

⁸ Theatr. chem., I, p. 475.

Из этих утверждений становится ясно, что Дорн понимал алхимическое *solutio* прежде всего как духовный и моральный феномен и только потом как физическое явление. Первая часть работы — психическое «растворение» мнений и конфликтов, достигаемое самопознанием, что невозможно без познания Бога. Поддуховным и моральным *solutio* понимается «спагирический брак», внутреннее психическое единение, которое аналогично магическому объединению первоэлементов в *один* камень. При исследовании «сущности» и посредством духовного понимания исчезает вызванный первородным грехом, отягощающий сердце эгоизм: сердце обращается в воду. Затем может начаться восхождение к высшим стадиям. Эгоцентризм — необходимый атрибут сознания и в то же время его специфический грех¹. Но сознанию противостоит объективный факт бессознательного, которое часто мстит за себя, разливаясь, подобно наводнению. Вода во всех этих формах — моря, озера, реки, родники — одна из наиболее распространенных типификаций бессознательного, также как лунарная женственность, обладающая близкой ассоциацией с водой. Растворение сердца в воде поэтому соответствовало бы союзу мужского и женского начал, который, в свою очередь, соответствует союзу сознательного и бессознательного, представляющему собой значение «спагирического брака»². Подобным образом цитадель, или крепость, является женским символом, содержащим сокровище «истины», также персонифицированной как Мудрость³. Эта мудрость соответствует соли, приравненной к луне. Спагирический союз дает начало эмбриону, эквивалентному гомункулусу или ляпису. Ляпис, разумеется, представляет символ самости⁴.

Если после этого экскурса в психологию *solutio* мы вернемся к «*Allegoria Merlini*», то некоторые вещи прояснятся: царь олицетворяет гипертрофию эго, требующую компенсации. Он готов совершить акт насилия — четкий знак его несовершенной морали. Его жажда вызвана необузданными желаниями и сомнением, но когда он пьет, то оказывается побежденным водой, то есть бессознательным, и теперь нуждается в помощи врачей. Две группы лекарей затем способствуют его растворению путем расчленения и стирания в порошок⁵. Первоисточ-

¹ Она также считается величайшим грехом.

² Вода обозначает *sponsa* (невесту) и *dilecta* (возлюбленную), а также *Sapientia* (Премудрость). Ср. Еккл. 24:5, где Мудрость «ходит по дну пропасти, по волнам морским» и, как богиня любви Иштар, превозносится как кедр, кипарис, пальма, роза, вино и т.д.

³ *Spec. phil. / Theatr. chem.*, I, p. 266, где *Sapientia* держит долгую речь. ⁴ Ср. *Психология и алхимия*, часть III, гл. 5; Айон, § 12 ff. ⁵ Метод лечения был имитацией расчленения Осириса. Конечно, царь уже испил из моря Тифона, чтобы раствориться в нем. Во второй версии «*Visio Arislei*»

ником здесь может быть расчленение Осириса и Диониса¹. Царь подвергается различным формам растворения: расчленению, растиранию в порошок, растворению в воде². Перенесение его в нагретую комнату — прототип «Iasonicum» (парной бани) царя, часто представленной на поздних иллюстрациях; это терапевтический метод, который мы вновь встретим у индейцев в виде «парного вигвама». Комната также означает могилу. Разногласия между египетскими и александрийскими врачами заключаются в том, что первые увлажняют тело, а последние высушивают его (или одни бальзамируют, а другие «маринуют»). Техническая ошибка египтян заключалась в том, что они не полностью отделили сознательное от бессознательного, в то время как александрийцы избежали этой ошибки³. Как бы то ни было, они успешно оживили монарха и, как очевидно, сумели омолодить его.

Если мы рассмотрим сей медицинский спор с точки зрения алхимического герметизма, то сможем в более глубоком смысле понять многие аллюзии. Например, александрийцы, хотя и пользовались Тифоно-вым способом расчленения, не употребляли (Тифонову) морскую воду и высушили растолченное тело, используя вместо нее другую составляющую aqua pontica, а именно, соль в форме sal ammoniac (минеральной или каменной соли, также именуемой sal de Arabia [аравийской солью] и Sal Nitri (селитры)⁴. Первичным является консервирующее свойство

(Ros. phil.) тоже можно обнаружить расчленение на «невидимые частицы», которое, однако, относится не к царю, а к его сыну. Его расчленение происходит в теле Бейи и, таким образом, символизирует процесс гистолиза в куколке,

¹ Символ превращения в мессе, § 353, 400.

² Варианты последнего таковы: царь погружается в море или тонет в нем, «стерильный морской царь», водянка Матери Алхимии и т.д. Мотив утонувшего царя восходит к Осирису. Во время ежедневного ритуала Исида жалуется Осирису: «Я пересекла моря до края земли в поисках того места, где был мой Господин; я перешла Надит в ночи; я искала... его, находящегося в воде... в ту ночь великого горя. Я нашла исчезнувшего с земли, утонувшего в давние времена...» (*Moret. Mysteres egyptiens*, p. 24).

³ Об этом разделении см. видение Поймандра (*Corpus hermeticum*, lib. 1,4): «...И было мне безмерное видение: все сделалось мягким и радостным светом, и восхитился я, узрев его. Но немного погодя Тьма объяла его, устрашающая и мрачная... И я увидел тьму, превращающуюся в водную субстанцию. Но из света появилась водная субстанция святого Слова, которая одна могла слышать его; голос и чистый огонь и духовное Слово (πνευματικὸν λόγος)». (Ср. *Scott. Hermetica*, I, p. 114ff.; *Mead. Thrice-Greatest Hermes*, II, p. 4f.) Далее следует отделение четырех стихий от темного хаоса. (Текст поврежден, так что перевожу его буквально.) Относительно «крика», ср. крик о помощи тонущего царя у *Μαῖερα* (*Symb. aur. mensae*, p. 380).

⁴ *Ruland. Lexicon*, p. 281, 283.

обеих солей, следующее за этим «маринование», на взгляд посвященных, означает «формирующее» проникновение *sapientia* («истины» Дорна) в низменную материю, посредством чего тленная форма превращается в нетленную и неизменную.

Конечно, в нашей, несколько грубоватой притче можно найти след этих представлений. Также преобразование царя, как видно, означает только простое восстановление его жизненной силы, поскольку первые после воскрешения слова царя показывают, что его агрессивность несколько не уменьшилась. В поздних текстах, однако, конечным результатом является отнюдь не усиление, омоложение или восстановление, а преобразование в сущность, обладающую высшей природой. Поэтому мы, возможно, не правы, считая эту притчу достаточно старой. Единственным основанием для такого предположения является конфликт между александрийскими и египетскими лекарями, а такой конфликт может восходить к доисламским временам, когда старомодные магические средства египтян все еще соперничали с прогрессивной, более научной греческой медициной. Свидетельство тому — «технический» просчет египетского метода — смешение сознания и подсознания, чего смогли избежать греки с их более дифференцированным сознанием.

4. Возрождение царя *

(«*Cantilena*» Рипли)

Следует обратить внимание на то, что причина необходимости обновления царя не указывается. На примитивном уровне необходимость в обновлении была самоочевидной, поскольку магическая сила царя с возрастом ослабевала. Не так дело обстоит в более поздних легендах, где первичное несовершенство царя само по себе представляет проблему.

Так, автор следующей притчи, сэр Джордж Рипли (1415—1490), каноник Бридлингтонский, уже обращал свой мысленный взор к проблеме «больного царя». Я не буду затрагивать вопрос, какое влияние на эту идею оказала легенда о Граале. Возможно, что англичанин Рипли был знаком с этой традицией. Кроме достаточно сомнительного свидетельства о «*lapis exilis*» («*lapsit exilis*» Вольфрама фон Эшенбаха), я не смог обнаружить в алхимической символике других следов цикла о Граале, если не считать мысли о мистическом сосуде преобразования, *tertium comparationis*, аналогом которого могла быть чаша на мессе.

Первые пять стихов «Кантилены»¹ звучат так:

¹ *Opera omnia chemica* (Cassel, 1649), pp. 42 Iff.

Тебе кантилена поведаст тайну,
Которую ищешь ты не случайно.
Мелодия радость у нас вызывает
И мысли высокие навеваает.

Латинскими странами я проходил, На
свадьбу Меркурий меня пригласил. На
свадебном пире я яства отведал, И он
мне чудесные вести поведал.

Жил царь, из чистейшей земли сотворен,
Но был он, на горе, бесплодным рожден.
Судьба его доброй душой наградила, Но
власть ему радости не приносила.

Увы! Я о власти своей сожалею! Зачем я
всем миром телесным владею? Наследника
нету меня, но я знаю, Что небом, землей и
людьми управляю.

Но в чем же таится изъян изначальный, Что
мне уготовил удел сей печальный? Ведь я
был без явных пороков рожден, Под
жаркими солнца крылами вскормлен¹.

[Перевод мой — *Пер.*]

Язык клирика выдает его: «изначальный изъян» — парафраз
«первородного греха», а «солнечные крыла» — это «крылья солнца
правды»

¹ En philosophantium in hac cantilena Summa
arcana concino voce cum amoena, Quae
mentalis jubili pullulat a vena, Et mens
audientium fit dulcore plena.

In extremis partibus nuptiis Mercurii Accidit
post studium semel quod interfui, Ubi vescens
epulis tarn grandis convivii Ignorata primitus
haec novella didici.

Quidam erat sterilis Rex in genitura,
Cujus forma nobilis et decora pura
Extitit, sanguineus erat hie natura,
Attamen conqueritur sua contra jura.

Rex caput corporum quare sum ego, Sterilis,
inutilis sine prole dego, Cuncta tamen
interim mundana ego rego, Et terrae
nascentia quaeque, quod non nego.

(Книга Малахии, 4:2: «...взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его» [буквально — «крыльях»]). Возможно, здесь существует связь между «Кантиленой» и замечанием Сениора, о том, что мужское бескрылое начало подчинено женскому крылатому¹. «Кантилена» связывает крылатое женское начало как с крылатым солнечным диском Малахии, так и с образом кормящей матери, представляя тут своего рода фантастическую контаминацию.

Стихи 6 и 7

Все травы, деревья, в земле вырастают И вновь
семена свои в ней укрывают. Потомство без
счета приносят все звери В тот срок, что природа
и жизнь им отмерит.

Природа меня лишь — увь! — обделила.
Тинктуре из тела свой путь не открыла.
Бесплодно оно, и той пользы в нем нет, Что
жизни дает появиться на свет².

Тут снова дает знать себя церковный язык: тинктура тождественна aqua regmanens, чудесной воде преобразования, соответствующей церковной «воде благодати». Вода, которая должна истекать из тела, видимо, аналогична «рекам из бока Христа», идее, играющей главную роль не только в церковной метафоре, но и в алхимии³.

Causa tamen extitit quaedam naturalis
Vel defectus aliquis est originalis;
Quamvis sine maculis alvi naturalis

Eram sub solaribus enutritus alis. ¹ De chemia, p. 38: «Мужское начало без крыльев подчинено женскому, а женское начало имеет крылья. Поэтому говорят: поставь женщину над мужчиной, и мужчина возвысится над нею».¹⁷

² Ex terrae visceribus quoque vegetantur
Suis in seminibus, et qua animantur
Congruis temporibus fructu cumulantur,
Speciebus propriis et multiplicantur.

Mea sed restringitur fortiter natura Quod de meo corpore non fluit tinctura,
Infoecunda igitur mea est natura Nee ad actum germinis multum valitura. ³
Khunrath. (Hyl. Chaos, p. 268): «Из чрева Сатурновой соли потекут живые воды, возносящие к благословенной жизни». (Ср. Ин. 7:38: «...из чрева потекут

Относительно церковного языка я обратил бы внимание на весьма поучительный опыт Гуго Ранера «Flumina de ventre Christi». Ориген говорит о «реке нашего спасителя» (salvator noster fluvius)¹. Аналогия пронзенного Спасителя со скалой, из которой Моисей исторг воду, использовалась в алхимии для обозначения выделения aqua permanens или души из ляписа; или же это был царь, пронзенный Меркурием². Для Оригена вода означала «воду ученья» и «источник науки». Другое значение «источник, воды которого истекают для верующего». Св. Амвросий говорит об «источнике мудрости и знания»³. По его утверждению, рай со своей четырехструйной рекой Логосом есть основа души⁴; он также называет эту реку сокровенной душой, поскольку она «принцип», κοιλία (утроба, лоно) и νῦξ⁵. Думаю, что этих нескольких примеров из многих, собранных Ранером, будет достаточно, чтобы верно оценить значимость aqua permanens, арканной субстанции par excellence. Для алхимиков она — мудрость и знание, истина и дух, и ее источник находится в душе, хотя символом ее является обычная или морская вода. В действительности под ней понималась вездесущая и всеохватная сущность, anima mundi и «величайшее сокровище», сокровенная и глубочайшая тайна человека. Возможно, подобная психологическая интерпретация подходит здесь не более, чем концепция коллективного бессознательного, чьим основополагающим «принципом» является самость («монада» алхимиков и гностиков).

реки воды живой». Сатурнова соль — это sapientia Saturni, скрытая в свинце белая голубка.

¹ In Numeros homiliae, 17, 4 (Migne, P.G. vol. 12, col. 707).

² См. Психология и алхимия, рис. 150. Ориген. (In Exodum homiliae), 11, 2 (Migne, P.G. vol. 12, col. 376) говорит о Христе: «Пока эта скала не разбита, она не даст воду».¹¹⁸¹

³ Commentarius in Cantica Cantorum, 1 (Migne, P.L., vol. 15, col. 1860). Дорн (Spec. phil. / Theatr. chem., I, p. 267) говорит: «Сладок звенящий голос и приятен слуху тех, кто открыт философии! О неиссякаемый источник богатств для жаждущих истины и справедливости! О утешение для неутешных! Чего большего можете искать вы, страждущие смертные? Почему, несчастные, вы тревожите дух ваш бесконечными заботами? Что за безумная мольба, о слепцы? Знайте же, что все, что ищете вы вне себя, находится внутри вас, а не вовне».¹¹⁹¹

⁴ Ambrose. Explanatio Psalmorum XII (изд. Petschening, p. 337). В «Epistolae», XLV, 3, (Migne, P.L., vol. 16, col. 1142) он говорит: «Истинный рай невидим и находится не на земле, он не где-либо, а в себе, он оживляется и возбуждается силами души и изливанием духа».¹²⁰¹

⁵ Rahner. Flumina de ventre Christi, p. 289.

Стихи 8 и 9

Ткани, что тело мое составляют,
нежны, но твердостью обладают.
И дух, что в теле витает моем.
Нелегко при испытании огнем.

В доме сферы мать жизнью меня одарила,
Чистотой, превышающей все, наделила. Но
следует всю полноту мне постичь, Чтоб
царский венец свой по праву носить¹.

«Сферический дом» — это *vasrotundum*, чья сферичность представляет космос и в то же самое время мировую душу, которая у Платона окружает снаружи физический космос. Тайное содержимое герметического сосуда есть первоначальный хаос, из которого был создан мир. Как *filius Macrocosmi* и первый человек, предназначение царя — «округленность», то есть целостность, но он не может достичь ее по причине своего изначального изъяна.

Стих 10

О горе! Узнал я: мне родне продлить,
Коль снадобья дивного не вкусить.
Какая меня охватила тоска! Судьба
моя, Ветхого днями, близка².

Этот стих подтверждает дряхлость царя, который, помимо своего изначального порока или из-за него, также страдает от старческой слабости. Это был дерзкий удар по канону — потому что царь отождествлялся

¹ *Massa mei corporis semper est mansura
Valde delectabilis atque satis dura,
Hancque, cum examinat ignis creatura,
Nulla mei ponderis abest caritura.*

*Meque mater genuit sphaericae figurae
Domi, quod rotunditas esset mini curae.
Foremque prae ceteris speciei purae, Et
assistens regibus dignitatis jura.*

² *Modo tamen anxia illud scio verum
Nisi fruar protinus ope specierum,
Generare nequeo, quia tempus serum
Est et ego stupeo antiquus dierum.*

здесь с «Ветхим днями» из Книги Даниила, 7:9: «Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его — как чистая вулна; престол Его — как пламя огня, колеса Его — пылающий огонь». Несомненно, что Рипли-алхимик здесь противоречил Рипли-клирику, высказывая идею, которую в Средние века могли счесть богохульством — отождествление преобразующей субстанции с Богом. Для нашего способа мышления такой вид аллегории или символизма — верх абсурдности и неразумия. Это было тяжело усвоить даже человеку Средневековья¹. Но когда эту идею надо воспринять, то, как в философской алхимии, необходимо изложение на возвышенном или, во всяком случае, высокоэмоциональном языке некоторых трактатов. Мы в действительности встречаемся здесь с новой религиозной декларацией: Бог пребывает не только в нетленном теле Христа и в освященной гостии, но — а в этом и состоит все значение новизны — он также сокрыт в «низкой», «презренной», обычной материи, даже в «нечистоте этого мира, в грязи»². Он может быть обнаружен только путем искусства, именно он является истинным объектом искусства и способен к прогрессивной трансформации — «Deo adjuvante». Эта необычная теологема, разумеется, не означает, что для алхимиков Бог был всего лишь субстанцией, которую можно получить путем химической реакции — до этого далеко. Такая аберрация может возникнуть у тех современных людей, которые помещают на место Бога материю или энергию. Алхимики, пока они еще оставались язычниками, обладали более мистической концепцией Бога, относящейся к поздней античности, которую, в случае Зосимы, можно назвать гностической. Если же они были христианами, то их христианство заметно дополнялось языческими магическими идеями о демонах и божественных силах и *anima mundi*, присущей физической природе или заключенной в ней. *Anima mundi* понимается как часть Бога, которая формирует квинтэссенцию и реальное вещество Физис и которая должна быть Богом — используя точное выражения Исидора³ — в виде «возрастающей души»

ψυχή, (προσφύησασα)), чтобы стать божественной душой человека, воз-растающая душа была второй душой, которая проросла сквозь царства минералов, растений и животных к человеку, охватывая всю природу, и естественные формы были просто приданы (προδαρτήματα) ей. Странная идея Исидора так гармонирует с феноменологией коллективного бессознательного, что будет справедливо назвать ее проекцией или метафизическим осадком этого эмпирически доказуемого факта.

¹ См. апологию печатника во Введении к *Aurora Consurgens* II / (Art. aurif., I, p. 183), которая цитируется в «Психологии и алхимии», § 464.

² «In immundita hums mundi, in stercore».

³ Сын Василида Гностика.

От читателя не может ускользнуть примитивность идеи старения Бога и необходимости его обновления. Она в действительности возникла в Древнем Египте, хотя трудно вообразить, из какого источника, отличного от Библии, каноник Бридлингтонский в пятнадцатом веке мог заимствовать подобную теологию. Его работы, во всяком случае, не дают возможности сделать какое-либо предположение. Ключом может стать сама алхимическая традиция, ее идея о тленной арканной субстанции, чей изъян вызван первородным грехом. Сходную идею можно встретить в легенде о Граале, где появляется большой король, тесно связанный с преобразующим таинством мессы. Король — предок Парсифаля, которого можно назвать спасителем, так же, как и в алхимии, где у старого царя есть сын-спаситель или он становится спасителем сам (ляпис существует одновременно в начале и в конце). Далее мы рассмотрим некоторые средневековые спекуляции о том, что Бог нуждается в улучшении и о преображении Бога гнева Ветхого Завета в Бога любви Нового Завета: ибо подобно единорогу он был смягчен любовью в лоне девственницы. Подобные идеи можно отыскать в очень ранних источниках, еще у Бонавентуры, францисканского святого, умершего в 1274 году¹. Нам следует также вспомнить, что на фигуральном языке Церкви Бог-Отец представляется стариком, а его рождение — это возвращение молодости в его Сыне. В гимне Церкви как аналогу матери божьей Павлин Ноланский говорит:

Она сестра и жена одновременно; ибо не телесно,
Но мысленно она соединяет, ибо она невеста Бога, а не человека.
От этой матери рождается и старец, и дитя...²

Хотя здесь говорится о кандидате на крещение («возрожденном для нового детства»), суть этой аналогии в том, что Богу, бородатому старцу, поклоняются как новорожденному ребенку, в котором воплотился Бог-Сын.

Контраст между *senex* [старцем] и *puer* [ребенком] можно обнаружить несколько раз в архетипе возрождения Бога в египетской теологии, особенно когда изначальная омоусия (доктрина единства Бога-Отца и Бога-Сына) проявляется так ясно, как в стихах Эфраима Сирийского: «Ветхий днями, в своем величии, пребывает как дитя в утробе матери»³. «Твое дитя, о Дева — это старец; он — Ветхий днями и предшествует времени»⁴.

¹ Подробнее см. Психология и алхимия, § 522 сл., и прим. 22. ² Поэта 25, (Migne, P.L. vol. 61, col. 637). Подробнее см. *Curtius*. European Literature and the Latin Middle Ages, p. 103ff.

³ *Ephraem Syrus*. Hymni et Sermones, II, col. 620J²¹ ⁴

Ibid., I, col. 136J²² ¹

Нигде в этом материале, однако, мы не обнаруживаем весьма специфического мотива старения Бога и по-прежнему ничего не можем сказать об источнике, которым пользовался Рипли. К тому же всегда остается возможность автохтонного появления мифологемы из коллективного бессознательного. Нелкин опубликовал подобный случай. Его пациент был учителем начальной школы, страдавшим от паранойи. Он развивал теорию о Боге-Отце с безмерными детородными силами. Сначала он имел 550 *membra virilia* [мужских половых органов], но потом их число уменьшилось до трех. У него также были две мошонки с тремя яичками в каждой. В конце концов колоссальное продуцирование спермы ослабило его, и дело завершилось тем, что он усох до пяти тонн и его заковывали в цепи в ущелье. В этой психо-логеме имеется мотив старения и потери детородной силы. Пациент же играл здесь роль омоложенного Бога-Отца или его воплощения (аватары)¹. Оформление архетипической темы здесь полностью оригинальное, так что мы можем с уверенностью считать его автохтонным продуктом.

В случае Рипли наиболее правдоподобно, что он модифицировал для своих целей концепцию Ветхого днями и его юного сына Логоса, который в видениях Валентина Гностика и Мейстера Экхарта появлялся в образе маленького мальчика. Эти взгляды близки к таким же концепциям о Дионисе, самом юном из богов, о горе-ребенке, Карпократе, Айоне и так далее. Все эти легенды включают сюжет о возрождении бога. Шаг из мира христианских идей назад в язычество короток², а натуралистический взгляд, что отец угасает при появлении сына или находит в сыне новую молодость, таится во всех древних концепциях, чей эффект усиливается, когда их сознательно отбрасывают. Такую систему идей вполне можно ожидать от церковника, подобного Рипли, даже если он, как все алхимики, не осознавал полностью их значения.

Стихи 11—12

Утратил юность я, печалью сокрушен, Но
слышу глас Христа, и мне вещает он: Пусть
смерть твоей овладевает кровью, Ты будешь
возрожден неведомой любовью.

Но в царство Божие пока мне нет пути, Лета
меня гнетут, где выход мне найти?

¹ *Nelken*. Analytische Beobachtungen über Phantasien eines Schizophrenen», S. 538ff.

² *Rahner*. Die Gottesgeburt, p. 341 ff.

Я в душу матери смиренно погружусь И
отдых там найду, и молча растворюсь.¹

Чтобы войти в Царство Божие, царь должен преобразоваться в первоматерию в теле своей матери и вернуться в темное первоначальное состояние, которое алхимики называют «хаос». В этой *massa confusa* стихии находятся в конфликте и отталкивают друг друга; все связи разрушены. Растворение — необходимая предпосылка для освобождения. Чтобы преобразиться, участник мистерии должен претерпеть символическую смерть. Так в видении Арислея Габриций распадается на атомы в теле своей сестры-жены. Аналогия с Ветхим днями показывает нам цель алхимии: и мастер, и субстанция должны достичь совершенства, сравнимого с Царством Божьим. Я не буду сейчас обсуждать, справедливо ли это кажущееся дерзким сравнение, но хотел бы напомнить читателю, что алхимики сами считали преобразование (трансформацию) чудом, которое может произойти только с Божьей помощью.

Стих 13

Мать жизнь царю дает и тем одушевляет,
Тогда она его еще раз зачинает.
И тут же прячет под свои одежды,
Чтоб плоть он вновь обрел и новые надежды.²

Здесь «химическая свадьба» принимает форму древнего ритуала усыновления, когда усыновляемого ребенка прячут под юбкой приемной матери и затем вытаскивают наружу³. Так Рипли обходит щекотливую проблему ритуального инцеста.

¹ Me praedatum penitus iuventutis flore
Mors invasit funditus Christi sed ab ore
Me audivi coelitus grandi cum stupore
Renascendum denuo nescio quo amore.

Regnum Dei aliter nequeo intrare Hinc ut
nascar denuo me humiliare Volo matres
sinibus meque adaptare In primam
materiam et me disgregare.

² Ad hoc mater propria regem animavit
Eiusque conceptui sese acceleravit,
Quern statim sub chlamyde sua occultavit
Donee eum iterum ex se incamavit.

³ Ср. *Diodorus*. *Bibliothèque Historique*, 4,39.

В древности усыновление было представлено либо символическим актом рождения, либо кормлением грудного ребенка. Таким способом Геракл был «усыновлен» Герой. В гимне Небу¹ бог говорит Аш-шурбанипалу:

Мал был ты, Ашшурбанипал, когда я оставил тебя с божественной
Царицей Ниневии, Слаб был ты, Ашшурбанипал,
когда ты сидел на коленях
Божественной царицы Ниневии, Из четырех
сосков, что ты брал в рот, ты сосал
Два, А в двух ты прятал
свое лицо...²

Укрывание ребенка под юбкой — широко распространенный ритуал, и до недавнего времени его еще практиковали боснийские мусульмане. Мотив «мадонны-охранительницы» под покровом символизирует нечто подобное, то есть усыновление верующего.

Сцена усыновления у Рипли может восходить к «львиной охоте» Марка³, где говорится об огне, который «угли скрывают подсобой, как благочестивая мать укрывает в себе тело ребенка». И еще: «Он уподобляет трепетность огненного жара трепету благочестивой матери над своим сыном»⁴. Эти фразы — часть диалога между королем Марком и его матерью. В отличие от «Кантилены», там преображению подвергается не царь, а лев.

Стихи 14—17

Естественный союз объятъем сотворен,
Дивись, как милостиво он благословлен.
Два пола та же связь соединяет, Что воздух
и холмы земные сочетает.

В свои чистейшие покои⁵ входит мать, На
белых простынях ложится почивать.
Утомлена она, и сон к ней не идет, Но знак
несчастья перед ней встает.

Из умирающего яд проистекает,
И ясный, чистый лик ее пятнает.

¹ Небо соответствует планете Меркурий.

² *Roscher: Lexicon*, III, 1, col. 62, s.v. Nebo.

³ *Senior: De chemia*, p. 63]²³¹

⁴ *Ibid.*, p. 63.

⁵ «Thalamus» относится к мистическому браку. См. ниже, «зеленый лев».

Уйдите, чужаки! велит тогда она
Двери заперев, она лежит одна.

Павлинье мясо надо ей вкусить И кровь от
льва зеленого испить, Что в чаше
вавилонской золотой Принес
Меркурий, страсть неся стрелой¹.

Диета беременной, описанная здесь, эквивалентна «sibatio», «пище» преобразующей субстанции. Основополагающая идея заключается в том, что материал, подвергающийся трансформации, должен насыщаться и пропитываться, либо поглощая жидкость, aqua rgoria («нашу воду», душу), либо поедая «перья» или «крылья» (летучего духа), или свой собственный хвост (уроборос), или плод философского дерева. Здесь это «павлинье мясо». Павлин — намек на cauda pavonis (павлиний хвост). Непосредственно перед albedo или rubedo² появляются «все цвета», как если бы павлин расправил свой сверкающий веер. В основе этого явления лежит радужная пленка, часто формирующаяся на поверхности расплавленного металла (то есть свинца)³. «Omnes colores» [все цвета] часто упоминаются в текстах, указывая на нечто, подобное целостности. Цвета объединяются в фазе albedo, которая для многих алхимиков являлась кульминацией их работы.

¹ Mirum erat ilico cernere connexum Factum
naturaliter primum ad complexum, Foedere
complacito ad utrumque sexum Penitus
post aeris montana transvexum.

Mater tunc ingreditur thalamum pudoris Et
sese in lectuio collocat honoris, Inter
linreamina plenaque candoris Signa statum
edidit futuri languoris.

Moribundi corporis virus emanabat, Quod
maternam faciem candidam foedabat, Hinc
a se extraneos cunctos exserebat Ostiumque
camerae firme sigillabat.

Vescebatur interim carnibus pavonis Et
bibebat sanguinem viridis leonis Sibi
quem Mercurio telo passionis
Ministrabat aureo scypho Babylonis.

² Последовательность алхимических процедур произвольна и варьируется у разных авторов.

³ Хогеланде, вероятно, имел в виду нечто подобное, когда утверждал, что «на поверхности ртути (Меркурия) появляются краски» (Theatr. chem., I, p. 150).

Первая часть была закончена, когда различные компоненты, выделенные из хаоса *massa confusa* приходят к единству в *albedo* и «все становятся одним». С точки зрения морали это значит, что первичное состояние психической разьединенности, внутренний хаос противоборствующих частиц души, который Ориген уподоблял стаду скота¹, превращался в «*virunus*», цельного человека. Поэтому поглощение павлиньего мяса эквивалентно объединению многих цветов (или, психологически, противоречивых чувств) в едином белом цвете. В «Алхимическом каноне» Нортон провозглашает:

Знай, что любой из мыслимых цветов
Появится пред тем, как будет явлен белый².

Ляпис содержит или производит все цвета³. Хогеланде указывает, что «гермафродитный монстр» содержит все цвета⁴. Для поэтического сравнения говорят об Ириде, радуге⁵, или радужной оболочке глаза⁶. Глаз и его цвета упоминает и Ипполит, он обращает внимание на наасенскую аналогию между четырьмя реками рая и чувствами. Река Пи-сон, омывающая Авилу, страну золота, соответствует глазу: «Они говорят, что это глаз, который своим выражением и своими цветами свидетельствует о том, что сказано»⁷. Абу-аль-Касим рассуждает о дереве, цветущем многими красками⁸. Милиус говорит: «Наш камень — излучающее звездный свет Солнце (*Sol*), что, подобно весне, порождает все цвета, вызывает общее цветение»⁹. В «*Tractatus Aristotelis*» приводится более сложное объяснение: «Все, что находится в подлунном мире... объединяется в целое в результате четверного процесса¹⁰, как

¹ См. выше.

² *Theatrum Chemicum Britannicum*, p. 54.

³ «Эта вещь... заставляет цвета появляться спорадически»¹²⁴¹ (*Turba, Sermo XIII, lines 9ff.*). «Следовательно, это тот камень, который мы наделяем всевозможными именами, который приемлет и впитывает деяние, и из которого являются все цвета»¹²⁵¹ (*Ibid., lines 24f.*). Аналогичным образом *Milic* (*Phil. ref.*) пишет: «Будут явлены все краски мира»¹²⁶¹.

⁴ *Theatr.chem.*, I, p. 179.

⁵ «Земное проявление квинтэссенции вы можете созерцать в цветах радуги, когда солнечные лучи сверкают сквозь дождь»¹²⁷¹ — *Gloria mundi / Mus. herm.*, p. 251 (*Waite, I, p. 202*).

⁶ «...зрачок и Ирида (радуга) в небе». (Олимпиодор, *Berthelot. Alch. greccs, II, iv, 38*).¹²⁸¹

⁷ *Elenchos, V. 9.*

⁸ *Abu'l Qasim Muhammad. Kitab al-'Urn al-muktasab* (изд. Holmyard), p. 23.

⁹ *Phil. ref.*, p. 121.

¹⁰ «*In fine quadrangulari*», то есть после осуществления синтеза четырех первоэлементов.

луг, усыпанный разнообразными благоухающими цветами, коими небесная роса оплодотворила землю»¹.

Стадии делания обозначены семью цветами, которые ассоциируются с планетами². Этим объясняется соотношение цветов в астрологии, а также психологии, поскольку планеты соответствуют индивидуальным компонентам характера. «Auroga Consurgens» связывает краски с душой³. Ланье ассоциирует четыре основных цвета с четырьмя темпераментами⁴. Психологическое значение цветов ясно видно и у Дорна: «Поистине то, чем является разум человека, есть начало, середина и конец подготовки и обозначается желтым цветом, который показывает, что человек есть величайшая и первейшая сторона спагирического деяния и что он могущественней небес»⁵. Поскольку золотой цвет обозначает интеллект, основной «информатор» (созидательную силу) алхимического процесса, можно предположить, что три другие цвета также символизируют психологические функции, точно так же, как семь цветов указывают на семь астрологических компонент характера. Следовательно, синтез четырех или семи цветов должен значить не меньше чем интеграцию личности, единение четырех основных функций, обычно представленных цветной четверицей: голубой—красный—желтый—зеленый⁶.

Cauda pavonis была любимой темой художественных образов в старых печатных книгах и рукописях. Причем изображали не один хвост, а всю птицу. Поскольку павлин символизирует «все цвета» (то есть объединение всех свойств), на иллюстрации в Кунратовой «*Amphitheatrum sapientiae*» он изображен с двумя головами Ребиса, чье единство он явно представляет. Подпись называет его «птицей Гермеса» и «благословенной неопытностью», которые, символизируют Святого духа и Руах Эло-хим, играющих у Кунрата огромную роль⁷. *Cauda pavonis* также называют «душой мира, природой, квинтэссенцией, причиной появления всех

¹Theatr. chem., V, p. 881.

²Ср. *Berthelot*. Alch. greccs, Introduction, p. 76.

³Р. 95: «Вознесший свою душу увидит ее краски». ¹²⁹¹

⁴*Citrinitas* = холерический темперамент, *rubedo* = сангвинический, *albedo* = флегматический, *nigredo* = меланхолический. (*Harmonia chemica* / *Theatr. chem.*, IV, p. 873).

⁵*Phil. chem.* / *Theatr. chem.*, I, p. 485.

⁶Ср. Психология и алхимия, § 212,262; Исследование процесса индивидуации, §564 ел. (рис. 5).

⁷Ср. с наивным молящимся в «*Amphitheatrum sapientiae*» (p. 221): «Всем сердцем своим моллю тебя, чтобы ты послал ко мне со святых небес Руах-Хокма-[^]•"ь, Дух твоей Мудрости, дабы он всегда был рядом со мной и мог искусно управлять мной, советовать и учить меня, мог быть рядом и молиться со мной, и трудиться со мной; мог дать мне твердую волю, и знание, и способности в физических

вещей»¹. Здесь павлин занимает высочайшее место как символ Святого Духа, в ком объединена муже-женская полярность гермафродита и Рёбиса.

В другом месте Кунрат говорит, что в час конъюнкции появится тьма, подобная воронову крылу, и все цвета мира, «даже Ирида, вестница богов, и павлиний хвост». Он добавляет: «Запомни тайны радуги в Ветхом и Новом Завете»². Это ссылка на Завет Бога Ною после потопа (Бытие, 9:13) и на слова из Апокалипсиса: «...а на престолах видел я двадцать четыре старца» (4:4), окружающих престол, Сидящий на котором «...видом был подобен камню яспису и сардису (4:3)³; и радуга вокруг престола подобна смарагду (10:1)⁴. Ирида как «посланица Бога» имеет особое значение для понимания опуса, поскольку объединение всех цветов указывает как бы на пришествие Бога или на его присутствие.

Зеленый цвет, значение которого Кунрат подчеркивал, ассоциируется с Венерой. «Introitus apertus» говорит: «При осторожном нагревании смесь делается жидкой и начнет увеличиваться в объеме, и Бог своей волей наделит ее духом, который вознесется вверх, неся с собой камень, и породит новые цвета, и первый из них — зеленый цвет Венеры, который сохранится надолго»⁵. К концу процедуры, известной как правление Венеры, цвет станет пурпурно-синим, и этим цветом зацветет философское древо. Затем последует правление Марса, «которое явит эфемерные цвета радуги и павлина в его наивысшей славе». В «эти дни» появится «гиацинтовый»⁶, то есть голубой, цвет.

В темно-пурпурном цвете, появляющемся к концу правления Венеры, есть что-то роковое. Это соответствует взгляду церкви на пурпурный цвет,

и физико-медицинских материях».¹³⁰¹ Не сомневаюсь, что ученый доктор Кунрат был бы счастлив иметь Святого Духа в качестве своего лабораторного ассистента.

¹ Ср. рис. IV в Приложении к «Amphitheatrum».

² Ibid., p. 202.

³ Таким образом делается акцент на зеленом цвете.

⁴ «...над головою его была радуга, и лице его как солнце...».

⁵ Mus. herm., p. 693 (Waite, II, p. 194).

⁶ Ibid., p. 694. Полезно указать, что во время правления Марса происходят замечательные изменения: если во время правления Венеры камень, материал, который должен быть трансформирован, «помещается в другой сосуд», то во время правления Марса, как утверждают, «мать, будучи запечатанной в животе своего ребенка, распухает и очищается, и поэтому во время этого правления состав обретает великую чистоту, и гниль не касается его... Знайте, что наша Девственная Земля здесь подвергается последней степени обработки и готова принять и взрастить плод солнца».¹³¹ Интересно, что во время этого правления материнская субстанция заключается в утробу собственного ребенка. Такие трансформации можно выразить только в терминологии *инь* и *ян*. Ср. *И Цзин* (Книга перемен).

сражающий «тайну страстей Господних»¹. Поэтому правление Венеры сопровождается страстями и смертью, что я подчеркнул бы, сославшись на «стрелу страсти» в «Кантилене». Отрывок из «Aquarium sapientum» свидетельствует, что цвета выражают нравственные качества и ситуации: «Когда в человеке происходит переваривание² и обжиг мертвого одухотворенного тела, тогда, как и в раннем опусе, можно видеть множество разных цветов и знаков, то есть все виды страданий, несчастий и бед, главнейшие из которых... непрерывные атаки жизни, плоти и дьявола»³.

Эти слова, относящиеся к правлению Венеры, согласуются с «Таблицей Символов» Пенотуса, где павлин связан с «misterium coniugii» и Венерой, а также с зеленой ящерицей. Зеленый — цвет Святого Духа, жизни, творения и воскресения. Я вспомнил это потому, что Пенотус связывает coniugium с «dii mortui» (мертвыми богами), вероятно, потому, что им необходимо воскресение. Как и феникс, павлин является древним христианским символом воскресения. Согласно старому алхимическому тексту⁴, на бронзовых табличках из лабиринта Мероэ изображен Осирис (уже после того как Исида воскресила его), стоящий на колеснице, в которую запряжены два павлина и на которой он несется, торжествуя после своего воскресения, подобно солнцу.

УДорна «мертвое одухотворенное тело» — это «птица без крыльев». Сначала она черна, как голова ворона, потом переливается всеми красками, как павлин, после чего обретает белейшее одеяние лебедя и наконец становится ярчайшего красного цвета, который означает, что его природа — природа огня⁵. Это прямое указание на феникса, который, подобно павлину, играет значительную роль в алхимии как символ обновления и воскресения⁶ и, более узко — как синоним ляписа.

¹ Ср. *Cassiodorus*. *Expositio in Cantica Canticorum* (Migne, P.L., vol. 70, cols. 1071, 1073, 1096).

² *Ruland*. *Lexicon*, p. 126, s.v. *Digestio*: «Превращение любого вещества в другое в процессе естественного нагревания».

³ *Mus. herm.*, p. 131 (Waite, I, p. 111). Текст продолжает: «Все это дает нам Доброе знамение, а именно: что человек, столь страдающий от тревог, в должное время будет благословен и достигнет горячо хотимого, как свидетельствует само Священное Писание (II Тим. 3:12), что «все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» и что именно через бедствия и несчастия мы можем войти в Царствие Небесное».¹³²¹

⁴ Латинская рукопись XVIII века «*Figurarum Aegyptiorum secretorum*» (в собственности автора).

⁵ *Congeries Paracelsicae / Theatr. chem.*, I, p. 599.

⁶ *Гонорий Отенский*. *Speculum de misteriis ecclesiae* (Migne, P.L., vol. 172, col. 936), пишет о фениксе: «О фениксе говорят, что он красного цвета и что он есть Христос, о котором написано: Кто он, идущий из Эдома, в крашеном одеянии из

Cauda pavonis означает конецдеяния, так как Ирида, синоним этого выражения, является посланницей бога. Переливающийся всеми красками хвост павлина предвещает близкий синтез всех качеств и стихий, объединенных в «завершенности» философского камня. Как я показал в «Психологии и алхимии», в течение семнадцати веков ляпис более или менее тесно связывали с древней идеей антропоса. Позже это понимание включило в себя Христа, который с незапамятных времен был тем же, что и антропос или Сын человеческий, появляясь в Евангелии от Иоанна как космогонический Логос, существовавший до сотворения мира: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть». Согласно учению василидиан, «Бог, которого нет», бросает семя, и в нем, подобно горчичному зернышку, содержится полностью все растение или, «как в яйце павлина, имеются все цвета»¹. В этом семени находится «тройственное начало, единосущее Богу, которого нет. В алхимии конец работы, объявленный *cauda pavonis*, представлял собой рождение *filii regius*. Итак, феномен красок василидианской доктрины оказывается на своем месте. И опять возникает вопрос, что это — традиция или спонтанное возникновение идеи?

Павлин — атрибут Юноны, а одно из прозвищ Ириды — Юнония. Также, как Царица-Мать или мать богов, дарующая возрождение, павлин ежегодно обновляет свой плюмаж и поэтому связан со всеми переменами в природе. Де Губернатис говорит:

Ясное и звездное небо и сияющее солнце — это павлины. Этот темно-синий небосвод блистает тысячами сверкающих глаз, и солнце, изобилующее всеми цветами радуги, принимает вид павлина во всем великолепии его усеянных глазами перьев. Когда небо или тысячелучевое (*sahasransu*) солнце прячется за облаками, или скрыто в осеннем сумраке, оно снова напоминает павлина, который в темное время года, подобно множеству птиц с ярким опереньем, теряет свой прекрасный плюмаж и становится тусклым и невзрачным. Ворона, которая была украшена павлиньими перьями, каркает потом с другими воронами, возвещая смерть. Зимой у павлина-вороны не остается ничего, кроме резкого неприятного крика, сход-

Босры?»¹³³¹ (Ср. Ис. 63:2: «Кто это идет от Едома, в червленых ризах от Восо-ра?»³⁴) д также стих 3: «...кровь их брызгала на ризы Мои, и я запялнул все одеяние Свое»). Гонорий продолжает: «Эдом, символизирующий красный [цвет] — это имя, доставшееся Исаву от красной чечевичной похлебки, за которую он продал Иакову свое первородство».¹³⁶¹ После рассказа о фениксе Гонорий добавляет: «На третий день птица возрождается, поскольку Христос на третий день был возрожден своим Отцом».¹³⁶¹

¹ Elenchos, X, 14, 1 (Legge, II, p. 159).³⁷¹

ного с карканьем вороны. О павлине часто говорят, что у него ангельское оперенье, дьявольский голос и воровская походка¹.

Этим можно объяснить, почему Дорн связывает павлина и голову ворона (caput corvi).

Достойны упоминания некоторые дополнительные значения павлина в средневековой литературе. Пичинеллус говорит, что павлин, в отличие от солнца, означает «праведника, который, хотя и украшен тысячью добродетелей, уже разделяет великую славу божественного явления»; он также означает человека, который, «запятнанный бесчисленными грехами, вновь обретает целостность духа». Павлин выражает «внутреннюю красоту и совершенство души»². Мерула упоминает, что павлин станет пустым и уничтожит сосуд с ядом³, еще одна особенность, которая может объяснить положение павлина в алхимии, поскольку он предвещает и осуществляет превращение ядовитого дракона в целебное снадобье. Мерула также утверждает, что пава не знакомит детей с отцом, пока они не станут взрослыми, из чего Пичинеллус выводит аналогию с Пресвятой Девой, которая также отдала своего сына Богу, когда он достиг совершенства. Здесь снова возникает мотив возрождения с помощью матери⁴.

Если, таким образом, Царица-Мать съедает павлинье мясо во время беременности, этим она усваивает одно из собственных свойств, то есть способность даровать возрождение, чьей эмблемой и является павлин. Согласно Августину, мясо павлина не портится⁵. Оно, как сказали бы алхимики, «сibus immortalis», подобно плодам философского древа, с которого Ариелей с товарищами вкушали в доме возрождения на дне моря. Павлинье мясо было правильной пищей для матери в ее попытках омолодить старого царя и сделать его бессмертным.

¹ Zoological Mythology, II, p. 323 (mod.).

² Чтобы высидеть это яйцо, павлин ищет уединенное и укрытое от других место. «И, конечно, уединение, являясь единственным средством для сохранения духовных возможностей, дает все для внутреннего счастья».¹³⁸¹

³ Я заимствовал это утверждение у Пичинеллуса, поскольку сам не мог выяснить, какая Мерула имеется в виду.

⁴ Mundus symbolicus, I, p. 316.

⁵ О Граде Божиим, XXI, 4: «Кто, как не Бог, сделал так, что мясо мертвого павлина не разлагается, всегда оставаясь сладким?» В *Cyranides* павлин признается «священнейшей из птиц». Павлиньи яйца используют для изготовления золотой краски. «Когда павлин умирает, его плоть не меняет цвет, не издает зловонного запаха, но остается такой, как будто ее хранят с ароматическими веществами».¹³⁹¹ Из его мозга готовят любовное зелье. Если пить павлинью кровь, можно изгнать Демонов, а его пометом лечат эпилепсию. (*Delatte. Textes latins et vieux francais* ■ "elatifs aus Cyranides, p. 171).

В то время как пищей царицы было павлинье мясо¹, ее питьем была кровь зеленого льва. Кровь² — один из широко известных синонимов aqua regia, и ее использование в алхимии часто основывалось на символике крови и церковных аллегориях³. В «Кантилене» imbibitio (насыщение)⁴ «мертвой»⁵ арканной субстанции относится не к царю,

¹ В Китае (ср. трактат *Вэй Лу-яня*: Isis, XVIII, p. 258) ближайшей аналогией будет «порхающая Ху-Ньяо», алая птица; она переливается пятью цветами, символизирующими целостность и соответствующими пяти элементам и пяти направлениям. «Ее бросают в горячий котел, чтобы уничтожить ее перья». В западной алхимии петуха ощипывают или его перья обрывают, или же он съедает свои собственные перья.

² Рипли сам называл кровь синонимом духа: «Дух, или кровь, или зеленый лев» (Opera omnia, p. 139). В «Химической свадьбе» *Розенкрейца* (p. 74) лев держит табличку с надписью: «*Гермес Князь*. После того, как человечество претерпело от стольких ран, Божьим советом и помощью Искусства явился я, целительный бальзам. Пусть тот, кто может, выпьет меня, пусть тот, кто хочет, умоется мною, пусть тот, кто рискует, взболтает меня: пейте, дышите, живите».¹⁴⁰

³ Ср. параллель опуса с мессой: — Психология и алхимия, § 480 сл., Символ превращения в мессе, § 339 сл.

⁴ Ср. *Mylus*. Phil. ref., p. 303, где он утверждает, что Меркурий — это зеленый лев, и «цельный эликсир из albedo и rubedo, и aqua regia, и живая и мертвая вода, и молоко девственницы, и трава очищения, и источник души: испивший из него не умрет, он окрашивается и придает краску испившим из него, он служит для них лекарством, умерщвляет и расчлняет их, нагревает и охлаждает, совершает проти воположные вещи» и т.д.¹⁴¹ Короче говоря, Меркурий — мастер-работник и творец. Поэтому Милиус продолжает: «И он — дракон, вступающий в брак сам с собой, оплодотворяющий сам себя, рожающий в должное время и убивающий все живое своим ядом».¹⁴² (Обычно о нем говорят: «убивающий сам себя» и «дающий себе жизнь»). Уроборос обладает чудесным свойством «агении» (существование благодаря самопорождению), таким же, как у Божества, и поэтому неотличим от него. Эта aqua regia, в отличие от двойственной i)5(ор8ЕТov, явно «божественной» при роды. Поэтому нам понятен торжественный призыв Дорна («Spec. phil.», *Theatr. chem.*, I, p. 299): «Приблизься, о Тело, к этому источнику, чтобы Разумом своим ты могло бы до конца утолить жажду и не томиться более по суетности. О чудесная сила этого источника, создающая из двух единое и примиряющая врагов! Источник любви может отделить разум от духа и души, но ты создаешь одного человека из разума и тела. Мы благодарны тебе, о Отец, за то, что ты позволил сынам своим приобщиться к твоему неиссякаемому источнику добродетелей. Аминь».¹⁴³

⁵ Извлечение души из первоматерии эквивалентно mortificatio. Затем, через процессы прргае\$пагю[оплодотворения], informatio [формирования], impressio[запечатления], imbibitio [насыщения], cibatio [напитывания], и т.д., душа возвращается в мертвое тело, за чем следует воскресение или возрождение в нетленности.

как в «Allegoria Merlini», а к царице. Замена и перекрывание образов встречаются в алхимии столь же часто, как в мифологии и фольклоре. Поскольку эти архетипические образы продуцируются непосредственно бессознательным, то неудивительно, что контаминация их содержания¹ проявляется в очень высокой степени. Именно это вызывает у нас такие трудности в понимании алхимии. Здесь доминирующим фактором является не логика, а игра архетипических мотивов, и хотя она «нелогична» с формальной точки зрения, тем не менее подчиняется естественным законам, от объяснения которых мы очень далеки. У китайцев в этом отношении имеется перед нами преимущество, что становится ясным при основательном изучении «Книги перемен». Названная близорукими людьми Запада «коллекцией древних магических заклинаний», а это мнение разделяют сами модернизированные китайцы, «И Цзин» представляет собой колоссальную психологическую систему, которая стремится организовать игру архетипов, «удивительный природный процесс», в некую структуру так, чтобы было возможно ее «прочтение». Осуждение того, чего не понимаешь, всегда свидетельствовало о глупости.

Замещение и перекрывание образов было бы невозможным, если бы между ними не существовало немаловажное субстанциальное сходство, омоусия. Отец, мать и сын обладают одной и той же субстанцией, и то, что сказано об одном из них, в большой степени справедливо и для другого. Вот чем объясняются различные варианты инцеста — между матерью и сыном, братом и сестрой, отцом и дочерью и т.д. Уроборос один, хотя в двойном свете бессознательного его голова и хвост выглядят разными объектами и рассматриваются как таковые. Алхимики, однако, в достаточной мере осознавали омоусию своих основных субстанций и не только называли двух протагонистов драмы конъюнкции одним Меркурием, но утверждали тождественность первоматерии и сосуда. Так же, как aqua regnans, влажная душа-субстанция, происходит из тела, которое стремится растворить, так и мать, растворяющая своего сына в себе, представляет собой женский аспект отца-сына. Этот взгляд, распространенный среди алхимиков, может базироваться только на существенном сходстве субстанций, причем не химических, а психических, и принадлежащих не сознанию, где они были бы дифференцированными концептами, а бессознательному, в чьем нарастающем сумраке они сливаются все сильнее и сильнее.

Когда мы узнаем, что царица пила кровь, этот образ будет соответствовать во всех отношениях царю, пьющему воду² в выдолбленной из

¹ Лучшие примеры этой взаимосвязи всего со всем можно обнаружить в сновидениях, гораздо более близких к бессознательному, чем мифы.

² В «Liber Platonis quartorum», относящемся к X веку, кровь называется растворителем (Theatr. chem., V, p. 157) и утверждается также, что лучшим растворителем является львиный навоз (p. 159).

дуба царской купели, царю, тонущему в море, акту крещения, переправе через Красное море, и матери богов, вскармливающей ребенка. Вода и сосуд, в котором она находится, всегда означают мать, женское начало, прекрасно характеризующееся символом *инь*, тогда как в китайской алхимии царь характеризуется символом *ян*¹.

В алхимии лев, «царь зверей», является синонимом Меркурия или, если быть более точным, синонимом одной из стадий его трансформации. Он — теплокровная пожирающая форма, хищное чудовище, впервые появляющееся в облике дракона. Обычно лев умерщвляет дракона и окончательно расчленяет его. Льва сменяет орел. Подобные превращения, описанные Розенкрейцем в «Химической свадьбе» приводят к удачной идее трансформации и символов Меркурия. Подобно ему, лев появляется в дуалистической форме, как лев и львица², или же о нем говорят как о двойнике Меркурия³. Два льва иногда отождествляются с красной и белой серой⁴. На иллюстрациях изображено яростное сражение между бескрылым львом (красной серой) и крылатой львицей (белой серой). Пара львов — прототип царской четы, поэтому они носят короны. Очевидно, на этой стадии между ними еще продолжается ссора, и совершенно ясно, что должен выразить огненный лев: страстную эмоциональность, которая предшествует распознаванию бессознательных содержаний⁵. Бранящаяся чета также представлена уроборосом⁶. Итак, лев обозначает арканную субстанцию,

¹ Ср. трактат Вэй Пу-яня (р. 23 сл.), где *инь* и *ян* — это колесницы, ведущие изнутри наружу (из внутреннего мира во внешний). Солнце — это *ян*, луна — *инь* (р. 233). Наш западный образ уробороса выражается словами: «*Инь* и *ян* пьют и поглощают друг друга» (р. 244); «*Ян* дает, а *инь* принимает» (р. 245), и в иной форме: «Дракон посылает свое дыхание Тигру, и Тигр принимает дух от Дракона. Они вдохновляют друг друга и помогают друг другу» (р. 252). Подобно тому какв алхимии Меркурианский душпекс является восточным и западным, так и в Китае Дракон (*ян*) правит Востоком, а Тигр (*инь*) — Западом. Путь этот долог и таинствен, и в конце его Цянь (*ян*) и Кун (*инь*) соединяются» (р. 260).

² См. иллюстрации к «Символам» Ламбшпринга. — Mus. herm., p. 349 (Waite, I, p. 283).

³ То есть «летающий лев» эквивалентен Меркурию, который, в свою очередь, состоит из крылатого и бескрылого дракона. Ср. *Фланель*. Summarium philosophicum/Mus. herm., p. 173 (Waite, I, p. 142).

<Mylius. Phi!, ref., p. 190.

⁵ Эмоциональные взрывы обычно происходит в случаях неполной адаптации, вызванной бессознательным.

⁶ *Майер*, цитируя Луллия, сказал: «*Инь* называют землю зеленым львом, могучим в битве; другие — змеем, который поедает, умерщвляет и уничтожает собственный хвост».ⁱ⁴⁴ (Symb. aur. mensae, p. 427).

названную terra, телом или нечистым телом¹. Другие синонимы: «пустынное место»², «яд, ибо она [эта земля] смертоносна», «дерево, потому что оно приносит плоды», «скрытая материя, поскольку она является основой всех вещей в природе и субстанцией [subiectum] всех элементов»³. Явно противореча этому, Майер приводит из «Tractatus duodecim portarum» Рипли замечание о том, что зеленый лев — это «средство объединения тинктур солнца и луны»⁴. Будет, однако, психологически корректным утверждение, что эмоции соединяются в той же степени, что и разделяются. Василий Валентин рассматривает льва как арканную субстанцию, называя его троицей, состоящей из Меркурия (ртути), Соли и Серы, эквивалентом дракона, орла, духа и тела⁵. «Gloria Mundi» называет зеленого льва минералом, который «поглощает огромное количество своего собственного духа»⁶, подразумевая самооплодотворение своей собственной душой (imbibitio, cibatio, nutritio, penetratio и т.д.)⁷.

Кроме зеленого льва в средневековой литературе встречается также красный лев⁸. Оба они обозначают Меркурия⁹. Действительно, Ар-тефий упоминает использование льва (и змеи) в магии, проливая значительный свет на наш символ: он «хорош» для битвы¹⁰; и здесь можно

¹ «Но нечистое тело не учитывается, за одним исключением, обычно именуем зеленым львом». ⁴⁵(ЛПШ'ег. р. 464; Ripley. Opera omnia, p. 139).

² *Maier* (p. 427) добавляет: «Потому что на земле больше не живут ее духи». ¹⁴⁶¹

³ *Ibid.*

⁴ «Medium coniungendi tinctures inter solem et lunam». [*Maier*. p. 464; Ripley. Opera omnia, p. 139).

⁶ Chymische Schrifften, S. 248f.

⁶ Mus. herm., p.219(Waite, I, p. 178). ⁴⁷

⁷ Дальнейшие данные, касающиеся льва как арканной субстанции, можно найти в «Consilium coniugii» (Ars chemica, p. 64), где лев означает «aes Hermetis» (бронзу Гермеса). Другой синоним льва — «vitrum» (стекло), которое благодаря своей прозрачности служит еще и символом души. (Ср. *Цезарий Гейстербахский*, Dialogue on Miracles, 1.32 и IV.39.) Можно также обратиться и к *Мориенусу*, причислявшему льва к одной из трех субстанций, которые необходимо хранить в тайне (De transmut. metallica / Art. aurif., II, p. 51f.) Ros. phil. / (Art. aurif., II, p. 229) гласит: «В нашем зеленом льве подлинный материал... именуемый Адропом, Азотом или зеленым Дуэнехом»⁴⁸¹

⁸ Красный лев, вероятно, поздний эквивалент sulphur rubeum [красной серы] (видимо, со времен Парацельса). *Милюс* (Phil, ref., p. 209 и Schema 23, p. 190) отождествляет двух львов с красной и белой серой.

⁹ *Khunrath*. Nyl. Chaos, p. 325.

¹⁰ Clavis maioris sapientiae / (Theatr. chem., IV, p. 238). Трактат, вероятно, хар-Ранского происхождения.

вспомнить сражающихся львов и то, что царь из «Allegoria Merlini» начал пить воду как раз тогда, когда собирался на войну. Мы, по видимому, не ошибемся, предположив, что «царь зверей», известный еще в эллинистические времена как стадия трансформации Гелиоса¹, пред. ставляет старого царя, *Antiquus dierum* [Ветхого днями] «Кантилены» на определенном этапе возрождения и что может быть именно так он получил свой необычайный титул «*Leo antiquus*»². В то же самое время он представляет царя в его териоморфном виде, то есть в таком, в каком он является в своем бессознательном состоянии. Животная форма подчеркивает то, что царя пересиливает и подавляет его животная сторона, и поэтому он проявляется только в животных реакциях, то есть эмоциях. Эмоциональность как неконтролируемые аффекты имеет определенно животную природу, и по этой причине к разумным людям в этом состоянии можно приблизиться только с осторожностью, как в джунглях³, или пользуясь методами дрессировщика.

Согласно утверждениям алхимиков царь превращается в свой животный атрибут, то есть возвращается к своей животной природе, психическому источнику обновления. Виланд применил эту психологию в своей сказке «*Der Stein der Weisen*» [«Философский Камень»]⁴, где беспутный король Марк превращается в осла, хотя, разумеется, сознательным источником здесь был «Золотой осел» Апулея, где Луций становится ослом⁵.

Хогеланде ставит льва в один ряд с собакой⁶. Лев, конечно, имеет что-то от природы бешеного пса, которого мы встречали ранее, и это сближает его с серой, огненным динамизмом Солнца. Точно так же лев есть «потенция» Короля-Солнца⁷.

Агрессивная сила льва имеет враждебную сторону, как и сера. У Гонория Отенского лев — аллегория Антихриста и дьявола⁸, что согласу-

¹ Парижский магический папирус, с. 1665 (*Pteisendanz*, *Papiri Graecae Magicae*, I, p. 126). Лев символизирует шестой час.

² *Ventura*. *Theatr. chem.*, II, 289.

³ Контакт с дикой природой — представлена ли она человеком, животным, джунглями или разлившейся рекой — требует такта, предусмотрительности и корректности. Носороги и быки не любят сюрпризов.

⁴ *Wieland*. *Dschinistan, Oder auserlesene Feen- und Geistermarchen*.

⁵ Как у Апулея осел возвращает себе человеческий облик, съев розы, так здесь он поедает лилию. В Парижском магическом папирусе осел — солярный символ пятого часа.

⁶ Атакже с грифоном, верблюдом, лошадыо и теленком. (*Theatr. chem.*, I, p. 163)

⁷ *Dorn*. *Spec. phil. / Theatr. chem.*, I, p. 301.

⁸ *Sermo in Dominica in Palmis* (Migne, P.L., vol. 172, col. 916): «Дьявола также называют драконом или львом».

ется с Первым посланием Петра, 5:8: «...противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить». Но в той степени, в которой лев и львица являются предшественниками (кровосмесительной) конъюнкции, они включаются в категорию тех териоморфных пар, которые проводят время, сражаясь и совокупляясь, то есть петуха и курицы, двух змей кадуцея, двух драконов и так далее. У льва в числе прочего имеется отчетливый эротический аспект. Так, в «Introitus apertus» говорится: «Узнай о голубях Дианы¹, которые лаской одолевают льва; зеленого льва, говорю я, который в действительности — Вавилонский дракон, убивающий все своим ядом. Узнай, наконец, о кадуцее Меркурия, коим он творит чудеса, и об очарованных им нимфах, если ты захочешь исполнить свое желание» (то есть завершить деяние)². Ссылка на «Вавилонского» дракона не случайна, потому что на церковном языке «Вавилон» звучит двусмысленно³. Николы Фламель тоже ссылается на Вавилон, когда говорит, что зловонное и ядовитое дыхание горящего Меркурия не что иное, как «голова дракона, с великой спешкой вылетающего из Вавилона, вокруг которого стоят два или три столба, обозначающих мили»⁴.

В «львиной охоте» Марка⁵ лев, как мы видели, занимает место царя. Марк готовит ловушку и лев, привлеченный сладким запахом камня, который, очевидно, очаровывает взгляд⁶, попадает в нее и поглощается магическим камнем. «И этот любимый львом камень есть женщина»⁷. Ловушка покрыта «стеклянной крышкой», а ее внутренность, которую Сениор называет «cucurbita» [букв, кровососной банкой], здесь именуется «таламусом» (свадебным покоем). Поэтому лев, подобно жениху, попадает в свадебный покой, где магический камень, «приятный для глаз» и представляющий собой женщину, возлежит на ложе из угля. Камень поглощает (transglutit) льва так, что «от него не остается больше ничего видимого». Это параллель к видению Арислея, где Габ-риций исчезает в теле Бейи.

¹ *Елеазар* (Авраам Иудей) упоминает, что голуби Дианы пробуждают спящего льва. Ср. *Uraltes Chymisches Werck*, I, p. 86.

² Mus. herm., p. 654. «Si voto tuo cupis potiri» может значить нечто большее, поскольку «votum» переводится не только как «желание», но и как «обет».

³ Откр. 17:5: «Тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным».

⁴ Вероятно, в двух или трех милях от города. — *Summarium philosophicum* / Mus. herm., p. 173 (Waite, I, p. 142).

⁵ Упоминается в арабском тексте как Маркус (Marqus), Царь Египетский. Ср. *Ruska. Tabula Smaragdina*, p. 57.

⁶ «Известный ему камень стоит в его глазах».¹⁴⁹¹

⁷ «Et hie lapis, quem diligit Leo, est foemina».

В «львиной охоте» все же достаточно хорошо различается инцест, хоть и несколько завуалированный, любовь-схватка проецируется на льва, животную натуру «нарастающей души» царя; иными словами, она разыгрывается в его бессознательном или во сне. Из-за своего двусмысленного характера лев хорошо подходит к роли этого непристойного любовника. Поскольку царь представлен как животное, а его мать — как магический камень, царский инцест может иметь место как бы «вовне», в совершенно другой сфере, чем мир личности царя и его матери. Разумеется, такой брак не только кажется «неестественным», но действительно является таковым. Табуированный инцест навязывается как задача и, как показано во множестве аллегорий, всегда представлен в символической форме и никогда — в конкретной. Создается впечатление, что этот «сакральный» акт, чью кровосмесительную природу алхимики, конечно, осознавали, не столько переносился ими в *cucurbita* или «стеклянный дом», сколько происходил там постоянно. Всякий, кто пожелает представить этот акт в его истинном смысле должен как бы вытолкнуть себя во внешний «стеклянный дом», круглую *cucurbita*, символизирующую микрокосм души. Малая толика благоразумия могла бы научить нас, что нам не надо «выходить из себя», но просто немного глубже погрузиться в себя, чтобы испытать реальность инцеста и многое другое, поскольку в каждом из нас дремлет примитивная «тварь», которую могут пробудить голуби Дианы. Отсюда происходит широко распространенное подозрение, что из психики не может произойти ничего хорошего. Несомненно, священный брак субстанций — это проекция бессознательных содержаний. Стало быть, эти содержания, как обычно считают, относятся к психике или, подобно самой психике, к «внутреннему» человеку. Остается сказать, что лишь немногие люди осознают или всегда осознавали, что кровосмесительные фантазии достойны упоминания. В таких фантазиях присутствует все, что еще *не осознано* ими, как и коллективное бессознательное в целом. Необходим анализ снов и других производных бессознательного, чтобы сделать эти фантазии видимыми. Для этого требуется, как при вступлении на чужую территорию, преодолеть значительное сопротивление в той зоне психики, с которой не ощущается родства и с которой нужно идентифицироваться; и всякий, кто забредает на эту территорию, по небрежности или по ошибке, ощущает себя вовне, чужаком в собственном доме. Я считаю, что следует обратить внимание на эти факты и не приписывать нашей личной психике все, что появляется как психическое содержание. В конце концов, мы же не поступаем так с пролетающей мимо нас птицей. Таким же предрассудком было бы ограничивать психическое существованием «внутри тела». В той степени, в которой психе имеет непространственный аспект, может существовать психическое «внетелье», область, столь резко отличающаяся от «моего» психического пространства, что оно

(психе) может выйти вовне или использовать для этого какие-то дополнительные способы. Если этот взгляд полностью корректен, алхимическое осуществление царского брака в *cusurbita* можно понимать как синтетический процесс в психе «вне» эго¹.

Как я уже говорил, то, что на эту территорию можно проникнуть тем или иным способом, не значит, что она принадлежит моей личности. Эго — оно Здесь и Сейчас, но «вне-эго» находится в чуждом Там, раньше и позже, до и после². Поэтому не удивительно, что примитивный разум воспринимает психику вне эго как чужую страну, населенную духами смерти. На достаточно высоком уровне она принимает характер теневой полуреальности, а на этапе древних культур тени этой потусторонней страны превращаются в идеи. В гностическо-христианских кругах они развиваются в догматическую, иерархически упорядоченную космогоническую и хилиастическую систему, которая выглядит для нас, современных людей, как произвольное, символическое высказывание психики, касающееся структуры психического не-эго³.

Данная область, все еще кажущаяся призрачной «потусторонней страной», является целым миром в себе, макрокосмом. С другой стороны, она ощущается как «психическая» или «внутренняя» и кажется подобной мик-роксому мельчайшего размера, наподобие народа гномов в шкатулке, из поэмы Гете «Новая Мелюзина», или внутренности *cusurbita*, в которую алхимики помещали сотворение мира, царский брак и гомункулуса⁴. Также

¹ См. Синхронизм: принцип акаузальной связи.

² Считая время физически относительным, что показали эксперименты. Ср. работы *Рине*.

³ Я осознаю проблематичность этой концепции. Но знакомые с материалом люди согласятся, что выразить такое тонкое, но очень важное различие в концептуальных терминах — далеко не легкая задача. На практике это различие проявляется немедленно, поскольку, в сравнении с персональными содержаниями, продукты не-эго часто принимают специфический характер «откровения» и поэтому воспринимаются как вдохновенные чужим присутствием, или как объект, независимый от эго. Архетипические переживания часто обладают нуминозным эффектом и по этой причине имеют огромное значение для психотерапии.

⁴ Поскольку это обсуждение началось с концепции Льва, я хотел бы обратить внимание читателя на новеллу Бруно Гёца «Das Reich ohne Raum». Гёцдает великодушное описание той лихорадочной атмосферы, в которой разворачиваются события, приводящие в конце к тому, что чародей уменьшает пару влюбленных и помещает их в стеклянный пузырек. Это эротическая лихорадка связана, как кажется, со Львом, потому что отрывок из «Lion Hunt» гласит: «Мать сказала ему: О Марк, быть может этот огонь будет легче, чем жар лихорадки? Марк ответил ей: О Мать, пусть лихорадка не проходит. Я вернусь и зажгу этот огонь»¹⁵⁰¹ — огонь в той Яме, что служит Льву свадебным покоем. (Ср. *Senior. De chemia*, p. 63).

как в алхимической философии Антропарион, или гомункулус (как и ляпис), соответствует антропосу, так и химические свадьбы имеют свои догматические параллели в свадьбе Агнца, единении жениха и невесты (*sponsus* и *sponsa*), а также в священном браке матери богов со своим сыном.

Это явное отступление от нашей темы кажется мне необходимым, чтобы дать читателю некоторое представление о сложной и тонкой проблеме льва как символа, чей смысл мы будем сейчас обсуждать.

Кровь зеленого льва, которую пьет царица, подают ей в «золотой вавилонской чаше». Это отсылает нас к «великой блуднице, сидящей на водах многих» (Откровение, 17:1). «С нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле» (17:2); «... и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодеяния ее» (17:4).

Блудница (*meretrix*) — хорошо известная в алхимии фигура. Она характеризует арканную субстанцию в ее первоначальном, «хаотическом», материнском состоянии! «Introitus apertus» говорит, что хаос подобен матери металлов. Ее также называют «нашей Луной» на стадии, предшествующей выделению царской диадемы из «растворителя (менструальной крови) нашей блудницы»¹, то есть прежде, чем царь будет заново рожден луной-матерью. «Tractatus aureus de lapide» говорит об арканной субстанции: «Это благородная блудница Венера², одетая и окутанная в яркий цвет». Цвет этот «выглядит ярко-красным»³. Благородство Венеры проистекает из того, что она также царица, «целомудренная царская невеста»⁴. В своей «Practice de lapide» Василий Валентин сообщает: «Эта тинктура — роза⁵ наших мастеров, она тирского цвета, называемого также красной кровью дракона и описанного многими как багряный плащ⁶... одяние ца-

¹ Mus. herm., p. 653f (Waite, II, p. 166).

² У Абу-аль-Касима (*Holmyard*, p. 419ff.) Венера носит прозвища «благородный, нечистый, зеленый лев, отец красок, павлин Плеяд, феникс».

³ Mus. herm., p. 30f. (Waite, I, pp. 31f.). Цитата из Василия Валентина.

⁴ Противоречие между *meretrix* и *sponsa* очень давнего происхождения: Иштар, «возлюбленная» Песни Песней, с одной стороны — проститутка богов («небесная храмовая рабыня», Белти, Черная), но с другой стороны, она — мать и дева. (*Wittekintd. Das Hohe Lied*, S. 1 If., 17, 24). Не смущаясь тождеством арканной субстанции с Венерой, которое он сам отстаивал, *Кунрат(Ну)*. Chaos, p. 62) оказался меньше подвержен влиянию христианской традиции, нежели воздействию архетипа, который уже подсказал некоторые утверждения касательно Иштар. Мать, дочь, невеста, матрона и блудница всегда сочетаются в архетипе анимы.

⁵ О розе см. ниже.

■ ⁶ *Василий Валентин* восхваляет богатство красок Венеры в своем трактате о семи планетах (*Chymische Schrifften*, S. 167). См. выше.

рицы»¹ - В другом варианте говорится: «Эта драгоценная субстанция — Венера древних, гермафродит, имеющий два пола»². Майер пишет: «В нашей химии есть Венера и Купидон. Ибо Психея — женщина, а Купидон — мужчина, которого считают драконом»³ «Opus ad rubeum» (покраснение) происходит во втором доме Венеры (Весы)⁴. Согласно с этим, в «Turba» отмечается, что Венера «предшествует Солнцу»⁵. Фламелль считает Венеру важным компонентом арканной субстанции; обращаясь к Магнезии, он говорит: «Ты несешь в себе различные образы Венеры, несущий чашу и выдыхающий огонь слуга»⁶, причем последнее относится к серному аспекту Меркурия. Меркурий также играет роль носителя чаши в «Кантилене». У Фламелля ляпис порожден конъюнкцией «Venus rignax» (сражающейся Венеры)⁷ и Меркурия — очевидная ссылка на борьбу, которая предшествует этому союзу (ср. со сражающимися львами). В поэме Валентина о prima materia lapidis [о первоматерии камня] Венера отождествляется с источником, где тонет ее «связанный» (неподвижный) отец, а также с матерью и невестой царя:

То камень и не камень, (он Единою
природой наделен), Источник вод.
Объятый тем потоком, Наш Господин в
безмолвии глубоком, Недвижный,
неживой, на дне таится, Покадуша его не
возродится⁸.

В других текстах Венеру представляют в качестве царицы на свадьбе, как, например, в «Introitus»: «Заботливо приготовь ложе Венеры, а затем уложи ее на брачную постель», и тд.⁹. В общем, Венера является

¹ Mus. herm., p. 399 (Waite, I, p. 330).

² *D'Espagnet*. Bibliotheca Chemica, II, p. 653.

³ *Symb. aur. mensae*, p. 178.

⁴ *D'Espagnet*. Arcanum Hermeticae philosophiae opus (1653), p. 82.

⁵ «Венера, однако, предшествует Солнцу, ибо она восточная звезда»¹⁵¹¹ — *Sermo* 67 (изд. Ruska), p. 166.

⁶ *Theatr. chem.*, I, p. 883. Магнезию также называют «aphroselinum Orientis», лунным камнем Востока (там же, p. 885).

⁷ Ее классическое имя — «армата». По мнению *Пер нети* (*Dictionnaire mytho-hermetique*, p. 518), Венера связана с Марсом огнем, имеющим туже природу, что и Солнце. Ср. убивающую быка Венеру с мечом у *Lajard*. *Refererches sur le culte de Venus*, Pl. IXff.

⁸ *Chymische Schrifften*, S. 73f.

⁹ Текст далее гласит: «И в огне вы увидите символ великого Деяния — смену черного, павлиньего хвоста, белого, желтого и красного цветов»¹⁶²¹ — *Mus. herm.*, P. 683 (Waite, II, p. 186).

женским аспектом царя, или, можно сказать, его анимой. Так, Валентин говорит об Адаме, и Еве в купели:

Мудрец сказал: им должно быть ни чем иным,
А только лишь Меркурием Двойным!

Царь в купели и *connubium* [бракосочетание] с Венерой¹ или с матерью — это одно и то же: «мужчина, охваченный женщиной». Иногда он или она имеют гермафродитную природу², потому что по сути своей они — двойной Меркурий. Венера или блудница соответствуют эротическому аспекту льва, который, в свою очередь, является атрибутом царя. Так же как в Апокалипсисе великая блудница сидела на семиглавом драконе, так и двойной Меркурий (в своем женском аспекте)³ сидит церхом на льве. Кунрат отождествляет Венеру с зеленым львом⁴. Поскольку Сера относится к Солнцу, как Лев к Царю, можно предположить, что Кунрат рассматривает Венеру как *anima vegetative seris*⁵. Самую тонкую субстанцию, смешав ее с Солнцем, необходимо хранить в бутылке, чья крышка помечена знаком креста⁶, поскольку враждебный дух изгоняют распятием⁷. Родство камня и Венеры встречается уже в греческих текстах, в которых упоминается о «камне Цитеры» и «жемчужине Цитеры»⁸. В арабской «Книге Кратеса»⁹ Венера наделена растворяющей силой; поэтому ее называют «переписчицей». Поскольку она держит сосуд, из которого постоянно изливается ртуть, слово «*escrivain*» [писец (фр.)], вероятно, относится к Тоту-Меркурию. В видении Кратеса Венера появляется в окружении множества индийцев, стреляющих в него. Этот образ появляется вновь в видении Сениора, где он видит Гермеса Тризмегиста, в которого вонзают свои стрелы девять орлов. Меркурий — лучник, который в химическом смысле растворяет золото, а в мораль-

¹ Непристойно описанный у Фигулюса в «*Rosarium novum*» (*Olympicum*, I, p. 73).

² Андрогинная Венера очень древний прототип. Ср. *Lajard. Memoire sur une representation figuree de la Venus orientale androgyne*, и его же: *Recherches sur le culte de Venus*, Pl. I, no. 1.

³ *Chymische Schrifften*, p. 62.

⁴ *Hyl. Chaos*, p. 91.

⁵ *Ibid.*, p. 233. Другие синонимы *Sal Veneris*, *Vitriolum Veneris*, *Sal Saturni*, *leo rubeus et viridis*, *sulphur vitrioli*. Каждая из них — *scintilla anima mundi* [искра мировой души], активный принцип, проявляющий себя в сильных инстинктах. Ср. *Khunrath. Hyl. Chaos*, p. 264.

⁶ *Mylius. Phil. ref.*, p. 17.

⁷ См. волшебную сказку братьев Гримм «Дух в бутылке», которую я привожу в «Духе Меркурии» (§ 239).

**Berthelot. Alch. grecs*, V, vii, 18 и 19.

⁹ *Berthelot. Chimie au moyen age*, III, p. 61ff.

ном пронзает душу стрелами страсти. Как Киллениос, он тождествен Купидону, который также стреляет из лука в «Химической свадьбе»¹ розенкрейца.

Порочная натура Венеры подчеркивается в «Rosinus ad Sarratantam»:

Заметь, что Природа в самом начале намеревается создать Солнце и Луну, но не может из-за Венеры [которая является] порочной [и] разнородной ртутью или же из-за зловония земли. Ребенок в материнской утробе случайно подхватывает слабость и порочность и, хотя сперма была чистой, ребенок тем не менее делается тленным и нечистым из-за порочной утробы, тоже происходит и с несовершенными металлами, запятнанными Венерой и зловонной землей².

Я должен упомянуть царскую дочь из «Химической вадьбы», которая избрана невестой, но из-за своего кокетства взята в плен мавританским царем. Она соглашается стать его наложницей и, таким образом, становится постоянной *meretrix*. Посещение Розенкрейцем спящей Венеры показывает ему, что сия двулика богиня, каким-то тайным образом связана с опусом³.

По-видимому, из-за своей тесной связи с Венерой зеленый лев, что достаточно удивительно, обладает розовой кровью, о чем упоминают Дорн⁴ и его современник Кунрат⁵. Последний также приписывает розовую кровь *filiius microcismi*⁶. Такая особенность зеленого льва определяет его связь не только с *filiius*, хорошо известной параллелью Христа, но кроме всего прочего и с розой, чья символика коренится не только в популярном заголовке «Rosarium» (розовый сад), но и в имени «Розенкрейц» (розовый крест). Белая и красная розы⁷ — синонимы

¹ Дух Меркурий, § 278.

² *Mrf. aйл./., I, p. 318.1⁵*»

³ На это намекают таинственные слова Дорна: «Ищите своего льва на востоке, а орла — на юге, когда начинаете наше деяние... вам следует направить свой путь на юг; так вы обретете желаемое на Кипре, о чем больше ничего нельзя сказать».¹⁵⁴ (*Congeries Paracelsicae / Theatr. chem., I, p. 610*). Для алхимиков Кипр определенно ассоциируется с Венерой. В этой связи я должен также указать на комментарий Дорна к «Vita longa» Парацельса, который я обсуждаю в работе «Парацельс как духовное явление». Речь идет о «характерных чертах Венеры» у Парацельса, которые Дорн интерпретирует как «щит и покров любви».

⁴ Идея розовой крови восходит к Парацельсу: «Посему я говорю тебе (молвил Парацельс)...» (*Dorn. Theatr. chem., I, p. 609*).

⁵ *Nyl. Chaos, p. 93 и 196*.

⁶ На с 276 он говорит о «розовой крови и эфирной воде, истекающих из бока Сына Великого Мира».

⁷ *Фигулос* (*Rosarium novum Olympicum, 2, p. 15*) говорит: «Я не устану предохранять тебя, чтобы ты не открывал никому, даже самому близкому, сокровище

albedo¹ и gubedo. Тинктура — розового цвета и соответствует крови Христовой, который «подобен» камню и «един» с ним². Он — «небесный краеугольный и основной камень»³. Розовый сад есть «сад огороженный», и подобно розе (прозвище Марии) является параллелью «заточенной» первоматерии⁴.

Связь богини любви с красным цветом восходит к древности⁵. Багряный цвет⁶ — цвет Великой блудницы вавилонской и ее зверя. Красный — цвет греха⁷. Роза — также атрибут Диониса. Красный и розово-красный — цвета крови, синонима aqua reginae и души, которые выделяются из первоматерии и даруют жизнь⁸ «мертвым» телам. Первоматерия называется «meretrix» и тождественна «Великому Вавилону», так же как дракон и лев идентичны с «вавилонским» драконом. Камень, filius regius — сын этой блудницы. В церковной традиции сын блудницы — это Антихрист, рожденный дьяволом, как мы читаем в «Elucidarium» Гонория Отенского⁹.

Для некоторых из церковных символов подтверждается их четкий дуализм, что справедливо и для розы. Прежде всего она — аллегория Марии и многих добродетелей. Ее благоухание — аромат святости, как в случае со св. Елизаветой и св. Терезой. В то же самое время она символизирует человеческую красоту (venustas), разумеется в смысле мирских наслаждений (voluptas mundi)¹⁰.

наших тайн, чтобы вонючие козлы не ощипали бы красные и белые розы нашего розового сада».

¹ Белая роза завершает лето на востоке»¹⁵⁸¹ (*Mylius. Phil. ref.*, p. 124).

² См. ниже.

³ *Aquarium sapientum / Mus. herm.*, p. 118 (Waite, I, p. 103).

⁴ *Gloria mundi / Mus. herm.* p. 218 (Waite, I, p. 178): «...как отворятся врата в сад, как благородные розы откроются нашему взору».¹⁵⁸¹

⁵ Ср. «Пафосская роза», «розоцветная Афродита», «розоцветная Киприда» и т.д. (*Bruchmann. Epitheta Deorum quae apud poetas Graecos leguntur, s.v. Aphrodite*, p. 65,68).

⁶ Кбххиво5, coccineus. Ср. Откр. 17:4.

⁷ Ис. 1:18: «...если будут грехи ваши, как багряное, - как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю».

⁸ В соответствии с этой ассоциацией нарушившая верность царица в Алхимической сказке Виланда была превращена в розовую козу.

⁹ «Антихрист родится в великом Вавилоне от блудницы из колена Данова. Дьявол заполнит его еще в материнской утробе, а воспитают его корозенские ведьмы».¹⁶⁷¹ (*Migne, P.L., vol. 172, col. 1163*).

¹⁰ Как роза цветущая с шипами нераздельна, Так радости любви неразлучны с ее горестями.¹⁵⁸¹

(Георгиус Камерариус, цитируется у Пичинеллуса: *Mundus symbolicus*, I, p. 665f.)

Подобно розе, фигура матери-возлюбленной сверкает всеми красками небесной и земной любви. Она — целомудренная невеста и блудница, символизирующая первоматерию, которую «природа оставляет несовершенной». Из приведенного нами материала ясно, что здесь имеется в виду анима. Она — та часть хаоса, что находится повсюду и, тем не менее, скрыта, она сосуд противоречий и многих цветов — целостность в форме *massa confusa* и в то же время субстанция, наделенная всеми качествами, в которых можно выявить сияние скрытой божественности.

Пицца Царицы-Матери — павлинье мясо и львиная кровь — представляет собой собственные атрибуты богини, так что она, можно сказать, ест и пьет себя. «*Consilium coniugii*» формулирует это следующим образом: «И так, наконец, она становится однородной из-за насыщения одним ферментом, водой, ибо вода есть фермент воды»¹. Это всегда одна и та же идея, которая лучше всего выражается через понятие уроборо-са. Неожиданно, но не удивительно, что мы находим сходную формулировку в церковной литературе, в замечании св. Иоанна Златоуста, что Христос первым ел свою собственную плоть и пил свою собственную кровь (что было установлено на Тайной Вечере)². Тертуллиан говорит: «Таким же образом Господь отождествил себя с двумя греческими буквами, первой и последней, обозначающими начало и конец, которые он объединяет в себе. Ибо так же, как альфа продолжает путь до тех пор, пока не достигнет омеги, а омега завершает цикл, возвращаясь назад к альфе, так и каждый божий промысел должен найти свое завершение в нем, через кого он был начат»³. Эта мысль в точности соответствует той, которую алхимики стремятся выразить через уробороса, *evhonat*). Уроборос — весьма древний языческий символ, и у нас нет причин подозревать, что идея самопорождающего и самопожирающего существа была позаимствована из христианства, то есть у Тертуллиана, хотя аналогия с Христом, который был единственным Богом, породившим самого себя и добровольно принесшим себя в жертву, и который потому в ритуале причастия, посредством слов освящения, свершает свое собственное жертвоприношение, очень ярка. Концепция уробороса может быть гораздо старше и, в конечном счете, восходить к древнеегипетской теологии, доктрине омоусии Бога-Отца с божественным сыном-фараоном.

В «Кантилене» мифологема уробороса неожиданно и весьма необычно переводится в женскую форму: это не отец и сын, сливающиеся воедино, а мать, которая сливается со своей собственной субстанцией, «пожирая собственный хвост» или «оплодотворяя себя», как царь в

¹ *Consilium coniugii* / *Ars chemica*, p. 220.⁵⁹

² In *Matth. Homiliae*, 72 (73) (Migne, *P.G.*, vol. 57—58 col. 739):!⁶⁰!

³ *Treatises on Marriage and Remarriage*, p. 78J⁶¹.

«Allegoria Merlini», пьющий «свою собственную» воду¹. Царица пребывает в состоянии психической беременности: анима активизируется и посылает свое содержание в сознание. Это соответствует павлиньему мясу и львиной крови. Если производные анимы (сны, фантазии, видения, симптомы, случайные идеи и т.д.) ассимилируются, усваиваются и интегрируются, это оказывает благотворное влияние на рост и развитие («питание») психики. В то же самое время *sibatio* и *imbibitio* анимы-матери служат признаками интеграции и полноты целостной личности. Анима становится творческой, если старый царь возрождается в ней. Психологически царь прежде всего символизирует солнце (*Sol*), которое мы интерпретируем как сознание. Эти методы и правящие идеи «старятся» и поэтому насильственно осуществляют «метаморфоз богов», как описано в «Олимпийской весне» Шпиттелера. Он редко осуществляется как определенный коллективный феномен. Обычно это относится к сфере индивидуального, которое при определенных условиях может воздействовать на общество, «когда исполняется срок». В индивидуальном это означает только то, что правящая идея нуждается в обновлении и изменении, если действовать адекватно с меняющимися внешними и внутренними условиями.

То, что царь в течение нескольких столетий играл заметную роль в средневековой алхимии, подтверждается тем, что начиная примерно с XII века концепция царского обновления, упоминания о котором сохранились с египетских и эллинистических времен, стала пользоваться куда большим вниманием, поскольку приобрела новое значение. Поскольку Запад начал исследовать природу, до тех пор полностью неведомую, доктрина *lumen naturae* также стала приносить свои плоды. Церковная доктрина и схоластика оказались неспособны пролить какой-либо свет на природу физического мира. Вслед за этим появилось предположение, что таким же образом, как разум проявляет свою натуру в свете божественного откровения и сама природа должна обладать «определенным свечением», которое могло служить источником просвещения. Отсюда становится понятным, что для тех индивидуумов, чей особый интерес лежит в области исследования естественных объектов, догматический взгляд на мир должен утратить силу, поскольку *lumen naturae* становится притягательнее, хотя сама догма прямо не подвергается сомнению. В большинстве своем серьезные алхимики, если верить их заявлениям, были религиозными людьми, которым даже не приходила в голову мысль критиковать истину откровения. В литературе по алхимии, насколько я могу судить, не встречается нападок на догму. Единственная вещь подобного рода — это то, что Церковь пренебрегла филосо-

¹ Подобная игра слов допустима, поскольку одним из синонимов *aqua permanens* является «*urina puerorum*» [семя благочестивое].

фией Аристотеля, которую ранее поддерживала, в пользу герметического неоплатонизма¹. Старые мастера не только не критиковали церковную доктрину, напротив, они были убеждены в том, что их открытия, реальные или воображаемые, будут обогащать доктрину соответствием небесных и земных сущностей, ведь они доказали, что «тайнство веры» отражается в мире природы². Они не догадывались, что их страсть к исследованию природы умалит, насколько это возможно, истину откровения и что их научные интересы могли вырасти только потому, что обаяние догмы начало тускнеть. И также, как в сновидениях, они взрастили в своем бессознательном образ царского обновления.

Эти предположения приближают нас к пониманию того, кем был клирик, написавший «Кантилену». Здесь появляется намек на нисхождение в нижний мир, когда автор делает Меркурия, «несущего стрелы страсти», эмблемой Купидона³, который подает царице питье из крови в «золотой чаше Вавилона». Это, как мы видели, золотая чаша, «наполненная мерзостью и нечистотою блудодействия», и совершенно очевидно, что царица выступает в роли того, кого безжалостно угощают его собственными психическими содержаниями. Это — животные содержания, которые она не должна интегрировать, «разрастающаяся душа» — павлин и лев со своими позитивными и негативными свойствами; и питье подается ей в чаше блудодействия, что еще более подчеркивает эротическую природу льва, его похотливость и жадность. Так интеграция равнозначна расширению сознания путем глубокого проникновения.

Но почему царице прописывается такая неприятная диета? Очевидно, потому, что старый царь в чем-то испытывал недостаток (из-за чего и сделался дряхлым), ему не хватало темного, хтонического аспекта. Недоставало ему также чувства, что все создано по образу Божьему, античного чувства природы, которое в Средневековье считали ошибочным взглядом и заблуждением. Темные и непостижимые, как сама земля, териоморфные символы имели не только редукативное, но и перспективное и духовное значения. Они парадоксальны, одновременно они указывают вверх и вниз. Если содержания, подобные этим, интегрируются в царице, это будет означать, что ее сознание расши-

¹ Дорн (Spec. Phil. /Theatr. chem., I, p. 271) пишет: «Кто бы ни пожелал изучить

искусство алхимии, пусть познает не философию Аристотеля, а ту философию, что учит истине, поскольку его учение состоит из силлогизмов, лучше всех скрывающих ложь. Когда ради славы он осуждал Платона и прочих, то не мог отыскать лучшего инструмента, чем тот, что использовал для осуждения, а именно — силлогизм, с одной стороны, атакуя сочинения Платона, с другой — защищая их опговорами, и наоборот; и такого рода софистику можно обнаружить в любом из его писаний».¹⁶²¹

² Для алхимиков мир был образом и символом Божьим.

³ Меркурий также «лучник».

рилось в обоих направлениях. Диета будет естественно способствовать восстановлению царя, добавляя то, чего недоставало раньше. В противоположность внешнему виду, это не *только* тьма животной сферы, а скорее духовная природа или природный дух, который даже имеет свои аналогии в таинстве, что алхимики никогда не уставали подчеркивать.

Поэтому во время беременности царицу подвергают своего рода психотерапевтическому лечению, дабы обогатить ее сознание знанием коллективного бессознательного и, можно предположить, внутренним участием в конфликте между ее духовной и хтонической натурами. Часто закон, управляющий прогрессивным расширением сознания, оценивает высоту и глубину нравственной задачи, выходящей за пределы условностей. Незнание того, что необходимо сделать, подобно греху и должно быть оплачено дорогой ценой. Конфликт может даже оказаться преимуществом, поскольку без него не будет примирения и не сможет появиться третья, превосходящая две другие сущность. Царь тогда никогда не обновится и не возродится. Конфликт подтверждается долгой болезнью царицы.

Стих 18

Да, тяжело носила ребенка она,
 Стала слезами купальня полна. Ей
 сладкую тяжесть носить нелегко
 Зеленый лев ее пил молоко¹.

Уроборические отношения между царицей и львом тут совершенно очевидны: она пьет его кровь, он сосет ее молоко. Это необычайное представление объясняется тем, что мы могли бы рассматривать как дерзкую идентификацию царицы с Богородицей, которая, символизируя человеколюбие, берет Бога на колени и вскармливает его своей грудью. Лев, как аллегория Христа, возвращает дар, отдавая людям свою кровь. Ангелус Силезиус употребил подобный образ в своей эпиграмме на «облеченного в плоть» Бога:

Людское млеко пьет, а дарит Бог вино:
 Что он облекся в плоть — ничуть немудрено²

¹ *Impregnata igitur graviter languebat Certe novem mensibus in quibus madebat Fuis ante lachrymis quam parturiebat Lacte manans, viridis Leo quod sugebat.* ²
 Херувимский странник, III, 11. [Пер. Н.О. Гучинской]

Стих 19

То черный, то серый, то красный цвета, На
коже сменялись ее неспроста. Нередко на
ложе садилась она, И снова ложилась,
печали полна¹.

Множество цветов указывают на тождество царицы с Венерой и
свойственную ей природу павлина (*cauda pavonis*). Психологически это
означает, что во время ассимиляции бессознательного личность
проходит через множество преобразений, которые являют ее в
различном свете и следствии которых — вечно меняющееся
настроение. Эти перемены предвещают рождение.

Стих 20

Лежала она много дней, сокрушаясь, И
столько ж сидела, слезой обливаясь. Но
время пришло, царь явился на свет,
Заблагоухало все, как первоцвет².

В алхимии существуют два главных вида запахов: «зловоние
могил» и благоухание цветов, причем последнее является символом
возрождающейся жизни. В церковной аллегории и в житиях святых
нежный аромат — одно из проявлений Святого Духа, как и в
гностицизме. В алхимии Святой Дух и *Sapientia* более или менее
идентичны; поэтому запах цветов свидетельствует, что возрождение
царя — дар Святого Духа или *Sapientia*, и благодаря ему может
произойти восстановление.

Стихи 21—24

О, матка ее соразмерной была,
Но тысячекратно она возросла.

¹ *Eius tunc multicolor cutis apparebat
Nunc nigra, nunc viridis, nunc rubea fiebat,
Sese quod multoties sursum erigebat
Et deorsum postea sese reponerat.*

² *Centum et quinquaginta noctibus languebat
Et diebus totidem moerens residebat,
In trignita postmodum rex revivescebat,
Cuius ortus vernulo flore redolebat.*

Кого она носит? Мы скажем о нем:
Он выдержит испытанье огнем.

Тиха ее комната и без углов, Желанный
покой здесь подарит ей кров, Чтоб не был
плод в матке ее поврежден И сын нездоровый
на горе рожден.

И стены ее охраняют округ Прямые,
как взмах ее поднятых рук.
Искусные печи у ложа всегда
Согреют ее, коль придут холода.

Дверь комнаты закрытой и запертой была,
Никто на досадит ей, не унесет тепла. Печное
жерло тоже закрыто, чтоб пути Материи
летучей оттуда не найти¹.

Это образ гомункулуса в герметическом сосуде!

Стих 25

Там плоть ее ребенка была разложена И стала
незапятнанной, как полная Луна. Когда она,
прекрасная, не видя ничего, Змеею² к Солнцу
тянется, к сиянию его³.

¹ Ejus magnitudine primo coaequatus
Venter in millicupulum crevit ampliatus, Ut
super principio suo sit testatus Finis
perfectissime ignibus probatus.

Stufa subtus lectulum erat collocata,
Una atque alia artificiata Erat super
lectulum valde temperata Membrana
frigescerent ejus delicata.

Eratque cubiculi ostium firmatum, Nulli praebens aditum suum vel gravatum,
Et camini etiam os redintegratum Ab inde ne faceret vapor evolutum.²

Spirificare = spiram facere, «сворачиваться кольцом, извиваться, подобно
змее». Прочтение spiritum facere не кажется мне вероятным. Слова «Sine coeli
polis» (без небесных полюсов), вероятно, вставлены, чтобы сохранить ритм и
рифму и значат всего лишь, что процесс этот происходит не на небесах, а в
cucurbita.³ Postquam computruerunt ibi membra prolis

Здесь мы видим попытку описать трансформацию в запечатанной комнате. Неясно, дала ли уже мать жизнь своему ребенку, и к чему относится слово «там» (*ibi*): к комнате или к матке беременной. Последнее кажется мне более вероятным из-за последующих стихов. Вообще стих 25 темен и в высшей степени нескладен. Одна вещь в некоторой мере ясна: это смерть и разложение плода в матке или в комнате, а затем внезапное появление луны на месте матери, после того, как избывается «тленность плоти». Так или иначе, подобная путаница мыслей часто встречается в текстах. Следует предположить, что поэт за своими путанными словами скрывал нечто вразумительное и что лишь его ограниченные возможности поэтической выразительности помешали ему проявить свой разум. Он действительно попытался выразить очень трудную мысль, а именно природу критической трансформации. Говоря химическим языком, «мать», переполненная молоком и слезами — это тинктура, «околоплодные воды» или матка. Она — «вода», в которой старый царь, как в видении Арислея, растворяется и разлагается на атомы. Здесь он описан в виде *foetus in utero* [плода в матке]. Растворение означает его смерть, и матка *sucurbita* становится его могилой, то есть он исчезает в тинктуре. В этот момент происходит нечто наподобие чуда: материальная тинктура теряет свою земную тяжесть, и растворитель вместе с растворенным веществом переходит в высшую стадию, *albedo*, следующую непосредственно за *cauda pavonis*. *Albedo* относится к первой фазе завершения и тождественна Луне. Луна сама есть дух, и в то же время она соединяется со своим супругом Солнцем, таким образом иницируя вторую и обычно последнюю стадию, *tubedo*. После этого деяние завершается, а ляпис, живое существо, наделенное душой, духом и безгрешным телом, обретает форму.

Нам известно, что происходящее в душе алхимика во время этой трансформации напоминало ежедневное чудо пресуществления мессы. Видимо, именно так было в случае Рипли. На множестве примеров мы уже могли наблюдать, как много религиозных концепций смешалось с его интересами алхимика. Царица «Кантилены» прежде всего не жена и не мать, а «мадонна-охранительница», усыновляющая царя, это показывает, что она находится с царем в тех же отношениях, что и Матерь Церковь с верующим. Он умирает и погребается как бы в церкви или в освященной земле, где ожидает воскрешения в восславленном теле.

Возвышение «матки», химического раствора, из состояния материальности до Луны есть классическая аллегория церкви, о чем Рипли, без сомнения, знал. Богиня, которая внезапно вмешивается в опус,

*Carneae tetredinem deponerat molis, '
Illam Lunae similans sine coeli polis
Postquam spirificans in splendorem Solis.*

изображена в «Mutus liber», где она тоже внезапно появляется во время процедуры в виде нагой женской фигуры, увенчанной знаком луны и несущей на руках дитя. Здесь описывается чудо вмешательства богов¹, которые, подобно богам-прародителям, занимают место земных родителей и подготавливают духовное рождение foetus spragucis. В «Кантилене» Луна неизбежно должна символизировать Деву Марию и/или Церковь, потому, что старца-дитя (senex-puer) сам Рипли называет «Ветхим днями». Поскольку мать в этот момент осуществляет гистоллиз² старого царя (так, что остается только гомогенный раствор), то нам следует предположить, что луна, занимая место матери, отождествляется с раствором и теперь носит царя в своем теле как приемного сына. Это дает царю бессмертие в божественном и нетленном теле. В «Mutus liber» за этим следует усыновление Солнцем, а затем coniunctio Solis et Lunae, и приемное дитя, теперь единосущее с Солнцем и Луной, вовлекается в церемонию.

Похоже, что-то в этом же роде происходит и в «Кантилене»: Луна и ее приемный сын прежде всего тождественны в одном и том же растворе. Когда луна принимает эти условия, она, по-видимому, пребывает в новолунии и стремится к союзу с солнцем. Новая луна ассоциируется с ненадежностью и вероломством, как мы видели ранее³. Поэтому я интерпретирую слова «spirificans in splendorem Solis» как «змееподобное вползание в сияние солнца». Женщина в алхимии нравственно сомнительна и кажется сродни змею-искусителю в раю, по этой и другим причинам канонику Рипли легко пришла в голову мысль о том, что новая луна змеей («spiram facere» [букв. движение змеи]) скользит навстречу солнцу⁴. Не следует забывать, что ученый алхимик пятнадцатого столетия должен был разбираться в символах по крайней мере настолько, насколько мы разбираемся в современных интерпретациях (не принимая в расчет психологию), а в некоторых случаях гораздо лучше. (Существует множество неопубликованных трудов мастеров-алхимиков, к которым у меня нет доступа.)

Стихи 26—27

Вот срок ее пришел, ребенок был рожден И
вышел из ее утробы, возрожден.

¹ *Mutus liber*. Луна изображена на схеме 5, а Солнце, или Фоб Аполлон — на схеме 6.

² [Распад тканей — *Пер.*]

³ См. выше.

⁴ Как я показывал ранее, алхимики считали, что воссоединение с новой луной было чем-то греховным. Ср. в особенности «virepinus conatus» матери (выше, §14), параллель ранней смерти мифологического солнечного бога.

И царский титул тут же принял вновь,
Ведь небеса ему дают свою любовь.

Ложе матери было квадратным, поверь,
Но сферой прекрасно стало теперь. И
крышка круглою стала вдруг, Лунным
блеском все освещая вокруг¹.

Вторая строфа подтверждает, что весь раствор становится луной, и трансформируется не только *он*, но и сосуд, содержащий матку. «Ложе», раньше квадратное, теперь становится круглым, подобно полной луне. «Сооресциум» (крышка) относится скорее к сосуду, чем к ложу, и этот покров сияет, подобно луне. Поскольку очевидно, что крышка — верхняя часть сосуда, она обозначает место, где восходит луна, то есть где происходит возгонка содержимого сосуда. Квадратура круга, излюбленный синоним мастерства, найдена. Все угловатое несовершенно идол-жно быть заменено на совершенное, здесь представленное кругом². Мать — одновременно и содержимое (околоплодные воды, материнская жидкость), и сосуд, причем две сущности часто отождествляются; например, сосуд приравнивают к *aqua regiana*³. Производство круглого и совершенного означает, что солнце, проистекающее из матери, достигает совершенства, то есть царь возвращает юность и тело его становится нетленным. Поскольку квадрат представляет четверицу взаимно враждебных элементов, постольку круг обозначает их редукцию вплоть до единства. Единица, порожденная Четырьмя, есть квинтэссенция. Я не вижу нужды вдаваться здесь в психологию данного процесса, потому что уже сделал это в «Психологии и алхимии».

Стих 28

Так из квадрата ложе стало шаром,
Из черной тени белизна взошла не даром.

¹ *Sic cum tempus aderat mater suum natum
Prius quem conceperat, edidit renatum. Qui
post partum regium repetebat statum,
Possidens omnimodum foetum coeli gratum.*

*Lectus matris extitit qui quadrangularis
Post notata tempora fit orbicularis, Cuius
cooperculum formae circularis
Undequaque candeat fulgor ut Lunaris.*

² Психология и алхимия, § 116.

³ *Ibid.*, §338.

И с ложа сын румяный вмиг сошел,
И скипетр царский взял, и счастье с ним обрел¹.

Сосуд и содержимое, и сама мать, вмещающая отца, становятся сыном, который поднимается из «чернейшей тени» к чистой белизне Луны и достигает своей красноты (*rubedo*) через *solificatio* [осоление]. В нем все противоположности сливаются воедино.

Стих 29

Бог рай ему открыл, и славу тем принес, И
как Луну на место царское вознес.
Возвысил до небес, и славой увенчал, И к
сыну своему родному приравнял².

Здесь Рипли описывает обновление царя и рождение сына как явление нового спасителя — что, разумеется, звучит весьма странно в устах средневекового служителя церкви. Вознесение Луны («*uti Luna*») на царское место есть безошибочный парафраз, с одной стороны, Успения Богородицы, а с другой — свадьбы Церкви-невесты. Отпертые врата рая означают не что иное, как пришествие Царства Божьего на землю. Атрибуты солнца и луны создают из *filius regius* вновь пришедшего Первого человека, который представляет собой космос. Было бы неверным приуменьшить важность этого праздника или объявить его нонсенсом. Нельзя отделаться от всех алхимиков как от ненормальных. Мне кажется более целесообразным рассмотреть мотивы, которые из всех людей именно клирика привели к тому, что божественное откровение он поставил за пределы своего символа веры. Если бы камень был именно золотом, алхимики были бы богачами; если бы он был панацеей, они бы владели лекарством от всех болезней; если бы это был эликсир, они жили бы тысячи лет. Но все это не привело бы их к утверждениям в религиозном духе. Тем не менее, если все это превозносилось как второе пришествие Мессии, можно предположить, что алхимики действительно имели в виду нечто в этом роде. Хотя они рассматривали ис-

¹ *Lecti sic quadrangulus factus est rotundus Et
de nigro maximo albus atque mundus De quo
statim prodiit natus rubicundus Qui resumpsit
regium sceptrum laetabundus.*

² *Hinc Deus paradysi portas reseravit,
Uti Luna Candida ilium decoravit,
Quam post ad imperii loca sublimavit
Soleque ignivomo digne coronavit.*

кусство как харизму, дар Святого Духа или *Sapientia Dei*¹, оно было все еще делом человека и, хотя решающим фактором было божественное чудо, таинственный *filius* все еще изготавлялся в реторте искусственно.

Все это заставляет предположить, что средневековая алхимия, оформившаяся около XIII столетия на основе арабской традиции (самым красноречивым свидетельством чего была «*Auroga consurgens*»), являлась, во всяком случае, продолжением и развитием догмата Святого Духа, которому Церковь никогда не придавала такого большого значения². Параklet [Святой Дух] нисходит на отдельную личность, которая таким образом вовлекается в систему Троицы³. А если дух созидания и жизни пребывает в человеке, тогда в нем может родиться Бог — мысль, которая не устарела со времен Мейстера Экхарта⁴. Стихи Ангелуса Си-лезууса в этом смысле совершенно прозрачны:

Бог у меня внутри, Дух — надо мной витает
И Бога сущего во мне одушевляет.

Зачем мне Гавриил, что шлет Марии весть,
Коль мне такую же он не окажет честь!

Коснется Божий Дух своею сутью тя, И
ты в себе родишь бессмертное дитя.

¹ Ангелус Силезиус (*Херувимский странник*, III, 195) говорит о Премудрости:

Весь поднебесный мир от Девы сотворен И
Девую одной он снова воскрешен.

² Доктор Тэмпл, последний архиепископ Кентерберийский, как-то заметил мне, что Церковь не сделала для доктрины Святого Духа всего, что от нее можно было бы ожидать. О психологическом аспекте доктрины Святого Духа см.: Догма Троицы, §234 ел.

³ Подобное заключение для Ангелуса Силезиуса совершенно естественно.

⁴ Ср. великолепную проповедь Мейстера Экхарта, касающуюся слов «когда все вещи покоились в глубоком молчании» (Прем. 18:14) [О вечном рождении см. *Мейстер Экхарт*. Духовные проповеди и рассуждения. Пер. М.В.Сабашниковой, с 28]: «Здесь во времени мы справляем праздник вечного рождения, которое Бог-Отец непрестанно совершал и совершает в вечности, и празднуем это самое рождение, совершившееся во времени и в человеческой природе. Рождение это совершается всегда, говорит Августин. Но если оно происходит не во мне, какая мне от этого польза? Ибо все дело в том, чтобы оно совершилось во мне. Будем же говорить об этом рождении, как оно совершается в нас или, лучше сказать, в доброй Душе. В какой же области совершенной души произносит Отец свое Слово... Слово мудрого человека гласит: «Когда все вещи покоились в глубоком молчании, сверху, ° престола Господа, на меня низошло сокровенное Слово».

Кабы Мариєю душа твоя была, То Бога
в тот же миг она бы зачала¹.

Здесь у Ангелуса в форме религиозного и психологического опыта выражено то, что алхимики открыли для себя в материи и посредством материи и что Рипли описывает в своей причудливой аллегории. Природы этого опыта достаточно, чтобы объяснить экстатический язык некоторых стихов «Кантилень». Он говорил о чем-то большем, чем о действии благодати во время таинства причастия; Бог сам через Святой Дух включается в человеческий труд как вдохновение, а также осуществляет прямое вмешательство, творя чудесное преобразование. Но такое чудо никогда не происходило в реторте (несмотря на многочисленные утверждения, что кое-кому действительно удалось получить золото), ни панацея, ни эликсир не смогли продлить человеческую жизнь сверх положенных ей пределов, и гомункулус никогда не вылетал из горна. Такой отрицательный результат всех усилий вызывает у нас вопрос, на чем же основывался энтузиазм и безрассудное увлечение адептов?

Чтобы ответить на этот трудный вопрос, необходимо иметь в виду, что алхимики, ведомые своей страстью к исследованию, ступали, в действительности, по верному пути, потому что плодом алхимии, появившимся спустя столетия усилий, стала химия с ее поразительными открытиями. Эмоциональный динамизм алхимии в большой степени объясняется предчувствием этих, тогда неслыханных, возможностей. Однако результаты их трудов нельзя назвать полностью бесполезными. Эти попытки, несмотря на хронические неудачи, по-видимому, имели психический эффект позитивного плана: вызывали своего рода удовлетворение или даже явно прибавляли мудрости. Иначе было бы невозможно объяснить, почему алхимики не отвернулись от своих почти всегда тщетных проектов. Такое крушение иллюзий никогда их не постигало; разумеется, бесполезность алхимии приводила к снижению ее репутации. Тем не менее осталось множество свидетельств, из которых становится совершенно ясно, что безнадежное копание алхимиков, кажущееся глупым с точки зрения химии, выглядит совсем по-другому, если на него посмотреть под другим углом — психологическим. Как я показал в «Психологии и алхимии», во время химической процедуры возникают психические проекции, которые выводят на свет содержания бессознательного, нередко в форме ярких видений. Современный психиатр знает, что подобные проекции могут иметь гигантскую терапевтическую ценность. То, что старые мастера отождествляли свое *nigredo* с меланхолией и превозносили опус как великолепное средство от всей «горечи душевной», вовсе не было случайностью. Им открылось, как и

¹ Херувимский странник, II, 101 — 104.

следовало ожидать то, что душа их обогатилась, хотя кошельки и опустели, — при этом следует, конечно, учитывать, что их психика подверглась отнюдь не безобидной угрозе. Проекция алхимиков были не чем иным, как содержимым бессознательного, явленным в материи, тем же самым содержимым, которое современная психотерапия делает осознанным методом активного воображения, применяя его до того, как оно бессознательно преобразуется в проекции. Вывод его в сознание и придание формы бесформенному обладает специфическим эффектом в случаях, когда осознанное отношение не предлагает переполненному бессознательному никаких средств для самостоятельного выражения. В этих условиях бессознательного есть только один выход: генерировать проекции и невротические симптомы. Среда, окружающая сознание в Средние века, не давала адекватного выхода для таких вещей. Необъятный мир естественных наук находился еще в зачаточном состоянии, равно как пылкий религиозный дух, с которым мы встречались во многих алхимических трактатах и который, как можно предположить, был сродни эмпиризму научного исследования.

Может быть, самым красноречивым свидетелем такого духа был Мейстер Экхарт, со своей идеей рождения сына в человеческих личностях и последующим присоединением человека к Богу¹. Частично этот дух был реализован в протестантстве, другая часть была интуитивно воспринята мистиками, преемниками Бёме; в особенности это относится к Ангелусу Сйлезу, который буквально «изнурил себя работой». Он продвинулся даже за пределы протестантизма к такому складу ума, который нуждался в поддержке индийской и китайской философии, что было невозможно по крайней мере до конца XIX века. В своем времени Ангелус мог только увядать непонятым, что было для него трагедией. Третья часть обрела форму в эмпирических науках, которые развивались независимо от всех авторитетов, а четвертая присвоила себе религиозные философии Востока и пересадила их с различными уровнями мастерства и вкуса на западную почву.

Мыслящий человек не захочет утверждать, что современное состояние дел является окончательным и стабильным. Напротив, все убеждены, что темп изменений и передвижений неизмеримо возрос. Все стало фрагментированным и исчезающим, и невозможно увидеть, как «высокий» синтез может происходить в любой из все еще существующих духовных организаций, не изменяясь при этом до почти невозможной степе-

¹ Вот главные слова проповеди: «Именно так рождает Бог-Отец Сына в истинном прозрении Божественной Природы. Таким и никаким иным образом рождает Бог-Отец Своего Сына в недрах, в основе и сущности души и так соединяется с ^Ней» (с. 32). «Святой Иоанн говорит: «Свет во тьме светит, в свое пришел Он, и ^Ве, которые приняли Его, стали властью Его чадами Божиими»» (с. 37).

ни. Одной из величайших помех для такого синтеза является сектантство которое всегда право и не проявляет терпимости, обкрадывая и сталкивая между собой самые святыи идеи, дабы поставить себя на место религии и всех инакомыслящих заклеить как заблудших овец, если не хуже. Но имеет ли право человеческое существо на тоталитарные притязания? Безусловно, подобные притязания столь нравственно опасны, что нам лучше предоставить их выполнение Всемогущему Богу, чем позволить себе быть маленькими богами за счет наших собратьев-людей.

Стих 30

Четыре стихии Бог дарит ему
(Оружием этим развеет он тьму).
Родник, где, увенчана, дева живет И
пятого круга в том таинстве ждет¹.

Обновленному царю, теперь наделенному качествами космического антропоса, Бог дарует четыре стихии как оружие, с которым он завоеует мир. Эта фигура напоминает нам «Первого человека» манихеев, который, будучи вооружен четырьмя стихиями, побеждает в битве тьму². Четыре стихии, очевидно, представлены кругами, потому что *Quinta Essentia* [пятый элемент], «Дева», появляется в пятом круге. Циклическое представление стихий было хорошо известно средневековой алхимии³. Дева «коронуется» (*redimita*), и в ней мы узнаем увенчанную Богородицу, Царицу Небесную, которая напоминает старые изображения *anima media natura* [души промежуточной природы, не небесной и не земной] или *anima mundi*. Она — божественная жизнь, пребывающая в нашем мире, или пневма, которая, несясь над водами, заронила в них свое семя и так оказалась пленницей тела Творения. *Anima mundi* — это женская половина Меркурия⁴.

¹ *Elementis quator Deus insignita Arma tibi contulit decenter polita, Quorum erat medio virgo redimita Quae in quinto circulo fuit stabilita.*

² *Hegemonius. Acta Archelai* (ed. Beeson), p. 10: «Когда Бог-Отец узнал, что на его землю опускается тьма, он взял у себя добродетель, которую назвал матерью жизни, и окружил ею первого человека. Она представляет собой пять стихий: ветер, свет, воду, огонь и материю, и, облекшись ими, как военными доспехами, он сошел сражаться с тьмой».¹⁶³¹

³ См. Психология и алхимия, рис. 64,82, 114.

⁴ *Ibid.*, §499,505f., рис. 208.

В «Кантилене» Дева изображена как Царица-Мать, вновь появляющаяся как невеста. Ее освобождение достигается путем многих страданий матери, то есть через боль опуса, сравнимую со Страстями¹.

Помещение Девы в пятый круг говорит о том, что квинтэссенция, являющая дисгармоничные элементы в единстве, эквивалентна эфиру, тончайшей и неуловимой субстанции. Поэтому она относится к миру духа и в то же время представляет материальный, подлунный мир. С одной стороны, она соответствует Луне, а с другой — Пречистой Деве.

Стихи 31—35

Ее менструальная кровь покидает,
И мазью чудесной она истекает.
Повсюду ее окружает сиянье И
драгоценных камней сверканье.

Быв пищей для орла², зеленый чудный лев К
коленям матери прижался, присмирив.
Кровь львиную из раны Дева пьет,
Меркурий чашу Деве подает.

Она молоко из груди нацедила И
зверя голодного нежно кормила. С
морды мохнатой она утирала То
молоко, что ее увлажняло.

Когда диадема венчает ее, то она
Возносится ввысь, сил чудесных полна. В
золотом одеянии, средь звездных огней,
Восседает она, все блистает на ней.

В сети ее волос планеты вплетены, И
знаки времени, и нету боле тьмы.
Когда глаза царя ее сопровождают, То
радость светлая его переполняет³.

¹ «В нашем сосуде разыгрываются Страсти», говорит *Миллус* (*РБЛ*, ref., p. 33). Мотив пытки можно найти в видениях Зосимы. — Ср. Символ превращения в мессе, § 344ff., 410f.; Философское древо, разд. 17 и 18.

² Орел символизирует следующую за львиной стадию. Лев четвероногий и все

³ Ще привязан к земле, в то время как орел символизирует дух. ³ Et unguento affluit haec delicioso Expurgata sanguine prius menstruoso Radiabat undique vultu luminoso Adornata lapide omni pretioso.

Здесь апофеоз Царицы описывается способом, который постоянно напоминает нам о его прототипе, увенчании Богоматери. Картина усложняется образами плача Богоматери, с одной стороны, и матери, дающей ребенку грудь, с другой. Как это может быть только во сне, несколько образов Матери Божьей затемняют друг друга, то же происходит с аллегориями Христа — ребенком и львом, причем последняя представляет тело распятого с вытекающей из его бока кровью. Как во снах, символизм с его гротескной конденсацией и перекрыванием противоречивых содержаний не считается с нашими эстетическими и религиозными чувствами; кажется, как будто безделушки, сделанные из разных металлов, сплавлены в тигле и их контуры перетекают друг в друга. Образы лишаются своей первоначальной силы, чистоты и значения. Во сне, к нашему ужасу, часто происходит так, что самые ценные для нас убеждения подвергаются самым святотатственным искажениям. Нечто подобное происходит при психозе, когда пациенты иногда высказывают самые отвратительные богохульства и проявляют ужасающие искажения религиозных идей. Ту же самую вещь мы обнаруживаем в «изящной» словесности — упомяну здесь только «Улисса» Джойса, книгу, которую Э.Р. Куртиус не без оснований назвал работой Антихриста. Но это скорее плод духа времени, чем результат извращенного таланта автора. В наше время мы должны ожидать явления «пророков», подобных Джеймсу Джойсу. Подобный дух преобладал во времена Ренессанса, и одним из наиболее ярких его проявлений является «Гексастихон» Себастьяна Бранта¹. Иллюс-

Ast in eius gremio viridis iacebat Leo, cui
aquila prandium ferebat, De leonis latere
cruor effluebat, De manu Mercurii, quem
Virgo bibebat.

Lac, quod mirum extitit, ilia propinabat
Suis de uberibus, quod leoni dabat. Eius
quoque faciem spongia mundabat, Quam
in lacte proprio saepe madidabat.

Ilia diademate fuit coronata Igneoque
pedibus aere ablata Et in suis
vestibus splendide stellata, Empyreo
medio coeli collocata.

Signis temporibus et ceteris planetis, Circumfusa, nebulis tenebrosis spretis,
Quae, contextis crinibus in figuram retis, Sedit, quam luminibus Rex respexit
laetis». 'Hexastichon Sebastiani Brant in memorabiles evangelistarum figuras
(1502) См. наши схемы 1 и 2.

трации в этой маленькой книжке невероятно причудливы. Главная фигура в каждой — евангельский символ, например, орел св. Иоанна, а вокруг расположены аллегорий и эмблемы основных евангельских событий, чудес, притч и т.д. Эти творения можно сравнить с фантазиями Джорджа Рипли, поскольку автор не мог даже намекнуть на сомнительную природу того, что он делает. Однако, несмотря на их схожесть со сновидениями, эти произведения кажутся сконструированными с обдуманым намерением. Брант даже перечисляет множество компонентов своих картин согласно главам Евангелия, аналогично этому у Рипли в парафразе священной легенды каждый пункт легко можно выделить из контекста. Брант понимает свои картины как мнемотехнические упражнения, которые могли бы помочь читателю вспомнить содержание Евангелия, тогда как в действительности их дьявольская прихотливость запечатлевается в душе гораздо сильнее, чем, скажем, повествование Иоанна о браке в Кане Галилейской. Образ Богородицы с чудесным львом на коленях обладает таким же жутким очарованием именно потому, что он столь чужд официальному образу, к которому мы привыкли. Я сравнил тенденцию к фантастическому искажению со сплавлением образов, но это наводит на мысль, что перед нами, по существу, деструктивный процесс. В реальности — и это особенно относится к алхимии — это процесс уподобления друг другу истины откровения и знания природы. Я не буду выяснять, какие мотивы бессознательного вдохновили Себастьяна Бранта, и не вижу нужды говорить здесь что-нибудь еще о Джеймсе Джойсе, поскольку я уже обсуждал этот вопрос в своем эссе «Улисс: монолог». Все эти процессы сплавления выражают релятивизацию доминант сознания, преобладающую в наше время. Для тех, кто отождествляет себя с доминантами или полностью зависит от них, сплавливающий процесс выглядит как враждебная, деструктивная атака, от которой следует защищаться всеми силами. Другие — для кого доминанты уже не значат того, что должны означать, — видят в сплавлении Длительную регенерацию и обогащение системы идей, обветшавших и потерявших свою жизненную силу и свежесть. Поэтому сплавливающий процесс в зависимости от точки зрения наблюдателя¹ представляет собой либо нечто очень плохое, либо что-то весьма желанное.

¹ Один из моих критиков числит меня среди «плавильщиков», поскольку я проявляю интерес к психологии сравнительной религии. Такое определение справедливо, ибо я называю все религиозные идеи *психическими* (хотя я не компетентен судить об их вероятном трансцендентальном значении). Иначе говоря, я утверждаю, что между христианской доктриной и психологией существует родство, которое, на мой взгляд, вовсе не ставит первую в неудобное положение. Мой критик выдает свое полнейшее ^{№с}Доверие к ассимилирующей силе данной доктрины, когда с ужасом отвергает этот Пинающийся процесс слияния. Церковь смогла ассимилировать Аристотеля, несмотря

В последней категории нам следует различать две группы алхимиков: тех, которые верили, что церковная истина откровения ничего не потеряет, а, наоборот, приобретет, объединившись с пантеистическим представлением о Боге в природе; и тех, для кого проекция христианского таинства веры на физический мир придает природе мистическое значение, чей таинственный свет затмевает великую непостижимость церковного ритуала. Первая группа надеется на возрождение догмы, а другая — на ее новое воплощение и трансформацию в откровение природы.

Я особо подчеркиваю явления ассимиляции в алхимии, потому что — они по сути являются прелюдией к современному сближению эмпирической психологии и христианской догмы, которое ясно предвидел Ницше. Психология, будучи наукой, наблюдает религиозные идеи с точки зрения их психической феноменологии, не вдаваясь в их теологическое содержание. Она относит догматические образы к категории психических содержаний, поскольку психика является полем ее исследования. Поступать так вынуждает природа самой психики; психология не пытается, подобно алхимии, объяснять психические процессы в теологических терминах, но скорее стремится осветить тьму религиозных образов, увязав их со сходными образами психики. В результате — так должно казаться — происходит нечто вроде слияния идей самого разного происхождения, что иногда приводит к параллелям и сравнениям, которые для некритичного ума, незнакомого с эпистемологическим методом, могут выглядеть как их обесценивание или ложная интерпретация. Если понимать это как недостаток психологии, легко можно сказать то же самое о герменевтике отцов церкви, которые зачастую действительно балансировали на краю, или о сомнительной природе текстуального криптицизма. Психолог должен исследовать религиозные символы, поскольку его вынуждает к этому тот эмпирический материал, о котором теолог обычно ничего не знает. Очевидно, никто не пожелает передать химию белка в ведение другой области науки на том основании, что белок — органическое вещество и что исследование жизни — прерогатива биолога. Восстановление дружественных отношений между эмпирической

на совершенно чуждый путь мышления, и чего только она не взяла от языческой философии, языческих культов и — как последнее по времени, но не последнее по важности — от гностицизма, ни в коей мере не отвращаясь в этом процессе заимствования! Если христианская доктрина способна ассимилировать важнейшие порождения психологии, это доказывает ее жизненную силу, потому что жизнь — это ассимиляция. Ассимиляция Аристотеля в свое время отвратила опасность, исходящую¹⁰ от арабов. Теологическим критикам следует вспомнить об этом, прежде чем подниматься в атаку против психологии. Психолог в наши дни, также как алхимик в прошлом, ни в коей мере не собирается принижать значение религиозных символов.

наукой и религиозным опытом было бы, по моему мнению, плодотворным для обеих сторон. Алхимия, конечно, не должна защищаться от влияния бессознательного. Было и остается загадкой то, размышлял ли рипли о своих теологических преступлениях и что он о них думал. С научной точки зрения его интеллект подобен разуму в состоянии сна.

Увенчание Богоматери и брак на небесах приводят нас к финальным строфам «Кантилены».

Стихи 36—37

Первейший из всех, он, как царь, торжествует.
От тела болезней спасенье дарует. Он
уничтожает пороки, и вот, Его почитает и
царь, и народ.

Он — украшение для князей и духовенства,
Взамен болезней он дарит блаженство. Всем
беднякам в нужде он помогает, И всяк его в душе
благословляет¹.

Это, как мы можем судить на основании многочисленных трактатов, апофеоз *filius regius*. Так, «*Tractatus aureus*»² гласит: «Царь восстает из огня и празднует свадьбу. Сын становится огненным воителем и затмевает тинктуры, ибо он сам сокровище и сам облачен в философские одежды. При ближайшем рассмотрении он — царственный сын и сын мудрости, дарующий нам радость и торжество (ибо преодолел смерть); он одет в красное одеяние, и пурпур на нем». Возрожденный царь — это «изумление мира», «безмерно чистый дух»³; он, как уверяет нас «*Aquarium sapientum*», «самый лучший, самый утонченный, чистейший и благороднейший из всех небесных духов, все остальные выказывают ему покорность, как своему царю, который дарует людям здоровье и процветание, исцеляет все болезни, дает порожденную божественным огнем

¹ *Fit hie Regum omnium summus triumphator,
Et aegrorum corporum grandis mediator,
Omnium defectuum tantus reformator, Illi ut
obediant Caesar et viator.*

*Praelatis et regibus praebens decoramen,
Aegris et invalidis fit in consolamen. Quis est
quem non afficit huius medicamen, Quo omnis
penuria pellitur gravamen.*

² *Ars chemica*, ch. III, p. 22.

³ *Introitus apertus /Mus. herm.*, p. 654 (Waite, II, p. 167).

земную славу и долгую жизнь, но грешников, поносящих его, обрекает на вечную кару. ...В общем, его считают первейшей вещью под небесами, изумительным завершением и эпилогом всех философских трудов. Поэтому многие старые философы утверждали, что он открылся в пророческом видении Адаму, первому человеку, и поэтому все святые патриархи особенно стремились увидеть его приход¹. «Всемогуший, — замечает «Introitus», — сделал его узнаваемым и заметным, и весь Восток узнал о его рождении², ибо знак его на восточном небосклоне был виден всем. Мудрые волхвы узрели его в начале эры и были изумлены, сразу же поняв, что в мир явился самый светлый Царь. Когда вы увидите эту звезду, следуйте за ней к колыбели и там вы увидите прекрасное дитя. Отбросьте ваши покровы, восславьте царское дитя, откройте вашу сокровищницу, предложите в дар золото; и после смерти он дарует вам плоть и кровь, сильнейшее лекарство в трех царствах земных³. Облечение эликсира царским одеянием также можно обнаружить и в «Turba»⁴. «Consilium coniugii» сообщает, что царь «спустился с небес»⁵. Милиус говорит о Ко роле-Солнце, что «Феб со своими сияющими золотом волосами восседает в центре, подобно царю и владыке мира, со скипетром и державой в руках». В нем — «все силы небесные»⁶. В другом месте он приводит такие слова: «И царь наконец будет увенчан диадемой, светящейся, как солнце, сверкающей, как бриллиант»⁷. У Кунрата сказано о «чудесном естественном трие-

¹ Mus. herm., p. 96 (Waite, I, p. 86).

² Ср. Rosinus ad Sarrat. /Art. aurif., I, p. 281: «Тогда он соединяет фермент с подготовленным несовершенным телом, пока они не становятся одним телом, обликом и образом, и это называется Рождением. Ибо тогда рождается наш камень, именуемый царем философов, как сказано в «Turba»: Слава нашему царю, вышел шему из огня, увенчанному диадемой».¹⁶⁴¹

³ Mus. herm., p. 654f. (Waite, II, p. 167).¹⁶⁵¹

⁴ «И вы узрите *иксир* [эликсир] в одеяниях царских».¹⁶⁶¹ — Turba (ed. Ruska), p. 147.

⁵ «Камень философов — это царь, сходящий с небес, и холмы его серебряные, реки его золотые, а земля его — из драгоценных камней и самоцветов»¹⁶⁷¹ (Ars chemica, p. 61).

⁶ Phil, ref., p. 10.

⁷ Ibid., p. 284. Фраза приведена в Ros. phil. (Art. aurif., II, p. 329) как цитата из Луллия. Подобное выражение (p. 272) приписывается Ортуланусу и Арнольду: «Потому что душа входит в тело и рождается увенчанный царь».¹⁶⁸¹ На с. 378 «Ros. phil.» цитируется «Aenigma Hermetis de tinctura rubea»: «Я коронован и украшен диадемой и облечен в царские одежды; ибо я для радости вхожу в тела».⁶⁸¹ Tractatulus Avicennae (Art. aurif., I, p. 422) гласит: «Не презирай золу, ибо Бог сделает ее жидкой и, наконец, божественной волей царь будет увенчан красной диадемой-Посему тебе следует прийти к этому мастерству» J⁷⁰¹

динстве сына Великого Мира», которого мудрецы называют «их сыном иувенчанным Владыкой, искусственно выведенном из мирового яйца»¹. Далее он говорит о *filius Mundi Maioris* [сыне Великого Мира]:

Сын великой Вселенной [Макрокосма], Теокосм, то есть божественная сила и мир (но которого, к несчастью, даже сегодня не желают пускать в университеты многие основатели медицины и те, кто проповедует о природе в духе атеизма), это образец камня, который представляет собой Теантропоса, Богочеловека, (которого, как сказано в Писании, отвергали также отцы-основатели Церкви); и оттуда же, из Великой Книги Природы [проистекает] постоянное и неизменное учение мудрецов и ихдетей; да, это великолепное живое подобие нашего Спасителя Иисуса Христа, пребывающее и возникшее в Мироздании, и по природе сходное с ним (по чудесному зачатию, рождению, невыразимым силам, добродетелям и воздействию на окружающих); так наш Господь, кроме библейской истории своего сына, создает также для нас свой специфический образ и естественное представление о себе в Книге Природы².

Эти несколько примеров, наряду с уже приведенными мною в «Психологии и алхимии», могут дать читателю определенное понятие о манере, в которой алхимики представляли торжествующего царя.

Стих 38

Господь даруй нам часть³ его, чтоб смертные могли
Умножить⁴ ее пользу в пределах всей земли.
Искусство обновится тогда, как новый пламень, И
смертные плодам его возрадуются. Амен⁵.

¹ Nyl. Chaos, p. 236f.

² Ibid., p. 286f. Ср. пассаж из *Amphitheatrum*, p. 197.

³ «*Illius species*» [тот образец, идеал] = часть божества, что теперь становится вещественной.

⁴ Под «*multiplicatio*» [умножением] часто понимают спонтанное обновление тинктуры, подобное постоянному умножению масла в кувшине вдовы. *Munus* (Phil. ref., p. 92) предложил следующее правило: «Облепись в любое тело столько раз, сколько захочешь, потому что его Тинктура будет умножена дважды, и если в первый раз одна часть его станет сотней частей, то второй раз — тысячью, а третий — десятью тысячами, в пятый — миллионом, и оно обратится в истинную солнечную или лунную (субстанцию)».¹⁷¹¹

⁵ *Nostrum Deus igitur nobis det optamen
Illius in speciem per multiplicamen, Ut
gustemus practicae per regeneramen Eius
fructus, uberes et ter dulces. Amen.*

Здесь заканчивается «Кантилена», одна из самых совершенных притч о возрождении царя. Ее, конечно, нельзя сравнить с гораздо более разработанным и развитым мифом Христиана Розенкрейца. (Его «Химическая свадьба» столь богата содержанием, что здесь я не затрагиваю ее даже вскользь.) Последний раздел второй части Фауста содержит этот же мотив преобразования старца в мальчика, а также, что вполне очевидно, указывает на небесный брак. Эта тема, как и в алхимии, проходит через всего «Фауста» и повторяется на трех различных уровнях (Гретхен, Елена и Царица Небесная). Точно также обновление царя принимает формы, обреченные трижды потерпеть неудачу перед смертью Фауста (Мальчик-колесничий, Гомункулус, Эфорион).

5. Темная сторона царя

Помимо «Кантилены», существует немало других описаний¹ обновления царя, обогащенных множеством деталей, которые я не буду здесь обсуждать, дабы эта глава не оказалась перегруженной. Материала, который мы представим, вполне хватит, чтобы проиллюстрировать существенные черты процесса трансформации. Тем не менее, миф о царском возрождении имеет так много ответвлений, что наш обзор далек от того, чтобы полностью охватить все поле этого символа. В этом разделе, однако, я попытаюсь пролить некоторый свет на критическую фазу *pigredo*, фазу разложения и смерти.

Упадок, как мы видели, вызван несовершенством или болезнью царя. В «Кантилене» его болезнью было бесплодие. Фигура бесплодного царя, вероятно, восходит к «Видению Арислея»², где Морской царь правит бесплодной страной, хотя сам он не стерилен. Обычно царь связан каким-то образом с миром тьмы. Так, в «Introitus», он прежде всего «тайный, адский огонь»³, но как возрожденное *puellus regius* (царское дитя), он является аллегорией Христа. У Михаэля Майера царь умер, но тем не менее оказывается живым, заточенным в глубинах моря, откуда он взывает о помощи⁴. Вот рассказ о царе из «*Splendor solis*» Трисмосина:

¹ Ср. с царской купелью у Бернара Тревизанского. Подробности см.: *Tractatus aureus de lapide*, Mus. herm., p. 41ff. (Waite, I, pp. 41ff.).

² *Art. aurif.*, I, P- 146ff.

³ Mus. herm., p. 654 (Waite, II, p. 167).

⁴ *Symb. aur. mensae*, p. 380: «И хотя царь философов кажется мертвым, он, тем не менее, жив, и взывает из глубин: Того, кто освободит меня из воды и вынесет на сухую землю, я одарю неиссякаемым богатством. Но, хотя этот зов слышали многие, никто не сжалился над царем и не стал его искать. Ибо кто, говорят они, нырнет в море? Кто избавит другого от опасности, жертвуя собой?»

Старые философы объявили, что видели, как поднимается Туман и застилает полностью лицо земли, они также видели ярость Моря и потоки на лице земли, сделавшиеся грязными и зловонными во тьме. И увидели философы царя в недрах земных, и услышали его нетерпеливый крик¹: «Помогите мне, чтобы я мог жить и царствовать вечно в сиянии на царском троне», и Ночь окутала все сущее. Днем позже они вновь увидели царя на взошедшей Утренней Звезде, и свет дня осветил тьму, и яркий солнечный свет проник сквозь облака, сверкая множеством многоцветных лучей, и земля благоухала, и Солнце ярко светило. И исполнился Срок, когда Царь Земной предстал, освобожденный и обновленный, в прекрасных одеждах, сияющий красотой, которой изумлялись Солнце и Луна. Он был увенчан тремя драгоценными коронами, Железной, Серебряной и сделанной из чистого Золота. Они видели в его правой руке скипетр с семью звездами в золотом сиянии [и т.д. и т.п.]².

Семь звезд — это ссылка на Отравление, 1:16: «Он держал в деснице своей семь звезд». Лицо державшего было «как солнце, сияющее в силе своей», с чем согласуется *puellus regius* «Introitus'a». Король (царь), тонущий в море — арканная субстанция, которую Майер называл «сурьмой философов»³. Арканная субстанция соответствует христианской доминанте, которая изначально жила и присутствовала в сознании, но потом потонула в бессознательном и теперь нуждается в восстановлении и обновлении. Сурьма ассоциируется с тьмой: трисульфид сурьмы широко распространен на Востоке в качестве черной краски для волос. С другой стороны, пентасульфид сурьмы, «золотая сера» (*Sulphur auratum antimonii*) обладает оранжево-красным цветом.

Утонувший король (царь) алхимии продолжает жить как «король металлов», «*regulus*» металлургии. Это — название сплава металлов, возникающего подслоем окарины путем сплавления и восстановления

Поэтому немногие услышали его жалобы, они решили, что голос, который слышат, это громкие крики и эхо голосов Сциллы и Харибды. Поэтому в праздности они оставались дома, не заботясь ни о сокровищах царя, ни о его спасении».¹⁷²¹ Ср. Психология и алхимия, § 434 ел.

¹ Возможно, ссылка на Пс. 68:2-3: «Я погряз в глубоком болоте, и не на чем стоять; вошел во глубину вод, и быстрое течение их увлекает меня. Я изнемог от вопля, засохла гортань моя, истомились глаза мои от ожидания Бога *моего*». Стихи 15—16: «Извлеки меня из тины, чтобы не погрязнуть мне: да избавлюсь от ненавидящих меня и от глубоких вод. Да не увлечет меня стремление вод, да не поглотит меня пучина, да не затворит надо мною пропасть зева моего».

² *Splendor Solis: Alchemical Treatises of Solomon Trismosin*, p. 29f. См. также: Психология и алхимия, рис. 166.

«Истинная сурьма философов [лежит] в глубинах моря, дабы царский сын погрузился в ОНbie»¹⁷³¹ (*Symb. aur. mensae*, p. 380).

руды. Термин «Sulphur auratum antimonii», эквивалентный золотой сере, указывает на сильное преобладание серы в комбинации с сурьмой. Сера, как мы видели, представляет собой активную субстанцию Солнца и дурно пахнет: двуокись серы и сероводород наводят на мысль о зловонии ада. Сера — атрибут Солнца, как Лев — атрибут Царя. Лев тоже двойственен: с одной стороны, он — аллегория дьявола, а с другой — связан с Венерой. Итак, соединения сурьмы, известные алхимикам (Sb_2S_5 , Sb_2S_3), содержали вещества, служившие хорошим примером Царя и Льва, и поэтому алхимики использовали выражение «триумф сурьмы»¹.

Как я показал в «Психологии и алхимии»², утонувший царь образует параллель с притчей VII из «Aurora Consurgens»³:

Обращаясь ко мне всем своим сердцем и не отворачиваясь от меня из-за того, что я черен и смугл, ибо солнце изменило мой цвет и воды закрыли мое лицо, и земля осквернила меня и пренебрегла моими трудами; потому что тьма была над нею, потому что я оставался узником в глубоком болоте и вещество мое не было освобождено. Посему из этих глубин и из пропасти земной я зывал своим голосом ко всем, чтобы выказали мне путь. Услышьте и узрите меня, и, если кто-нибудь найдет подобие мое, я дам ему в руки утреннюю звезду.

«Глубокое болото» отсылает нас к Псалтири (68:3), Вульгаты «Infixus sum in limo profundi et non est substantia» [русский текст Библии гласит: «Я погряз в глубоком болоте, и не на чем стать»]. Епифаний⁴ трактует слова Давида следующим образом: это материал, состоящий из «грязных рассуждений» и «путаных греховных мыслей». Но 129 псалом (стих 1): «Из глубины зываю к Тебе, Господи», он интерпретирует так: «Когда святые были вознаграждены тем, что Святой Дух поселился в них, Он, после того как стал пребывать в них, даровал им силу заглянуть в самые глубины Божьей сущности, чтобы они могли восхвалять его из глубины, ведь Давид воскликнул: «Из глубины, — сказал он, — зываю к Тебе, Господи»⁵.

Эти красноречивые интерпретации «глубины» (profunda) подходят к алхимии очень близко, так близко, что кажутся не больше, чем двумя

¹ Ibid., p. 378, ссылка на «Триумфальную колесницу сурьмы» Василия Валенти на, которая, по-видимому, впервые была опубликована в Германии в 1604 году Лагинское издание вышло позже, в 1646 году. См. *Schmieder. Geschichte der Alchemie*, S. 205.

² § 434ff.

³ P. 133.

⁴ *Panarium* (ed. Holl), Haer. 36, cap. 4 (II, p. 47ff.).

⁵ *Ancoratus* (ed. Holl), vol. I, p. 20.

сторонами одного и того же. Естественно, что в алхимии глубина означает то одно, то другое, к отчаянию всех любителей постоянства. Но значение вечных образов далеко от постоянства. Для алхимиков характерно, что они никогда не упускали из виду эту полярность, компенсируя, таким образом, мир догмы, приверженцы которого, дабы избежать двусмысленности, подчеркивали один полюс, отвергая другой. Тенденция к наибольшему разделению противоположностей и стремление к единственности значения абсолютно необходимо для ясности сознания, так как умение различать является его сутью. Но когда разделение заходит настолько далеко, что дополняющая противоположность упускается из виду и тьма белизны, зло добра и глубина высоты более не различимы, в результате появляется односторонность, которая в таком случае компенсируется бессознательным без нашей помощи. Нейтрализация идет даже против нашей воли, которая вследствие этого будет становиться более и более фанатичной, то тех пор, пока не приведет к катастрофической энантиодромии. Мудрость никогда не забывает, что у каждой вещи — две стороны, и каждому следует знать, как избежать подобных бедствий, если те когда-нибудь обретут силу. Но сила никогда не опирается на мудрость; она всегда фокус массовых интересов и поэтому неизбежно ассоциируется с безграничным безрассудством человека массы.

С возрастом односторонности силы царя падают, потому что изначально они состоят как раз в возможности объединить полярность всего сущего в символе. Чем более определенная идея возникает и чем более ясным становится сознание, тем более монархическим становится его содержание, которому подчиняется все несовместимое. Этого крайнего состояния необходимо достичь, несмотря на тот факт, что кульминация всегда предвещает конец. Сама природа человека, бессознательное, немедленно пытается начать компенсацию, что неприятно для крайнего состояния, ведь оно считает себя идеальным и, более того, находящимся в позиции, которая доказывает его превосходство самыми убедительными аргументами. Мы не можем не признать, что оно хотя и идеально, но в то же время несовершенно, поскольку выражает только одну сторону жизни. Жизни нужна не только ясность, но и неопределенность; не только свет, но и тьма; ей нужно, чтобы день сменялся ночью, и мудрость сама должна прославлять такой карнавал, следы которого можно отыскать в алхимии в немалом количестве. По этим причинам царь также постоянно нуждается в обновлении, которое начинается с нисхождения в его собственную тьму, погружения в его собственные глубины, свидетельствующего, что он одной крови со своим противником.

Согласно «Ancoratus» Епифания, феникс восстает из пепла сначала в обличье червя:

Когда птица умирает, разумеется полностью уничтоженная, тогда пламя гаснет, остаются лишь избежавшие огня остатки плоти. Из них в первый день образуется отвратительный червь, который отращивает крылья и становится совсем иным; но на третий день он созревает и после того, как вырастает полностью с помощью находящихся там снадобий, обретает свой облик и устремляется вверх, чтобы улететь в свою страну, и там он остается¹.

Так и царь поднимается из своего «адского пламени» в облике увенчанного короной дракона². Он — меркурианский змей, который главным образом связан с источающими запах зла местами («он находится в навозной куче»)³. Тот факт, что отрывок из «Ancoratus» подчеркивает слова «первый день», может пролить некоторый свет на явно уникальную ссылку в «Amphitheatrum» Кунрата на «filius unius (SVI) die!»⁴, и интерпретировать его как «природного Гермафродита», то есть арканную субстанцию. Он — синоним «Сатурна»⁵, не имеющего пола Фило-

¹ Ibid., p. 104f.

² См. Психология и алхимия, рис. 10-12, 46, 47.

³ См. Дух Меркурий, § 269; прим. 41; Парацельс как духовное явление, § 182, прим. 61.

⁴ P. 195, «сын одного (ЕГО) дня; там, где тепло, холодно, жарко и сухо». Меркурианский змей, «рожающий в один день», однако, упоминается в «De lapide philosophorum» Альберта Великого (Theatr. chem., IV, pp. 98f.). Ср. также Das Buch der Alaune und Salze (изд. Ruska), p. 58f.

⁵ Что касается отождествления Сатурна со свинцом, следует отметить, что хотя астрологически Сатурн считается враждебной планетой, от которой можно ждать лишь худшего, он также и очиститель, потому что истинная чистота достигается только через покаяние и искупление греха. Так, *Мейстер Экхарт* говорит в своей проповеди о словах «Ибо силы небесные поколеблются» (Лк. 21:26): «Далее мы должны указать, как (Бог) украсил естественные небеса семью планетами, семью благородными звездами, которые ближе кнам, чем все остальные». Первая — это Сатурн, затем следует Юпитер, затем Марс, а за ним — Солнце; далее следует Венера, за ней Меркурий, а за ним Луна. Теперь, когда душа становится духовным небом, наш Господь украсит ее этими звездами духовно, как св. Иоанн говорил в Апокалипсисе, когда он увидел Царя Царей восседающим на троне могущества Божьего, и семь звезд в его руке. Знайте, что первая звезда, Сатурн — это очиститель... На небе души Сатурн обретает ангельскую чистоту, в награду узрев Бога, как сказал наш Господь: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Evans, I, p. 168). Именно в этом смысле следует понимать здесь Сатурна. Ср. *Vigenerus* (De igne et sale / Theatr. chem., VI, p. 76): «Свинец означает те беды и тревоги, которыми Господь поражает нас и напоминает нам о покаянии». Свинец сжигает и уничтожает все несовершенства металлов, и поэтому Бет Аравитянин называл его водой серы, и точно так же несчастье очищает нас от многих пятен, появившихся по нашей вине: именно поэтому св. Амвросий называет его [несчастье] ключом от небес».¹⁷⁴¹

софского Человека философов, свинца мудрецов, Философского Мирового Яйца... величайшего из чудес света, Льва, зеленого и красного... лилии между тернами»¹.

Как мы видели, *filius regius* тождествен Меркурию, а на особой стадии также и меркурианскому змею. Эта стадия у Кунрата обозначена Сатурном, темным, холодным *maleficus*, мировым яйцом, очевидно обозначающим первичное состояние и, наконец, зеленым и красным львами, представляющими животную душу царя. Все это выражает дракон или змей как *summa summagum*. Дракон как самая низкая и наиболее рудиментарная форма царя, представляет собой, как мы постоянно утверждаем, вначале смертельный яд, а потом — лекарственное средство (панацею).

В мифе о фениксе, изложенном Плинием, мы снова встречаем червя: «...из его костей и костного мозга сперва возрождается своего рода личинка, из которой вырастает птенец»². Эта версия повторяется у Клемента Римского³, Артемидора⁴, Кирилла Иерусалимского⁵, св. Амвросия⁶ и Кардана⁷. Для понимания мифа о фениксе необходимо знать, что в христианской герменевтике феникс стал аллегорией Христа, что означает новую интерпретацию мифа⁸. Самосожжение феникса соответствую-

¹Песн.2:2.

²Естественная история, X, и.¹⁷⁶¹

³Установления апостолов, V, 7.

⁴*Onirocriticon*, lib. IV, cap. 47.

⁵*Catecheses Mystagogicae*, XVIII, 8 (ed. Reischl and Rupp, II, p. 307ff.).

⁶*De Excessu fratris*, lib. II, cap. 59 (ed. Faller, p. 281); *Hexaemeron*, V, cap. 23 (Migne, P.L., vol. 14, col. 238).

⁷*De subtilitate*, p. 602.

⁸Тот факт, что миф был ассимилирован и интерпретирован христианством, в первую очередь доказывает жизненную силу мифа; но можно также сделать заключение о жизненной силе христианства, которое смогло ассимилировать и интерпретировать такое множество мифов. Не следует переоценивать важность герменевтики: она оказывает благотворное воздействие на психику, осознанно связывая принадлежащее далекому прошлому наследие предков, все еще живущее в подсознании, с настоящим, таким образом устанавливая жизненно важную связь между сознанием, ориентированным только на настоящий момент, и исторической Душой, охватывающей бесконечно долгий период времени. Как наиболее консервативная из всех производных человеческого разума, религия сама по себе является мостом к вечно живому прошлому, которое все еще существует и воздействует на нас. Религия, которая не в состоянии ассимилировать мифы, забывает о присущей ей функции. Ее духовная витальность зависит от близости к мифу и может сохраняться, только если каждое поколение переведет миф на свой язык и сделает его существенной частью своего мировоззрения. *Sapientia Dei* [Премудрость

ет самопожертвованию Христа, пепел — Его погребенному телу, а чудесное обновление — Его воскресению¹. Согласно Горуполлону (IУвек), чьи взгляды были восприняты позднейшими авторами², феникс означает душу и ее путешествие на землю возрождения³. Это путешествие называют также «долгим возвращением утраченного» (ἀποκατάστασις πολυχρόνιον); разумеется, это и есть само обновление⁴. Идея апокатастазиса, или возвращения (Деяния апостолов, 3:20) и устроения во Христе (Послание к Ефессянам, 1:10)⁵, может помочь нам усвоить аллегорию феникса, не говоря уже о главном мотиве обновления.

Слово «SVI» прописными буквами, поставленное Кунратом после «unius», прямо указывает на то, что он ссылается на нечто божественное. Это может быть только аналогией Бога или Христа. Нигде более в алхимических текстах не упоминается этот «день», кроме случайного замечания, что особой милостью Божьей опус может быть закончен в некий день. «SVI» Кунрата, видимо, относится прямо к Богу, в том смысле, что *filius regius* рожден в «Его» день, принадлежащий Богу или избранный им. Поскольку феникс главным образом есть аллегория воскресения, этот день рождения и обновления должен быть одним из трех дней погребения Христа и сошествия его в ад. Но об этом дне нет ничего в христианской догме, если только Кунрат, которому было свойственно теоретическое мышление, не предвосхитил аргументы некоторых протестантских догматиков, которые, следуя Луке (23:43)⁶, предложили теорию, согласно которой Христос не сошел немедленно в ад (как в католической догме), а оставался в раю вплоть до пасхального утра. И в тот момент, когда душа Христа отделилась от его тела, произошло первое землетрясение, а в пасхальное утро произошло другое (Евангелие от Матфея, 28:2). Во вре-

Божья], проявляющаяся через архетип, всегда гарантирует то, что дичайшие отклонения могут смягчиться и выйти на средний уровень. Таким образом, своим воздействием философская алхимия в большой мере обязана тому, что она была способна по-новому выразить почти все важнейшие архетипы. Более того, как мы уже наблюдали, она даже сделала попытку ассимилировать христианство.

¹ Многочисленные примеры подобного параллелизма можно обнаружить у *Picinellus*. *Mundus symbolicus*, I, p. 322ff.

² Ср. издание его «*Hyerglyphica*» Кассеном: *De Symbolica Aegyptorum sapientia* (1618), p. 142.

³ *The Hyerglyphics of Horappolo*, p. 75 (Book I, No. 34).

⁴ *Ibid.*, p. 96 (Book II, No. 57): «Ибо при рождении сей птицы наступает обновление вещей».¹⁷⁶¹

⁵ Аналогично Кол. 1:20, и в некотором смысле Рим. 8:19 ел.

⁶ «Ныне же будешь со Мною в раю».

...я этого землетрясения душа Христа соединилась с его телом¹, и лишь тогда он «...находящимся в темнице духам, сошед, проповедовал» (Первое послание Петра, 3:19). Тем временем ангел появился у его гробницы и говорил с женами. Сошествие в ад должно быть ограничено этим коротким промежутком времени².

С этой точки зрения «тот день» должен быть днем пасхи. В алхимии соединение души с телом — это чудо конъюнкции, при которой ляпис становится живым телом. Феникс предвещает именно этот момент³. Алхимическую трансформацию часто сравнивали с восходом солнца. Но кроме этого факта нет ни малейших оснований для предположения, что такие мысли когда-либо приходили в голову Кун-рата, и гипотеза о пасхальном утре не представляется удовлетворительной. В ней отсутствует особый элемент *червя*, на который указывал Епифаний в связи с этим днем. Такое впечатление, что данный элемент не следует переоценивать при объяснении *filius unius diei*. Этот день, видимо, относится к Бытию, 1:5: «И был вечер, и было утро: день один»⁴. Это было после отделения света от тьмы (или создания света), это напоминает о том, что тьма предшествует свету и является его матерью⁵. Сын этого дня — Свет, Логос (Ев. от Иоанна, 1:5), Христос Иоанна⁶. Трактующий подобным образом, сын этого дня тут же оказывается близким «Гермафродиту природы»⁷, Философскому Человеку и Сатурну, искусителю и притеснителю⁸, кото-

¹ Согласно догме, Христос телом своим сошел в преддверие ада.

² Эти спекуляции принадлежат XVII веку, тогда как труды Кунрата относятся к XVI в. См. статью Лаутенбурга о сошествии Христа в ад (в издании Герцога и Гаука): *Realenzyklopaedie fur protestantische Theologie*, VIII, S. 204.

³ Ср. вышеупомянутого Оргуса, идентичного фениксу и обладающего таким же богатством красок. Кассин цитирует Епифания: «Птица феникс много прекраснее павлина; ибо крылья павлина — золотые и серебряные, а крылья феникса — гиацинтовые и изумрудные, и разукрашены, как драгоценные камни; голова этой птицы увенчана Короной»⁷⁷¹ (*Symb. Aegypt. sap.*, p.142).

⁴ *Вульгата*: «Factumque est vespere et mane, dies unus».

⁵ Быт. 1:2: «...и тьма над бездною...» Ср. *Бёме* (*Tabulae principiorum*, I, 3 / *De signature rerum*, Amsterdam edn., p. 271), который называет тьму первым из трех принципов.

⁶ Ин. 8:12: «Я свет миру».

⁷ У валентинианцев (*Immaeus. Adversus haereses*, 1,5, 1) демиург и царь всего сущего, созданный Ахамотом, назывался «Матерью-Отцом», то есть гермафродитом. Подобные традиции могли быть известны алхимикам, хотя я не обнаружил таких следов.

⁸ Алхимические фигуры, в особенности боги металлов, следует всегда понимать также и в астрологическом смысле.

рый, как Иалдабаоф и высший архонт, связан со львом. Все эти фигуры являются синонимами Меркурия.

Существует дидактическая поэма Фра Маркантонио Красселаме «Sophra la composizione delta pietra dei Philosophi», опубликованная в книге, многозначительно озаглавленной «La Lumiere sortant par soimesme des Tenebres»¹. Как видно из заглавия, это не тот свет, который был сотворен Логосом, а спонтанный, самопорожденный свет. Поэма начинается с сотворения мира и объявляет, что Слово создало хаос:

Всемогущим первым Словом призрачный Хаос, бесформенная масса, возникла из голоса:

Но кому же известно, как были созданы все вещи? Только «сыновьям Искусства»:

О жаждущие Сыны Божественного Гермеса, для кого отеческое Искусство сделало Природу видимой без каких-либо покровов, вы, вы одни знаете, как Рука Предвечного вылепила землю и Небеса из бесформенного Хаоса. Ваше собственное великое Делание ясно показывает вам, что Бог создал Все Сущее таким же способом, каким был создан Физический Эликсир.

Opus alchymicum повторяет тайну творения, которая началась с культивации воды. Меркурий, живой и универсальный дух, спускается на землю и смешивается с нечистой серой, становясь нелетучим (связанным):

Если понять меня правильно, ваш неизвестный Меркурий есть не что иное, как живой природный универсальный Дух, который, будучи смешанным с воздушным паром, спускается с Солнца, дабы заполнить пустоту Центра Земли, откуда он позже возникает из нечистой серы и из летучего становится связанным, и, обретя форму, наделяет ею и коренную влагу.

Но нисхождение Меркурия делает его пленником и освободить его может только искусство:

Но где этот золотой Меркурий, эта коренная влага, которая, растворенная в сере и соли, становится одушевленным семенем металлов? Ах, он оказывается в заточении и удерживается там столь прочно, что даже природа не может освободить его из этой суровой тюрьмы, если Искусство Мастеров не откроет ему путь.

¹ [«Свет, исходящий из Тьмы» (фр.)]

Это дух света спускается с солнца¹ (живой дух, обретающийся во всех созданиях как дух мудрости²) и обучает человека искусству, посредством которого может быть освобождена «заточенная в элементах душа». Меркурий освещает путь адепта и его трудами освобождается от цепей. Этот Меркурианский дуплекс, восходящий и нисходящий, представляет собой уробороса, «несотворенного»³ по определению, змея, который порождает сам себя⁴. Хотя в поэме Меркурий выступает прежде всего как дух света, уроборос, тем не менее, есть *Ἔρμης κατὰ ἄβυθον* (подземный Гермес). Меркурий — это соединение противоположностей, и алхимиков главным образом интересует его темная сторона, змей.

Миф о герое, продолжающем жить и почитаться в образе змея, когда свет его жизни угасает, очень стар⁵. Другая широко распространенная примитивная идея — представление о том, что души мертвых пребывают в змеином образе. Из этих представлений, видимо, и возникла версия о черве в мифе о фениксе.

В Аменте, египетском нижнем мире, обитает семиглавый змей⁶, а в христианском нижнем мире живет самый знаменитый змей — дьявол,

¹ Он придает Меркурию движение в двух направлениях, одно — восходящее, а другое — нисходящее, и как последнее служит для того, чтобы придавать форму материалу при помощи лучей солнца и других звезд, которые по природе своей направлены на дальние тела, и воздействием своего живого духа пробуждают спящий в них естественный огонь, так и восходящее движение служит для очищения тел» (с. 112). Первое нисхождение включено в историю Творения, и поэтому многие алхимики упускают его из виду. Тогда они начинают свое деяние с восхождения и завершают его нисхождением, дабы объединить свободную душу (aqua regnans) с мертвым (очищенным) телом, таким образом породив *filius*.

² «Из него вышло Величие, из его светлой Жизни, из ее живого Духа».

³ Ср. Дух Меркурий, § 283; Психология и алхимия, § 430ff. Красселам находил ся под влиянием Парацельса. Он отождествлял своего Меркурия с «Илиастром»; ср. Парацельс какдуховное явление, § 160,168, прим. 62,170ff. и прим. 10.

⁴ В «*Epistola ad Hermannum*» (Theatr. chem., V, p. 900) о ляписе говорится: «Он восходит сам по себе, чернеет, нисходит и белеет, растет и уменьшается... рождается, умирает, восстает вновь и после этого обретает бессмертие».¹⁷⁸¹

⁵ Например, Трофоний в своей пещере (*Rohde. Psyche*, trans. Hillis, p. 105, p. 12) и Эрехтей в крипте Эрехтейона (p. 98). Герои сами часто принимают образы змей (p. 137), или же змея является их символом (p. 290, прим. 105). Смерть вообще часто ассоциируется со змеями (p. 170). Подобно алхимическому «герою», другой Древний алхимический важный персонаж, Агатовый демон, также выступает в облике змея.

⁶ Ср. ведомую змеями лодку Ра в нижнем мире (*Budge. The Egyptian Heaven and Hell*, I, p. 66,86). Змей-чудовище *par excellence* — это змей Апоп (*Budge. The Gods of the Egyptians*, I, p. 269). Его эквивалент в Вавилонии — Тиамат (I, p. 277).

«старый змей»¹. В самом деле, в аду пребывают два брата — смерть и дьявол, причем символ дьявола — змей, а смерти — черви. По старогерманским представлениям червь, змей и дракон сливаются воедино, как и у римлян (*vermis, serpens, draco*). Нижний мир обозначает ад² и смерть³. Червь или змей — это всепожирающая смерть. В германской мифологии ад тоже ассоциируется с червями. В «Эдде» говорится:

Чертог я вижу Далекий
от солнца, На берегу
смерти, Дверью на
север. Яд стекает
Каплями с его крыши;
Стены его — Тела
червей⁴.

Книга Апостола Варфоломея (*Budge, Coptic Aposcrapha in the Dialect of Upper Egypt*, p. 180) говорит, отсылая нас к воскресению Христа: «Ныне Аваддон (или Смерть), и Гайос, и Трифон, и Офиат, и Фтинион, и Сотомис, и Комфион — шесть сыновей Смерти, сами проникли в гробницу Сына Божьего в виде змеев». Бужд дает комментарий (введение, стр. lxiii): «У коптов Аментет — это Смерть (покровительница умерших), и со своими шестью сыновьями она принимает вид или семиглавого змея, или семи змей, и они проникают в гробницу Господа, чтобы узнать, когда его тело перенесется к Аментет. Семиглавый змей гностиков — это лишь форма змея Нау... и вера в это чудовище восходит по крайней мере к шестой династии». «Семь змей Аментет», упомянутых в Книге Мертвых (гл. 83), вероятно, тождественны «червям Растау, живущих в теле человека и пьющих его кровь». (Папирус Некту-Амен). Когда Ра поражает змея Апопа своим копьем, тот изрыгает все, что проглотил (*Budge, Osiris and the Egyptian Resurrection*, I, p. 65). Этот мотив повторяется в примитивных мифах о ките-драконе. Обычно отец и мать героя выходят с ним из брюха чудовища (ср. «Символ превращения в мессе», § 538, прим. 85), или же чудовище выплевывает все, что проглотило ранее (§310). Несомненно, это мотив — прообраз апокатастазиса на примитивном уровне.

¹ Откр. 20:2. *Honorius of Autun. Speculum de misteriis ecclesiae*, (Migne, P.L... vol. 172, col. 937): «Семиглавый дракон, князь тьмы, сняв своим хвостом с небес часть звезд, покрыл их тучей греха и накрыл их тенью смерти».¹⁷⁹¹

² Ис. 38:10: «...в преполовение дней моих должен я идти во врата преисподней...».

³ Книга Иова, 17:13-14: «...преисподняя — дом мой; во тьме постелю я постель мою; гробу скажу: ты отец мой, червь: ты мать моя и сестра моя»; 21:26: «И они вместе будут лежать во прахе, и червь покроет их».

* *Niedner. Jhule*, II, p. 39.

Ад на староанглийском называется «чертогом червей» (*wyrmsele*), а на средневековом верхненемецком — это «сад червей»¹.

Подобно героям и духам смерти, боги (особенно боги земли) тоже ассоциируются со змеями, как Гермес и Асклепий². Разумеется, греческий бог исцеления после своего появления из яйца должен быть змеевидным³. Надпись на храме Хатор в Дендерах гласит⁴:

Солнце, существующее с самого начала, поднимается, подобно соколу, над серединой своего бутона лотоса. Когда двери его лепестков раскрываются в сапфировом сиянии, оно отделяет ночь от дня. Ты поднимаешься подобно священному змею, как живой дух, творящий начала мира и сияющий своей славой на ладье рассвета. Божественный Господь, чей образ пребывает в тайне в храме Дендер, своими трудами стал создателем мира. Явившись единым, он умножился миллионкратно, когда свет появился из него в облике ребенка⁵.

Сравнение бога со змеем напоминает нам о его хтонической форме в нижнем мире, а также о том, что обретший молодость феникс (сокол) сначала имел вид червя⁶. Если учесть, что христианство многое позаимствовало у египетской религии, неудивительно, что аллегория змея про-

¹ *Grimm*. Teutonic Mythology, IV, p. 1540.

² Ср. *Ницше*. Так говорил Заратустра, часть I, «Об укусе змеи» [Пер. В.В.Рынкевича]: «Когда это умирал дракон от яда змеи?», — сказал Заратустра ужалившей его змее. Он — герой из расы драконов, и поэтому его также называют «камнем мудрости».

³ Ср. историю Лукиана о лжепророке Александре, который спрятал в яйцо Асклепия [змею]. (*Pseudomantis*, 12, in *Works*, I, p. 144ff.)

⁴ *Brugsch*, *Religion und Mithologie der alten Agypter*, pp. 103f.

⁵ Удивительно, насколько сходно алхимия использует те же образы: опус — это повторение Творения, он создает свет из тьмы (*nigredo*), ляпис — это «единица», он производится в форме *ruer*, *infans*, *ruellus* и может умножаться бесконечное число раз.

⁶ Червь символизирует наиболее примитивную и архаическую форму жизни, из которой в конечном счете развивается птица — прямая противоположность при связанного к земле создания. Пара противоположностей птица и змея является классической. Орел и змея — два животных Заратустры, символизируют цикл вечного возвращения. «Ибо хорошо знают звери твои, о Заратустра, кто ты и кем должен стать: ты — учитель Вечного Возвращения» («Так говорил Заратустра», часть III, «Выздоровливающий»). Ср. «кольцо возвращения» (p. 273) и «альфа и омега» (p. 275). Пастух, в рот которого вползла змея, также связан с идеей вечного возвращения (p. 207 сл.). Они со змеей формируют цикл уробороса. «Круг нельзя разорвать — это первейший закон» (Афоризм *29yHorneffer*. *Nietzsches Lehre von der Ewigen Wiederkunft*, p. 78). См. также учение Сатурнина о том, что ангелы сначала создали человека, который мог только ползать, как червь. (*Irenaeus*. *Adv. haer.*, I, XXIV, 1.) Как отмечает Ипполит, из-за слабости сотворивших его ангелов человек «пресмыкался, подобно червю».

торила свой путь в мир христианских идей (Ев. от Иоанна, 3:14) и была с готовностью принята алхимиками¹. Дракон — аллегория и Христа, и Антихриста². Примечательную параллель можно обнаружить в анонимном трактате «De promissionibus» (V в.)³. Она относится к версии легенды о св. Сильвестре, который заточил дракона в Тарпейскую скалу и тем самым лишил его вредоносной силы. Другой вариант этой истории поведал «некий монах», обнаруживший, что дракон, которому приносили в жертву девственниц, был всего лишь механическим устройством. Св. Сильвестр заковал дракона в цепи, как ангел в Откровении, 20:2; но в этой истории у искусственного дракона «выходил из уст меч», как у Сына Человеческого в Откровении, 1: 16⁴.

6. Царь как антропос

Ранее⁵ я обращал внимание на отрывок из Ипполита, где обсуждается гностическая интерпретация двадцать третьего псалма (стихи 8—10). На риторический вопрос псалма: «Кто сей Царь славы?» дается ответ: «Червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе⁶. Он есть царь славы, сильный в брани». Этот отрывок, говорит Ипполит, относится к Адаму и его «восхождению и возрождению, чтобы он мог родиться духовно, не телесно»⁷. Червь, следовательно, означает второго Адама, Христа. Епифаний также упоминает червя как аллегория Христа⁸, хотя и без дальнейших доказательств.

Подобный ход мыслей осознанно или неосознанно продолжается в алхимии. В «Aquarium sapientum» говорится⁹:

¹ Ср. Психология и алхимия, рис. 217. Здесь мы обнаруживаем косвенный намек на змея, висящего на дереве. Ср. алхимический миф о Кадме (см. выше); Психология и алхимия, рис. 150.

² *Honorius of Autun. Speculum de misteriis ecclesiae* (Migne, P.L., vol. 172, col. 915).

³ Migne, P.L., vol. 51, col. 833.

⁴ Ср. Символы трансформации, § 572ff.

⁵ См. Парацельс как духовное явление, § 182.

⁶ Это слова из другого псалма, а именно из 21 -го псалма (стих 7). Интересно, что этот псалом начинается словами: «Боже мой! Боже мой! Для чего ты оставил меня?» Это указывает на то, что преобразование Царя Славы в ничтожнейшее из его созданий воспринимается как забвение со стороны Бога. Слова эти тоже ственны словам Матфея, 27:46: «Или, Или! лама савахвани?»

⁷ *Elenchos*, V, 8, 18 (Legge, I, p. 134).i»i

⁸ *Ancoratus*, 45 (ed. Holl, p. 55).

⁹ *Mus. herm.*, p. 117ff.

И впервые здесь было отмечено, что Мудрецы сей разложившийся на составные части продукт называли из-за его черноты головой ворона. Таким же образом у Христа (Исайя, 53) «не было... ни вида, ни величия», и «Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое, и мы ни во что ставили Его». Да, в 22-м псалме [Вульгаты] он жалуется на то, что он червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе; разумеется, мы вспоминаем о Христе, когда читаем, что распавшееся тело Сына лежит мертвым, инертным, подобно пеплу, на дне фиала до тех пор, пока в результате сильного нагревания его душа постепенно, мало-помалу не спустится к нему вновь, и еще раз вселится, увлажнит, пропитает целиком распавшееся мертвое тело и сбережет его от полного разрушения. Так произошло с самим Христом, когда на Елеонс-кой горе и на кресте он был опален¹ огнем божественного гнева² (Ев. от Матфея, 26,27) и сокрушался, что оставлен в одиночестве своим Небесным Отцом, но тем не менее был всегда (как это обычно происходит и с земным телом при усердном уходе и питании)умиротворен и укреплен (Ев. от Матфея, 4; от Луки, 22) и, так сказать, насыщался, напивался и поддерживался божественным нектаром. Да, когда в конце он претерпел последнюю из своих страстей и в час смерти его сила и самый дух полностью покинули его, и он сошел в самые низкие и глубокие области под землей (Деяния апостолов, 1; Посл. Ефессянам, 1; Первое посл. Петра, 3), но даже тогда он был охранен, оживлен и силой вечной Божественности вновь вознесен, возвращен к жизни и восславлен (Послание к Римлянам, 14), когда, наконец, его дух с его мертвым телом обрел в гробнице совершенное и нерушимое единство через самое радостное воскресение и победное вознесение в небеса, и он, Господь и Христос (Ев. от Матфея, 28), воссел одесную Бога-Отца (Ев. от Марка, 16:19); и с ним силой и добродетелью Святого Духа как истинный Бог и человек он царствует и правит всеми вещами в равной силе и славе (Псалтирь, 8) и своим могущественным словом охраняет и защищает все сотворенное (Послание к Евреям, 1). И это чудесное Единение и божественное Возвышение ангелов и людей в небесах, на земле и под землей (Посл. к Филиппийцам, 2; Первое посл. Петра, 1) редко может быть понято и еще в

¹ «Ассатус». Алхимики использовали это слово, чтобы описать обжиг руды.

² «Огонь божественного гнева» напоминает «божественный огонь гнева» Бёме. Я не знаю, есть ли здесь прямая связь. В нашем трактате Божий гнев, павший на Христа, обращается против самого Бога. Бёме рассматривает этот вопрос в «Auroga» (Works, I), VIII, 20ff., p. 62ff., и в «Quaestiones theosophicae» (Амстердам, 1682, с. 3, 11 сл.) и говорит, что, с одной стороны, огонь гнева возникает из «сухости», одного из семи «качеств» Творения, а с другой стороны, он связан с первым принципом «божественного откровения», тьмой (Быт. 1:2), которая «втягивается в огонь» (Tabula principiorum, I, pp. 2ff.). Огонь скрывается в сердце света и во всех созданиях; его зажег Люцифер.

меньшей степени обдуманно без страха и ужаса; и его добродетель, сила и розовая Тинктура¹ даже сейчас способна изменить оттенок, и даже больше, совершенно исцелить и исправить нас, людей, грешных телом и душой: об этих вещах мы скажем ниже... Итак, тогда мы кратко и просто обсудили уникальное основание небес и краеугольный камень — Иисуса Христа, то есть как он стал равен и един с земным философским камнем, чей материал и изготовление, как мы слышали, есть характерная модель и живой образ воплощения Христа.

Алхимики выводили все несчастья, которые должен претерпеть старый царь — потопление в купели или в море, растворение и расщепление, угасание его света во тьме, сгорание в огне и обжигание из хаоса — из растворения «вещества» в кислотах, из обжига руд, очищения от серы или ртути, удаления оксидов металлов и так далее, как будто эти химические процедуры дают картину, которую, при некотором воображении, можно сравнить со страстями Христовыми и его окончательным торжеством. Тот факт, что они в виде неосознаваемой предпосылки проецировали Страсти в химические трансформации, алхимики не осознавали². Естественно, в таких обстоятельствах, они могли доказать с полным успехом, что наблюдения, на которые они ссылались, соответствуют Страстям Господним. Но это была не проблема их наблюдения за природой, а вопрос самоанализа. Поскольку, однако, подлинные проекции никогда не бывают произвольными, но всегда появляются как предсознательные факторы, в сознании алхимиков должно было быть что-то, что могло бы дать проекцию (то есть обладать энергией для перехода в сознание), а с другой стороны, в алхимических операциях должна обнаружиться «защепка», которая притягивала бы это что-то, дабы оно могло проявиться определенным образом. Проекция — всегда непрямым процесс становления сознания, непрямым из-за препятствий, претерпеваемых сознательным разумом, вызванных давлением традиционных или общепринятых идей, занимающих место реального опыта и предохраняющих его от случайностей. Человеку кажется, что он владеет подлинной истиной о неизвестном, а это делает любое реальное знание невозможным. Бессознательный фактор должен со всей необходимостью быть чем-то, что несовместимо с осознанной позицией. Чем он был в действительности, мы узнали от алхимиков: мифом, который имел много общего не только со многими мифологемами языческого происхожде-

¹ Тинктура розового цвета связывает Христа со львом. (См. выше).

² Курьезный пример такой тенденции мы встречаем у *Дома Пернети* (Les fables egyptiennes et grecques), который демонстрирует алхимическую природу античной мифологии, не принимая во внимание то, что она и была первичным бульоном, в котором развились алхимические идеи.

ния, но прежде всего — с христианской догмой. Если он тождествен догме и появился в проекции, то должен был показать, что алхимики имели совершенно антихристианскую позицию (которая не была случайной). Отсутствие такой позиции сделало бы подобную проекцию психологически невозможной. Но если бы бессознательный комплекс представлял фигуру, существенно отличавшуюся от догмы, тогда эта проекция стала бы возможной, поскольку не противостояла бы догме, вышедшей из бессознательного, а проявлялась бы как способ компенсации.

В этом и других моих трудах я постоянно подчеркивал особую природу утверждений алхимиков, и поэтому нет нужды повторять то, что я уже говорил. Следует лишь указать, что центральная идея *filii philosophorum* основана на концепции антропоса, в которой «Человек» или «Сын Человеческий» не совпадает с христианской, исторической фигурой Спасителя. Алхимический антропос ближе к василидианской концепции, как описано у Ипполита: «Ибо он [Спаситель]... с их точки зрения есть внутренний духовный человек в душевном... который есть Сыновство, что оставило душу не ради смерти, но чтобы пребыть в согласии со своей натурой так же, как первое Сыновство оставило Святой Дух, совпадающий с ним, дабы облечься в собственную душу»¹.

Внутренний духовный человек обладает сходством с Христом — это и есть неосознанная предпосылка для утверждений о *filii regius*². Эта идея противоречит догматическому взгляду и поэтому имеет все причины быть подавленной и проецированной. В то же время это логическое следствие духовной ситуации, в которой историческая фигура надолго исчезает из сознания, тогда как ее духовное присутствие подчеркивается все сильнее в форме внутреннего Христа или Бога, рожденного в душе человека. На присутствие догматического Христа отвечает внутренний первичный образ, который продуцировал Пурушу или Гайомарта задолго до христианской эры и сделал возможным усвоение христианского откровения. Окончательная судьба каждой догмы состоит в том, что она лишается своей души. Жизнь требует создания новых форм, и поэтому, когда догма лишается своей витальности, природа сама вынуждена активировать архетип, всегда помогавший человеку выразить таинство души. Замечу, я не зашел настолько далеко, чтобы утверждать, будто архетип действительно *продуцирует* божественную фигуру. Если психолог настаивает на этом, он должен располагать надежным знанием мотивов, лежащих в основе всего исторического развития и быть в состоянии продемонстрировать это знание. Но такой вопрос не возникает. Я утверждаю лиШЦь, что психический архетип дает возможность божественной фигуре обрести форму и стать доступной понима-

¹ Elenchos, VII, 27, 4f. (Legge, II, p. 78).

² Ср. Психология и алхимия, § 451.

нию. Но самую важную мотивационную силу, необходимую для этого, поддерживающую архетипические возможности движения в данный исторический момент, нельзя объяснить в терминах самого архетипа. Только опытным путем можно установить, какой архетип стал действующим, но никто никогда не может предсказать, как он *должен* проявиться. Кто, например, мог логически предвидеть, что иудейский пророк Иисус даст решающий ответ на духовную ситуацию в век эллинистического синкретизма или что дремлющий образ антропоса пробудится и овладеет миром?

Однако ограниченность человеческого знания, оставляющая столь многие непостижимые и чудесные явления без объяснения, освобождает нас от задачи понимания воплощенных в догме откровений духа, иначе может возникнуть опасность, что сокровища высшего знания, скрытые в ней, растают и станут бескровным фантомом, легкой добычей для всех поверхностных рационалистов. По моему мнению, мы сделали бы огромный шаг вперед, если бы по крайней мере признали, насколько глубоко укоренилась истина догмы в человеческой душе, которая отнюдь не является произведением рук человека.

Внутренний духовный человек гностиков — это антропос, человек, созданный по образу Нуса, ἀληθινὸς ἄνθρωπος (истинный человек)¹. Он соответствует *чжэнь-жэнь* (истинному человеку) китайской алхимии. *Чжэнь-жэнь* — результат опуса. С одной стороны, он — адепт, преображенный в результате деяния² а с другой — гомункулус или *filius* западной алхимии, также произошедший от истинного человека³. В трактате Вэй Пу-яня говорится:

Уши, глаза и рот составляют три драгоценные вещи. Они должны быть закрыты, чтобы прекратить общение. Истинный Человек живет в глубокой бездне, плавает у центра круглого сосуда... Разум отсылается в царство Небытия, чтобы обрести продолжительное состояние безмыслия. Когда разум целостен, он не может заблудиться. Во время сна он будет в объятиях Бога, но в часы бодрствования он беспокоится о продолжении или прекращении своего существования⁴.

Этот истинный человек — «*vir unus*» Дорна и в то же время — философский камень⁵.

¹ Ср. *Leisegang*. *Der heilige Geist*, p. 78f.

² *Вэй Пу-янь*. *An Ancient Chinese Treatise on Alchemy*, p. 241.

³ Ср. доктрину антропоса у Зосимы. (Психология и алхимия, § 456).

⁴ Р. 251.

⁵ Весьма примечательно, что доктрина антропоса существует и в Китае, чья философия столь отлична от западной.

«Истинный человек» выражает антропоса в индивидуальном человеческом существе. По сравнению с откровением Сына Человеческого во Христе это кажется шагом назад, ведь историческая уникальность Воплощения была *великой* возможностью для пастуха собрать разбежавшееся стадо. «Человек» в индивидуальном плане, как это ни печально, похож на заблудшую овцу. Это, конечно, было бы шагом назад, однако не бросает тень на «истинного человека»; причиной, скорее, являются все те дурные человеческие качества, которые всегда представляют угрозу и помеху работе цивилизации. (Зачастую, конечно, и овцы, и пастух одинаково глупы.) «Истинный человек» не имеет с этим ничего общего. Прежде всего он не разрушает полезные формы культуры, ибо сам представляет собой высшую форму культуры. Ни на Востоке, ни на Западе он не играл роль пастуха и стада, поскольку в состоянии быть пастухом для самого себя.

Если адепт использует в своей работе собственную самость, «истинного человека», тогда, как видно из отрывка «*Aquarium sapientum*», он сталкивается с аналогией истинного человека — Христом — в новой и открытой форме и узнает в преображении, в которое вовлечен и сам, подобие Страстей. Это не «имитация Христа», а его прямая противоположность: ассимиляция Христа-образа в его собственной самости, которая и есть «истинный человек»¹. Это больше не усилие, не преднамеренное напряжение с целью имитации, а скорее невольное переживание реальности, представленной в священном сказании. Он сталкивается с этой реальностью во время своей работы так же, как у святого появляются стигматы без осознанного стремления. Они возникают спонтанно. Страсти *овладевают* адептом не в классической форме — иначе он бы сознательно проходил духовные испытания, — но в форме, выраженной в алхимическом мифе. Это арканная субстанция, которая испытывает физические и моральные муки; это царь, который умирает или оказывается убитым и на третий день встает снова. И не адепт страдает, скорее *она* страдает в нем, *она* мучается, *она* проходит через смерть и возрождение. Все это происходит не с самим алхимиком, а с «истинным человеком», присутствие которого он ощущает рядом с собой и в себе и в то же время в реторте. Страсть, звучащая в нашем тексте и в «*Aurora Consurgens*», неподдельна, но она была бы полностью непостижима, если бы ляпис был только химическим веществом. Его происхождение — не в размышлении над Страстями Христовыми: это реальный опыт человека, вовлеченного при исследовании неизвестного в переживание компенсаторных содержаний бессознательного, вплоть до самопожертвования. Он не может не видеть сходства этих проецированных содержаний с догматическими образами, и он со-

¹ Nota bene: не путать с эго.

блязняется мыслью о том, что эти идеи — всего лишь знакомые религиозные концепции, которые он и использует, чтобы объяснить химические процедуры. Но из текстов ясно видно, что, напротив, реальный опыт опуса обладает возрастающей тенденцией к ассимиляции догмы или к развитию с ее помощью. Вот почему текст утверждает, что Христос стал «равен и един» с камнем. Алхимический антропос не зависит ни от какой догмы¹.

Алхимик переживает антропоса в форме, наполненной новой жизненной силой, свежестью и непосредственностью, и это отражается в энтузиазме, которым преисполнены тексты. Отсюда становится ясным, что каждая деталь первичной драмы должна пониматься в новом смысле. Nigredo не только приносит упадок, страдания, смерть и муки ада, возникающие перед глазами алхимика, но также опускает тень меланхолии на всю его одинокую душу². В темноте и отчаянии, которое не было его собственным, но которому он был просто свидетелем, он видит, как *оно* превращается в червя и ядовитого дракона³. Из-за внутренней необходимости дракон уничтожает себя (*natura naturam vincit* [природа уничтожает природу]) и превращается в льва⁴, и адепт, невольно вовлеченный в драму, чувствует необходимость отсечь его лапы⁵ (если там нет двух львов, пожирающих друг друга).

¹ Обратный процесс наблюдался в течении XVII века, особенно ярким примером его являются труды Бёме. («*Aquarium sapientum*» представляет критическую точку между двумя процессами.) Кроме того, догматическая фигура Христа стала преобладать и обогащаться алхимическими идеями.

² Как говорит *Мориенус* (*Art. aurif.*, II, p. 18): «Дорога к покою чрезвычайно узка, и без страданий душевных его не достичь».^{18,1}

³ «В нашей химии есть одна благородная субстанция, переходящая от господина к господину».^{18,21} (*Maier. Symb. aur. mensae*, p. 568). «*Versus Mercurii spiritus*» и «*sulphuris anima*» параллельны дракону и орлу, царю и льву, духу и телу (*Mus. herm.*, p. 11). «*Senex-dracon*» может возродиться как *царь* (*Versus Hermes*, p. 16). Царя и Царицу символизирует драконий хвост (*Eleazar. Uraltes Chymisches Werck*, p. 82ff.). Там же, на с. 38, сказано, что черный червь и дракон выходят из царя и царицы на стадии nigredo. Червь Фитон сосет царскую кровь (p. 47).

⁴ Поскольку алхимические символы пропитаны астрологией, важно знать, что главная звезда созвездия Льва называется Регулом («малым царем») и что халдеи считали ее сердцем льва (*Bouche-Leclertq. L'Astrologie grecque*, p. 438f.). Регул — самая благоприятная звезда для рождения царя. «*Cor*» (сердце) — одно из названий арканной субстанции. Оно означает «огонь или великую жару» (*Ruland. Lexicon*, p. 114).

⁵ Ср. Психология и алхимия, рис. 4, слева вверху. Также подпись в «*Pandora*» (изд. Reusner), p. 227: «Убей льва в его крови». Символ восходит к *Сениору* (*De chemia*, p. 64).

Дракон съедает собственные крылья, а орел — свои перья¹. Эти гротескные образы отражают конфликт противоположностей, в который вовлекает исследователя его любопытство. Его работа начинается с *katabasis*, путешествия в нижний мир, которое также описывал Данте², с тем различием, что душа адепта была не только охвачена этим путешествием, но и коренным образом изменена. Пример тому — первая часть «Фауста», когда ревностный школяр, заключив договор с дьяволом, превратился в захваченного суетной жизнью кавалера и нечистоплотного карьериста. В случае с фантастическим Христианом Розенк-рейца его нисхождение к Венере привело только к легкому ранению в руку стрелой Купидона. Тексты, однако, намекают на более серьезные опасности. Олимпиодор сообщает³: «Без великих страданий эта работа несовершенна: будут тревоги, насилие и война. И все время демон Офи-ух⁴ внушает небрежность (ὀλιγορίαν), препятствуя нашим целям; повсюду он вьется, и внутри и вовне, вызывая оплошности, тревогу, неожиданные случайности (λύπαις) и вопросы». Философ Петазий (Петезис), которого цитирует Олимпиодор, выражается более сильно: «Свинец⁵ такой околдовывающий (δαίμονοπληξίας) и бесстыдный (αυατῆται); что каждый, кто пожелает исследовать его, впадет в безумие по неведению». То, что это не пустые разговоры, доказывают другие тексты, в которых часто подчеркивается, как много души исследователя вовлечено в работу. Так, Дорн, комментируя выдержку из Гермеса «Вся тьма уступит тебе», говорит:

Он сказал: Вся тьма отступит перед тобой; он не сказал: перед металлами. Под тьмой следует понимать не ночь, а тьму болезней и немощей тела и

¹ См. орла с головой царя, пожирающего собственные перья, у Рипли: Психология и алхимия, рис. 228.

² До сих пор я ни в одном тексте не обнаружил ссылок на Данте.

³ *Berthelot. Alch. grecs*, II, iv, 28.

⁴ Трудно объяснить, почему созвездие Офиух (*Anguitenens*, *Serpentarius*, Змееносец) называют демоном. Астрономически оно находится над Скорпионом и поэтому астрологически связано с ядом и врачами. В древнем мире оно символизировало Асклепия (*Rosher, Lexicon*, VI, cols. 92П.). Ипполит (*Elenchos*, VI, 47, 5Я.) утверждает, что если созвездие Энгонази (Геркулес) символизирует Адама и его труды, следовательно, первое творение, то Офиух символизирует второе творение или возрождение через Христа, ибо он помешал Змию получить Венец (στέφανος, согопа *boealis* — ВенокАриадны, возлюбленной Диониса). (Ср. *Bouche-Leclercq*, P- 609, п. 1.). Такая интерпретация не очень подходит к «спасительно» Асклепию. Но поскольку, как говорят древние источники, заклинатели змей рождаются именно под этим созвездием, ему может быть придано также низкое значение (коннотация) (возможно, через «ядовитого» Скорпиона).

⁵ Μόλυβδος, другое название таинственной субстанции.

духа... В намерение автора входило показать, что адепты спагирической медицины берут очень малую дозу лекарства, малую, как горчичное зернышко¹, однако, применив ее, можно вылечить разнообразные болезни, поскольку объединение, которое это лекарство вызывает, весьма просто², и немногие из болезней могут ему сопротивляться. Но есть множество немощей душевных, таких, как умопомешательство [vesania], мания, бешенство [furia], ту. пость [stoliditas] и им подобные, коими затемняется и ослабляется дух [animus], однако именно спагирические средства могут их успешно вылечить. И они не только возвращают духовное [animo] здоровье, но также обостряет мастерство и ум человека, чтобы все вещи стали для него чудесно легкими³ в понимании [intellectu] и восприятии [perceptu] и чтобы от него ничего не скрылось в верхнем или нижнем мире⁴.

Фразу из «Tabula Smaragdina»: «Он победит всякую тонкую сущность», Дорн понимает следующим образом: тонкая сущность — это Меркурий, или «духовная тьма, охватывающая душу», другими словами, это дух. Отсюда темнота — это демон, который обладает духом (как у Олимпиодора) и может быть изгнан работой (она изгоняет всякую тонкую сущность)⁵. Болезнь есть запечатленное зло (impressio tui) и излечивается «подавлением зла воздействием на тело истинного и универсального центра». Этот центр — unarius, или Единица, в которой коренится унитарный человек (unicus homo). Следовательно, чтобы избавиться от своих телесных и духовных болезней, «пусть он познает сам центр и полностью обратится к нему, и центр будет освобожден от всех несовершенств и болезней⁶, чтобы оставаться в своем состоянии первоначальной целостности»⁷.

¹ Аллюзия на Мф. 13:31: «Царство Небесное подобно зерну горчичному».

² «Unionis simlicitas», возможно, относится к доктрине «res simplex», соответствующему «идее» Платона. «Простота есть именно то, что Платон называет интеллигибельным, а не чувственным».¹⁸³ⁱ «Простота — непредвиденная сторона», она «неделима» и «единосущна».¹⁸⁴ⁱ Душа — «simplex» [неделимая].¹⁸⁵ⁱ «Деяние не достигнет совершенства, если не придет к простоте».¹⁸⁶ⁱ «Преобразование элементов вплоть до простого [неделимого] состояния».¹⁸⁷ⁱ «Человек — самое достойное из живых существ и ближе всех к простоте, а причиной этому — его разум».¹⁸⁸ⁱ Цитаты из Liber Platonis quattorum / Theatr. chem., V, p. 120, 122, 130, 139, 179, 189.

³ Ср. Spec. phil. / Theatr. chem., I, p. 298: «Они находят, что добродетельная [сила] ее [истины] такова, что может вершить чудеса »J⁸⁹ⁱ (Ср. Phil. chemica / Theatr. chem., I, p. 497,507).

⁴ Physica Trismegisti / Theatr. chem., I, p. 433.

⁵ Ibid., p. 434.

⁶ Следовательно, центр не может быть просто Богом («Единицей»), поскольку лишь в человеке он может быть поражен недугом.

⁷ De tenebris contra naturam / Theatr. chem., I, p. 530f.¹⁹⁰ⁱ

Эти отрывки из Дорна скорее указывают на излечение в результате деяния, чем на его опасность. Но способ излечения связан с Меркурием, о чьем духе¹ философы говорят: «Возьми старого темного духа и немедленно разрушай тела, пока они не изменятся»². Разрушение тел изображается в виде битвы, как в сорок второй проповеди «Turba»: «Вызови войну между медью и ртутью, потому что они стремятся к уничтожению и прежде всего портятся». «Вызови битву между ними и разрушай тело меди, пока она не превратится в порошок»³. Эта битва — *separatio, divisio, putrefactio, mortificatio* и *solutio*, которые представляют собой первичное хаотическое состояние конфликта между четырьмя враждебными элементами. Дорн аллегорически описывает эту порочную, воинственную четверицу как четырехрогатого змея, которого дьявол после своего низвержения с небес стремится «вставить» в душу человека⁴. Дорн переводит мотив войны в нравственную плоскость⁵ и потому приближает его к современной концепции психической диссоциации, которая, как нам известно, лежит в основе психогенных психозов и неврозов. В «горниле страданий» и в огне, говорит «*Aquarium sapientum*», «человек, подобно земному золоту, достигает истинной черноты Головы Ворона; то есть он полностью обезображивается (утрачивает образ) и подвергается осмеянию миром⁶, и не только на сорок дней и ночей, или даже на годы⁷, но часто на всю жизнь; в такой степени, что

¹ Ср. Дух Меркурий.

² *Turba, Sermo XLVII*, p. 149⁹¹.

³ ⁹² *Ibid.*, p. 149.

⁴ «Дьявол стремится поднять их (рога) в небеса, а, будучи сброшенным оттуда, пытается укрепить их в разуме человеческом, поселить там честолюбие, жестокость, клевету и раздоры».⁹³ (*De tenebris contra naturam / Theatr. chem.*, I, p. 531).

⁵ Аналогичным образом в *Aquarium sapientum / Mus. herm.*, p. 129 (Waite, I, p. 110) говорится: «Бог ввергает человека в горнило горя и, подобно герметической смеси, человек претерпевает все виды несчастий, трудностей и тревог, пока не становится чуждым старому Адаму и плоти, чтобы восстать вновь как поистине новый человек».¹⁹⁴¹

⁶ Здесь автор ссылается на Книгу премудрости Соломона, гл. 5, очевидно, имея в виду стихи 3 и 4: «Это тот самый, который был у нас некогда в посмеянии и пригоне поругания. Безумные, мы почитали жизнь его сумасшествием и кончину его бесчестною». Он также упоминает Книгу Иова 30, стих 10, кажущийся здесь вполне уместным: «Они гнушаются мною, удаляются от меня и не гнушаются плевать перед лицом моим».

⁷ Быт. 8:6-7: Ной выпустил ворона через сорок дней. Быт. 7:7: Вошел в Ковчег... от вод потопа. Быт. 7:4: «Я буду изливать дождь на землю сорок дней и сорок ночей». Лк. 4:1 -2: «Иисус... поведен был Духом в пустыню. Там сорок дней Он был искушаем от диавола». Исх. 34:28: «И пробыл там Моисей у Господа

он испытывает в жизни больше сердечной боли, чем покоя и радости, больше печали, чем удовольствия... Через эту духовную смерть его душа полностью освобождается»¹. Очевидно, *nigredo* вызывает деформацию и душевное страдание, которое автор сравнивает с положением несчастного Иова. Незаслуженные страдания Иова, посланные ему Богом, суть страдания слуги Божьего и прообраз Страстей Христовых. Наблюдая за этим, можно видеть, как фигура Сына Человеческого постепенно вселяется в обычного человека, который возлагает деяние на свои плечи.

Во II веке нашей эры Вэй Пу-янь, без какого-либо влияния западной алхимии и помех, порождаемых предрассудками христианской психологии, дал впечатляющее описание страданий, вызванных техническими ошибками во время опуса:

Беда придет к черной массе: газы от поглощенной пищи вызовут помехи в кишечнике и желудке. Добрый дух будет выдыхаться, а злой — вдыхаться. Дни и ночи будут проходить без сна, луна за луной. Тело охватит усталость, приводящая к появлению безумия. Тысячи чувств будут возбуждаться и вскипать так сильно, что изгонят мир из души и тела... Появятся призраки, коим он будет изумляться даже во сне. Тогда он возрадуется, считая, что обеспечен долголетием. Но внезапно его постигнет безвременная смерть².

Так мы можем понять, почему Кунрат пишет:

Но особенно молись Богу... за добрый дар благоразумия, добрый дух, отделяющий добро от зла, который может привести тебя к истинному знанию и пониманию Света Природы, ее Великой Книги. Так воля твоя выведет тебя из лабиринта многих и многих ложных книг, кои написаны на бумаге, и даже на пергаменте, и достигнет истинного источника правды³.

Угнетенное состояние адепта также описано в «*Tractatus aureus*»:

Мой сын, то, о чем я говорю, есть скрытый камень многих цветов, который был рожден одноцветным, знай это и таи. С его помощью, если Всемогущий будет благосклонен, можно избежать величайших болезней и всех печалей⁴, бед и несчастий, и все пагубное отступит. Он ведет от тьмы к

сорок дней и сорок ночей». Втор. 8:2: дети Израиля странствовали в пустыне сорок лет.

¹ Mus. herm., p. 130 (Waite, I, p. 111).⁹⁵

² An Ancient Chinese Treatise on Alchemy, p. 238. Ср. мотив пытки в: Символ превращения в мессе, § 345ff., 41 Off.

³ Hyl. Chaos, p. 186f.

⁴ Помимо «тристития», обычным синонимом *nigredo* выступает «меланхолия», как в «*Consilium coniugii*» {*Ars chemica*, pp. 125f.): «*Melancholia id est nigredo*».

свету, от пустыни дикости к оезопасному жилищу и от нужды и оедности к свободе¹.

Этих свидетельств достаточно, чтобы показать, что адепт не только был вовлечен в процесс, но и осознавал это.

7. Связь символа царя и сознания

Апофеоз царя, обновленный восход солнца, согласно нашей гипотезе, означает, что появилась новая доминанта сознания и что психический потенциал изменился. Сознание больше не находится под управлением бессознательного, где доминанта была скрыта во тьме, сознание теперь узрело и распознало высшую цель. Апофеоз царя описывает это изменение, и в результате чувство обновления нигде не проявляется так откровенно, как в наших прекраснейших хоралах. «Кантилена» Рипли включает мать Луну, материнский аспект ночи, в ее преображении, которое напоминает нам апофеоз в конце второй части «Фауста». Луна как будто восходит в ночи, сияя подобно Солнцу. И также, как Царица «истекает восхитительной мазью», так в «Деяниях Фомы»², сладкий аромат струится из небесной богини. Она не только мать, но «Кора, дочь света». Она — София гностиков³, соответствующая алхимической матери. Если наша интерпретация Короля-Солнце корректна⁴, тогда апофеоз может также сделать видимой мать Луну, или, другими словами, сделать бессознательное осознанным. То, что на первый взгляд кажется терминологическим противоречием, разрешается при близком рассмотрении как переход в сознание существенного содержания бессознательного. Прежде всего проясняется женское начало мужчины, анима⁵; во-вторых, лунный свет, который позволяет нам видеть в темноте и представляет освещенность бессознательного или его проницаемость для света; и, наконец, луна,

¹ *Ars chemica*, p. 14.

² Ср. *James. The Apocryphal New Testament*, p. 367.

³ *Bousset. Hauptprobleme der Gnosis*, S. 58ff.

⁴ На совпадение апофеоза царя с рождением Христовым указывает *DEspagnet. Arcanum Hermeticae philosophiae opus*, p. 82: «И наконец, опус завершается на Другом царском троне Юпитера, от которого наш наимогущественнейший царь получит корону, украшенную драгоценнейшими рубинами.« Это его поступить приводит к круговращению лет»¹⁹⁶¹.

⁵ Анима служит связующим звеном между сознанием и коллективным бессознательным так же, как душа посредничает между это и его окружением. Ср. Два очерка по аналитической психологии, § 305 ел., 339,507.

символизирующая rotundum, о чем я писал в «Психологии и алхимии»¹. В подлунном мире ее округлость (plenilunium, circulus lunaris)², как зеркальный образ солнца, соответствует антропосу, психологической самости или психической тотальности.

Луна представляет собой связующее звено между концепциями Мадонны и младенца, круглого, цельного и совершенного. Новое рождение луны, таким образом, с той же силой может быть выражено и христианским ликованием в пасхальную неделю, и мистическим рассветом, аурогоa consurgens, потому что восстающий царь — это «душа, вселяющаяся в мертвый камень»³. Идею круга можно также обнаружить в короне, символе царствования. «Corona regis» упоминается как синоним золы, тела, моря, соли, матери и Святой Девы⁴ и, таким образом, тождественна женскому началу.

Эти особенные взаимоотношения сферичности и матери объясняются тем фактом, что мать, бессознательное, — это место, где появляется символ цельности. Тот факт, что сфера как бы содержится в аниме и является ее прообразом, придает ей то необычное очарование, которое характеризует «Вечную Женственность» и в добром, и в дурном смысле. Поэтому на определенном уровне женщина оказывается истинной носительницей долгожданной целостности и искупления.

Отправной пункт нашего объяснения заключается в том, что царь существенно синонимичен с солнцем, а солнце представляет дневной свет души (психе), сознание, которое как верный спутник в путешествии солнца ежедневно встает из океана сна и дремы и снова погружается в него по вечерам. Так же, как в хороводе планет и в усыпанном звездами небесном пространстве солнце движется как одинокое тело, подобное любому другому из планетарных архонтов, так и сознание, направляющее все к своему собственному эго, как к центру вселенной, единственному среди архетипов бессознательного может быть сравнимо с царем Гелиосом постклассического синкретизма, с которым мы встречаемся, например, у Юлиана Отступника. Так выглядело бы и сознание, если бы на него смотрели с другой планеты, как мы смотрим на солнце с земли. Субъективная эго-личность, то есть сознание и его содержания, бессознательному наблюдателю (или, скорее, наблюдателю, помещенному во «внешнем» для сознания про-

¹ Ср. Символ превращения в мессе, § 366ff.

² Ср. *Albertus Magnus*. Super arborem Aristotelis (*Theatr. chem.*, II, p. 527): «Аист стоит там, как лунный диск».¹⁹⁷¹ Аист, так же как лебедь и гусь, обладает материнским значением.

³ Exercit. in Turbam / Art. aurif., I, p. 181.¹⁹⁸¹

⁴ Ibid., p. 180.

странстве), разумеется, видится с других сторон. Это подтверждают сны, в которых сознательная личность, эго сновидца, видится с точки зрения «*toto coelo*», отличающейся от точки зрения сознательного разума. Такое явление вообще не могло бы происходить, если бы в бессознательном не существовали другие точки зрения, противоположные эго-сознанию, или конкурирующие с ним. Для таких взаимоотношений найдено удачное сравнение — движение планет. Царь представляет эго-сознание (субъект всех субъектов) в виде объекта. Его судьбу в мифологии описывает восход и заход этого самого прославленного и самого божественного из всех феноменов творения, без которого мир не мог бы существовать как объект. Ибо все что есть, есть только потому, что оно прямо или опосредованно известно, более того, эта «известность» иногда представлена в виде, который самому субъекту не известен, как будто он наблюдает с другой планеты, то благожелательным, то сардоническим взглядом.

Эта далеко не простая ситуация частично возникла из-за того, что у эго имеется одно парадоксальное свойство — оно и субъект, и объект нашего собственного знания, а частично из-за того, что психика — это не единица, а «созвездие» из многих светил, включая солнце. Эго-комплекс — не только комплекс психики¹. Бессознательные комплексы обладают определенным светом, разновидностью сознания, и это не следует упускать из виду, потому что, как показывает опыт психопатологии, из них легко могут вырасти своего рода вторичные личности. Но если возможно это, тогда равно возможно наблюдение эго-комплекса с другой точки зрения той же самой души. Как я говорил, вероятно, именно этим обусловлено классическое изображение эго-комплекса в сновидениях и аномальных психических состояниях.

О своей собственной трансформации сознательный разум, как правило, знает или немного, или совсем ничего, и не стремится узнать что-либо большее. Чем сильнее выражен эго автократизм, тем больше он убежден в вечной ценности своих истин и тем больше идентифицирует себя с ними. Так царствование Солнца, природный феномен, переносится на человеческого царя, который олицетворяет доминирующую идею и поэтому должен разделить ее судьбу. В мире явлений преобладает закон Гераклита о постоянном изменении, *πάντα ῥεῖ*, согласно которому все истинные вещи должны меняться и лишь то, что изменяется, остается истинным.

¹ Убеждение первобытных людей, что у одного человека — множество душ, вполне согласуется с нашими изысканиями. Ср. *Тэйлор*. Первобытная культура, I, с. 391 сл.; *Shultze*. *Psychologie der Naturvolker*, S. 268; *Crawley*. *The Idea of the Soul*, p. 235ff.; *Frazer*. *Taboo and the Peril of the Soul*, p. 27,80; *Balder the Beautiful*, p. 221ff.

Неумолимое старение царя наблюдатель с другой планеты видит даже раньше, чем это станет заметно самому царю: управляющие идеи, «доминанты», меняются, и это изменение, неразличимое для сознания, отражается лишь в зеркале снов. Король-Солнце, архетип сознания, пересекает мир бессознательного, как один из его многочисленных персонажей, которые могут однажды тоже стать осознанными. Эти малые светила, если придерживаться старого взгляда, тождественны планетарным соответствиям в психике, постулированным астрологией. Поэтому, когда алхимик вызывал знакомый ему дух Сатурна, это было попыткой сознательно перейти на точку зрения вне эго, включая релятивизацию эго и его содержаний. Вторжения планетарного духа просили, как помощи. Когда царь старел «и испытывал нужду в обновлении, устраивалась своего рода планетарная купель, в которую все планеты изливали свои «влияния»¹. Это выражает идею, по которой слабеющая со временем доминанта нуждается в поддержке и влиянии второстепенных светил, чтобы укрепиться и обновиться. Это как бы растворение в субстанции других планетарных архетипов и новое объединение. Посредством этого процесса расплавления и переделки формируется новая амальгама более постижимой природы, вбирающая в себя влияния других планет, или металлов².

В этой алхимической картине мы можем легко распознать проекцию процесса трансформации: старение психической доминанты обнаруживается в том, что она выражает психическую целостность с постоянно снижающимся уровнем. Можно также сказать, что психика больше не ощущает себя полностью под влиянием доминанты, вследствие чего доминанта теряет свое очарование и больше не захватывает психику с прежней полнотой. С другой стороны, ее содержание и значение больше не понимают должным образом или же это понимание больше не трогает сердце. «Sentiment d'incompletude» такого рода продуцирует компенсаторную реакцию, которая, чтобы заполнить брешь, притягивает другие области психики и их содержания. Как правило, это неосознанный процесс, всегда происходящий там, где позиция и ориентация сознательного разума оказываются неадекватными. Я подчеркиваю это, потому что сознательный разум — плохой судья своего собственного состояния и часто упорствует в иллюзии, что его позиция единственно верная и не срабатывает лишь из-за внешних раздражителей. Если изучить сны, то скоро станет ясно, почему осознанные предположения оказываются неработоспособными. И если, наконец, появляются невротические симптомы, тогда позиция сознания, его управляющее назначение, опровергается, и в бессозна-

¹ Ср. Психология и алхимия, рис. 27, 57, 257.

² Ibid., рис. 149.

тельном возбуждаются те архетипы, которые были наиболее подавлены сознательной позицией. Тогда у терапевта не остается другого выхода, кроме как противопоставить это его противнику и таким образом инициировать процесс плавления и переделки. Конфронтация в алхимической мифе о царе выражается в виде коллизии мужского, духовного отцовского мира, управляемого Королем-Солнцем с женским, хтоническим материнским миром, символизируемым aqua regnans хаоса.

Незаконной стороной этих взаимоотношений является инцест, завуалированный в «Кантилене» под видом усыновления — которое тем не менее приводит к беременности матери. Как я уже объяснял, инцест выражает объединение элементов близкой или одинаковой природы; то есть противником солнца является его собственный, забытый им, женский хтонический аспект. Отраженный солнечный свет — это женственная Луна, растворяющая царя в своей влаге. Солнце как бы должно сойти в водные глубины подлунного мира, чтобы объединить «Высшие и Низшие силы» (как в путешествии Фауста к матерям). Неработоспособная доминанта сознания исчезает среди содержаний, поднявшихся из бессознательного, а это может быть опасно. Непримируемые элементы первобытного хаоса уже на свободе, как будто никогда и не находились в подчинении. Завязавшаяся между доминантой и содержимым бессознательного битва столь яростна, что разуму необходимо справиться с безумием. Но эти попытки не имеют успеха и продолжают терпеть неудачу до тех пор, пока эго не признает свое бессилие и не позволит страшной битве психических сил развиваться по собственным законам. Если эго со своей раздражающей рациональностью не вмешается на данном этапе, противоположности, *именно из-за того*, что они находятся в конфликте, постепенно притянутся друг к другу, и то, что напоминало смерть и разрушение, перейдет в скрытое состояние согласия, вполне удачно выраженное символом беременности¹. Вследствие этого царь, прежняя доминанта сознания, трансформируется в реальное и работоспособное целое, тогда как раньше он только претендовал на Целостность.

«Кантилена» показывает нам, что эта доминанта подвергалась трансформации не только у Рипли, но и у многих других алхимиков: то был средневековый христианский взгляд на мир. Данная проблема настолько обширна, что от средневекового человека даже отдаленно нельзя ожидать ее осознания. Она могла разрабатываться только в проекции, то есть бессознательно. По этой причине ее трудно охватить

¹ Фазы конфликта противоположностей обычно символизируют сражающиеся животные, такие, как лев, дракон, волк и пес. Ср. «Символь» *Ламбиринга* (Musaeum hermeticum).

даже сегодня — вот почему психологическая интерпретация Единицы, *filius regius*, сталкивается с величайшими трудностями. Гимнопо-добная манера, в которой алхимики восхваляли своего «сына», совершенно очевидно указывает, что этим символом они обозначали либо самого Христа, либо нечто, ему соответствующее. Естественно, они не рассматривали историческую личность Иисуса, которая в то время была полностью скрыта под догматической фигурой второго Лица Троицы. Последний символ медленно выкристаллизовывался на протяжении столетий, хотя его ясным прототипом был Логос св. Иоанна. Концепция Бога как *senex* (старца) и *rieg* (дитя) не была присуща только алхимикам, поскольку множество служителей церкви, не будучи алхимиками, использовали ее для трансформации гневного и карающего Яхве Ветхого Завета в Бога любви Нового Завета. Таким образом, архетип обновления царя обнаруживается не только в философских, но и в церковных кругах¹.

Психологическое объяснение *filius regius* возможно только тогда, когда этот образ сбрасывает свою проективную кожу и превращается в чисто психический опыт. Параллель Христос—ляпис достаточно ясно показывает, что *filius regius* был скорее психическим, чем физическим явлением, потому что как физическое событие он недоказуем, а в качестве религиозного опыта бесспорен. В текстах есть множество отрывков, которые можно интерпретировать — как ни странно это звучит — как переживание Христа в материи. Другие, опять же, придают столь большое значение ляпису, что нельзя не видеть в нем обновление и завершение догматического образа. В литературе, насколько мне известно, не встречается недвусмысленного замещения *filius regius* фигурой Христа, и по этой причине алхимию должно отнести к христианству, хотя и еретическому. Христос-ляпис остается двойственной фигурой.

Психологическая интерпретация *filius regius* очень важна. С любой точки зрения, место материи, с ее магическим очарованием, занимает бессознательное, которое проецируется на нее. Для нашего современного сознания догматический образ Иисуса под влиянием евангелического протестантизма превращается в персонального Иисуса, который для либерального рационализма, питающего отвращение ко всякому «мистицизму», постепенно сливается с простым этическим прототипом. Исчезновение в протестантизме женского элемента, то есть культа Богородицы, было условием того, чтобы духовность догматического образа отделилась от земного человека и утонула в бессознательном. Когда такие великие и значительные образы предаются забвению, они отнюдь не исчезают из сферы человека и не теряют

¹ Ср. Психология и алхимия, § 520 сл.

«вою психическую силу и энергию. Любой средневековый человек, знакомый с мистицизмом алхимии, оставался в контакте с живой догмой, даже если был протестантом. Видимо, по этой причине алхимия достигла своего расцвета в конце шестнадцатого и в семнадцатом столетиях: для протестанта это был единственный путь все еще оставаться католиком. В *opus alchymicum* он по-прежнему имел ритуал, целиком сохранивший силу преобразования, конкретное таинство. Но алхимия расцвела не только в протестантских странах: в XVIII веке она все еще широко практиковалась в католической Франции, о чем свидетельствуют многочисленные рукописи и опубликованные труды, такие, как работы Дома Пернети (1716— 1800?), Ленгле дю Фресно (1674— 1752?) и огромная компиляция Манже, опубликованная в 1702 году. Это не удивительно, поскольку во Франции в то время назревал современный антихристианский «раскол», достигший своей кульминации в революции — этой относительно безобидной прелюдии кужасам наших дней. Упадок алхимии в эпоху Просвещения означал для многих европейцев сползание в нижний мир вседогматических образов, до тех пор присутствующих во всех мнимых тайнах химического вещества.

Так же, как за упадком сознательной доминанты следовало вторжение хаоса в личность¹, так происходило и с массами (крестьянские войны, анабаптисты, Французская революция и т.д.): ужасающий конфликт элементов в индивидуальной психике отражался в вырвавшейся на волю первобытной жажде крови и убийства на уровне коллективном. Эта болезнь очень ярко описана в «Кантилене». Утрата вечных образов в действительности нелегка для проницательного человека. Но так как бесконечно много больше людей непроницательных, никто, похоже, не замечает, что истина, выраженная догмой, исчезает в тумане, и никто, как кажется, ничего не теряет. Проницательный человек знает и чувствует тревогу от того, что душа его утратила нечто, бывшее источником жизненной силы для его предков. Непроницательный (а вооі) не теряет ничего и только потом обнаруживает (как правило, слишком поздно) тревожные симптомы, которые теперь стали «реальностью» внешнего мира, потому что ранее не были осознаны в душе сами по себе, так же, как не осознавалось присутствие вечных образов. Если бы они ранее осознавались в душе, то осталось бы пропеть погребальную песнь потерянному богу, как однажды в древности, когда умер Вел икий Пан². Вместо этого все благонамеренные люди убеждают нас, что в душе у них есть то, во что надо просто верить, хотя это всего лишь добавляет в бессознательное глупости. Так как во внешнем мире

¹ *Ibid.*, § 38, 56ff.

² В поздней античности Пан больше не был гротескным пастушеским божеством, но обрел философское значение. Наассенцы считали его одной из форм

наличествуют симптомы в форме социополитического безумия, невозможно никого убедить, что конфликт происходит в душе каждого индивидуума, ведь люди совершенно убеждены в том, что знают, где их враг. Тогда конфликт, который остается интрапсихическим феноменом души пронизательного человека, становится проекцией, выраженной в политическом напряжении и кровавом насилии. Чтобы вызвать такие последствия, индивидуум должен быть совершенно убежден в незначительности и бесполезности своей психики и психологии вообще. Со всех авторитетных кафедр ему проповедают о том, что спасение приходит извне и что значение его существования коренится в «обществе». Затем он послушно даст отвести себя туда, куда тянет его собственная природа — в страну детства, где он заявляет исключительные права на других и где, если что-то сделано плохо, всегда найдется кто-нибудь, кто все исправит. Когда человек больше не знает, чем поддерживается его душа, потенциал бессознательного возрастает и берет на себя ведущую роль. Желания одолевают его, и иллюзорные цели занимают место вечных образов, возбуждая его жадность. Хищный зверь овладевает им, заставляя его вскоре забыть о том, что он — человеческое существо. Его животные страсти препятствуют любой мысли, стоящей на пути осуществления его инфантильных желаний, наполняя его вместо этого чувством заново выигранного права на существование и отравляя его жаждой добычи и крови.

Только живое присутствие вечных образов может придать человеческой душе достоинство, которое сделает нравственно возможным для человека поддержание своей собственной души, причем он будет убежден в том, что его упорный труд не останется безрезультатным. Только тогда он поймет, что конфликт *в нем самом*, что все его разногласия и неприятности — его собственное сокровище, которое не следует расточать, нападая на других; и что, если судьба взыщет с него долг в форме чувства вины, то это долг самому себе. Тогда он узнает, чего стоит его душа, ведь нельзя же быть в долгу у ничего. Но если он утрачивает все свои ценности, то становится голодным разбойником, волком, львом или другим хищным зверем, алхимическим символом алчности, который вырывается на свободу, когда черные воды хаоса — то есть бессознательное проекции — поглощают царя¹.

«обладающего многими формами Атписа» (Elenchos, V, 9, 9), а также синонимичным Осирису, Софии, Адаму, Корибасу, Ваху и т.д. История погребальной песни есть у Плутарха. См. Старение оракулов, 17(Moralia, V, p. 40 П.). (Ср. Психология и алхимия, § 145). Современный ее эквивалент — это возглас Заратустры: «Бог умер!» («Так говорил Заратустра», О высшем человеке).

¹ «В сердце хаоса, к счастью, формируется малый шар, и это высшая точка соединения всего требуемого для этого исследования. Это небольшой участок,

Тонкость «Кантилены» состоит в том, что желания беременной матери утоляются петушиным мясом и львиной кровью, то есть ее собственной плотью и кровью¹. Если проецируемый конфликт стихает, он должен вернуться в психику индивидуума, где коренятся его бессознательные начала. Он должен отпраздновать Тайную Вечерю сам с собой, вкушить свое собственное мясо и пить свою собственную кровь; это значит, что он должен распознать и признать другого в себе. Но если он упорствует в своей односторонности, два льва разорвут друг друга на куски. Может быть, смысл Христова учения и состоит в том, что каждый должен нести свой собственный крест? Ведь если вы будете терпеть себя, как вы сможете привести к расколу других?

Такие рассуждения подтверждаются алхимическим символизмом, что каждый с легкостью увидит, если рассмотрит так называемые аллегии немного ближе и не отбросит их в самом начале как бесполезный хлам. Чудотворное поглощение своего собственного вещества — так странно отражающее свой прототип, Христа, — означает не менее, чем интеграцию тех частей индивидуальности, которые все еще пребывают вне эго-сознания. Лев и павлин, эмблемы похотливости и гордыни, символизируют высокомерные претензии человеческой тени, которые мы с удовольствием проецируем на наших ближних, чтобы наши грехи поразили их, а сами мы почувствовали оправдание. В древнем образе уробороса коренится мысль о самопоглощении и вступлении в циклический процесс, поскольку большинству проницательных алхимиков было ясно, что первоматерией искусства был сам человек². Уроборос — яркий символ интеграции и ассимиляции против-

более действенный, чем вся полнота, это часть, охватывающая собой целое, это дополнение, более богатое, чем основная часть, открывая свою сокровищницу, вызывает появление двух субстанций, которые, тем не менее, являются одной... Из них составляется уникальное совершенство, простое и обильное, состав без частей, единственный невидимый резак мудрецов, высекающий скрижали судьбы, приводящей к истинной цели predeterminedным путем». (Recueil steganographique / Le Songe de Poliphile, II, f.). Такими словами *Беральд де Вервилль* (Beroald de Verville) описывает зародыш единства в бессознательном.

¹ Из-за своей огненной природы лев представляет собой «эмоциональное животное» *rag excellence*. Присущее льву свойство пить кровь аналогично способности усвоения собственных чувств. Рана как бы «открывает» льва; чувство пронзается хорошо нацеленным ударом оружия (интуиции), проникающего в саму природу чувства. В алхимии ранение или увечье льва означает подчинение вождения.

² Так, Мориенус (УП—VIII вв.) утверждает: «Эта вещь извлекается из тебя, ибо ты — ее руда, в тебе найдут ее и возьмут ее у тебя; и по мере того как ты ¹⁶Реживаешь этот процесс, любовь и стремление к ней будут возрастать в тебе.

положности, то есть тени. Процесс с «обратной связью» есть в то же время символ бессмертия, поскольку об уроборосе сказано, что он убивает сам себя и сам себя возвращает к жизни, оплодотворяет и рождает сам себя. Он символизирует Единицу, развивающуюся из столкновения противоположностей и поэтому составляет секрет первома-терии, которая как проекция, несомненно, вырастает из человеческого бессознательного. Следовательно, в этом должна быть некая психологическая данность, позволяющая делать подобные утверждения, и такие утверждения обязаны как-то характеризовать эту данность, даже если она не может толковаться буквально. Основной причиной для подобных утверждений должно оставаться таинство — но таинство, чье внутреннее родство с таинством веры давало бы адепту ощущение их тождественности.

8. Религиозная проблема обновления царя

Медицинская психология сегодня признает терапевтической необходимостью и первым условием добросовестного психологического метода противопоставление сознания его собственной тени¹. В конце это может привести к своего рода союзу, даже если такой союз на первых порах состоит в открытом конфликте и часто остается в таком виде в течение долгого времени. Эту борьбу нельзя прекратить рациональным способом². Когда ее подавляют усилием воли, она продолжается в бессознательном и просто выражает себя косвенно, становясь все более опасной, поскольку нет возможности в нее вмешаться. Борьба продолжается до тех пор, пока у противников не истощаются силы. Результат никогда не виден заранее. Единственное, что можно сказать определенно, это то, что обе стороны изменятся; но продукт этого союза вообразить невозможно. Эмпирический материал показывает нам, что результат обычно принимает форму субъективного опыта, который всегда обладает религиозным характером, что единогласно

И ты узнаешь, что эта вещь воистину существует, вне всяких сомнений»¹ (Art. aurif., II, p. 37).

¹ У Фрейда это осуществляется при помощи перевода в сознание вытесненных репрессированных содержаний; у Адлера — посредством постижения воображаемого «жизненного стиля».

² Это утверждение требует уточнения, поскольку его невозможно применить ко всем конфликтным ситуациям. Все, что можно без каких-либо вредных воздействий решить с помощью разума, можно с чистой совестью оставить на усмотрение разума. Я имею в виду, скорее, те конфликты, которые разум не в состоянии разрешить без опасности для психики.

подтверждают исторические свидетельства. Однако, если конфликт переносится осознанно и психоаналитик рассматривает его без предубеждений, он неизменно будет наблюдать компенсацию бессознательного, способствующую установлению единства. При этом психоаналитик столкнется с различными символами, сходными с алхимическими, а часто — именно с ними. Он также обнаружит, что немало этих спонтанных образований обладают нуминозными качествами и гармонируют с мистицизмом исторических скрижалей. Кроме того, может случиться, что пациент, ранее глухой к религиозным вопросам, вдруг проявит неожиданный интерес к этой проблеме. Он может, например, обнаружить, что из современного атеизма обратился в христианство, или переменял одно вероучение на другое, или оказался вовлеченным в обсуждение непостижимых для мирянина фундаментальных вопросов теологии. Небесполезно будет указать, что не каждый анализ приводит к сознательной реализации конфликта, как и не всякая хирургическая операция столь же серьезна, как резекция желудка. Существует малая хирургия, как и малая психотерапия, чьи операции безвредны и не требуют приведенных здесь мною разъяснений. Пациенты, которых я имею в виду, представляют меньшинство с определенными духовными требованиями, нуждающимися в удовлетворении, и данный метод может быть успешно применен лишь к пациентам, ставящим перед врачом те проблемы, которые я обсуждал.

Опыт показывает, что союз антагонистических элементов представляет собой иррациональное явление, которое справедливо можно назвать «мистическим» в том случае, если имеется в виду феномен, который нельзя свести к чему-то еще или считать в некотором роде неаутентичным. Решающий критерий здесь не рационалистические взгляды или уважение к общепринятым теориям, а единственно ценность для пациента того решения, которое он нашел и осуществляет. В этом отношении врач, чьей главной заботой является сохранение жизни, находится в выгодном положении, поскольку он по воспитанию эмпирик и всегда должен применять средства, чью исцеляющую силу он знает (даже если при этом не понимает, как они Действуют). Равным образом он слишком часто обнаруживает, что его лекарства, научно объясненные и утвержденные, на практике не Работают.

Если, опять же, говоря о своем старом царе, алхимики имели в виду самого Бога, это равно справедливо и для Сына. Перед ними не стояла обязанность до конца продумывать логические последствия своего символизма, иными словами, они должны были настаивать на том, что Бог стареет и его следует обновить при помощи искусства. Такая мысль могла возникнуть скорее в александрийскую эпоху, когда боги появлялись повсюду, как грибы. Но для средневекового человека это едва ли было

возможно¹. Вероятнее всего, он считал, что искусство может изменить что-то в нем самом, и поэтому рассматривал его как вид «арцахоу». Имей он какую-либо «психологическую» идею, скорее всего он назвал бы свое целительное средство «психическим» и смотрел бы на царское обновление как на трансформацию сознательной доминанты — которая от природы была ничем иным, как магическим вторжением в божественную сферу.

Человеческие идеи и определения Бога, как в калейдоскопе, сменяли одна другую в течение тысячелетий, и евангелист Марк был бы весьма удивлен, если бы ознакомился с «Историей догмы» Харнака. И тем не менее небезразлично, какое определение своей сознательной доминанты человек считает необходимым, или на какие взгляды он в этой связи опирается. Потому что от этого зависит, будет или нет господствовать сознание. Если бессознательное будет править всем без исключения, в конце концов все будет разрушено, как заставляет нас опасаться современное положение вещей. Если доминанта слишком слаба, жизнь растрачивается в бесплодном конфликте, ибо Солнце и Луна не могут объединиться. Но если сын доминирует, то Солнце — его правый глаз, а Луна — левый. Доминанта должна содержать и то, и другое, точку зрения эго-сознания и точку зрения архетипов бессознательного. Связующая сила, неизбежно воздействующая на доминанту, не должна быть тюрьмой для первого и *carte-blanc* для второго, но долгом и справедливостью для обоих.

Природа того единства, которое каким-то непостижимым образом охватывает антагонистические элементы, ускользает от нашего понимания по той простой причине, что никто не знает, что из себя представляет сущность, объединяющая все бессознательное и все сознание. Человек знает не больше того, что охватывает его сознание, и он знает себя только в тех пределах, в которых оно простирается. За ними лежит беспредельная сфера бессознательного, тоже принадлежащая феномену Человека. Поэтому мы могли бы сказать, что, быть может, Единый подобен человеку, то есть он и определяемый, и определяемый, и в то же время неопределяемый и неопределимый. Всегда, когда знание достигает своих пределов, единая сущность сталкивается с парадоксами. Эго знает только часть этой сущности. Символическая феноменология бессознательного позволяет нам осознать главное: несмотря на то, что бессознательное можно считать духовным царством со всеми сопутствующими ему опасностями, мы не можем сказать, каким будет это царство. Оно зависит от двух факторов: от решения эго и от согласия бессознательного. Любая доминанта, не

¹ Тем не менее, были и такие, кто желал бы заручиться дружеской помощью Святого Духа на время осуществления своего деяния.

одобренная той или иной стороной, обречена на длительную нестабильность. Мы знаем, как часто в истории самые значительные и стержневые идеи сознания подвергались серьезной ревизии и коррекции, но знаем мало или ничего об архетипических процессах, изменения которых, как можно допустить, происходили в бессознательном в течение тысячелетий, хотя подобные допущения и не имеют твердых оснований. Тем не менее, остается возможность, что бессознательное может неожиданным образом проявиться в любой момент.

Алхимическая фигура царя спровоцировала эту долгую дискуссию, поскольку, с одной стороны, содержит в себе миф об обновлении царя (и Бога), а с другой стороны, потому, что, как мы предполагаем, царь символизирует доминанту, управляющую бессознательным. «Король-Солнце» — это не плеоназм; такое выражение указывает на сознание, которое не только осознается как таковое, но осознается неким особым образом. Оно контролируется и направляется доминантой, являющейся окончательным судьей. Солнце — обычный природный свет, но царь приносит человеческий элемент и приближает человека к солнцу или солнце к человеку¹.

Сознание обновляется, нисходя в бессознательное, и два становятся одним. Обновленное сознание *не содержит* бессознательного, но формирует в нем полноту, символизируемую солнцем. Но поскольку *отец* и *солнце* имеют одинаковую сущность, а на языке алхимии Король-Солнце, представляющий обновленное сознание, и *есть* сын, сознание может быть абсолютно тождественным Королю как доминанте. Для алхимиков этой трудностью не существует, поскольку Король проецируется в заранее обусловленную субстанцию и, исходя из этого, ведет себя просто как объект сознания мастера. Но если психологический критицизм отвергает проекцию, мы сталкиваемся с вышеупомянутой трудностью, которая заключается в том, что обновленное сознание будет явно совпадать с обновленным царем, или сыном. Я обсуждал психологический аспект данной проблемы во втором из «Двух очерков по аналитической психологии», в главе о «мане личности». Эта трудность разрешается не простой логической аргументацией, а тщательным наблюдением и анализом самого психического состояния. Вместо того, чтобы пускаться в детальное обсуждение историй болезни, я предпочитаю напомнить хорошо известные слова Павла: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Послание^к Галатам, 2:20), которые точно описывают особую природу этого

¹ Ср. *solificatio* в таинствах, посвященных Исиде: «Голову мою окружал великолепный венок из листьев ослепительно прекрасной пальмы, расходившихся в виде лучей... разукрашенный наподобие Солнца, словно воздвигнутая статуя, оказался я^н Ред взорами народа» (Золотой Осел, 11,3. [Пер. М.А. Кузмина]).

состояния. Отсюда мы можем видеть, что другое, раннее состояние когда царь стареет и исчезает, запоминается сознанием; в котором критическое эго намеренно занимает место больного царя, вспоминая прежнее «мифическое» время, когда эго еще ощущало себя в полной зависимости от высшего и более могущественного не-эго. Последующее исчезновение чувства зависимости и одновременный рост критицизма ощущались как прогресс, просвещение, освобождение, более того, как спасение, хотя одностороннее и ограниченное существо не в состоянии занять царский трон. Персональное эго хватается повода власти, чтобы уничтожить само себя, потому что простого наличия эго, несмотря на обладание *anima rationalis*, недостаточно для управления собственной личностью, не говоря уже об управлении людьми. Для этой цели всегда необходима «мифическая» доминанта, однако такую вещь нельзя просто изобрести и потом поверить в нее. Рассматривая современность, мы должны сказать, что, хотя нужда в эффективной доминанте осознавалась в достаточной мере, однако то, что предлагалось, было всего лишь случайным изобретением момента. Тот факт, что в предложенное верили, подтверждает доверчивость и неразумность публики и в то же самое время говорит о глубинной необходимости в духовном авторитете трансцендентной природы. Власть подобного рода никогда не была продуктом рациональной рефлексии или измышлений момента, которые всегда остаются заключенными в узкий круг ограниченного эго-сознания: она происходит из традиции, корнящейся намного глубже и исторически, и психологически. Таким образом, подлинное и существенно религиозное обновление может быть основано для нас только на христианстве. Когда Будда осуществил радикальную реформу индизма, его учение ассимилировало традиционную духовность Индии во всей ее полноте и не нанесло удар по миру не имеющим корней нововведениями. Буддизм не игнорировал и не отрицал индуистский пантеон, кишущий миллионами богов, но смело ввел туда Человека, ранее не представленного там вообще. Христос, если его рассматривать просто как реформатора иудаизма, тоже не уничтожил закон, а преобразовал его, скорее, в некий род убеждения. Он, как преобразователь своего века, противопоставил греко-римскому пантеону и спекуляциям философов фигуру Человека, намереваясь не опровергнуть, а завершить мифологему, существовавшую задолго до него — концепцию антро-поса с ее комплексным египетско-персидско-эллинистическим основанием.

Любое обновление, не имеющее глубоких корней в духовной традиции — эфемерно; но доминанта, которая вырастает из исторических корней, действует подобно живому существу в ограниченном эго человеке. Однако не он владеет ею, а она — им; поэтому алхимики говори-

и, что мастер не господин, а скорее слуга камня — ясно показывая этим, что камень — царь, а мастер — его подданный.

Хотя обновленный царь соответствует обновленному сознанию, это сознание отличается от предыдущего состояния, как *filius regius* отличается от ослабевшего старого царя. Как старый царь должен отказаться от своей власти и дать волю эго, так и эго должно отойти на задний план при возвращении обновленного царя. Оно все еще остается в сфере сознания¹, но больше не воображает, что может находиться всюду и совершать все силой собственной воли. Оно больше не настаивает, что там, где есть воля, есть путь. Когда к нему приходят счастливые идеи, оно не открывает для них кредит, но начинает понимать, сколь опасно близко оно к инфляции. Пределы его воли и деяний снова становятся соразмерными действительности после того, как первый день Великого Поста наносит удар по его самоуверенности².

Мы можем сравнить логическую последовательность психологических перемен с алхимическим символизмом следующим образом:

Ограниченное эго состояние с ослаб- Большой царь, ослабленный старо
ленной доминантой. стью, на пороге смерти.

Восхождение бессознательного и/ Исчезновение царя в теле его мате-
или нисхождение эго в бессозна- ри, или его растворение в воде,
тельное.

Конфликт и синтез сознания и бес- Беременность, ложе болезни, сим-
сознательного. птомы, появление разных цветов.

Формирование новой доминанты: Царский сын, гермафродит, ротон-
круговые символы самости (то есть дум³. мандала).

Хотя сравнение достаточно корректно, однако символизм «Кантилены» отличается от вышеприведенной схемы, в которой происходит одно-

¹ Сознание заключается во взаимоотношениях содержаний психе с эго. Все, что не ассоциируется с эго, принадлежит бессознательному.

² Эта часто повторяющаяся психологическая ситуация является архетипичес-
кой и выражается, например, в отношении гностического демиурга и высшего Бога.

³ Символизм конъюнкции (воссоединения) проявляется двойко: во-первых,
как нисхождение во тьму, где брак имеет нечестивый характер (инцест, убийство,
смерть), и, во-вторых, как восхождение, где союз обладает более «небесным»
характером.

временный апофеоз *filii regis* и Царицы Луны, что параллельно браку в Апокалипсисе. У Рипли одержал верх христианский символизм, тогда как обычно конъюнкция предшествует созданию ляписа, под которым в поздние времена понималось дитя Солнца и Луны. В этой степени ляпис в точности соответствует психологической идее самости продукту сознания и бессознательного. В христианском символизме, с

другой стороны, существует брак Агнца (апокалиптического Христа) с невестой (Луной-Церковью). Поскольку ляпис сам является андрогинным синтезом мужского и женского начал, в другой конъюнкции нет необходимости. Символический гермафродитизм Христа, что достаточно удивительно, не исключает брака Агнца — обе эти вещи существуют бок о бок.

Здесь мы сталкиваемся с противоречием между алхимическим и психологическим символизмом и христианством. В действительности, трудно вообразить, какой вид конъюнкции, кроме союза сознания (мужского начала) и бессознательного (женского начала) имеется в виду, если мы не допустим, соглашаясь с догматической традицией, что восстановленная доминанта тоже переносит *corpus mysticum* человечества (Церковь, или Луну) в царство славы. Среди алхимиков, которые были по большей части отшельниками, мотив апокалиптического брака, названного браком Агнца (Откровение, 9:7 и далее), отсутствует, акцент здесь переносится на священное имя «агнец». Согласно древнейшей и наиболее примитивной традиции, царь, несмотря на свой титул и власть, приносился в жертву ради процветания своей страны и народа, и царя в его богоподобной форме даже поедали. Как нам известно, этот архетип подвергся в христианстве чрезвычайно сложному развитию. С точки зрения христианского символизма, алхимическому понятию цели недоставало прежде всего мотива небесного брака и, во-вторых, едва ли не более важного мотива жертвоприношения и тотемной пищи. (Оплакиваемые боги Малой Азии — Таммуз, Адонис и другие, — по всей вероятности, первоначально приносились в жертву ради урожайного года). Ляпис был, несомненно, идеалом отшельника, целью изолированной личности. Кроме того, он был пищей (*cibus immortalis*), растущей неограниченно, был живым существом с телом, душой и духом, андрогинном с безгрешным телом и т.д. И хотя он был похож на Короля-Солнце и даже носил то же имя, он не был ни женихом (*sponsus*), ни жертвой, и не принадлежал обществу; он был подобен «сокровищу, скрытому на поле, которое нашед человек утаил» (Ев. от Матфея, 13:44) или «драгоценной жемчужине», ради которой человек «пошел и продал все, что имел, и купил ее» (Ев. от Матф, 13:46). Это — бережно хранимая, драгоценная тайна личности¹. И хотя старые

¹ Ср. фрагмент Виз Оксирхинхоса (обнаружен в 1897 г.): «Иисус рек: Повсюду, где есть [двое], есть и Бог, а где есть один, говорю, я с ним. Подними камень, и ты

д^астера подчеркивали, что они не охраняют «ревностно»¹ свой секрет и желали бы открыть его всем ищущим, совершенно ясно, что камень оставался личным делом.

В этой связи не следовало бы забывать, что в старину определенные влияния, идущие, очевидно, от гностической доктрины гермафро-дитного Прачеловека², проявились в христианстве и породили взгляд, согласно которому Адам был создан как андрогин³. И поскольку Адам был прототипом Христа, а Ева, вышедшая из его ребра — прототипом Церкви, становится понятным, что образ Христа должен развиваться, обнаруживая определенные женские черты⁴. В религиозном искусстве образ Христа сохраняет эти черты до сегодняшнего дня⁵. Его завуалированная андрогинность отражает гермафродитизм ляписа, который в этом случае родственен учению гностиков.

В недавнее время тема андрогинии подверглась специальному исследованию в книге католического писателя, заслуживающей нашего внимания. Это «Die Gnosis des Christentums» Георга Кёпгена, значительный труд, напечатанный в 1939 году в Зальцбурге с одобрения епископа. Кёпген говорит, что находит разрешение аполлонически-дионисийского конфликта в христианстве, поскольку «в личности Иисуса мужское начало объединено с женским». «Только в нем мы можем обнаружить эту близость мужского и женского в нерасторжимом единстве». «Если мужчины и женщины могут соединиться как равные в христианском культе, это крайне немаловажно: здесь мы видим исполнение андрогинии, которая явила себя во Христе» (с. 316). Намек на изменение пола верующего можно найти в Откровении, 14:4: «Это те, которые не осквернились с женами, ибо они девственники». Относительно данного отрывка Кёпген пишет: «Здесь новая андрогинная форма существования становится видимой. Христианство не является ни мужским и ни женским, оно мужеженское в том смысле, что мужское начало сочетается с женским в душе Христа. У Христа напряжение и схватка противоположных полов разрешается в андрогинном единении. И Церковь,

найдешь меня, разруби дерево, и я буду там». (*Grenfell and Hunt. New Sayings of Jesus*, p. 38). Текст фрагментарен. См. *Preuschen. Antilegomena*, p. 43. '

Особенно в «Turba».

² Ср. андрогинную статую в виде креста в Бардесанах.

³ В поздние времена *Бёме* тоже называл Адама «муже-девой». Ср. *Three Principles of the Divine Essence (Works, I)*, X, 18, p. 68, и XVII, 82, p. 159. *Августин* критиковал подобные взгляды.

⁴ Ср. картину его крещения в *Reichenau Codex Lat. Mon. 4453*, приведенную у *Гольдшмидта (German Illumination, II, 27)*.

⁵ Сколь отличен от этого образ на Туринской плащанице! Ср. *Vignon. The Shroud of Christ*.

как его наследница, воспринимает от него это свойство: она тоже андрогинна». Что касается ее устройства, то Церковь «иерархически мужская, но ее душа вполне женская». «Девственный жрец... производите своей душе андрогинное единство мужского и женского; он воспроизводит вновь то измерение души, которое Христос впервые показал нам явив «мужскую девственность» своей души»¹.

Следовательно, для Кёпгена андрогинностью обладает не только Христос, но и Церковь — примечательное заключение, логику которого нельзя отрицать. Следствием этого является специальное подчеркивание бисексуальности и затем особенного тождества Церкви и Христа, которое основано также на доктрине *congrus mysticum*. Это своего рода предвосхищение брака Агнца в конце времен, поскольку андрогин «имеет все, в чем нуждается»² и уже представляет собой *complexio oppositorum* [сочетание противоположностей]. Разве это не напоминает отрывок из того Евангелия, которое, по словам египтян, цитировал Климент Александрийский: «Когда мы отбросим покров тьмы и когда два станут одним, а мужчина с женщиной — и не мужчиной и не женщиной»³.

Кёпген снабжает свою книгу посвящением и эпитафией. Первое гласит: «*Renatis praedestination*» (перевоплощенному по предопределению), а второй цитирует Евангелие от Иоанна, 14:12: «Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит». В посвящении слышен отзвук темы предопределения, понимание которого автор разделяет с алхимиками. Ведь Мориенус сказал об алхимии:

Бог дарует эту божественную и святую науку своим верующим и слугам, именно тем, чья сущность сродни ей от сотворения мира вещей. Ибо сия наука не может быть ничем иным, кроме как даром Бога высочайшего, который являет ее по своему желанию и для нее предназначает своих верных слуг. Ибо Господь избирает из своих слуг тех, кого он желает, и назначает для того, чтобы они могли изучить божественную науку, скрываемую им от человека, а изучив, хранили ее»⁴.

¹ Кёпген отмечает: «Даже реформаторы, исказившие идеал девственности в интересах буржуазного этоса, не рискнули ничего изменить в этом отношении. Даже для них Христос представлял собой андрогинное единство мужчины и девственницы. Загадкой остается то, что они, признавая девственность Христа, не одобряли безбрачие духовенства».

² *Senior*. De chemia, p. 108. Ср. *аиробЕ^* (не нуждающаяся ни в чем), атрибут Валентиновой монады. (*Hippolytus, Elenchos*, VI, 29,4).

³ *Stromata*, III, 13,92¹⁰⁰¹, цит. по: *James. The Apocryphal New Testament*, p. 11. ⁴ *De transmut. metallica / Art. aurif.*, II, p. 22f.¹⁰⁰¹ Эта кажущаяся бессмысленной и направленной на себя процедура становится понятной, если рассматривать

Дорн говорит почти то же самое: «Ибо иногда происходит, после многих лет, многих трудов, многих исследований... что некоторых избирают после того, как много стучатся¹, много молятся и тщательно расспрашивают»².

Отрывок из Евангелия от Иоанна взят из четырнадцатой главы, где Христос учит, что каждый, видящий Его, видит и Отца. Он в Отце и Отец в Нем. Ученики в Нем, и Он в них, более того, на них будет ниспослан Святой Дух как Заступник, и они свершат дела более великие, чем свершил Он. Четырнадцатая глава поднимает вопрос, который должен был иметь огромные последствия для будущего: проблему Святого Духа, который остается, когда Христос уходит, и который поднимает интерпретацию божественного и человеческого на такой уровень, что мы можем суверенностью говорить о «христофикации» учеников. Приходя к мысли о таком тождестве, христианские мистики вновь и вновь навлекали на себя осуждение. Только мистики приносят в религию творческий элемент. Может быть, именно поэтому они чувствовали присутствие и деятельность Святого Духа и были близки к тому, чтобы переживать братство во Христе.

Кёпген рассуждает в том же направлении, что видно из его посвящения и эпитафия. Легко увидеть, что происходит, когда из четырнадцатой главы Евангелия от Иоанна выводится логическое заключение: *opus Christi* переносится на личность. Тогда личность становится носителем тайны, и такое развитие бессознательно представляется и преобразуется в алхимию, в которой ясно можно узреть знаки пришествия Святого Духа и *Sapientia Dei* [Божественной премудрости]. Взгляд Кёпгена — это взгляд творческого мистицизма, который Церковь всегда критиковала. Хотя у Кёпгена он не столь очевиден, само содержание его книги косвенно выдает его позицию, которая последовательно добивается углубления и расширения догматических идей. Поскольку он всегда полностью осознает свои заключения, он не слишком сильно отклоняется от учения Церкви, в то время как алхимики из-за своего бессознательного и наивного недомыслия и недостаточной интеллектуальной ответственности заходили в своем символизме весьма далеко. Но отправной точкой и для первого, и для последних является плодоносящее, богооткровенное деяние Святого Духа, который есть «ветер, веющий там, где к нему прислушиваются», и кото-

алхимический опус как божественное таинство. В этом случае должно быть достаточно просто его присутствия в мире.

¹ «Первое спиритическое правило гласит: Стучите, и отворят вам»¹⁰² (Мф. 7:7). *Phys. Trismegisti / Theatr. chem.*, I, p. 413.

² *Ibid.*¹⁰³¹ *Елеазар* (*Uraltel Chymisches Werck*, II, S. 53) говорит: «Ибо камень сей принадлежит лишь избранныкам Божьим».

рый после собственных деяний дает другому «больше сих сотворить». Творческий мистик всегда был крестом для Церкви, однако именно ему мы обязаны лучшим в человечестве¹.

9. Regina

Мы столь часто встречали фигуру царицы в ходе нашего обзора, что здесь о ней необходимо сказать лишь несколько слов. Нами было замечено, что в качестве Луны она выступает архетипическим компаньоном Солнца. Вместе они образуют классическую астрологическую сизигию, с одной стороны символизирующую золото и серебро или нечто в этом роде², а с другой — небесную пару, описанную в «Aurora Consurgens»:

Поэтому я поднимусь и войду в город, и буду искать на улицах и широких дорогах (везде) целомудренную деву для брака, миловидную лицом, еще более телом, еще более прекрасную в своих одеждах, чтобы она откатила камень от двери моей гробницы и дала мне крылья, подобные крыльям голубя,

¹ Я могу лишь согласиться с Олдосом Хаксли, когда он пишет в «Сером кардинале» (1943): «К концу семнадцатого века мистицизм утратил свое бывшее значение в христианстве и был более чем наполовину мертв. «Хорошо, что из этого?» — можно спросить. — «Почему бы ему не умереть? Какая польза была в нем, пока он жил?» На эти вопросы можно ответить, что отсутствие предвидения приносит людям гибель, и если те, кто является солью земли, лишатся своего интереса, ничто не сохранит землю чистой и ничто не сохранит ее от полного разрушения. Мистика — это канал, по которому малое знание действительности просачивается в наш человеческий мир невежества и иллюзий. Мир, полностью лишенный мистики, был бы миром полностью слепым и безумным» (с. 98). «В мире, населенном теми, кого теологи называют необращенными или дикарями, церковь и государство, возможно, никогда не станут заметно лучше, чем лучшие из государств и церквей прошлого, память о которых сохранилась у нас. В обществе никогда не наступят радикальные перемены, пока не наступит время, когда большинство его членов захотят стать теоцентрическими святыми. Между тем, немногие теоцентрические святые, существующие в данный момент, способны хоть сколько-нибудь смягчить или ослабить силу тех ядов, которые общество генерирует в себе в результате своей политической и экономической деятельности. На языке проповедей теоцентрические святые — это соль, охраняющая социум от необратимого упадка»¹⁰⁴ (с. 296).

² *Hoghelande* (Theatr. chem., I, p. 162): «Царя и Царицу еще называют составом из камня... Так Мужчина и Женщина именуются мужчиной и женщиной, потому что им присуще единство, взаимодействие и страсть. Розинус [говорит]: Тайна искусства золота состоит в женском и мужском началах».¹¹⁰⁵¹

и я взлечу с ней в небеса, а затем скажу: Я жив навеки и останусь с ней, ибо Царица стоит одесную меня, в золоченых одеждах, окруженная многообразием... О Царица небес, явись, поспеши, любовь моя, невеста моя, скажи, возлюбленная, своему любимому, какого рода и как велико твое искусство... Моя возлюбленная, столь румяная, скажи своему любимому, который ищет и молит: Я цветок полей и лилия долин, я мать чистой любви, и страха, и знания, и святой надежды. Как вино из плодов, я источаю благоухание. А мои цветы суть плоды, и честь, и богатство. Я ложе моего возлюбленного... ранящая его сердце одним моим взглядом, одним из волос, спускающихся на шею. Я благоухание мази, дающей аромат всех оттенков, и подобна циннамону, и бальзаму, и избранному мирру¹.

Прототипом этой духовной *Minne*² послужили чувства царя Соломона к царице Савской. Иоганнес Грассеус пишет о скрытой в свинце белой голубке: «Это чистая, мудрая и богатая царица Савская под белым покровом, которая хотела открыть себя только царю Соломону. Человеческого сердца не хватает, чтобы познать все это»³. Пено-тус говорит:

Возьмите девственную землю, дайте ей мужа, который подходит ей! Она — царица Савская, поэтому нужен царь увенчанный — где мы найдем его? Мы видим, как небесное солнце одаряет своим сиянием все другие тела, земное, или минеральное, солнце поступит также, когда утвердится в своих собственных небесах, коим имя — «царица Савская», что пришла с края земли, дабы созерцать славу Соломона. Так и наш Меркурий покидает свои земли, облачается в прекраснейшие белые одежды и отдается Соломону, а не какому-нибудь чужаку [extraneo] и нечистому⁴.

Здесь Меркурий представлен в женской форме, как царица, и она — «небо», где сияет солнце. Ее считают посредницей, окружающей солнце — «мужчина, охваченный женщиной», как было сказано о Христе⁰, — или Шивой в объятиях Шакти. Посредница наделена природой Меркурия, этой парадоксальной сущностью, чье единственное определяемое значение — бессознательное⁶. Царица появляется в тексте как

¹ Parable XII, p. 135ff.

² [Minne, Minnelied (нем.), любовная песня в поэзии миннезингеров — *Пер.*]

³ Acta arcani / Theatr. chem., VI, p. 314.

♦Theatr.chem., II, p. 149.

⁵St. Gregory. In I Regum expos. (Migne, P.L., vol. 79, col. 23). *Миллус*(*Phil* ref., p. 8) говорит о Боге: «О ком божественный Платон сказал, что он пребывает в субстанции огня и тем самым означает невыразимое божественное сияние и любовь».¹¹⁰⁶¹

⁶Ср. Дух Меркурий, §271, 284.

материнский сосуд Солнца и ореол царя, то есть как корона¹. В «Tractatus aureus de Lapide»² в своем триумфе³ царица держит речь, где произносит такие слова:

После смерти жизнь возвратилась ко мне. Я была бедна, но мне были вверены сокровища мудрости и могущества. Посему я тоже могу сделать бедных богатыми, даровать милость смиренным и вернуть здоровье больным. Ноя, однако, не равна моему возлюбленному брату, могущественному царю, который должен еще восстать из мертвых. Но когда он придет, то явит всем, что слова мои были истиной.

В этой «soror et sponsa» мы легко распознаем аналогию с Церковью, которая, как *corpus mysticum*, представляет собой сосуд для *anima Christi*. Пенотус назвал этот сосуд «царицей Савской», имея в виду отрывок из Матфея, 12:42 (и из Луки, 11:31): «...ибо она [Царица Южная] приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой...». В этой связи я хотел бы напомнить отрывок из «Speculum de Mysteriis» Гонория Отенского, который тоже ссылается на «царицу южную». Он говорит⁴:

Иоанн оставил свою невесту и, сам будучи девственником, последовал за сыном девственницы. И поскольку ради любви к ней он презрел узы плоти, Христос любил его больше всех учеников. Ибо пока царица южная даровала свое тело и кровь ученикам, Иоанн возлежал на груди Иисуса и пил из источника мудрости; и узнал тайну Слова, которую позже передал миру; того Слова, что сокрыто в отце, ибо в груди Иисуса сокрыты все сокровища мудрости и знания⁵.

В отрывке из «Tractatus aureus» именно Царица Южная одаривает сокровищами мудрости и знания, у Гонория же она отдает свое тело и кровь ученикам. В обоих случаях она кажется тождественной Иисусу. На основании этого мы можем заключить, насколько прозрачна была мысль об андрогинии Христа, и до какой степени царь и царица были одним и тем же, в том смысле, что тело и душа или дух и душа — идентичны⁶. Фактически царица соответствует душе (аниме), а царь —

¹ Aurora Consurgens, p. 141: «Я — венец, коим увенчан мой возлюбленный».

² Mus. herm., p. 50 (Waite, I, p. 48).

³ Полсловами «Украшенная прекраснейшей короной из чистых бриллиантов», вероятно, имеется в виду венок из звезд над ее головой.

⁴ Migne, P.L., vol. 172, col. 834.

⁵ Кол. 2:2-3: «...для познания тайны Бога и Отца и Христа, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения».

⁶ Алхимики сомневались, можно ли называть тело или душу женственной. Психологически это рассуждение можно применить только к душе, как представительнице

духу, доминанте сознания¹. Исходя из такой интерпретации царицы, мы можем понять, почему тайну деяния иногда называли «Reginae Mysteria»².

Близкой взаимной связью царь и царица обязаны тому, что подчас они оба претерпевают одну и ту же судьбу: она растворяется в нем, будучи в купели (по другой версии, она и есть купель). Так, Элеазар говорит о царской купели: «Ибо в этом огненном море царь не может выдержать; он хватает старого Албаона³, с силой поглощает его и превращает в кроваво-красную кровь. Царица не освобождается; она должна погибнуть в этой огненной купели»⁴.

Поэтому не удивительно, что царь и царица образуют как бы единство, ведь они являются его предтечами. Ситуация оказывается достойной упоминания только вследствие предложенной нами интерпретации, а именно, что в мифологеме царь, как доминанта сознания, почти тождествен олицетворяющей бессознательное архетипической фигуре, то есть аниме. Эти две фигуры в определенном отношении диаметрально противоположны одна другой как сознание и бессознательное; но как мужское и женское начало они объединены в человеческом организме, точно так же психический факт остается одним и тем же, находится ли он в сознании или в бессознательном. Разве что временами он ассоциируется с эго, а временами — нет.

Анима в ее негативном аспекте — то есть будучи бессознательной и скрытой — оказывает на человека властное влияние. Главные симптомы такой зависимости — слепые прихоти, обязательные затруднения, с одной стороны, а с другой — холодная, отстраненная погруженность в принципы и абстрактные идеи. Негативный аспект анимы поэтому указывает на особую форму психологической неприспособленности. Она либо компенсируется сознанием, либо сама компенсирует сознание, уже отмеченное противоположной (и такой же некорректной) позицией. Ведь негативная сторона сознательной доминанты далека от того, чтобы быть «богоданной» идеей; она, по сути, самое

тела, поскольку само тело испытывает переживания только косвенно, через душу. Мужским элементом является дух.

¹ Это справедливо только для творца-мужчины. Ситуация становится обратной в случае женщины.

² Так, Майер (Symb. aur. mensae, p. 336) замечает: «Тот, кто пользуется чужим талантом и наемной рукой, увидит, что труды его чужды истине. И обратно, тот, кто рабски трудится для другого, как слуга Искусства, никогда не будет допущен к тайнам Царицы». ¹¹⁰⁷¹ Ср. Психология и алхимия, § 421.

³ Первичная материя, сырой материал, черная земля.

⁴ Uraltes Chymisches Werck, II, S. 72.

эгоистичное из всех стремлений, желающее играть главную роль и, укрываясь под маской, казаться чем-то желательным (идентификация с внешней стороной личности!). Анима, в соответствии с этим, постоянно строит интриги, поощряя и содействуя эго в его стремлениях, одновременно роая ту самую яму, в которую суждено свалиться ослепленному эго.

Но сознательная позиция, отвергающая свои связанные с эго интенции — не только в воображении, но и в действительности — и подчиняющаяся сверхличностным приказам судьбы, может притязать на служение царю. Эта более достойная позиция поднимает статус ани-мы от искусительницы до психопомпа¹. Преображение царской субстанции из льва в царя эквивалентно преобразению женского элемента из змеи в царицу. Коронация, апофеоз и свадьба знаменуют равный статус сознания и бессознательного, который становится возможным на самом высоком уровне — *coincidentia oppositorum* с компенсирующими эффектами.

Несомненно, было бы желательно дать психологические разъяснения, основываясь на мифологеме свадьбы. Но психолог не чувствует себя ответственным за существование того, чего он не может знать; служа истине, он должен удовлетвориться констатацией существования этих таинственных явлений как таковых. Союз сознания и бессознательного, символизированный царской свадьбой, представляет собой мифологическую идею, которая на высшем уровне принимает характер психологической концепции. Я должен особо подчеркнуть, что психологическая концепция построена не на мифологеме, но исключительно на практическом исследовании как исторического материала, так и современных случаев. Что из себя представляет этот эмпирический материал, показывают серийные сны, описанные в «Психологии и алхимии». Данный материал представляет собой парадигму, основанную на сотнях примеров, и может поэтому считаться чем-то большим, чем набор курьезных примеров.

Психологический союз противоположностей — интуитивная идея, охватывающая феноменологию данного процесса. Это не гипотеза, «объясняющая» нечто такое, что, по определению, находится за пределами возможностей нашего понимания. Поэтому, когда мы говорим, что сознание и бессознательное объединяются, то тем самым утверждаем, что процесс этот непостижим. Бессознательное — это бессознательное, поэтому его нельзя ни охватить, ни постигнуть. Союз противоположностей есть транс-сознательный процесс и в принципе не поддается научному объяснению.

¹ Идите в высший круг.
Объятый Догадкой, двинется
он вслед.

(Фауст, II. [Пер. Б. Пастернака]).

Бракдолжен оставаться «тайной царицы», секретом искусства, о котором, как сообщает «Rosarium», царь Соломон сказал:

Это моя дочь, о которой люди говорят, что Царица Южная пришла с востока, подобно восходящему солнцу, чтобы слушать, понять и созерцать мудрость Соломона. Сила, честь, власть и право отданы в ее руки; она носит царскую корону с семью блистающими звездами, подобно невесте, украшенной для будущего мужа, и на одежде ее золотыми буквами написано на греческом, арабском и латыни: «Я лишь дочь мудрости, совершенно неведомая глупцам»¹.

Царица Савская, Мудрость, царское искусство, все это настолько перемешано, что ясно выявляется лежащая в основе их психологема: искусство — царица сердца алхимика, одновременно его мать, дочь и возлюбленная; в его искусстве и его аллегориях разыгрывается драма его собственной души, процесс его индивидуации.

¹ Art. aurif., II, p. 294f. Cp. Aurora Consurgens, p. 53f.

V. Адам и Ева

1. Адам как арканная субстанция

Подобно Царю и Царице, наши прародители стоят среди тех фигур, посредством которых алхимики выражают символизм противоположностей. Адам упоминается чаще, чем Ева, и по этой причине нам следует заняться в первую очередь им. Он предоставит нам для этого достаточно материала, так как несет в себе огромное количество значений, поступивших в мир алхимических идей из самых разнообразных источников.

Руланд представляет Адама как синоним aqua regnans в противоположность Еве, которая символизирует землю. Вода — первичная арканная субстанция и поэтому является фактором трансформации и одновременно ее объектом. Поскольку «вода» — синоним Меркурия, мы можем понять замечание Джона Ди так, что «тот другой Меркурий», появляющийся во время деяния, есть «Меркурий философов, новейший Микрокосм и Адам»¹. Адама упоминает как арканную субстанцию Розинус. Его корреляты — свинец и «Азох»², оба, как и Адам³, —гермафродиты. Подобно этому, Дорн утверждает, что ляпис называли «Адамом, носящим свою невидимую Еву, скрывая в собственном теле»⁴. Эта

¹ Monas hieroglyphica / Theatr. chem., II, p. 222J¹

² Азосп = Азот = «Меркурианский дуплекс». Ср. *Ruland. Lexicon*, p. 66, s.v. Azoch.

³ «Возьми Адама и того, кто создан наподобие Адама: здесь ты поименовал Адама и сохранил молчание об имени женщины, или Евы, не именуя ее, ибо тебе известно, что мужчины, подобные тебе, знают, что Ева сотворена по подобию твою»¹²¹ (Rosinus ad Euthicium / Art. aurif., I, p. 248).

⁴ Congeries Paracelsicae chemicae / Theatr. chem., I, p. 578: «Вот почему с высочайшим талантом и пониманием они утверждают, что их камень живой, и на зывают его Адамом, несущим в своем теле невидимую Еву с того самого момента,

архаическая идея подчас проявляется в продуктах современного невежества¹. На двойственную природу Адама намекает «Gloria mundi»: «Когда всемогущий Бог создал Адама и поселил его в раю, он показал ему две вещи в будущем, промолвив: Смотри, Адам, вот две вещи: одна неподвижная и неизменная, другая мимолетная»².

Как преобразующая субстанция, Адам еще и царь³, обновляющийся в купели. Василий Валентин говорит в своей поэме: «Адам погрузился в купель, которую приготовил старый Дракон и в которой Венера нашла себе товарища»⁴.

Соединение Адама и Венеры было очень смелым даже для эпохи барокко. В поэме Венера — «родник, истекающий из камня, она поглощает своего отца, впитывая его тело и жизнь». Она, таким образом, параллельна фигуре Бейи, которая расщепляет Габриция на атомы в своем теле. В том же месте, где Руланд называет Адама синонимом воды, он утверждает, что Адам также именовался «высоким человеком»⁵. Руланд был последователем Парацельса, поэтому его выражение может совпадать с «великим человеком» Парацельса — Адехом⁶, которого Руланд определял как «нашего внутреннего и невидимого человека»⁷.

Следовательно, арканная субстанция, долженствующая проявиться, будет «внутренним» человеком или Прачеловеком, известным как Адам Кадмон Каббалы. В поэме Валентина этот внутренний человек засасывается богиней любви — точная психологема для определенного и типичного психологического состояния, которое также очень удачно символизируется гностической любовной связью между Нусом и Физис. В обоих случаях «высший духовный человек» — это более постижимая,

когда сила Великого Творца всего сущего соединила их. И по этой причине Меркурия философов можно по справедливости назвать самым тайным составным Меркурием, а не обычным... Именно в Меркурии отыщешь всякую мудрость... суть камня философов есть не что иное, как... Адам, подлинный гермафродит и микрокосм»¹³¹ «Природа прежде всего требует от мастера, чтобы философский Адам был связан с субстанцией Меркурия»¹⁴¹ (с. 589). «...святейший Адамов камень состоит из Адамова Меркурия мудрецов»¹⁵¹ (с. 590).

¹ Например, под Адамом понимают Бога-Отца, слитого с Евой. Ср. *Nelken*, p. 542.

² *Mus. herm.*, p. 228.¹⁶¹

³ «Адам был Господином, Царем и Управителем». *ПБС1.*, p. 269.

⁴ *De prima materia / Mus. herm.*, p. 425.¹⁸¹ Ср. выше.

⁵ Ср. *Hoghelande* (*Theatr. chem.*, I, p. 162): «Высокий человек в шлеме».

⁶ Неологизм Парацельса, вероятно составленный из имен «Адам» и «Енох». Ср. Парацельс как духовное явление, § 168.

⁷ Дорн (в его издании «*De vita longa* Парацельса», с. 178) называет его «*invisibilis homo maximus*» [незримый великий человек].

сверхординарная целостность, известная нам как самость. Купель, погружение в воду, крещение и затопление — синонимы, являющиеся алхимическими символами бессознательного состояния самости, ее воплощения или, более точно, бессознательного процесса, посредством которого самость возрождается и переходит в состояние, в котором может быть пережита. Такое состояние описывают как «*filius regius*». «Старый дракон», готовящий купель, первобытная тварь, обитающая в пещерах земных, с психологической точки зрения представляет собой персонификацию инстинктивной души, которую, как правило, символизируют рептилии. Этим алхимики как будто пытаются выразить тот факт, что бессознательное само инициирует процесс обновления.

Адамова купель также упоминается в имеющемся у меня латинском манускрипте, где неопределенное существо или создание обращается к Адаму: «Внемли, Адам, я буду говорить с тобой. Ты должен войти со мной в купель; тебе известно, каким образом мы влияем друг на друга и как ты должен пройти через меня. Вот, я подхожу к тебе с моими заостренными стрелами, целясь в твое сердце...»¹.

Здесь Адам снова является преобразующей субстанцией, «старым Адамом», который должен обновить себя. Стрелы напоминают *telum passionis* [стрелы страсти] Меркурия и лунные лучи, которые алхимики, обращаясь к мистицизму Гуго Сен-Викторского² и других, связывают с хорошо известными словами Песни Песней «Ты ранила мое сердце», что мы рассмотрели ранее³. Слова манускрипта должны принадлежать женщине, потому что непосредственно перед ними есть упоминание о сожительстве мужчины и женщины.

Оба текста указывают на священный брак, предполагающий некие родственные отношения между *sponsus* и *sponsa*. Связь между Адамом и Евой настолько тесна, что это трудно оценить. Согласно старой традиции Адам был андрогином до сотворения Евы⁴. Поэтому Ева была им самым в большей степени, чем если бы являлась его сестрой. В высочайшей степени близкородственный брак Адама был подчеркнута священным браком именно потому, что Господь сам присутствовал на церемонии как лучший человек (*paranimphus*)⁵. Начиная с шестнадцатого столетия следы каббалистической традиции достаточно часты в алхимических трактатах. Оба наших текста явно позднейшие и также связаны с этой традицией.

¹ Из рукописи XVIII в., — *Figurarum aegyptiorum*, fol. 17.

² *De laude charitatis* (Migne, P.L., vol. 176, col. 974).

³ См. выше.

⁴ Ср. *Wunsche. Schopfung und Siindenfall*», S. 10. Адам был двуликим. Бог разделил его на две половины — Адама и Еву.

⁵ *Ibid.*, p. 24.

Мы должны теперь обратиться к вопросу, почему Адам стал символом первоматерии, или преобразующей субстанции. Это могло, в первую очередь, произойти из-за того, что он был сделан из глины, «вездесущей» *materia vilis*, которую аксиоматически рассматривают как первоматерию и которую поэтому столь мучительно трудно обнаружить, хотя она находится «у всех перед глазами». Она была частью первоначального хаоса, *massa confusa*, еще недифференцированной, но способной дифференцироваться; следовательно, представляла собой нечто подобное бесформенной, эмбриональной ткани. Все может быть сделано из всего¹. Для нас существенной чертой первоматерии является то, что она может быть определена как «*massa confusa*» или «хаос», отсылая нас к первоначальному состоянию враждебности между элементами, беспорядку, который мастер своими действиями постепенно приводит в порядок. В соответствии с четырьмя стихиями процесс был тетрамерным, а его стадии были помечены четырьмя цветами, посредством которых первоначальная хаотическая арканная субстанция в конце концов достигала единства, «Единого», ляписа, являющегося в то же самое время и гомункулусом². Таким образом, философ повторял труд Бога, описанный в Книге Бытия (1). Поэтому не удивительно, что он называл свою первоматерию «Адамом» и утверждал, что она, как и Адам, состоит из четырех стихий. «Так из четырех стихий сотворен наш Отец Адам и его дети», — сообщает «*Turba*»³. А Габир ибн Хайян (Джабир)⁴ в своей «Книге Равновесий» говорит:

Пятикнижие, рассматривая создание первого существа, утверждает, что его тело было составлено из четырех вещей, которые позже стали передаваться по наследству: тепла, холода, влаги и сухости. Оно действительно состояло из земли и воды, тела и души. Сухость пришла к нему от земли, влага — от воды, жар — от духа, а холод — от души⁵.

В позднейшей литературе Адам часто упоминается как *compositio elementorum* [сочетание элементов]⁶. Из-за того, что он сочетал в себе

¹ Для дальнейшего ознакомления с материалом см.: Психология и алхимия, §425 ел., 430 ел., 433.

² «Второй Адам, именуемый философским человеком»¹⁹¹ (*Aurora Consurgens*, I, Parable VI).

³ *Sermo VIII* (ed. Ruska), p. 115J¹⁰.

⁴ Гебера, автора классической «*Summa perfectionis*», раньше считался тождественным Джабиру. О современном состоянии проблемы Джабира см. *Birritant. Entstehung und Ausbreitung der Alchemie*, II, S. 89.

⁵ *Berthelot. Chimie au moyen age*, III, p. 148f.

⁶ Например, у *Mullusa* (Phil, ref., p. 168).

четыре космических начала, его назвали микрокосмом¹. В «Tractatus Miceris» говорится²:

Человек потому назван малым миром [mundus minor], что в нем присутствует образ небес, земли, солнца и луны; он — земной и [в то же время] невидимый, почему и называется малым миром. Поэтому старые философы говорили о нем: Когда вода пала на землю, был сотворен Адам, малый мир³.

Сходные воззрения относительно Адама мы обнаруживаем повсюду: так, рабби Элиезер говорит, что Бог собрал прах, из которого и был создан Адам, с четырех сторон света⁴. Рабби Мейр (II в.) утверждает, что Адам был сотворен из праха со всех концов земли. В мусульманской традиции Табари, Масуди и другие утверждают, что, когда земля отказалась предоставить материал для создания Адама, ангел смерти пришел с тремя видами земли: черной, белой и красной⁵; Сирийская «Книга пещеры сокровищ» рассказывает:

И они узрели, что Бог взял одну пылинку от всей пыли земной, и каплю воды от всего моря, и дыхание ветра от горного воздуха, и немного тепла от природы огня. И увидели ангелы, как эти четыре элемента, сухость, влага, холод и тепло, легли в его ладонь. И тогда Бог создал Адама⁶.

Поэт Джелал-ад-дин Руми сообщает, что земля, из которой был создан Адам, имела семь цветов⁷. В сборнике английских загадок четырнадцатого века о создании Адама задаются такие вопросы:

Вопрос магистра из Оксфорда его ученику: Из чего был создан Адам? - Из восьми вещей: первая — земля, вторая — огонь, третья — ветер, чет-

¹ Для головы Адама была взята вавилонская земля, для тела — израильская, а для конечностей — земля из остальных стран. (Talmud, см. Epstein. Sanhedrin, 38a; I, p. 241).

² Theatr.chem., V, p. 109.

³ Здесь развивается сравнение Адама с таинственной субстанцией.

⁴ «С четырех сторон света Он [Бог] начал собирать пыль для первого чело века: красную, черную, белую и зеленую. Красную — для крови, черную — для внутренностей, белую — для костей и мышц, зеленую — для тела». ¹¹¹ — *Puke de Rabbi Eliezer*, ch. 11, p. 77f. Согласно другим источникам, из зеленой пыли созданы кожа и печень. Для более подробного ознакомления ср. Jewish Encyclopaedia, I, p. s.v. Adam.

⁶ Ibid., p. 174.

⁶ Bezold. *Die Schatzhöhle*, S. 3.

⁷ Kohut. Die talmudisch-midrassische Adamssage in ihrer Rückbeziehung auf die persische Yima- und Meshiasage.

рергая — туман, пятая — воздух, при помощи которого он может говорить и думать, шестая — роса, которой он потеет, седьмая — вода, которую он жаждет, восьмая — соль, благодаря которой слезы Адама солонны¹.

Из этого материала ясно видны четверичная и восьмеричная природа Адама, и также характерная неопределенность, связанная с числами три и семь: четыре стихии, четыре цвета, четыре свойства, четыре жидкости², но три и семь цветов³.

Дорн называет тернариус (число три) «присущим Адаму» (*Adamo rgorgius*). А поскольку тернариус был «продуктом унариуса» (единицы), то дьявол, чья природа двойственна, не мог ничего содейть против него, и вынужден был направить свою атаку на Еву⁴, «которая была сотворена из своего мужа как естественный бинариус из единства его тернариуса»⁵. Вигенер, комментируя Первое послание к Коринфянам, 15:47⁶, пишет:

Поскольку элементы круглы [по своему строению], как выяснил Гермес, каждая сущность окружена двумя другими, с которыми она схожа в одном из свойств, присущих ей самой, как [например], земля находится между огнем и водой, разделяя сухость огня и холод воды. Так же и с остальными...⁷ Поэтому человек, представляющий собой образ большого мира, называется микрокосмом или малым миром (подобно тому как малый мир, созданный по его

¹ Гримм (*Teutonic Mythology*, II, p. 564) приводит латинскую версию из «*Rituale Ecclesiae Dunelmensis*» (X в.) и другие материалы. Вышеприведенная цитата взята из: *Koehler. Kleinere Schriften zur Zahlendichtung des Mittelalters*, II, p. 2. «Вопросы» восходят к англосаксонскому «Диалогу между Сатурном и Соломоном» (*Thorpe. Analecta Anglo-Saxonica*, p. 95ff.).

² *Isidore of Seville. De natura rerum*, IX (ed. Becker, p. 21). Цит. по: *Jewish Encyclopaedia*, I, p. 174, s.v. Adam.

³ Ср. с семью сыновьями Адама и семью металлами из крови Гайомарта. Та же неясность присутствует в легенде о семи спящих, описанной в восемнадцатой суре Корана: в некоторых версиях их семь, в других — семь спящих и восьмая — собака, или же три человека и собака, и так далее. (См. *Concerning Rebirth*, § 242, прим. 6). Подобно им, Адаму также иногда приписывают три цвета: красный, черный и белый, а иногда четыре: белый, черный, красный и зеленый. (См. *Jewish Encyclopaedia*, I, p. 174).

⁴ В другом месте он говорит о дьяволе: «Ему известно, что с помощью тернариуса путь к Адаму не откроется, ибо унариус делает тернариус безопасным, и посему он ищет ход через бинариус к Еве».¹¹²¹ (*Duellum animi cum corpore / Theatr. chem.*, I, p. 542).

⁵ *De tenebris contra naturam / Theatr. chem.*, I, p. 527J¹³¹

⁶ «Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба».

⁷ *De igne et sale / Theatr. chem.*, VI, p. 3.^[U]

архетипу и состоящий из четырех стихий, называется большим человеком) и обладает своим небом и своей землей. Потому что душа и разум суть его небеса; его тело и чувства суть его земля. Следовательно, знать небеса и землю человека — это то же, что иметь полное и совершенное знание обо всем мире и обо всех созданиях природы¹.

Круговое строение первоэлементов в мире и в человеке выражается в символе мандалы с ее четверичной структурой. Адам должен быть четверичным, поскольку состоит из красной, черной, белой и зеленой пыли, взятых с четырех сторон света, и его фигура простирается от одного конца мира до другого². Согласно некоему Таргуму, Бог взял пыль не только с четырех четвертей, но из священного места, «центра мира»³. Четыре четверти вновь появляются в (греческих) буквах имени Адама: *anatole* (рассвет, Восток), *dysis* (закат, Запад), *arktos* (Большая Медведица, Север), *mesembria* (полдень, Юг)⁴. В «Книге пещеры сокровищ» утверждается, что Адам стоял на том месте, где позже был установлен крест, и что место это являлось центром земли. Погребен был Адам тоже в центре земли, на Голгофе. Он умер в пятницу, в тот же час, что и Спаситель⁵. Ева родила две пары близнецов: Каина и Лебхудху, Авеля и Келимат, позже вступивших друг с другом в брак (брачная четверица). Могила Адама находится в «пещере сокровищ». Все его потомки должны отдать долг уважения его телу и «не удаляться от него». Когда приблизился потоп, Ной взял тело Адама с собой в ковчег. Ковчег плыл над водами на крыльях ветра с востока на запад и с севера на юг, таким образом описывая крест на водах.

В том срединном месте, где был погребен Адам, «объединяются четыре угла; потому что, когда Бог создал землю, божественная сила покинула ее, и она преследовала эту силу с четырех сторон подобно ветрам и легким бризам, и сила остановилась и вернулась. И в этом окончательное спасение для Адама и его детей». На могиле, где должен стоять крест, растет дерево и находится алтарь Мельхиседека. Когда Сим положил тело на землю, четыре стороны отделились друг от друга, земля раскрылась, образовав крест, и Сим с Мельхиседеком положили тело внутрь. И как только они сделали это, четыре стороны соединились и

¹ *Ibid*¹⁵

² *Pirke de Rabbi Eliezer*, p. 79.

³ *Jewish Encyclopaedia*, s.v. Adam.

⁴ Упоминается у *Зосимы*, у *Berthelot* (*Alch. grecs.*, III, xlix, 6). Ср. также *Sibylline Oracles* (ed. Geffscken), p. 47ff.

⁵ «В шестом часу, в пятницу, Ева поднялась на древо грехопадения, и в шестом же часу Мессия вошел на крест» (*Bezold. Die Schatzhöhle*, S. 62). Ср. толкование Августином распятия как свадьбы Христа с «матроной».

закрыли тело нашего Отца Адама, и двери земли закрылись. И место это назвали Местом Черепа, потому что глава всех людей покоился здесь, и Голгофой, потому что оно было круглым...и Габбатхой, потому что все народы собрались там¹.

«И сила Господня проявится, ибо четыре стороны света станут одной», — говорится в «Clementine Epistles»². Бог сказал Адаму: «Я сделаю тебя Богом, но не сейчас; только по прошествии великого множества лет»³. Апокрифическая «Жизнь Адама и Евы» утверждает, что восток и север рая были отданы Адаму, а запад и юг — Еве⁴. Рабби Эли-езер рассказывает, что Адам был погребен в двойной пещере Махпеле, и что Ева, Авраам и Сарра, Исаак и Ревекка, Иаков и Лия были погребены там же. «Поэтому пещеру нарекли Кириат Арба, Городом Четырех, ибо четыре мужа и жены были похоронены в ней»⁵.

Я не хочу нагромождать доказательства четверичной природы Адама, а только отдать им должное. С точки зрения психологии четверка — это четыре ориентированных функции сознания, две из которых перцептивные (иррациональные), а две дискриминативные (рациональные). Можно было бы сказать, что все мифологические образы, отмеченные четверичностью, в конечном счете связаны со структурой сознания. Поэтому мы в состоянии понять, почему Исаак Лурья каждое свойство души (психе) приписывал Адаму: Адам — душа *par excellence*⁶.

Представленный мной материал столь многозначителен, что не нуждается в детальных комментариях. Адам символизирует не только психику, но и ее полноту; он — символ самости и, следовательно, визуализация «непредставимого» Божества. Даже если все приведенные здесь тексты не были доступны алхимикам, то трактатов Зосимы или определенных каббалистических инструкций было бы достаточно, чтобы они разобрались, что имелось в виду, когда арканную субстанцию называли Адамом. Едва ли необходимо подчеркивать, насколько важны эти исторические заявления с психологической точки зрения; они указывают нам способ, с помощью которого можно оценить соответствующие сны-

¹ *Bezold*, p. 27ff.

² *Ibid.*, p. 76.

³ Testament of Adam (*Riessler*. Altjüdisches Schrifttum ausserhalb der Bibel, S. 1087).

⁴ *Charles*. Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament, II, p. 142.

⁵ Доктор Р. Шарф указывает на то, что пещера не тождественна Городу Четырех, поскольку Кириат Арба — это Хеврон, где и расположена пещера.

⁶ «Следовательно в Адаме, первом человеке... присутствовали все те идеи или вышеназванные качества, от практической души до лучистой простоты».¹⁶¹ *Knorr von Rosenroth*. De revolutionibus animarum, I, cap. I, sec. 10; *Kabbala denudata*, II, 3, p. 248.

символы. Мы не обесцениваем заявления, первоначально рассматриваемые как метафизические, когда демонстрируем их психическую природу; напротив, мы подтверждаем их фактический характер. Но работая над ними как над психическими феноменами, мы удаляем их из недостижимого царства метафизики, о котором нельзя сказать ничего достоверного, и этим избавляемся от невозможного вопроса, «истинны» они или нет. Мы останавливаемся просто и единственно на фактах, распознавая, что архетипическая структура бессознательного сна и снова и независимо от традиции производит образы, появляющиеся в истории во все времена и у всех народов, и наделяет их снова и снова тем значением и божественностью, которыми они обладали с самого начала.

2. Статуя

Старая традиция гласит, что Адам был создан «безжизненной статуей». Стоит отметить, что статуя играет таинственную роль в древней алхимии. В одном из самых ранних греческих трактатов, «Книге Кома-рия»¹, говорится:

После того как тело было скрыто во тьме, [дух] нашел его полным света. И душа соединилась с телом, и с тех пор тело стало божественным благодаря душе, и оно обитает в душе. Ибо тело облечено божественным светом, и тьма ушла из него, и все было объединено в любви — тело, душа и дух, и все стало одним; в этом и скрыта тайна. И само соединение их было таинством, и дом был заперт, и воздвигнута статуя [dv̄sr̄i<xq], наполненная светом и божественностью².

Здесь статуя явно указывает на конечный продукт процесса, философский камень или его эквивалент.

Статуя имела несколько иное значение в трактате Сениора³, который сообщает о «воде, выделяющейся из сердец статуй». Сениор тождествен арабскому алхимику Ибн Умель аль-Тамими. О нем говорят, что он вскрывал гробницы и саркофаги в Египте и забирал мумии⁴. Считалось, что мумии обладают целительными свойствами, и по этой причине части трупов долгое время упоминались в египетской фармакопее

¹ *Berthelot. Alch. grecs, IV, xx.*

² *Ibid., IV, xx, 15.*

³ *De chemia, p. 64:* «Затем я соберу голову, руки и ноги и нагрею их в воде, извлеченной из сердец статуй, из белых и желтых камней, падающих с небес во время дождя».¹¹⁷¹

⁴ *Stapleton. Muchammad bin Umail.*

под названием «мумий»¹. Возможно, что «мумии» использовались и для алхимических целей. Кунрат упоминает их как синонимы первоматерии². У Парацельса, который, возможно, и послужил источником для этого утверждения Кунрата, «*mumia balsamita*» имеет что-то общее с эликсиром и даже сама именуется физическим жизненным принципом³. Статуи Сениора вполне могли быть египетскими саркофагами, которые, как нам известно, представляли собой портретные статуи. В том же трактате мы встречаем описание статуи (Гермеса Трисмегиста) в подземном храме. Сениор говорит: «Теперь я открою тебе, что мудрец, сделавший статую, спрятал в этом доме; в нем скрыто знание того, что вся наука как бы заключена в этой фигуре, а его учение мудрости, открытое для проникательных, — в камне». Михаэль Майер комментирует: «Это статуя, из чьего сердца выделяется вода». Он также упоминает, что каменная статуя, произносившая пророчества, была посвящена Гермесу в Ферах Ахайских.

У Раймонда Луллия есть слова о «масле, истекающем из сердца статуи», что осуществляется посредством «вымывания водой и высушивания огнем»⁴. Это необычайно парадоксальная процедура, в которой масло явно служит как связующее или объединяющее вещество.

Намек на статуи присутствует в «Молитвеннике Алхимии» (Ordinall of Aikimy) Тбмаса Нортон:

Святая мать Алхимия, как не любить тебя? Ты в
драгоценном снадобье подаришь нам себя. И
подлинное *золото* с чистейшим *серебром*
Свидетельствуют верно, что знаем мы о нем. И
Раймонд Луллий, рыцарь, увидел, как оно В семи
прекрасных образах для взора нам дано.

¹ Уже в «*Cyranides*» мы встречаем: «Также опийная настойка его [козлиной] бороды, т.е. мумия или иссоп, или пот».¹⁸¹ (*Delatte. Textes latins et vieux francais relatifs aux Cyranides*, p. 129).

² Von hyealischen Chaos, S. 31 Off.: «В основе всего творения... лежит... коренная влага, семя мира. Мумия, первичная материя».¹⁹¹

³ Ср. Парацельс как духовное явление, § 170 и прим. 5, 190.

⁴ Codicillus, 1651, p. 88.²⁰¹ Ср. *Maier. Symbola*, p. 19.0 масле Луллий сказал: «Это масло представляет собой тинктуру, золото и душу, а также философскую мазь».¹²¹ (*Codicillus*, p. 96). Последователь Луллия, Христофор Парижский, говорит: «Это масло или божественная вода... именуется Посредницей».²²¹ (*Elucidarius / Theatr. chem.*, VI, p. 214). Поэтому не удивительно, что *Пернети* (*Dictionnaire mytho-hermetique*, p. 472) приводит следующие слова из начала Codicillus: «Этого Бога вы извлекаете из сердец статуй посредством влажного купания в воде и сухого купания в огне».

Три дамы благородные, сверкают *серебром*,
Стоят четыре рыцаря в сиянье *золотом*. И
буквы проступают, те, скрытые досель, Из
коих фраза сложена, что видим мы теперь¹.

«Семь» — ссылка на божества планет, или на семь металлов². Примечательна корреляция «трех» (Венеры, Луны, Земли) с серебром (Luna), а «четырех» — с золотом (Sol), поскольку три обычно считается мужским, а четыре — женским числом³. Так как Луллий был, несомненно, знаком с Сениором, то похоже, что эта легенда конкретизирует высказывания Сениора⁴.

Идея драгоценного вещества, скрытого в «статуе», — старая традиция и особо касается статуй Гермеса или Меркурия. Псевдо-Дионисий⁵ говорит, что язычники делали статуи (ἀνδριάντας) Меркурия и скрывали в них подобие бога. Таким образом, они поклонялись не непристойной герме, а образу, скрытому внутри⁶. Платон ссылается на эти статуи, когда вкладывает в уста Алкивиада слова, что Сократ «весьма напоминает те фигуры Селена в лавках скульпторов, что держат свирели или флейты; они полые внутри, и, когда их раскрывают, видно, что в них находятся маленькие фигурки [α γ ἄ λ μ α τ α] богов»⁷.

Воображение алхимиков заставило их увидеть в статуях Меркурия подлинного бога, скрытого внутри. Меркурий был для них излюбленным именем для той сущности, которая в процессе делания превращается из первоматерии в философский камень. Фигура Адама хорошо подходила для библейского синонима алхимического Меркурия прежде всего потому, что он тоже был андрогинном, а также из-за его двойственного аспекта в качестве первого и второго Адама. Второй Адам — это Хри-

¹ Theatr. chem., Brit., p. 20f.

² Из этих семи у Нортон упоминается о железе, меди и свинце.

³ Ср. Феноменология духа в волшебной сказке, § 425, 437 сл.

⁴ Мне доступны лишь несколько трактатов Луллия из десятков существующих, поэтому я не пытаюсь проследить происхождение этой легенды.

⁵ Дионисий цитируется в алхимической литературе. См. Theatr. chem., VI, p. 91

⁶ «Они проделали в них [статуях] двери и отверстия и поместили там образы почитаемых ими богов. И хотя статуи Меркурия казались после этого не слишком внушительными, они, тем не менее, несли в себе божественное начало». (Пара фраз Пахимера из *Дионисия Ареопагита*. — De caelesti hierarchia, (Migne, P.G. vol.3, col. 162).

⁷ Symposium, 215a. В своем комментарии к этому отрывку Бьюри (R.G. Bury The Symposium of Plato, p. 143) говорит: «Внутри они [статуи] были полыми и служили вместилищами для маленьких фигурок богов, сделанных из золота и других драгоценных металлов».

стос, чья мистическая андрогиния установлена церковной традицией¹. К этой стороне Адама я обращусь позже.

Согласно мандейской традиции, Адам был создан семью в виде «безжизненной телесной статуи», которая не могла стоять прямо. Характерное выражение «телесная статуя» повторяется у манихейцев и напоминает халдейский миф, воспринятый наассенцами, что человеческое тело было сотворено демонами и названо статуей (ἀνδρίας)². Птахил,

создатель мира, попытался «вложить душу в статую», но Манда д'Хайе, спаситель, «взял душу в свои руки» и завершил труд без Птахила³. В этой связи можно отметить, что в каббалистической литературе⁴ встречается описание статуи Адама.

Поскольку у христианских писателей Адам всегда ассоциировался с идеей второго Адама⁵, легко можно понять, как эта идея возродилась среди алхимиков. Так, Милиус говорит:

Теперь остается вторая часть философской практики, гораздо более трудная и намного более величественная. В ней мы читаем, что все силы таланта, все умственные усилия многих философов иссякают. Поэтому труднее вернуть человека к жизни, чем убить его. Здесь надо молить о Божьем труде: ибо в нем заключена великая тайна творения души и превращения безжизненного тела в живую статую⁶.

¹ Достаточно обратиться к размышлениям св. Терезы Авильской или св. Иоанн на Крестителя относительно Песни Песней, 1:1: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо грудь (ubera) твоя лучше вина». [В русском каноническом тексте: «Ибо ласки твои...» — *Пер.*]

² Соответствующие слова *Инполита* (Elenchos, V, 7, 6) таковы: «Ассирийцы считают, что полурыба Оаннес (первый человек), родился среди них, а халдеи говорят то же самое про Адама, они утверждают, что его родила сама земля и что он лежал бездыханный и безмолвный, как статуя [ἀνδρίαντα], образ того высочайшего, которому поклоняются как Адамасу, порожденному многими силами».

³ *Bousset*. Hauptprobleme der Gnosis, S. 34f. Эта история из «Гензы» (святой книги мандеев) может пролить свет на слова Сениора, когда он говорит, что змей «бросит свое семя на мрамор статуи». ^[24] (De chemia, p. 78).

⁴ *Kohen*. Emek ha-Melech.

⁵ Ср. многозначительные слова *Эфраима Сирийского* (De poenitentia / Opera omnia, p. 572): «Были сотворены два Адама: первый наш отец — для смерти, поскольку он был создан смертным и грешным; второй наш отец — для воскрешения, потому что, будучи бессмертным, он смертью попирает смерть и грех. Первый Адам здесь — наш отец, второй, также отец первого Адама». ^[25]

⁶ Phil, ref., p. 19J²⁶¹ Никоим образом нельзя быть уверенным, что Милиус, который редко или никогда не указывал своих источников, является автором этой мысли, ^н легко мог позаимствовать ее откуда-нибудь, хотя я не могу проследить, откуда.

Эта живая статуя отсылает нас к конечному результату работы; а эта работа, как мы видели, была, с одной стороны, повторением создания мира, а с другой — процессом спасения, и именно по этой причине ляпис является парафразом восставшего Христа. В текстах иногда встречается хилиастическая нота с упоминанием золотого века, когда люди жили вечно без нужды и болезней¹. Примечательно, что статуя упоминается в связи с эсхатологическими идеями манихейства, как сообщает Гегемонии: мир будет поглощен огнем, и души грешников будут закованы навечно, и «сущности эти пребудут там, куда придет статуя»². Я не рискнул бы утверждать, существовало ли манихейское влияние на алхимию или нет, но стоит отметить, что в обоих случаях статуя связана с конечным состоянием. Традиция, о которой говорит Гегемонии, подтверждается недавно открытой оригинальной работой Мани, «Кефалайей»³. Там говорится:

В то время [Отец Величия] сотворил посланца, и Иисуса лучезарного, и Деву Света, и Столп Славы, и богов...⁴ Четвертая эпоха, когда они будут плакать, будет эпохой, когда статуя [ἀνδριάνς] поднимется в последний день...⁵ В тот самый день, когда поднимется последняя статуя, они возопят...⁶ Первая скала — это столп [στῦλος] славы, совершенный человек, который был призван восславленным посланцем... Он держал весь мир и стал первым издержавших его...⁷ Разумная часть [νοερόν] [сосредоточилась] в столпе славы, а столп славы — в первом человеке...⁸ Одежания, именующиеся Великими Одежаниями — это пять разумных частей, которые [сделали совершенным] столп славы, совершенного человека⁹.

Из этих отрывков становится ясно, что статуя или столп — это либо совершенный Первичный человек (τέλειος ἄνθρωπος), либо по крайней мере его тело, как в начале творения, так и в конце времен.

Однако, статуя имеет в алхимии еще одно значение, достойное упоминания. В своем трактате «De Igne et Sale» Вигенер называет солнце «глазом и сердцем осязуемого мира и образом невидимого Бога», добавляя, что св. Дионисий называет его «ясной и очевидной статуей

¹ Парацельс как духовное явление, § 214.

² Acta Archelai, XIII, p. 21J²⁷

³ Schmidt. Manichäische Handschriften der Staatlichen Museen, Berlin, I.

⁴ XXIV, p. 72, w. 33f.

⁵ LIX, p. 149, v. 29f.

⁶ R150, v. 8.

⁷ LXII, p. 155, v. 10ff.

⁸ LXXII, p. 176, v. 3ff.

⁹ P. 177, v. 2ff.

Бога»¹. Это, вероятно, ссылка на «De divinis nominibus» Дионисия (гл. 4): «Солнце есть видимый образ божественной доброты»². Вигене-нер переводит слово «eіxгav» не как «образ», а как «статуя», что не согласуется с латинским текстом сборника, опубликованного в 1502—1503 годах Марсилио Фичино, которое могло быть доступно ему. Нелегко понять, почему он перевел «eіxcbv» словом «статуя», если только он не желал повторения слова «образ», которое использовал в конце предыдущего предложения. Но могло быть и так, что слово «сердце» воскресило в его мозгу фразу Сениора «из сердец статуй», что легко могло произойти с таким ученым алхимиком. Можно предположить, однако, и другой источник: из того же трактата видно, что Вигене-ру был знаком «Зогар». Там Хайе Сара в соответствии с Книгой Бытия (28:32) говорит, что Мальхут, объединенную с Тиферетом, называют «статуей»³. В Книге Бытия (28:22) сказано: «То этот камень, который я поставил памятником, будет [у меня] домом Божиим»⁴. Камень, очевидно, служит напоминанием о том, что здесь верх(Тиферет), объединился с низом (Мальхут): Тиферет — сын⁵ вступающий с «Госпожой»⁶ в священный брак. Если наше предположение верно, то статуя должна быть каббалистическим эквивалентом философского камня, который также представляет собой союз мужского и женского начал. В том же разделе трактата Вигенера Солнце фактически предстает в роли новобрачного⁷. Поскольку несколькими строками ранее цитировался Августин, возможно, что Вигенер думал о словах Августина:

Подобно новобрачному Христос появился из своего покоя, он в предчувствии свадебных торжеств вышел в поле мира. Он шел, подобно гиганту, ликуя на своем пути и пришел к брачному ложу из креста, и там, взойдя на

¹ Theatr. chem., VI, p.9U²⁸1

² De divinis nominibus, p. 93.²⁰ Теофил Антиохийский, живший раньше Дионисия (II в.), говорит: «Солнце есть символ бога, а луна — человека». (Three Books to Autolycus, II, 15.p'

³ Kabbala denudata, I, I, p. 546.

⁴ Речь идет о камне из Вефиля, который Иаков поставил как памятник после сна о лестнице.

⁵ «Тиферету принадлежит ярчайшее». ¹³ Kabbala denudata, p. 202.

⁶ Мальхут = sponsa. Церковь Израиля также называют Мальхут. Кроме того, Мальхут и Тиферет — это сестра и брат. «Мальхут также называют матерью, поскольку она мать всех существ, находящихся на нижних уровнях, вплоть до бездны».!³²)

⁷ «Его [солнца] красоту можно сравнить с красотой новобрачного, вышедшего из своего брачного покоя. Солнце, подобно новобрачному, встает со своего ложа»³³¹ (Theatr. chem., VI, p. 92).

него, он свершил свой брак. И почувствовав дыхание творения, он силой любви отдал себя на муки вместо невесты. Он отверг также бриллиант, как драгоценность его крови, и соединился с женщиной навеки. «Я обручил вас единому мужу, — говорит апостол, — чтобы представить Христу чистой девою» [Второе послание Коринфянам, 11:2].

Поскольку Адам символизирует не только начало деяния, первоамерию, но и конец, ляпис, а ляпис — это продукт царского брака, возможно, что «statua Dei» Вигенера, заменившая более привычный «imago Dei», находится в определенной связи с каббалистической интерпретацией камня Вефиля, который, в свою очередь, обозначает союз Тиферета и Мальхут. Статуя символизирует инертную материальность Адама, который все еще нуждается в оживляющей душе; таким образом, статуя — символ одного из самых основных занятий алхимии.

3. Адам как первый посвященный

Не все алхимики считали, что Адам создан из четырех элементов. В «Introitus apertus», например, говорится, что душа золота объединяется с Меркурием в свинце, «чтобы они могли породить Адама и его жену Еву»². Здесь Адам и Ева занимают место Царя и Царицы. Но вообще Адам, будучи созданным из четырех элементов, или сам является первоамерией и арканной субстанцией³, или как первый адепт приносит их с собой из рая в начале мира. Майер упоминает, что Адам принес сурьму (которую считают тайной субстанцией)⁴ из рая⁵. В «Aquarium sapientum» утверждается, что тайна камня была раскрыта Адамом в самом начале и что впоследствии «ее добивались с нео-

¹ Sermo suppositus, 120,8(Migne,P.L.,vol.39,cols. 1984f.).^[M]

² Mus. herm., p. 688 (Waite, II, p. 189).

³ Так же, как «хаос», первичная материя, состоит из четырех первоэлементов (Theatr. chem., VI, 228), находящихся друг с другом в конфликте. Задача опуса — примирить их и создать Единого, filius philosophorum. Гностики, после дователи Ипполита, рассуждали также; они говорили о восхождении и возрождении Адама «дабы он мог родиться духовно, не телесно» (Elenchos, V, 8, 18). Его называли «могучим в битве», но битва шла в его собственном теле, «созданном из враждующих элементов» (V, 8, 19; Legge, I, p. 134).

⁴ Сурьме свойственна большая целебная сила, чем любому другому простому веществу, и поэтому она больше других напоминает тинктуру»^[35](Sutbolla, p. 379)-

⁶ Аналогично этому Милиус замечает: «Поэтому говорят, что камень присутствует в каждом человеке. Адам принес его с собой из рая, и он производит отныне наш камень и эликсир в каждом человеке»^[36] (Phil, ref., p. 30).

бычайным желанием все святые патриархи»¹. В «Glogia mundi» говорится: «Господь наделил Адама великой мудростью и столь изумительной проницательностью, что он немедленно, без помощи какого-либо учителя — просто по причине своей изначальной праведности — получил совершенное знание семи свободных искусств, знания обо всех животных, растениях, камнях, металлах и минералах. Более того, он обрел совершенное понимание Святой Троицы и пришествия Христа во плоти»². Это удивительное мнение традиционно и восходит главным образом к раввинским источникам³. Фома Аквинский тоже думал, что Адам благодаря своему совершенству должен был обладать знаниями обо всех природных вещах⁴. Согласно арабской традиции Шит(Сиф) научился у него медицине⁵. Адам также соорудил Каабу, и для этого ангел Гавриил сообщил ему план (Коран) и снабдил драгоценным камнем. Позже камень почернел из-за людских грехов⁶.

Еврейские источники даже более детальны. Адам постиг искусства⁷, изобрел письменность, ангелы научили его земледелию и всем профессиям, включая кузнечное мастерство⁸. Трактат одиннадцатого века перечисляет тридцать видов плодов, которые Адам принес с собой из рая⁹. Маймонид утверждает, что Адам написал книгу о деревьях и растениях¹⁰. Рабби Элиезер приписывает Адаму изобретение високосного года¹¹. Согласно ему, скрижали, на которых Бог позже начертал свои законы, восходят к Адаму¹². Возможно, труд Элиезера послужил источником утверждения Бернара Тревизанского, что Гермес Трисмегист нашел в долине Хеврона семь каменных скрижалей, сохранившихся с допотопных времен. На них было описание семи свободных искусств. Адам создал эти скрижали сразу после изгнания из рая¹³. Согласно Дорну, Адам яв-

¹ Mus. herm., p. 97.

² Mus. herm., p. 268 (Waite, I, p. 216).

³ Наассены считали, что халдеи отождествляли Оаннеса с Адамом.

⁴ Summa theol., I, q. 94, ad 3 (I, p. 480ff.).

⁵ Chwolsohn. Die Ssabier, II, p. 601.

⁶ Wiinsche. Salomos Thron und Hippodrom, S. 50.

⁷ Kohut. Die talmudisch-midrassische Adamssage, S. 80.

⁸ Jewish Encyclopaedia, s.v. Adam.

⁹ «Alfabet des Ben-Sira». Ср. Scheftelowitz. Die altpersische Religion und das Judentum, S. 218.

¹⁰ Chwolsohn. Die Ssabier, I, I, S. 709.

¹¹ Адам передал эту традицию Еноху, который был посвящен в принцип интеркаляции¹³⁷¹ (Ср. Pirke de Rabbi Eliezer, 20, p. 148).

¹² «Адам сказал: вот скрижали, на которых Святой Единый, благословенный, будет писать своей рукой»¹³⁸¹ (Ср. Pirke de Rabbi Eliezer, 20, p. 148).

¹³ Theatr. chem., I, pp. 774f.

лялся первым «практиком и создателем искусств». Он обладал знаниями обо всех вещах «до и после грехопадения», а также предсказал обновление и очищение мира кровью¹. Его потомки Остановили две каменных скрижали, на которых записали все «природные искусства» иероглифическим письмом. У подножия Арарата Ной нашел одну из этих скрижалей, содержащую сведения по астрономии².

Эта легенда, по-видимому, восходит к еврейской традиции, к рассказам, один из которых приводится в «Зогаре»:

Когда Адам пребывал в раю, Бог послал к нему святого ангела Разиэля³, носителя высших тайн, с книгой, в коей излагалась высшая святая мудрость. В сей книге были описаны семьдесят два вида мудрости в ста семидесяти разделах. С помощью книги он получил пятнадцать сотен ключей от мудрости, не ведомых никому из высших праведников и оставшихся тайной до тех пор, пока книга сия не попала к Адаму. С того времени он укрывал книгу, ежедневно пользуясь этими сокровищами Господа; открывающими ему высшие тайны, из которых даже первейшие ангелы не знали ничего до тех пор, пока он не был изгнан из рая. Но когда он согрешил и нарушил веление Господа, эта книга ускользнула от него... Он передал ее своему сыну Сифу. От Сифа она перешла к Еносу, а от него...к Аврааму⁴.

В «Clementine Homilies» (II в.) Адам — первый в ряду восьми воплощений «истинного пророка». Последний — Иисус⁵. Эта идея следующих друг за другом пророков, вероятно, восходит к еврейской и иудео-христианской традиции, но в Китае она ярко реализовалась в фигуре Пань-Гу⁶. Он изображается в облике карлика, одетого в медвежью шку-

¹ «Оказавшись на грани гибели, мир должен быть обновлен или, скорее, подвергнут очищению водой»¹³⁹¹ (Congeries Paracelsicae / Theatr. chem., I, p. 617).

² Theatr. chem., I, p. 617f.

³ От арамейского *ras* — тайна.

⁴ Peter Beer. Geschichte, Lehre und Meinungen aller bestandenen und noch bestehenden religiosen Sekten der Juden und der Geheimlehre oder Cabbalah, II, S. 1 If. Мистическая книга «Сефер Разиэль» — один из самых старых каббалистических текстов (1-е изд. Амстердам, 1701). Она идентична «Sifre de-Adam Kadma», которая цитируется в «Zohar». (Ср. Jewish Encyclopaedia, s.v. Adam). По другой версии, эта книга была сделана из драгоценных камней и содержала названия всех семи амулетов, которые Господь даровал Адаму. (Grunwald. Neue Spuk-und Zauberliteratur», p. 167f.)

⁵ Ряд состоит из Адама, Еноха, Ноя, Авраама, Исаака, Иакова, Моисея, Христа. — Clementine Homilies, p. 283, 259.

⁶ Пань означает «яичную скорлупу», Гу — «твердое, делающее твердым»; «не развитое и непросвещенное, то есть эмбрион» (Hastings. Encyclopaedia of Religion and Ethics, IV, 141a).

ру или листья, с двумя рогами на голове¹. Он произошел из ян и инь, придав форму хаосу и создал небо и землю. Ему помогали четыре символических животных: единорог, феникс, черепаха и дракон². Он также представлен солнцем, с одной стороны, и луной — с другой. Подругой версии у него голова дракона и тело змеи. Он превращает себя в землю вместе со всеми своими созданиями и таким образом оказывается подлинным homo maximus [человеком великим] и антропосом. Пань-Гу был даосом и о нем ничего не было известно вплоть до IV века от Рождества Христова³. Он перевоплотился в Юань-чжи Тянь-цзунь, Первопричину и высшего в небесах⁴. Как источник истины, он провозгласил новое учение, обещающее бессмертие для каждой новой эпохи. Завершив труд по созданию, он отбросил свою телесную оболочку и оказался бесцельно плавающим в пустом пространстве. Поэтому он пожелал возродиться в видимой форме. Наконец он нашел святую деву сорока лет от роду, жившую на горе и питающуюся воздухом и облаками. Дева была гермафродитом, воплощением одновременно ян и инь. Каждый день она собирала квинтэссенцию солнца и луны. Пань-Гу привлекла ее девственная чистота, и однажды, когда она делала вдох, он вошел в нее в виде луча света так, что она забеременела. Беременность продолжалась двенадцать лет, и родила она из спинного мозга. После этого ее стали называть Тай Юань Шэн-му, «Святой Матерью Первопричины»⁵. Относительно поздние сведения о легенде оставляют открытой возможность христианского влияния. В то же время ее аналогия с христианскими и персидскими идеями не доказывает ее зависимость от этих источников. В ряду из восьми воплощений «истинного пророка» выделяется особое положение восьмого, а именно Христа. Восьмой пророк не просто последний в ряду; он соответствует первому и в то же время замыкает семь остальных, предвещая переход на новый уровень. На примере современных сновидений я показал в «Психологии и Алхимии» (§ 200 и далее), что, несмотря на то, что семь формируют непрерывный ряд, шаг к восьмому включает колебание и неопределенность и представляет собой повторение того же явления, которое происходит с тремя и четырьмя (аксиома Марии). Весьма Примеча-

¹ Моисея тоже изображают с рогами.

² Ср. в христианстве связь антропоса с тетраморфом (ангелом, орлом, львом, быком).

³ Предполагается, что он был, так сказать, изобретен даосским философом Го Хунем в IV веке.

⁴ Он «несотворенный», созданный из несотворенного, нетленного воздуха.

⁵ Об этих утверждениях см. Werner. Myths and Legends of China, p. 76ff. Криг (*Chinesische Mythen und Legenden*, S. 7ff.) Авет прекрасный комментарий к легенде

⁰ Пань-Гу, в которой рассматривает целый ряд даосско-алхимических мотивов.

тельно, что мы встречаем ее снова в даосском ряду из «восьми бессмертных» (сянь-янь): семь — это великие мудрецы, или святые, живущие на небесах или на земле, но восьмая — *дева*, подметающая упавшие цветы у южных ворот неба¹. Параллель этому встречается в сказке братьев Grimm о семи воронах: у семи братьев есть одна сестра². В этой связи можно вспомнить Софию, о которой Иреней говорит: «Эту мать также называют Огдоадом, Софией, Террой, Иерусалимом, Святым Духом и в мужском обличье — Господом»³. Она пребывает «под Плеромой и вне ее». Такая же мысль возникает, если вспомнить то, как Цельс описал «диаграмму Офита», где фигурирует семь планет, против чего выступил Ориген⁴. Эту диаграмму я назвал бы мандалой — упорядоченной структурой или структурой порядка, созданного сознательно или появляющегося спонтанно как продукт бессознательных процессов⁵. Описание Оригена, к несчастью, не дает нам о ней ясного представления, но мы по крайней мере можем заключить, что диаграмма состояла из десяти кругов, вероятно, концентрических, поскольку он говорит об окружности и центре⁶. Внешний круг помечен словом «Левиафан», а самый внутренний — словом «Бегемот», оба явно совпадают, поскольку «Левиафаном» называли как центр, так и окружность⁷. В то же время, «нечестивая диаграмма утверждает, что Левиафан... есть душа, которая пропитывает вселенную»⁸.

Ориген использовал диаграмму, подобную диаграмме Цельса, и раскрыл в ней имена семи ангелов, на которых намекал Цельс. Князь этих ангелов назывался «проклятым Богом», а сами они именовались иногда «богами света», *и* иногда — «архонтами». «Проклятый Бог» относится к иудео-христианскому создателю мира, как правильно отмечает Ориген. Яхве появляется здесь, очевидно, как князь и отец семи архонтов⁹. Первый из них имел «вид льва» и звался Михаил; второй был бы-

¹ *Wilhelm. The Chinese Fairy Book*, p. 76ff.

² Сказки братьев Grimm.

³ *Adv. haer.*, I, v, 3.

⁴ *Contra Celsum* VI, 24.

⁵ Ср. Исследование процесса индивидуации; О символизме мандалы.

⁶ Она состоит из десяти кругов, отделенных друг от друга и соединенных единственным кругом, который является душой универсума и называется Левиафаном»¹⁴¹¹ (*Contra Celsum*, V, 25, p. 340).

⁷ Текст гласит: «Мы также обнаружили, что в ней упоминается и Бегемот, как существо, находящееся в самом нижнем круге. Создатель этой ужасающей диаграммы изобразил Левиафана и на окружности, и в центре круга, поставив его имя дважды»¹⁴¹¹.

⁸ *Ibid.* ¹⁴².

⁹ *Ibid.*, VI, 27, pp. 342f.

ком и звался Суриэль, третий, Рафаил, имел вид змея; четвертый, по имени Гавриил, — вид орла, пятый, Тотабаоф, — медведя, шестой, Эртаоф, — пса, а седьмой имел облик осла и прозывался Оноель, или Тафабаоф, или Тартатаоф¹.

Следует допустить, что эти имена были даны восьми внутренним циклам. Семь архонтов соответствуют семи планетам и представляют столько же сфер с дверями, через которые священник должен пройти в своем восхождении. Здесь, говорит Ориген, источник Восьмерицы (Ог-доада), которая определенно должна состоять из семи и их отца Яхве. В этом месте в качестве «первого и седьмого» Ориген упоминает Иалда-баофа, о котором мы раньше не слышали. Этот высший архонт, как нам известно также из других источников, обладает львиной головой или даже полностью подобен льву². Поэтому он должен соответствовать Михаилу в орфической диаграмме, первому в перечне архонтов. «Иалдаба-оф» означает «дитя хаоса»; таким образом, он первенец нового порядка, заменившего хаос. Как первый сын, он крайний в ряду³, и это свойство он разделяет с Адамом и Левиафаном, который, как мы видели, является и окружностью, и центром. Такие аналогии внушают мысль, что диаграмма содержала ряд концентрических кругов⁴. Старая картина мира, где земля была центром вселенной, предполагала существование различных «небес» — сферических слоев или сфер — расположенных концентрически вокруг центра и названных в соответствии с планетами. Самую внешнюю планетарную сферу, или архонта, называли Сатурном. Вовне должна была находиться сфера неподвижных звезд (соответствуя Левиафану в качестве девятого круга диаграммы), если мы не предназначим это место для демиурга или для отца или матери архонтов. Из текста очевидно, каково значение⁵ Восьмерицы — такое же, как и в системе Птолемея, которую излагает Иррей⁶. Восьмую сферу называли Ахматок (София, Премудрость)⁷, и она имела женскую природу, подобно тому, как Дамаския семеричность была атрибутум Крона, а восьмеричность — Рей⁸. В нашем

¹ Ibid., VI, 30, p. 346.

² «...и они говорят, что звезда Сатурн находится в согласии с подобным льву Архонтом» (VI, 31, p. 347).⁴³ Ср. Bousset. Hauptprobleme der Gnosis, S. 35ff.

³ В молитве священнослужитель обращается к Иалдабаофу с такими словами: «И ты, Иалдабаоф, первый и седьмой... совершенное деяние Отца и Сына»⁴⁴ (Ориген, VI, 31, стр. 347).

⁴ Лайзеганг (Die Gnosis, p. 169) предлагает другую реконструкцию, но не принимает во внимание семь сфер архонтов.

⁵ VI, 31, p. 347.

⁶ Adv. пae г., I, ivff.

⁷ Демиург семеричен, но Ахматок восьмерична.

*Damascius. De Principiis (ed. Ruelle), § 266(11, p. 132f.)⁴⁵

тексте девственная Пруникос связана с мандалой из семи кругов¹: «И вот еще одно неоспоримое слово мудрецов: круги включены в круги... и сила проистекает из некоей Пруникос, девственной, живой души»².

«Круги, включенные в круги» решительно указывают на концентрическое устройство, которое мы обнаруживаем и в Геродотовом описании³ семи круглых стен Эжбатаны⁴. Крепостные валы этих стен были окрашены в различные цвета; из двух внешних и самых высоких стен одна была посеребренная, а другая — золоченая. Стены Явно представляли концентрические круги планет, каждый из которых характеризовался своим цветом.

Во введении к своей диаграмме Цельс излагает встречающуюся у персов и в митраистических таинствах идею о лестнице с семью дверями и с восьмой дверью наверху. Первая дверь была Сатурном и соответствовала свинцу и так далее. Седьмая дверь была золотой и обозначала Солнце. Упоминались также и цвета⁵. Лестница представляет «путь души» (*animae transitus*). Восьмая дверь соответствует сфере неподвижных звезд.

Архетип семи появляется вновь в схеме недели и названиях ее дней, а также в музыкальной октаве, где последняя нота всегда начинает новый цикл. Это может быть убедительной причиной, почему восьмое число — женское: это *мать* нового ряда. В Клементовом ряду пророков восьмой — Христос. Как первый и последний Адам, он закругляет ряд из семи, также как, согласно Григорию Великому, он, «облекшись плотью, соединился с Плеядами, ибо постиг в себе, однажды и навсегда, деяния семикратного Святого Духа»⁶. Этим ссылок достаточно, чтобы показать особую природу восьмерки и ее стремление к женскому началу в христианском гнозисе.

Двойственная природа Адама вновь проявляется у Христа: его природа — муже-женская. Бёме показывает это, утверждая, что Христос был «девственницей в душе»⁷. Она — «образ святого числа Три»⁸, «веч-

¹ *Contra Celsum*, p. 350.⁴⁶¹ Ориген отмечает, что гностики уподобляли Пруникос «женщине, двенадцать лет страдавшей от кровотечения». Тай Юань, «Святая Мать Первопричины», была беременна двенадцать лет.

² *Ирений* (кА), haec., I, iv, 2) утверждал, что, согласно учению Валентина, «цельная мировая душа и душа Создателя» произошла от стремления Софии к дающему жизнь (Христу). (Ср. *Writings*, I, p. 17.)

³ *The Histories*, 1,98.

⁴ О мандале как плане примитивного поселения см. Психология переноса, § 433ff.

⁵ «Ибо эти два металла напоминают цвета солнца и луны».¹⁴⁷¹

⁶ *Moralia in Job*, cap. 38, bk. 29, chap. 31 (Migne, P.L... vol. 76, col. 519).⁴⁸¹¹

⁷ *Three Principles of the Divine Essence*, XVIII, 20, p. 178.

⁸ Высокое и глубокое исследование касательно тройкой жизни человека, V, 41.

но несотворенная и нерожденная»¹. Где есть «Слово», там есть девственница, потому что «Слово» находится в ней². Она — «семя женщины»³, которое будет поражать змея в голову (Бытие, 3:15)⁴. Разящий змея в голову — это Христос, который, таким образом, оказывается тождественным семени женщины или девственницы. У Бёме девственница носит характер анимы, поскольку «ей дано быть спутницей твоей в твоей душе»⁵, и в то же самое время, как божественная сила и мудрость, она пребывает на небесах и в раю⁶. Бог дал ее ему, чтобы она была его «супругой»⁷. Она выражает глубину и бесконечность Божества⁸, соответствуя, таким образом, индийской Шакти⁹. Андрогиное единство Шивы и Шакти изображают в тантрической иконографии как непрерывную совместную жизнь¹⁰.

Идеи Бёме возымели большое влияние на Франца фон Баадера, утверждавшего, что Бог дал Адаму помощника (adjutor), с которым Адам «должен был стать родителем без женщины», как это смогла Мария без мужчины. Но Адам «почувствовал влечение» к животному акту копуляции и подвергся опасности самому скатиться до уровня животного. Бог, предвидя такую возможность, сотворил Еву как «благоприятное противодействие [rettende Gegenanstalt], дабы предотвратить в противном случае неизбежное погружение мужчины... в животное состояние»¹². И когда над Адамом все же нависла такая угроза, божественная андро-гинность покинула его, однако сохранилась в Еве как «семя женщины», с помощью которого мужчина должен был освободиться от «семя змея». Ибо «рожденный Девой Марией есть тот самый, кто должен был оставить Адама из-за его падения»¹³.

Ориген коснулся проблемы присутствия божественной пары, или андрогина, в человеческой душе: «Говорят, что как на небосклоне есть два

¹ Ibid., XI, 12. Ср. с несотворенным Парацельса и алхимиков (Психология и алхимия, §430f.).

² Ibid., VI, 77-78.

³ Zweyte Apologie wieder Balthasar Tilken (Амстердам, 1682), II, 227.

⁴ Mysterium Magnum, IX, 11; XXIII, 38.

⁵ *Three Principles*, XVII, 78.

⁶ Ibid., XIII, 9.

⁷ *Menschwerdung Christi*, I, ch. 11, 10.

⁸ *Высокое и глубокое исследование*, V, 56.

⁹ *Avalon. The Serpent Power*.

¹⁰ Об этом мотиве см.: Символы трансформации, § 306,349,620.

¹¹ Lit., «vergauffte sich» (влюбился). Это выражение восходит к Парацельсу. См. *Liber Azoth* (изд. Sudhoff, vol. XIV), p. 574.

¹² *von Baader. Werke*, VII, p. 229.

¹³ Ibid., p. 231.

великих светила — солнце и луна, так и наш небосклон освещают Христос и Церковь»¹. Адам и Ева пребывают в каждом из нас, как говорит Григорий Великий; Адам символизирует дух, Ева — плоть².

Ориген, подобно Клименту Римскому, наделяет Адама пророческим даром: «Ибо он провидел великую тайну Христа и Церкви, о чем говорят слова: «Посему оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть»»³ (Бытие, 2:24, Ев. от Матфея, 19:5, и Марка, 10:7).

Я завершу описание замечательной оснащённости первого человека арабской легендой, имеющей глубокий смысл. Когда Адам покинул рай, Бог послал к нему ангела Гавриила с тремя дарами, из которых он должен был выбрать один: скромность, разум или религию. Без колебаний Адам выбрал разум. Тогда Гавриил приказал скромности и религии сразу же вернуться на небо. Но они отказались, сославшись на веление самого Бога никогда не покидать разум, где бы он ни был. Ибо Пророк сказал: «Никогда не подчиняйтесь тому, в ком нет следов разума»⁴.

4. Полярность Адама

Всегда было широко распространено мнение, что первому человеку должна быть присуща природа «света», отсюда частые сравнения с солнцем. Алхимики не настаивали на этом аспекте, поэтому я лишь слегка коснусь его. Обычно в неалхимической литературе Адам предстает как «светлая» фигура, чье сияние даже превышает солнечное. Он потерял это излучающее свойство из-за грехопадения⁵. Здесь мы обнаруживаем намек на его двойственную природу: с одной стороны, сияющую и совершенную, а с другой — темную и земную. В интерпретации хагады его имя выводится из слова *адамах*, земля⁶.

¹ In GenesimHom., I, 7 (Migne, P.G., vol. 12, col. 151).

² «Каждый человек несет в себе и Адама, и Еву. То, что произошло во время грехопадения (змей предложил, Ева восхитилась, а Адам согласился), мы видим ежедневно: дьявол предлагает, плоть восхищается, а душа соглашается».¹⁴⁹¹ — In Septem Psalmos poenitentiales, V, § 8 (Migne, P.L., vol. 79, col. 608).

³ In Cant. horn. (Migne, P.G., vol. 13, cols. 47ff.).

⁴ Le Livre des Balances (*Berthelot. Chimie au moyen age*, III, p. 140).

⁵ *Irenaeus. Adv. haer.*, 1,30,9; *Bousset. Hauptprobleme der Gnosis*, S. 198; *Bezold. Die Schatzhöhle*, p. 2>\Kohut. Adamssage, p. 72,87; *Jewish Encyclopaedia*, s.v. Adam; *Wiinsche. Schopfung und Siindenfall des ersten Menschenpaares*, S. 11.

⁶ *Gruenbaum. Jüdisch-deutsche Crestomatie*, S. 180. Слово *Адамах* также родственно еврейскому *дам*, «кровь».

Его двойственную природу подтверждает Ориген: один Адам был сделан из земли, другой — «по образу и подобию Божьему. Он наш внутренний человек, невидимый, бестелесный, незапятнанный и бессмертный»¹. Похожие взгляды мы находим и у Филона². Стоит отметить, что в Послании к Колоссянам (1:15) Христос «есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари».

Двойственная природа Адама отражена в его гермафродитизме. Так, Дорн говорит, что «огненный и совершенный Меркурий» — это «истинный гермафродитный Адам»³. Подобная идея получила распространение и среди наассенцев. «Эти люди, — говорит Ипполит, — почитают как начало всех вещей, по их собственному утверждению, Человека и Сына человеческого. Но этот Человек — муже-женщина [арсево-9т|Я. г> Q] и они называют его Адамас; и гимны, посвященные ему, многочисленны и разнообразны». Вот один из них: «Из тебя исходит отец, через тебя действует мать, два бессмертных имени, родители Эонов, о живущий на небесах, о Человек с Великим Именем!»⁴ Адам существует как муже-женщина также и в еврейской традиции. В «Midrash Rabbah» (VIII, I)⁵ он андрогин, или мужчина и женщина в одном теле с двумя лицами. Бог распилил тело надвое и сделал каждой половине спину⁶. Благодаря своей андрогинии Адам родствен сферическому Первому Существу Платона⁷ и персидскому Гайомарту. Эта идея оставила в алхимии мало следов. Например, Глаубер приписывает Адаму знак окружности, а Еве — знак квадрата⁸. Окружность обычно была знаком золота

¹ In Genesim Horn., I, 13.^[.w]

² Филон различает смертного Адама, созданного из земли, и Адама, созданного по образу и подобию Божьему, и говорит о последнем: «Он, созданный по [божественному] образу, был идеей, или родом, отпечатком, объектом мысли, бестелесным. Ни мужчиной, ни женщиной, нетленным по природе».⁶¹¹ (О сотворении мира в изложении Моисея, § 134, с. 106 сл.).

³ Congeries Paracelsicae / Theatr. chem., I, p. 578.

⁴ Elenchos, V, 6,4f (Legge, I, p. 120).

⁵ Изд. Freedman и Simon, II, p. 54. Ср. также Scheftelowitz. Die altpersische Religion und das Judentum, p. 217; Bousset. Hauptprobleme der Gnosis, p. 198.

⁶ В Адамовой спине заключен определенный смысл. Исламская легенда гласит: «Тогда Бог заключил договор с потомками Адама: Бог коснулся его спины, и вот, все люди, которые рождаются до конца мира, должны выползти из его спины, маленькие, как муравьи, и расползтись по ней от левого до правого плеча». (Weil. Biblishe Legende der Muselmanner, S. 34). Затем Бог послал эти малые души обратно в позвоночник Адама, где они умерли, воплотившись в едином духе. (Ghazali. Die kostbare Perle im WissendesJenseits, p. 7.) Цит. по: Aptowitz. «Arabisch-judische Schopfungstheorien».

⁷ [См. Платон, Тимей, 30—34]

⁸ De signature salium, metellorum et planetarum, p. 12.

или солнца. Солнечный знак мы встречаем в «Книге пещеры сокровищ»: «Тогда Бог создал Адама... И когда ангелы узрели его великолепный вид, то были взволнованы его красотой; ибо они увидели выражение его лица, когда он был воодушевлен, в сияющем блеске, подобно солнечному шару, и свет его глаз был подобен свету солнца, и форма его тела подобна сверкающему хрусталу»¹. Арабский герметический текст о создании Адама рассказывает, что, когда девственница (Ева) обрела силу, ангел Гарус (Гор) явился по единодушному желанию всех планет. Этот Гарус взял у планет шесть духов, у зодиака — восемь, у высших небес — девяносто, у земли — сто двадцать семь, всего триста шестьдесят духов, смешал их и сотворил из них Адамануса, первого человека, «по образцу высшего неба»². Число 360 и «образец неба» указывают на круглую форму.

Однако, помимо андрогинии, Адам обладает фундаментальной полярностью, основанной на противоречии между его физической и духовной природой. Такое свойство Адамовой природы ощущалось людьми издревле; определенно об этом сказано у рабби Иеремии бен Элеазара: по его словам, Адам должен обладать двумя лицами, в соответствии с его интерпретацией сто тридцать восьмого псалма (стих 5): «Сзади и спереди ты объемлешь меня»³, и в исламе, где считается, что душа Адама была сотворена за тысячи лет до его тела и отказалась войти в фигуру, сделанную из глины, так что Бог вынужден был сделать это силой⁴.

По мнению раввинов, Адам даже имел хвост⁵. Условия, в которых находился Адам, сперва были скорее неблагоприятными. Когда он лежал на земле, еще безжизненный, то даже был зеленоватого цвета, и тысячи нечистых духов летали вокруг, желая войти в него. Но Бог гнал их прочь, пока не остался только один — Лилит, «повелительница духов», которая сумела так прикрепиться к телу Адама, что забеременела от него. Она улетела лишь тогда, когда появилась Ева⁶. Демоническая Лилит кажется некоей стороной Адама, поскольку легенда гласит, что она была создана вместе с ним из той же земли⁷. Когда нам говорят, что бесчисленные демоны и привидения образовались из ночных поллюций (*ex nocturno seminis fluxu*) Адама, это бросает тень на его образ. По-

¹ *Bezold. Die Schatzhöhle*, S. 3.

² *Reltzenstein и Schaefer. Studien zum antiken Synkretismus aus Iran und Griechenland*, S. 114.

³ *Jewish Encyclopaedia*, s.v. Adam.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.*

⁶ *Zohar I*, 34 и III, 19.

⁷ Согласно Бен Сире. Ср. *van Dale. Dissertationes de origine ac progressu Idololatriae et Superstitionum*, p. 112.

лобное происходило в течение тысячи тридцати лет, которые он провел без Евы, подвергнутый небесным судом «анафеме отлучения»¹. В гностицизме первый человек Адамас, который представляет собой нечто иное, как парафраз Адама², приравнивался к непристойному Гермесу и Корибасу, педерастическому обольстителю Диониса³, а также к бесстыдным кабирам⁴. В «Pistis Sophia» мы встречаем Саваофа Адамаса, правителя (τύρανος) Эонов, который сражается против света Истинной Мудрости⁵, стало быть, всецело на стороне зла. Согласно учению богомилов, Адам был сотворен из грязи Сатанаилом, первым сыном Бога и падшим ангелом. Но Сатанаил был неспособен вдохнуть в него жизнь, и поэтому Бог сделал это за него⁶. Внутренняя связь Адама с Сатаной также видна в раввинской традиции, где говорится, что Адам однажды воссядет на престол Сатаны⁷.

Как первый человек, Адам — это homo maximus, антропос, из которого вырос макрокосм, или который и есть макрокосм. Он не только первоматерия, но и универсальная душа, которая, к тому же, душа всехлюдей⁸. Ман-

¹ Ibid., p. 111.

² Согласно учению барбелиотов (*Irenaeus. Adv. haer.*, 1,29,2f.; *Writing*, I, p. 102).

³ Ср. Scholia in Lucianum, «De dea Syria», 28 (ed. Rabe, p. 187); *Roscher. Lexicon*, s.v. χορνοποι; col. 1392 b.

**Hippolytus. Elenchos*, V, 8,9ff.

⁵ Pistis Sophia, p. 19, 30. Об Адаме как «главе Зона» см. *Lidzbarski. Das Johannesbuch der Mandaer*, S. 93, line 4.

⁶ *Euthymios Zigabenos. Panoplia Dogmatica* (Migne, P.G., vol. 130).

⁷ *Wunsche. Die Sagen vom Lebensbaum und Lebenswasser*, S. 23.

⁸ Исчерпывающий обзор материала по Адаму см.: *Murmelstein. Adam, ein Beitrag zur Messiaslehre*. Об универсальной душе см. там же: XXXV, S. 269, и XXXVI, S. 214: «Пока Адам лежал там безжизненным телом, Бог показал ему всех праведников, которые однажды произойдут от него. Их начала были скрыты в разных частях Адамова тела, один должен был произойти из его головы, другой — из волос, остальные — из его лба, глаз, носа, рта, ушей и челюстей. Доказательства тому можно найти в Книге Иова (38:4), где [согласно интерпретации по методу мидраш], Бог говорит Иову: «Скажи мне, как ты создан, из какой части тела Адама ты вышел, если ты знаешь ответ, тогда состязайся со мной». [В русском тексте стоят Другие слова: «Где ты был, когда я полагал основания земли? Скажи, если знаешь» (38:4), «...будет ли состязающийся со Вседержителем еще учить?» (39:32) — *Пер.*] Первый Адам был также велик, как мир, от края идо края, и ангелы поэтому должны были восклицать перед ним «Священный!», но Бог сделал его маленьким, оторвав куски от его членов, и они лежали вокруг Адама. Адам сказал Богу: «Для чего ты обобрал меня?» Бог отвечал ему: «Я многократно вознагражу тебя за раны, ибо сказано: Сын Давидов не придет, пока все души в твоём теле не станут землей. Возьми эти части и отнеси их во все области земли; там, где ты бросишь их,

деи считали, что он есть «тайна миров»¹. Концепция антропоса впервые проникла в алхимию через Зосиму, для которого Адам был двойственной фигурой — плотским человеком и «человеком света»². Я в достаточном объеме рассматривал значение идеи антропоса в «Психологии и алхимии», так что не вижу нужды в дополнительных сведениях. Поэтому я ограничусь только материалом, имеющим исторический интерес в связи с развитием мысли алхимиков.

Уже у Зосимы³ можно различить три источника: иудейский, христианский и языческий. В поздней алхимии языческо-синкретический элемент естественно отходит на задний план, оставляя место преобладающему христианскому элементу. В XVI столетии иудейский элемент становится вновь заметным под влиянием Каббалы, которую открыли для широкой публики Иоганн Рёйхлин⁴ и Пико делла Ми-рандола⁵. Несколько позже внесли свой вклад гуманисты, пользуясь еврейскими и арамейскими источниками, а в особенности «Зогаром». В XVII веке появился якобы иудейский трактат «Uraltes Chymisches Werck» Авраама Элеазара⁶, где обильно применялась древнееврейская терминология и предьявлялись претензии на то, что это и есть таинственный «Rindenbuch» Авраама Иудея, в котором Николая Фла-мель (1330—1417)⁷, как говорят, нашел секрет изготовления золота. Вот выдержка из этого трактата:

Ной должен отмыть меня в глубочайшем море, тщательно и с усердием, чтобы ушла моя чернота; я должна лежать здесь в пустыне среди множества змей, где никто не пожалеет меня; я должна быть пригвождена к этому чер-

они обратятся в прах, и тогда землю заселят твои потомки. Места, которые ты предназначишь для Израиля, будут принадлежать Израилю, а места, которые ты предназначишь для других народов, будут принадлежать другим народам». В этом хаггаде (рассуждении), следовательно, говорится, что в Адаме присутствовали все поколения людей; в его душе — все души, а в его теле — все тела.

¹ Lidzbarski. *Das Johannesbuch der Mandaer*, p. 168, line 7.

² Ср. текст Зосимы в кн.: Психология и алхимия, § 456.

³ Berthelot. *Alch. grecs*, III, xlix, 4-12.

⁴ Reuchlin. *De verbo mirifico; De arte cabbalistica*.

⁵ *Apologia tredecim Quaestionum / Opera* (Venice, 1557).

⁶ *Uraltes Chymisches Werck*, 2-е изд., 1760. Работа опубликована в Лейпциге Юлиусом Гервасием фон Шварцбургом.

⁷ См. введение к книге. Полагали, что рукопись находилась в собственности кардинала Ришелье. История гласит, что Фламель купил эту написанную на коре рукопись, за два флорина у неизвестного человека. Но на самом деле это подделка начала XVIII века. Впервые опубликована в 1735 году.

ному кресту и смыта оттуда презрением и уксусом¹, и сделаться белой, чтобы внутренний разум мой был подобен солнцу Мареца², и сердце мое сверкало, как бриллиант, и старый Адам вновь вышел бы из меня. О Адам Кадкой, сколь прекрасно искусство твое! И одет ты в рикму³ Царя Мира! Подобно Кедару⁴, черна я теперь, ах! Какдолго! О, приди, мой Месех⁵, и разоблачи меня, чтобы стала видна моя внутренняя красота... О, что за змей соблазнил Эву! Ему я обязана своим черным цветом, который пристал ко мне и стал моим из-за проклятья этой веры, и поэтому я недостойна всех братьев моих. О, Суламифь, исстрадавшаяся душой и телом, страж великого города отыщет тебя и ранит, и лишит тебя твоих одеяний, и сорвет с тебя покрывало... Однако я вновь буду счастлива и снизойдет на меня благословение, когда освобожусь от яда, принесенного ко мне проклятием, и мое сокровенное семя и первоначало появится вновь. Потому что его отец — солнце, а мать — луна. Да, я знаю, что нет жениха, который любил бы меня, ведь я столь черна. Ах! Сойди с небес и расплавь мои горы! Ведь ты стер в пыль могучие царства Ханаанские и разрушил их медным змеем Иисуса Навина и принес их в жертву Алгирук Δ [огню], чтобы заточенная в горах, могла бы освободиться⁶.

Очевидно, что слова эти вложены в уста женской персонификации первоматерии в стадии *pigredo*. Психологически эта темная фигура представляет собой бессознательную аниму. В этом состоянии она соответствует *нефёш* каббалистов⁷. Она — «желание», как об этом определенно сказал Кнорр фон Розенрот: «Мать есть не что иное, как склонность отца к любви»⁸. Чернота коренится в грехе Евы. Суламифь (Суламита) и Ева (Хавва, земля) сливаются в одну фигуру, которая вмещает в себя Адама, как мать — свое дитя, и в то же самое время ожидает первого Адама, то есть Адама до падения, совершенного Прачелове-

¹ Эта фраза встречается также у Майера (*Symbola*, p. 568): «В нашей химии есть некая благородная субстанция, передававшаяся от господина к господину, в начале от нее исходила горечь и несчастье, но в конце — радость и счастье».¹⁵²¹

² Элеазар утверждает, что Марец, ∇ , означает землю, еврейское *эрец*.

³ Еврейское *рикма*, многоцветная одежда.

⁴ Люди Кедара жили в черных шатрах.

⁵ Смешанное питье, вино с пряностями.

⁶ *Uralttes Chymisches Werck*, II, S. 5 If.

⁷ «Душа, названная им *нефеш*, есть жизненный дух, не вполне телесный, но прирожденный, примитивный и плодотворный; и поздние авторы назвали его Архе-ем. Он соответствует вегетативной или пластичной душе философов, и эмоциональной и вожделеющей душе платоников».¹⁵³ (Замечание Кнорра к § 7 *Tractatus de revolutionibus animarum / Kabbala denudata*, II, 3, p. 247). *Нефеш* — это душа, которая есть кровь; отсюда — запрет на использование крови в пищу (Лев. 17:14).

S [54]

ка, как своего возлюбленного и жениха. Она надеется, что благодаря ему избавится от своей черноты. Здесь снова мы сталкиваемся с мистицизмом Песни Песней и «Auroga consurgens I». Еврейский гнозис (Каббала) комбинируется с христианским мистицизмом: жениха и невесту называют, с одной стороны, Тиферетом и Мальхут, а с другой — Христом и Церковью¹. Мистицизм Песни Песней² развился в еврейско-гно-стических кругах в III—IV веках, что подтверждают фрагменты трактата под названием «Shiur Kота» («Мера тела»). В нем рассматривается «мистицизм, иудеизированный лишь поверхностно ссылками на описание возлюбленной из Песни Песней»³. Фигура Тиферета относится к системе Сефирот, представленной как дерево. Тиферет занимает среднее положение. Адам Кадмон представляет собой либо все дерево, либо считается посредником между высшей властью, Эн-Соф, и Сефирот⁴.

¹ «Каббалисты называют Адама Адамом Кадмоном, дабы отличить его от Адама-первочеловека... потому что он первейший из всего, сотворенного Богом, как первый человек среди всего человечества. Ничто другое не может лучше соответствовать этому, чем душа Мессии, о котором Павел говорил в I Кор. 15:45-49»^{JSS} (Замечание Кнорра к Tractatus de revolutionibus animarum / Kabbala denudata, II, 3, p. 244.)

² «Любовь царя к царице это любовь Бога к «Сиону», или же к той силе, что называется «Шалом», мир или свершение, или к Суламифи, что превозносится в Песни Песней» (Muller. DerSoharund seine Lehre, S. 46).

³ Scholem. Kabbala / Encyclopaedia Judaica, IX, cols. 630ff.

⁴ Kabbala denudata, I, p. 28, s.v. homo. Wunsche (Kabbala. — см. Herzog и Hauck. Realenzyklopadie, IX, p. 676) пишет: «Относительно Адама Кадмона каббалистические писания не вполне ясны. Иногда он понимается как Сефирот во всей своей полноте, иногда как первая эманация, существовавшая до Сефирот и пре восходящая ее, эманация, через которую Бог... был проявлен и... открыл себя в целостности Творения как некоего прототипа (макрокосма)». В последнем случае все выглядит так, как если бы Адам Кадмон был первым откровением, установив шимся между Богом и миром, так сказать, второй Бог, или божественный Логос. Этот взгляд совпадает с тем местом из «Kabbala denudata», которое появилось под влиянием Исаака Лурии. Здесь Адам Кадмон — «посредник между Эн-Соф и Сефирот» (Jewish Encyclopaedia, III, p. 475, s.v. Cabala). Др. С. Гурвиц отсылает меня к «Zohar» (III, 48a): «Как только был сотворен человек, было сотворено и все остальное, верхний и нижний миры, ибо в человеке содержится все». Исходя из этого взгляда, Адам Кадмон — это homo maximus, который сам является миром. Человек и его небесный прототип суть «близнецы» (Талмуд, «Sanhedrin», 46b, изд. Epstein, I, p. 306). Адам Кадмон — это «высший человек» божественной колесницы (Меркабы), «высший венец» (Кетер), anima generalis [всеобщая душа]. По словам Исаака Лурии, в Адаме Кадмоне заключены все десять Сефирот. Они образуют вокруг него десять концентрических кругов, и эти круги суть нефеш, т.е. души. [Ср. выше, диаграмму Офита у Оригена (Contra Celsum.)]

Черная Суламита в нашем тексте соответствует Мальхут как вдове, которая ожидает соединения с Тиферетом и восстановления с его помощью изначальной целостности. Соответственно, Адам Кадмон здесь занимает место Тиферета. Упоминание о нем можно найти у Филона и в мидрашитской традиции. В последней мы встречаем различие между небесным и земным Адамом, как в Первом послании к Коринфянам, 15:47: «Первый человек — из земли, перстный, второй человек — Господь с неба», и в стихе 45: «Первый человек Адам стал душою живущею, а последний Адам есть дух животворящий». Таким образом первоначальный материально-душевный (психический) человек противопоставляется позднему пневматическому человеку.

В «Tractatus de Revolutionibus Animarum» Кнорра фон Розенрота (часть I, глава 1, § 10), есть слова, где говорится о важности психологической интерпретации Адама:

Иезекииль(34: 31) говорит: «Вы — Адам»¹. Это означает, что вас действительно назвали именем Адама. Значение таково: если текст понимать буквально, то это означало бы, что все люди мира, или неевреи, — такие же, как израэлиты, то есть такого же типа. Поэтому можно было бы сказать: «Вы — люди». Но в действительности (смысл таков: из ваших душ был составлен микрокосм Адама)...² § 11. Вы — Адам. (Он как бы говорит, что все души израэлитов были в действительности не чем иным, как первосотворенным Адамом). И вы были его искрами и его частями³.

Здесь Адам является, с одной стороны, телом человека Израиля⁴, а с другой — его «общей душой». Данную концепцию можно рассматривать как проекцию внутреннего Адама: homo maximus выступает как целостность, как «самость» народа. Как внутренний человек, однако, он представляет целостность индивидуума, синтез всех частей психики, следовательно, и сознания, и бессознательного. В параграфе 20 говорится: «И поэтому наши мастера сказали: сын Давида не придет, пока все души, что были в теле (первосотворенного) не уйдут полностью»⁵. «Исход» душ из Первоначального человека можно понимать как проекцию процесса психической интеграции: спасительная целостность внутреннего человека — то есть «Мессия» — не может сформироваться, пока все части души (psyche) не станут осознанными. Этого может

¹ Иезекииль ничего в этом роде не говорит открыто. Слова его звучат так: «Вы — овцы мои, овцы паствы моей, вы человеки». «Человек» = «Адам». «Адам» здесь — понятие коллективное.

² Скобки Кнорра фон Розенрота.

³ Kabbala denudata, II, 3, p. 248f³⁶

⁴ Ср. *ibid.*, гл. 3, 1, p. 255f.

⁵ *Ibid.*, p. 251.1⁶⁷¹ Скобки Кнорра.

быть достаточно, чтобы объяснить, почему необходимо столь долгое время, чтобы явился второй Адам.

Тот же трактат гласит: «Из Эн Соф, из самой общей Единицы, была создана Вселенная, которая есть Адам Кдцмон, Один и Многие, и из кого проистекает и в ком пребывает все сущее». «Различие видов указывается концентрическими кругами», происходящими из него и находящимися в нем. Он также напоминает схему психической структуры, в которой «видовые различия, [характеризующие виды], обозначаются прямой линией»¹ (в концентрической системе — радиусом). Итак, Адам Кддмон представлен всем порядком вещей, и родами, и видами, и индивидуумами².

Среди языческих источников мы должны выделить один египетский, затрагивающий очень древнюю традицию Богочеловека Осириса и теологический аспект монархии, а также персидский, касающийся Гайо-марта, и индийский, рассказывающий о Пуруше³. В качестве христианского источника алхимических идей выступает вышеупомянутая доктрина Павла о первом и последнем Адаме.

5. «Старый Адам»

После этих предварительных замечаний мы должны вернуться к тексту Элеазара, начиная с многозначительного отрывка в середине, где появляется Адам. Читатель тут же столкнется с выражением «старый

¹ «Sed differentias specificas designari per rectilineum». Так называемые «числовые различия» имеют отношение к противоположностям. Текст гласит: «числовые различия относятся к равновесному расположению противоположностей лицом к лицу, и двух или более существ той же степени совершенства одного вида можно различить только как мужчину и женщину. Эти числовые различия можно выразить такими словами, как «стоять лицом к лицу», «обернуться» и т.д.»⁵⁸ Diss. VI, 9, p. 118.

² «Ab Aen-Soph, i.e., Uno generalissimo, productum esse Universum, qui est Adam Kadmon, qui est unum et multum, et ex quo et in quo omnia... Differentias autem generum notari per circulos homocentricos, sicut Ens, substantiam; haec, corpus; hoc, vivens; istud, sensitivum; et haec, rationale continet. Et hoc modo in Adam Kadmon repraesentantur omnium rerum ordines, tum genera, quam species et individua». (Ibid.) Ср. *Scholem*. *Maior Trends in Jewish Mysticism*, p. 215.

³ О египетских источниках см. сообщение: *Bousset*. *Hauptprobleme der Gnosis; Reitzenstein* и *Schaeder*. *Studien zum antiken Synkretismus aus Iran und Griechenland*. Об индийских источниках см. *Deussen*. *Geschichte der Philosophie*, I, 1, p. 228, а об их связи с верой в Мессию см. *Abegg*. *Der Messiasglaube in Indien und Iran*.

Ддам», которое очевидно, эквивалентно «Адаму Кадмону». Мы, скорее, могли бы ожидать не «старого», а «второго», или «первоначального» Адама, — главным образом потому, что «старый Адам» означает прежде всего старого, грешного, неискупленного человека в соответствии с Посланием к Римлянам, 6:6: «Зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху». То, что эти слова должны были повлиять на автора, доказывает следующая фраза: «Я должна быть пригвождена к этому черному кресту и смыта оттуда презрением и уксусом».

Автор хотел, чтобы его считали евреем, но был достаточно неуклюж, чтобы не только допустить анахронизмы, но проявить свою бесспорную психологию христианина. Он хорошо знал Библию и был знаком с «библейским» языком. Язык этой книги стилистически и грамматически выдает немца восемнадцатого столетия. Он напоминает поучительную риторику (может быть, автор был теологом?). Во всяком случае, ясно одно, что это выражение «старый Адам» в устах такой личности может иметь только одно значение, то есть «ветхого человека», чей образ мы должны отложить (Послание Ефессянам, 4:22) по велению, которое дается в Послании к Колоссянам, 3:9: «Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его». Эти выдержки должны были быть известны автору, и мы можем легко избежать противоречия или двусмысленности, заменив слово «старый» «первоначальным» или чем-то в этом роде.

Я должен попросить у читателя прощения за то, что слишком долго и педантично разбираю одну маленькую стилистическую погрешность не слишком внимательного автора. Но это не проблема простой описки: текст, пестрящий двусмысленностями, утверждающий совершенно неожиданные отношения (между Адамом и Суламифью) и смешивающий самые разнородные ситуации, бесспорно, обладает родством со структурой сна и, следовательно, требует тщательного исследования его элементов. Клише, подобное «старому Адаму», которое не может иметь другого значения, появилось в тексте-сне не без основательной причины, хотя автор и мог оправдывать его простой «опиской». Даже если — как в данном случае — мы поняли «старого» Адама как «пра-» или «первоначального» Адама, какое-то смутное намерение вынудило его написать слова «старый Адам», которые в этом контексте совершенно двусмысленны. Происходило ли это в реальном сне или было технической ошибкой интерпретатора, пропускать этот момент не следует. Как нам известно, эти *quid pro quos* [смещения понятий] неизменно происходят в критических точках, где пересекаются две противоположные тенденции.

У нас возникли подозрения, и поэтому мы будем считать, что «старый Адам» — не простая случайность, а одна из тех раздражающих двусмысленностей, коими изобилуют алхимические тексты. Они раздражают

потому, что редко можно определить, что явилось их причиной: сознательное намерение обмануть или конфликт в бессознательном.

«Старый» Адам, как очевидно, может «снова выйти» из Суламифи, черной матери, только потому, что однажды ему каким-то образом удалось войти в нее. Но это мог быть только старый, грешный Адам, потому что чернота Суламифи есть выражение греха, как показывает текст. В основе этой идеи лежит архетип антропоса, павшего под властью Физис, но сомнительно, обладал ли наш автор каким-либо осознанным знанием этого мифа. Если бы он был знаком с каббалистической мыслью, то знал бы, что Адам Кадмон, духовный Первый человек, был «идеей» в Плато-новом смысле, и его никогда не путали с «грешным человеком». Своим уравнением «старый Адам» = «Адам Кадмон» автор смешивает две противоположности. Следовательно, трактовка данного отрывка должна быть такой: из черной Суламифи выходит противоположность «старого Адама» — Адам Кадмон. Ее очевидная связь с землей как матерью всех живых существ делает понятным, что сыном ее был грешный Адам, но не Адам Кадмон, который, как мы видели, есть эманация Эн Соф. Тем не менее, смешивая их двоих, текст заставляет их обоих исходить из Суламифи. «Старый» Адам и Первоначальный человек оказываются тождественными, и автор может оправдаться тем, что под словом «старый» он имел в виду первого или изначального Адама — утверждение, отрицать которое нелегко.

Насколько высок Первоначальный человек, настолько же низок грешный, эмпирический человек. Феномен контаминации (смешивания), который мы так часто встречаем в первобытной психологии и психологии снов, — не простая случайность, но основан на известном свойстве: в определенный момент противоположности оказываются идентичны, а это предполагает возможность их смешения. Один из самых известных примеров — тождество бога и его животного атрибута. Эти парадоксы вытекают из нечеловеческих свойств божественной и животной психологии. Божественная душа настолько превышает человеческую, насколько животная таится в подчеловеческих глубинах.

«Старый» Адам соответствует примитивному человеку, «тени» нашего сегодняшнего сознания, а примитивный человек коренится в животном человеке («хвостатом» Адаме)¹, давно исчезнувшем из нашего сознания. Даже примитивный человек стал для нас чужаком, так что мы должны вновь открывать его психологию. Поэтому было своего рода сюрпризом, когда аналитическая психология обнаружила в продуктах бессознательного современного человека не только обильный архаи-

¹ Ср. выше. Согласно валентинианам, человека укрывает «одеяние, подобное коже» (δερμάτινον χιτῶνα). *Irenaeus*. Adv. haer., I, 5, 5 (Migne, P.G., vol. 7, cols. 50ff.).

ческий материал, но и зловещую тьму инстинктивного животного мира. Хотя «инстинкты», или «двигатели», могут быть сформулированы в психологических и биологических терминах, их нельзя ограничивать этими рамками, поскольку они также и психические сущности, которые проявляются в мире их собственной фантазии. Они не только физиологические или последовательно биологические явления, но даже по своему содержанию многозначные яркие структуры воображения, обладающие богатой символикой. Инстинкт не воздействует на свой объект вслепую или наугад, но подходит к нему, исходя из особой психической «точки зрения» или интерпретации; для каждого инстинкта а priori связан с соответствующим образом ситуации, что косвенно подтверждается в случаях симбиоза растения и животного. Человеку свойственно прямое проникновение в удивительный мир «магических» идей, которые окружают инстинкты и не только выражают их форму и способ проявления, но и «включают их»¹. Мир инстинктов, кажущийся рационалисту простым, проявляется на примитивном уровне как сложное взаимодействие физиологических фактов, запретов, ритуалов, классификаций и племенных знаний, которые с самого начала, пред-сознательно, накладывают на инстинкт ограничение и заставляют его служить высшей цели. В естественных условиях на безграничную энергию инстинкта накладывается духовное ограничение, чтобы сделать его совершенным и доступным для различного применения. Ритуалы на примитивном уровне представляют собой жесты, не поддающиеся интерпретации; на высшем уровне они мифологизируются.

Основная связь между образом и инстинктом объясняет взаимозависимость инстинкта и религии в самом общем смысле. Эти две сферы находятся в компенсаторных взаимоотношениях, и под «инстинктом» следует понимать не просто «Эрос», но все, что обозначается именем «инстинкт»². «Религия» на примитивном уровне означает психическую регуляторную систему, скоординированную с динамикой инстинкта. На высшем уровне эта первичная взаимозависимость иногда исчезает, и тогда религия может с легкостью стать противоядием инстинкту, вследствие чего первоначальное компенсаторное взаимоотношение вырождается в конфликт, религия превращается в формальность, а инстинкт искажается. Раскол такого рода — вовсе не какой-то несчастный случай, бессмысленная катастрофа. Как не может быть энергии без напряжения противоположностей* так не может быть сознания без восприятия различий. Но любое увеличение различий приводит к полярности и в

¹ Ср. Инстинкт и бессознательное, § 277.

² Мы не будем здесь говорить о том, что дефиниция и классификация инстинктов представляет собой чрезвычайно спорный вопрос. Слово «инстинкт» все еще указывает на нечто, что знает и понимает каждый.

конце концов к конфликту, который поддерживает напряжение противоположностей. Это напряжение, с одной стороны, необходимо для роста производства энергии, а с другой — для дальнейшей дифференциации различий, причем и то, и другое безусловно необходимо для развития сознания. Хотя этот конфликт безусловно полезен, он тем не менее имеет очевидные неудобства, иногда приносящие вред. Тогда возникает обратное движение в попытке примирить враждующие стороны. Поскольку этот процесс повторялся бесчисленное множество раз за тысячелетнюю историю развития сознания, из него выросли соответствующие обычаи и ритуалы с целью свести вместе противоположности. Такие примирительные процедуры являются ритуалами, которым люди следуют, но их содержание — это действия, имеющие своей целью помощь и умиротворение, исходящие из сферы божественного, когда бы это ни происходило, в прошлом или в настоящем. Вообще ритуалы связаны с первичным состоянием человека и с событиями, которые происходили в век героев или предков. Это, как правило, несовершенное состояние, или ситуация несчастья, в которой помощь оказывает божественное вмешательство, и вмешательство повторяется в ритуале. Возьмем простой пример: когда рис не растет, член клана, в котором рис является тотемом, строит себе хижину на рисовом поле и рассказывает рису, как он изначально появился от риса-прародителя. Тогда рис вспоминает свое происхождение и начинает расти снова. Ритуальное воспоминание о прародителе обладает тем же эффектом, что и его вмешательство.

Первичное состояние душевного страдания заключается либо в уходе благосклонных богов и появлении враждебных, либо в отчуждении богов из-за человеческого небрежения, глупости или святотатства, или же (как считают даосы) в разделении¹ неба и земли по непостижимым причинам; воссоединение их возможно только в том случае, если мудрец восстановит в себе Дао посредством ритуальной медитации. Таким способом он приводит в гармонию свое собственное небо и землю².

¹ Ср. текст, где упоминается о разделении Тиферета и Мальхут как первопричины зла.

² Как пример «бытия в Дао» и того, чем оно сопровождается, приведу историю, которую поведал мне недавно Рихард Вильгельм о создателе дождя из Цзяо-чжау. «В том месте, где жил Вильгельм, стояла великая сушь; за многие месяцы ни одна капля дождя не упала на землю и положение стало катастрофическим. Католики совершали процессии, протестанты возносили молитвы, китайцы жгли палочки для воскурения и стреляли из ружей, чтобы отпугнуть демонов засухи, но все было безрезультатно. Наконец китайцы сказали: «Мы вызовем создателя дождя». И из другой провинции явился высохший старик. Он попросил всего лишь маленький тихий домик для себя и заперся там на три дня. На четвертый день собрались тучи и началась сильная снежная буря, причем в этот сезон снега никак нельзя было

Также, как портится из-за плохих условий рис, так и человек вырождается либо из-за враждебности богов, либо из-за своей собственной тупости и греховности, оказываясь в конфликте со своей изначальной природой. Он забывает свое происхождение от человеческого предка, и тогда требуется ритуальное воспоминание. Так устанавливается архетип Человека, Антропоса, формируя необходимую сердцевину великих религий. В идее homo maximus Верх и Низ творения объединяются вновь.

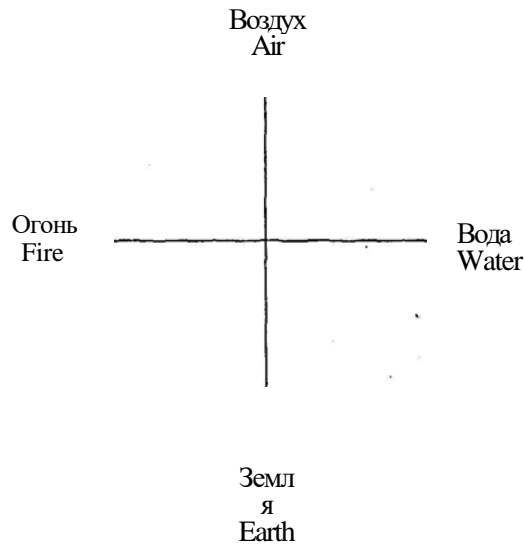
6. Преображение

Появление Адама Кдцмона имеет характерные последствия для Суламифи: он приводит к solificatio, освещению «внутренности головы». Это завуалированный, но типичный для психологии алхимии намек на «преображение» (glorificatio) адепта или его внутреннего человека. Ибо Адам есть «interior homo noster», прачеловек внутри нас.

Как видно в свете предыдущих замечаний, текст Элезара представляет отнюдь небезыңтересный аспект и, поскольку ход мыслей автора характерен для основных идей алхимии, текст этот имеет многогранное значение. В нем изображено состояние несчастья, соответствующее алхимическому nigredo: чернота вины накрывает судьбную землю, как черная краска. Суламифь оказывается в той же ситуации, как те черные богини (Исида, Артемида, Парвати, Мария), чьи имена означают «землю». Ева, подобно Адаму, вкушает от древа познания и поэтому попадает в царство божественных привилегий — «вы будете, как боги, знающие добро и зло». Другими словами, она невольно открыла возможность морального сознания, ранее не включенного в пространство человека. В результате появилась полярность, вызвавшая серьезные последствия. Земля отделилась от неба, двери первобытного рая захлопнулись, слава Первого человека затмилась, Мальхут стала вдо-

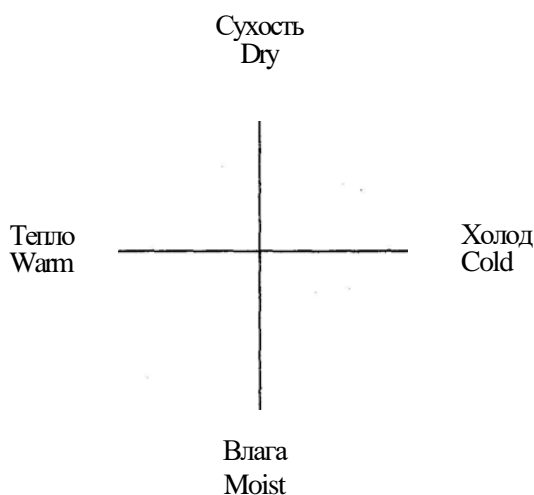
ожидать. Снега было много. Весь город гудел о чудесном создателе дождя, так что Вильгельм отправился к нему, чтобы расспросить, как он это сделал. В чисто европейской манере он сказал: «Вас называют создателем дождя, так расскажите же мне, как вы сделали снег?» И маленький китаец ответил: «Я не делал снег, я не ответствен за это». «Но чем вы занимались эти три дня?» «О, я могу это объяснить. Я пришел из другой страны, где все в порядке. Но здесь это не так, здесь все в разладе с небесами. Поэтому вся страна находится вне Дао, и, поскольку я нахожусь в дисгармоничной стране, мое состояние тоже оказалось далеким от естественного порядка вещей. Поэтому я ждал три дня, пока не вернулся в Дао, и тогда, как и следовало ожидать, пошел дождь». — Из Interpretation of visions, т. 3 семинаров КГ. Юнга на английском языке (новое издание, размножено частным образом, 1939, с. 7).

вой, огненный ян вернулся на небеса, влажная инь окутала человечество тьмой, привела к вырождению из-за растущего распутства, и наконец затопила темными водами потопа, который грозил погубить всякую живую тварь, хотя, с другой стороны, его можно было бы понимать более обнадеживающе — как смывание черноты. Ной также выступает в различном свете: в нем уже виден не человек, спасающийся от катастрофы, но Господин Вод, правящий омовением. Эта операция, однако, оказалась недостаточной для Суламифи, сразу же ввергнувшей себя в другую беду — в черную пустыню, где, как и детям Израиля, ей угрожало зло, олицетворяемое ядовитыми змеями¹. Это аллюзия на бедствия исхода, который в определенном смысле был повторением изгнания из рая, потому что навсегда распоститься с мясными котлами Египта было столь же болезненной перспективой, как и возделывание каменистой почвы, у которой наши прародители должны были вырывать право на жизнь в поте лица своего. Но даже такими крайними средствами цель не была достигнута, потому что Суламифь все еще была пригвождена к черному кресту. Идея креста уводит от простой антитезы к двойной, то есть к четверице. Для алхимика это прежде всего пересекающиеся четыре стихии:

¹ В этой связи Элеазар использует (значимый только для христиан) символ змея, перевозносимый как прообраз Христа (Ин. 3:14).

Или четыре качества:

Нам известно, что такое пребывание на кресте символизирует болезненное состояние подвешенности, или грубое раздирание на четыре части¹. Поэтому алхимики поставили себе задачей примирить враждующие элементы и привести их к единству. В нашем тексте это состояние исчезает, когда причиняющая боль чернота смывается «презрением и уксусом». Это очевидный намек на «иссоп и уксус», которые пил на кресте Иисус. В часто цитируемом тексте Майера «презрение и уксус» символизируют меланхолию *nigredo*, противопоставленную «счастью и радости» после спасения. Смывание презрением и уксусом в конце концов приводит к белизне и к *solificatio* «внутренности головы», вероятно, мозга или даже души. Мы можем трактовать это как то, что Суламифь пережила преобразование, наподобие Парвати, которая, опечаленная своей чернотой, получила в дар от богов золотую кожу. В нашей трактовке мы должны подчеркнуть, что это — ляпис или гермафродит, который, как и четвертованный, разорванный на части и распятый Бог, представляет вражду

¹ Мне рассказывали, что американские индейцы казнили совершившего ошибку лекаря, привязав его к четырем лошадям и погнав их в разные стороны. (Я не могу ручаться за истинность этого утверждения, но здесь важна сама идея как таковая.)

стихий и страдает от нее, и в то же самое время придает Четверице единство и, кроме того, тождествен продукту единения. Алхимики не могли не идентифицировать своего Прачеловека с Христом, кого наш автор подменяет Адамом Кадмоном.

Поскольку солнце и золото — эквивалентные концепции в алхимии, *solificatio* означает, что «внутренность головы» — что бы мы ни понимали под ним — преобразуется в свет, или «Марец», драгоценную белую землю. Сердце Суламифи также будет сиять «подобно бриллианту». Со времен Средневековья бриллиант считали синонимом ляписа¹. Аллегория в данном случае прозрачна: разум освещается, а сердце пылает любовью.

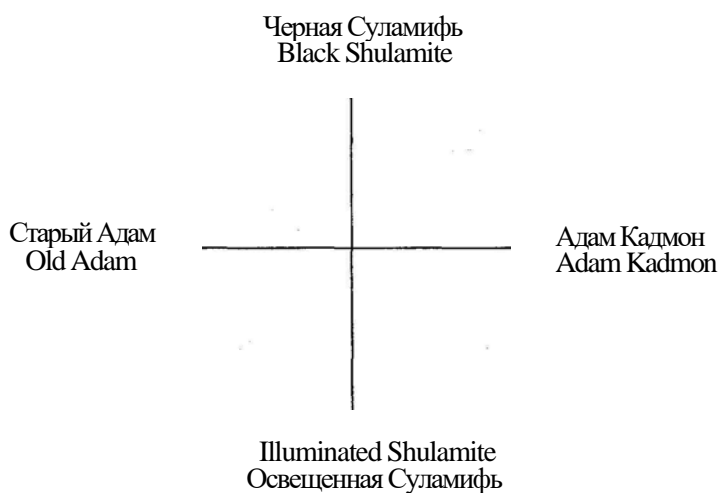
Разница между Парвати и Суламифью заключается поэтому в том, что, если Парвати преобразуется внешне, то Суламифь — внутренне. Внешне она остается черной. Как всегда. В отличие от Суламифи Песни Песней, чья кожа «смугла», наша Суламифь заявляет, что ее чернота «присталла» к ней, как краска, что надо только раздеть ее, чтобы осветить ее «внутреннюю» красоту. Из-за греха Евы она как бы погружается в чернила, в «тинктуру», и чернеет так же, как, согласно исламской легенде, почернел из-за греха Адама драгоценный камень, дарованный ему Аллахом. Если она избавляется от яда проклятия — что, как очевидно, происходит, когда появляется возлюбленный — тогда ее «сокровенное семя», ее «первоначало» появится вновь. Согласно тексту, это начало может быть ссылкой только на появление Адама Кадмона. Именно он любит ее, несмотря на черноту. Но эта чернота оказывается не только внешней, потому что она не исчезает; она просто компенсируется внутренним светом и красотой жениха. Поскольку Суламифь символизирует землю, в которой погребен Адам, она также обладает значением матери-прародительницы. Благодаря этому Иси-да смогла соединить части тела своего расчлененного брата-жениха, Осириса. Так Адам Кадмон появляется здесь в классической форме сына-возлюбленного, который в священном браке солнца и луны воспроизводит себя в матери-возлюбленной. Следовательно, Суламифь берет на себя древнюю роль рабыни храма Иштар. Она — священная проститутка (*meretrix*), а это одно из имен, которыми алхимики наделили свою арканную субстанцию.

Атавизм Суламифи — это не гениальный ход нашего автора, а просто традиционное алхимическое мнение, что «наше дитя», сын философов — это дитя солнца и луны. Но в той степени, в которой он сам представляет гермафродитного Первоначального человека, сын в то же самое время — отец своих родителей. Алхимия была настолько пропи-

¹ Вольфрам фон Эшенбах называл карбункул целебным камнем, лежащим под рогом единорога. Ср. Психология и алхимия, § 552.

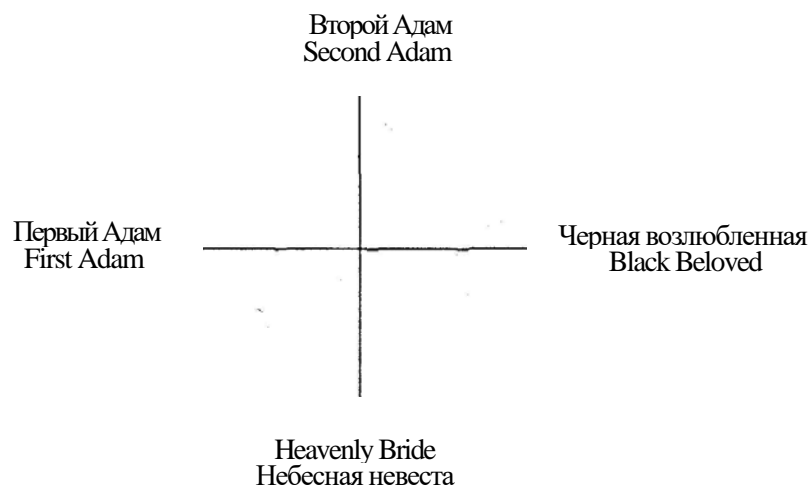
тана идеей инцеста матери и сына, что автоматически свела Суламифь Песни Песней к ее историческому прототипу¹.

Мы уделили достаточно внимания устойчивости черноты Суламифи. Теперь имеет значение, что «старый Адам» упоминается в том же самом месте, где явно должен иметься в виду совершенный, предшествующий ляпису Адам, сияющий Прачеловек. Так же, как черная Суламифь не достигает финального апофеоза, полного albedo, так и нам не хватает подтверждения, что первый Адам превратился во второго, который в то же самое время является отцом первого. Мы не можем избавиться от подозрения, что, как не исчезнет чернота, так и не изменится, в конце концов, старый Адам. Может существовать более глубокая причина того, почему выражение «старый Адам» не обеспокоило автора, а, напротив, показалось верным. К несчастью, намного правильнее будет сказать, что лучшее не приводит к полному превращению тьмы в свет и зла в добро, но, самое большее, к компромиссу, в котором лучшее слегка доминирует над худшим. Вследствие этого сложность, привнесенная «старым» Адамом, не кажется случайной, поскольку формирует фактор, составляющий следующую архетипическую четверицу:

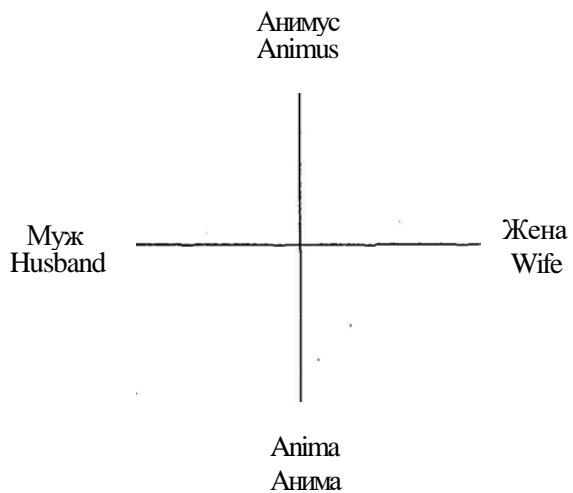

¹ Протипированный нами отрывок может играть решающую роль в установлении происхождения и датировки трактата; Роберт Эйслер, не видя книги, подверг сомнению взгляд Шолема, что это поздняя подделка. (*Eisler. Zur Terminologie und Geschichte der jüdischen Alchemie*, S. 194 и 202). См. также у *Komma* (*Die Alchemie in alterer und neuerer Zeit*, II, S. 314ff.), который доказал, что первое издание вышло в 1735 году и считал издателя Гервасия фон Шварценбурга автором.

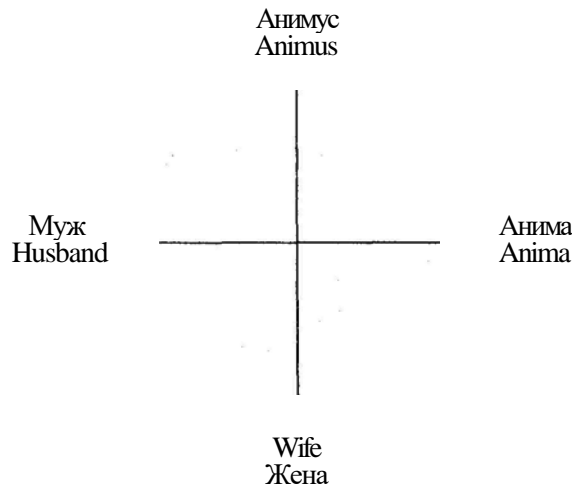
Или:

Данная структура соответствует брачной четверице, обсуждаемой ранее в «Психологии переноса», она основана на определенных фактах психики и имеет следующую структуру:

Или:

Хотя эта четверица играет в алхимии значительную роль, она не является производным алхимической спекуляции, а представляет собой архетип, восходящий к примитивной брачной системе (четырёхчастной системе). Как четверица она символизирует окончательное решение и формулирует психическую структуру человеческой целостности, или полноты. Она, с одной стороны, выражает структуру индивидуального, то есть женское или мужское эго в конъюнкции с контрасексуальным бессознательным, а с другой — связь эго с другим полом, без чего психологическая индивидуальность остается неполной. (Под этим я имею прежде всего *психические* взаимоотношения.) Но в данной схеме отсутствует идея преобразования, столь характерная для алхимии. Как научная дисциплина, эмпирическая психология не в том положении, чтобы устанавливать, находится ли сознательное эго «выше» или «ниже», чем анима, которая, как и эго, имеет позитивный и негативный аспекты. Наука не выносит оценивающих приговоров, и, хотя в психологии имеется концепция «ценности», это не более чем концепция «интенсивности»; один комплекс идей обладает большей ценностью, когда энергия их усвоения оказывается сильнее, чем у других¹. Алхимическая идея трансформации коренится в духовной концепции ценности, которая счи-

Ср. О психической энергии, § 18 сл.

тает «трансформированное» *более* ценным, лучшим, высшим, более духовным и так далее, и эмпирический психолог ничего не может с этим поделаться. Но поскольку определение и оценка — это функции чувства и, стало быть, в психологии, ценность можно некоторым образом принять в расчет. Это происходит, когда суждение или оценивающий приговор воспринимается как неотъемлемая часть описания объекта.

Моральная и энергетическая ценность сознательной и бессознательной личности подвержена величайшим индивидуальным вариациям. Вообще сознательная сторона доминирует, хотя и испытывает многочисленные ограничения. Схема психологической структуры при сравнении с алхимической схемой, должна, таким образом модифицироваться, дополнившись идеей трансформации (преображения). Такая операция в принципе возможна, поскольку процесс преобразования анимы и анимуса в факторы сознания на самом деле приводит к преобразению личности. Поэтому именно психотерапевт преимущественно связан с данной проблемой. Основной психотерапевтический принцип состоит в том, что сознательная реализация есть важнейший фактор преобразования личности. Благоприятный аспект любого такого преобразования расценивается как «улучшение» — прежде всего на основании собственных утверждений пациента. Улучшение относится в первую очередь к его психическому здоровью, но может иметься в виду также и нравственное развитие. Однако, когда оценка незаметно вторгается на территорию, ограниченную философскими или теоретическими предубеждениями, в отношении этих утверждений возникает трудность или невозможность верификации. Сам вопрос «улучшения» столь деликатен, что намного легче разделаться с ним посредством произвольного решения, чем при помощи тщательного взвешивания и сравнения, оскорбительных для всех тех «ужасных простецов», которые привычно взращивают свой особый сад.

Хотя факт трансформации и улучшения не подлежит сомнению, для него, тем не менее, очень трудно подобрать подходящий термин, который не приводил бы к неверному пониманию и подходил бы к нашей схеме. Средневековый человек, подобно нашим современным простецам, был достаточно наивен, чтобы считать, будто он знает, что есть «лучшее». Мы не столь самоуверенны, и, кроме того, мы чувствуем себя до некоторой степени ответственными перед теми, кто придерживается иного мнения. Мы не можем лелеять счастливую веру, в то, что все ошибаются. Возможно, по этой причине мы откажемся от идеи терминологически выразить в соответствии с нашей схемой вид трансформации, которая ограничена сознательной реализацией и индивидуацией, представляющей собой ее результат.

Для наивного человека несовершенный, порочный старый Мам просто контрастирует с совершенным «Прачеловеком», а темная Ева — с озаренной светом и благороднейшей сущностью. Современная точка

зрения гораздо более реалистична, поскольку отказывается от архетипической схемы, изначально имеющей отношение к мифологической ситуации, и люди за проекцией видят не мифических персонажей, а реальных. Мужчина, или мужское эго-сознание, сопоставляется при этом с анимусом, мужской фигурой в женском бессознательном, вызывающей у женщины либо переоценку, либо протест. Соответствующая фигура, сопоставленная с женщиной и ее женским эго-сознанием — это анима, источник всех иллюзий, пере- и недооценок, в которых мужчина виновен перед женщиной. Схема не указывает, что мужчина лучше анимуса или *vice versa* [наоборот], или что анима — «высшее» существо для женщины. Ясно только одно, что когда в результате долгой, технической или нравственной процедуры пациент обретает знание этой структуры, основанной на опыте, и принимает ответственность, заключенную в этом знании, то за этим следует интеграция или *полнота* личности, которая, таким образом приближается к *целостности*, но *нексовершенству*, идеалу некоторых мировых философских систем. В средневековой «философии» доминировало мнение, что также как свинец может в определенных условиях превращаться в золото, так и темный «психический» человек наделен способностью превращаться в высшего «пневматического» человека. Но как свинец, который теоретически может стать золотом, никогда не становится им на практике, так и здравомыслящий человек наших дней тщетно оглядывается в поисках возможности окончательного совершенства. Поэтому, объективно опираясь на факты — а только такой подход достоин называться научным, — он вынужден немного умерить свои претензии и вместо того, чтобы стремиться к идеалу совершенства, удовольствоваться более достижимой целью приближения к полноте. Из этого следует, что прогресс ведет не к возвышенному состоянию одухотворенности, а скорее к мудрому самоограничению и умеренности, таким образом сохраняя равновесие между невыгодами меньшего добра и преимуществами меньшего зла.

Поэтому, в конечном счете, именно разница между старым и современным мировоззрениями, между средневековым романтизмом и научной объективностью не позволяет нам построить психологическую модель по образцу алхимической.

Однако более критический взгляд, который я обрисовал здесь, основываясь на научной психологии, содержится и в алхимической схеме. Чернота не сходит с Суламифи так же, как старый Адам и Адам Кадмон не уходят из наших построений, а это указывает на то, что трансформационный процесс не завершен, и все еще продолжается. Итак, старый Адам еще не удалился, а Суламифь еще не побелела.

В каббалистике Адам Кадмон — не просто универсальная душа или, психологически, «самость», но сам процесс трансформации, его разделение на три или четыре части (тримерия или тетрамерия). Алхимической формулой для этого является аксиома Марии: «Один станет двумя, два

станут тремя, и из третьего появится Единый как Четвертый»¹. Трактат рабби Авраама Когена Ириры (Хакогена Герреры) гласит: «Адам Кадмон происходит из Простого и Одного, и в этой мере он — Единица; но он также нисходит и впадает в свою природу. И по этой причине он — Два. Однако, он возвращается к Единице, которую он имел в себе, и к высочайшему; и в этой мере он — Три и Четыре»². Данное рассуждение отсылает нас к «неотъемлемому Имени», тетраграмматону, который представляет собой четыре буквы имени Бога, «три разных, а четвертая повторяет вторую»³. В еврейском слове *YHWH* (написанном без гласных), *he* — женщина и предназначена в жены *yod*⁴ и *vau*. Следовательно, *yoi*⁵ и *vau*⁶ — мужские, и женская *he*, хотя и дублированная, самоидентична и поэтому представляет

¹ Berthelot. Alch. grecs, VI, v, 6.¹⁵⁹¹

² Kabbala denudata, I, 3; Porta coelorum, гл. 8, § 3, p. 116J⁶⁰¹

³ Там же, § 4: «И по этой причине Сущее Имя состоит из четырех букв: трех разных, и четвертой, повторяющей вторую; ибо первое *he* — супруг *yod*, а второе — супруг *vau*. Первое происходит от мой прямо, а второе — от *vau* перевернуто и отображает путь».¹⁶¹¹

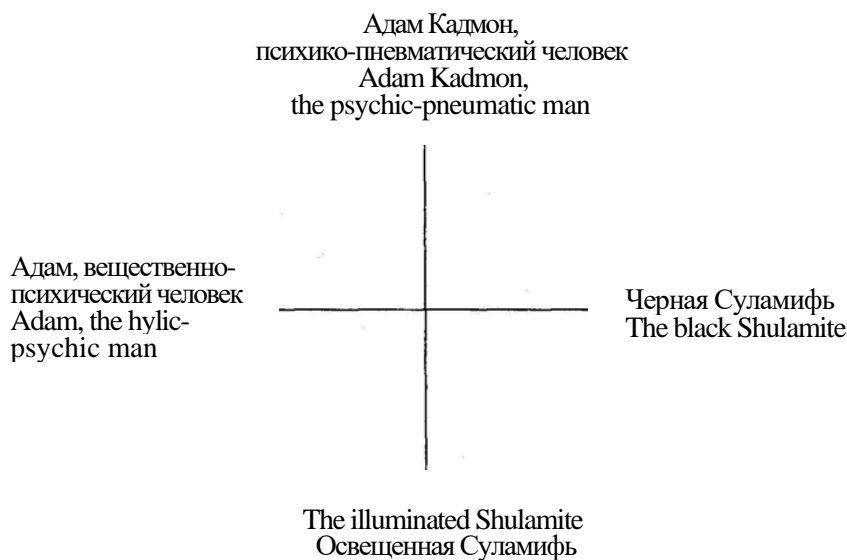
⁴ Другое мнение о *yod* можно обнаружить в Zohar, III, 191 (Vol. V, p. 267): «И он привел стих: «Я черна, но красива». Это означает, что она (Луна) томится от любви к своему Возлюбленному, она уменьшается, пока от нее не остается пятнышко, и скрывается от всех светил. Тогда она произносит: «Я черна», подобно букве *Yod*, в которой нет белого места, и негде мне укрыть тебя под своими крылами; поэтому «не смотрите на меня», ибо вы вообще не можете смотреть на меня».

⁵ «*Yod* из-за своей простоты, представляет нечто единственное и первичное и, подобно единице, точке среди прочих чисел, есть первое из всех тел. Но точка при своем движении образует линию, а именно *vau*».¹⁶²¹ (Kabbala denudata, Vol. 1.3, Diss. VII, § 1, p. 142.) Буква мой, в силу того, что она — точка, есть и начало, и середина, и конец; более того, она также присутствует в начале каждого десятка и в конце единиц и поэтому возвращается к Единице».¹⁶³¹ (Introductio in Librum Sohar, § 1, ch. XXXVII, § 1; Kabbala denudata, II, 1, p. 203.) Что касается функции *yod*, то об этом говорится там же (Sect. VI, ch. I, p. 259): «Когда Мудростью своей Благословенный Единый узрел, что даже этого сияния недостает для явления миров, ибо Свет все еще слаб, то повелел Он букве *yod* сойти еще раз, пробить сферу света и испустить свой свет, чуть более плотный».¹⁶⁴¹ Точка — это «внутренняя точка», идентичная «внутренней розе», «народу Израиля», «Невесте». Другие атрибуты розы — сестра, спутница, голубка, нечто совершенное, близнец. (Tres discursus initiales Libri Sohar, Comm. in Disc. I, § 12f., Kabbala denudata, II, 2, p. 151). *Yod* крепится к верхушке короны и опускается на Sapientia (Хокму): «Она распространяет свет и воздействует на Мудрость».¹⁶⁵¹ («Theses Cabbalisticæ», I, § 19; Kabbala denudata, II, 3, pp. 189f.)

⁶ «*Vau* означает жизнь, эманацию и движение сущности; она — посредник, осуществляющий союз и связь между сущностью и разумом».¹⁶⁶¹ (Herrera. Porta coelorum, Diss. VII, ch. I, § 3; Kabbala denudata, I, 3, p. 141.)

единое целое. В этой степени неотъемлемое Имя есть триада. Но поскольку *he* — дублированная, то Имя является также тетрадой или чет-верицей¹ — дилемма, которая удивительным образом совпадает с аксиомой Марии. С другой стороны, тетраграмматон состоит из двойного брака и поэтому замечательно согласуется с нашей Адамовой диаграммой. Дублирование женской *he* архетипично², поскольку брачная четверица предполагает и различие, и тождество женских фигур. Это справедливо, как мы видели, и для мужских фигур, хотя здесь различие обычно преобладает, что не удивительно, поскольку все эти вещи — по большей части продукты мужского воображения. Следовательно, мужская фигура совпадает с мужским сознанием, где различия практически абсолютны. Хотя женская фигура продублирована, она так мало дифференцирована, что выглядит цельной. Эта двойная и одновременно единая фигура в точности соответствует аниме, которая благодаря своему «бессознательному» состоянию несет все признаки недифференцированности.

Если мы приложим эти выводы к алхимической схеме, то сможем модифицировать ее способом, который был бы невозможен, если основываться только на психологии. Так мы получим формулу, приводящую и психологию, и алхимию к общему знаменателю:

¹ Вся серия четверок ассоциируется с тетраграмматонем. Ср. *Porta coelorum*, Diss. VII, ch. III, §5, p. 145.

² «*He* означает бытие, состоящее из сущности и существования». ¹⁶⁷ Последнее **e* есть образ рассудка или разума». ¹⁶⁸ (*Ibid.*, ch. I, § 2, 4, p. 141.)

Критический момент, то есть тот факт, что трансформация неполна, виден из самого текста; желанная безупречность откладывается на будущее, «чтобы она, заточенная во многих горах, могла бы освободиться». Для этого необходимо божественное чудо, разрушение и пожар Ханаана, низвержение небес, расплавление гор. Из этого можно видеть растущие трудности, которые необходимо преодолеть, чтобы достичь совершенства.

Ссылка на горы, окружающие Суламифь, имеет странную параллель в легенде о Парвати, чье имя означает «горянка» и которая считается дочерью Гимавата (Гималаев)¹. Горюющая из-за своей черноты, которой попрекает ее супруг Шива, она покидает его и уединяется в лесной глуши. И Суламифь в своем уединении и одиночестве восклицает:

Что я скажу? Я одна в своем убежище; но я радуюсь в сердце своем, потому что могу жить уединенно и укреплять себя собой. Ведь под моей чернотой я скрываю чистейшую зелень².

Состояние незавершенной трансформации, на которую надеются и которой ждут, кажется не мукой, а скорее, тайным счастьем. Это состояние того, кто, блуждая в лабиринте своих психических трансформаций, находит тайное счастье, примиряющее его с одиночеством. Общась с самим собой, он находит не смертную скуку и меланхолию, а внутреннего партнера; более того, взаимоотношение, которое кажется подобным счастью тайной любви или ранней весны, когда зеленое семя³ прорастает из бесплодной земли, даря надежду на будущий урожай. Это — алхимическая *benedicta viriditas*, благословенная зелень, означающая, с одной стороны, «проказу металлов» (ярь-медянку), а с другой — тайное присутствие божественного духа жизни во всех вещах. «О благословенная зелень, порождающая все вещи!» — восклицает автор «Rosarium»⁴. «Разве не дух Божий, — пишет Милиус, — который есть огненная любовь, дал водам, проносясь над ними, некую огненную силу, ведь ничто не рождается без тепла? Бог вдохнул в созданных тварей... некое движение или зелень, посредством которой все они смогли размножиться... Всех существ называют зелеными, потому что быть зеленым — значит расти... Поэтому силу роста и сохранения существ можно назвать Мировой Душой»⁵.

¹ В Песни Песней говорится о Суламифи(Суламите), 4:8: «Со мною с Ливана, невеста! Со мною иди с Ливана! Спеш с вершины Амань, с вершины Сенира и Ермона, от логовищ львиных, от гор барсовых!» Согласно Виттекинду (*Das Hohe Lied*, S. 166), Ливан (лев) и барс (леопард) — спутники Иштар.

² *Eleasar. Uraltes Chymisches Werck*, II, S. 52.

³ «Ведь юная зелень — прообраз девственности»¹⁶⁹¹ (*Mennens. Auem vellus / Theatr. chem.*, V, p. 434).

⁴ *Art. aurif.*, II, p. 220.⁷⁰¹

⁵ *Phil. ref.*, p. 1 l.f.⁷¹¹

Зеленый — цвет надежд и будущего, и в этом-то и кроется причина тайной радости Суламифи, которую в противном случае было бы трудно объяснить. Но в алхимии зеленый также означает совершенство. Так, Арнольд из Виллановы пишет: «Аристотель потому говорит в своей книге: Наше золото — не обычное золото, потому что зелень, присутствующая в этом веществе, означает полное совершенство, поскольку нашим мастерством эта зелень быстро превратится в чистейшее золото»¹. Поэтому Суламифь продолжает:

Но я должна быть подобна голубке с крыльями, поднимусь и стану свободной вечерней порой, когда зеленая оливковая ветвь успокоит нечистые воды; тогда моя голова будет из прекраснейшего Азофоля², а волосы мои станут волнистыми и мерцающими, как молодой месяц ☽. Иов сказал (27:5)³, что из меня ∇⁴ выйдет кровь. Ибо вся она как Δ⁵, сияющий красный Адамах⁶, смешанный с раскаленным Δ. Хотя я ядовита, черна и отвратительна на вид, но, когда я очишусь, то стану пищей героев; так лев, сраженный Самсоном, после стал источником меда. Поэтому Иов (28:7) сказал: «Semitam non cognovit ille avis, neque aspicit eam oculus vulturis»⁷. Ибо этот камень принадлежит только испытанным избранныкам Божиим⁸.

Черная Суламифь питает надежду, что однажды, «вечерней порой», может быть, вечером жизни, она уподобится голубке Ноя, которая с оливковой ветвью в клюве принесла весть о конце потопа и явилась как знак примирения Бога с детьми человеческими⁹. Песнь Песней (2:14) гласит: «Голубица моя в ущелий скалы под кровом утеса! Покажи мне лице твое, дай мне услышать голос твой...» В нашем тексте ее голова

¹ Speculum alchemiae / Theatr. chem., IV, p. 605.¹⁷²¹

² «Азофоль» означает золото.

³ Это, очевидно, ссылка на Книгу Иова, 28:5: «Земля, на которой вырастает хлеб, внутри изрыта как бы огнем». Или: «...но под ней пылает огонь». [Речь идет о разных версиях библейского текста — латинском и немецком. Здесь прежде всего приводится канонический русский текст — *Пер.*]

⁴ Земля.

⁵ Огонь.

⁶ «Адамах» означает красную землю, синоним «латонь».

⁷ *Вульгата*: «Semitam ignoravit avis, nec intuitus est eam oculus vulturis». («Стези туда не знает хищная птица, не видал ее глаз коршуна».) Очевидно, наш текст основан не на Вульгате, а на версии Лютера.

⁸ Лишь Бога дыханьем сверкающий камень согрет.

Тройною причина была, что его породила на свет.¹⁷³

⁹ *J. de Tetzen. Processus de lapide philosophorum / Drey Chymische Bücher, S. 64.*
Быт. 8:11.

станет золотой, подобно солнцу, а ее волосы станут подобными луне. Более того, золотая голова и «густые» волосы — это атрибуты возлюбленной¹. Она в действительности сливается с возлюбленным, из чего видно, что совершенное состояние сплавляет жениха и невесту в одну фигуру, солнечно-лунное дитя². Черная Суламифь, которой так идут ее «густые кудри, черные, как вороново крыло», в этом случае становится луной с ее «волнистыми и мерцающими волосами»³.

7. Rotundum⁴, голова и мозг

Хотя «золотая голова» появилась главным образом благодаря вышеприведенному отрывку из Песни Песней, следует подчеркнуть, что этот мотив встречается в алхимии и без прямого указания на Песнь Песней. «Его голова была из чистого золота», — говорится в «Splendor solis» о расчлененном человеке, чье тело было «белым, как соль»⁵. В греческой алхимии адептов называли «детьми золотой головы»⁶. «Простую» (т.е. тайную) субстанцию «назвал Золотой Головой пророк Дани-ил, глашатай Божий»⁷. Согласно легенде папа Сильвестр II (ум. 1003), известный как знаток арабской науки, обладал золотой головой, изрекавшей пророчества⁸. Эта легенда, вероятно, восходит к харранской

¹ Песн. 5:11: «Голова его — чистое золото; кудри его волнистые, черные, как ворон».

² Еврейское *שמע* (солнце) несет в себе как мужское, так и женское начало. В Книге Бахир сказано: «Почему солнце именуется *ZaHaB*? Потому что оно охватывает три принципа: мужской (*Захар*), обозначенный буквой *Зайн*, душа, и принцип, обозначенный буквой *Хе*. В чем ее функция? *Хе* — это основа для *Зайн*... и *Бет* есть залог их преемственности». (*Shotem. DasBuch Bahir*, S. 39, sect. 36.) О соединении солнца и луны см. знамение жены, облеченной в солнце (Откр. 12:1), которое я обсуждаю в «Ответе Иову».

³ Ср. мотив кудрей в обсуждении эпитафии Элии Лелии Криспа, выше.

⁴ [Rotundum, шаровидность — *Пер.*]

⁵ *Salomon Trismosin. Aureum Vellus, Tractatus Tertius*, p. 28.

⁶ *Berthelot. Alch. grecs*, III, x, 1.

⁷ $\chi\rho\delta < j\alpha \text{ } \xi\epsilon\gamma\iota\alpha \chi\text{.fi}$ хаист хов ГЕСКЕСИОВ АавифX т6v вепуброу (*Berthelot. Alch. grecs*, IV, vi, 1). Это ссылка на Дан. 2:31-35, где описывается увиденный Навуходоносором сон о колоссе на глиняных ногах.

⁸ *Thorndike. A History of Magic and Experimental Science*, I, p. 705. Сильвестр II, до избрания Герберт Реймский, оказывается, интересовался алхимией. Об этом свидетельствует письмо о квадратуре круга, приписываемое Герберту (*Bodleian MS. Digbi 83*). Торндайк считает, что Герберт в самом деле был автором письма.

церемонии с головой оракула¹. Голова имеет также дополнительное значение *corpus rotundum*, что означает арканную субстанцию². Это в особенности относится к нашему тексту, поскольку «внутренность» головы превращается в золотую и/или белую землю. Последняя — это *terra alba foliata* (слоистая земля), которая в этом случае могла бы быть мозгом. Данное предположение подтверждается тем фактом, что «внутренность головы» — это как бы буквальный перевод выражения *ἔγκεφαλος μινερός* зг). Кроме этого, мозг является синонимом арканной субстанции, как это ясно из слов Гермеса, приведенных в «Rosarium»: «Возьми его мозг, разотри его в порошок с очень крепким уксусом... пока он не почернеет»³. Мозг представлял для алхимиков интерес, потому что был местом пребывания «духа наднебесных вод»⁴, — вод, которые находятся над твердью (Бытие, 1:7). В «Visio Arislei» мозг Морского царя — место рождения пары брата и сестры⁵. «Liber

¹ Ср. Символ превращения в мессе, § 365f.

² Ср. Психология и алхимия, § 116, 220; а также «круглый предмет» или «голову мавра» в «Химической свадьбе» Розенкрейца, с. 147—148; золотой шар, нагретый солнцем (с. 113), *sibatío* (кормление) кровью обезглавленного (с. 117), мертвую голову (череп) и сферу. Череп как место происхождения первоматерии упоминается у *Вентуры* (Theatr. chem., II, p. 271) и в «Liber Platonis Quartorum» (Theatr. chem., V, p. 151): «Сосуд, необходимый для этой работы, должен быть круглой формы, чтобы мастер смог преобразить этот купол и череп».¹⁷⁴¹ Альберт Великий (*Superarbores Aristotelis/Theatr. chem., II, p. 525*) говорит: «Его голова живет вечно, поэтому именуется жизнью славы, и ангелы служат ей. И Бог поместил этот образ в раю наслаждений и в нем отразил свой собственный образ и подобие»¹⁷⁵¹, и на с. 526: «...до тех пор, пока черная голова эфиопа, хранящая подобие, не будет хорошо отмыта».¹⁷⁶¹ У Ипполитовых наасенов голова первого человека Эдема символизировала рай, а четыре реки, вытекающие из него, означали четыре чувства. (*Elenchos, V, 9, 15; Legge, I, p. 143*). Тот же автор описывает говорящую голову как магический трюк (*Elenchos, IV, 41, Legge, I, p. 102*). Между текстом Альберта Великого и сообщением Ипполита есть определенная связь, во всяком случае, в том, что касается смысла; возможно, общим источником является I Кор. 11:3:

«Хочу также, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене глава — муж, а Христу глава — Бог». Сравните также текст Альберта со стихом 7: «Итак, муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия». О голове как трофее мстителя см. «Перидор, сын Эфравга» в *Mabinogium* (p. 193ff.). Еще греческие алхимики называли «простую вещь» (*du Xou v*), то есть первоматерию, «золотой головой». (Berthelot, *Alch. gnscs, IV, vi, 1.*)

³ Art. aurif., II, p. 264.1⁷⁷¹

⁴ Steeb. Coelum Sefhiroticum, p. 117f.¹⁷⁵¹

⁵ Art. aurif., I, p. 147.

quartorum» называет мозг «местопребыванием множественного органа»¹. Ибо мозг обладает «родством с душой, одаренной разумом» которой, в свою очередь, есть «simplicitas» [простота], черта, роднящая ее с Богом². Из-за тайного участия мозга в алхимическом процессе³, Вэй Пу-янь утверждает, что, «если мозг правильно распоряжается необходимым временем, он способен на чудо»⁴. Ссылку на мозг можно обнаружить и в греческой алхимии, где особую важную роль играет λίθος ἐγκεφαλός (мозговой камень), тождественный λίθος οὐρί λίθος (камню, который не камень)⁵. Последний — один из терминов который Зосима использует для мозга; его также называют «богоданным и небогоданным» и «тайной Митры»⁶. В трактате «Камень философии» сообщается, что «алебастр — белейший мозговой камень»⁷. В «Таблице Символов» Пенотуса мозг соответствует луне, таинству крещения и «инфернальным богам»⁸. Новая луна символизирует albedo и белый камень⁹; крещение имеет свою параллель в истории о детях Морского царя, заточенных в стеклянном доме на дне морском и преображенных¹⁰; инфернальных богов можно соотнести с мозгом как с местом пребывания сознания и разума, потому что

¹ Theatr. chem., V, p. 124, 127, 187.

² Ibid., p. 124. P. 128: «Мы должны превратить член (то есть мозг или сердце) в начале деяния в то, из чего он произошел, и тогда посредством духа мы сможем превратить его во все, что пожелаем».¹⁷⁹¹ «Член» значит здесь часть тела («membrum cerebri», p. 127). Под превращением имеется в виду трансформация мозга в res simplex, которому он в любом случае родствен, «ибо он треугольной формы и ближе других частей тела к образу простоты».¹⁸⁰

³ Это, похоже, произвело на Альберта Великого особенно сильное впечатление, поскольку он верил доказательству того, что золото формируется в голове: «Достойнейший из минералов присутствует в каждом человеке, и особенно — в голове между зубами, так что в должное время золото всегда можно отыскать в крошечных продолговатых зернах... Потому утверждают, что камень есть у каждого человека».⁸¹¹ (Цитируется у *Punli. Axiomata philosophica / Theatr. chem.*, II, p. 134). Существовали ли в те дни золотые пломбы?

⁴ Isis, XVIII, p. 260.

⁵ Berthelot. Alch. grecs, I, iii, 1.

⁶ Ibid., III, ii, 1.

⁷ Ibid., III, xxix, 4.

⁸ Characteres secretorum calandorum / *Theatr. chem.*, II, рт 123.

⁹ Алхимики связывают «белый камень» с Откр. 2:17: «...и дам ему белый камень (calculus, ψήφον) и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает».

¹⁰ Visio Arislei / Art. aurif., I, p. 148.

знание ведет «безбожное» существование, выпадая из божественной целостности¹.

Зосима служит связующим звеном между алхимией и гностицизмом, где мы обнаруживаем сходные идеи. Согласно им, мозг (или мозжечок) «обладает формой, напоминающей голову дракона»². Нечистый Корибас, с одной стороны родственник Адаму, а с другой — Гермесу Килленскому³, выходит «из головы и из нехарактерного мозга»⁴ и пронизывает все вещи; «мы не знаем, как и каким образом он это делает». Здесь Ипполит перефразирует Иоанна (5:37), говоря: «Мы слышали его голос, но не видели его», аллюзия на частично бессознательный фактор. Подчеркивая этот аспект, Ипполит продолжает утверждать, что Корибас существует в «образе глиняном» (ἐν τῷ πλάσματι τῷ χοίκῳ), то есть в образе человеческом⁵. «Это, — продолжает он, — Бог, восседающий над потопом, о ком Псалтирь говорит, что он громко взывает и восклицает над многими водами»⁶. Мы можем интерпретировать это как стремление бессознательного к сознанию. Если кто-то считает, что этот отрывок относится к древности (приблизительно II в.), когда не было ни намека на психологическую концепцию в современном смысле, то он должен допустить, что Ипполит, не имея достаточно средств в своем распоряжении, сумел сделать вполне приличную работу на основе психологических фактов. Адам, о котором говорят наассенцы — это «скала».

Это, по общему мнению, Адамас — главный краеугольный камень [λίθος ὁ ἀκρογωνιαίος], который поставляется во главе [κεφαλῆν] угла. Ибо в голове есть основной [χαρακτηριστικόν] мозг, субстанция, дающая название [χαρακτηρίζεται] всему семейству, «Адаму, которого я помещаю в основание Сиона»⁷. Аллегорически это означает образ [πλάσμα]

¹ Исходя из этого, дьявола выразительно называют Люцифером. Поэтому Пенотус увязывает мозг со змеем, благодаря которому наши прародители совершили свой первый самостоятельный поступок. Гностический Наас и serpens mercurialis алхимиков играют сходную роль.

² Hippolytus. Elenchos, IV, 51, 13J^{S2}.

³ Эта параллель включает в себя также Атгиса, Осириса, змея и Христа.

⁴ ἀπό τοῦ ἀχαρακτηρίστου ἐγκεφάλου.

⁵ Он добавляет: «Но никто этого не осознает», что является еще одной ссылкой на бессознательное.

⁶ Elenchos, У 8, 13ff. (Legge, I, p. 133). Ср. Пс. 28:3: «Глас Господень над водами», и 10: «Господь восседал над потопом». Об алхимических параллелях у Майера см. Психология и алхимия, § 434 ел.

⁷ Камень в основании Сиона, вероятно, ссылка на Зах. 4:9-10: «Руки Зоровавеля Положили основание дому сему; его руки и окончат его... Ибо кто может считать день сей маловажным, когда радостно смотрят на строительный отвес в руках Зоровавеля

⁴ Таинство воссоединения

Человека. Но вообще этот «помещенный» Адам есть [внутренний человек, основание Сиона]... который удаляет из Адама первочеловека [архавОрсбјіоD]¹.

Этих отрывков достаточно, чтобы показать, каковы подлинные основы алхимии. Если бы не была доказана преемственность традиции, мы были бы вынуждены предположить, что эти же идеи могут возникать спонтанно, вновь и вновь, на основании архетипов.

8. Адам как олицетворение полноты

Теперь, когда мы рассмотрели значение мозга и лунной земли в качестве арканной субстанции, мы можем перейти к комментарию текста Элеазара.

В алхимическом рецепте указано: «Посей золото в слоистую белую землю»². Так объединяются золото (солнце) и белая земля, или луна³. В

те семь, — это очи Господа, которые объемлют взором всю землю?» Один алхимик связал эти слова с философским камнем на том основании, что «очи Господа» останавливались именно на первом камне.

¹ Elenchos, V, 7, 35f. Слова в скобках неясны.

² «Seminare ergo *animam* in terram albam foliatum». О «terra foliata» см. Emblema 7: *Maier*. Scrutinium chymicum, p. 16ff. Этот символ, вероятно, восходит к *Сениору* (De chemia, p. 24f.): «Подобно этому, они называют воду дающим жизнь Облаком, нижним миром, и понимают под ней листовную Воду, представляющую собой философское золото, которое Господин наш Гермес называл Яйцом со многи ми именами. Нижний мир — это тело и сгоревшая зола, до которой низводят почи таемую Душу. И сгоревшая зола, и душа суть золото мудрецов, коим они засевают свою белую землю, и земля эта усыпана звездами, листьями, исполнена благословения и жажды, и землю эту называют листовной землей, серебряной землей и золотой землей».⁸³ Гермес сказал: «Посей золото в белолстовную землю. Ибо белолстовная земля есть венец победы, зола, извлеченная иззолы»⁸⁴(с. 41). В «Liber de magni lapidis compositione» (Theatr. chem., III, p. 33) упоминается «звезда Дяна» как синоним тегга.

³ Пользуясь терминами Luna и Terra, алхимики зачастую не делали между ними различия. Бок о бок в «Clangog buccinae» (Art. aurif., I, p. 464) существуют такие утверждения: «Посему Луна есть мать и поле, засеянное семенем»⁸⁵, и «Ибо я [Солнце] есть семя, посеянное в добрую землю»⁸⁶ Порождающей жизнь парой всегда являются солнце и луна, но по крайней мере столь же часто земля выступает в роли матери. По-видимому, луна символизирует возлюбленную и невесту, а земля — материнское начало. В Introitus apertus / Mus. herm., p. 694 (Waite, II, p. 194f.) говорится: «Знайте, что наша девственная земля здесь подвергается тщательнейшей обработке, дабы мог созреть посеянный в ней плод Солнца».⁸⁷

христианстве, как и в алхимии, земля и луна близкородственны, соединяясь через фигуру божественной матери. Солнечно-лунная конъюнкция происходит в голове, что указывает на психическую природу этого события¹. Как я говорил, концепции «психического» в современном понимании в Средние века не существовало, и даже современный образованный человек считает трудным для понимания то, что подразумевается под «реальностью психики». И нет ничего удивительного, что для средневекового человека было неизмеримо более трудно вообразить нечто, лежащее между «esse in re» [букв. вещественное бытие] и «esse in intellectu solo» [мыслимое бытие]². Выход лежит в «метафизике»³. Поэтому алхимик вынужден был формулировать свои квазихимические факты в том числе и метафизически⁴. Так, белая земля соответствует

Земля — «мать металлов» и всех созданий. Как terra alba она представляет собой «совершенный белый камень» (Art. aurif., II, p. 490); но фаза albedo именуется «полной луной» и «плодоносной белой землей» (Mylius. Phil. ref., p. 20). Как луна стремится к своему возлюбленному, так земля притягивает к себе душу луны. (Ripley. Opera omnia, p. 78). Луна говорит Солнцу: «Поклонением завладею я душою твоею»¹⁸⁸¹ (Senior. De chemia, p. 8). В «Tractatus Micreris» (Theatr. chem., У p. 109) говорится: «Осадок воды — это земля, из которой сотворен Адам, бывший также малым миром».⁸⁹Миллус (Phil. ref., p. 185): «Земля именуется матерью элементов, поскольку носит сына в своей утробе».⁹⁰¹ «Gloria mundi» (Mus. herm., p. 221; Waite, I, p. 179) наделяет filius двойным рождением героя: «Хотя при первом рождении он был порожден Солнцем и Луной, он, тем не менее, олицетворяет некоторые земные элементы».⁹¹ «Отец принимает сына, то есть земля сохраняет дух».⁹² (Mylius. Phil. ref., p. 137). Полное отождествление земли и луны подтверждается еще в древности: «Самая нижняя часть всего мира — это земля, но самая нижняя часть эфира — это луна; и луну называют эфирной землей».⁹³¹ (Macrobius. In somnium Scipionis, I, 19, 10). Ферекид говорит, что луна — это небесная земля, порождающая души. У Фирмикуса Матернуса (Matheseos, V, praef. 5) луна выступает даже как «мать смертных тел». О связи между луной и плодородием земли см. Rahner. Mysterium Lunae, p. 68ff.

¹ Ср. Психология переноса, § 469ff.

² Доказательство этого — спор об универсалиях, который Абельяр пытался раз решить посредством «концептуализма». Ср. Психологические типы, § 68 сл.

³ На этом принципе до сих пор основываются теософия и подобные ей системы.

⁴ Священник Гревер (Jodocus Greverus) говорит в «Secretum» (Theatr. chem., III, P- 785f.): «Но ты, любезный читатель, составив о моих писаниях верное суждение, поймешь, что философы подобны садовникам и землепашцам, отбирающим семена, и, отобрав их, бросают не в обычную землю, а во вспаханные поля и обработанные сады».⁹⁴ «Но Солнце и Луна философов слывут хорошим семенем. Земля должна быть очищена от мусора и сорняков, проделать это следует с немалым тщанием, и После того, как ее возделают, семена Солнца и Луны должны быть брошены в нее».⁹⁵

земле, символизирующей «человечество, вознесенное превыше всех мировых сфер и помещенное на интеллектуальное небо святейшей Троицы»¹. (Где, как я должен добавить, оно со всей очевидностью добавляется к Троице как «Четвертое», таким образом превращая ее в нечто целостное².) Этот красноречивый образец неортодоксальности остается бессознательным и никогда не выходит на поверхность.

Заключение, к которому приходит Элеазар, требует разъяснений. Само по себе примечательно, что он вынужден по новому пересказать (в связи с совершенным состоянием, то есть *coniunctio Solis et Lunae*) именно этот отрывок из Иова (см. стр. 412) и произнести: «Из моей земли выйдет кровь». Это возможно, только если конъюнкция символизирует порождение гермафродитного второго Адама, а именно Христа и *corpus mysticum* Церкви. В священном ритуале эквивалентом конъюнкции присутствует смешение субстанций, или причастие в обоих видах. Отрывок из Иова следует поэтому интерпретировать так, как будто Христос сказал: «Из моей земли, моего тела, выйдет кровь». В православном ритуале хлеб символизирует тело Христово. Священник протыкает его маленьким серебряным ланцетом по аналогии с раной в Его боку, из которой истекла кровь, и, вероятно, также по аналогии с жертвоприношением (*mactatio Christi* [закланием Христа]).

Алхимическая земля — это арканная субстанция, она в данном случае тождественна телу Христа и *adamah*, красной земле раи. От слова *adamah* традиционно производят имя Адам, так что здесь вновь райская земля связана с *corpus mysticum*. (Эта специфически христианская идея едва ли сочетается с приписываемым ей еврейским авторством.) Тем не менее, удивительно, что, как сказал Элеазар, эта земля «смешана с

¹ *De arte chymica / Art. aurif.*, I, p. 613.⁹⁶ Земля есть истиннейший рай, «сад радостей и мудрости». «Ибо она дар Божий, который совершает таинство слияния Лиц в Святую Троицу. О чудеснейшее знание, театр природы, ее строение, земная астрология, доказательство божественного всемогущества, свидетельство воскрешения из мертвых, пример отпущения грехов, непогрешимое отправление справедливости и зеркало вечного блаженства».⁹⁷ (0/нуче/Ы15. *Theatr. chem.*, III, p. 809).

² «Мужчину и женщину сотворил их [Быт. 1:27 — *Пер.*]. И поэтому мы знаем, что любая сущность, не содержащая мужского и женского элементов, не является высшей [небесной]... И знай, Бог не пребывает там, где мужское и женское начала не соединены» (*Zohar*, I, p. 177). Ср. «Когда мы срываем покров стыдливости и двое становятся одним, то мужчина с женщиной суть уже не мужчина и не женщина» (*Stromata*, III, 13, 92). Согласно «*Zohar*» (IV, p. 338), мужское и женское начала должны быть различимы в самом Боге. Ср. *Wunsche. Kabbala; Herzog и Hauck. Realenzyklopadie*, IX, p. 679, line 43.

огнем». Это напоминает алхимическое понятие «ignis gehennalis» [геенны огненной], «центрального огня»¹; благодаря его теплу рождается и растет все в природе, потому что в нем обитает меркурианский змей, саламандра, которую огонь не пожирает, и дракон, который пожирает огонь². Несмотря на то, что этот огонь есть частица огня Божьего духа («божественный яростный огонь» Бёме), он также и Люцифер, прекраснейший из Божьих ангелов, после падения сам ставший адским огнем. Элеазар говорит: «Сей древний Отец-Прародитель³ однажды явится из Первоначального Хаоса⁴, и будет он драконом, изрыгающим огонь». Дракон, парящий в воздухе — это универсальный «Фитон»⁰, начало всех вещей⁶. Другим источником смешанного с землей огня, вероятно, является образ Сына Человеческого в Откровении, 1:14-16:

Глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его, как пламень огненный; и ноги Его подобны халколивану⁷, как раскаленные в печи; и голос Его, как шум вод многих. Он держал в деснице Своей семь звезд, и из уст его выходил острый с обеих сторон меч; и лице Его, как солнце, сияющее в силе своей.

Тут опять голова сравнивается с солнцем, сочетаясь с белизной полной луны. Но ноги стоят в огне и в жаре, подобном расплавленному металлу. Мы обнаруживаем нижний огонь в Книге Иова, 28:5: «Terra igne subversa est» (Земля... внутри изрыта как бы огнем). Но «на которой вырастает хлеб» — образ единения высших противоположностей! В апокалиптическом образе мы едва ли могли бы распознать Сына Человеческого, истинное воплощение Божьей любви. Но в действительности этот образ ближе парадоксам алхимиков, чем евангельский Христос, чья внутренняя полярность сводится почти к нулю после слов «изыди, Сатана». Снова мы встречаем этот образ в Апокалипсисе, а затем — в более яркой форме — в алхимической символике⁸.

¹ «Посему в центре земли бушует самый величайший и яростный огонь, созданный солнечными лучами. Его называют бездной и нижним миром, где нет других подлунных огней; ибо порождения вышеназванных начал, то есть жара и воды — огонь и земля — отвергнуты и прокляты».¹⁹⁸ (Mennens. Theatr. chem., V, p. 370.)

² «Ибо он одолевает огонь, а огонь не побеждает его, но в нем все покоится в мире, смешиваясь друг с другом».¹⁹¹ (The Works of Geber, p. 135.)

³ Элеазар отождествляет его с Альбаоном = белым свинцом.

⁴ Эта фраза заимствована у Кунрата.

⁰ Ср. Дух Меркурий, § 263.

⁶ Uralttes Chymisches Werck, I, p. 63.

⁷ ХcdJcoXipaww, который в Вульгате переводится как aurichalcum, от oreixaXхоx (медный сплав).

⁸ Ср. дуализм каббалистического Тиферета, который соответствует Сыну Человеческому: «Справа он именуется Солнцем правды (Мал. 4:2), но с другой стороны

Наше предположение, что Элезар имел в виду апокалиптическую фигуру «fils de l'homme [сына человеческого (фр.)] ☿ (= Меркурий) из французской рукописи XVIII века¹, по имени «Жезоф леЖюст», которому приписывали знаменательное число 4 x 4 в виде шестнадцати точек (илл. 3)². (Это отсылает нас к четырем херувимам из видения Иезе-кииля, у каждого из которых четыре лица (Книга Иезекииля, 1:10,10:14).) Его неканонические одежды подобны женским, как это часто свойственно гермафродитному Меркурию на алхимических иллюстрациях семнадцатого и восемнадцатого веков. Образцы для этой фигуры можно обнаружить в видениях св. Иоанна Богослова (Откровение, 1 и 4) и Даниила (7:9). Жезоф (= Йесод) — это девятая и средняя Сефира самой нижней триады каббалистического древа, которая интерпретируется как творческая и плодоносящая сила вселенной. Алхимически он соответствует *spiritus vegetativus*, Меркурию³. Меркурий в алхимии имеет фаллический аспект, будучи родственником Гермесу Киллениосу⁴, а в «Зогаре» такую же нагрузку несет Йесод; в действительности «Цаддик», или «Единый», как еще называют Йесода, — это орган размножения⁵. Он — «струя воды»

он именуется солнцем из-за жара огня Гебурь».¹⁰⁰¹ (Kabbala denudata, I, 1, p. 348.) О втором дне, назначенном для Гебуры, сказано: «В тот день была создана Геенна» (там же, с. 439).

¹ Bibliotheque Nationale, Fr. 14765, pi. 8.

² Ср. структуру 4 x 4 в Айоне, § 278.

³ «В естественных вещах Йесод символизирует ртуть, потому что в ртути — основа всего искусства трансмутации»¹⁰¹¹ (Kabbala denudata, I, p. 441).

⁴ Ср. Дух Меркурий, § 278.

⁵ «В людях Йесод обозначает детородный орган любого пола»¹⁰²¹ (Kabbala denudata, I, p. 440). Его божественное имя — Эль-чей: «Посему Адонай горит постоянной страстью и желает возвыситься до пределов Эль-чей».¹⁰³¹ Йесода также называют «твердым» и «истинным», поскольку он ведет «поток» Тиферета в Мальхут: «Это главное, что происходит между Ним и Ней, когда тончайшая природа семени, посланная свыше, становится недвижимой».¹⁰⁴¹ (p. 560). Йесода называют, в числе прочего «ангелом-спасителем, источником живой воды, деревом познания добра и зла, Левиафаном, Соломоном, Мессией — сыном Иосифа».¹⁰⁵¹ Девятая Сефира (Йесод) именуется «частью завета (или обрезания)» (Kabbala denudata, I, 2, Apparatus in Librum Zohar, p. 10). «Zohar» особо подчеркивает фаллическую символику в связи со спекуляциями относительно Сефиры Йесод» (*Scholem. Major Trends*, p. 228). Автор добавляет: «Здесь, конечно, достаточно места для психоаналитических толкований». Поскольку фрейдистская школа переводит психическое содержание на язык сексуальной терминологии, от меня здесь ничего не требуется, потому что автор «Зогара» уже все сделал сам. Эта школа просто указывает нам на скрывающийся за любой вещью пенис, но ни разу не дала ответа на вопрос, что же фаллос символизирует. Предполагается, что в подобном

(effusorium aquarum)¹, или «трубка» (fistula), «водопроводная труба» (canalis)², а также «родник» (scaturigo)³. Такие сравнения могут направить ум современного человека по ложному пути односторонних интерпретаций; например, что Йесод — это просто пенис или, напротив, что сексуальный язык не основывается на реальной сексуальности. Но в мистицизме, о чем следует помнить, «символический» объект имеет не одно значение, а всегда несколько. Сексуальность не исключает ни духовности, ни духовной сексуальности, ибо в Боге все противоположности аннулируются. Можно вспомнить хотя бы unio mystica [мистическое единение] Симеона бен Йоханн в «Зогаре II», о чем Шолем только упоминает.

Йесод имеет много значений, которые в рукописи относятся к Меркурию. В алхимии Меркурий — это «связка» души, соединяющая дух и тело. Его двойственная природа позволяет Меркурию играть роль посредника; он и телесный, и духовный, и сам является союзом этих двух начал. Соответственно, в Йесоде совершается таинство «unitio» [единения]⁴ высшего, Тиферета, и нижнего, Мальхут. Его также называют «мирным договором»⁵. Другие названия: «хлеб», «старший над Лицами»⁶ (то есть верхним и нижним), «верхушка», касающаяся неба и земли⁷, «propinquus» [родственник, близкий] (Ближайшая Единица), поскольку он ближе Славе (Шекине), то есть Мальхут, чем Тиферету⁸, а также «Сильный в Израиле»⁹. Йесод объединяет эманации правой, мужской стороны (Нецах, жизненной силы) с левой, женской стороной (Ход, красотой)¹⁰. Его называют «сильным, надеж -

случае цензор должен прервать свою работу. Как показывает и специально подчеркивает сам Шолем, сексуальность «Зогара», несмотря на незрелость, можно понимать как символ «основания мира».

¹ «Он — струя воды, взметнувшаяся вверх, и на нем — две оливы, два мужских яичка!»] (Kabbala denudata, I, 1, p. 330).

² P. 544, 215.

³ P. 551.

⁴ Ibid., p. 165, s.v. Botri.

⁵ P. 210, 5: «Но завет мира и совершенства называется так потому, что таким способом осуществляется мир и совершенство союза между Тиферетом и Мальхут; и слова I Пар. 29:11 «... все, что на небе и на земле, Твое», Таргум перефразирует так, что между небом и землей устанавливается единство».¹¹⁰⁷

⁶ P. 500.

⁷ Pp. 674, 661.

⁸ P. 677: «Ближе... и лучше, чем брат вдалеке, имя коего Тиферет».¹¹⁰⁸

⁹ «Сильный в Израиле означает нечто среднее между Несах и Ход».¹¹⁰⁹

¹⁰ Как castella munita (неприступные крепости) и botri (виноград) — Несах и Ход обозначают яички.

ным, постоянным»¹, потому что он доставляет эманацию Тиферета вниз в Мальхут².

Символом Меркурия часто выступает дерево, а символом Йесода — frutex (древесный ствол) и virgultum (ветвь)³. Меркурий — это spiritus vegetativus, дух жизни и роста, а Йесода называют «vivus», живым⁴ или «живущим в вечности»⁵. Так же как Меркурий — первоматерия и основа всего процесса, так и Йесод означает «основание»⁶. «В естественных вещах Йесод содержится в самой ртути, ибо это основа всего искусства трансмутации»⁷, конечно, речь идет не об обычной ртути, а о той, «которая не без тайного смысла именуется звездой». Из этой звезды вытекают «воды великого Бога Эля, или ртути... Таковую ртуть... называют Сферической Водой», или «водой крещения»⁸.

Эта вода зовется дочерью Матреда, то есть... человека, который неутомимо трудится над получением золота. Ибо эта вода течет не из земли, ее добывают не из слоев земных, а получают и совершенствуют великими трудами и большим старанием. Его жена зовется Водой золота, или водой, из которой можно получить золото. И если мастер вступит в брак с ней, то породит дочь, которая будет Водой царской купели⁹.

Посредством изопсефических¹⁰ рассуждений вода золота отождествляется с Йесодом. На это указывает таблица с шестнадцатью знаками золота или солнца ©у Norfilsde l'homme. В «Kabbala denudata» изображена «камея»¹¹,

¹ Йесода, как и Тиферета, также называют amicus fidelis, преданным другом: «В разговоре об этом, который приводится в «Зогаре», юноше говорят, что Единственную Единицу (Йесода) будут называть верным другом, в соответствии со словами Песн. 7:11 «Я принадлежу другу моему». Йесод называется Другом потому, что соединяет любовников и друзей; через него осуществляется союз Тиферета и Мальхут»¹¹⁰ (стр. 247).

² Р. 560 Сексуальный символ (ср. выше). Атрибуты «сильный», «могучий» при сути и Тиферету, и Йесоду.

³ Р. 710.

⁴ Р. 340.

⁵ Р. 165.

⁶ Р. 660: Притч. 10:25: «...а праведник — на вечном основании».

⁷ Р. 441.

⁸ р 44 П.¹¹¹

⁹ Р. 442.¹¹²¹ Данный текст заимствован из алхимического трактата «Ash Metsareph», исследуемого Кнорром в его «Apparatus».

¹⁰ См. выше.

¹¹ От итал. cameo, лат. cammaeus.

которая включает не 2×8 , а $8 \times 8 = 64$, числа¹, «которые представляют сумму имени золотой воды»².

Поскольку первоматерию называют также свинцом и Сатурном, следует упомянуть, что Саббат (Sabbath) тождествен Йесоду, поскольку содержит букву Тет (Teth)³, находящуюся под влиянием Шабтаи (Сатурна). В такой же мере Меркурий, представляя легучую субстанцию, может называться птицей, гусем, цыпленком Гермеса, лебедем, орлом, грифом и фениксом. Йесод(как и Тиферет) именуется «pullis avis» (цыпленком, птенцом)⁴, а также «penna, ala» (пером, крылом)⁵. Перья и крылья тоже играют роль в алхимии: орел, пожирающий свои собственные перья или крылья⁶, и перья феникса у Михаэля Майера⁷. Идея птицы, пожирающей собственные перья, представляет собой вариантуро-бороса, который, в свою очередь, связан с Левиафаном. Левиафан и «великий дракон» — имена и Йесода, и Тиферета⁸.

Йесод является частью целого, а целое — это Тиферет, которого называют солнцем⁹. Ноги апокалиптического Сына Человеческого, как бы раскаленные в печи, могут быть связаны с Мальхут, поскольку ноги — часть тела, касающаяся земли. Земля, Мальхут — это «подставка для ног» Йесода¹⁰ Мальхут также и «печь», «место, предназначенное

¹ Как степень четырех, число 64 символизирует высшую целокупность. Возможно, что 64 гексаграммы И Цзин, следует понимать именно в этом смысле. Они представляют течение «духовного пути» Дао, извилистого, как путь дракона или воды. Ср. *Rousselle, Drache und Stute, S. 28; Tscherner. Das Vermachtnis des Laotse, S. 11.*

² *Kabbala denudata, I, 1, p. 443.*

³ «В «Зогаре» эта буква именуется источником жизни»^{изз}(с. 439, 366).

⁴ Р. 144: «Апрох: птенец любой птицы. Втор. 22:6, Пс 83:4. В «Райа Мехимна» Р. Симеон бен Йохай говорит, что под этим именем следует понимать уровень Тиферета, поскольку у него есть шесть членов (крыльев), при помощи которых он поднимается и опускается. Но в «Тиккуним» в начале книги «Р. Бар» стоит Бар Ханна: это имя, как говорят, принадлежит Единственному в таинстве света, исходящего из глубин ввысь. Его слова таковы: «Эфрохим — это цветы, еще не давшие совершенных плодов. Они суть Сефирот как древо, поднимающееся из глубин ввысь относительно Йесода».^{1,41}

⁵ «Перо, крыло... половой член... вот имена Йесода, прозванного Единственным»^{1,51}(стр.22).

⁶ См. Психология и алхимия, рис. 228.

⁷ «...из перьев, сверкающих на шее феникса... готовится лучшее снадобье от всех болезней, противных человеческой природе... оно возвращает желанное здоровье»¹¹¹⁶(*Symbola*, p. 599).

⁸ *Kabbala denudata, I, 1, p. 499, 737.*

⁹ *Ibid.*, p. 348.

¹⁰ Р. 157,266,439.

для обработки и вываривания потока, посланного ей ее мужем для питания полчищ»¹.

После этого отступления вернемся к тексту Элеазара. Золотая голова с серебряными лунными волосами и телом, созданным из красной земли, смешанной с огнем, имеет «внутренность» Черной, ядовитой, уродливой фигуры, которая выглядит подобно Суламифи. Очевидно, эти негативные свойства следует понимать в нравственном смысле, хотя химически они обозначают черный свинец изначального состояния. Но «внутренность» — это второй Адам, мистический Христос, как это становится ясно из аллегории льва, убитого Самсоном: «Из ядущего вышло ядомое, и из сильного вышло сладкое»². Эти слова интерпретируются, как ссылка на *corpus Christi*, гостию³, то, что Элеазар называл «пищей героев». Это странное выражение и еще более странная концепция Христа представлены в гостии и явно отсылают нас к алхимической тайне. Вот почему автор мог сказать вместе с Иовом (28:7), что «стеzi туда не знает хищная птица, и не видал ее глаз коршуна». Путь окутан тайной, ибо «камень принадлежит только испытанным избранныкам Божиим».

Ляпис также фигурирует в Каббале: «Иногда так называют Адонай, имя последней Сефиры, и Мальхут, Царство; потому что последняя есть основание всего миропорядка»⁴. Камень, разумеется, обладает высшим значением, поскольку выполняет функцию Адама Кадмона как «основного камня, из которого все нижние и высшие силы труда созидającego приводятся в действие»⁵. Он называется «сапфировым камнем, ибо он

¹ Текст продолжает: «Как хорошо известно, женщина своим теплом готовит семя крождению»¹¹⁷(р. 465).

² Суд. 14:14.

³ «Здесь говорится о Сыне Божьем, который долгое время являл собой ужасного льва в наказание за грехи людские, а позже, немного погодя, когда он уста новил таинство Причастия при приближении смерти своей, то обратился в сладчайшие медовые соты»¹¹⁸¹ (*Picinellus. Mundus symbolicus*, I, p. 397).

⁴ *Kabbala denudata*, I, 1, p. 16¹¹⁹i

⁵ *Ibid.*, p. 16.¹²⁰¹ *Zohar*, I, 231a гласит: «Мир не мог возникнуть до тех пор, пока Бог, взяв некий камень, названный им краугольным, не бросил его в бездну, которая тотчас приняла его, и из этого камня вырос мир. Камень этот — основание мира, он — Святая Святых. Это о нем говорится в стихах: «Кто положил краугольный камень ее [земли]?» (Иов. 38:6), «...камень испытанный, краугольный, драгоценный» (Ис. 28:16), и «Камень, который отвергли строители, соделался главою угла» (Пс. 117:22). Камень состоит из огня, воды, воздуха и покоится в пропасти... «На этом одном камне семь очей...» (Зах. 3:9). Он — скала Мориа, место жертвоприношения Исаака. Он также центр мира».

пользуется разными цветами высших сил и творит вещи сегодня мудрые, и завтра наоборот, сегодня приносящие добро, а завтра зло, сегодня жизнь, а завтра смерть, сегодня бедность, а завтра богатство»¹. Камень появляется здесь как сила судьбы; более того (как видно из ссылки на Второзаконие, 32:39), это сам Бог². Кнорр фон Розенрот сам был алхимиком, и слова его записаны с определенным намерением³. Он подчеркивал, что сей камень есть именно тот, «который строители отвергли, а он лег во главу угла»⁴. Он занимает срединное положение в системе Сефирот, потому что объединяет в себе силы верхнего мира и распределяет их в нижнем⁵. Именно благодаря такому положению он соответствует Тиферету⁶.

Я не нашел в алхимической литературе свидетельств, что сапфир обладал тайным смыслом до Парацельса. Похоже, именно этот автор ввел его в алхимию из Каббалы в качестве синонима арканной субстанции:

Ибо сила, таящаяся в сапфире, дарована небесами и извлекается посредством растворения, коагуляции (сгущения) и затвердения. Итак, поскольку небеса поставили, что следует работать, проходя через эти три стадии, до

¹ Kabbala denudata, I, 1, p. 16J¹²ⁿ

² «Видите ныне, что это Я, Я — и нет Бога, кроме Меня: Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю; и никто не избавит от руки Моей».

³ Он рекомендует свой труд «философам, теологам всех религий и любящим искусство химии». См. титульный лист первой части первого тома.

⁴ P. 16,28.

⁵ P. 16f.

⁶ Камень указывает не только на нижний мир, но также и на Мальхут. «В этом вечном имени сокрыто таинство буквы Йод(י), что ставит Мальхут на высочайшую ступень, ибо она содержит букву Йод. Ведь бесформенная масса и форма י имеет внешний вид камня, а Мальхут — это основание и камень, на котором выстроено все здание. О ней говорится у Захарии, 3:9: «...на этом одном камне — семь очей»^{1,221} (с. 17). (См. выше, часть II, «Искра», где я обсуждаю *сраја Моноймоса, йоту*). В мидрашитской легенде об Армиллусе, «сыне камня» «нижний камень» обладает негативным значением. Мидрашитский комментарий к Десятикнижию гласит: «И Сатана придет и соединится с камнем в Риме. И камень зачнет и понесет Армиллуса». «Камень сей — жена Белиала, и когда он совокупился с нею, она забеременела и родила Армиллуса». Он был «косой и красноглазый, двухголовый и зеленоногий». «Его волосы были красны, как золото». Следовательно, он — тифоноподобная фигура, противоположная второму Адаму. «Он придет к эдомитам и скажет им: Я — ваш спаситель». Римский камень принял «облик прекрасной девушки, созданной в первые шесть дней Творения». Армиллус также соответствует трехглавому Ажи-Дахаке из иранской легенды, которого подчинил Йима, антропос. См. *Murmelstein. Adam*, p. 75ff. Другие варианты в: *Hurwitz. Die Gestalt des sterbenden Messias*.

тех пор, пока оно не будет достигнуто [то есть получение сапфира и его свойств], поэтому необходимо разбить сапфир в соответствии с тремя названными процедурами. Сделать это надо так, чтобы тела исчезли. А тайна осталась. Ибо до существования сапфира тайны не было. Но впоследствии, так же, как человеку была дана жизнь, так и сапфиру небеса даровали тайный смысл¹.

Мы узнаем здесь родство с каббалистическими идеями. Ученик Парацельса, Адам фон Боденштейн, говорит в «Opomasticon»: «Сапфирный материал — это жидкость, в которой нет вредоносного содержания»². Дорн³ считает «цветок сапфира» равнозначным «Arcanum Cheyri» Парацельса⁴. «Epistola ad Hermannum» приводит слова некоего Г.Ф.РодохеусадугелейненГусио⁵: «Тогда появится сапфиромый цветок гермафродита, чудесная тайна Макрокосма, одна часть которого, если ее прилить к тысяче расплавленных частей Офиризума, придаст им всем свои собственные свойства»⁶. В этом отрывке видно влияние Парацельса.

Lapis Sapphireus, или Sapphirinus, восходит к Книге Иезекииля (1:22 и 26), где «над головами животных было подобие свода, как вид изумительного кристалла», «а над сводом... подобие престола... как бы из камня сапфира» (упоминается ив 10:1), а также можно прочесть в Исходе, 24:10: «И видели Бога Израилева; а под ногами Его нечто подобное работе из чистого сапфира и, как самое небо, ясное». В алхимии «наше золото» — это «хрусталь»⁷; сокровище философов — «некое стеклянное небо, прозрачное, как хрусталь, и ковкое, словно золото»⁸; тинктура золота «прозрачна, как хрусталь, ломка, как стекло»⁹. В «Книге пещеры сокровищ» говорится, что тело Адама сияет,

¹ Das Buch Paragnanum (изд. Strunz), S. 77.

² P. 64.

³ Ср. Парацельс как духовное явление, § 234, прим. 22.

⁴ De vita longa, p. 72.

⁵ Theatr.chem., V, p.889.1¹²³

⁶ «Офиризм», вероятно, происходит от названия легендарной страны Офир, чьи золотые богатства издавна вошли в поговорку. (Ср. Иов. 22:24 и Ис. 13:12). Рейснер в «Пандоре» (с. 304) идентифицирует «purum aurum, чистое золото» как «Obrizum aurum», что согласуется с выражением Исидора Севильского (Liber etymologiarum, lib. XVI, cap. XVII, fol. 84r) «Obrucum aurum» (лат. obrussa, гр. ορρυ^ον χρυσιον, «чистое золото»). Об этом упоминает и Пико делла Мирандола. De auro / Theatr. chem., II, p.392.

⁷ Mylius. Phil. ref., p. 151.

⁸ Theatr. chem., II, p. 526. Ср. Откр. 21:21: «...чистое золото, как прозрачное стекло».

⁹ Helvetius. Vitulus aureus / Mus. herm., p. 826.

подобно хрустально'. Хрусталь, «который одинаково чист и внутри, и снаружи», сродни «нетронутой чистоте» Святой Девы². Престол в видении Иезекииля, как утверждает Григорий Великий, воистину подобен сапфиру, «ибо сей камень обладает цветом воздуха»³. В некотором смысле он сравнивает Христа с кристаллом, что может служить образцом языка и идей алхимиков⁴.

Комбинацию воды и хрусталя можно обнаружить также в каббалистической «Sifra de Zenuitha». В параграфе 178 комментария Лурии говорится: «Вторая форма называется хрустальной росой, образуется из Суровости Царства⁵ первого Адама, которое включено в Мудрость Мак-ропрососа⁶: поэтому у хрусталя здесь необычный красный цвет. И эта [форма] есть мудрость, о которой говорят, что она — причина всех справедливых суждений»⁷. Хотя алхимия, несомненно, находится под влия-

¹ Bezold. Die Schatzhohle, p. 4. ² Picinellus.

Mundus symbolicus, I, p. 600.

³ In Ezechielem, I, Horn, viii (Migne, P.L., vol. 76, col. 863). Он продолжает: «Добродетели небесные потому отмечены сапфиром, что ему отведено высочайшее место на небесах по достоинствам его»,¹²⁴¹ Ср. также *Moralia in Job*, lib. XVIII, cap. XXVII.

⁴ In Ezechielem, lib. I, Horn, vii: «Кристалл... есть замерзшая вода, ставшая твердой. А нам известно, сколь она подвижна; но тело нашего Спасителя, под вергавшееся страданиям даже в смерти, было в этом смысле подобно воде; ибо, родившись, вырастая и страдая от усталости, голода, жажды и смерти, он с каждым мгновением приближался к страстям своим... Но восславленный своим воскрешением, он восстал из праха, обретя силу нетленности, он отвердел, как кристалл из воды, так, что природа их стала единой, и изменчивости, свойственной тленным телам, больше не было у него. Поэтому вода стала кристаллом, когда нетвердость тления превратилась воскрешением его в силу нетленности. Но заметьте, что кристалл называют ужасным, то есть устрашающим... и для всех, знающих истину, он указывает, что когда Спаситель человечества снова придет как судья, то праведникам он явится прекрасным, а грешникам — ужасным». ¹²⁵¹

⁵ Царство (Basilia) относится к Мальхут.

⁶ Макропросос соответствует первой триаде системы Азилут: Кетер (corona), Винах (intelligent) и ХоКМа (sapientia). «Несомненно, что Макропросос, Отец и Мать, — Венец, Мудрость и Разум излучающего эманации возрожденного мира»¹²⁶¹ (Ibid., sect. 166, p. 56f.). Эта триада представляет истинную Троицу: «Из первых трех частей мира пустоты образуются три высших главы, заключенные в Наисвятейшей Древней Единице. Но все три считаются единым целым в эманативном мире, или Макропрососе».¹²⁷¹ Выражения *Хоуос*, *цахрох8ц0<*; или *Цахрор8б8шяск*; можно встретить у Филона.

⁷ *Commentarius generalis / Kabbala denudata*, II, 2, Tract. IV, p. 61. ¹²⁸¹

нием подобных сравнений, идея камня, несмотря на все аналогии¹, не может восходить к Христу. Мистическим достоянием алхимии была идея о «камне, который не есть камень», или о «камне, обладающем духом» или о камне, «найденном в стремнинах Нила»². Этот символ нельзя объяснить как еще одну излишнюю попытку затемнить христианское таинство. Напротив, он представляет собой новый и своеобразный продукт, который в старину постепенно кристаллизовался в процессе ассимиляции христианских идей в гностицизме. Позднее были осуществлены определенные попытки ассимилировать, в свою очередь, алхимические идеи в христианстве, хотя, как видно из текста Элеазара, между алхимией и христианством существуют неодолимые различия. Это происходит потому, что в символе камня, несмотря на аналогичность с Христом, имеется элемент, который невозможно примирить с чисто духовными положениями христианства. Само представление о «камне» указывает на особую природу этого символа. «Камень» — сущность всего твердого и земного. Он представляет женскую *материю*, и эта концепция вторгается в сферу «духа» и его символики. Герменевтические церковные аллегории краеугольного камня и камня, «отколотого от горы без приложения рук»³ и трактуемого как Христос, не были источником символа ляписа, но применялись алхимиками, чтобы оправдать его, ибо *XiGoq ot A-iGoq* [камень, который не камень] — не христианского происхождения. Камень был более чем «воплощением» Бога, он был конкретизацией, «материализацией», проникающей во тьму неорганического царства или даже поднимающейся из него, из той части Божества, которая противопоставила себя Творцу, потому что, как говорят последователи Василида, оставалась латентной в панспермии (универсальном очаге жизни) — формирующем принципе кристаллов, металлов и живых организмов. Неорганическое царство включает районы, подобные огненному аду, бывшие владениями дьявола. Трехглавый меркурианский змей, был, разумеется, троичным по существу⁴ — «нижней триадой»⁵ — идополнял божественную Троицу.

Поэтому мы можем предположить, что в алхимии была сделана попытка символической *интеграции зла* посредством локализации божественной драмы искупления в самом человеке. Этот процесс проявляется то как распространение искупления за пределы человека, в саму

¹ В патристической литературе Христа называют ляписом. Ср. например, слова св. Григория: «В Священном Писании камень обозначает нашего Господа и Спасителя».¹²⁹ Exp. in I Reg., lib. IV, cap. vii, 12 (Migne, P.L., vol. 79, col. 212):

² Berthelot. Alch. grees, III, vi, 5. Ср. Психология и алхимия, § 405.

³ Дан. 2:34.

⁴ Ср. Дух Меркурий, §270 ел., 283.

⁵ Ср. Феноменология духа в волшебной сказке, § 425 ел., 436 ел.

материю, то как восхождение $\alpha\nu\tau\acute{\iota}\mu\iota\mu\omicron\nu \pi\nu\epsilon\upsilon\mu\alpha$, «духа подражания», или Люцифера, как примирение его с духом, нисходящим свыше, в котором и Верх, и Низ, подвержены процессу взаимной трансформации. Мне кажется, что в тексте Элеазара как раз проводится подобная идея, поскольку трансформация черной Суламифи происходит в три стадии, о которых говорит Дионисий Ареопагит, характеризуя мистическое восхождение: *emundatio* ($\kappa\acute{\alpha}\theta\alpha\rho\sigma\iota\varsigma$, очищение), *illuminatio* ($\phi\omega\pi\sigma\mu\acute{o}\varsigma$, освещение), *perfectio* ($\tau\epsilon\lambda\epsilon\sigma\mu\acute{o}\varsigma$, совершенство)¹. Говоря об очищении, Дионисий ссылается на пятидесятый псалом (стих 9): «...омой меня, и буду белее снега»; а об освещении — на двенадцатый псалом (стих 4): «Просвети очи мои...». (Два небесных светила, Солнце и Луна, по старинной традиции, соответствуют двум глазам.) О совершенстве же говорится в Евангелии о[^]Матфея: «Итак будьте совершенны, как совершен Отец наш Небесный». Здесь мы видим одну из сторон приближения к божественному; другая сторона, описанная ранее, является образом апокалиптического Сына Человеческого.

Описанное в тексте преобразование Суламифи можно таким образом воспринять как предварительную стадию процесса индивидуации, неожиданно прорастающую из бессознательного в символической форме, и сравнить со сном, где происходит попытка обрисовать этот процесс и поэтому используются религиозные или же — в наши дни — «научные» образы. Если проблеме рассматривать с психологической точки зрения, выясняются следующие факты.

Nigredo соответствует тьме бессознательного, где в первую очередь содержится низшая личность, тень. Она превращается в женскую фигуру (которая стоит непосредственно за ней и контролирует ее), аниму, чьей типичной представительницей является Суламифь. «Я черна, но милостива» — не «отвратительна», как хотел бы уверить нас Элеазар. Ибо, поскольку природа была изуродована грехом Адама, ее чернота с его точки зрения должна была считаться уродством, как чернота греха, как начальная стадия Сатурна, тяжелая и черная, как свинец. Но Суламифь, жрица Иштар, означает землю, природу, плодородие, все, что цветет в туманном свете луны, а также пробуждающую к жизни силу природы. Анима, несомненно, является архетипом самой жизни и стоит выше всех значений и всех нравственных категорий. То, что прежде всего поражает нас как нечто необъяснимое, а именно новое появление из нее старого Адама, обращающее вспять последовательность Творения, теперь можно понять, потому что тот, кто узнает, как жить естественной Жизнью, и будет старым Адамом. В данном случае он будет не столько старым Адамом, сколько Адамом, вновь рожденным дочерью Евы, Адамом, возвращенным к своему первоначальному естеству. Тот факт, что

¹ The Celestial Hierarchies, III, 3.

она дает Адаму новую жизнь и что черная Суламифь производит первоначального человека во всей его дикости и неискренности, избавляет нас от подозрения, что «старый» Адам — описка или опечатка. Подобный метод позволяет нам догадаться, что заставило автора принять еврейский псевдоним. Еврей был для него самым ближайшим примером не-христианина и, следовательно, сосудом для всех тех вещей, которые христианин не мог или не хотел вспоминать. Поэтому было весьма естественным вложить эти темные, полусознанные мысли, совпавшие по времени сдвижением Свободного Духа, витавшие в позднем христианском культе Святого Духа и сформировавшиеся в живую кровь Ренессанса, в уста вымышленного еврейского автора. Также как ветхозаветные пророки, начиная с Осии, которому Бог повелел вступить в брак с другой Суламифью, так и *cours d'amour* [школа любви (фр.)] Рене Анжуйского, миннезингеры и святые с их страстной любовью к Богу были братьями Свободного Духа. Текст Элеазара был всего лишь эхом тех давних событий, изменивших лицо христианства. Но в любом таком отзвуке есть также предчувствие будущего развития: в том же веке родился автор «Фауста», этого грандиозного творения.

Суламифь остается неизменной, как и старый Адам. И тем не менее Адам Кадмон, нехристианский второй Адам, рождается как раз в тот момент, когда ожидается христианское преображение. Это необычное противоречие кажется на первый взгляд неразрешимым. Однако его можно понять, если принять за основу, что освещение или *solificatio* Суламифи — это не первое, а второе преображение, и происходит внутри. Предметом преображения выступает не эмпирический человек (хотя именно его в большой степени можно идентифицировать со «старым Адамом»), а Адам, Первый человек, наш внутренний архетип. Черная Суламифь сама представляет первое преображение: она приходит в сознание черной анимы, женского аспекта Первого человека. Второе, *solificatio*, есть сознательная дифференциация мужского аспекта — что является более трудной задачей. Каждый мужчина чувствует тождество с ним, хотя это не соответствует действительности. Для него архетип слишком черен, чтобы сопоставить его с собой, а с другой стороны — в нем слишком много добрых и позитивных начал, чтобы мужчина мог удержаться от искушения отождествить себя с ними. Поэтому гораздо проще узреть черноту в проективной форме: «Жена, которую ты мне дал, она дала мне от древа, и я ел», — это чувство таится даже в самой просвещенной душе. Но мужское начало не столь непостижимо и бездонно, как женское. Это относится не к эмпирическому мужчине (вне зависимости от того, насколько раздуто ощущение его эго), а соответствует всему диапазону Адамовых вершин и пропастей. Существование человека — не причина для того, чтобы делать его атрибутами всю красоту и благородство, которых он может достичь, и не основание, чтобы

возлагать на него вину за ту гнусность и подлость, что ставят его «ниже животного — если, конечно, безумием не отбросит его за рамки архетипа».

Но тем не менее, когда мужской аспект Прачеловека «вновь выйдет», то это будет старый Адам, черный, как Суламифь, и, в то же время, второй Адам, то есть еще более старый Адам до грехопадения, Адам Кадмон. Двусмысленность, выраженная в данном отрывке, слишком точна для автора, доказавшего свою неопытность в роли мистификатора, он явно не осознавал написанное. Приход Адама Кадмона в сферу сознания был бы огромным шагом вперед, ведь в таком случае произошло бы узнавание внутреннего человека или антропоса, архетипической полноты, выходящей за пределы пола. Мы можем говорить о теофании в той степени, в какой этот Человек божествен. Надежда Су-ламифи стать «белой голубкой» указывает на будущее совершенное состояние. Белая голубка служит намеком на то, что Суламифь станет Софией¹, Святым Духом, тогда как Адам Кадмон — это очевидная параллель Христа.

Если бы алхимический ход мысли соответствовал только трем стадиям очищения, освещения, совершенства, то было бы нелегко найти оправдание для пересказа христианских идей, которые столь явно обнаруживают себя, например, в прикреплении к «черному кресту». Необходимость в отличной от христианской символики очевидна потому, что кульминацией процесса преобразования является не второй Адам и белая голубка, а ляпис, который с Божьей помощью создал эмпирический человек. Это наполовину физический, наполовину метафизический продукт, психологический символ, выражающий творение человека и в то же время нечто сверхординарное для него. Этот парадокс может чем-то походить на символ *самости*, которую человеческие усилия могут сделать элементом сознания, но которая в то же время может быть определена как преисшествующая полнота, включающая сознательное и бессознательное.

Эта мысль выходит за рамки христианского мира идей и подразумевает таинство, свершающееся в человеке и посредством человека. Хотя в ней присутствует драма жизни Христа, но с этого момента она локализуется в человеке как живом носителе. В результате этот сдвиг приводит к тому, что сформулированные в догме события переходят в ранг психологического опыта и распознаются в процессе индивидуации.

Естественно, что оценка такого духовного развития с точки зрения трансцендентной истины не является задачей эмпирической науки. Следует довольствоваться установлением существования этих процессов и

¹ Судьба Суламифи в определенном смысле соответствует судьбе Софии у гностиков, по сообщению Иренея. (Ср. Айон, § 75, прим. 23, 118, прим. 86, 307, прим. 33).

сравнением их с параллельными наблюдениями современного человека. Правильно будет также определить структуру таких психологом. Хотя подобная попытка приведет вас туда, где вера и сомнение обсуждают вопрос истины, это еще не доказывает, что целью такой попытки будет вмешательство в вечный спор и решение того, что есть истина. «Истина» здесь состоит единственно в установлении фактов и в объяснении их без предвзятости в рамках эмпирической психологии. При данных обстоятельствах можно только сказать, действительны ли эти факты или нет, и попытаться выяснить их нравственную или религиозную ценность. Я так настойчиво подчеркиваю это здесь, поскольку меня постоянно подозревают в том, что мой метод представляет собой замаскированную теологию или метафизику. Трудность для моих критиков заключается, по-видимому, в следующем: они не в состоянии воспринять идею психической реальности. Психический процесс реально существует, и психическое содержание столь же реально, как растение или животное. Несмотря на то что существование утконоса, например, нельзя логически вывести из общих посылок зоологии, он тем не менее существует в реальности. Он — не фантазия и не чье-либо мнение, а неопровержимый факт. Совершенно ясно, что каждый может применить метафизику к физическим фактам, а в особенности к идеям, которые всегда считались метафизическими; это эмпирически достоверные явления, представляющие собой корректные предметы научного метода.

С помощью каббалистических определений, которые, как мы видели, проложили свой путь в алхимию, наша интерпретация Адама достигает таких масштабов и глубины, которые едва ли возможно превзойти. Эта интерпретация включает Еву как само женское начало. Она появляется главным образом как «нижняя», как Мальхут (царство), Шеки-на (место пребывания Бога) или как Атара (Корона), эквивалентная Кетер (верхней короне). Она также присутствует в «гермафродитной» системе Сефирот, правая половина которой мужская, а левая — женская. Отсюда Адам Кддмон, как персонафикация всего «перевернутого древа», представляет собой андрогина, но сама система — высоко дифференцированный символ конъюнкции и как таковой подразделяется на три части (три ствола из трех Сефирот каждый). Как считает Ипполит, наассенцы подразделяли гермафродитного Адам'а (а также и Гери-она¹) на три части. Трехтелый Герион² был хозяином великолепного стада на острове Эрифия. Геракл убил его стрелой, что поразило Геру в самое сердце. В том же путешествии Геракл угрожал Солнцу застрелить его, потому что его лучи были слишком горячи. Таким образом, убийство Гериона было последним в ряду трех святотатств.

¹ Герион был сыном Каллирои и рожденного из крови Горгоны Хрисаора.

² Elenchos, V, 8, 4.

О Герионе говорят [продолжает Ипполит], что одна часть его духовная, другая — душевная, а третья — материальная; и считается, что познание его — начало возможности познания Бога, ибо сказано: «Начало целостности есть знание человека, но знание Бога — совершенная целостность». Все это, как говорят, пришло в движение и снизошло на одного человека, Иисуса, рожденного Марией, а выражают [духовное, душевное и материальное начала] три человека [трехтельный Гери-он], каждый свою собственную субстанцию для себя самого. Ибо у всех вещей есть три стороны — ангельская, душевная и материальная; и есть три Церкви — ангельская, душевная и материальная; и три имени — Избранное, Названное и Плененное¹.

Сходство данной концепции с системой Сефирот поразительно². Герион в ней соответствует космогоническому Адаму Кддмону. Он — «муже-женский Человек, присутствующий во всех вещах, тот, [кого] греки называли лунным рогом³. Ибо они утверждали, что все вещи сотворены им, и без него ни одна вещь не могла быть создана⁴. То, что было создано в нем, называется Жизнь. Это, говорили они, и есть Жизнь — неопишемое зарождение [yeved] совершенного человека, неведомого прежним поколениям»⁵.

¹Ibid. V, 6, 6f.

²Аналогичные идеи можно обнаружить в «Panarium» Египфия, XXX, 3. Элксипы считали, что Адам — это Христос. Он снизошел в Адама, принял его облик и явился поочередно Аврааму, Исааку и Иакову. О могиле Авраама на Голгофе см. там же, XLVI, 5.

³«Осирис, небесный рог лунь» — прозвище АнНса (Elenchos, V, 9, 8).

⁴Ин. 1:3.

⁵Elenchos, У 8, 4f.

VI. Конъюнкция

1. Взгляд алхимии на единство противоположностей

Герберт Зильберер справедливо назвал конъюнкцию «центральной идеей» алхимической процедуры¹. Этот автор верно признавал, что в алхимии главным был символизм, в то время как историк алхимии Эдвард фон Липпман, не упоминал термин «конъюнкция» даже в предметном указателе². Каждый, кто хотя бы немного знаком с этой литературой, знает, что адептов в конечном счете интересовало именно единство противоположностей — какими бы именами они его не называли. С его помощью они надеялись достичь цели своего деяния: получить золото или его символический эквивалент. Хотя конъюнкция, несомненно, представляет собой первоначальный образ того, что мы назвали бы химическим взаимодействием, едва ли можно безоговорочно утверждать, что адепт мыслил столь же конкретно, как современный химик. Даже когда он говорил о единстве «материй» (*natures*), или об «амальгаме» железа и меди, или о соединении серы и ртути, он в то же время имел в виду их символы: железо являлось символом Марса, медь — символом Венеры, а их слияние было одновременно и любовной игрой. Единство «материй», которые «заклучают в себе друг друга», было не физическим и конкретным, потому что они были «небесными сущностями», умножающимися «велеием Бога»³. Когда «красный свинец» обжигают с золотом, образуется «дух», то есть смесь становится «духовной»⁴, а от «красного духа» происходит «мировой принцип»⁵. Комбинация серы и ртути влечет за собой символы «купели» и «смерти»⁶. Под комбинацией меди и aqua permanens, обыч-

¹ Проблема мистицизма и его символики, p. 121.

² Entstehung und Ausbreitung der Alchemie.

³ Turba philosophorum (ed. Ruska), p. 119.

⁴ Ibid., p. 127.

⁵ Ibid.

⁶ P. 126.

но представленной ртутью, мы имеем в виду только амальгаму. Но для алхимиков она означала тайну, «философское» море, поскольку для них aqua regnans прежде всего служила символом или философским постулатом, который они надеялись открыть — или верили, что откроют — в различных «жидкостях». Вещества, которые они пытались соединить, в действительности всегда обладали — в силу их неизвестной природы — нуминозными свойствами, стремящимися к призрачной персонификации. Это были вещества, которые, подобно живым организмам, «оплодотворяли друг друга и таким образом порождали живое существо [ξῆρον], необходимое философам»¹. Вещества казались им имеющими гермафродитную природу, и конъюнкция, к которой они стремились, представляла собой философскую операцию, а именно — единение формы и содержания². Эта неотъемлемая двойственность объясняет наличие столь часто встречающихся дубликатов — то есть двухсер, двухртутей³, Venus alba et rubea⁴, aurum nostrum и aurum vulgi.

Поэтому не удивительно, что адепты, как мы видели в предыдущих главах, нагромождали бесчисленные синонимы, с целью выразить таинственную природу субстанций; это занятие, хотя и должно казаться совершенно бесполезным для химика, психологу, однако, дает желаемые разъяснения относительно природы проецируемых содержаний. Подобно всем нуминозным содержаниям, они обладают тенденцией к самораспространению, то есть формируют ядро для агрегации синонимов. Эти синонимы представляют элементы, группирующиеся в пары противоположностей⁵; такие, как, например, мужчина и женщина, бог и богиня, сын и мать⁶, красное и белое⁷, активное и пассивное, тело и дух⁸, и так далее. Противоположности обычно происходят из четырех стихий⁹, что ясно видно в анонимном трактате «De sulphure», где говорится:

¹ Berthelot. Alch. grecs., III, xl 2.

² Aegidius de Vadis. Dialogus / Theatr. chem., II, p. 99): «Но минералы и растения суть гермафродиты, поскольку двуполы. И тем не менее у них тоже существует соединение формы и материи, как у животных».¹¹

³ Rosinus ad Sarratantam / Art. aurif., I, p. 302): «Поэтому говорят, что есть две серы и две ртути, и они обладают друг другом, и содержатся друг в друге».¹²¹

⁴ Ibid.

⁵ Смешение и союз элементов называют «ordo compositionis» (Liber Plat. quartorum / Theatr. chem., V, p. 182). Вэй Пу-янь говорит: «Путь долог и темен, и в конце его Цянь (ян) соединяется с Кун (инь)» (p. 21 Of.).

⁶ Maier. Symbola, p. 178.

⁷ «Красный мужчина» и «белая женщина» или «песок Красного моря» и «сло на луны». — Mus. herm., p. 9 (Waite, I, p. 12).

⁸ Ibid., p. 11 (Waite, I, p. 14).

⁹ Ibid. "Какв Тигъа, p. 117.

Таким образом огонь влияет на воздух и производит Серу. Затем воздух начинает влиять на воду и производит Меркурий (ртуть). Вода влияет на землю и производит Соль. Но земля, не имея ничего, на что можно повлиять, не производит ничего, и продукт остается в ней. Поэтому порождаются только три принципа (начала), а земля становится для них маткой и кормилицей.

Из этих трех начал производятся мужской и женский принципы, мужской, как очевидно, из Серы и Меркурия (ртути), а женский — из Меркурия и Соли¹. Вместе они порождают «непорочную Единицу», *квинтэссенцию*, «и таким образом четырехугольник будет отвечать четырехугольнику»².

Синтез непорочной Единицы, или квинтэссенции, логически вытекает из аксиомы Марии, представляющей землю, «четвертую стихию». Разделение враждебных элементов соответствует первичному состоянию хаоса и тьмы. В результате успешных соединений возникает активный принцип (сера) и пассивный (соль), а также промежуточный, амбивалентный принцип, Меркурий. Эта классическая алхимическая троика затем создает взаимоотношение мужчины и женщины как высшую и самую существенную противоположность. Огонь возникает в начале и не подвергается ничьему воздействию, а земля — в конце и не действует ни на что. Между огнем и землей нет взаимодействия; поэтому четыре стихии не образуют круг, то есть полноту (целокупность). Полнота может быть только при единении мужчины и женщины. Таким образом, квадрат в начале соответствует четырем стихиям, в конце объединенным в *квинтэссенцию* — «четыреугольник будет отвечать четырехугольнику».

Алхимическое описание начальной стадии психологически соответствует примитивному сознанию, постоянно дробящемуся на индивидуальные эмоциональные процессы, которые как бы разбегаются по четырем направлениям. Поскольку четыре стихии представляют целостный физический мир, их разбегание обозначает растворение в мировых составляющих, то есть переход в чисто неорганическое и поэтому бессознательное состояние. И наоборот, комбинация стихий и конечный синтез мужского и женского представляет собой завершение деяния и продукт сознательных усилий. Поэтому результат синтеза воспринимается адептом как самопознание³, т.е. процесс, для осуще-

¹ «Copulatio» происходит в «mercurio menstruali» (Exercit. in Turbam /Art. aurif., p. 161) или в купели из aqua permanens, которая опять же является Меркурием. Меркурий — и мужчина, и женщина, и дитя, рожденное от этого союза.

²Mus. herm., p. 622ff. (Waite, II, p. 142ff.)

³См. АЙОН, §250сл.

ствления которого, как и для познания Бога, требуется изготовить философский камень¹. Для деяния необходимо благочестие, представляющее собой не что иное, как познание себя². Эта мысль встречается не только в поздней алхимии, но и в греческой традиции. Так в сохранившемся арабами Александрийском трактате Кратеса утверждается, что совершенное знание души дает посвященному возможность понимать множество различных имен, которыми философы наделяли арканную субстанцию³. «Liber quartorum» подчеркивает необходимость самонаблюдения как во время работы, так и в процессе некоторых событий, происходящих в должное время⁴. Из этого видно, что химический процесс конъюнкции являлся в то же время и психическим синтезом. Иногда кажется, что к единству приводило самопознание, иногда представляется, что его существенной причиной был химический процесс. Последняя альтернатива, вне всякого сомнения, более частая: конъюнкция происходит в реторте⁵ или, если быть точнее, в «естественном сосуде», или матке (matrix)⁶. Сосуд также называли могилой, а единение — «общей смертью»⁷. Это состояние именовалось «затмением солнца»⁸.

Конъюнкция не всегда принимает форму прямого союза, поскольку нуждается в посреднике: «Переход возможен только через посредника»⁹, и «Меркурий — посредник конъюнкции»¹⁰. Меркурий — это душа (анима), выступающая в роли «посредника между телом и духом»¹¹. Это же справедливо для синонимов Меркурия — зеленого

¹ «Если бы человек достиг высшего добра, он... по справедливости сначала познал бы Бога, а затем — себя».¹³¹ — Mus. herm., p. 105 (Waite, I, p. 93).

² Dorn. Phil. meditativa / Theatr. chem., I, p. 467. «Но благочестие — это милость, которую Бог посылает людям, дабы они познали, кем они являются в действительности»¹⁴¹ (De tenebris/Theatr. chem., I, p. 462).

³ Berthelot. *La Chimie au moyen age*, III, p. 50.

⁴ Theatr. chem., V, p. 144.

■ «...когда вы увидите, что вещества смешиваются в вашем дистилляционном сосуде».¹⁵¹ — Mus. herm., p. 685 (Waite, II, p. 187).

⁶ Exercit. in Turbam / Art. aurif., I, 159; Theatr. chem., I, p. 180.

¹ Ripley. Opera omnia, p. 38, 81. Ср. также: Ventura. Theatr. chem., II, p. 291: «Выройте могилу и похороните женщину рядом с умершим мужчиной».⁶¹ Это ссылака на Turba, Sermo LIX, только там женщину хоронят вместе с драконом.

⁸ Mus. herm., p. 686 (Waite, II, p. 188). Ср. Психология переноса, § 468.

⁹ Dorn. Physica Trismegisti/Theatr. chem., I, p. 418.¹⁷ Ср. его слова «tertium esse necessarium» [третье необходимо] (Congeries Paracelsicae/Theatr. chem., 1.577).

¹⁰ Ventura. Theatr. chem., II, p. 320.⁸¹

¹¹ Ibid., p. 332.

льва¹ и aqua permanens илидуховной воды², которые тоже могут быть проводниками конъюнкции. В качестве связующего агента «Consilium coniugii» упоминает сладкий запах или «дым»³, что напоминает нам идею Василида о сладком запахе Святого Духа⁴. Очевидно, это намек на «духовную» природу Меркурия, как и на духовную воду, поскольку aqua aeris (эфирная или воздушная вода) есть жизненное начало и «создатель брака» между мужчиной и женщиной⁵. Обычный синоним воды — это «море», как место, где празднуется химический брак. «Tractatus Micreris» называет и другие синонимы: «Египетский Нил», «Индийское море», «Полуденное море»; «чудеса», которые творит это море, заключаются в примирении и объединении противоположностей⁶. Существенной чертой царского брака поэтому является морское путешествие, описываемое Христианом Розен-крейцем⁷. Этот алхимический лейтмотив лег в основу Эгейского праздника у Гете во второй части «Фауста». Интерпретацию архетипического содержания этого праздника блестяще развил Кереньи. Группы nereid на римских саркофагах представляют «свадебный и погребальный элемент», поскольку «основу античных мистерий составляют... тождество брака и смерти, с одной стороны, и рождения и вечного воскрешения после смерти — с другой»⁸. Меркурий, однако, не только посредник конъюнкции, но также элемент, который должен вступить в соединение, потому что он представляет сущность и «оплодотворяющее начало» как мужчины, так и женщины. Mercurius masculinus и Mercurius foemineus соединяются посредством Mercurius menstrualis, то есть той же «aqua»⁹. Дорн дает этому «философское» объяснение в своей «Physica Trismegisti»: В начале Бог создал *один* мир (unus mundus)¹⁰. Затем он разделил его

¹ Ripley. Axiomata philosophica / Theatr. chem., II, p. 125. Аналогично в Mus. herm., p. 39 (Waite, I, p. 42).

² Art. aurif., I, p. 281.

³ Ars chemica, p. 74. Антагонистом «Luna odorifera», упомянутой здесь, является odor sepulcrorum (зловоние могил).

⁴ Μτιρον ευχαSeoiaхов. Hypolytus. Elenchos, VII, 22, 14.

⁵ «Воздушная вода, находящаяся между небом и землей — это жизнь для всего. Ибо эта вода возносит тело в дух, делает мертвое живым и осуществляет брак между мужчиной и женщиной».^{1b} (Л11/ш5. Phil, ref., p. 191.)

⁶ «[Оно может] увлажнить сухое, смягчить твердое и соединить слабые тела»¹¹ (Theatr. chem., V, p. 111).

⁷ Химическая свадьба.

⁸ Kerényi, Das Aegaeische Fest, S. 55.

⁹ Exercit. in Turbam / Art. aurif., I, p. 160f.

¹⁰ «Способом, не чуждым тому, которым Бог в начале сотворил один мир только созерцанием, так он сотворил один мир, давший начало всему живому, преобразуя мертвые вещи».¹¹ (Theatr. chem., I, p. 417.)

надвое — на небо и землю. «За этой духовной и телесной бинарностью скрыта третья сущность — узы священного брака. Он продолжает быть связующим звеном до наших дней, соединяя в себе обе свои крайности, без которых он не может существовать, также как и они без этого посредника не были бы тем, чем являются — одной тройственной сущностью»¹. Разделение на две части было необходимо, чтобы превратить мир из потенциального в реальный. Реальность состоит из множества вещей. Просто единица не есть число; первое число — это два, и с него начинается множественность и реальность.

Из этого ясно, что вечно изменчивый и универсальный Меркурий — этот Протей, мерцающий несметным числом форм и красок — не что иное, как «*unus mundus*», первоначальное, недифференцированное единство мира или бытия; $\alpha\gamma\omega\sigma\iota\alpha$ гностиков, первичное бессознательное². Меркурий алхимиков — это персонификация и конкретизация того, что мы сегодня назвали бы коллективным бессознательным. В то время как концепция *unus mundus* представляет собой метафизическую спекуляцию, бессознательное может быть опосредованно пережито через свои проявления. Хотя это всегонавсего гипотеза, она может таить в себе огромные возможности, как гипотеза о строении атома. Эмпирический материал, находящийся сегодня в нашем распоряжении, указывает на то, что содержания бессознательного, в отличие от содержаний сознания, настолько взаимно переплетены, что их нельзя отличить друг от друга и поэтому легко заменить одно другим, о чем ясно свидетельствуют сны. Такая неразличимость содержаний производит впечатление, что все они связаны друг с другом и поэтому, несмотря на многообразие форм их проявления, они в основе своей едины. Только сравнительно ясные содержания состоят из мотивов или типов, вокруг которых вращаются индивидуальные ассоциации. Как показывает история человеческой души, эти архетипы настолько стабильны и определены, что оказывается возможным персонифицировать их и наделить именами, хотя их очертания неясны или же они пересекаются с другими архетипами, так что некоторые их свойства могут совпадать. Символ мандалы в особенности свидетельствует об отчетливой тенденции сосредоточивать все архетипы в общем центре, что сопоставимо с отношением всех сознательных содержаний к эго. Аналогия столь отчетлива, что неспециалист, не знакомый с этим симво-

¹ «И так как Бог один, а не множество, он пожелал в душе своей сотворить из ничего один мир, чтобы сотворенные им вещи пребывали в нем, и Бог во всех вещах был бы один»¹²¹ (1Б1с1., р. 415).

² Ср. с «горой», в которой скрыты все знания, но не различия и не противоположности. (*Abu'l-Qasim Muhammad*. Kitab al-'ilm al-muktasab, p. 24.) Дополнительный материал Психология и алхимия, § 516 и прим. 1.

лом, может легко допустить ошибку и посчитать, что мандала — это искусственный продукт сознательной мысли. Естественно, мандалы можно имитировать, но это не значит, что все мандалы являются имитациями. Они рождаются спонтанно, без внешнего влияния, даже у тех детей и взрослых, которые никогда не встречались с подобными идеями¹. Мандалу можно было бы рассматривать как отражение эгоцентричной природы сознания, хотя это было бы справедливо в том случае, если бы удалось доказать, что бессознательное представляет собой вторичный феномен. Но бессознательное, несомненно, старше и «первичнее» сознания, и по этой причине нельзя называть эгоцентризм сознания отражением или имитацией «самоцентризма» бессознательного.

Мандала в центральной точке символизирует окончательное единение всех архетипов и многообразие феноменального мира, и поэтому является эмпирическим эквивалентом метафизической концепции *unus mundus*. Алхимический эквивалент — это ляпис и его синонимы, в особенности микрокосм².

Ценность объяснения Дорна в том, что оно позволяет нам проникнуть глубоко в суть алхимического *mysterium coniunctionis*. Если *mysterium coniunctionis* представляет собой восстановление первоначального состояния космоса и божественной бессознательности мира, то становится понятным необычайное очарование, которое эта тайна вызывает. Она есть западный эквивалент фундаментального принципа классической китайской философии, то есть единения ян и инь в Дао, \. в то же время предчувствие того «*tertium quid*» [чего-то третьего, иного], что я назвал «синхронизмом»³, основываясь как на психологическом опыте, так и на экспериментах Рине. Если символика мандалы — это психологический эквивалент *unus mundus*, тогда синхронизм — его парапсихологический аналог. Хотя синхронные явления протекают во времени и пространстве, они выказывают четкую независимость от этих необходимых детерминант физического существования и поэтому не подчиняются закону каузальности. Каузальность, лежащая в основе нашего научного мировоззрения, расчленяет все на индивидуальные процессы и педантично пытается изолировать их от всех остальных параллельных процессов. Это абсолютно необходимо, если мы желаем получить подлинное знание о мире, но с философской точки зрения подобное разбиение или затемнение универсальных связей между событиями невыгодно, потому что при этом увеличивается трудность распознавания величайшей из систем, то есть единства мира. Все, что происходит.

¹ См. О символизме мандалы, § 645.

² Ср. Психология и алхимия, § 426 и прим. 2, рис. 195.

³ Ср. *мой Синхронизм: принцип акаузальной связи*.

однако, происходит именно в этом «одном мире» и является его частью. Поэтому все события должны а priori обладать единством, хотя его трудно распознать с помощью статистического метода. Насколько мы можем видеть в данное время, Рине, как кажется, успешно продемонстрировал это единство своими опытами по экстрасенсорному восприятию¹. Независимость от времени и пространства несет с собой пересечение или даже смысловое совпадение событий, не связанных друг с другом причинно-следственными связями — то есть приводит к тем явлениям, которые до сих пор считались чисто описательными понятиями — к телепатии, ясновидению и предвидению. Для этих понятий, естественно, не существует оценочного критерия, поскольку каждое из них — это X, неотличимое от другого X. Характерная черта всех этих явлений, включая психокинетические эффекты Рине и другие синхронистичные феномены — это *их смысловое совпадение*, а именно то, что я определил как синхронистический принцип. Согласно этому принципу, между причинно не связанными между собой событиями существует внутренняя связь и единство, и таким образом постулируется унитарный аспект существования, который удачно описывает выражение *unus mundus*.

Меркурий обычно символизирует арканную субстанцию, синонимами которой выступают панацея и «спагирическая медицина». Дорн отождествляет последнюю с «бальзамом»² Парацельса, близким аналогом $\mu\psi\rho\nu$ василидиан. В «De vita longa» Парацельса бальзам как эликсир жизни ассоциируется с термином «*gamonimus*», который можно перевести как «носящий имя брака»³. Дорн полагает, что бальзам, «стоящий выше природы», можно обнаружить в теле человека в виде эфирной субстанции⁴. Он утверждает, что это лучшее лекарство не только для тела, но и для разума (*mens*). И хотя эта субстанция телесна, но, будучи сочетанием духа и души спагирической медицины, она в высшей степени духовна⁵.

¹ Ср. *ego* New Frontiers of the Mind и The Reach of the Mind. Аналогичные явления обсуждаются в «Синхронизме», § 833 ел.

² Бальзам встречается у Зосимы как синоним *aqua permanens* (*Berthelot. Alch. greec.*, III, xxxv, 1.).

³ Ср. Парацельс как духовное явление, § 171.

⁴ «Ибо в человеческом теле присутствует некая субстанция, подобная эфирной, оберегающая находящиеся в нем другие части стихий и побуждающая их к дальнейшему существованию»¹³¹ (*Phil. meditativa / Theatr. chem.*, I, p. 456).

⁵ «Мы не отрицаем, что наша спагирическая медицина телесная, но мы говорим, что она становится духовной, когда ее облакает спагирический дух»⁽¹⁴¹⁾ (*ibid.*). Аноним бальзама — это «двойственное» вино, то есть и «философское», и «обычае» (*ibid.*, p. 464).

Мы полагаем, что созерцательная философия состоит в преодолении тела посредством ментального союза [unio mentalis]. Это первый союз еще не делает человека мудрецом, а только учеником мудрости. Второй союз разума с телом являет мудреца и приносит надежду и ожидание благословенного третьего союза с первоначальным единством [то есть с unus mundus, скрытым единством мира]. Всемогущий Бог может даровать всем людям такую возможность, и тогда Он станет одним во Всем¹.

Для всей алхимии является значимым то, что, согласно взгляду Дорна, ментальный союз, то есть единение духа и тела — это не кульминация процедуры, а только ее первая стадия. Вторая стадия достигается тогда, когда к ментальному союзу, то есть к единству духа и души, присоединяется тело. Но завершения *mysterium coniunctionis* можно ожидать лишь тогда, когда единство духа, души и тела станет тождественным первоначальному *unus mundus*. Третья стадия конъюнкции изображается² в виде Успения и Увенчания Марии, причем Богоматерь представляет здесь тело. Успение в действительности есть свадебное торжество, христианский вариант священного брака, чья первичная инцестуозная природа играет огромную роль в алхимии. Традиционный инцест всегда указывает на то, что высший союз противоположностей выражается в соединении вещей, чья природа родственна, но несходна³. Это может начинаться с чисто интрапсихического *unio mentalis* интеллекта и разума с Эросом, представляющим чувство. Такая внутренняя операция очень важна, поскольку она приводит к значительному росту самопознания, что справедливо можно отнести и к зрелости личности, но она существует только в потенции и может осуществиться, лишь объединившись с физическим миром тела. Поэтому алхимики изображают *unio mentalis* в виде Отца и Сына, а их союз — в виде голубя (их общего «стремления»), но телесный миру них представлен женским или пассивным началом, то есть Марией. Таким образом, они в течение тысячи и более лет готовили почву для христианской догмы Успения. В действительности, недвусмысленный намек на брак отцовского духовного начала с материальным началом, или материнской телесностью, на первый взгляд в догме не усматривается. Тем не менее это сооружает мост над кажущейся бездонной пропастью: очевидной необратимостью отделения духа от природы и тела. Алхимия

¹ *ibid.*, p.456J⁵i

² Например, в Рейснеровой «Пандоре». Ср. Психология и алхимия, рис. 232.

³ См. Психологию переноса, § 419 ел. Символизм инцеста вызван появлением эндогамного либидо. Примитивный «брак между родственниками» был вытеснен чистой экзогамией, которая оставила эндогамные влечения неудовлетворенными. Именно эти требования обнаруживаются в инцестуозном символизме.

проливает яркий свет на основы догмы, потому что новый символ веры выражает в символической форме именно то, в чем адепты видели тайну конъюнкции. Соответствие кажется столь огромным, что старые мастера были вправе утверждать, что новая догма запечатлела на небесах герметическую тайну. На это можно было бы возразить, что алхимики тайно протащили мистический или теологический брак в свои темные процедуры. Но это не так, потому что алхимический брак не только старше литургии и Отцов Церкви, но к тому же основан на классической и дохристианской традиции¹. Алхимическую традицию невозможно вывести из апокалиптического брака Агнца. Высокодифференцированный символизм последнего (агнца и града) сам представляет собой вариант архетипического священного брака, источника алхимической идеи конъюнкции.

Адепты стремились реализовать свои спекулятивные идеи в виде химической субстанции, которой, по их мнению, были присущи все виды магических сил. В этом и состоял самый смысл объединения *unio mentalis* с телом. Для нас включение в процесс нравственных и философских рассуждений не кажется таким легким и естественным делом, как для алхимиков. Ведь нам слишком хорошо известна подлинная природа химических связей, а с другой стороны, у нас имеется множество абстрактных концепций разума, чтобы мы были в состоянии понять, как «истина» может быть скрыта в материи, или что может представлять из себя «эффективный» бальзам. Благодаря средневековому невежеству в химии и психологии и отсутствию эпистемологической критики две концепции легко могли смешаться, так что вещи, которые для нас не имеют видимой связи, людям прошлого могли показаться взаимосвязанными.

Догма Успения и алхимическое *misterium coniunctionis* выражают одну фундаментальную мысль, хотя символика у них различна. Так же как Церковь настаивает на буквальном вознесении физического тела в небеса, так и алхимики верят в возможность или даже в реальное существование их камня, или философского золота. В обоих случаях вера подменяла недостаток эмпирических знаний. Хотя алхимия в своих процедурах куда более материальна, чем догма, однако обе они остановились на второй, предварительной стадии конъюнкции, союзе *unio mentalis* с телом. Даже Дорн не рискнул утверждать, что он или другой адепт

¹ Данная идея встречается уже у алхимика Демокрита, жившего, вероятно, в начале I века. Для него это был брак натур. (Тексты см. *Berthelot. Alch. grecs*, II, i, Недостаточно сказать, что последний и наиболее грандиозный алхимический опус, «Фауст» Гете, завершается апофеозом Богородицы, Марии-Со-Фии, царицы и богини. Эпитет «*dea*» [богиня] также встречается у Мехтхильды ^агдебургской.

сумеют завершить в течение своей жизни третью стадию. Разумеется среди алхимиков было множество мошенников и дураков, и даже тех кто утверждал, что получил ляпис или раствор золота или знает, как это сделать. Но более честные алхимики легко соглашались с тем, что пока не проникли в главную тайну.

Физическая невозможность свершения догмы или конъюнкции не должна никого отвращать, потому что и первая, и вторая суть символы, в отношении которых совершенно неуместны и незначимы все обольщения рационализма. Если символы вообще ничего не значат, то они являются тенденциями, стремящимися к определенной, но еще не распознанной цели и, следовательно, могут выражаться только в аналогиях. В этой неопределенной ситуации люди смирялись с тем, что все оставалось как есть и пытались выяснить что-либо помимо символов. В догме такой отказ усиливается страхом перед возможным осквернением святой религиозной идеи, а алхимики считали нестоящим делом ломать себе голову над средневековым абсурдом. Сегодня, вооруженные пониманием психологии, мы в состоянии проникнуть в смысл даже самых затемненных алхимических символов, и я не вижу причин, почему нельзя применить этот же метод и к религиозной догме. После всего этого никто не может отрицать, что она состоит из идей, рожденных человеческим воображением и мышлением. Психологическое исследование не касается вопроса о том, в какой степени эти мысли были вдохновлены Святым Духом, и не пытается найти на него ответ, а также не отрицает возможности их метафизических основ. Психология не может выдвинуть ни одного аргумента ни за, ни против объективных основ метафизического мировоззрения. Я утверждал это неоднократно в разных местах, чтобы опровергнуть ложность упорного и нелепого мнения, будто психологическое объяснение может являться либо психологизмом, либо его противоположностью — метафизическим суждением. Психика (душа) — это феноменальный мир в себе, который нельзя редуцировать ни до мозга, ни до метафизики.

Я только что говорил, что символы представляют собой стремления к еще нераспознанной цели¹. Можно предположить, что в истории развития человеческого разума и в индивидуальной психологии действуют одни и те же фундаментальные правила. В психотерапии часто происходит так, что некоторые бессознательные тенденции, задолго до того, как они достигли сознания, встречаются не только в сновидениях, но также и в фантазиях во время бодрствования и в символических действиях. Часто у нас возникает впечатление, что бессознательное

¹ Это не противоречит утверждению, что символы представляют наилучшие из возможных формулировок не вполне ясных идей. Подобные идеи всегда основаны на тенденции к символическому выражению.

пытается перейти в сознание при помощи всех видов аллюзий и аналогий или совершает более или менее игривые попытки привлечь к себе внимание. Эти феномены легко наблюдать в сериях снов. Серии, которые я обсуждаю в «Психологии и алхимии», представляют собой удачные примеры¹. Идеи вырастают из семян, и мы не знаем, какие идеи и из каких семян еще разовьются в будущем. Успение Богородицы, например, не подтверждается ни Писанием, ни традицией первых пяти веков истории христианства. Долгое время оно официально отрицалось, но постепенно, с молчаливого согласия средневековой и современной Церкви, стало «религиозным взглядом» и обрело такую силу и влияние, что перестало нуждаться в письменных обоснованиях и восходящей к примитивным временам традиции и достигло определенности, невзирая на то, что содержание догмы неопределимо². Папский эдикт узаконил то, на что давно уже смотрели сквозь пальцы. Этот необратимый шаг за рамки исторического христианства представляет собой убедительнейшее доказательство автономии архетипических образов.

2. Стадии конъюнкции

Конъюнкция дает нам еще один пример постепенного тысячелетнего развития идеи. Ее история протекала в двух различных направлениях, в большой степени независимых друг от друга, — теологии и алхимии. Если алхимия, за исключением нескольких следов, почти утасла за последние двести лет, то теология добилась успеха в связи, с догмой Успения, из чего видно, что это развитие никоим образом не зашло в тупик. Но разделение на два потока еще не вывело конъюнкцию из рамок архетипического священного брака, ведь конъюнкция до сих пор представлена союзом матери и сына или парой брата и сестры. Однако уже в XVI веке Герхард Дорн открыл психологический аспект химического брака и ясно понял то, что мы сегодня называем процессом индивидуации. Это явилось шагом за те границы, которые были положены конъюнкцией — как церковной доктриной, так и алхимией — вследствие ее архетипического символизма. Мне кажется, что взгляды Дорна представляют собой психологическое осмысление данного вопроса и вот почему: во-первых, потому, что различие между химическим процессом и психическими событиями не может ускольз-

¹ В качестве еще одного примера можно привести ряд мандал в «Исследовании процесса индивидуации».

² Дополнительный материал см. *Heiler. Das neue Mariendogma im Lichte der Geschichte.*

нута от глаз внимательного наблюдателя; и, во-вторых, потому, что символ свадьбы никогда, как очевидно, не удовлетворял самих философов-алхимиков; они постоянно ощущали необходимость использовать, кроме различных вариантов священного брака, другие «объединительные символы», дабы выразить всю непостижимую природу тайны. Поэтому конъюнкцию олицетворял дракон, обнимающий женщину в могиле¹, два сражающихся зверя² или царь, растворяющийся в воде³, и так далее. Сходным образом в китайской философии значение *ян* далеко не исчерпывается мужским началом. *Ян* также символизирует сухость, яркость и южный склон горы, а женская *инь* означает влагу, тьму и северный склон горы.

Хотя эзотерический символизм конъюнкции занимает главную позицию, он не исчерпывает все аспекты тайны. Кроме того, мы должны рассмотреть символизм смерти и могилы, а также мотив конфликта. Вполне очевидно, что для адекватного описания парадоксальной природы конфликта, необходимо использовать совершенно различные, если не противоречивые системы символов. В такой ситуации можно заключить со всей определенностью, что ни один из символов не будет достаточным, чтобы выразить все. Поэтому исследователь вынужден искать формулу, в которой разные стороны можно совместить без противоречий. Дорн пытался сделать это с помощью имевшихся в его распоряжении средств. Для него это было легче, чем для нас, так как ему помогала распространенная тогда идея соответствия (*correspondentia*). Для человека того времени не составляло интеллектуальной трудности постулировать «истину», которая была одинаковой и в Боге, и в человеке, и в материи. С помощью этой идеи он мог сразу увидеть и примирение враждебных элементов, и союз алхимических противоположностей, образующих «соответствие» с *unio mentalis*, которое одновременно происходило в уме человека, и не только человека, но и Бога, (который «может быть Одним во Всем»), Дорн верно распознал, что система, в которой происходит объединение, является психологической основой, определенной мной как самость. *Unio mentalis*, внутреннее тождество, которое мы сегодня называем индивидуацией, он представлял себе как психическое равновесие противоположностей «в преодолении тела», состояние спокойствия, превосходящее эмоциональность и инстинктивность⁴. Дух

¹ Ср. эмблему L в Майеровой «*Scrutinium chymicum*» (p. 148). Ср. также Turba, Sermo LIX.

² *Scrut. chymicum*, p. 46; *Mus. herm.*, p. 351, 357 (Waite, I, p. 285, 291).

³ *Merlini allegoria / Art. aurif.*, I, p. 393.

⁴ «Поэтому говорят, что разум спокоен, когда дух и душа связаны столь тесно, что телесные желания и сердечные склонности обуздываются»¹⁶¹ (*Phil. meditative / Theatr. chem.*, I, p. 451).

(animus), который должен объединиться с душой, он называл «отдушиной [spiraculum] вечной жизни», своего рода «окном в вечность» (Лейбниц), душу — органомдуха, а тело — инструментом души. Душа находится между добром и злом и обладает правом выбора между ними. Она оживляет тело «естественным союзом», так же как ее сама наделяет жизнью дух при помощи «сверхъестественного союза»¹.

Но чтобы прийти к этому будущему воссоединению, разум (mens) должен отделиться от тела — что равносильно «добровольной смерти»², ибо соединиться может только то, что разделено. Под этим разделением (distractio) Дорн, очевидно, понимал выявление различий в едином «компоните» и растворение этого состояния соединения, при котором эмоциональность тела оказывает разрушительное влияние на рациональность мышления. Целью этого разделения было «освобождение разума от влияния плотских желаний и неискренних чувств» и достижение такого духовного состояния, которое превозможет беспокойную телесную сферу. Это прежде всего ведет к диссоциации (расщеплению) личности и насилью над простым естественным человеком.

Подготовительный шаг, в котором ясно просматривается сочетание стоической философии и христианской психологии, необходим для дифференциации сознания³. Современная психотерапия использует ту же процедуру, когда объективизирует аффекты и инстинкты и противопоставляет им сознание. Но разделение духовной и жизненной сфер и подчинение последней рациональной точке зрения неудовлетворительно потому, что один только разум не в состоянии заполнить или даже адекватно объяснить иррациональные факты бессознательного. Такое разделение, основанное на примате духа, не может в течение долгого времени скрывать ущербность жизни, потому что религиозный человек не может не грешить снова и снова, а рационалист вынужден постоянно спотыкаться о свою собственную иррациональность. Только тот, кто другую сторону скрывает в искусственном бессознательном построении, может избавиться от этого невыносимого конф-

¹ Ibid., p. 45ff.

² Здесь Дорн цитирует «verbum Dei» [слово Бога]: «любящий свою душу по теряет ее, а ненавидящий — сохранит ее навеки»¹⁷¹ (стр. 453). Ср. Мф. 16:25, Лк. 17:33 и Ин. 12:25.

³ Ср. параллель у Вэй Пу-яня: «Закрытая со всех сторон, ее внутренность сделана из сообщающихся лабиринтов... Защита необходима в той же степени, в какой возвращение назад представлялось бы недопустимым... Прекращение мышления желательно, тревоги нелепы. Божественное *ци* (воздух, дух, эфирная сущность) заполняет все пространство... Всякий, кто сохранит его, будет процветать, а Потерявший его исчезнет» (с. 238).

⁵ Таинство воссоединения

ликта. В соответствии с этим непрерывная дуэль между телом и духом кажется лучшим, хотя ни в коей мере не идеальным решением. Преимущество такого положения, однако, в том, что обе стороны остаются в сфере сознания. Все сознательное можно скорректировать, но все, что ускользает в бессознательное, оказывается за пределами коррекции, бесконтрольно растет и непрерывно вырождается. К счастью, природа заботится о том, чтобы рано или поздно бессознательные содержания вторгались в сознание и приводили к неизбежному замешательству. Поэтому непрерывное и не дающее осложнений состояние одухотворенности столь редко, что его носителей Церковь канонизирует.

Поскольку душа оживляет тело так же, как ее саму оживляет дух, она склонна благоволить телу и всему телесному, чувственному и эмоциональному. Она закована в «цепи» Физис и желает «выйти за пределы физической неизбежности». «Защитник духа» должен позвать ее обратно из тех материальных областей мира, где она «потерялась». Это приносит облегчение и телу, поскольку оно не только радуется возможности получить от души жизнь, но и страдает, являясь орудием души в ее желаниях и страстях. Ее желания-фантазии вынуждают тело к таким поступкам, которые не были бы возможны без этого стимула, ведь материи изначально присуща инерция, она, возможно, формирует и ее единственный интерес — интерес к удовлетворению физиологических инстинктов. Поэтому разделение означает удаление души и ее проекций из телесной сферы и из всего, что родственно телу. В современных терминах это можно назвать изгнанием из чувственной реальности, изъятием проекций фантазии, которые придают «легиону вещей» их чарующий и обманчивый ореол. Другими словами, это означает интроверсию, интроспекцию, медитацию и тщательное исследование желаний и их мотивов. Поскольку, по словам Дорна, душа «стоит между добром и злом», ученик будет обладать всеми возможностями, чтобы раскрыть темную сторону своей личности, свои низшие желания и мотивы, детские фантазии и обиды, и так далее; короче говоря, все те особенности, которые он обычно скрывает от себя. И тогда он столкнется со своей тенью, гораздо реже — со своими хорошими качествами, которые он и так привык демонстрировать. Он научится узнавать свою душу, то есть свою аниму и Шакти, и она откроет ему иллюзорный мир. Дорн предполагает, что такого состояния можно достичь с помощью духа, под которым имеются в виду все высшие духовные качества, такие как разум, пронизательность и нравственное чувство. Но в той степени, в какой дух является также «окном в вечность» и бессмертным, он (будучи *anima rationalis*) привносит в душу некий «налет божественности» и знание высших вещей, в чем и заключается приписываемое ему оживление души. Высший мир безличен и состо-

ит, с одной стороны, из всех тех традиционных, интеллектуальных и нравственных ценностей, которые образуют и развивают человека, а с другой — из продуктов бессознательного, присутствующих в сознании в виде архетипических идей. Первые обычно преобладают. Но когда, ослабленные возрастом или критицизмом, они теряют свою убедительность, архетипические идеи устремляются вперед, чтобы заполнить брешь. Фрейд, правильно распознав эту ситуацию, назвал традиционные ценности «сверх-Я», но архетипические идеи остались ему неведомы, потому что вера в разум и позитивизм девятнадцатого столетия никогда не ослабляли своей хватки. Материалистический взгляд на мир едва ли согласуется с реальностью и автономией психики.

Тайна алхимии — это одна из тех архетипических идей, заполнивших брешь в христианском мировоззрении, то есть ту бездонную пропасть, лежащую между противоположностями, особенно между добром и злом. Только для логики верно правило *tertium non datur*; природа полностью состоит из таких «третьих»; потому что ее представляют силы, разрешающие противоречия — как водопад, который есть середина между «верхом» и «низом». Алхимики искали силу, которая смогла бы справиться не только с разладом, существующем в физическом мире, но и с психическим конфликтом, «болезнью души», и называли эту силу Философским камнем (*lapis philosophorum*). Чтобы получить его, они должны были отказаться от старой привязанности души к телу и таким образом создать в сознании конфликт между чисто природным и духовным человеком. Поступая так, они вновь открыли старую истину, что каждая подобная процедура — это символическая смерть¹ и что это объясняет сильное отторжение, которое испытывает каждый, до конца распознавая свои проекции и сталкиваясь с природой своей анимы. Для того, чтобы исследовать воображаемые картины своей личности, конечно, требуется известная степень самоотречения. Тем не менее, это требуется от любой глубокой психотерапии, и как упрощаются ее процедуры, можно понять, только тогда, когда психоаналитик испытывает свои средства на себе. Он, как часто показывает опыт, может избавиться от трудностей самопознания, исключив нравственный критерий при помощи так называемой научной объективности и неприкрытого цинизма. Но это будет лишь означать приобретение некоторой толики проницательности ценой искусственного подавления этических ценностей. Из-за такого подлога проницательность лишается своей эффективности вследствие потери

¹ *Distractio* [разъединение] похоже на то, что «некоторые называют добровольной смертью». Ср. смерть царской пары в *Ros. phil.*, которая обсуждается в «Психологии переноса» (§ 467 ел).

нравственной реакции. Так закладываются основы невротической диссоциации, что ни в коей мере не отвечает целям психотерапевта. Цель процедуры — *unio mentalis*, достижение полного знания высот и глубин собственного характера.

Если судьба требует самопознания и встречает отказ, это может привести к реальной смерти. Такая потребность не возникла бы у человека, если бы он все еще мог найти какой-то перспективный обходной путь. Но он оказывается в ловушке, из которой его может освободить только самопознание. Другого пути для него быть не может. Обычно он не осознает всю ситуацию, и непредвиденные страхи все сильнее овладевают им: он боится, что не сможет быстро вернуться с пути мчащейся машины, поднимаясь в гору, он теряет опору или, катаясь на лыжах, пугается, что не сможет преодолеть то место, где снег подтаял, а заболев, вдруг теряет волю к жизни. У бессознательного есть тысяча способов с удивительной скоростью разрушить бессмысленное существование.

Алхимики правильно считали «преодоление тела посредством ментального союза» лишь первой стадией конъюнкции или индивидуации, аналогично тому как Кунрат думал о Христе как о «Спасителе Микрокосма», но не Макрокосма, чьим спасителем был ляпис. Вообще алхимики стремились к *полному* союзу противоположностей в символической форме, который считали необходимым условием исцеления всех болезней. Поэтому они пытались найти пути и способы получить такое вещество, в котором все противоположности объединились бы. Оно должно было быть и материальным, и духовным, живым и инертным, мужским и женским, старым и молодым, и — прежде всего — нравственно нейтральным. Оно должно быть создано человеком и в то же время, будучи «несотворенным», самим Богом, *Deusterrestris* [Богом земным].

Вторым шагом на пути получения этого вещества было воссоединение духа с телом. Для этой процедуры существовало множество символов. Одним из самых важных был химический брак, осуществлявшийся в реторте. Старые алхимики еще не осознавали психологического подтекста опуса и свои собственные символы понимали как простые аллегории или — семиотически — как тайные имена химических взаимодействий, таким образом отбирая у мифологии, которую они так широко использовали, ее истинное значение и оставляя только терминологию. Разумеется, долго так продолжаться не могло, и уже в XIV столетии они начали понимать, что в ляписе таится нечто большее, чем простое химическое соединение. Такое понимание главным образом выразилась в его параллелизме с Христом¹. Возможно, Дорн был первым, распознавшим в алхимии психологический подтекст,

¹ См. Психология и алхимия, § 545f. ел.

насколько это было возможно для человека его времени. Это доказывают его требования к ученикам: они должны обладать хорошей физической и — что более всего заслуживает внимания — нравственной конституцией¹. Весьма существенным было и отношение к религии², ведь в индивидууме скрывалась «та субстанция небесной природы, которую знают немногие», «чистейшее лекарство», что «может освободиться от своих оков, но не своей противоположностью, а своим подобием». «Спагирическое снадобье», посредством которой эта субстанция освобождается, должно «соответствовать ей». Поэтому во время «подготовки» тела ее можно легко отделить от «других частей».

Как все алхимики, Дорн не понимал, что представляла собой спагирическая медицина. Он мог лишь допускать мысль о каком-то ее более или менее лечебном эффекте. В то же время он рассуждал о некоторой желательности аскетизма, что могло быть ссылкой на нравственную природу таинственной панацеи. Во всяком случае, он счел нужным добавить, что «усердный читатель» впредь будет продвигаться от созерцательной философии к спагирической и далее — к истинной и совершенной мудрости. Это звучит так, как если бы усердный читатель был занят сначала чтением и размышлением, как будто медицина и подготовка тела состояли именно в этом³. Также как для Парацельса правильная «теория» была частью панацеи, так и для алхимиков существовал символ, выражавший бессознательные проекции. Разумеется, именно последние придавали субстанции магические свойства, и поэтому алхимики не могли отделить от алхимической процедуры эти ее неотъемлемые компоненты.

Вторая стадия конъюнкции, воссоединение *unio mentalis* с телом, особенно важна, поскольку только она ведет к достижению полной конъюнкции — союза с *unus mundus*. Воссоединение духовной сферы с телом означает, что реальным должно стать постижение самой сути. Способность постижения, если ее не применять, может оставаться в потенции. Поэтому вторая стадия конъюнкции состоит в осуществлении подлинности человека, который получил некоторое знание о своей парадоксальной целостности.

¹ «Невозможно для мужа, предающегося порокам, владеть сокровищем, скрытым от сынов мудрости, и он не может обладать им либо же отыскать его, и не увидит его»¹¹⁸¹ (Phil, meditative, p. 457).

² «Я решил, что правильно будет убедить учеников, чтобы они просили божественной помощи, и [напомнить им], чтобы они усердно готовили себя к принятию этой милости»^[9] (1B1c1).

³ «Я — истинное целительное средство [говорит Мудрость], исправляющее и трансмутирующее то, что *больше не соответствует себе*, в то, чем оно *было до того*, как подверглось тлению, и то, что *не есть*, в то, чем оно *должно быть*»²⁰¹ (Ibid., p. 459).

Однако величайшая трудность здесь состоит в том, что никто не знает, каким образом может быть реализована парадоксальная целостность человека. В этом состоит трудность индивидуации, однако проблема будет видна в том случае, если отказаться от «научных» лазеек и других циничных уверток. Поскольку реализация целостности в сознании — задача явно неразрешимая, ставящая перед психологом ряд вопросов, на которые он может ответить только с колебанием и определенной степенью неуверенности, то для нас представляет величайший интерес то, как решал эту проблему средневековый «философ» со своим менее обремененным символическим мышлением. Дошедшие до нас тексты не укрепляют нас в мысли, что Дорн осознавал весь масштаб своего дела. Хотя вообще он обладал ясным пониманием той роли, которую играет адепт в алхимических процессах, тем не менее проблема не стояла перед ним во всей своей остроте, поскольку лишь частично находилась в нравственной и психологической сфере, большая же ее часть была гипостазирована в виде определенных магических возможностей живого тела или магических субстанций, скрытых в нем. Эта проекция застилает проблему дымкой, скрывающей ее острые углы. Алхимики еще верили, что метафизические утверждения можно доказать (даже сегодня мы еще не вполне освободились от этого в определенной степени детского убеждения), и поэтому они укрепились на кажущихся им безопасными позициях Потустороннего, которое, как они верили, нельзя пошатнуть никакими сомнениями. Так они могли получить значительное облегчение. Можно только представить, что оно значило для них, если из нищеты и шаткости нравственной или философской диллемы родилась квинтэссенция, так сказать, ляпис и панацея в одном лице! Мы сможем понять этого *deus ex machina* [букв. *бог из машины*, т.е. нечто, появляющееся неожиданно, извне] намного легче, если вспомним, что современные энтузиасты верят, будто психологические затруднения могут волшебным образом исчезнуть, если воспользоваться гормонами, наркотиками, инсулиновым шоком и конвульсионной терапией. Алхимики были в той же малой степени способны воспринять символическую природу своих представлений о чудесном элексире, как и мы едва ли в состоянии понять, что вера в гормоны и шок является символом. Мы с негодованием отвергаем такую интерпретацию как абсурдное предположение.

3. Получение квинтэссенции

Многие из аргументов Дорна не выходят за сферу символов и достаточно отвлеченны. Но это не мешает его символам принимать вполне земные значения, более или менее доступные для нашей психологии. Так, он знал, что даже мудрец не сможет примирить противоположности, если

на помощь ему не придет «некая небесная субстанция, скрытая в человеческом теле», а именно «бальзам», квинтэссенция, «философское вино»¹, «добродетельная и небесная энергия»², одним словом, «истина»³. Этой истиной была панацея. Именно она косвенным образом скрыта в теле, так как в действительности представляет собой *imago Dei* [образ Божий], запечатленный в человеке. Этот образ и есть подлинная квинтэссенция и «добродетель» философского вина. Последнее служит весьма удачным синонимом, поскольку вино как жидкость символизирует тело, но как алкоголь — дух, который представляется соответствующим «небесной добродетели». Панацея, хотя и поделена между отдельными индивидуумами, универсальна, она *едина* и, «освободившись от оков, удерживающих ее в мыслящих существах», стремится к своему первоначальному состоянию единства. «Это одна из тайн природы, при помощи которой спагирика достигает высот»⁴. «Вино» можно приготовить из зерна⁵ и других семян⁶. Выделенная эссенция доводится до «величайшей простоты» «усердными вращательными движениями»⁷, при помощи которых чистое отделяется от нечистого:

Затем ты увидишь чистоту, всплывающую ввысь, прозрачную, сияющую, цвета чистейшего воздуха...⁸ Ты прежде всего увидишь спагирическое [то есть тайное] небо, которое можешь украсить нижними звездами так, какуже украшено верхними звездами верхнее небо...⁹ Изумятся ли теперь подражающие физикам скептики тому, что мы держим в руках небо и звезды? ... Для нас нижние звезды — это все индивидуумы, которых природа создает в этом

¹ Vinum philosophicum [философское вино] содержит *essentia caelestis*. (Phil. medit. p. 464).

² P. 457.

³ «Но истина есть высшая добродетель и непоколебимая крепость»²¹(p. 458). 4p. 464J²²

⁵ «Грана» может также означать виноградные косточки.

⁶ Подробности этого процесса см. ниже.

⁷ P. 465.

⁸ Ср. *Rupescissa*. La Vertu et la propriete de la quinte essence. Квинтэссенция — эквивалент небес (с. 15). Ее также называют «*esprit du vin*» [духом вина] и «*eau de vie*» [живой водой]. Она «*del humain*» (с. 17), «*de la couleur du del*» [небесного цвета (фр.)](с. 19).

⁹ Дорн, вероятно, ссылается здесь на магическую процедуру, описанную во второй части труда *Артефия* (Artefius): *Clavis maiores sapientiae* (Bibl. chem., I, p. 503ff.; *Theatr. chem.*, IV, p. 236ff.), которая вынуждает планетарных духов, необходимых для союза души и духа с телом, сойти на землю. См. изображение воссоединения в купальне у Рипли и его варианты, один из которых приводится в «Психологии и алхимии», рис. 257.

нижнем мире, соединяясь с небесами, подобно тому как соединяются высшие и низшие элементы стихии¹. И вот я слышу множество возмущенных голосов и яростных криков: «Изыди! Да погибнут те, кто утверждает, что небо может встретиться с землей...

Следовательно небо (*caelum*) — это небесная субстанция и универсальная форма, содержащая в себе все формы, отличающиеся друг от друга, но происходящие из одной единой универсальной формы. Поэтому тот, кто знает, как с помощью спагирического искусства свести индивидуумы к единому общему виду и как придать этому виду одно или несколько особых свойств, легко отыщет универсальное снадобье... Ведь если в нем таится единственное и общее начало всего разложения, а также источник возрождения, восстановления и жизнетворных сил, кто, кроме человека, лишённого разума, усомнится в таком снадобье²?

Посредством алхимической обработки «зерен» (или виноградных косточек)

наш Меркурий подвергается сгущению при помощи сильнейшей возгонки [*exaltatione*]. Тогда можно приготовить смесь из нового неба, меда³, хелидонии⁴,

¹ Phil, medit., p. 466. «Sunt igitur stellae nobis inferioris individua quaevis a natura hoc in mundo inferiori producta coniunctione videlicet earum et caeli tanquam superiorum cum inferioribus elementis» (Theatr. chem., 1602, I, p. 466).

² Ibid., p. 465f.

³ «Эликсир из меда хранит и очищает человеческое тело от всех несовершенств, и внутри, и вовне его (*Penotus*. Theatr. chem., I, p. 730). Первый раздел работы Парацельса «Lumen apothecariorum» (*Huser*, VII, 222ff.; *Sudhoff*, II, 193ff.) посвящен меду. «Трижды облагороженный», мед становится «смертельным ядом», наподобие «Tartarus mortalis». — Von den Tartarischen Krankheiten, cap. XIV (*Huser*, II, p. 239; *Sudhoff*, XI, p. 88f.). В этом «Tartarus mortalis» содержится «Tartarum» (*Huser*, p. 233). Мед встречается у Зосимы как aqua permanens (*Berthelot*. Alch. greco, III, xxv, 1). И там, и в «Turba» (*Sermo XXXVII*, p. 16) мед и уксус образуют пару противоположностей.

⁴ «Хелидония» встречается как тайное имя в той версии «Turba», которая приведена в Art. aurif., I, p. Iff, и не отличается заметно от текста *Ruska*: «Некоторые философы называют золото Chelidonia, Kamech, Geldum».¹²³¹ *Ruska* интерпретирует слово «Geldum» как «Chelidonium maius L.» (p. 28). *Диоскорид* (*Materia medica*, II, cap. 176, p. 302) говорит, что этим растением ласточки исцеляют слепоту у своих птенцов. В травнике *Табернемонтана* (I, p. 106) говорится, что из нее делают глазную мазь (от куриной слепоты). У *Руланда* (*Lexicon*, p. 98) хелидонией называют золото (вероятно, из-за ее желтых цветов). В желудках юных ласточек находятся два маленьких камешка, «lapides Chelidonii», черный и красный (*ibid.*, 98—99). Глазную мазь (*Succus chelidoniae*) из-за ее цвета используют для извлечения влаги (души) Меркурия (*Dorn*. Congeries Paracelsicae / Theatr. chem., I, p. 582).

цветов розмарина¹, меркуриалиса², красной лилии³ и человеческой крови⁴ с небом красного или белого вина или Тартара...⁵ С помощью искусства порождения можно приготовить и другую смесь, смесь неба и философского ключа⁶.

Здесь даже Дорн замечает, что читатель затаит дыхание, и добавляет:

Действительно, едва ли можно постичь [*vix intelligibilia*] эти вещи, если не обладать полным знанием используемых в искусстве терминов, которые, как мы считаем, необходимо определить на второй стадии развития медитативного знания. Медитативное знание, таким образом, это уверенное и несомненное, подлинно неизбежное разрешение всевозможных мнений об

Sal Chelidoniae упоминается как «вызывающий менструацию преобразователь и растворитель» (I, p. 759). Хелидонией называют ляпис (IV, p. 822) и средство от безумия (V, p. 432). *Парацельс* четыре раза использует слово «*anthos*» как синоним хелидонии (*Paragranum*, II, «*De philosophia*»; *Sudhoff*, VIII, p. 68—90). (Ср. «*Cheigi*» [желтый левкой] в работе: *Парацельс* как духовное явление, § 171 и прим. 7). Хелидония защищает от грозы (*De phil. occulta*, *Huser*, IX, p. 361, *Sudhoff*, XIV, p. 537).

¹ «*Ros*» (*роса*) = *aqua permanens*. *Табернемонтан* утверждал, что розмарин — лекарственное растение (с. 312).

² *Табернемонтан* (II, с. 940 ел.) говорит, что *Mercurialis testiculata*, как и трава моли, впервые найденная Меркурием, — раздельнополый и используется для вызывания менструации. Согласно Диоскориду, если пролеску вставить в вагину, то можно предопределить пол ребенка (*Mat. med.*, lib IV, cap. 183, p. 599) «*Mercurialis saeva*: Вода, насыщенная квасцами, где образуется Меркурий. Она... цвета золота» (*Ruland. Lexicon*, p. 231).

³ *Lilium* = *Mercurius* и *quinta essentia sulphuris* (*Ruland*, p. 207). «Лилия алхимическая и медицинская... благороднейшая из всех проявлений верховного Творца, которую может представить человек»²⁴ (*Dorn. Congeries Paracelsicae*, p. 608). *Парацельс* называет *Anthera* (вероятно, тычинку) *lilium* лекарственным средством (*Scholia in poemata Macri*, *Wuser*, VII, p. 268, *Sudhoff*, III, p. 414). *Succus lilium* [сок лилии] — «меркурианский» и «несгораемый» (*Grasseus. Acta arcani / Theatr. chem.*, VI, p. 327). О сочетании белой и красной лилий см. там же, с. 335.

⁴ Кровь — синоним красной тинктуры (⇒ *aqua permanens*), подготовительной стадии получения ляписа (*Ruland*, p. 286). *Sangius hominis ruffi* = *Sulphur* = *Mercurius 5oП5* (там же).

⁵ *Пенотус* (*Theatr. chem.*, I, p. 749) говорит о винном камне: «Он совершает чудеса в спагирическом искусстве, ибо благодаря ему дневной свет превращается в первоматерию».²⁵ *Пунли* называет *Saturnus calcinatus* «камнем из черного виногограда» (*Orthelius /Theatr. chem.*, VI, p. 471).

⁶ Возможно, ссылка на трактат *Артефия* (прим. 78).

истине. Но мнение — это предположение [praesumptio], зафиксированное в сознании и вызывающее сомнения. Эксперимент, с одной стороны, есть явная демонстрация истины и разрешение сомнений. Мы не можем избавиться от сомнений другим способом, кроме опытного, и нет лучшего пути, чем провести опыт самим... Ранее мы говорили, что благочестие состоит в самопознании, и, следовательно, мы начинаем объяснять медитативное знание, отталкиваясь также от самопознания. Однако человек не узнает себя по-настоящему, если прежде всего не увидит и не поймет посредством усердных размышлений... *кто*, или, скорее, *что* он есть, от кого он зависит, кому принадлежит, с какой целью был сотворен, кем и благодаря кому.

Бог сотворил человека по образу своему, дабы он разделил Его славу. «Именно потому, что материалом для нашего создания послужила низменная и никчемная глина, мы устремляемся ко всему низкому больше, нежели к тому, кто создал нас из низкой материи в начале времен, дабы мы были самыми драгоценными творениями, украшенными славой немногим меньшей, чем ангель». Из низменной материи Бог создал золото и драгоценные камни. Поэтому, зная свою природу и свое происхождение, мы должны воздерживаться от гордыни, поскольку Бог ценит не внешность, а бедность и смирение и ненавидит гордыню. Только тот, кто создал воду и вино, мог превратить одно в другое, и точно так же он вдохнул в землю живую душу, даровав ей свой образ и подобие, чтобы она могла быть спасена. Тем не менее, грех Адама сделал нас бунтовщиками, но Бог примирился с нами. «Кто окажется столь каменным [lapideus], чтобы не примириться со своим врагом, какую бы великую несправедливость не испытал он из-за него, если всей душой познает таинство божественной доброты». Познающий Бога познает и своего брата. Такова основа истинной философии. И тот, кто наблюдает себя самого и освобождается от мирских забот и суеты¹, «мало-помалу, день ото дня начнет с величайшей радостью воспринимать умственным взором искры божественного света». Подвигнутая этим душа объединится с телом:

И наконец тело будет вынуждено подчиниться и присоединиться к союзу уже двоих соединенных [души и духа]². Это есть удивительное преобразование философов, преобразование тела в дух, а духа — в тело, о чем мудрецы оставили для нас изречение: делай неподвижное летучим, а летучее неподвижным³, в этом и заключается наше Мастерство. Понимать это следует так: делай неподатливое тело податливым так, чтобы,

¹ Phil, meditativa, p. 470f.

² «Corpus tandem in amborum iam unitorum unionem condescendere cogitur et obedire».

³ Возможно, происхождение этого изречения — в слове «спагирический», αἰτεῖν — «отрывать, раздирать, растягивать», и αὐεῖρεῖν — «свести или собрать вместе».

благодаря господству соединившегося с душой духа, оно стало самым стойким, готовым выдержать любые испытания. Ибо золото испытывается огнем... Приблизься, взыскующий сокровищ столь разными путями, и узнай отвергнутый камень, что сделался главой угла... Тщетными были труды всех исследователей скрытых тайн природы, когда они, желая подобрать к ним иной ключ, хотели раскрыть достоинства земных вещей с помощью земных же вещей. Нельзя познать небесное земными средствами, но можно узнать свойство одного через свойства другого. Ищи подлинное лекарство, которое не только вернет подверженным тлению телам их истинное устройство [temperamentum], но и сможет сохранять их в таком виде [temperata] сколь угодно долго. Такое лекарство можно найти только на небесах. Потому что небеса, своими невидимыми лучами, сходящимися в центре земли, порождают, пронизывают и питают все стихии и все, что возникает из этих стихий. Это дитя двух родителей, стихий и неба, обладает такой природой, в которой можно обнаружить потенциальность и осуществленность [potentia et actu] обоих. Что тогда останется там [то есть в центре земли], кроме камня с его спагирической силой¹? Изучи себя, чтобы познать все, что есть на небе и на земле, а в особенности все то, что было создано ради тебя. Знаешь ли, что небо и стихии были некогда едины, но были разделены божественным искусством, дабы иметь возможность породить тебя и все вещи? Если ты знаешь это, ничто другое не ускользнет от тебя. Поэтому в каждом поколении необходимо разделение этого рода... Ты никогда не приведешь к единству другие вещи, если сперва не станешь целостным сам ...²

4. Значение алхимического процесса

Так Дорн описывает тайну второй стадии конъюнкции. Современному разуму подобные ухищрения разума могут показаться туманными порождениями сновидений. Таковыми, по сути, они и являются, и поэтому поддаются расшифровке с помощью комплексной психологии. Пытаясь прояснить явно запутанную ситуацию, Дорн вовлек себя в обсуждение путей и средств получения квинтэссенции, которая, как очевидно, необходима для объединения unio mentalis с телом. Он, разумеется, спрашивал себя, каким вообще должен быть алхимический процесс. Духовное и нравственное начала unio mentalis видны столь отчетливо, что не может быть никаких сомнений в его психологической природе. Наш спо-

¹ «Quis haerebit adhuc nisi lapis in generatione spagyrica?» — то есть центр земли и камень совпадают.

² P. 466ff.

соб мышления немедленно возводит стену между психическим и химическим процессами. Для нас эти два понятия несоизмеримы, но для средневекового человека это было не так. Он ничего не знал о химических веществах и их взаимодействиях. Он видел только загадочные субстанции, которые, соединяясь друг с другом, необъяснимым образом порождали новые субстанции. В этой непроглядной тьме фантазия алхимика, свободно резвясь, могла соединять несоединимое. Пределов для нее не существовало, и она проявлялась, не осознавая, что же происходит на самом деле.

Свободная в своих скитаниях душа адепта пользуется химическими веществами и процессами также, как художник пользуется красками, чтобы оформить образы своей фантазии. Если Дорн, чтобы описать союз *unio mentalis* с телом, берется за свои химические вещества и приборы, это лишь означает, что он иллюстрирует свои фантазии химическими процессами. С этой целью он выбирает наиболее подходящие вещества также, как художник выбирает верные краски. Мед, например, следует включить в состав смеси из-за его очищающих свойств. Будучи последователем Парацельса, Дорн знал из трудов Мастера, как тот превозносил мед, называя его «сладостью земли», «земной смолой», пропитывающей все, что растет, «индийским духом», под «влиянием лета» превращающимся в «материальный дух»¹. Надо сказать, что «сладость земли» небезопасна, потому что, как мы видели, мед может превращаться в смертельный яд. Таким образом, с помощью смеси можно не только избавиться от нечистоты, но и превратить дух в тело, что, принимая во внимание будущую конъюнкцию духа и тела, выглядит особенно многообещающим. Согласно Парацельсу, мед содержит «Tartarum», который, в соответствии со своим именем, имеет отношение к Гадесу. Кроме того, Tartarum — это кальцинированный (пережженный) Сатурн и, следовательно, родственен этой вредоносной планете. В качестве другого ингредиента Дорн берет хелидонию (*Chelidonium maius*, чистотел), лекарство от болезней глаз, особенно эффективное при куриной слепоте. Он лечит даже «помрачение» (скорбь души, сумасшествие), которой особенно страшились адепты. Чистотел защищает от «грозы», то есть вспышки чувств. Он считается драгоценным ингредиентом, потому что его желтые цветки символизируют философское золото, высшее сокровище. И, что наиболее важно, он вытягивает из Меркурия влагу, то есть «душу»². Следовательно, он способствует «одухотворению» тела и делает видимой сущность Меркурия, высший хтонический дух. Но Меркурий также и дьявол³. Может быть, именно поэтому раз-

¹ *Lumen apothecariorum* (Huser, VII, p. 222ff.).

² Эссенцию.

³ Ср. Дух Меркурий, § 276.

дел, в котором Ланье определяет природу Меркурия, озаглавлен «Dominus vobiscum» [«С вами Господь»]¹.

Кроме того, рассказывается о растении меркуриалис [Mercurialis gen., пролеска]. Подобно волшебной траве моли Гомера, пролеска была обнаружена самим Гермесом и поэтому обладала магическим действием. Она особенно благоприятна и полезна для конъюнкции, поскольку существует в мужской и женской формах и, таким образом, может предопределить пол ребенка во время зачатия. Говорят, что сам Меркурий получен из ее экстракта — того духа, который действует как посредник (ибо он — *utriusque* сэрах, «способный на все», всемогущий) и спаситель Макрокосма и потому лучше всего может соединить верхнее и нижнее. В своей итифаллической форме Гермеса Киллениоса он способствует притягательной сексуальной силе, играющей огромную роль в символике конъюнкции². Подобно меду, он может быть ядовит, и поэтому нашему автору кажется благоразумным добавить в смесь розмарин как *alexipharmic* (противоядие) и синоним Меркурия (*aqua permanens*), вероятно, по принципу «лечи подобное подобным». Дорну едва ли удалось избежать искушения поэксплуатировать алхимическую аллюзию на «*tos marinus*», морскую росу. Как и в церковной символике, в алхимии также присутствует «роса милости», *aqua vitae*, вечная, постоянная и обладающая двойным значением *iSSwp Betov*, божественная или серная вода. Воду также называли *aqua pontica*, «морской водой» или просто «морем». Это было великое море, по нему алхимик пускался в свое мистическое странствие, ведомый (направляемый) «сердцем» Меркурия, как Северным Полюсом небесной сферы, на который сама природа направляет магнитную стрелку³. Это также была купель восстановления, весенний дождь, вызывающий рост, и «*aqua doctrinae*» [вода учения].

Другое противоядие — лилия. Но она представляет собой нечто гораздо большее: ее сок «меркуриальный» и даже «невоспламеняемый», что безошибочно указывает на ее чистую и «вечную» природу. Это подтверждается тем фактом, что под лилией подразумевается Меркурий и сама квинтэссенция — благороднейшая из вещей, которую может постичь человеческая медитация. Красная лилия символизирует мужское, а белая — женское начало конъюнкции, и обе они представляют собой божественную пару, соединяющуюся в священном браке. Поэтому лилия есть подлинный «гамоним» в терминологии Парацельса.

И наконец, в смеси не может отсутствовать вещь, которая действительно удерживает вместе тело и душу: человеческая кровь, считаю-

¹ *Harmonia chemica / Theatr. chem.*, IV, p. 820.

² Ср. Дух Меркурий, § 278.

³ Ср. Психология и алхимия, § 265; Айон, § 206.

щаяся местопребыванием души'. Это синоним красного раствора (тинктуры), подготовительной стадии ляписа; более того, это старинный магический амулет, «связка» души с Богом или дьяволом и, следовательно, сильнейшее средство объединения *unio mentalis* с телом. Примесь человеческой крови кажется мне странной, если предположить, что рецепт надо понимать буквально. В данном случае мы ступаем на нетвердую почву. Хотя растительные ингредиенты указаны здесь только из-за их символической ценности, мы все еще не знаем в точности, насколько этой символике присущи магические свойства. Если это так, тогда рецепт следует понимать буквально. В случае крови возникают большие сомнения, поскольку она — либо просто синоним *aqua rermanens* и может тогда быть практически любой жидкостью, либо здесь имеется в виду реальная кровь, и тогда мы должны спросить, чья она. Может ли она быть кровью адепта? Эта проблема отнюдь не кажется мне неуместной, поскольку Дорн, в своей работе «*Philosophia meditativa*», как мы уже говорили, находился под сильным влиянием сабейского трактата «*Liber quartorum*», хотя он нигде не упоминает о нем. Считалось, что сабеи приносят человеческие жертвы для исполнения магических обрядов² и даже сегодня используют человеческую кровь для того, чтобы обозначить сделку с дьяволом. Еще недалеко ушли те времена, когда какого-нибудь бродягу могли напоить и быстро замуровать в фундамент строящегося здания, чтобы оно было прочным. Поэтому нет ничего удивительного, что в рецепте шестнадцатого века использовалась кровь как *pars pro toto*.

Эта полная смесь затем была соединена «с небом красного или белого вина, или Тартара». *Caelum* [небо], как мы уже видели, есть продукт алхимического процесса, который в этом случае представлял собой первую дистилляцию «философского вина». Таким образом, душа и дух отделялись от тела и подвергались повторной возгонке до тех пор, пока они полностью не освобождались от «флегмы», то есть ото всей жидкости, не содержащей в себе «дух»³. Остаток, который называли

¹ Также и у Парацельса, где душа, Мелюзина, живет в крови. Ср. Парацельс как духовное явление, § 180.

² Ср. отрывок из труда Фириста эль-Улама Мухаммада ибн Исхака аль-Надима у Schwolohn, *Die Ssabier und der Ssabismus*, II, pp. 19f, где описывается размачивание человеческого тела в масле и буре. Голову затем используют в качестве оракула. См. также сообщение Лоренса ван дер Поста в «Символ превращения в мессе», § 370.

³ Ср. описание *caput mortuum* у Христианина: «...черная, лишенная души и мертвая, и как бы бездыханная»²⁶¹ (*Berthelot. Alch. grees, VI, xii, 1*). Флегма обладает также моральной коннотацией «Насаждая также свою мудрость в наших сердцах, изгони из них флегму, гнойную желчь и кипящую кровь, и приведи нас на пути

corpus (телом), «в яростнейшем огне» превращался в золу, потом к нему добавлялась горячая вода и он становился *lixivium asperitum*, «очень едким щелоком», который затем осторожно сливали, стараясь не захватить осадок. Остаток подвергали той же процедуре до тех пор, пока зола полностью не лишалась «терпкости». Щелок фильтровали и выпаривали в стеклянном сосуде. То, что оставалось в результате, было *tartarum postrum* («нашим винным камнем», *calculus vini*), естественной «солью всех вещей». Эту соль «можно растворить в виннокаменной воде, во влажном и холодном месте в мраморной чаше»¹. Виннокаменной водой называли квинтэссенцию философского и даже обычного вина и подвергали ее вращению. Как в центрифуге, чистое отделялось от нечистого, а жидкость «цвета воздуха» всплывала кверху. Она и была *caelum*.

Я описал этот процесс так подробно, чтобы дать читателю четкое представление об алхимическом процессе. Едва ли можно счесть это все полным вздором, ведь Дорн был человеком, относившимся к вещам серьезно. Насколько можно судить, он думал прежде, чем сказать, и сам работал в лаборатории. Конечно, мы не знаем о его успехах в области химии, но нам достаточно известны результаты его умственных усилий.

Caelum для Дорна — это небесная субстанция, скрытая в человеке, тайная «истина», «сумма добродетели», «сокровище, которое никто не может ни съесть, ни выкопать». Непосвященный сочтет эту вещь несостоящей, однако она «более достойна любви мудреца, чем золото и драгоценные камни, и несет в себе непреходящее добро, и останется с человеком после смерти»². Читатель может сделать вывод, что здесь описывается царствие небесное на земле. Думаю, что Дорн не преувеличивал, а хотел сообщить своей аудитории нечто весьма для него важное. Он верил в необходимость алхимического процесса, как и в его успех; он был убежден, что квинтэссенция необходима для «подготовки» тела³, и что тело будет столь усовершенствовано этим «универсальным средством», что конъюнкция с духом и душой сделается возмож-

благословения»²⁷¹(*A1^opaе sapientum / Theatr. chem., V, p. 66*). Остаток, «черная земля» — это прах, о которой «*Tractatus Micreris*» гласит: «Не презирай прах... ибо он — венец, прах вещей нетленных».¹²⁸¹(*Theatr. chem., V, p. 104.*)

¹ В человеке есть «мраморный винный камень», «очень твердый камень» (*Ruland*, p. 220). Говорят, что мраморные чаши или змеевики защищают от яда. (*Hellwig. LexikonMedico-Chymicum*, p. 162). «Знайте, что дух заключен в мраморном доме, откройте проходы, чтобы мертвый дух мог выйти наружу» J²⁹¹(*Allegoriae sapientum*, p. 66.)

² *Dorn. Phil. meditativa*, p. 457ff. Это, очевидно, бессмертная часть человека.

³ «Поэтому для подготовки тела к благоприятному положению мы используем спагирические снадобья» (там же, с. 457).¹³⁰¹

ной. Надо сказать, что получение *caelum* из вина представляется химической фантазией, от которой волосы встают дыбом, но когда узнаешь, что адепт смешивает небо со своим «гамонимом» и другими магическими травами, тут разум вообще отказывается что-либо понимать. Но если получение неба — фантазия, то фантазия и все остальное. Это вызывает интерес. Фантазии, когда они спонтанны, всегда что-то значат. И тогда возникает вопрос: каково психологическое значение этого процесса?

5. Психологическая интерпретация процесса

Ответ на этот вопрос затрагивает нас весьма сильно, потому что мы встречаем здесь то, что представляет особый интерес для современной психологии: адепт создает систему фантазий, имеющих для него особую значимость. Хотя он держится в общих рамках алхимических идей, он не повторяет предписанную структуру, следуя за своим собственным воображением, придумывая новые серии идей и соответствующих действий, которые, и это очевидно, имеют символический характер. Он начинает с получения средства, которое объединит *unio mentalis*, его духовное начало, с телом. Неясность начинается уже здесь: означает ли слово «*corpus*» его человеческое тело или химическое вещество? Очевидно, это прежде всего его живое тело, желания которого, как известно всем, отличаются от желаний духа. Но едва ли при проведении химической реакции что-либо иное чем «тело», остается в реторте после дистилляции вина, и эта «флегма» затем, подобно тонкому телу души, подвергается очистительному огню. Подобно ему, остаток вина следует провести через множество возгонок на огне до тех пор, пока он не очистится настолько, чтобы из него можно было выделить квинтэссенцию «цвета воздуха».

Столь поразительное тождество, просто постулируемое и никогда не считавшееся проблемой — это пример того «*participation mystique*» [мистическое соучастие], которое Леви-Брюль очень удачно назвал характерной особенностью примитивного мышления¹. Это же относится к бесспорно психическому *unio mentalis*, в то же самое время представляющему собой скрытую в теле веществоподобную «истину», в свою очередь тождественную сублимированной из «флегмы» квинтэссенции. Никогда у алхимиков не зарождалось и тени сомнения в правильности

¹ Этнологи недавно оспаривали взгляды Леви-Брюля не потому, что подобный феномен не встречается у примитивных народов, а потому, что они не в состоянии его понять. Подобно многим другим специалистам, эти критики предпочитают не знать ничего о психологии бессознательного.

такого интеллектуального извращения. Мы, естественно, считаем, что подобное могло произойти только в «темное» Средневековье. Чтобы возразить, я должен подчеркнуть, что мы тоже не избавлены от такой опасности, уверял же меня один философ со всей серьезностью, что «мысль не может ошибаться», а весьма знаменитый профессор, чьи утверждения я рискнул критиковать, произнес с непререкаемым авторитетом: «Я прав в этом, потому что помыслил это».

Все проекции обладают бессознательным тождеством с объектом. Всякая проекция — это просто не подверженное критике данное опыта и признается таковым слишком поздно, если признается. Все, что мы сегодня можем назвать «разумом» или «пониманием» в прежние времена проецировалось в вещи, и даже сегодня многие люди считают индивидуальное своеобразие общим достоянием. Естественное, полуживотное состояние бессознательности адепт знал как *nigredo*, хаос, *massa confusa*, неразрывное переплетение души и тела, которые вместе образуют темное единство (*unio naturalis*). Освободить душу из этих оков можно при помощи *separatio* и установить духовно-душевную оппозицию — сознания и рационального понимания, — которая была бы устойчивой к влияниям тела. Но такое понимание, как мы видели, возможно лишь тогда, когда удастся избавиться от иллюзорных проекций, затемняющих реальное состояние вещей. Бессознательное тождество с объектом тогда исчезает, и душа «освобождается из оков разума». Психолог хорошо знаком с этим процессом, потому что очень важная часть психотерапевтической работы состоит в том, чтобы перевести в сознание и уничтожить те проекции, которые фальсифицируют взгляд человека на мир и препятствуют его самопознанию. Врач поступает так, чтобы поставить аномальные психические состояния аффективной природы, иначе говоря, невротические симптомы, под влияние сознания. Цель лечения ясна — возвысить рациональную духовно-психическую позицию над беспокойными эмоциями.

Проекции могут быть отброшены, только когда они находятся в пределах досягаемости сознания. Вне его ничего нельзя скорректировать. Таким образом, невзирая на все свои усилия, Дорн не смог распознать очевидную для нас проекцию психических содержаний в химические вещества и избавиться от нее. Очевидно, его понимание в этом отношении все еще находилось в рамках современного ему сознания, хотя в других отношениях оно достигало глубин гораздо больших, чем позволяло коллективное бессознательное той эпохи. Так, психическая сфера, представляющая тело, чудесным образом становилась для адепта тождественной химическим реакциям в реторте. Поэтому он верил, что любые изменения, которые он в ней производил, должны были происходить и в теле. Весьма значительным представляется то, что мы редко слышим о панацее или ляписе в

применении к человеческому телу. Как правило, достаточным кажется завершить саму химическую реакцию. Во всяком случае, для Дорна это было именно так, и поэтому химическое *caelum* совпадало с небесной субстанцией тела, «истиной». Он видел там не двойственность, а идентичность; для нас же химические реакции и психические процессы несоизмеримы и непримиримы, потому что благодаря нашему знанию химических процессов мы в состоянии отличить их от процессов, происходящих в психике.

Список ингредиентов, которые необходимо смешать с *caelum*, дает нам некоторое представление о проецируемом психических содержаний. В меде, «сладости земной»¹, мы легко можем узнать бальзам жизни, пропитывающий все живые, развивающиеся и растущие организмы. Он психологически выражает радость жизни и жизненную силу, преодолевающую и уничтожающую все темное и давящее. Там, где царит весенняя радость и надежда, там дух охватывает природу, а природа — дух. Хелидония, иноним философского золота, соответствует волшебной траве кейри Парацельса (*Cheiranthus cheiri*). Цветки хелидонии тоже желтые, с четырьмя лепестками. Кейри тоже близка золоту, и называется соответственно «*aurum potabile*» [золото, годное для питья]. Поэтому она оказывается в категории Пара-цельсовых «Аниад», «подъемлющих ввысь», — магических растений, дарующих долгую жизнь, которые собирают весной². Сам Дорн, в своем трактате «*Congeries Paracelsicae chemicae de transmutatione metallorum*», комментирует «*De vita longa*» Парацельса, где можно обнаружить эти сведения. Чистотел в Средневековье был одной из самых популярных целебных и магических трав, главным образом благодаря своему желтому, похожему на молочко соку — средству для прекращения лактации. Его также называли «пасленом волшебников»³. У его цветков четыре лепестка, и поэтому, как и *Cheiri* [левкой], он считается магическим растением, на что указывает Пара-цельс⁴. Когда хотя бы подчеркнуть ценность чего-либо, всегда проводят аналогию с золотом: добавление хелидонии придает смеси высочайшую ценность, тождественную четверичности самости. Если она «вытягивает душу Меркурия», это психологически означает, что образ самости (золотая четверица) вытягивает квинтэссенцию из хтони-ческого духа.

¹ Ср. «*Thereniabin*», манна и так далее. «Медовая роса» или «майская роса» встречается у Парацельса. Ср. Парацельс как духовное явление, § 190 и прим. 93.

² *Baechtold-Staubli. Handwörterbuch*, s.v. Schellkraut.

³ *Ibid.*, p. 86f.

⁴ «И спагирик создает из четверки гармоническое целое, как видно на цветке кейри» (*De vita longa*, III, cap. I, у *Sudhoff*, I, 3, p. 301).

Я должен согласиться с Дорном (и не сомневаюсь, что читатель поступит так же), что данное утверждение — «vixintelligibilis» [едва умопостигаемо]. Я могу это расценить только как результат необычайных трудностей, с которыми мы сталкиваемся, когда начинаем серьезно сопротивляться мнению о том, что между душой и материей нет существенных различий. Основополагающая идея здесь коренится в Меркурии, двойственной сущности, которая столь же духовна, сколь и материальна. В специальном исследовании, посвященном этому предмету, я указывал, что внешне Меркурий соответствует руги, но внутри он — «deus terrenus» и *anima mundi* — иными словами, та часть Бога, которая осталась как бы за кулисами Творения¹, когда он «представил себе» мир, или подобно Софии гностиков затерялась в Физис. Меркурий обладает свойствами, которые Дорн приписывает душе. Он — «добрый с добрым, злой со злым» и, таким образом, занимает промежуточную нравственную позицию. Как и душа, благосклонная к земному телу, Меркурий часто появляется в материи как дух, в хтонической или даже *καταχθόνιος* (адской) форме, как в нашем тексте. Тогда он представляет собой дух (нечеловеческий), удерживающий душу в плену Физис, и поэтому ее необходимо от него освободить.

В психологическом смысле Меркурий представляет бессознательное, поскольку оно во всех отношениях есть тот «дух», который теснейшим образом связан с материей и обладает всеми парадоксальными свойствами, присущими Меркурию. В бессознательном скрыты те «искры света» (*scintillae*), архетипы, из которых можно «вычленить» высшее значение². «Магнит», притягивающий скрытую сущность — это самость, или, в данном случае, «теория», или представляющий ее символ, который адепт использует в качестве инструмента³. *Extractio* изображено метафорически на иллюстрации в «Пандоре» Рейснера: фигура в нимбе, достающая из земли крылатую, с рыбьим хвостом змееподобную тварь (духа), тоже увенчанную нимбом⁴. Этот монстр представляет *spiritus mercurialis*, душу мира или материи, освобожденную от своих оков; *filius mactoscosmi*, дитя солнца и луны, рожденного в земле, гермафродитного гомункулуса, и так далее. По существу все эти синонимы описывают внутреннего человека как параллель или дополнение Христа. Читателю, желающему получить дополнительную информацию об этой фигуре, следует обратиться к «Психологии и алхимии»⁵ и «Айону»⁶.

¹ Ср. *Mus. herm.*, p. 112 (Waite, I, p. 98).

² Ср. «экстракт размышления» в *Liber Plat, quartorum / Theatr. chem.*, V, p. 144.

³ АуоН, §239ff.

⁴ Pandora, p. 253. Ср. Психология и алхимия, рис. 232.

⁵ Параллель ляпис—Христос.

⁶ Разд. v.

Обратимся к другому ингредиенту тинктуры, а именно к «цветам розмарина» (*flores rosis marini*). В старой фармакопее розмарин (*Rosmarinus officinalis*) считался противоядием, главным образом из-за своей символики, связанной с его удивительным именем. *Ros marinus* (морская роса) представлял для алхимика удачную аналогию с *aqua permapens*, которая в свою очередь была тождественна Меркурию¹. Но своим особенным значением розмарин обязан сладкому аромату и вкусу. «Сладкий аромат» Святого Духа встречается не только у гностиков, но и в церковном языке² и, конечно, в алхимии — хотя там можно найти более или менее частые ссылки на характерное зловоние нижнего мира, *odorsepulchrorum* [могильный смрад]. Розмарин часто использовали в свадебных обрядах как любовный напиток и поэтому он обладал — для алхимиков — связующей силой, которая, разумеется, была особенно желательна для целей конъюнкции³. Таким образом, Святой Дух — это «дыхание», связывающее Отца и Сына, так же как в алхимии он время от времени становится «связкой» тела и души. Эти различные аспекты розмарина символизируют качества, приданные смеси.

Меркуриалис (пролеска) тоже является волшебной травой, но в отличие от розмарина она связана не с любовью, а с сексуальностью и представляет другую «связующую» силу, которая, как мы упоминали, определяет пол ребенка. Красная лилия, как квинтэссенция серы, представляет мужского партнера алхимического брака, *servus tubeus*, со-

¹ Также именуемая «*ros Gideonis*» [росой Гедеона] (см. Суд. 6:36-40). Эта идея очень стара, ср. у *Макробия* (*Saturnalia*, VII, 16): «В [лунном] свете есть нечто, проистекающее от него, увлажняющее тела и пропитывающее их скрытой росой».¹³¹¹ Роса пробуждает мертвых и является пищей святых (*Zohar*, 128b). *Иринеи* рассказывает о «росе света» гностицизма (*Adv. haer.*, I, 30,3, и III, 17,3). У *Рабана Мавраоиа* — «Божья милость» (*Migne*, P.L., vol. 112, col. 1040). У *Романа* это — Христос (*Pitra*, *Analecta sacra*, I, p. 237). В росе содержится «медоточивый небесный нектар» (*Steeb*. *Coel. sephiroth*, p. 139). Гермес Трисмегист думает о росе, когда в «*Tabula Smaragdina*» говорит: «Ее отец — солнце, ее мать — луна». (*De alchimia*, p. 363). Роса часто упоминается в «*Turba*» (например, в *Sermo* 58).

² *Феодор Студит* (*Pitra*, I, p. 337): «Вера твоя да будет как дух благовония».¹³²¹ «Она наполнит весь мир духом знания»¹³³¹ (там же, с. 342). «Великая книга мандеев» говорит о «духе всепобеждающей жизни» (*Lidzbarski*. *Ginza, der Schatz*, S. 110). Сравните сладкий аромат Премудрости с благовонием богини-матери в храме Священного города и вокруг него (*Lucian*. *The Syrian Goddess*. *Works*, I, p. 261), и с запахом Древа Жизни в Книге Еноха (*Charles*. *Apocrypha and Pseudepigrapha*, II, p. 205). См. также *Nestle*. *Der siisse Geruch als Erweis des Geistes*, S. 95; *Lohmeyer*. *Vom gottlichen Wohlgeruch*, S. 41ff.

³ *Baechtold-Stmbli*. *Handwörterbuch*, s.v. Rosmarin.

единенного с foemina Candida [белой женщиной]. При этом адепт, так сказать, подмешивает в любовный напиток себя и, чтобы сделать связь нерушимой, добавляет туда человеческую кровь. Будучи «специальным соком», с помощью которого утверждается договор с дьяволом, она может магически крепить узы брака.

Эта необычная смесь затем соединяется с «небом красного и белого вина или Тартара». Caelum, или голубая тинктура, как мы видели, концентрировалась из «флегмы» или вина или сублимировалась из «винного камня». Так же как флегма, находящаяся на дне сосуда и представляющая собой остаток выпаренного вина, Тартар, нижний мир и царство смерти, есть отстой или осадок некогда живого мира. У Ку"-рата Sal tartari mundi maioris [соль нижнего мира] тождественна sal Saturni и sal Veneris'. Она содержит — или является — «scintilla Animae mundi» [искрой мировой души]². Тартар — sal sapientiae³. Sal saturni — это ссылка на Крона, заточенного в Тартаре. Плутарх отождествляет Тифона с Тартаром⁴. Это согласуется с вредоносной природой Сатурна. Sal tartari поэтому имеет адский, зловещий оттенок, напоминающий об аде и смерти. Сатурн (свинец) — один из наиболее известных синонимов первоматерии и поэтому является матриксом filiusphilosophorum. Это — пресловутая небесная субстанция, caelum и так далее.

Что нам следует думать об этом особенном напитке? Действительно ли Дорн считал, что эти магические травы следует смешать вместе и что квинтэссенция цвета воздуха должна быть извлечена из «Тартара», или он использовал эти тайные имена и процессы в нравственном смысле? Я считаю, что он имел в виду и то, и другое, ибо ясно, что алхимики на самом деле оперировали такими субстанциями и мыслительными процессами, а врачи, в особенности последователи Парацель-са, пользовались этими лекарствами и образами в своей практической работе. Но если бы адепт в действительности приготовил в своей реторте такую микстуру, то, выбирая ингредиенты, он должен был учитывать их магические свойства. Следовательно, он работал с *идеями*, с психическими процессами и состояниями, но при этом давал им имена соответствующих субстанций. С медом в смесь входила приятность чувств и радость жизни, так же как и тайный страх «яда», смертельный страх Жизненных сложностей, хелидонией — высшее значение и ценность, самость как тотальная личность, исцеление и «универсальное» лекарство, признаваемое даже современной психотерапией, которое сочета-

¹ Von hylealischen Chaos, S. 263ff. v

² Ibid., S. 264.

³ S.260.

⁴ Об Исиде и Осирисе, cap. 57 / Moralia, V, p. 137.

лось с духовной и супружеской любовью, символизируемой розмарином. А чтобы удалить нижний, хтонический элемент, меркуриалис вместе с красной пленницей страстей¹, символизируемой красной лилией, добавляет сексуальность, и кровь вливается в душу. Все это было соединено с квинтэссенцией небесной лазури, *anima mundi* была извлечена из инертной материи, или же Божий образ был запечатлен на лице мира —■ мандалы, полученной вращением². Можно сказать, что целое осознающего себя человека уступает самости — новому центру личности, заменяющему прежнее эго. Так же как Христос берет на себя водительство сознанием мистика и приводит к концу простое связанное с эго существование, так и *filii nascoscosmi*, сын великих светил и темной утробы земли, вступает в царство психики и овладевает человеческой личностью — и не только на сияющих высотах сознания, но и в темных глубинах, еще не постигших явленного во Христе света. Алхимик ясно осознавал присутствие огромной тени, которую христианство явно не переработало, и поэтому чувствовал себя обязанным создать спасителя, идущего от земных глубин, как аналог и дополнение Сына Божьего, сошедшего с небес.

Получение *caelum* — символический ритуал, проводящийся в лаборатории. Его цель — создание в вещественной форме той «истины», небесного бальзама или жизненного принципа, тождественного образу Божьему. Психологически это было репрезентацией процесса индивидуации посредством химических веществ и реакций или же того, что мы сегодня называем активным воображением. Этот метод при-, меняется спонтанно самой природой, и ему же может научить пациента врач. Как правило, это происходит, когда анализ устанавливает такие противоположности, что объединение или синтез личности становится жесткой необходимостью. Такая ситуация возникает, если анализ психических содержаний, состояния пациента и в особенности его снов выносит компенсаторные или комплементарные образы из бессознательного и воздействует на разум с такой силой, что конфликт между сознательной и бессознательной личностями становится открытым и угрожающим. Когда эта конфронтация частично остается в рамках сознания, то конфликт ограничен и разрешить его просто: пациент, движимый пониманием, частичным смирением или чувством негодования, переходит на сторону разума и согласия. Хотя бессознательные мотивы вновь подавлены, как и ранее, бессознательное в некоторой мере удовлетворено, потому что пациент должен делать теперь сознательные усилия, чтобы жить в согласии со своими

¹ Таково было значение *Rubeus* в искусстве геомантии, широко практиковавшейся во времена Дорна.

² О вращении мандалы см. О символизме мандалы, § 693 и рис. 38; Айон, § 408 сл.

принципами, и кроме того, оно постоянно напоминает о себе существованием подавленных обид. Но если пациент видит тень настолько полно, насколько возможно, то за этим следует конфликт и дезориентация, одинаково сильные Да и Нет, с которыми он уже не может справиться при помощи рациональных решений. Он не может трансформировать свой клинический невроз в менее явный невроз цинизма; другими словами, он более не скрывает невроз под маской. Здесь требуется реальное решение проблемы и третье начало, в котором могут объединиться противоположности. В подобных случаях логика интеллекта обычно не действует, потому что в логической антитезе отсутствует третье [tertium поп datur]. «Растворитель» конфликта может иметь только иррациональную природу. В природе разрешение противоположностей всегда процесс энергетический; она действует *символически* в подлинней-шем смысле слова¹, производя нечто, выражающее обе стороны, такое же, как водопад, видимый посредник между верхом и низом. Водопад оказывается здесь несоразмерным им третьим. В открытом и неразрешенном конфликте участвуют сны и фантазии, которые, подобно водопаду, иллюстрируют напряжение и природу противоположностей и таким образом готовят синтез.

Как я уже говорил, этот процесс может происходить спонтанно или индуцироваться искусственно. В последнем случае вы выбираете сон или какой-нибудь другой иллюзорный образ и концентрируете его, просто удерживая его и рассматривая. В качестве стартовой позиции вы можете также использовать плохое настроение и затем попытаться выяснить, какой вид иллюзорного образа оно произведет или какой образ выражает это настроение. Затем фиксируете данный образ в уме, концентрируя свое внимание. Обычно он будет меняться, потому что простое обдумывание оживит его. Изменения необходимо тщательно отмечать, поскольку они отражают психические процессы на бессознательной основе, появляющиеся в виде образов, состоящих из сознательного материала памяти. Так объединяются сознание и бессознательное, подобно тому как верх и низ соединяются водопадом. Цепь идей, порожденных фантазией, развивается и постепенно приобретает драматический характер: пассивный процесс становится действием. Вначале оно состоит из проецированных фигур, и за этими образами можно наблюдать, как за театральным действием. Другими словами, вы видите сны с открытыми глазами. Обычно здесь отмечается тенденция просто наслаждаться подобным внутренним развлечением и остановиться на этом. В таком случае, конечно, не будет реального прогресса, а лишь бесконечные вариации одной и той же темы, что не является сутью упражнения. Все, что происходит на сцене, ос-

¹ сйцРоХоу — «соединенные».

тается подготовительным процессом, и он не продвигает наблюдателя ни на шаг, а чем меньше он продвигается, тем слабее будет очистительный эффект этого персонального театра. Разыгрывающийся спектакль не желает быть просто беспристрастно наблюдаемым; он хочет вынудить зрителя к соучастию. Если наблюдатель понимает, что на этой внутренней сцене разыгрывается его собственная драма, он не остается равнодушным к ее сюжету и развязке. Когда один за другим начинают появляться актеры и усложняться фабула, он заметит, что она родственна ситуации, сложившейся в его сознании, и что к нему обращается бессознательное, и именно оно вызывает появляющиеся перед ним иллюзорные образы. Поэтому он — или сам, или побуждаемый психоаналитиком — почувствует необходимость принять участие в игре и вместо того, чтобы просто сидеть в театре, действительно сделать его своим вторым Я. Ведь в нас не остается ничего, что не вызвало бы какого-либо отрицания, и сознание всегда будет оказываться в таком положении, которое вызовет где-то в темных глубинах психики негативный или компенсаторный эффект, одобрение или осуждение. Этот процесс соглашения с Другим в нас стоит многого, потому что таким образом мы приходим к знанию тех сторон своей природы, которые мы никому не позволяли открывать нам, а самостоятельно никогда бы для себя не открыли¹. Очень важно фиксировать весь процесс, записывая его течение, поскольку тогда у вас будет наглядное свидетельство, эффективно противостоящее постоянной склонности к самообману. Непрерывный комментарий абсолютно необходим, когда имеешь дело с тенью, потому что другим способом ее присутствие зафиксировать невозможно. Только такой болезненный путь даст возможность постичь сложную структуру своей собственной личности.

6. Самопознание

Соглашение эго-личности со своей собственной основой, тенью, выраженное на языке герметической философии, соответствует объединению духа и души в *unio mentalis*, являющемуся первой стадией конъюнкции. То, что я называю соглашением с бессознательным, алхимики называли «медитацией». Руланд говорил об этом так: «Медитация — имя Внутренней Беседы одной личности с другой, невидимой; это — как призыв к Богу, или общение с самим собой или со своим добрым ангелом»². Такая в определенной степени оптимистическая дефини-

¹ Ср. Взаимоотношения между эго и бессознательным, § 341 сл.

² Ср. *Lexicon*, p. 226.

ция несомненно является отзвуком взаимоотношений адепта с *spiritus [amiliaris]* [духом-покровителем], как мы можем надеяться. В этом отношении Меркурий скорее ненадежный товарищ, что подтверждается словами алхимиков. Чтобы понять психологически вторую стадию, союз *unio mentalis* с телом, нам следует твердо усвоить, что психическое состояние представляет собой результат полного понимания и распознавания тени. Тень, как нам известно, обычно представляет собой фундаментальный контраст сознательной личности. Этот контраст есть необходимое условие возникновения той разности потенциалов, которая дает начало психической энергии. Без нее не будет поддерживаться необходимое напряжение. Когда действует высокая психическая энергия, следует ожидать соответствующего напряжения и внутренней оппозиции. Противоположности обязательно должны иметь характерологическую природу: существование позитивного качества предполагает победу над ее противоположностью, аналогичным злом. Без своего контрпартнера добродетель была бы тусклой, неэффективной и нереальной. Крайняя степень противоположности тени и сознания смягчается комплементарными и компенсаторными процессами в бессознательном. Именно из их влияния на сознание в конечном счете вырастают символы объединения.

Конфронтация с тенью вначале порождает неподвижное равновесие: застой, препятствующий нравственным решениям и делающий убеждения недейственными или даже невозможными. Все подвергается сомнению, из-за чего алхимики и назвали это состояние *pigredo*, *tenebrositas* [затененностью], хаосом, меланхолией. В действительности *magnum opus* должен начинаться именно отсюда, потому что почти невозможно ответить на вопрос, как противостоят реальности в таком разорванном и разделенном состоянии. Здесь я должен напомнить читателю, незнакомому ни с алхимией, ни с психологией бессознательного, что в наши дни такая ситуация возникает крайне редко. Никто теперь не сочувствует затруднениям исследователя, занимающегося магическими субстанциями, и относительно немногие изучают результаты анализа бессознательного на себе, и почти никто не натолкнулся на идею его использования как темы для рассматривания объективных намеков, предоставляемых снами. Если старое искусство медитации и практикуется сегодня, то лишь в религиозных и философских кругах, где тема субъективно избирается медитирующим или предлагается ему наставником, как в «*Exercitia*» Игнатия или в некоторых теософских упражнениях, развившихся под индийским влиянием. Эти методы обладают ценностью только для увеличения концентрации и консолидации сознания, но совершенно не имеют значения при осуществлении синтеза личности. Их целью, напротив, является защита сознания от бессознательного и его подавление. Поэтому они имеют

терапевтическую ценность только в тех случаях, когда сознание подвержено перегрузке бессознательным и существует опасность психотического разрыва.

Вообще медитация и созерцание имеют на Западе плохую репутацию. Их считают особенно предосудительными видами лени или патологическим нарциссизмом. Ни у кого нет времени для самопознания, и многие считают, что оно не может служить разумной цели. Люди заранее знают, что о самопознании нечего беспокоиться, потому что каждый дурак знает, кто он такой. Мы верим только в действие и не тревожимся о делающем, которого судим только по тем деяниям, что имеют общественную ценность. Публика, как кажется, осведомлена о бессознательном больше, чем так называемые эксперты, но никто еще не сделал никаких выводов из того факта, что западный человек противопоставляет самому себе как чужак и что самопознание — одно из самых трудных и тонких искусств.

Когда медитация касается объективных продуктов бессознательного, достигающих сознания спонтанно, она объединяет сознание с содержаниями, являющимися результатами не каузальной цепи сознания, а бессознательного процесса. Мы не можем знать, что из себя представляет бессознательная психика, в противном случае она принадлежала бы сознанию. Мы можем лишь догадываться о ее существовании, хотя при этом опираемся на достаточно веские основания. Часть бессознательных содержаний проецируется, но проекция как таковая не распознается. Медитация или критическая интроспекция и объективное исследование предмета необходимы, чтобы установить существование проекций. Если индивидуум анализирует себя, то немаловажно, чтобы его проекции были распознаны, потому что они искажают природу объекта и, кроме того, содержат элементы, принадлежащие его собственной личности, которые должны быть интегрированы в ней. Это одна из самых важных ступеней в изнурительном труде самопознания. Поскольку проекции увлекают самопознание на неприемлемый, внешний путь, Дорн правильно рекомендует почти аскетическое отношение к миру, чтобы душа могла освободиться от своего участия в мире тела. Здесь может помочь только «дух», то есть тенденция к самопознанию, на уровне, недостижимом для иллюзий и дурмана, порожденных проекциями.

Unio mentalis как на психологическом, так и на алхимическом языке означает знание себя. В отличие от современного предубеждения, что самопознание — это знание эго, алхимики рассматривали самость как субстанцию, несоизмеримую с эго, скрытую в теле и тождественную образу Божьему¹. Этот взгляд полностью совпадает с индийской кон-

¹ Ср. Айон, § 70К.

цепцией *пуруши-атмана*¹. Психическая подготовка к магистерии, так, как ее описывает Дорн, представляет поэтому попытку объединения противоположностей (предпринятую безо всякого влияния Востока и тем не менее явно согласующуюся с великими восточными философиями) и установления с этой целью принципа, свободного от противоречий, подобного *атману* или *дао*. Дорн называет его *substantia coelestis*, а мы сегодня определяем его как трансцендентальный принцип. Этот «*unium*» есть *нирвана* (свободная от противоречий), подобная *атману* (самости).

Дорн не выдумал эту идею, а просто ясно выразил то, что давно составляло тайное знание алхимии. Так, мы читаем в «*Liber octo capitulorum de lapide philosophorum*» Альберта Великого², который ссылается на ртуть (*Mercurius non vulgi*, философскую ртуть):

Ртуть холодная и влажная, и Бог создал все элементы с ее участием, сама она воздушная, испаряющаяся в огне. Но поскольку она какое-то время сопротивляется огню, она произведет великие и чудесные труды, и она одна — живой дух, и во всем мире нет ничего, подобного ей. Она может сотворить то, что другим неподвластно... Она — не пересыхающая вода, вода жизни, молоко девственницы, источник, квасцы³, и [кто бы ни] испил ее, не погибнет. Где она жива, там совершаются бесспорные деяния, а где она мертва, там совершаются иные и величайшие труды. Это змея, обладающая собой, оплодотворяющая себя и рожающая в один день, и поражающая все металлы своим ядом. Она избегает огня, но искусство мудрецов заставляет ее противостоять огню; она питает огонь собственной землей до тех пор, пока способна выносить его, а затем она свершает деяние и трансмутацию. Ртуть и трансмутируется, и трансмутирует... Ее можно обнаружить во всех минералах, и ее «*symbolum*»⁴ присущ им всем. Просто она

¹ В китайской алхимии чжэнь-жэнь, подлинный человек (*хелюэиоу Суврцоитои*). «Подлинный человек — это крайняя степень превосходства. Он есть и его нет. Он походит на огромный водоем, внезапно спускающийся и внезапно заполняющийся... Первое можно классифицировать как белизну. Воздействуйте на него и сделайте красным... Белизна живет внутри подобно деве. Квадратность, округлость, диаметр и измерения смешиваются и ограничивают друг друга. Он существовал до начала небес и земли: гордый, высокий и почитаемый». (*Wei Po-yang*, p. 237f.)

²Theatr. chem., IV, p. 948ff.

³ Здесь — синоним Меркурия. Ср. *Ruland. Lexicon*, p. 24.

⁴ В самом строгом смысле слова «*symbolum*» — это печать, разломанная на две части, чтобы можно было потом проверить, совпадают ли половинки. Ср. *Aegidius de Vadis. Dialogus* (Theatr. chem., II, p. 107): «... согласие и разлад, которые мы представляем в виде символов». ¹³⁴¹ *Symbolum* здесь означает способность Первоэлементов к объединению; это «*retinaculum elementorum*», связующая нить элементов. (*Lully. Theologica et practice/Theatr. chem.*, IV, p. 133.)

возникает на полпути между землей и небом или на полпути между [mediocriter]¹ тонким живым маслом и тончайшим духом. От водной части земли она берет свой вес и возможность движения сверху вниз, свою яркость, текучесть и серебристость... Но ясно видно, что ртуть обладает плотной субстанцией, подобной Монокалусу², чья безмерная тяжесть превосходит даже золото³. Когда она соответствует своей природе⁴, то имеет крепчайшую структуру [fortissimae compositionis]⁵ и гомогенность (однородность), поскольку она не разделяется [или неделима]. Ее никаким способом нельзя разделить на части, потому что она либо полностью уходит от огня, либо полностью выдерживает огонь. Именно поэтому в ней можно увидеть основу совершенства.

Так как Меркурий — душа золота и серебра, их соединение может быть завершено:

Наша основная тайна состоит в том, что возможно получить лекарство, которое вытечет перед тем, как выпарится Меркурий... Оно не более ценное или чистое, чем солнце и его тень луна, без которых растворимая ртуть не может быть получена... Поэтому тот, кто понимает, как объединить его с солнцем и луной, получит снадобье, которое называют серой искусства.

Меркурий — это первоматерия. Его следует растворить в начале работы, и растворенные тела затем преобразуются в «духов». Трансформация осуществляется посредством гниения, синонимами которого являются nigredo, могила и смерть. Духи соединяются как sponsus и sponsa жених и невеста.

Наш камень — водной природы, потому что он холоден и влажен. Такое состояние тела считается очевидным или явным. Ширина есть среднее [media] положение, посредством которого достигается глубина. Это промежуточная

¹ Вместо medioxime.

² Вероятно, это слово происходит от *ἑνωχαιχορ* (бот.), «одноствольный», но, скорее всего, это искаженное *monocolus* (*ἑνωχαιχορ*), «одноногий», или неолатинское *monocaleus*, «имеющий одно яичко, полукастрированный». (Ср. *Du Cange. Glossarium, s.h.v.*) Возможна также интерпретация *monocerus* (*ἑνωχαιχορ*, единорог), поскольку единорог обозначает Меркурия и часто встречается в алхимии XVI, и в особенности XVII столетия. (Ср. Психология и алхимия, § 518, 547.) Согласно Горуполлону, скарабей, который в Лейденском Папирусе тождествен Осирису — одноногий (там же, § 530).

³ Здесь текст поврежден, поэтому я поставил точку после слова «praeponderat» и начал новое предложение со слов «dum in sua natura».

⁴ Очевидно, тайная природа.

⁵ Видимо, здесь имеется в виду «сцепление».

ступень между глубиной и протяженностью как между двумя противоположностями, и переход от одной противоположности к другой или от одной крайности к другой невозможен без среднего положения. [Это возможно] потому, что камень по природе холоден и влажен.

Меркурий есть ляпис не только как *prima materia*, он — ляпис как *ultima* [конечная] материя, цель опуса. Поэтому Альберт приводит слова Гебера: «Он — камень, он — лекарство, и в нем заключено все мастерство».

Этими словами Альберт Великий, опередив Дорна более чем на три века, описал небесную субстанцию, бальзам жизни, скрытую истину. Корни его описания уходят еще в греческую алхимию, но я не могу обсуждать это здесь. Для наших целей достаточно и его слов: он описывает трансцендентную субстанцию, характеризующуюся, как и следовало ожидать, большим количеством антиномий. Что-либо конкретное можно сказать только об имманентных объектах; трансцендентные же можно выразить только парадоксами. Итак, они есть и их нет (то есть их нельзя обнаружить, исходя из нашего опыта). Даже физика результаты опыта вынуждает делать парадоксальные утверждения, когда он хочет дать конкретное описание трансцендентальных фактов, например, когда речь идет о корпускулярно-волновой природе света и материи. В определенной степени ртуть является материальной субстанцией и в то же время — живым духом, чью природу можно выразить всевозможными символическими синонимами, — правда, лишь тогда, когда ее при помощи искусственных средств сделают огнестойкой. Ртуть вещественна и в то же время невещественна, поскольку, будучи природным элементом, она не огнестойка и может противостоять огню только благодаря тайнам искусства; превращаясь же в магическую субстанцию, она столь чудесна, что мы не в состоянии даже представить, что она сулит, встретиться мы с ней в реальности. Это со всей очевидностью означает, что ртуть — символ трансцендентальной идеи, которая, как считается, должна проявиться в ней, как только она приобретет огнестойкость. Полагают также, что оккультные свойства присутствуют (по крайней мере, потенциально) в ртути (Меркурии) как в первоматерии всех металлов, наличествующей во всех минералах. Она не только начальный материал процесса, но и конечный продукт, философский камень. Итак, прежде всего она представляет собой важное исключение среди металлов и всех химических элементов. Она — праматерия, из которой Бог сотворил все материальные вещи. Те изменения, которые мастер намеревается произвести в ней, заключаются, в числе прочего, в придании ей «безмерного» веса и неразделяемой целостности. Это странное утверждение предполагает еще один аспект, который можно посчитать аналогичным современному взгляду, что материя состоит из необычайных, разумеется, «без-

мерно» тяжелых частиц, в определенном смысле «однородных» и, вероятно, неделимых. Они суть кирпичики, из которых строится природа, и поэтому содержат все, что содержится в природе, так что каждый из них представляет целую вселенную. С этой точки зрения может показаться что Альберт Великий предвосхитил одно из величайших открытий нашего времени. Это, разумеется, касается только физической истины, открывшейся ему интуитивно, но не символических импликаций, которые в средневековом сознании связывались с ней.

Если мы рискнем установить параллель между взглядами Альберта и бесконечностью протонов и энергией квантов, то обязаны будем провести другую параллель, касающуюся символических утверждений. Так, у Дорна мы находим ссылку на психологический аспект Меркурия. Чтобы избежать ненужного повторения, я отошлю читателя к моим ранним исследованиям Меркурия и символов самости в алхимии. Каждый, кто осознает необычайную важность концепции психической целостности в практической и теоретической психологии бессознательного, не удивится, узнав, что герметическая философия считала эту идею главной, превосходящей все прочие концепции и символы. Дорн с особенной силой подчеркивает это, почерпнув аргументацию из более старых источников. Неправильно было бы считать, что алхимия пришла к такой интерпретации тайного снадобья только в конце XVI столетия; напротив, идея самости дает ключ к главным символам искусства во все времена, в Европе, на Ближнем Востоке и в Китае. Здесь я вновь отсылаю читателя к моим прежним работам¹. К несчастью, в одном томе невозможно исчерпать все многообразие алхимических идей.

Вводя современную концепцию самости, мы можем объяснить парадоксы Альберта без особых трудностей. Меркурий — это и материя, и дух; самость, что доказывается ее символизмом, охватывает и телесную, и психическую сферы. Этот факт особенно ярко выражается в манда-лах². Меркурий также «вода», которая, как подчеркивает текст, занимает промежуточную позицию между летучим (воздухом, огнем) и твердым (землей), поскольку существует и в жидкой, и в газообразной формах, а также в твердой форме льда. Меркурий разделяет с водой свою «водную природу», потому что, с одной стороны, он — металл и соединяется в твердом виде с другими металлами, а с другой стороны, он — жидкость и способен к испарению. Основной причиной, почему Меркурий так часто сравнивают с водой, является тот факт, что он объединяет в себе все присущие воде нуминозные качества. Итак, *v8cop Oetov* или *aqua regmanens* (главное тайное снадобье) господствовала в алхимии с тех давних времен, когда она была еще священной и благословен-

¹ В особенности к «Айону».

² Ср. Исследование процесса индивидуации; О символизме мандалы.

ной водой Нила, и вплоть до начала XVIII века. С течением времени, благодаря, главным образом, гностическо-герметическому влиянию, она обрела значение Нуса, который наполнял божественный *кратер* (сосуд), чтобы смертные, пожелавшие выйти на уровень сознания, могли обновить себя в этой крестильной купели; позже она обозначала *aqua doctrinae* и чудесную волшебную воду. Ее очень древнее отождествление с *hydrargyrum*, ртутью, вводит традицию Гермеса Трисмегиста в древнейшую нуминозную сферу значения воды. Это может происходить еще легче, потому что ее материнский аспект — матка (*matrix*) и «колыбель всех вещей» — превращает ее в непревзойденную аналогию бессознательного. Таким путем идея «воды» может постепенно развиваться в потрясающий парадокс Меркурия, который как «старший сын матери» представляет собой герметический дух, а как химическое вещество — магически приготовленную ртуть.

«Змея, овладевающая собой» (*luxurians in se ipso*) — это физическая (природа) Демокрита, которая «охватывает себя»¹, в греческой алхимии она символизируется уроборосом, хорошо известной эмблемой Меркурия. Это есть символ объединения противоположностей *parexcellence* и алхимическая версия пословицы: «*Les extremes se touchent*» [противоположности сходятся (фр.)]. Уроборос символизирует цель процесса, но не его начало, *massa confusa* или хаос, так как для него характерен не союз элементов, а их конфликт. Выражение «рожает в один день» (*in uno die parturiens*)² относится к Меркурию, потому что его (в облике ляписа) именуют «сыном одного дня»². Это — ссылка на сотворение света в Книге Бытия (1:5): «И был вечер, и было утро: день один». Следовательно, как «сын одного дня» Меркурий — это свет. Его восхваляют как *lux moderna* и свет, что превышает любого света³. Он, таким образом, — сын воскресного дня [рожденный в день солнца (*Sunday*)], точно также как планета Меркурий, ближайшая к Солнцу, считается его детищем. Св. Бонавентура (1221 — 1274) тоже упоминает один день в своем «*Itinerarium*», где обсуждает три стадии освещения (*triplex illustratio*). Первая стадия состоит в том, чтобы отказаться от всего телесного и мирского и достичь «первого принципа», который олицетворяет духовное и вечное, то, что «над нами»:

Мы должны понять наш разум [*mentem*], который представляет собой Духовный образ Божий внутри нас, а это значит — понять истину Господа; Мы должны выйти за свои пределы к вечному и высокодуховному, к тому, что над нами... это и есть тройное освещение одного дня⁴.

¹ Berthelot, Л/ей. *greco*, II, i, 3.

² Khunrath, *Hyl. Chaos*, p. 195. Ср. выше, §§ 472 сл.

³ Например, у *Munusca, Phil. re.*, p. 244, и *Ros. phil., Art. aurif.*, II, p. 381: «И я освещаю все светила своим светом».

⁴ Ср. *The Franciscan Vision*, p. 14f. Про «один день», см. выше.

«Один день» — это день, когда во тьме появился свет. Я привел данный отрывок не только по этой причине, но и как параллель с тремя стадиями конъюнкции Дорна, которые берут свое начало в упражнениях по духовному созерцанию раннего Средневековья. Здесь хорошо различим параллелизм: сначала отвернуться от мира чувств, затем обратиться к миру разума и скрытой небесной субстанции, образу и истине Божьей, и наконец прийти к созерцанию трансцендентального *in us mundus*, потенциального мира вне времени, о котором мы подробнее расскажем далее. Но сначала мы более тщательно изучим взгляды Альберта на природу ртути.

Промежуточное положение, приписываемое Меркурию, побудило Альберта к примечательному рассуждению: ему казалось, что понятие ширины (*latitudo*) выражает «среднее положение», посредством которого можно достичь глубины¹. Это указывает на четверицу, символ *Mercurius quadratus*, который (в форме ляписа) состоит из четырех первоэлементов². Поэтому он образует центр космической четверицы и представляет квинтэссенцию, единство и сущность физического мира, то есть *anima mundi*. Как я всегда говорил, этот символ соответствует современному представлению самости.

7. Monocolus

Очевидно, чтобы подчеркнуть единство Меркурия, Альберт употребил выражение «*monocolus*» [одноногий] (как, видимо и следует читать), или «*uniped*». Мне кажется, что это должен быть алхимический *йяаѣ Хеуоневоу*³, потому что я больше нигде в литературе его не обнаружил. Когда алхимик употребляет редкое или странное слово, это служит для того, чтобы подчеркнуть необычную природу объекта, о котором идет речь. (Как нам известно, с помощью подобного трюка даже банальности выглядят оригинальными.) Хотя слово «*monocolus*» кажется уникальным, образ далеко не таков, потому что одноногого можно встретить в нескольких иллюстрированных алхимических рукописях, например, в вышеупомянутом Парижском кодексе (fr. 14765), где под его изображением стоит подпись «Авраам Иудей»⁴. Как видно из подписи, речь здесь, очевидно идет о неустанных поисках «Ринденбуха», принадлежащего тому самому автору, о котором поведал нам в своей автобиографии Ни-

¹ Ср. Ефес. 3:18 «Чтобы вы... могли постигнуть... что широта и долготы, и глубина и высота».

² Алхимический знак четырех стихий — крест.

³ Выражение встречается только однажды.

⁴ См. выше.

коля Фламель и утрату которого столь глубоко переживали алхимики. Хотя сей мифический труд никогда не был найден, он, тем не менее, был заново создан в Германии¹; но эта фальшивка не имела ничего общего с нашей рукописью. В этом манускрипте мы находим первое из ряда изображений одноногих (ср. илл. 4). Слева стоит увенчанный короной человек в желтом одеянии, а справа — священник в белом одеянии и митре. У каждого только по одной ноге. Подпись под рисунком открывается знаком Меркурия ♀ и гласит: «Они составляют одно целое». Это отсылает нас к предыдущему тексту: «Ибо есть лишь одна вещь, одно лекарство, и в нем — все наше мастерство; просто существуют два помощника, представляющие здесь совершенство»². Эта пара, как очевидно, и есть Меркурианский дуплекс. В разделе, посвященном сере, я указывал, что сера, особенно красная, тождественна золоту, а последнее есть символ царя (гех). Красный скипетр царской власти, вероятно, аллюзия на золото. Существует, как я показывал, красная и белая сера, так что она тоже является дуплексом и идентична Меркурию. Красная сера символизирует мужское, активное начало солнца, белая — мужское и активное начало луны. Поскольку сера вообще мужской природы и является двойником женской соли, две фигуры, возможно, обозначают духов арканной субстанции, которую часто называют geh, как, например, Бер-нар Тревизанский.

Это удивительное разделение или объединение фигур встречается в рукописи несколько раз. На другом рисунке, у царя слева голубое одеяние и черная нога, а у царя справа — черное одеяние и голубая нога. Оба скипетра красные. Подпись гласит: «Может так случиться, что скрытое явит себя»³. Это, как видно из предшествующего текста, — ссылка на следующую стадию — nigredo. Nigredo означает mortificatio, putrefactio, solutio, separatio, divisio и так далее, то есть состояние растворения и расчленения, предшествующее синтезу. Еще один рисунок изображает две отделенные друг от друга фигуры, причем у каждой — две ноги. Левая фигура увенчана короной церковной, а правая — светской, что соответствует оккультно-духовной и телесно-земной природе серы. На левой фигуре мантия справа голубая, а слева черная, на правой фигуре — с точностью наоборот. Обе фигуры дополняют друг друга. Объяснение дается в тексте:

¹ *Eleazar. Uraltes Chymisches Werck.*

² Латинский манускрипт «*Figurarum aegyptorum sacretarum*» (в собственности автора) гласит: «*Duo tantum sunt coadjutores qui hic perficiuntur*». Илл. 4 взята не из Парижского кодекса, а из вышеназванного манускрипта, fol. 20. Рисунки в обоих схожи.

³ На соответствующем рисунке в моем манускрипте (fol. 27) присутствует следующая подпись: «*Sic fit, ut quod latuit, pateat*».

«Цвета девятого года и половины сего месяца января 1772 представлены этими двумя фигурами. Точно так же посредством умерщвления нашего естественного Меркурия ^и обработки мертвеца вода переходит в другую форму». Подпись гласит: «По прошествии долгого срока, пройдя через гниение, обжиг, сгущение и коагуляцию, вещества становятся твердыми, но для этого, конечно, потребно немалое время».

Это, вероятно, относится к завершению *nigredo*, то есть к полному разделению Меркурия или двух сер, или их телесной и духовной сущностей, что у Дорна соответствует выделению души из тела и получению *unio mentalis*. На рисунке видно, что одна фигура по цветам является зеркальным отражением другой. Это указывает на взаимодополняющие отношения *физис* и духа, так что одно отражает другое¹. Также возможно, что здесь олицетворяется значение «манифестации скрытого»: то, что было скрыто в *физис*, через *unio mentalis* благодаря проекции становится осознанным. В *nigredo*, «темной ночи души», психические содержания освобождаются от уз тела, и распознается природа и значение этой связи.

На следующем рисунке две фигуры объединяются снова. Их цвета и другие атрибуты те же. Подпись гласит: «Ибо рек философ: Тот овладеет Искусством, кто сумеет открыть сокровище и сокрыть открытое». Ниже: «*Nie artem digne est consecutus*» («Здесь достойно блюдет искусство»), или: «Сей человек достойно следует искусству»), и: «Голубой цвет следует за желтым, который по прошествии долгого времени приведет к полной черноте, или разложению».

На другой иллюстрации (духовный) царь с предыдущего рисунка изображен вместе с царицей, увенчанной также. Его верхняя одежда черная, а нижняя — голубая. Корона имеет черную оправу, но та ее часть, что похожа на митру, — золотая, как на предыдущем рисунке. У него голубая нога, черная на конце, как будто он макнул ее в черную краску. Одета в зеленое царица держит руку на его левом рукаве, видимо указывая на то, что она выступает в роли правой — мирской, или материальной, — части царя и является, так сказать, его «лучшей половиной». Ноги у нее черные. Текст гласит: «Сначала происходит неполная фиксация, затем, немного позже, мягкое твердеет. Водянистое становится земным и сухим; таким образом, одно свойство сменяет другое; цвет головы ворона, и сера ртути, мужское и женское, обретают одинаковую природу». Надпись гласит: «Поэтому возьмите во имя Божьего могущества эту черную землю, очень осто-

¹ Альберт также предполагал, что золото есть серебро «внутри», и наоборот. Здесь я должен напомнить читателю сон о черном и белом магах, который обсуждался выше.

рожно восстановите ее, и она станет подобна голове Ворона». При объяснении термина *caput corvi* [голова ворона] в тексте отмечается, что пастухи оплетали «*Silene endormy*» [сонного] цветочными гирляндами всех цветов радуги и Силен, выпив свое вино, говорил: «Я смеюсь в моих оковах. Ибо сказано философами, что при появлении черноты надо радоваться»¹. В тексте добавляется, что от Трои остался «епел после десяти лет осады».

Этот рисунок представляет союз одноногого (моноколуса) с землей (телом). Как сера мужского Меркурия, моноколус владеет весьма действенной силой², ведь он — красная сера золота, или активный принцип солнца. Царь в шафранно-желтом одеянии был изначально золотым и солнечным, но теперь стал полностью черным — *sol niger*, — и даже его голубые одежды, символизирующие небо, теперь покрыты черными³. Только верх его короны являет солнечное золото. Мать-Земля носит такую же корону (но полностью золотую) и этим показывает, что ее природа эквивалентна его природе: оба они — сера. Серу можно назвать царем «духа», который, скрывая свой свет в темноте, соединяется с царицей.

У этой земли — водная натура, что соответствует словам Книги Бытия, 1:2 и 6: «Земля же была безвидна и пуста... И Дух Божий носился над водою... И сказал Бог: да будет твердь посреди воды...» Таким образом, небо может включать в себя море вместо земли. Напомню миф об Исиде и Осирисе: Исида совокупляется с духом мертвого Осириса, и от этого союза появляется бог таинств, Гарпократ. Осирис играет определенную роль в древних алхимических текстах: пару брат/сестра или мать/сын иногда называют Исидой и Осирисом⁴. У Олимпиодора⁵ Осирис — это свинец, как арканная субстанция, и источник влажности⁶; у Фирми-куса Матернуса он — основа жизни⁷. Алхимическая интерпретация его

¹ *Пернети* (*Les Fables egyptiennes et grecques*, I, p. 179) говорит о разложении: «Оно открывает нам состав смеси... Оно делает... тайное явным. Это — смерть несущественного, первый шаг к рождению».

² Нога царя — правая. Она всегда считается мужским началом, приносящим Удачу. Вот почему в некоторых странах маршировать начинают с правой ноги. Кроме этого, нога вообще имеет фаллическое значение. См. *Aigremont. Fuss- und Schuhsymbolik und -Erotik*.

³ Он сам становится черной землей, о которой ранее говорится: «Prenez cette terre noire» [Возьми эту черную землю].

**Maier. Symbola*, p.344ff.

⁴ *Berthelot. Alch. grecs*, II, iv, 42.

⁵ В соответствии с *υροποιοι*; архл Плутарха (Об Исиде и Осирисе, с. 33 / *^ogali_a*, V, p.80f.)

«... семена плодов суть Осирис» (*De errore prof, relig.*, 2, 6).

как Меркурия имеет свою параллель в наассенском сравнении Меркурия с Гермесом¹. Подобно последнему, он был представлен итифалли-чески, а это весьма значимо в случае моноколуса². Он — умирающий и воскресающий Богочеловек и поэтому аналогичен Христу. Он — черного цвета (μελάγχρους)³ и поэтому называется эфиопом⁴, который на христианском языке обозначает дьявола⁵, а на языке алхимии — пер-воматерию⁶. Эта антитеза характеризует Меркурианский дуплекс. Вино как кровь Осириса встречается в древних магических текстах⁷. В египетских текстах Осирис имеет солнечно-лунную природу и поэтому является гермафродитом, как и Меркурий⁸.

Corvus (ворона или ворон) или caput corvi — традиционное наименование nigredo (пох, меланхолии и т.д.). Это слово может также (как pars pro toto), означать «главную» вещь или «принцип», как, например, caput mortuum, первоначально означавшее голову черного Осириса⁹, но потом — Mercurius philosophorum, который, подобно Осирису, претерпел смерть, воскресение и преобразование, став нетленным. Так, анонимный автор «Novum lumen chemicum» восклицает: «О наше небо! О наша вода и наш Меркурий! О мертвая голова или осадок нашего моря... Все это суть эпитеты птицы Гермеса¹⁰, которая никогда не отдыхает". Птица Гермеса — это ворон, о котором говорится: «И знайте, что вершина искусства есть ворон, летающий без крыльев во тьме ночи и при свете дня»¹². Он — беспокойный, недремлющий дух, «наш эфирный и неуловимый камень»,

¹ Осирис также подобен Логосу, мертвому телу и земле. (*Hypolytus*. Elenchos, V, 8, 10; V, 8, 22; V, 9, 5 и 8).

² *Hypolytus*, V, 8, 10. Хотя одноногих героев в греческой мифологии нет, имена, подобные Эдипу и Мелампу, а также одноглазый Форкис с одним зубом наводят на аналогичные мысли.

³ *Плутарх*. Об Исиде и Осирисе, с. 22, pp. 54f.

⁴ *Doegler*. Die Sonne der Gerechtigkeit und der Schwarze, S. 64.

⁵ Ср. *von Franz*. Die Passio Perpetuae; Айон (изд. Швейца), p. 467ff.

⁶ *Theatr. chem.*, III, p. 854. В «Super arborem Aristotelis» (*Theatr. chem.*, II, p. 526) nigredo или caput corvi называется «caput nigrum aethiopsis» [голова черного эфиопа].

⁷ Ср. *Reitzenstein*. Die hellenistischen Mysterienreligionen, S. 80.

⁸ *Jacobsen*. Die dogmatische Stellung des Königs in der Theologie der alten Aegypter, S. 23: «Привет тебе [Осирис]... взойшедший на небеса, подобно Ра, общ¹ вившийся, каклуна».

⁹ Ср. *Lipmann*. Entstehung und Ausbreitung der Alchemie, I, S. 180, 303, 320

¹⁰ Птицей Гермеса обычно является гусь.

¹¹ *Mus. herm.*, p. 58If. (Waite, II, p. 108).^{1M1}

¹² *Ros. phil. / Art. aurif.*, II, p. 258.³⁶¹

существо противоречивой природы¹. Он — «небо» и в то же время — «пена морская». Поскольку его также называют «водой», возникает мысль о дождевой воде, поднимающейся из моря и падающей с неба. В действительности идея облаков, дождя и росы часто встречается в текстах и является очень древней². В одном папирусе написано: «Я мать богов, по имени небо; Я Осирис, по имени вода; я Исида, зовущаяся росой... Я Идол, подобный духам истины». Так говорит маг, желающий вызвать своего духа-хранителя: он и сам есть дух и поэтому сродни птице ночи. В христианской традиции ворон представляет аллегория дьявола³.

Здесь мы сталкиваемся с примитивной архетипической формой духа, которая, как я показал⁴, противоречива. Это противоречие или антаго-

¹ Ibid., p. 259.

² «Ее [воду] также называют круглым облаком, смертью, чернотой, темнотой, тенью».³⁷¹ Mus. herm., p. 327. Рупесцисса говорит о «темно-голубом облаке» (*La Vertu et la propriete de la quinte essence*, p. 29). О нем и о тени упоминается в «Turba» (ed. *Ruska*, p. 120f.). «Деяние свершается столь же внезапно, как облако является на небе» (*Hoghelande. Theatr. chem.*, I, p. 204).³⁸¹ УЛПшш1/са(РБП. ref., p. 108, 304) «вода из облака» — это Меркурий; аналогично и у *Абу-аль-Касима*. «Черные облака» суть nigredo (*Mylius*, p. 234; *Tractatus aureus / Ars chemica*, p. 15). Указания на «облако, встающее из моря», «новые воды», «целебное снадобье, поднимающее мертвых», встречаются в очень старом трактате *Комария* (*Berthelot. Alch. grecs*, IV, xx, 8), а у *Рабана Мавра* облако символизирует «поддержку Святого Духа и вознесение Христа» (*Migne, PL.*, vol. 112, col. 1007). Это должно соответствовать словам *Комария*, что «облака выносятся из моря благословенные воды» [*Berthelot*, IV, xx, 12]. *Августин* уподобляет апостолов облаку, которое символизирует сокрытие Создателя под плотью (Толкование Псалтири: Ps. 88 (89):7, IV, p. 245). Точно также прообразом Христа служит облачный столб, ведущий евреев через пустыню (*Augustine*, Ps. 98 (99): 10, p. 456 и *Eriphanius*. Ancoatus). «Из тебя плывут облака», говорит *Хильдегарда Бингенская* о Святом Духе (*Remy de Gourmont. Le Latin mystique*, p. 157). Алхимическая концепция облака, вероятно, развилась под влиянием литургического: «Кропите, небеса, свыше, и облака да проливают Единственного, да раскроется земля и да произрастет Спаситель» (*Roman Missal. Introit for 4th Sunday of Advent*. Ср. Ис. 45:8). Можно подумать также и о элевсинском \Se xve, «Да прольется дождь, сделав [землю] плодородной!» (Ср. *Kerenyi, Kore*, p. 205f.). У мандеев облако символизирует женское начало. В одном из текстов говорится: «Вон там, вон там я стою, я и облако, растущее во мне» (*Libzbarski. Ginza*, S. 399).

³ На конференции общества «Эранос» (1945 года) в лекции, не вошедшей в «*Eranos Jahrbuch*», Ранер обсуждал аллегория дьявола в патристической литературе.

⁴ Феноменология духа в волшебной сказке, гл. III и IV.

низм проявляется также в древнеегипетской паре Осириса и Сета и в эбионитской оппозиции Христа и Сатаны. Ночной ворон (*nycticorax*) — это аллегория Христа¹.

В наши дни *caput mortuum*, или колкотар, обозначает «коричнево-красную перекись железа, которая остается в реторте после возгонки серной кислоты из сульфата железа»², тогда как *caput Osiridis* была черной и поэтому называлась *caput corvi*. «*Aquarium sapientum*» сравнивает его с Христом, о котором сказано у пророка Исайи, 52:14: «...столько был обезображен паче всякого человека лик Его...»³. Почернение обычно занимает сорок дней, по аналогии с сорока днями между Пасхой и Вознесением, или сорока днями, которые Христос провел, постясь, в пустыне, или с сорокалетним странствием евреев⁴. В жаре *nigredo* «властвует *anima media natura*». Старые философы называли эту черноту головой ворона или черным солнцем⁵. *Anima media natura* соответствует мировой душе Платона и Мудрости Ветхого Завета⁶. В этом состоянии солнце окружено *anima media natura* и поэтому черное. Это — состояние инкубации или беременности. Черноте придавалась громадное значение как стартовой точке делания⁷. Вообще ее называ-

¹ Основана на сто втором псалме (стих 6): «Я уподобился пеликану в пустыне, я стал как филин на развалинах». Ср. *Eucherius. Liber formularum spiritalis intelligentiae* (Migne, P.L., vol. 50, col. 750), и *Рабан Маур* (Migne, P.L., vol. 112, col. 1006). О распятии ворона см. Феноменология духа в волшебной сказке, § 422. Обращаясь к истории Элиана, Кассин говорит: «Ворон, одолеваемый старостью, предложил себя в пищу своему сыну; но наш феникс, Христос Господь... предлагает себя нам как пищу духовную»¹³⁹¹ (*Polyhistor symbolicus*, p. 308f.). Таким образом, ворон — это аллегория Христа, или гостии.

² Oxford English Dictionary, s.v. *colcothar*.

³ *Mus. herm.*, p. 117 (Waite, I, p. 102).

⁴ *Ibid.*, p. 91 и 117 (Waite, I, pp. 82, 102).

⁵ В «*Liber de arte chymica*» (*Art. aurif.*, I, p. 610) упоминается в этой связи троичеподобный образ трех солнц: черного, белого и красного. В комментарии к «*Tractatus aureus*» (*Theatr. chem.*, IV, p. 703) сообщается, что на горе философов обитают три ворона: «Черный — голова искусства, белый — середина, и красный, приводящий все к завершению»¹⁴⁰¹. «*Consilium coniugii*» (*Ars chemica*, p. 167) даже упоминает о четверице воронов. В Книге аль-Хабива (*Berthelot. La Chimie au moyen age*, III, p. 100) Мария говорит, что красного мужчину (то есть *Sulphur*), следует признать «главой всего мира».

⁶ *Миллус* (*Phil. ref.*, p. 19) замечает, что если бы Люцифер имел в себе *anima media natura* или Бога, то он не был бы низвергнут в ад.

⁷ «Когда вы увидите, что ваше вещество чернеет, радуйтесь, ибо это — начало работы»¹⁴¹¹ (*Ros. phil. /Art. aurif.*, II, p. 258). «Голова ворона — начало работы»¹ (*Hoghelande. Theatr. chem.*, I, p. 166).

ли «Вороном»¹. В нашем контексте имеет значение интерпретация *nigredo* как земли (*terra*)². Подобно *anima media natura* или Мудрости, земля по природе женственна. Это земля, которая, согласно Книге Бытия, появилась из вод³, но она также является и «*terra damnata*» [проклятой землей]⁴.

Caput mortuum или *caput corvi* — это голова, черного Осириса или эфиопа, а также «мавра» в «Химической свадьбе»⁵. Голову варили в котле, а отвар вливали в золотой шар. Здесь мы обнаруживаем связь с «золотой головой» греческой алхимии, которую мы обсуждали раньше. Мавр «Химической свадьбы», возможно, идентичен черному палачу, отрубавшему головы царским персонам. В конечном счете слетает и его собственная голова⁶. В ходе дальнейших событий черную птицу обезглавливают. Отсечение головы символизирует отделение «разума» от «великого страдания и горя», которое природа причиняет душе. Это — освобождение «*cogitatio*», расположенного в голове, избавление души от «природных препон»⁷. Его цель, как и у Дорна, «преодоление тела» посредством *unio mentalis*.

Мавр или эфиоп символизирует черного, грешного человека, которого св. Иларий уподобляет ворону. («Ворон, явленный в облике грешника»⁸.) В «Химической свадьбе» присутствует черный царь, а в схеме XXIV Милнус выражает отношение царя и царицы, используя символ сражающихся воронов⁹. Как ворон символизирует черную душу человека, так *caput corvi* олицетворяет голову или череп (*testa capitis*), который в сабейской алхимии служит сосудом преображения¹⁰. Сабеев по-

¹ «Ее называют сурьмой, смолой, углем, вороном, головой ворона, свинцом, расплавленной медью, жженой слоновой костью». ¹⁴³

² «05./7Б1., р. 265.

³ «И у вас есть две стихии — сама вода и земля, [появившаяся] из воды»¹⁴¹ (там же).

⁴ *Steinerus*. *Dissertatio chymico-medica*, p. A 2v.

⁵ *Розенкрейц. Химическая свадьба*, с. 148.

⁶ Там же, с. 123.

⁷ Ср. *Liber Plat, quart. / Theatr. chem., V*, p. 186. О сабейском магическом ритуале обезглавливания см. Видения Зосимы, § 93 ел.

⁸ ¹⁴⁵ *Tract. super Psalmos, CXLVI*, 12 (Migne, P.L., vol. 9, col. 874).

⁹ *Phil, ref.*, p. 190. Вороны — это черные души царя и царицы. Ср. историю Аристия, который увидел, свою душу, вылетающей из его рта в виде ворона. (*Плиний*. *Естественная история*, VII, LI). Ворон — темный символ души, голубь — светлый. В «Химической Свадьбе» (с. 24) происходит битва между вороном и голубем.

¹⁰ «Сосуд, необходимый для деяния, должен быть круглой формы, дабы мастер Мог быть преобразователем этого купола и черепа»¹⁴⁶ (*Lib. Plat, quart.*, p. 150f.).

дозревали в магических действиях, включающих в себя убийство человека. «Черепная коробка или голова стихийного Человека» приобретает в таком случае какой-то зловещий смысл: они нуждались в человеческом черепе, потому что тот заключал в себе мозг, разум. «Разум живет в этом органе, поскольку он правит душой и способствует ее освобождению»¹. «Corpus rotundum выстраивает вокруг себя череп, как крепость, облекается этими доспехами и открывает в них окна», то есть пять чувств. Но corpus rotundum, «живое существо, форма форм и род родов — это человек»². «Rotundum»³ очевидно, означает не эмпирического, а «круглого», или целостного, человека, τέλειος ἄνθρωπος. «Затем он увлекает душу в верхний мир, чтобы дать ей свободу. Высший мир всегда влияет на человека, и это выражается в совершенном вдохновении, охватывающем человека в момент смерти; он не достигнет неба, пока то, что исходит из высшего мира, не вернется на свое место»⁴. Высший мир — это «мир миров», по-видимому, mundus potentialis Дорна, вдохновленного этим текстом, что доказывает использование им идей крепости (castrum sapientiae)⁵ и «окон» (spiraculum vitae aeternae).

Круглый сосуд или крепость — это череп. «Голова, — говорится в «Liber quartorum», — есть божественный орган, ибо в ней располагается божественная душа». Именно поэтому философ должен «уделять этому органу больше заботы, чем другим». Из-за своей круглой формы он «притягивает небосвод и таким же образом притягивается им, пока притяжение это не найдет свое завершение в разуме. Человек достой-

¹ «Наверху находится мозг, обиталище разума»¹⁴⁷¹ (ibid., p. 187).

² Ibid., p. 186.⁸¹

³ «Сосуд сделан круглым по образу верхнего и нижнего [миров?]. Ибо он наилучшим образом подходит для той [вещи], которую пытаются в нем получить, поскольку полагает границы для этой вещи и она принимает его форму»¹⁴⁹¹ (p. 150).

⁴ P. 186⁵⁰;

⁶ «Зришь ли ты эту сияющую и неприступную крепость?»¹⁵¹¹ (Spec. phil. / Theatr. chem., I, p. 278). «Истина — это... неприступная крепость. В сей цитадели хранятся все подлинные сокровища, взятые отсюда после смерти».¹⁶²(РБП. medit., p. 458). «Твердыня» является аллегорией Марии (Godefridus. Homiliae Dominicales / Migne, P.L., vol. 174, col. 32). Дорн различает четыре крепости, помещенные одна на другой. Нижняя — хрустальная и укрывает «философскую любовь», вторая — серебряная и хранит Софию; третья — бриллиантовая (adamantina), и немногие «приняты туда волей Божьей»; четвертая — золотая, но «не осязаемая для чувств», «место вечного блаженства, свободное от забот и наполненное всеми видами вечных радостей» (Spec. phil., p. 279). Ср. четыре стадии трансформации в «Liber quartorum», которые обсуждаются в «Психологии и алхимии» (§ 366 сл.).

нее животных и ближе к простоте благодаря своему разуму». Простота (simplex или res simplex) — это Единица¹, natura caelestis Дорна, круглая и совершенная, небосвод или небо в человеке². «По мнению Платона, человек величайшей добродетели достигает обильной [largam] высшей материи именно тогда, когда посредством трудов своих уподобляется ей»³— Это показывает нам, как получение caelum притягивает звездный небосвод и влияния (или духи) планет в микрокосм, и как после подобной процедуры человек уподобляется «высшей материи», anima mundi, или res simplex, или «Единице».

На стадии nigredo мозг становится черным. Так, в «Rosarium» приводится такой рецепт Гермеса: «Возьми мозг... разотри его с самым сильным уксусом или с мочой мальчика»⁴, пока он не почернеет»⁰. Почернение или погружение во мрак в то же самое время является психическим состоянием, которое, как мы видели, называется меланхолией. В «Aurelia occulta» имеется текст, где преобразующая субстанция в состоянии nigredo рассказывает о себе (ср. илл. 10):

Я немощный и дряхлый старик, именуемый драконом; посему я заточен в пещере, я, за которого могли бы отдать целое царство... Огненный меч нанес мне жестокие раны; смерть сделала слабыми мою плоть и кости... Моя душа и мой дух покинули меня; ужасающе ядовитый, я уподобился черному ворону, ибо такова плата за грех; в земле и прахе погребен я, который из трех мог стать Одним. О душа и дух, не оставляйте меня, чтобы я снова мог увидеть свет дня, и герой, на которого будет смотреть весь мир, смог воскреснуть во мне⁶.

То, что говорится в упомянутом нами тексте Авраама Иудея о царских персонажах, напоминает мифологему: солнце, царь голубого неба, нисходит на землю, и она превращается в ночь; затем он соединяется со своей женой, землей или морем. Возможно, в основе этой картины ле-

¹ Гонорий Отенский говорит в «Liber duodecim quaest». (Migne, P.L., vol. 172, col. 1179): «Создание как постижимое божественным разумом есть простое, неизменяемое и вечное, но само по себе оно множественное, переменчивое, преходящее».⁵³

² Ср. Reitzenstein. Poimandres, p. 16, и описание микрокосма в «Sacramentarium» Гонория (Migne, P.L., vol. 172, col. 733): его голова куполообразная, как небеса, а глаза суть солнце и луна.

³Theatr.chem., V, p. 189. ⁴

Синонимы aqua permanens. ⁵Art. aurif., II, p.264. ⁶Theatr. chem., IV, p. 569f.

жат архаичные образы Урана и Геи. Подобным образом, если вспомнить о вороне¹, символе данной ситуации, мы должны рассмотреть созидающую ночь, упомянутую в орфическом гимне, где ее называют птицей с черными крыльями, что оплодотворена ветром (*пневмой*). Плодом этого союза было серебряное яйцо, в котором, по взглядам орфиков, вверху помещалось небо, а внизу — земля, и поэтому оно представляло космос в себе, то есть микрокосм. У алхимиков в этом качестве выступает философское яйцо. Французским алхимикам XVIII века были хорошо знакомы царь, жар, красная сера золота; они называли ее Осирисом; влагу (*aquosum*) они называли Исидой. Осирис отождествлялся с «огнем, скрытым в природе, огненным принципом... оживляющим все сущее»²; Исида же представляла «пассивное и материальное начало всех вещей». Расчленение Осириса соответствует *solutio, putrefactio*, и так далее. Дом Пернети³, чьи труды являются источником этих утверждений, говорит: «Растворение тела есть сгущение духа». Исиде присуща чернота. (Апулей повествует, что одеянием ей служит «сверкающий плащ глубочайшего черного цвета».) Если небо или солнце приближаются ней, то скрываются в ее черноте.

Родство алхимических фантазий с архаичными образами греческой мифологии кажется мне слишком очевидным, чтобы нуждаться в доказательствах. Космогоническое кровосмешение брата и сестры⁴, подобное самому Творению, издревле являлось прототипом алхимического великого делания. Однако мы напрасно будем искать в греко-римской традиции следы чудотворного моноколуса. Наверное, его можно встретить в ведической мифологии, как атрибут солнечного бога Рохиты⁵ (красного солнца), которого называли «одноногим козлом»⁶ (*aga ekarada*). В Атхарва-веде (XIII, 1) восхваляют его и его жену Рохини. О ней говорится: «Восстань, о кобылица, которая в водах» и «Кобылица, которая в водах, восстала»⁷. Этот гимн начинается с молитвы Рохини,

¹ В «Introitus apertus» говорится: «Со смертью льва рождается ворон»⁶⁴¹, то есть, когда умирает желание, приходит чернота смерти. «О печальное зрелище и образ вечной смерти, но радостная весть для Мастера!... Ибо вам ведомо, что дух, заключенный внутри — это дух оживающий, который в то же время по велению Всемогущего Бога вернет жизнь в эти мертвые тела».⁶⁵¹ (Mus. herm., p. 691).

² Обычно, что лучше согласуется с древней традицией, это — влажное начало.

³ *Les Fables egyptiennes et grecques*, I, p. 179.

⁴ Ср. Керены. Боги Греции, с. 19.

⁵ Синоним *Сирьи*, солнца. Ср. Гимны Атхарва-веды, XIII, 1, 32.

⁶ Подобно «винторогому козлу», козел вообще имеет сексуальное значение, так же, как и нога. Для ситуации воссоединения этот аспект достаточно важен.

⁷ Гимны Атхарва-веды, с. 207. *Ekarada* — также одностопный стихотворный размер (Гр. ЦОУОЖШСси (*iovoito5iato?*). *Agacarad* обладает дополнительными

соединяющейся с Рохитой, после того как он занимает свое высокое место на небесах. Параллелизм с нашим французским текстом столь выразителен, что можно было бы подумать о непосредственном влиянии, если бы удалось доказать, что автор был знаком с Атхарва-ведой. Но это почти невозможно, поскольку Запад познакомился с индийской литературой только в начале девятнадцатого века, и это был лишь «Oupnek'hat» Анкетилядю Перрона¹, сборникупанишад, которые он перевел с фарси на латынь². Атхарва-веда была переведена только во второй половине девятнадцатого столетия³. Следовательно, если мы вообще желаем объяснить параллель, то вынуждены обратиться к архетипам.

Из всего этого ясно, что наша картина изображает союз духа с материальной действительностью. В нем участвует не обычное золото, а дух золота, так сказать, только правая половина царя. Царица — это сера и, подобно ей, олицетворяет экстракт (или дух) земли или воды и, следовательно, хтонический дух. «Мужской» дух соответствует *substantia coelestis* Дорна, то есть познанию внутреннего света — самости или образа Божьего (*imago Dei*), который здесь объединяется со своим хтоническим двойником, женским духом бессознательного. Эмпирически этот дух воплощается в психологической фигуре анимы, ее, однако, не следует смешивать с «анимой» наших средневековых философов, которая была просто *anima vegetativa*, «связкой» тела и духа. Здесь мы, скорее, можем говорить об алхимической царице, соответствующей психологической аниме⁴. Таким образом, конъюнкция в данном случае появляется как союз сознания (духа), видоизмененного самопознанием, и духа, абстрагированного от прежних содержаний сознания. Последний можно считать квинтэссенцией образов фантазии, которые, проникают в сознание либо спонтанно, либо посредством активного воображения и в своей полноте представляют моральную или интеллектуальную точку зрения, противостоящую сознанию или компенсирующую его. Однако эти образы прежде всего следует расценивать как «нравственные» или «интеллектуальные»; они являются более или менее конкретными визуализациями, которые следует

значениями «пастух», «пастырь», и «нерожденный», «вечный». Ср. *MacDonell. Sanscrit-English Dictionary, s.v.; Sacred Books of the East, XLII, p. 664.*

¹ Годы жизни и деятельности 1731 — 1805. «Oupnek'hat» опубликовано между 1802 и 1804 гг. Первый немецкий перевод 1808 г.

² Эти труды оказали огромное влияние на Шопенгауэра. В «Oupnek'hat» есть раздел, озаглавленный «Oupnek'hat Naraiin», который представляет собой выдержку из Атхарва-веды. Но там нет ничего про *esamad*.

³ *Grill. Hundert Lieder des Atharva-Veda.*

⁴ См. Айон, гл. 3.

интерпретировать в первую очередь. Алхимик пользовался ими скорее как техническими терминами, чтобы выразить таинственные свойства, которые он приписывал химическим веществам. Психолог, напротив, считает их не аллегориями, а подлинными символами, указывающими на психические содержания (неизвестные, но предполагаемые), на импульсы и «*idees forces*» [стержневые идеи (фр. ^ сознания. Он отталкивается от того факта, что связи, не основанные на чувственном опыте, коренятся в продуктах фантазии, которые в свою очередь имеют психические причины. Эти причины нельзя осознать непосредственно, а только методом дедукции. В этой работе психолог опирается на материал современных фантазий. Его в избытке можно почерпнуть в психозах, сновидениях и в активном воображении в процессе лечения, что дает возможность корректного исследования, поскольку всегда можно расспросить автора фантазий. Образы часто показывают столь потрясающее сходство с мифологическими мотивами, что психолог не может не счесть причины индивидуальных фантазий идентичными тем, которые детерминируют коллективные и мифологические образы. Другими словами, нет оснований предполагать, что человеческие существа минувших эпох творили фантазии по совершенно другим причинам или что образы их фантазий произошли от чуждых нашим «*idees force*». Обратившись к литературе прошлого, можно прийти к вполне определенному убеждению, что по крайней мере универсальные человеческие понятия во все времена ощущались и мыслились одинаково. Если бы это было не так, то какая бы то ни осмысленная историография и понимание исторических текстов вообще было бы невозможно. Разумеется, отличия существуют, и осторожность необходима во всех случаях, но эти отличия по большей части поверхностны и значат тем меньше, чем глубже исследователь постигает значение основных мотивов.

Так, язык алхимиков на первый взгляд сильно отличается от нашей психологической терминологии и способа мышления. Но если мы будем рассматривать эти символы так же, как образы современных фантазий, то согласимся с тем его значением, которое уже установлено в современном проблемном материале. Возражение, что мы некритически переносим на исторический материал смысл современных фантазий, можно опровергнуть тем фактом, что даже в Средние века признанные алхимики интерпретировали свои символы в нравственном и философском смысле. Их «философия», разумеется, была ни чем иным, как проективной психологией. Ведь, как мы уже говорили, их невежество относительно подлинной природы химических веществ и реакций благоприятствовало развитию проекций. Ни о чем люди не рассуждают так много и не имеют столько суждений, как о тех вещах, которых они не понимают.

8. Содержание и значение первых двух стадий

Я хотел бы убедить читателя, что последующее обсуждение ни в коей мере не является отступлением от темы, тем не менее необходимо внести немного ясности в кажущуюся весьма запутанной ситуацией. Такая ситуация возникла потому, что, желая увеличить материал, мы прокомментировали три символических текста, написанных в разное время за пятисотлетний период, а именно работы Альберта Великого, Герхарда Дорна и анонимного автора XVIII века. Эти три автора затронули, каждый по-своему, центральные события и фигуры алхимического искусства. Можно, конечно, привести и другие записи, касающиеся таинственного процесса конъюнкции, но это только увеличило бы путаницу. Чтобы выбраться из тончайшей паутины алхимической фантазии, этих трех текстов будет достаточно.

Говоря об освобождении души от уз тела, Дорн на языке, отличном от языка Альберта Великого, описывает получение или трансформацию ртути, что нашим неизвестным автором изображается как разделение царя в желтом одеянии. Арканная субстанция подразумевается во всех трех случаях. Поэтому мы немедленно оказываемся во тьме, *enigredo*, потому что *arsanum*, таинство — это тьма. Если, следуя освещающим путь намекам Дорна, мы будем трактовать освобождение души от уз тела как отказ от наивных проекций, посредством которых мы формируем и окружающую нас действительность, и собственный характер, то придем, с одной стороны, к *cognitio sui ipsius*, самопознанию, а с другой — к реалистическому и более или менее свободному от иллюзий мировоззрению. Избавление от пелены иллюзий болезненно и причиняет страдания. В практическом лечении эта фаза требует большого терпения и такта, потому что срывать маску с действительности, как правило, не только трудно, но зачастую и очень опасно. Иллюзии не были бы столь распространенными, если бы они не служили определенной цели и порой не укрывали бы тьмой безопасности те неприятные вещи, которые, надо надеяться, никогда не выйдут на свет. Самопознание не является изолированным процессом; оно возможно, только тогда, когда одновременно с ним распознается реальность окружающего нас мира. Никто не может познать себя и дифференцировать себя от своего соседа, если он имеет о нем искаженное представление, также как никто не сможет понять своего соседа, если не поймет себя. Один воспринимает другого и два процесса идут рука об руку.

Я не могу описать здесь процесс самопознания во всех деталях. Но если читатель желает получить о нем представление, я должен обратить его внимание на широкий спектр инфантильных представ-

лений и привязанностей, играющих огромную роль не только в психопатологии, но и в так называемой нормальной жизни и приводящих к бесчисленным сложностям во всех сферах человеческой деятельности. Длительное подвижничество Фрейда в данной области страдает только от того недостатка, что теория, основанная на интуиции, была преждевременно обобщена и затем использована как критерий самопознания: проекции распознавались и корректировались постольку, поскольку их считали соответствующими известным инфантильным фантазиям. Однако существует множество и других видов иллюзий, встречающихся в литературе едва ли не повсеместно. Как мы видим у Дорна, очень многие вещи, которые считали самоочевидными, не являются таковыми, например ложным оказалось предположение алхимиков, что определенные вещества обладают магическими свойствами; в действительности они — всего лишь проекции фантазий. Прогрессивная коррекция такого состояния, однако, останавливается перед непреодолимым барьером. Как правило, это дух времени с его специфической концепцией истины или преобладающее в данное время научное знание.

Самопознание — это переживание, которое неожиданно уведит нас очень далеко и глубоко. Даже медленное и обстоятельное познание тени может привести к большому смятению и умственному затмению, ведь оно ставит личность перед проблемами, которые она раньше не могла вообразить даже отдаленно. Только поэтому мы можем понять, почему алхимики назвали свое *nigredo* меланхолией, «чернотой чернее черного», ночью, бедствием души, смятением, и так далее, или более выразительно — «черным вороном». Нам ворон представляется всего лишь странной аллегорией, но для средневекового адепта он был, как мы говорили, хорошо известным символом дьявола¹. Верно оценивая психическую опасность, в которой он находился, адепт чувствовал острую необходимость в подходящем помощнике для своей работы и в то же время желал посвятить себя усердной молитве, чтобы во всеоружии встретить последствия коллизий между сознанием и чернотой тени. Даже для современной психологии противостояние с тенью — занятие вовсе небезопасное, наверное поэтому ему часто противостоит человеческая хитрость и осмотрительность. Вместо того чтобы встретиться лицом к лицу с собственной тьмой, человек довольствуется иллюзией своей адекватности как гражданина. Конечно, большинство алхимиков работали с *nigredo* в реторте, не осознавая, с чем сталкиваются. Но так же верно, что адепты, подобные Мориенусу.

¹ Ворон — символ дьявола у *Павлина Аквилейского*, [Liber Exhortationis, cap. 50 (Migne, P.L., vol. 99, col. 253)] и *Wolbero*, [Commentaria super Cant, (ibid., vol. 195, col. 1159)].

Дорну, Михаэлю Майеру и другим, понимали, что делали. Именно это знание, а не жадность к золоту, заставляло их трудиться над явно безнадежным опусом, ради которого они жертвовали своими деньгами, богатством и жизнью.

Их «духом» была их собственная вера в свет — духом, который принимал душу к себе, освобождая ее из оков тела; но душа несла с собой тьму хтонического духа, бессознательное. Разделение было столь важно потому, что темные дела души необходимо было остановить. *Unio mentalis*, следовательно, означает расширение бессознательного, управление движениями души духом истины. Но поскольку душа оживляла тело и была основой всякой реализации, философы не могли не видеть, что после разделения тело и его мир умирали¹. Поэтому они называли это состояние могилей, порчей, умерщвлением и так далее, и возникала проблема одушевления, то есть воссоединения души с «неживым» телом. Осуществляя это возвращение к жизни прямым путем, душа просто оказалась бы в прежнем рабстве и все стало бы как прежде. Летучая эссенция, так тщательно заточенная и сохраняемая в герметическом сосуде *unio mentalis*, не могла бы быть предоставлена себе ни на мгновение, потому что этот неуловимый Меркурий улетучился бы и вернулся в прежнее состояние, как, по заявлениям алхимиков, нередко и происходило. Прямой и естественный путь мог бы дать душе ее основу, поскольку, как нам уже говорили, она всегда склонялась к телу. Будучи более привязанной к телу, чем к духу, она бы отделилась от последнего и снова вернулась бы в бессознательное, не взяв с собой во тьму тела ничего от света. Поэтому воссоединение с телом составляло проблему. Психологически это означало, что разум, приобретенный отказом от проекций, не смог бы столкнуться с действительностью, и, следовательно, его истина не могла бы реализоваться на практике, во всяком случае, на желательном уровне и адекватным способом. Вы знаете, что способны усилием воли реализовывать правильные (с вашей точки зрения) идеалы, и вы можете следовать задуманному до определенной точки, то есть до тех пор, пока не появятся признаки усталости и естественный энтузиазм не начнет угасать. Тогда свобода воли превратится в ее оковы, и жизнь, ранее подавляемая, пинками вернет вас на свой путь. Таков, к несчастью, жребий любого исключительно рационального решения.

С древнейших времен человек в подобных ситуациях прибегал к искусственной подпитке, ритуальным действиям, таким как танцы, жертвоприношения, отождествление слухами предков и так далее, пытался вызвать заклинаниями или снова пробудить те глубокие слои психе, куда

¹ «Хорошо известно, что душа перед слиянием с телом была мертвой, как и Teflo».^[56] (Tractatus Micreris/Theatr. chem., V, p. 106.)

свет разума и сила воли не могут проникнуть, и воскресить их в памяти. Для этого использовались мифологические или архетипические идеи, выражающие бессознательное. Так это остается и поныне, когда день верующего начинается и заканчивается молитвой, то есть *rite d'entree et de sortie* [букв. — обрядом входа и выхода (фр.)]. Этот ритуал справляется со своей задачей вполне удовлетворительно, иначе он давно бы вышел из употребления. И если его действенность значительно снижается, то это происходит с теми людьми и социальными группами, для кого архетипические идеи становятся неэффективными. Несмотря на то, что эти идеи или «*representations collective*» [коллективные представления] всегда истинны постольку, поскольку они выражают бессознательный архетип, их вербальная и видимая форма находится под огромным влиянием духа времени. Если он меняется, либо из-за контакта с чужой и, возможно, более развитой цивилизацией, либо из-за расширения сознания, вызванного новыми открытиями и новым знанием, тогда ритуалы теряют свое значение и вырождаются в простые суеверия. Примеры этого многочисленны: и угасание древнеегипетской цивилизации, и умирающие боги Греции и Рима. Сходный феномен можно наблюдать в современном Китае. Опасность, возникающая в таких условиях, исходит от соответствующей духу времени новой интерпретации архетипов, которые компенсируют изменившуюся ситуацию сознания. Христианство, например, было новой и более подходящей формулировкой архетипического мифа, оно вернуло обряду витальность. Архетип — это живая идея, постоянно продуцирующая новые интерпретации, посредством которых идея раскрывается. Это правильно понял кардинал Ньюмен, когда говорил о христианстве¹. Христианская доктрина представляет собой новую трактовку и развитие ранних стадий архетипа, что можно ясно увидеть на примере древней традиции Богочеловека. Эта традиция продолжилась в церковной догме. Естественно, развиваются не только архетипы, упомянутые в канонических версиях Нового Завета, но и близкие им идеи, из которых нам известны лишь их языческие предшественники. Пример тому — новейший догмат о Святой Деве; это безусловный отзвук идеи богини-матери, которая постоянно ассоциировалась с ее умирающим сыном. Она даже не является исключительно языческой, позднее ее прообраз отчетливо угадывается в ветхозаветной Софии. Следовательно, определение новой догмы в действительности не выходит за рамки *depositum fidei* [«резерв» веры], поскольку архетип богини-матери естественно включился в архетип божественного сына и постоянно развивался в течение веков².

¹ Essay of the Development of Christian Doctrine.

² О том, что Дева Мария имеет право на титул Теотокос («Богоносица»), было объявлено на Эфесском соборе в 431 году, а догму о непорочном зачатии Богоматери принял папа Пий IX в 1854 году.

Depositum fidei соответствует в эмпирической действительности сокровищнице архетипов, «gazophylacium» алхимиков, и коллективному бессознательному современной психологии.

Хотя теологи считают, что любое такое развитие догмы делает ее полнее и совершеннее, чем в эпоху апостолов, однако данный аргумент не работает. Очевидно, что последняя интерпретация и формулировка архетипа будет более дифференцированной, чем в начале. Чтобы убедиться, достаточно бросить взгляд на историю догмы: например, вспомнить о Троице, относительно которой не существует прямых свидетельств в канонических писаниях. Но из этого вовсе не следует, что примитивные христиане обладали менее полным знанием фундаментальных истин. Подобное предположение граничит пагубным интеллигентизмом, для которого в религиозном опыте важно не то, как точно может быть выражен архетип, а то, до какой степени он овладевает мной. И меньше всего имеет значение, что думаю об этом я¹.

«Живая идея» всегда совершенна и всегда нуминозна. Человеческая формулировка ничего не добавляет и ничего не убавляет, потому что архетип автономен и вопрос только в том, насколько человек будет им захвачен. Если он в какой-то мере сформулирует его, то сможет легче интегрировать его в сознание, рассуждать о нем более обоснованно и объяснять его значение чуточку более разумно. Но никто не может обладать им в большей степени или более совершенным образом, чем человек, который не может сформулировать это «обладание». Интеллектуальная формулировка становится важной только тогда, когда память об изначальном опыте грозит исчезнуть или когда его иррациональность кажется сознанию непостижимой. Но такое объяснение не самое существенное, а дополняющее.

Христианство, если обратиться к нашему предыдущему аргументу, было «преодолением тела посредством unio mentalis». Именно в этом отношении ритуал выполняет свою задачу, насколько это возможно для ошибающихся человеческих существ. Чувственные удовольствия древних людей никуда не исчезли в ходе развития, но нашли себе место в длинном списке грехов, который никогда не сокращался. Однако познание человеком природы составляет определенную проблему. В древности оно развивалось в атмосфере тайны и было доступно немногим, но, возможно, благодаря этому некоторые основные концепции пережили века и в позднее Средневековье оплодотворили пробудившийся интерес людей к природным явлениям. Мы не знаем, возникало или нет у алхимиков тайное предчувствие того, что их христианская unio

¹ См. I Кор. 13.12: «...теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как сам познан».

mentalis еще не обеспечивает союз с телесным миром, этим едва ли можно объяснить их почти мистическую жажду знания, не говоря уже о символизме, который начал развиваться уже в конце тринадцатого века, составив конкуренцию символизму христианскому. Из параллели Христос—ляпис наиболее ясно видно, что мир естественных тел предъявляет права на равенство, а значит, и на реализацию во второй стадии конъюнкции.

Это вызывает вопрос, каким же образом может быть осуществлена конъюнкция. Дорн отвечает на это, предлагая вместо преодоления тела типичный алхимический процесс *separatio, solutio, incineratio* [испепеление], *sublimatio* [воспарение] и т.д. красного или белого вина, причем цель этой процедуры — получение физического эквивалента *substantia coelestis*, которую дух признает истиной и образом Божьим, прирожденным человеку. Как бы ни называли алхимики арканную субстанцию, то, что они хотели получить, всегда было небесной субстанцией, то есть чем-то трансцендентальным, что в отличие от тленности всей земной материи не было запятнано грехом, оставалось инертным, как металл или камень, и тем не менее живым, подобным органическому существу; в то же время оно было универсальным лекарством. С таким «телом», разумеется, никто никогда не встречался на практике. Упорство, с каким адепты преследовали эту цель на протяжении по меньшей мере семнадцати веков, можно объяснить только нуминозностью данной идеи. И мы в действительности находим даже в древней алхимии Зосимы очевидные признаки архетипа антропоса¹ (как я показал в «Психологии и алхимии») — образа, которым проникнута вся алхимия, вплоть до фигуры фаустовского гомункула. Идея антропоса берет начало в представлении о первоначальном состоянии оживления всего сущего — именно поэтому старые мастера интерпретировали своего Меркурия как *anima mundi*, поэтому первоначальное наделение жизнью, как и *anima mundi*, можно обнаружить во всей материи. *Anima mundi* запечатлена во всех телах как их *raison d'être* [право на существование], как образ демиурга, воплощенного в собственном творении и задержавшегося в нем. Нет ничего легче, чем отождествить эту *anima mundi* с библейским *imago Dei*, который олицетворяет истину, открытую духу. Для ранних мыслителей душа никоим образом не была просто интеллектуальной идеей; она была чувственно визуализирована как живое тело или летучая, но физическая субстанция, которая, как легко предположить, могла быть выделена химическим способом и «зафиксирована» при помощи подходящей процедуры. Этой цели служило приготовление *phlegma vini*. Как я указывал выше, это был не дух и не водная фаза, а твердый осадок вина,

¹ Ср. *чжэнь-жэнь* Вэй Пу-яня.

хтоническая и телесная часть, которую обычно не считают существенной и ценной составляющей вина.

Алхимик считал, что помочь разрешить эту дилемму можно при помощи химической реакции, которую мы сегодня описали бы как символ. Проводимая им процедура, очевидно, была аллегорией желаемой *substantia coelestis* и ее химическим эквивалентом. В этих рамках реакция представлялась ему не символической, но намеренной и рациональной. Для нас, знающих, что, сколько ни сжигай, возгоняй и центрифугируй винный осадок, никакой квинтэссенции «цвета воздуха» из него не получишь, вся процедура, если ее понимать буквально, полностью фантастична. Мы вряд ли можем допустить, что Дорн имел в виду реальное вино, скорее, под этим подразумевалась, как это свойственно алхимикам, *vinum ardens* [жгучее вино], *acetum* [уксус], *spiritualis sanguis* [духовная кровь] и так далее, иными словами, *Mercurius non vulgi*, олицетворяющий *anima mundi*. Так же как воздух окружает землю, так в понимании древних душа окутывает мир. Как я показывал, мы легко можем поставить знак равенства между концепцией Меркурия и бессознательного. Если бы мы вставили этот термин в рецепт, он выглядел бы так: Возьми бессознательное в самой его подходящей форме, расскажи спонтанную фантазию, сон, иррациональное настроение или что-нибудь в этом роде и работай с этим. Удели ему особое внимание, сконцентрируйся на нем и наблюдай его изменения объективно. Не жалея усилий, посвящая себя этой задаче, следуй за последовательными трансформациями спонтанной фантазии внимательно и тщательно. Кроме того, не допускай ничего внешнего, включись в фантазию, потому что образ фантазии имеет «все, что ему нужно»¹. Если поступать так, то никакие капризы сознания не помешают, бессознательному будет предоставлена полная свобода. Короче говоря, алхимическая процедура кажется нам эквивалентной психологическому процессу активного воображения.

Обычно единственное, что люди знают о психотерапии, это что она заключается в определенной технике, которую врач применяет к своему пациенту. Специалисты знают, сколь многого они могут этим добиться. Один использует ее, чтобы лечить неврозы, и даже слабые психозы, так что от болезни больше не остается ничего, кроме общих человеческих проблем, заключающихся в том, как много о себе вы хотите забыть, сколько душевного дискомфорта вы должны оставить на своих плечах, как много вы можете запретить или позволить себе, как много или как мало вы ожидаете от других, от чего в вашей жизни вы должны отказаться и какое значение вам следует ей придать. Психоаналитик имеет право закрыть дверь, если невроз больше не вызы-

¹ О ляписе часто говорят «*Omne quo indiget*».

вает ни одного из клинических симптомов и переходит в сферу общих человеческих проблем. Чем меньше он знает о них, тем больше у него шансов встретить сравнительно разумного пациента, которого можно отучить от регулярно наступающего переноса. Но если у пациента возникнет хотя бы слабое подозрение, что врач думает об этих проблемах больше, чем говорит, то он не захочет отказаться от переноса, а будет цепляться за него вопреки всем резонам — не столько неразумным, сколько непонятным. Даже взрослые люди часто не имеют представления, как справиться с жизненными проблемами, и вдобавок они настолько бессознательны в этом отношении, что поддаются искушению последовать самым некритическим путем, лишь бы побыстрее прийти к какому-нибудь ответу или определенности. Если бы это было не так, многочисленные секты и «измы» давно бы исчезли. Но благодаря бессознательным, инфантильным привязанностям, бесконечным сомнениям и неуверенности людей в своих силах все они расцветают пышным цветом.

Врач, сам сталкивающийся с теми же затруднениями, от которых он стремится избавить своих пациентов, не обойдет проблему переноса так легко. Чем больше он понимает, насколько для него сложно разрешить проблемы собственной жизни, тем меньше вероятность, что он проглядит страх и неопределенность или легкомыслие и опасно некритическую позицию своих пациентов. Даже Фрейд считал перенос вторичным неврозом и лечил его соответственно. Он не мог просто закрыть дверь, но искренне пытался анализировать перенос сразу же. Это не так просто, как звучит в специальной формулировке. Практика часто оказывается совсем не такой, как теория. Вам, разумеется, хочется поставить на ноги всего человека, а не какую-то его часть. Но вы скоро обнаруживаете, что ему не на что опереться и не за что уцепиться. Вернуться к родителям невозможно, и тогда он хватается за врача. Он не может двинуться ни вперед, ни назад, потому что не видит перед собой ничего, за что можно было бы уцепиться. Все так называемые разумные возможности испытываются и признаются бесполезными. Немало пациентов вспоминают тогда веру, в которой они были воспитаны, и некоторые возвращаются к ней, но не все. Они, вероятно, понимают, чем может стать для них вера, но опыт подсказывает им, как мало можно достичь только волей и добрыми намерениями, без помощи бессознательного. Чтобы сохранить свое влияние, религии давно уже обращаются за помощью к мифам, или, скорее, мифы всегда наводили мосты между беспомощным сознанием и действенными *idees forces* бессознательного. Однако вы не можете искусственно или усилием воли поверить мифам, если ранее не были захвачены ими. Если вы искренни, то будете сомневаться в истине мифа, потому что ваше нынешнее сознание не в состоянии его понять. Исторические и

научные критерии не годятся для распознавания мифологической истины; ее можно постичь только интуитивно, или верой, или с помощью психологии, а в последнем случае, хотя и можно прийти к пониманию, но это не даст никакого эффекта, если не основывается на опыте.

Таким образом, современный человек не может даже осуществить *unio mentalis*, что дало бы ему возможность завершить второй этап конъюнкции. Руководство врача, призванное помочь пациенту понять, о чем говорит бессознательное в его снах и так далее, может обеспечить необходимое понимание, но когда перед ним встает вопрос действительного опыта, врач больше не может ему помочь: пациент сам должен фотянуть ему руку для работы. В таком случае он оказывается в положении ученика алхимика, которого мастер посвящает в знание и знаки со всеми тонкостями лабораторного труда. Но когда-нибудь ученик щжен сам приступить к опусу, и тут уж, как подчеркивают алхимики, никто не может сделать это за него. Подобно этому ученику, современный человек начинает с недостойной первоматерии, проявляющейся в геожданной форме — презренной фантазии, которая, наподобие кам-ля, забракованного строителями, «выброшена на улицу» и так «деше-1», что люди даже не смотрят на нее. Он будет наблюдать за ней день •то дня и замечать в ней перемены, пока его глаза не откроются или, ;ак говорят алхимики, пока рыбы глаза, или искры, не засверкают в «мном растворе. Ибо рыбы глаза всегда открыты и, следовательно, ;олжны видеть все, почему алхимики и использовали их как символ по-тоянного внимания (илл. 8 и 9).

Свет, который постепенно нисходит на него, заключается в осознании, что его фантазия — это реальный психический процесс, происходящий с ним лично. Несмотря на то, что в определенной степени пациент выступает как внешний, беспристрастный наблюдатель, он ' также — действующий и страдающий персонаж в драме души. Такое понимание абсолютно необходимо и означает крупный успех. Пока он просто наблюдает, он похож на безрассудного Парсифаля, который забыл задать жизненно важный вопрос, потому что не осознавал себя участником действия. Итак, если просто остановить поток образов, это не даст почти никакого эффекта, даже если подобный процесс повторять тысячи раз. Но если вы осознаете свои собственные затруднения, jта сами должны включиться в процесс посредством собственных реакций — так, как будто вы сами являетесь одним из порождений фантазии, или, скорее, как если бы драма, разыгрываемая у вас на главах, была реальной. То, что фантазии возникают, — это психический |закт, и они столь же реальны, как реальны вы — существо, наделенное психикой. Если эта решающая операция не осуществляется, тог-ia все изменения происходят только с потоком образов, а вы сами ос-

таетесь неизменившимся. Как говорит Дорн, вы никогда не сотворите Единицу, если сами не станете ею. Вполне возможно, однако, что у вас обнаружится пристрастие к драматургии и вы захотите проникнуть во внутренний мир образов как *воображаемая личность*, и тем самым избежать прямого соучастия; при этом сознание может даже подвергнуться опасности, потому что вы станете жертвой собственной фантазии и уступите силам бессознательного, чьи опасности врачу известны слишком хорошо. Но если вы поставите себя в этой драме на присущее вам место, она не только обретет реальность, но, благодаря вашему критическому рассмотрению фантазии, вы сможете создать эффективный противовес ее тенденции ускользать из рук. И тогда, начнется реализация интуитивного понимания, *unio mentalis*: произойдет решающее восстановление контактов с бессознательным. Теперь то, что вы создаете, будет началом индивидуации, чья непосредственная цель — переживание и продуцирование символа полноты.

Нередко случается так, что пациент просто продолжает наблюдать за своими образами, не думая о том, что они для него значат. Он может и должен понимать их смысл, но это имеет практическое значение до тех пор, пока он недостаточно убежден в том, что его бессознательное может дать ему ценную способность проникновения в суть. Но как только он осознает этот факт, то сразу же может сообразить, что теперь, благодаря своему знанию, у него появилась замечательная возможность перестать зависеть от врача. Ему это, однако, не по душе, и в результате он часто останавливается на простом наблюдении за своими образами. Врач, если он не испытал данную процедуру на себе, не может помочь ему преодолеть эту привычку — считая, естественно, что для продолжения процедуры есть серьезные причины. В таких случаях не существует медицинских или этических императивов, а только веление судьбы, и именно поэтому те пациенты, которые никоим образом не страдают от недостатка проницательности, часто оказываются в тупике на этом этапе. Поскольку этот опыт необычен, я могу только заключить, что переход от простой воспринимающей, то есть *эстетической* позиции, к позиции *рассуждающей* далеко не легок. Более того, современная психотерапия уже пришла к тому выводу, что полезно воспринимать образы, придавая им форму, карандашом, кистью или пластилином. Музыкальная форма тоже может служить возможным доказательством того, что это действительно можно сочинить и записать. Хотя я никогда не встречался с подобными случаями, но «Искусство фуги» Баха, кажется, является таким примером, также как изображение архетипов есть основная черта музыки Вагнера. (Эти феномены, однако, являются в меньшей степени продуктами личной необходимости, чем бессознательными ком-

пенсациями, порожденными *Zeitgeist* [духом времени], хотя я не могу обсуждать это здесь.)

Шаг за рамки простой эстетической позиции может быть незнаком большинству моих читателей. Того немногого, что я сказал об этом, считаю вполне достаточным¹. Испытав этот шаг на себе и на других тридцать лет назад, я вынужден признать, что, хотя он выполняем и приводит к удовлетворительным результатам, сделать его очень трудно. Он без опасения может быть рекомендован в том случае, если пациент вышел на описанный выше уровень знания. Если же задача представляется ему слишком сложной, то данный способ лишается своих преимуществ и обязательно приведет пациента в тупик. Опасность, присущая анализу, заключается в том, что он может вызвать психоз у психопатически настроенного пациента. Эта весьма непривлекательная возможность обычно сама проявляется в начале лечения, когда, например, анализ сновидений активирует бессознательное. Но если анализ зашел так далеко, что пациент может активировать воображение и придавать форму своим фантазиям, если не происходит подозрительных инцидентов, тогда, как правило, серьезной опасности уже не будет. Он, естественно, спрашивает себя, какой страх — если это страх — препятствует ему сделать следующий шаг, перейти к позиции обсуждения. (Обсуждение, конечно, должно исходить из моральных и интеллектуальных возможностей пациента.) Здесь достаточно причин для страха и неопределенности, потому что сознательное соучастие в фантазии тревожит наивное сознание и равносильно ожидаемому психозу.

Естественно, существует громадное различие между ожидаемым психозом и реальным, но это различие не всегда ясно воспринимается и может привести к неуверенности или даже к приступу паники. В отличие от реального психоза, который приходит к вам и затопляет вас неконтролируемыми фантазиями, вторгнувшимися из бессознательного, рассуждающая позиция предполагает сознательное участие в тех процессах фантазии, которые компенсируют индивидуальную и — в особенности — коллективную ситуацию сознания. Общепризнанная цель этого участия — интеграция заявлений бессознательного, ассимиляция их компенсаторного содержания, и таким образом синтезирование целостного значения, которое одно делает жизнь достойной жизни и для многих людей открывает безграничные возможности. Причина, почему участие кажется похожим на психоз, заключается в том, что пациент интегрирует тот же материал фантазий, жертвой которого становится душевнобольной человек, поскольку он не в состоянии интегрировать их, но они сами поглощают его. В мифах герой — тот

¹ Ср. Трансцендентная функция, § 166 сл.

человек, кто побеждает дракона, а не тот, кого дракон пожирает. И тем не менее оба имеют дело с одним и тем же драконом. Также не герой и тот, кто ни разу не встретил дракона, или тот, кто, однажды встретившись с ним, заявил потом, что никого не видел. Подобным образом, лишь тот, кто рискнул сразиться с драконом и остался непобежденным, получает клад, «труднодоступное сокровище». Только он имеет подлинное право на самоуверенность, потому что смело посмотрел в лицо тьме, лежащей в основе его самости и этим обрел себя. Этот опыт дает ему веру и надежду в возможности самости, что поддерживает его, ибо все, что угрожает ему изнутри, он может сделать своим. Он получает право верить, что справится с любыми будущими угрозами тем же самым способом. Он достигает внутренней определенности, которая придает ему уверенность в своих силах, и добивается того, что алхимики называли *unio mentalis*.

Как правило, графически это состояние изображают в виде мандалы. Часто такие рисунки содержат ясные аллюзии на небо и звезды и поэтому отсылают к чему-то, подобному «внутреннему» небу, «небосводу» или «Олимпу» Парацельса, микрокосму. Это также является круглым продуктом, *Caelum*¹, который Дорн хотел получить «постоянными вращательными движениями». Поскольку маловероятно, что он когда-нибудь произвел эту квинтэссенцию как химическое вещество, да и сам он никогда не утверждал, что ему это удалось, то возникает вопрос, действительно ли он имел в виду химическую реакцию или, может быть, алхимический опус вообще, то есть трансмутацию Меркурианского дуплекса, именуемого красным и белым вином², намекая в то же время на *opus ad rubeum et ad album*. Это кажется мне более правдоподобным. В любом случае имелся в виду какой-то вид лабораторной работы. Таким путем Дорн «придавал форму» своей интуиции касательно существования таинственного центра, изначально присутствующего в человеке, и в то же время символизирующего космос, то есть полноту, в то время как он сам оставался убежденным, что описал *самость* как она есть. Он завершил образ целостности, добавив мед, волшебные травы и человеческую кровь или их многозначачие эквиваленты, также, как поступает современный человек, когда он ассоциирует многочисленные символические атрибуты со своим изображением мандалы. Следуя старым сабейским и александрийским образцам, Дорн изобразил «влияние» планет (*stellae inferioris*) или Тартара и мифологического аспекта нижнего мира на квинтэссенцию так же, как это делает современный пациент³.

¹ Ср. О символизме мандалы, рис. 28 и комментарий, § 682 и голубой центр индийской мандалы.

² Красный (= солнце) и белый (= луна) — это алхимические цвета.

³ Ср. Исследование процесса индивидуации, рис. 9.

Так мудро Дорн разрешил проблему реализации *unio mentalis*, результата ее союза с телом, завершив таким образом вторую стадию конъюнкции. Следует отметить, что, получив таким образом физический эквивалент идеи, самость обретает форму. Но алхимик ассоциировал свою работу с чем-то более сильным и более незаурядным, чем наша бледная абстракция. Он ощущал в ней магическое воздействие, которое, подобно самой субстанции, сообщает магические свойства. Проекция магических свойств означает существование аналогичного воздействия на сознание, когда адепт чувствует нуминозное воздействие, исходящее от ляписа, или от того, что он называет тайной субстанцией. Мы с нашим рационалистическим мышлением едва ли можем приписать подобное свойство картина, на которых современный человек изображает интуитивно увиденные бессознательные содержания. Но все зависит от того, с чем мы имеем дело: с сознанием или с бессознательным. Бессознательное действительно кажется находящимся под влиянием этих образов. К этому заключению можно прийти, когда более близко познакомишься с психическими реакциями пациентов на их собственные рисунки: они, в конце концов, влияют успокаивающе и создают нечто подобное внутренней основе. В то же время адепт постоянно надеялся на внешние эффекты своего камня, например, искал в нем панацею или золотой раствор, или эликсир жизни, и только в шестнадцатом столетии указал с безошибочной ясностью на внутренний эффект. Но психолог в своих опытах прежде всего подчеркивает субъективную реакцию на формирование образов и, опираясь на свободный и открытый разум, все еще оставляет без ответа вопрос о возможных объективных эффектах¹.

9. Третья стадия: *unus mundus*

Получение ляписа являлось основной целью алхимии. И Дорн в данном случае явился важным исключением, потому что для него оно означало только завершение второй стадии конъюнкции. В этом — его согласие с психологическим опытом. Для нас представление идеи самости в действительной и видимой форме — простой *rite d'entree*, как бы вводное действие и простое предвосхищение его подлинной реализации. Наличие чувства внутренней безопасности никоим образом не доказывает, что продукт будет достаточно стабилен, чтобы противостоять враждебным влияниям окружения. Адепт должен вновь и вновь испытывать на опыте, как неблагоприятные обстоятельства или технические ошибки, или — как ему кажется — какие-то дьявольские слу-

¹ Я ссылаюсь здесь на связь между архетипом и феноменом синхронизма.

чайности препятствуют завершению его работы, так что он должен снова начинать все с самого начала. Каждый, кто подвергнет свое чувство внутренней безопасности аналогичным психическим тестам, испытает то же самое. Не раз столкновение с реальностью будет разрушать построенное им, но это не должно его обескураживать и удерживать от исследования слепых пятен его психики. Также как философский камень, с его чудесной силой, не был никогда получен, так и психической целостности никогда нельзя будет достичь эмпирическим путем, поскольку сознание слишком узко и односторонне, чтобы охватить все богатство психики. И мы всегда вынуждены будем все начинать сначала. С древних времен адепт понимал, что он связан с *res simplex*, и современный человек тоже узнает на опыте, что без высочайшей простоты работа не будет успешной. Однако простые вещи всегда самые трудные.

Единицей и Простотой Дорн называл *unus mundus*. Тогда «единый мир» — это *res simplex*¹. Для него третья и высшая стадия конъюнкции была союзом целостного человека с *unus mundus*. Под ним он понимал, как нам известно, потенциальный мир первого дня творения, когда ничего еще не было «*in actu*», то есть разделено надвое и на многие части, но было все еще одним². Создание единства с помощью магической процедуры означало возможность осуществления союза с миром — не с миром множественности, каким мы видим его, а с потенциальным миром, извечной Основой всех эмпирических сущностей. Индивидуальная аналогия такого мира — самость, основа и источник индивидуальной личности в прошлом, настоящем и будущем. Именно опираясь на самость, познанную медитацией и полученную алхимическими средствами, Дорн «надеялся и ожидал» объединиться с *unus mundus*.

Этот потенциальный мир — «*mundus archetypus*» Шульмена. Я убежден, что непосредственную модель идеи Дорна можно обнаружить у Филона Иудейского, который в своем трактате «*De mundi opificio*»³ говорил, что Творец создал в постигаемом мире бестелесное небо, невидимую землю и идею воздуха и голоса. После всего он сотворил человека, «малое небо», который «несет в себе отражения многих подобных звездам сущностей». Здесь Филон ясно указывает на идею микрокосма и, следовательно, на единство психического человека с космосом. Со-

¹ В «*Liber Platonis quartorum*» этот термин обозначает арканную субстанцию.

² Аналогично Фома Аквинский представляет первоматерию как «*ens in potentia*» [потенциальное с^{ум}ее](*Summa*, I, p. 66, Art. 1). Ср. *von Franz*. *Aurora Consurgens*, примечания, p. 174, n. 88.

³ Труды Филона были доступны в латинском издании Петрониллуса (Лион, 1561) > и Дорн, писавший около 1590 года, мог быть с ними знаком.

гласно Филону, отношение Творца с mundus intelligibilis [интеллектуально постигаемым миром] — это «образ» или «архетип» отношения разума с телом. Неизвестно, знал ли Дорн Плотина. В своей четвертой Эннеаде (9,1 ел.) Плотин обсуждает проблему, являются ли все индивидуумы просто одной душой, и верит в то, что обладает твердыми основаниями для доказательства этого. Я упомянул Плотина, потому что он раньше других высказал идею unus mundus. «Единство души» эмпирически покоится на основной психической структуре, общей для всех душ, которая, хотя и невидима и неосызаема, как анатомическая структура, тем не менее столь же очевидна.

Рассуждая о третьем уровне конъюнкции, Дорн выразил универсальную мысль: это — родство или идентичность личности с надличностным атманом, или индивидуального дао с универсальным дао. Человеку Запада подобный взгляд кажется отнюдь не реалистическим, а излишне мистическим; главным образом, он не в состоянии увидеть, почему самость, вступив в отношения с миром в первый день творения, должна стать реальностью. Он не знает иного мира, кроме эмпирического. Строго говоря, его замешательство берет начало не здесь; оно началось уже с получения caelum, внутреннего единства. Такие цели непопулярны и подозрительно туманны. Он не знает, откуда они берутся и на чем основываются. Они могут быть верными или нет, — короче говоря, его опыт и, как правило, его понимание и, к несчастью, слишком часто также и его готовность узнать больше останавливаются здесь. Поэтому я советую критически настроенному читателю отбросить свои предубеждения, чтобы один раз испытать на себе воздействие описанного мной процесса или не спешить с приговором и признать, что он ничего не понимает. Тридцать летя изучал эти психические процессы во всевозможных условиях и убедился, что алхимики, как и великие философы Востока, обращались к такому опыту и таким переживанием, и только из-за нашего невежества в вопросах психики такой опыт может показаться «мистическим».

Мы должны во всех случаях уметь понять, что визуализация самости — это «окно» в вечность, которое давало средневековому западному человеку, как и восточному, возможность избавиться от удушающей хватки одностороннего взгляда на мир или выдержать ее. Хотя целью алхимического опуса, несомненно, было получение ляписа или caelum, нет сомнений в его стремлении к одухотворению «тела». Самость выражена символом жидкости «цвета воздуха», растекающейся по поверхности. Она символизирует не что иное, как corpus glorificationis, воскресшее тело, чье родство с вечностью самоочевидно.

Сейчас наивному человеку кажется очевидным, что яблоко падает с дерева на землю, но абсурдным — что земля поднимается навстречу яблоку, и точно так же он с трудом может поверить, что разум способен

одухотворить тело без воздействия его инерции и тяжести. Но все воздействия обоюдны, и ничто не может изменить другое, не изменившись само. Хотя алхимик думал, что ему лучше, чем кому-либо, известно, что в момент Творения маленькая частица божественности, *anima mundi*, проникла в материальные вещи и была ими захвачена, он тем не менее верил в возможность одностороннего одухотворения, не принимая во внимание, что предварительным условием для этого является материализация духа в виде голубой квинтэссенции. В действительности его труды поднимали тело и приближали его к духу и в то же время подтягивали дух к материи. Возгоня материю, он конкретизировал дух.

Эта самоочевидная истина была все еще чуждой средневековому человеку и лишь частично усвоена человеком современным. Но если объединение должно происходить между противоположностями, подобными духу и материи, сознанию и подсознанию, свету и тьме, и так далее, то должна появиться третья вещь, олицетворяющая не компромисс, а нечто новое, то, что для алхимиков было *λίθος οὐ λίθος* (камнем, который не камень), примиряющим космическую борьбу элементов, или трансцендентальной сущностью, которую можно описать только парадоксально¹. *Caelum* Дорна, соответствующий камню, был с одной стороны, жидкостью, которую нельзя вылить из бутылки, а с другой стороны — самим микрокосмом. Для психолога это — самость, человек как он есть и неопишуемая, сверхэмпирическая полнота этого же человека. Эта полнота является простым, но необходимым условием, потому что никто не может утверждать, что обладает абсолютным знанием о человеке как он есть. Человек есть нечто неизвестное не только психически, но и физически. Нам следует включить эту неизвестную величину в общую картину человека, но мы не способны на это. Человек сам частично эмпирический, частично трансцендентальный; он тоже — *λίθος οὐ λίθος*. Мы также не знаем, не является ли то, что мы в эмпирическом плане рассматриваем как физическое, в Неизвестном, т.е. находящемся за пределами нашего опыта, тождественным тому, что по эту сторону границы мы отличаем от физического и счита-

¹ Символика камня очень древняя, поскольку встречается у примитивных племен сегодня, но и в древних культурах, что показано, например в хурритском тексте из Богазкёя, где сын бога-отца Кумарби — это камень Улликумми, «ужасный» диорит, «растущий в воде». Это — параллель греческого мифа о камне, который Крон проглотил и выплюнул, когда Зевс заставил его отдать пожранных им детей. Зевс позже был объектом культа в Пифо. Улликумми — титаническое существо и, что представляет определенный интерес, непримиримый враг богов (Ср. *Gutbrock. Kumarbi / Instanbuler Schriften, No. 16; Gumet*)-The Hittites, p. 190ff.).

ем психическим. Хотя из опыта нам известно, что психический процесс сродни материальному, мы не способны объяснить, в чем заключается это родство и как оно вообще возможно. Именно потому, что психическое и физическое взаимозависимы, часто предполагают, что они могут быть тождественны где-то за пределами нашего сегодняшнего опыта, хотя это, несомненно, не подтверждает ни материалистическую, ни идеалистическую гипотезы.

С этим предположением об идентичности психического и физического мы подходим к алхимической гипотезе *unus mundus* потенциального мира первого дня творения, когда еще «не было второго». До Парацельса алхимики верили в *creatio ex nihilo* [сотворение мира из ничего]. Для него, однако, Бог сам выступал в качестве материального начала. Но Парацельс и его школа допускали, что материя была «*in creatum*» [несотворенной] и поэтому со-существующей и со-вечной с Богом. Не могу сказать, считали ли они такой взгляд дуалистическим или монистическим. Ясно только одно, что для всех алхимиков материя обладала божественным началом, на том ли основании, что в ней заточен Бог в форме *anima mundi* либо *anima media natura*, или потому, что материя олицетворяет божественную «реальность». Материя ни в коем случае не разбожествлялась — по крайней мере, материя первого дня творения. По-видимому, только последователи Парацельса находились под влиянием дуалистических слов Книги Бытия¹.

Если Дорн видел завершение *mysterium coniunctionis* в союзе алхимически полученного *caelum* с *unus mundus*, он явно имел в виду не слияние личности с ее окружением и даже не ее адаптацию к нему, а *unio mystica* с потенциальным миром. Такой взгляд, конечно, покажется нам «мистическим», если мы будем неправильно употреблять это слово в его уничижительном современном смысле. Это, однако, не проблема бессмысленно употребляемых слов, а проблема взглядов, которые можно перевести со средневекового языка на язык современных понятий. Несомненно, идея *unus mundus* основана на предположении, что множественность эмпирического мира опирается на изначальное единство и что не существует двух или более фундаментально отличающихся друг от друга миров, существующих бок о бок или смешанных друг с другом. Вернее, все разделенное и различное принадлежит одному и тому же миру, и подтверждают это не чувства, а то, что до сих пор никто не смог открыть мир, в котором известные законы природы неверны. Очевидно, что даже мир психики, который так резко отличается от физического мира, находится в пределах космоса, ибо никто не отрицает,

¹ Быт. 1:2: «Земля же была безвидна и пуста... и Дух Божий носился над водою».

что между душой и телом существуют каузальные связи, указывающие на лежащую в их основе единую природу.

Наше знание не охватывает все сущее, и мы не в том положении, чтобы делать какие-либо утверждения о природе в целом. Микрофизика ищет свой путь в непознанную область материи, так же как комплексная психология продвигается вперед в непознанную область психики. Обе линии исследований приводят к таким открытиям, которые можно представить себе только с помощью парадоксов, и обе развивают концепции, обнаруживающие яркую аналогию. Если эта тенденция станет в будущем более определенной, то гипотеза единства их содержания выиграет. Конечно, надежды на то, что когда-нибудь можно будет постичь единую Сущность, очень малы или отсутствуют вовсе, так как возможности нашей мысли и языка позволяют высказывать относительно нее только парадоксальные утверждения. Но несомненно, что эмпирическая реальность имеет трансцендентальные основы — факт, который, как показал сэр Джеймс Джинс, можно выразить притчей Платона о пещере. Общее основание микрофизики и глубинной психологии физическое в той же степени, как и психическое, и поэтому не является ни тем, ни другим, а скорее, третьим, которое возможно понять только из намеков, потому что по существу оно трансцендентально.

Основой нашего эмпирического мира, таким образом, является в действительности *unus mundus*. Это, по крайней мере, правдоподобная гипотеза, которая удовлетворяет фундаментальному принципу научной теории: «Неумножайте сущности сверх необходимости». Трансцендентальное философское основание соответствует «потенциальному миру» при всех условиях, определяющих форму присутствующих им эмпирических явлений. Это, как очевидно, остается в силе как для физики, так и для психологии, или, точнее, для макрофизики также, как для психологии сознания.

Поскольку Дорн видит третий уровень конъюнкции в союзе или взаимоотношении адепта, получившего *caelum*, с *unus mundus*, психологически он будет заключаться в синтезе сознания и бессознательного. Результат этой конъюнкции или выравнивания вообразить теоретически невозможно, поскольку известное количество комбинируется с неизвестным; но на практике в результате этого в сознании появляется множество далеко идущих изменений, что можно сравнить с развитием из классической физики физики атомной. Природу перемен, которых Дорн ожидал от третьей стадии конъюнкции, можно установить только опосредованно, на основе практиковавшейся адептами символической. То, что называется *caelum*, это, как мы уже видели, есть символическое изображение самости. Отсюда можно сделать вывод, что желаемая реализация целостного человека рассматривалась как лече-

ние органических и психических болезней, поскольку *caelum* описывали как универсальное лекарство (панацею, алексифармию, *medicina catholica* и так далее). Его считали также бальзамом и эликсиром жизни, продлевающим жизнь, придающим силы, и омолаживающим магическим снадобьем. Это был «живой камень», λίθος

ἔμψυχος (*baetylus*), «камень, обладающий духом»¹, и «живой камень», упомянутый в Новом Завете², а в «Пастыре Гермы» — живой человек, который сам добавляет себя как кирпич в твердыню Церкви. Кроме того, подчеркивается его нетленность: он сохраняется долгое время, почти вечность; живой, он неподвижен; он излучает магическую силу и преобразует тленное в нетленное, нечистое в чистое; он сам множится бесконечно; он прост и поэтому универсален; он — союз всех противоположностей; он — параллель Христа и именуется Спасителем макрокосма. Но *caelum* также означает человеческий портрет Бога (*imago Dei*), *anima mundi* в материи и саму истину. У него «тысяча имен». Он — микрокосм, целостный человек (τέλειος

ἄνθρωπος), чжэнь-жэнь, гомункулус и гермафродит. Эти обозначения и значения — всего лишь малая часть всего обилия имен, встречающихся в литературе.

Вполне естественно, что мы не видим, каким образом можно сформулировать опыт подобного рода в виде самоочевидно рациональной концепции. Под ним, бесспорно, подразумевали сушность совершенства и универсальности, и он, как таковой, характеризует опыт подобных масштабов. Мы можем сравнить это только с невыразимой тайной *unio mystica*, или *dao*, или содержания *самадхи*, или переживания *сатори* в дзэн, которое перенесло бы нас в царство невысказанной и крайней субъективности, где все критерии разума не имеют значения. Весьма примечательно, что опыт этот — эмпирический и выражался сходным образом и на Западе, и на Востоке, и в далеком, и в недалеком прошлом, что подтверждает его непревзойденную субъективную значимость. Наше знание физической природы не дает нам *point d'appui* [точку опоры (фр.)], отталкиваясь от которой, мы могли бы поставить опыт на какое-либо общее основание. Он есть и остается тайной мира психического опыта и может быть понят только как нуминозное событие, чья актуальность, тем не менее, должна подвергаться сомнению не большему, чем то, что свет имеет определенную длину волны, воспринимаемую как «красная», — факт, который остается непостижимым для человека, страдающего дальтонизмом.

¹ *Berthelot. Alch. grecs, III, vi, 5.*

² 1 Пет. 2:5: «И сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный...». Ср. Ефес. 2:20.

Что же тогда значат утверждения алхимиков относительно их чудесного эликсира (арканума), если рассмотреть их с психологической точки зрения? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны вспомнить рабочую гипотезу, которую мы использовали для интерпретации снов-образы снов и спонтанные фантазии суть символы, то есть наилучшим образом сформулированные пока еще неизвестные или неосознанные факты, как правило, компенсирующие содержание бессознательного или осознанную позицию. Если мы применим это основное положение к алхимическому аркануму, то придем к заключению, что его наиболее бросающееся в глаза свойство, то есть *его единство и уникальность* — как камня, лекарства, сосуда, процедуры и констелляции¹, предполагает *диссоциированное сознание*. Ибо нет того, кто сам по себе осознавал бы необходимость единства как лекарства, и нет никого, должны мы добавить, кто не ощущал бы эту диссоциацию, поскольку *осознанная* ситуация дистресса необходима, чтобы активировать архетип единства. Из этого мы можем сделать вывод, что наиболее психологически мыслящими были те алхимики, которых не удовлетворяло преобладающее мировоззрение того времени, то есть христианская вера, хотя они были убеждены в ее истинности. Ни один классический латинский или греческий трактат не говорит об обратном, читая христианские труды, скорее видишь в них твердость христианских убеждений их авторов. Поскольку христианство есть выраженная система «спасения», основанная, сверх того, на Божьем «плане искупления», следует задаться вопросом, почему алхимики все еще чувствовали разлад внутри себя, или ощущали несогласие сами с собой, хотя их вера была таковой, что могла бы предоставить им все возможности для единства и согласия. (Этот вопрос не утратил своей актуальности и сегодня!) Мы сможем ответить на него, если изучим другие атрибуты арканума алхимиков.

Следующее свойство, которое мы должны рассмотреть, — это *физическая* природа арканума. Хотя алхимики придавали ей огромное значение, и «камень» был всем *raison d'être* [смыслом (фр.)] их искусства, все же его нельзя рассматривать как простое физическое тело, так как подчеркивалось, что камень — живой и имеет душу и дух, или даже, что он — человек или создание, подобное человеку. И хотя о Боге было также сказано, что мир является его физическим проявлением, этот пантеистический взгляд был Церковью отвергнут, ибо «Богестьдух» и противоположен материи. В этом случае христианская точка зрения должна соответствовать «*unio mentalis* в преодолении тела». Поскольку алхимик исповедовал христианскую веру, он знал, что в меру своих сил он все еще находится на второй стадии конъюнкции и что христиан-

¹ Ros.phil./Art. aurif, II, p. 206.

екая «истина» все еще не «реализована». Дух увлек душу в горние выси абстракции, но тело оказалось «обездушено», и поэтому человек жил с чувством неудовлетворенности ситуацией, которой не мог не видеть. Он не ощущал себя целостным, и в какой бы степени ни было одушевлено его существование, он понимал, что не в состоянии выйти за пределы Здесь и Сейчас своей телесной жизни в физическом мире. Дух мешал его ориентации на физис и наоборот. Несмотря на все заверения в обратном, Христос является не объединяющим фактором, а разделяющим «мечом», отъединяющим духовного человека от физического. Алхимики, в отличие от некоторых наших современников, были достаточно умны, чтобы видеть необходимость и желательность дальнейшего развития сознания, и крепко держались своих христианских убеждений, что не давало им соскользнуть обратно на бессознательный уровень. Они не отрицали и не могли отрицать христианской истины, и поэтому было бы неверно обвинять их в ереси. Напротив, они желали «реализовать» единство, которое предвещала идея Бога, сражаясь за объединение unit¹ mentalis с телом.

Движущей силой этого устремления служило убеждение, что мир нездоров и что все в нем запятнано первородным грехом. Они видели, что душа будет спасена, только если дух освободит ее от естественной связи с телом, хотя это не может ни изменить, ни каким-либо образом улучшить физическую жизнь. Микрокосм, то есть внутренний человек, мог спастись, но брэнное тело — нет. Понимания этого было достаточно для диссоциации сознания на духовную и психическую личности. Это можно было бы выразить словами св. Павла: «Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?»¹ Поэтому они стремились найти такое средство, которое могло бы исцелить все страдания тела и разделенность души, — *φάρμακον ἀθανασίας*, освобождающее тело от его тленности, и эликсир жизни, дарующий долгую жизнь, как в библейские времена, или даже бессмертие. Поскольку большинство из них были врачами, у них сформировалось устойчивое впечатление о брэнности человеческого существования и развилось своего рода нетерпение и нежелание ждать Второго Пришествия для более приемлемых условий, чем те, о которых говорит учение о спасении. Эта пожирающая тоска точно выражает требования физического человека и невыносимость его, диссоциации. Следовательно, алхимики сами стояли перед чрезвычайно трудной задачей объединения изменчивого физического человека с его духовной истиной. Так как они не были ни неверующими, ни еретиками, они не могли и не собирались изменять эту истину, чтобы сделать ее более приятной для тела. Кроме того, тело в любом случае было грешным, поскольку оно уступило пер-

¹ Рим. 7:24.

вородному греху по причине своей природной слабости. Именно поэтому тело с его тьмой должно быть подвергнуто «подготовке». Это, как мы видим, было сделано посредством извлечения из потенциального мира квинтэссенции, представляющей физический эквивалент неба и поэтому названной «caelum». Она была подлинной эссенцией тела, нетленной и поэтому чистой и вечной субстанцией, *corpus glorificatum*, способной и достойной объединиться с *unio mentalis*. То, что оставалось в теле помимо нее, представляло собой «*terra damnata*» [проклятую землю], шлак, который следовало предоставить его судьбе. Квинтэссенция, *caelum*, соответствовала чистому, нетленному, первоначальному веществу мира, адекватному Богу и совершенному послушному инструменту, чье получение, следовательно, позволяло алхимику «надеяться и ждать» конъюнкции с *unus mundus*.

Это решение могло поставить физис в невыгодное положение, но, тем не менее, представляло собой заслуживающую внимания попытку преодолеть разъединенность духа и материи. Оно не было принципиальным решением по той самой причине, что данная процедура не происходила в реальном объекте вообще, но являлась бесплодной проекцией, поскольку *caelum* никогда не был получен в действительности. Это была надежда, уничтоженная алхимией и затем, по-видимому, навсегда снятая с повестки дня. Но размежевание осталось и привело (в совершенно противоположном смысле) к значительно более глубокому знанию природы и более совершенной медицине, тогда как, с другой стороны, оно низвергло дух так, что Дорн, вероятно, застыл бы от ужаса, узнай он об этом. Эликсир жизни современной науки уже весьма значительно увеличил продолжительность жизни и дает надежды на еще лучшие результаты в будущем. *Unio mentalis*, с другой стороны, стало бледным призраком, а *Veritas Christiana* находится в оборонительной позиции. Что касается истины, скрытой в человеческом теле, то об этом нет даже разговоров. История безжалостно посчитала, что алхимический компромисс должен остаться незавершенным: физический человек был внезапно выброшен на авансцену и теперь сражается с природой, бодрствуя. В то же самое время он осознал свою эмпирическую душу (*psyche*), которая освободилась от объятий духа и начала принимать такую конкретную форму, что ее индивидуальные черты являются ныне объектом клинического наблюдения. Она давно утратила свою жизненную основу, или некую разновидность философской абстракции; напротив, подозревают, что она — простой эпифеномен химии мозга. Никакой дух больше не дает ей жизнь; скорее, предполагается, что дух обязан своим существованием психической активности. Сегодняшняя психология вправе называться наукой, а это большая уступка со стороны духа. Какие требования выдвинет психология другим естественным наукам, а в особенности — физике, покажет только будущее.

10. Самость и границы познания

Как я неоднократно указывал, утверждения алхимиков относительно ляписа, если их рассмотреть психологически, описывают архетип самости. Примером ее феноменологии является символика мандалы, которая изображает самость как концентрическую структуру, часто в виде квадратуры круга. С ней координированы все виды вторичных символов, большинство которых выражают природу противоположностей, стремящихся к объединению. Структура постоянно воспринимается как репрезентация центрального состояния или центра личности, существенно отличающейся от эго. Самость имеет нуминозную природу, на что ясно указывают сами мандалы и использованные символы (солнце, звезда, свет, огонь, цветок, драгоценный камень и т.д.). В ней обнаруживаются все уровни эмоциональных оценок — от абстрактных, бесцветных, индифферентных изображений окружностей до крайне интенсивного переживания освещения. Все эти аспекты есть и в алхимии, единственное различие состоит в том, что там они проецируются на материю, а здесь понимаются как символы. Поэтому *arcantum chymicum* превращается в событие психики, не потеряв ничего из своей первоначальной нуминозности.

Если мы теперь вспомним, до какой степени душа очеловечена и самореализована, то сможем оценить, насколько она сегодня выражает тело, с которым сосуществует. Это вторая стадия конъюнкции, о которой алхимики мечтали, но не могли осуществить. До сих пор преобразование в психологическое можно считать заметным успехом, *но только в том случае, если центральное переживание оказывается духовным пастырем повседневной жизни*. Очевидно, даже алхимикам было ясно, что можно иметь в кармане ляпис, никогда не получив золота, или иметь в бутылке *aurum potabile*, никогда не попробовав на вкус это горько-сладкое питье, выражаясь, разумеется, гипотетически, ведь они никогда не поддавались искушению использовать свой камень в реальной жизни, потому что ни разу не смогли получить его. Психологическое значение этой неудачи не следует, однако, переоценивать. Оно стоит на втором месте после того очарования, которое проистекает из чувственного и интуитивного архетипа целостности. В этом отношении алхимия находится не в худшем положении, чем христианство, которое, в свою очередь, не погибло оттого, что Второе Пришествие Господа так долго не наступает. Напряженным переживанием, всегда связанным с жизнеспособностью, архетипическая идея выражает — пусть с минимальной помощью рационального Мышления — предварительную идею целостности, к которой последовательно дифференцированный разум не может добавить ничего су-

ществленного — по крайней мере, в том, что касается полноты переживания. Более высокоразвитое мышление может, однако, постоянно обновлять жизненность первоначального переживания. С точки зрения неистощимости архетипа, рациональное мышление, происходящее от него, значит.сравнительно немного; неоправданной переоценкой разума была бы мысль, что в результате мышления освещение в конечном состоянии будет выше, чем в первичном состоянии нуминозно-го переживания. Тот же протест, как мы видели, выразил кардинал Ньюмен, говоря о развитии догмы, но при этом он упустил то, что рациональное мышление или интеллектуальная формулировка ничего не добавляет к опыту самости и в лучшем случае только облегчает его повторение. Важно переживание само по себе, а не его интеллектуальное представление или прояснение, которое оказывается значимым и полезным, лишь когда путь к первоначальному переживанию заблокирован. Видоизменение догмы не только выражает ее связь с жизнью, но и необходимо для ее сохранения. Подобным образом архетип, лежащий в основе алхимии, нуждается в интерпретации, если мы хотим сформировать какую-либо концепцию его связи с жизнью и нуминозности и таким образом сохранить его по крайней мере для нашей науки. Алхимик тоже, насколько мог, интерпретировал свой опыт, хотя и не обладал таким его пониманием, к которому может привести сегодняшнее психологическое толкование. Но его неадекватное понимание отнимает от полноты его архетипического опыта не больше, чем прибавляет к нему наше более дифференцированное мышление.

Продвижение в психологическом направлении приводит к огромным изменениям, поскольку самопознание имеет определенные этические последствия, которые не только беспристрастно распознаются, но с необходимостью проводятся в жизнь. Это зависит, конечно, от их нравственного вклада, на который, как известно, мы не возлагаем больших надежд. Самость в своих попытках самореализации простирается за пределы эго-личности; из-за своей всеохватной природы она ярче и темнее эго, и поэтому ставит перед ним проблемы, которых эго хотело бы избежать. Оно лишается либо нравственного мужества, либо интуиции, либо и того, и другого, пока наконец не предоставляет все судьбе. Эго никогда не испытывает недостатка в нравственных и рациональных контраргументах, которые оно не может и не должно отвергать, пока в состоянии их придерживаться. Поэтому вы лишь тогда чувствуете себя на верном пути, когда конфликты долга кажутся разрешившимися сами собой; в этом случае вы становитесь жертвой решения, которому сопротивляетесь разумом или сердцем. В результате мы сталкиваемся с нуминозной силой самости, которую едва ли можно обнаружить как-либо по-иному. По этой причине *переживание самости*

всегда является поражением эго. Необычайная трудность этого опыта заключается в том, что самость можно различить только концептуально, но не на практике, из чего всегда вытекает обращение к ней, как к «Богу». Обе концепции явно опираются на идентичный ну-минозный фактор, представляющий собой условие реальности. Эго включается в общую картину постольку, поскольку оно может оказать сопротивление, защищать себя, а в случае поражения все еще заявлять о своем существовании. Прототипом такой ситуации может служить разговор Иова с Яхве. Подобный намек — всего лишь намерение указать на природу проблем, в которые мы вовлечены в данном случае. Однако здесь не следует делать опрометчивого заключения, что высокомерие эго-сознания в любом случае заслуживает того, чтобы склониться перед бессознательным. Вообще, это не так, потому что весьма часто случается, что эго-сознание и чувство ответственности эго слишком слабы и нуждаются в усилении. Но это проблемы практической психотерапии, и я упоминаю их здесь только потому, что мне довелось выслушивать обвинения в недооценке важности эго и придании чрезмерного значения бессознательному. Эта странная инсинуация появилась из теологической области. Очевидно, мой критик не учел, что мистический опыт святых не отличается от остальных эффектов бессознательного.

В отличие от идеалов алхимии, состоящих в получении таинственной субстанции, человека, *anima mundi* или *deus terrenus*, в которых видели исцеление от всех человеческих болезней, психологическая интерпретация (предусмотренная алхимиками) направлена на получение концепции человеческой целостности. Эта идея первоначально имела терапевтическое значение и пыталась отобразить психическое состояние, возникающее в процессе преодоления разрыва между сознанием и бессознательным. Алхимическая компенсация соответствует интеграции бессознательного с сознанием, при которой оба изменяются. Прежде всего расширяются горизонты сознания. Это, конечно, приводит к значительному улучшению всей психической ситуации, так как сознание больше не разрушается противодействием бессознательного. Но поскольку за все хорошее приходится платить высокую цену, то бессознательный в прошлом конфликт выносится на поверхность и возлагает на сознание тяжелую ответственность, потому что теперь от *него* ждут разрешения конфликта. Но оно оказывается так же плохо подготовленным и развитым для этого, как и сознание средневекового алхимика. Подобно ему, современный человек, чтобы вывести сознание из затруднительного положения, нуждается в специальном методе для исследования и придания формы бессознательным содержаниям. Как я уже показывал, в результате этих психотерапевтических усилий может возникнуть переживание самости, и очень часто эти пережива-

ния являются нуминозными. Не следует пытаться описать их тотальный характер. Всякий, переживающий нечто подобное, знает, что я имею в виду, а тот, кто не испытывал этого, не будет удовлетворен никакими пространственными объяснениями. Более того, в литературе можно найти бесчисленные описания подобного опыта. Но мне неизвестен ни один случай, когда простое описание передало бы это переживание.

Ничуть не удивительно, что нуминозные переживания встречаются в ходе психологического лечения и что, более того, их следует ожидать с определенной регулярностью, поскольку они также очень часто присутствуют в необычных психических состояниях, которые не поддаются лечению и даже могут являться причиной подобных переживаний. Нуминозные переживания не принадлежат исключительно области психопатологии, но могут наблюдаться также и у нормальных людей. Естественно, современное невежественное предубеждение против интимных душевных переживаний отвергает их как психические аномалии и наклеивает на них ярлык психопатологии, не предпринимая ни малейших попыток разобраться в них и понять. Но пренебрежение фактом не объясняет его.

Не удивительно также, что при каждой попытке адекватно понять нуминозное переживание, в качестве параллелей необходимо использовать религиозные и метафизические идеи, которые не только издревле ассоциировались с ним, но постоянно применялись для его формулирования и разъяснения. Вследствие этого, однако, любая попытка научного объяснения приводит к нелепой ситуации, когда предлагаемое объяснение объявляется метафизическим и подвергается за это осуждению. Конечно, подобное обвинение может выдвигать только тот, кто воображает себя обладающим метафизическими истинами и полагает, что они утверждают или делают обоснованным выражение соответствующих им метафизических фактов. Мне кажется маловероятным, что когда человек произносит «Бог», то из этого следует существование именно такого Бога, каким его вообразили, или что человек всегда говорит о реальном существе. В любом случае, он не может доказать, что в метафизической области есть нечто, соответствующее его утверждению, также как никто не может доказать ему, что он не прав. Итак, это в лучшем случае вопрос *pop liquet* [не ясный], и мне кажется разумным в этих обстоятельствах и с точки зрения ограниченности человеческого знания допустить, что наши метафизические концепции — простые антропоморфные образы и мнения, которые выражают трансцендентальные факты или неверно, или в очень гипотетической манере. Разумеется, мы уже знаем, что окружающий нас физический мир как он есть ни в малейшей степени не согласуется с тем миром, который мы воспринимаем. Физи-

ческий мир и перцептуальный мир суть две совершенно разные вещи. Зная это, мы не должны успокаивать себя мыслью, что метафизическая картина мира соответствует трансцендентальной реальности. Более того, мнения относительно последней столь безгранично варьируются, что, даже преисполняясь лучшими намерениями, мы не сможем решить, которое из них истинно. Различные религии давно занимаются этим, и в результате каждая из них настаивает на своей истинности и сверх всего на том, что ее истины не просто человеческие, но что их внушил и открыл сам Бог. Каждый теолог говорит просто о «Бог», что следует понимать так: его «бог» — действительно *Бог*. Но один при этом говорит о парадоксальном Боге Ветхого Завета, другой — о воплощенном Боге Любви, третий — о Боге, у которого есть небесная невеста, и т.д., при этом каждый критикует другого, и никогда — себя.

Лучшим доказательством крайней неопределенности метафизических суждений служит их многообразие. Но было бы совершенно неправильно утверждать, что все они бесполезны. Ибо, в конце концов, следует объяснить, почему вообще делаются такие утверждения. Для этого должны существовать причины. Некоторые люди испытывают потребность в метафизических утверждениях. Причины этого — повод для дискуссии. Мы знаем только, что в большинстве случаев в основе лежат не произвольные измышления, а произвольные нуминозные переживания, испытываемые человеком, именно они дают основу для религиозных суждений и убеждений. Поэтому у истоков великих конфессиональных религий и малых мистических движений мы встречаем конкретных исторических личностей, чья жизнь отличалась нуминозными переживаниями. В результате долгих исследований таких переживаний, я убедился, что изначально бессознательные содержания затем прорываются в сознание и овладевает им таким же образом, как это происходит при вторжении бессознательного в тех патологических случаях, которые поддаются психиатрическому наблюдению. Даже Иисуса, согласно Марку (3:21)¹, его последователи видели в подобном свете. Однако значительная разница между простыми патологическими случаями и «вдохновенными» личностями состоит в том, что рано или поздно идеи последних развиваются вширь и передаются из века в век. Тот факт, что основатели великих религий оказали длительное воздействие на людей, объясняется неодолимым духовным влиянием их личностей, их примерной жизнью, их взятыми на себя этическими обязательствами и не является предметом настоящего обсуждения. Личность — лишь корень успеха, и все-

¹ «И услышавши, ближние Его пошли взять Его, ибо говорили, что Он вышел из себя».

гда были и будут подлинно религиозные личности, которых не оценили при жизни. Стоит назвать хотя бы Мейстера Экхарта. Но если они добиваются успеха, это доказывает лишь то, что «истина», которую они изрекают, попадает в общую струю, что они говорят о том, что уже «носится в воздухе» и «живет в сердце» их последователей. Собственный горький опыт говорит нам, что это верно и для добра, и для зла, и для истины, и для лжи.

Мудреца, к которому не присматриваются должным образом, считают глупцом, а глупец, провозглашающий общеизвестные глупости шумно и крикливо, слывет пророком и вождем (Führer), но, к счастью, иногда для большинства столь же привлекателен иной путь, в противном случае человечество давно погибло бы от собственной тупости.

Невежественный человек, чья отличительная черта — умственная стерильность, не высказывает «истину» не только потому, что он не личность, но и потому, что не всегда находит единомышленников. Но всякий, кто их находит, до некоторой степени выражает «истину». В метафизических материях то, что «авторитетно», то «истинно», отсюда метафизические утверждения неизменно ограничиваются необычайно сильными требованиями признания и одобрения, поскольку авторитет для них — единственно возможное доказательство их истинности, и в зависимости от этого доказательства они утверждаются или отвергаются. Все метафизические утверждения в этом отношении — всегда решенные вопросы, как видно любому разумному человеку на примере доказательств бытия Бога.

Утверждений об авторитетности, естественно, недостаточно для того, чтобы установить метафизическую истину. Ее авторитетность должна быть подкреплена такой же сильной общественной необходимостью. Поскольку такая необходимость всегда вырастает из дистресса, при любой попытке объяснения следуют рассматривать психическое состояние тех, кто позволяет уверить себя в метафизических утверждениях. Оказывается, что утверждения внушаемой личности делают осознанными только те образы и идеи, которые компенсируют общий психический дистресс. Эти образы и идеи не были измышлены или изобретены внушаемой личностью, но «произошли» с ней как переживания, и она стала как бы их вольной или невольной жертвой. Когда она полностью лишается способности к сопротивлению, воля, превосходящая ее сознание, овладевает ею. Естественно, что личность ощущает подавляющую силу как «божественную». Я ничего не имею против этого слова, но даже с самыми лучшими намерениями не могу утверждать, что оно доказывает существование трансцендентного Бога. Действительно ли милостивое Божество внушило нам благотворную истину, а как расценивать все те случаи, когда его горячие последова-

тели проповедуют полуправду или, более того, вредоносный вздор? Скорее, здесь поработал дьявол или — по принципу «omne malum ab homine» [все зло — от человека] — сам человек. Это метафизическое объяснение «или-или» достаточно трудно применить на практике, поскольку большинство идей оказываются между двумя крайностями, не будучи ни полностью истинными, ни полностью ложными. Следовательно, в теории они обязаны своим существованием совместному действию сил добра и зла. Мы должны также предположить общий план работы, ведущей к достаточной благой цели, или сделать предположение, что одна сила портит работу другой, или — третья возможность — что человек способен почти с демонической энергией расстроить планы Бога по внушению совершенной истины (вопрос о внушении полуправды, естественно, не стоит). Что в любом из этих случаев могло бы произойти с Божьим всемогуществом?

Поэтому мне кажется, что при самой консервативной оценке было бы мудрее не включать в наши расчеты высший метафизический фактор, во всяком случае не сразу, но, поступая более скромно, сделать неизвестный психический или, быть может, психодный¹ фактор в человеческом царстве ответственным за вдохновляющие идеи и тому подобные случаи. Это наилучшим образом объяснило бы не только полнейшую смесь правды и лжи в подавляющем большинстве идей, но также и многочисленные противоречия Священного Писания. И так, психодная аура, окружающая сознание, предоставляет нам лучшие и менее дискуссионные возможности объяснения и, кроме того, может быть подвергнута эмпирическому исследованию. Она представляет мир относительно автономных «образов», включая разнообразные божественные образы, которые наивные люди повсеместно именуют «Богом» и которые из-за своей нуминозности воспринимаются именно так. Различные религиозные наименования поддерживают эту традиционную точку зрения и теологи, вдохновленные Божьим словом, верят в правильность своих утверждений о нем. Подобные утверждения всегда претендуют на окончательность и бесспорность. Любое отклонение от доминирующей концепции вызывает непреодолимый раскол. Никто не способен доказать бесспорность своей идеи. Он может лишь отстаивать ее, и по этой причине примирение между различающимися суждениями невозможно. Таким образом, христианство, религия братской любви, представляет нам прискорбный спектакль развития одного великого и многих малых расколов, причем каждая группировка усердно и безнадежно настаивает на своей собственной единственной правде.

Мы верим, что можем высказывать утверждения о Боге, определять его, формировать мнение о нем, выделять его как единственно

¹ Ср. О природе души, §368.

истинного среди других богов. В действительности в то же время ясно, что, когда мы говорим о Боге или богах, мы говорим о спорных образах психойдной сферы. Существование трансцендентной реальности, разумеется, очевидно само по себе, но для нашего сознания необычайно трудно сконструировать интеллектуальные модели, который могли бы дать наглядное изображение воспринимаемой нами реальности. Наши гипотезы сомнительны и неопределенны, и ничто не дает нам гарантий их доказанной корректности. То, что мир внутри и вне себя покоится на трансцендентальной основе, также очевидно, как наше существование, но в равной степени ясно и то, что корректность прямого восприятия архетипического мира внутри нас столь же сомнительна, как и физического мира вне нас. Если мы убеждены в знании окончательной истины о метафизических сущностях, это значит всего лишь, что архе-типические образы овладели нашим разумом и чувствами, так что мы более не в состоянии ими распоряжаться. Эту потерю доказывает тот факт, что объект восприятия тогда становится абсолютным и бесспорным и окружает себя таким эмоциональным табу, что всякий, кто осмеливается подвергнуть его сомнению, автоматически зачисляется в еретики и богохульники. Во всех других случаях любой подумал бы, что разумно подвергнуть объективной критике субъективный образ, созданный на основе определенного объекта. Но при одержимости или сильной эмоции разум отступает, и нуминозный образ пользуется случаем, чтобы стать сильнее, ибо он может воззвать к жизненной необходимости. Именно это явление регулярно компенсирует ситуацию дистресса, с которым не в состоянии справиться никакие разумные доводы. Нам известно, что архетип может с разрушительной силой вторгнуться в жизнь отдельного человека и в жизнь целого народа. Поэтому неудивительно, что его называют «Богом». Но так как люди не всегда оказываются в ситуации дистресса или не всегда чувствуют себя в такой ситуации, в их жизни наличествуют и спокойные моменты, когда возможно рассуждение. Если тогда рассмотреть состояние одержимости или эмоционального приступа, то можно допустить, что одержимость сама по себе не дает ничего, что можно было бы ясно и достоверно охарактеризовать как «приводящий к одержимости» фактор, хотя существенной частью этого феномена является то, что «одержимый» всегда чувствует необходимость высказывать определенные утверждения. Истина и ошибка находятся столь близко друг к другу и часто выглядят столь смущающе похожими, что никто в здравом рассудке не осмелился бы усомниться в вещах, происходящих с ним в состоянии одержимости. Иоанн Богослов в своем 1-м Послании увещевает нас: «Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире». Это предостережение было сделано в то время, когда существовало мно-

жество возможностей наблюдать необычные психические состояния. Хотя, как и тогда, мы считаем, что обладаем подлинным критерием различения, правильность этого убеждения всегда должна ставиться под сомнение, потому что человеческое мнение не может претендовать на безошибочность.

Рассматривая эту чрезвычайно неопределенную ситуацию, я думаю, что следует с большой осторожностью подходить к тому, что существует не только психическое, но и психоидное бессознательное, особенно перед тем, как решиться на метафизические суждения, находящиеся за пределами человеческого разума. Нет нужды бояться, что внутренний опыт потеряет при этом свою реальность и связь с жизнью. Напротив, следует стать на более осторожную и скромную позицию.

То, что психологический подход к этим вопросам снова ставит человека в центре как меру всех вещей, отрицать невозможно. Но это придает ему значимость, не оставшуюся без поручительства. Две великие мировые религии, буддизм и христианство, поставили человека на центральное место, а христианство еще более подчеркнуло эту тенденцию в догме о том, что Бог стал именно человеком. И вряд ли психология может соперничать с тем высоким положением, которое сам Бог пожаловал человеку.

Эпилог

АЛХИМИЯ СО СВОИМ богатством символов позволяет нам проникнуть в суть того усилия человеческого разума, которое можно сравнить с религиозным ритуалом, *opus divinum*. Различие между ними состоит в том, что алхимический опус по своей форме и содержанию был не коллективным деянием, а, несмотря на сходство фундаментальных принципов с религиозным ритуалом, скорее личным предприятием, в которое адепт вкладывал всю свою душу ради трансцендентальной цели получения *единства*. Это была работа по примирению явно несовместимых противоположностей, взаимодействие которых понимается не просто как естественная вражда физических элементов, но и как нравственный конфликт. Поскольку объект этого деяния был различим и вовне, и внутри, и в психике, и в физическом мире, деяние распространялось как бы на всю природу, и его цель заключалась в символе, обладавшем как эмпирической, так и трансцендентной стороной.

Вслед за алхимией, которая нащупывала свой путь в темноте, продираясь через бесконечные лабиринты теоретических построений и практических экспериментов, психология бессознательного, начало которой положил К.Г.Карус, отыскала тропинку, потерянную ее предшественницей. Примечательно, что это произошло в тот момент истории, когда чаяния алхимиков нашли свое высшее поэтическое выражение в «Фаусте» Гете. В то время Карус явно не предполагал, что строит философский мост к эмпирической психологии будущего, которая примет на вооружение старый алхимический афоризм: *in stercore invenitur* — «найдено в грязи». Нет, найдено не в том, ничтожном, недостойном веществе, отвергнутом всеми, подобранном где-то на улице, но именно в причиняющей страдание тьме человеческой души, которая тем временем стала доступной клиническому наблюдению. Именно там таятся все те противоречия, те гротескные фантомы и непристойные символы, которые зачаровывали разум алхимиков, смущали и озаряли их разум. И перед психологом встает та же проблема, которая не давала покоя алхимикам на протяжении семнадцати веков: «Что следует делать с этими антагонистическими силами?» Следует ли пренебречь ими и избавиться от них? Или, признав их существование, поставить перед собой задачу привести их в гармоничное

состояние и, невзирая на множество противоречий, обрести единство, которое, конечно придет не само по себе, а, быть может, — *Deo concedente* — благодаря человеческим усилиям?

Заслуга Герберта Зильберера состоит в том, что он первым обнаружил тайные нити, связывающие алхимию с психологией бессознательного. Состояние психологического знания в то время было еще слишком примитивным и слишком погруженным в персоналистические предположения общей проблематики алхимии, чтобы выйти на новый уровень. В первую очередь необходимо было отказаться от традиционной девальвации алхимии и недооценки психики. Сегодня мы можем наблюдать, как хорошо алхимия подготовила почву для психологии бессознательного, прежде всего сохранив в своей сокровищнице символов иллюстративный материал, обладающий величайшей ценностью для современных интерпретаций в этой области, и, во-вторых, указав на символические процедуры синтеза, которые мы можем вновь открыть в сновидениях наших пациентов. Мы можем видеть сегодня, что вся алхимическая процедура объединения противоположностей, описанная мною выше, могла бы также представлять индивидуационный процесс одной личности, хотя и с тем немаловажным отличием, что отдельная личность никогда не овладеет всем богатством алхимической символики. Алхимическая символика разрабатывалась веками, в то время как один человек за свою короткую жизнь имеет в своем распоряжении ограниченный опыт и ограниченные силы для его описания. Поэтому трудной и неблагодарной задачей была бы попытка описания процесса индивидуации на материале истории болезни. Поскольку в одном случае преобладает один аспект, в другом — другой, а психические состояния без конца варьируют, то в каждом отдельном случае может быть продемонстрирована какая-либо одна версия или фаза процесса. Я ни разу не наблюдал случая, который был бы настолько исчерпывающим, чтобы его можно было посчитать парадигмой. Всякий, кто попытался бы описать индивидуационный процесс на основе истории болезни, получил бы в результате мозаику из разных частиц без начала и конца, и если бы он захотел быть понятым, то ему пришлось бы рассчитывать на читателя, обладающего тем же опытом, что и он сам. Поэтому алхимия сослужила мне огромную и бесценную службу, предоставив материал, в котором мой опыт смог найти подходящее место, и я смог описать хотя бы самые существенные стороны процесса индивидуации.

Латинские и греческие тексты

I. Компоненты конъюнкции

¹¹⁾ In hoc lapide sunt quatuor elementa et assimilatur mundo et mundi composition!.¹²⁾ Natura, inquam, dum circumgyravit aureum circulum, in ipso motu qualitates quatuor in eo aequavit, hoc est, homogeneam illam simplicitatem in sese redeuntem quadravit, sive in quadrangulum duxit aequilaterum, hac ratione, ut contraria a contrariis et hostes ab hostibus aeternis quasi vincuiis colligentur, et invicem teneantur.¹³⁾ In circulo sunt elementa coniuncta vera amicitia.

¹⁴⁾ aquila volans per aerem et bufo gradiens per terram.

¹⁵⁾ Desponsavi ego duo luminaria in actu, et facta est ilia quasi aqua in actu habens duo lumina.

¹⁶⁾ Hermes: Necesse est ut in fine mundi coelum et terra coniungantur, quod verbum est philosophicum.

¹⁷⁾ Sic absconditur altitudo et manifestatur profunditas.

¹⁸⁾ de mortuo facit vivum.

¹⁹⁾ ... consurgit aequalitas... ex quatuor repugnantibus, in natura communicantibus.¹¹⁰⁾ καὶ Ὀρφεὺς οἶδε μὲν καὶ τὸν τοῦ Διονύσου χαρατῆρα, πολλοὺς δὲ καὶ ἄλλοὺς ἰδρύει περὶ τὴν ἡλιαχὴν τράπεζαν.

¶ *Erat virunus.* Nos, qui adhuc peccatores sumus, non possumus istum titulum laudis acquirere, quia unus quisque nostrum non est 'unus', sed multi... . Vides, quomodo ille qui putatur 'unus' esse, non est 'unus', sed tot in eo personae videntur esse, quot mores, quia et secundum scripturas 'insipiens sicut luna mutatur'.¹¹²⁾ Ubi peccata sunt, ibi est multitudo... ubi autem virtus, ibi singularitas, ibi unio.¹¹³⁾ Intellige te habere intra te ipsum greges bourn... . Intellige habere te et greges ovium et greges caprarum.... Intellige esse intra te etiam aves coeli. Nee mireris quod haec intra te esse dicimus; intellige te et alium mundum esse in parvo et esse intra te solem, esse lunam, esse etiam stellas... . Videas habere te omnia, quae mundus habet.¹¹⁴⁾ Quatuor in caelo planetis imperfectioribus, quatuor in corpore nostro correspondere volunt elementa, ut Saturno, Mercurio, Veneri, et Marti, terra, aqua, aer, et ignis, ex quibus conflatum est, et infirmum

propter partium imperfectionem. Plantetur itaque arbor ex eis, cuius radix adscribitur Saturno...

¹⁵¹ combinationes duarum contrarietatum, frigidum et humidum, quae...
ion sunt amicabilia caliditati et siccitati.

¹⁶¹ Puerulus tuus se.nex est, o virgo, ipse est Antiquus dierum et omnia >raecessit tempora.

¹⁷¹ Dum enim rostrum applicat pectori, totum collum cum rostro flectitur n circularem formam... . Sanguis effluens e pectore mortuis pullis reddit *ntam*.

¹⁸¹ Tanquam principium et fons, a quo... defluunt; et simul etiam finis ultimus.

¹⁹¹ Omnem rem solidam penetrabit.

¹²⁰¹ Talis est amor philosophicus, inter inanimatorum partes, et inimicitia, *qualis in partibus hominis*. Verum in illis, non magis quam in his, unio vera fieri non potest, corruptione dictarum partium non ablata prius ante coniunctionem: qua propter pacem inter inimicos est quod facias, ut amici conveniant in unum. In omnibus corporibus imperfectis, et ab ultimata sua perfectione deficientibus, sunt amicitia et inimicitia simul innatae; haec si tollatur hominis ingenio vel industria, necesse est alteram ad perfectionem suam ultimatam redire per artem, quam in hominis unione declaravimus.

¹²¹¹ Fertur etiam quod pellicanus in tantum pullos suos diligit, ut eos unguibus interimat. Tertia vero die prae dolore se ipsum lacerat, et sanguis de latere eius super pullos distillans eos a morte excitat. Pellicanus significat Dominum qui sic dilexit mundum ut pro eo daret Filium suum unigenitum, quem tertia die victorem mortis excitavit et super omne nomen exaltavit.

¹²²¹ cuius vis est spiritualis sanguis id est tinctura... . Nam corpus incorporat spiritum per sanguinis tincturam; quia omne quod habet Spiritum, habet et sanguinem.¹²³¹ Sensibilis autem et vitalis (spiritus) sanguis est essentia; dicit enim alibi, omni spiritui carnis sanguis est.

¹²⁴¹ Fili, accipere debes de pinguiori carne.¹²⁵¹ crescit ex carne et sanguine.¹²⁶¹ Ovum in carne capere.¹²⁷¹ Elige carnem teneram et habebis rem optimam.¹²⁸¹ An forte carnibus ad vesperam... ille significatur, qui traditus est propter delicta nostra.

¹²⁹¹ Et tunc accipe vitrum cum sponso et sponsa, et proiice eos in fomacem, et fac assare per tres dies, et tunc erunt duo in carne una.

¹³⁰¹ Quemadmodum Christus... . Lapis angularis ab aedificatoribus reiectus in sacra scriptura vocatur; ita quoque Lapidi Sophorum idem accidit...

¹³¹¹ Recipit vim superiorum et inferiorum. Sic habebis gloriam totius mundi.

[32] Mercurius Trismegistus... lapidem vocavit orphanum.¹³³¹ Hie lapis Orphanus

proprio nomine caret.

κα¹⁵⁵¹ Ipsa maritali dum nato foedere mater
Jungitur, incestum ne videatur opus. Sic
etenim natura iubet, sic alma requirit
Lex fa
ti, nee ea est res male grata Deo.

138] Omnis Ecclesia una vidua est, deserta in hoc saeculo.

¹³⁹¹ (Almana) Vidua. Est Malchuth, quando Tiphereth non est cum ipsa.

¹⁴⁰¹ Luna, terra, sponsa, matrona, regina coeli, piscina, mare, puteus, arbor scientiae boni et mali, cerva amorum (ita vocatur Malchuth potissimum ob mysterium novilunii), venter.

¹⁴¹¹ ... quod Malchuth vocetur hortus irriguus Jesch. 58, 11 quando Jesod in Ipsa est, eamque adimplet, atque irrigat aquis supernis.¹⁴²¹ cum Malchuth influxum accipit a 50 portis per Jesod, tunc vocatur sponsa.

¹⁴³¹ Anima quippe humana recedens a sole iustitiae, ab ilia scl. interna contemplatione incommutabilis veritatis, omnes vires suas in terrena convertit et eo magis magisque obscuratur in intertoribus ac superioribus suis; sed cum redire coeperit ad illam incommutabilem sapientiam, quanto magis ei propinquat affectu pietatis, tanto magis exterior homo corrumpitur, sed interior renovatur de die in diem omnisque lux ilia ingenii, quae ad inferiora vergebat, ad superiora convertitur et a terrenis quodam modo aufertur, ut magis magisque huic saeculo moriatur et vita eius abscondatur cum Christo in Deo.

¹⁴⁴¹ die enim quarto in quartum, quartanam naturaliter patitur.

¹⁴⁵¹ Hoc itaque completo scias quod habes corpus corpora perforans et naturam naturam continentem et naturam natura laetantem, quod profecto tyriaca philosophorum vocatur et dicitur vipera, quia sicut vipera, concipiendo prae libidinis ardore, caput secatur masculi et pariendo moritur et per medium secatur. Sic lunaris humor, concipiens lucem Solarem sibi convenientem, Solem necat et pariendo progeniem Philosophorum, ipsa similiter moritur et uterque parens moriendo animas filio tradunt et moriuntur et pereunt. Et parentes sunt cibus filii.

¹⁴⁶¹ ... incineretur corpus residuum, quod vocatur terra, a qua est extracta tinctura per aquam... Deinde capiti suo iunge et caudae.

¹⁴⁷¹ ἡ φύσις τῆ φύσει τέρεται, καὶ ἡ φύσις τὴν φύσιν νικᾷ, καὶ ἡ φύσις τὴν φύσιν κρατεῖ.

¹⁴⁸¹ Sic tyrium nostrum (colorem) in unoquoque regiminis gradu sui coloris nomine nuncupamus.¹⁴⁹¹ Hoc est sulphur rubeum, luminosum in

tenebris: et est hyacinthus rubeus, et toxicum igneum, et interficiens, et Leo victor, et malefactor, et ensis scindens, et Tyriaca sanans omnem infirmitatem.

¹⁵⁰¹ Qui me Miserculam i. e. me habentem materiam Mercurialem et Lunarem... ac dilectum meum i. e. pinguedinem solarem mecum i. e. (c)um h¹⁵¹¹ *ἡ γῆ εὐρίσκειται ἐν τῇ σὺνῶ τῆς παρθένου.* coniunxerit, *Saeit* ¹⁵²¹

Pulchra es amica mea, suavis et decora sicut Jerusalem: *Terribilis ut castrorum acies ordinata.* 4: *Averte oculos tuos a me quia ipsi me avolare fecerunt...* 9: Quae est ista, quae progreditur quasi *aurora consurgens* pulchra ut *luna*, electa ut *sol*, *terribilis ut castrorum acies ordinatai*

[53j] procedit Christus quasi sponsus de thalamo suo, praesagio nuptiarum exiit ad campum saeculi... pervenit usque ad crucis torum et ibi firmavit ascendendo coniugium; ubi eum sentiret anhelantem in suspiriis creaturam, commercio pietatis se pro coniuge dedit ad poenam... et copulavit sibi perpetuo iure matronam.

¹³⁴¹ Per cor amor intelligitur, qui in corde esse dicitur, et continens pro contento ponitur, et est similitudo, ab illo qui nimirum aliquam amat, et eius cor amore vulneratur. Ita *Christus amore Ecclesiae vulneratus est in cruce.* Prius vulnerasti cor meum, quando causa amoris tui flagellatus sum, ut te facerem mihi sororem... iterum vulnerasti cor meum, quando amore tui in cruce pendens vulneratus sum, ut te sponsam mihi facerem gloriae participem, et hoc in uno oculorum tuorum.

¹⁵⁵¹ ... illo vulnerato, neci dato ros iungitur.

¹⁵⁶¹ Hic est infans Hermaphroditus, qui a primis suis incunabulis per Canem Corascenum rabidum morsu infectus est, unde perpetua hydrophobia stultescit insanitque. ¹⁵⁷¹ vilesцит perca[r]nem infirmatus Leo.

¹⁵⁸¹ Naturae siquidem per serpentem introducto morbo, lethali que inflicto vulnere quaerendum est remedium.

¹⁵⁹¹ Mundi vitam enim... esse naturae lucem atque caeleste sulphur, cuius subiectum est firmamentalis humor aethereus et calor, ut sol et luna.

¹⁶⁰¹ Alcumistas omnium hominum esse perversissimos.

¹⁶¹¹ Minuitur Luna, ut elementa repleat.

Hoc est vere grande mysterium. Donavit hoc ei qui omnibus donavit gratiam. Exinanivit eam, ut repleat, Qui etiam se exinanivit, ut omnes repletet. Exinanivit enim se ut descenderet nobis, Descendit nobis, ut ascenderet omnibus... Ergo annuntiavit Luna mysterium Christi.

¹⁶² Ut cum Deus homo, cum immortalis mortuus, cum aeternus sepultus est, non sit intelligentiae ratio, sed potestatis exceptio; ita rursum e contrario non sensus, sed virtutis modus sit, ut Deus ex nomine, ut immortalis ex mortuo, ut aeternus sit ex sepulto.

¹⁶³ Quia lassae erant creaturae ferendo figuras maiestatis eius, eas suis figuris exoneravit sicut exoneravit ventrem qui eum gestavit.

¹⁶⁴ ... umbra mortis, quoniam tempestas dimersit me; tunc coram me procident Aethiopes et inimici mei terram meam lingent¹⁶⁵... at qui de dracone comedit non alius est, quam spiritualis Aethiops per draconis laqueos

mutatus et ipse in serpentem.

¹⁶⁷ Lapis... incipit propter angustiam carceris sudare.

¹⁶⁸ Hic princeps sudat ex tribulatione sua cuius sudor pluviae sunt.¹⁵⁹ In postremis suis operationibus... liquor obscurus ac rubens instar sanguinis, ex sua materia suoque vase guttatim exudat; inde praesagium protulerunt, postremis temporibus hominem purissimum in terras venturum, per quem liberatio mundi fieret, hunc ipsum guttas rosei rubeive coloris et sanguineas emissurum, quo mundus a labe redimeretur.

¹⁷⁰ Et Marcus dicit, concipiunt in balneis, significat calorem lentum et humidum balneorum, in quibus sudat lapis in principio dissolutionis suae.¹⁷¹ Tunc accipitur corpus perfectissimum, et ponitur ad ignem Philosophorum; tunc... illud corpus humectatur, et emittit sudorem quendam sanguineum post putrefactionem et mortificationem, Rorem dico Coelicum, qui quidem Ros dicitur Mercurius Philosophorum sive Aqua permanens.

¹⁷² Quae cum adparuerit, maribus femina decora adparet, feminis vero adolescentem speciosum et concupiscibilem demonstrat.

II. Парадоксы

¹ Antiquissimi philosophorum viderunt hunc lapidem in ortu et sublimatione sua... omnibus rebus mundi tam rebus quam intellectualibus... posse in similitudinibus convenire. Unde quaecumque dici et tractari possunt de virtutibus et vitiis, de coelo et omnibus tam corporeis quam incorporeis, de mundi creatione... et de Elementis omnibus... et de corruptibilibus et incorruptibilibus et visibilibus et invisibilibus et de spiritu et anima et corpore... et de vita et morte, et bono et malo, de veritate et falsitate, de unitate et multitudine, de paupertate et divitiis, de volante et non volante, de bello et pace, de victore et victo et labore et requie, de somno et vigilia, de conceptione et partu, de puero et sene, de masculo et foemina, de forti et debili, de albis et rubeis et quibuslibet coloratis,

de inferno et abysso et eorum tenebris, ac etiam ignibus sulphureis, et de paradiso et eius celsitudine, et claritate ac etiam pulchritudine et gloria eius inaestimabili. Et breviter de iis, quae sunt et de iis quae non sunt et de iis quae loqui licet et quae loqui non licet possunt omnia dici de hoc lapide venerando.

¹²¹ (ilia res) vilis et pretiosa, obscura celata et a quolibet nota, unius nominis et multorum nominum.

¹³¹ Τὸ ὑμῖν καὶ τῇ πολλῇ ὕλῃ ἐνὸς ὄντος τοῦ φυσικοῦ καὶ μιᾶς φύσεως νικώσης τὸ πᾶν;

¹⁴¹ Currens sine cursu, movens sine motu.

¹⁵¹ Ἐὰς Mercurium παρ' Mercurium

¹⁷¹ εὐκοπώτερον δὲ ἐστὶν τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν παρελθεῖν ἢ τοῦ νόμου μίαν κεραίαν πεσεῖν.

Iste enim spiritus generatur ex rebtis ponticis et ipse vocat ipsum humidum siccum igneum.

¹⁹¹ Puncti proinde, monadisque ratione, res et esse coeperunt primo.

¹⁰⁰¹ Punctum solis id est germen ovi quod est in vitello, quod germen movetur calore gallinae.

¹⁰¹ O admiranda sapientia, quae ex punctulo vix intelligibili, quicquid unquam ingentis machinae huius, vastae ponderosaeque molis a creatione factum est, solo verbo potuit excitare.

¹¹²¹ Ego ducam te ad aeternam mortem, ad inferos et ad domum tenebrosam. Cui anima: Anime rni spiritus. Quare ad eum sinum non reducis, a quo me adulando exceperis? credebam te mihi deuinctum necessitudine. Ego quidem sum arnica tua, ducamque te ad aeternam gloriam.¹¹³¹ Sed miser ego abire cogor, cum te super omnes lapides preciosos constituerem beatamque fecero. Quare te obsecro, cum ad regni solium deveneris, mei aliquando memorexistes.¹¹⁴¹ Quod si is spiritus apud animam et corpus manserit, perpetua ibidem esse corruptio.

¹¹³¹ Deus est figura intellectualis, cuius centrum est ubique, circumferentia vero nusquam.

¹¹⁶¹ triplici muro Castrum aureum circumdatum.

¹¹⁷¹ aeternitatis imago visibilis.

¹¹⁸¹ ἑνὸς ἐν ἑσσηνίᾳ / una substantia homogenea.

120] j^{ex} nātans in mari, damans alta voce: Qui me eripiet, ingens praemium habebit.¹²¹ ... quis est homo qui vivit sciens et intelligens eriens animam meam de manu inferi?

¹²²¹ Fuit quidam homo, qui nihil quidquam profuit nee defined potuit: omnes enim carceres confregit, imo et poenas omnes parvi fecit, interea quidam simplex vel humilis et sincerus repertus est vir, qui hujus

naturam bene noverat, et consilium tale dederat, ut is omnibus vestibus exutus denudetur.¹²³¹ Vestes abiectae illius ad pedes illius iacebant erantque nimis rancidae, foetidae, venenosae etc. atque tandem hunc in modum loqui incipiebat: 'Stolam meam exui, quomodo eandem iterum induam?'

¹²⁴¹ Quousque terra luceat veluti oculi piscium.

¹²³¹ Grana instar piscium oculorum.¹²⁶¹ In principio... quasi grana rubea et in coagulatione velut oculi piscium.¹²⁷¹ Quando veluti oculi piscium in eo elucescunt.

¹²⁸¹ Hic lapis est subtus te, supra te, et ergo a te, et circa te.

¹²⁹¹ Cuius pulli rostro eruunt matri oculos.

¹³⁰¹ Alterius profani sacramenti signum est θεός ἐκ πέτρας ... alius est lapis, quem deus in confirmandis fundamentis promissae Hierusalem missurum se esse promisit: Christus nobis venerandi lapidis significatione monstratur.

¹³¹¹ Ἐτι τὴν Αἴγυπτον ἐν ταῖς μάλιστα μελάγγειον οὖσαν ὥσπερ τὸ μέλαν τοῦ ὀφθαλμοῦ χημίαν καλοῦσιν καὶ καρδία παρεικάζονσιν.

¹³²¹ Est quasi oculus quidam visusqu'e animae, quo saepe affectus animae nobis et consilium indicatur, cuius radiis et intuitu omnia coalescunt.

¹³³¹ Ὅσπριν πολνόφθαλμον . . . πανταχῆ γὰρ ἐπιβάλλοντα τὰς ἀκτῖνας ὥσπερ ὀφθαλμοῖς πολλοῖς κτλ .

¹³⁴¹ Ἐκ δὲ τῶν ἀτόμων συνελθουσῶν γενέσθαι, καὶ τὸν θεὸν καὶ τὰ στοιχεῖα καὶ τὰ ἐν αὐτοῖς πάντα καὶ Ζῆα καὶ ἄλλα κτλ.

¹³⁵¹ Si homo res in maiori mundo transmutare novit... quanto magis id in microcosmo, hoc est, in se ipso noverit, quod extra se potest, modo cognoscat hominis in homine thesaurum existere maximum et non extra ipsum.

¹³⁶¹ Chemicam artem naturaliter exercet Archeus in homine.

¹³⁷¹ Quia homo est in corruptione generatus, odio prosequitur eum sua propria substantia.

¹³⁸¹ Armoniac sal id est stella.³⁹¹ Ista est optima, quae extrahitur vi chalybis nostri qui invenitur in ventre Arietis... ante debitam coctionem est summum venenum.

¹⁴⁰¹ Homo quidam est esca, in qua[m] per cotem scl. Mercurium, et chalybem (scl.) Caelum, ignis huiusmodi scintillae excussae, fomentum accipiunt, viresque suas exserunt.

¹⁴¹¹ Nam in rerum natura nihil est, quod non in se mali tantum quantum boni contineat.

¹⁴²¹ Matrimonium enim quasi pallium hoc quicquid est vitii, tegit et abscondit.

¹⁴³¹ Scorpio i. e. venenum. Quia mortificat seipsum et seipsum vivificat.¹⁴⁴¹ Ἐδοῖ, δίκερως δίμορφε! deus iste vester non biformis est, sed

multiformis... ipse est basiliscus et scorpio... ipse malitiosus anguis... ipse tortuosus draco, qui hamo ducitur... iste deus vester Lernaei anguis crinibus adornatur.

¹⁴⁵¹... ἀνάστηθι ἐκ τοῦ τάφου . . . καὶ τὸ φάρμακόν τῆς ζωῆς εἰσήλθεν πρὸς σέ. . . ¹⁴⁶¹ Spiritus tingens et aqua metallina perfundens se in corpus ipsum vivificando.

¹⁴⁷¹ Hanc Omnia esse, Omnia in se habere, quibus indiget ad sui perfectionem, Omnia de ipsa praedicari posse et ipsam vicissim de omnibus.

¹⁴⁸¹ Unum enim est totum, ut ait maximus Chimes, ob quod Χύμης δὲ καλῶς ἀπεφήνατο· Ἐν γὰρ τὸ πᾶν· καὶ δι' αὐτοῦ τὸ πᾶν sunt omnia, et si totum non haberat totum nihil totum esset. πᾶν ἔχει τὸ πᾶν οὐ γέγονε τὸ πᾶν.

¹⁵⁰¹ materiam nostram simul esse in caelo, terris et aquis, tanquam totam, in toto, et totam in qualibet parte: adeo ut partes illae, alioquin separabiles, nusquam ab invicem separari possint, postquam unum facta sunt: hinc tota Lex et Prophetia chemica pendere videtur.

¹⁵¹¹ Quisnam igitur liber? Sapiens, sibi qui imperiosus, quem neque pauperies neque mors neque vincula terrent, responsare cupidinibus, contemnere honores fortis, et in se ipso totus teres atque rotundus.

¹⁵²¹ Nam ipsa est continens contentum in se convertens, atque sic est sepulchrum seu continens, non habens in se cadaver seu contentum, veluti Lothi coniunx ipsa sibi sepulchrum fuisse dicitur absque cadavere et cadaver absque sepulchre

¹⁵³¹ crassities aeris et omnia membra in atomos divellantur. ¹⁵⁴¹ ποτὲ δὲ νέκυν ἢ θεὸν ἢ τὸν ἄκαρπον ¹⁵⁵¹ Et sicut sol a principio occultatur in lunam, ita in fine occultatus extrahitur a luna.

¹⁵⁶¹ Nam et eius (corporis mortui) odor est malus, et odori sepulchrorum assimilatur.

¹⁵⁷¹ Purus laton tamdiu decoquitur, donec veluti oculi piscium elucescat.

¹⁵⁸¹ Posito hoc Uno in suo sepulcro sphaerico. ¹⁵⁹¹ (Vas) dicitur etiam sepulcrum.

¹⁶⁰¹ Tumulus ergo in quo Rex noster sepelitur Satumus... dicitur.

¹⁶¹¹ In adytis habent idolum Osiridis sepultum.

¹⁶²¹ Hinc dicit Avicenna: Quamdiu apparuerit nigredo, dominatur obscura foemina, et ipsa est prior vis nostri lapidis.

¹⁶³¹ Extat epitaphium antiquum Bononiae quod multorum fatigavit ingenia... Sunt qui hoc aenigma interpretentur animum hominis, alii nubium aquam, alii Nioben in Saxum mutatam, alii alia.

¹⁶⁴¹ (Epitaphium) loquitur nempe... defilia Laelionascitura, eademque sponsa Agathonis designata, sed non filia, sed non sponsa, quia concepta, non edita; quia non orta, sed abortiva; qua propter tali ac tanta spe frustratus Agatho, jam pridem delectus in coniugem, et a sorte elusus, hac

Aenigmatica Inscriptio iure merito sic et ipse lusit, vel ludentis speciem prae-buit.

¹⁶⁵¹ Itaque vocatus sum Hermes Trismegistus, habens tres partes philosophiae totius mundi.

¹⁶⁶¹ Numero Deus impari gaudet.

¹⁶⁷¹ Hic serpens est calidus, quaerens exitum ante ortum, perdere volens foetum, cupiens abortum.

¹⁶⁸¹ Naturae subtilitas... causam dedit augmentationis et vitae, et se in naturas perfectissimas reduxit.¹⁶⁹¹ Hic Serpens... tanquam Bufo nigerrimus tumescit et... petit a sua tristitia liberari.

¹⁷⁰¹ Dico Aeliam Laeliam Crispem ex Hamadryadibus unam fuisse... i. e. Quercui in Suburbano agro Bononiensi applicitam, seu inclusam, quae mollissima simul et asperrima apparens jam a bismille forsitan annis inconstantissimos Protei in morem tenens vultus Lucii Agathonis Prisci civis tunc Bononiensis Amores ex Chao certe, i. e. confusione Agathonia... elicitos anxiiis curis et solitudinibus implevit.

¹⁷¹¹ Tertium tandem aenigma erit de Quercu, mundum elementarem repraesentantem in caelesti quodammodo viridario piantata, ubi Sol et Luna duo veluti flores circumferuntur.

¹⁷²¹ Induxit quercum veterem fissam per medium, (qui) tuetur a solis radiis, umbram faciens.

¹⁷³¹ ~~Ἡ δὲ φωνὴ τῆς ἀντιγραφῆς ἐστὶν ἡ ἀρχὴ τῆς ἀντιγραφῆς καὶ τῆς ἀντιγραφῆς.~~ Pri-
mo duro lapide et claro clauditur, turn demum cava quercu.

¹⁷⁵¹ Per matricem, intendit fundum cucurbitae.¹⁷⁶¹ Vas spagiricum ad similitudinem vasis naturalis esse construendum.

¹⁷⁷> Locus generationis, licet sit artificialis, tamen imitatur naturalem, quia est *concauus, conclusus*.

¹⁷⁸¹ Quod enim est matrix embrioni, hoc est aqua fideli. In aqua enim fingitur et formatur. Primum dicebatur: Producant aquae reptile animae viventis. Ex quo autem Jordanis fluentia ingressus est Dominus non amplius reptilia animarum viventium, sed animas rationales Spiritum Sanctum ferentes aqua producit.

¹⁷⁹¹ Arbores quae in ipso (paradiso) sunt, concupiscentiae sunt et ceterae seductiones corrumpentes cogitationes hominum. Illa autem arbor quae est in paradiso, ex qua agnoscitur bonum, ipse est Jesus et scientia eius quae est in mundo; quam qui acceperit, discernit bonum a malo.

¹⁸⁰¹ Item dixit Marchos et est tempus in isto genito quod nascitur de quo facit talem similitudinem. Tunc aedificabimus sibi talem domum, quae dicitur monumentum Sihoka. Dixit, terra est apud nos quae dicitur tormos, in qua sunt reptilia comedentes opaca ex lapidibus adurentibus, et bibunt super eis sanguinem hircorum nigrorum, manentes in umbra, concipiunt in balneis, et (pariunt) in aere et gradiuntur supra mare et

manent in monumentis et etiam manent in sepulchris, et pugnat reptile contra masculum suum, et in sepulchre manet masculus eius 40] noctibus...

¹⁸¹ Christus in deserto quadraginta diebus totidemque noctibus ieiunavit, quemadmodum etiam per quadraginta menses in terra concionatus est, et miracula edidit, per quadraginta horas in sepulcro iacuit: quadraginta dies, inter resurrectionem a mortuis et ascensionem suam ad coelos, cum discipulis conversatus vivum esse ipsis repraesentavit.

[82] Marmor coruscans est elixir ad albura.¹⁸³ Et proiciunt semen super marmore simulachrorum et in aqua sibi simili deifica, et venient corvi volantes, et cadunt super illud simulacrum. Intendit nigredinem... per corvos.¹⁸⁴ Maximum quidem mysterium est creare animas, atque corpus inanime in statuum viventem confingere.¹⁸⁵ Tunc autem haec fient, cum statua venerit.¹⁸⁶ Semper extrahis oleum (= anima) a corde statuarum: quia anima est ignis in similitudine, et ignis occultatus.¹⁸⁷ Calefacimus eius aquam extractam a cordibus statuarum ex lapidibus.¹⁸⁸ Animas venerari in lapidibus: est enim mansio eorum in ipsis.

^m Cum mea mater gravida gestaret in alvo, Quid pareret fertur consuluisse deos. Phoebus ait: Puer est; Mars: Femina; Juno: Neutrum.

Jam qui sum natus Hermaphroditus eram.

Quaerenti letura dea sic ait: Occidet armis;

Mars: Cruce; Phoebus: Aqua. Sors rata quaeque fuit.

Arbor obumbrat aquas; conscendo, labitur ensis

Quern tuleram casu, labor et ipse super; Pes

haesit ramis, caput incidit arne, tulique

— Vir, mulier, neutrum — flumina, tela, crucem. [so] y|_r non v|_r<

yidens non videns, in arbore non in arbore, sedentem non sedentem,

volucrem non volucrem, percussit non percussit, lapide non lapide.

¹⁹¹ ὅτι βάλοι ξύλω τε καὶ οὐ ξύλω καθήμενν ἄννια καὶ οὐκ ὄρνιθα ἀνήρ τε κ' οὐκ ἀνι. Ο τύμβος οὗτος ἐνδον οὐκ ἔχει νεκρον [οἱ νεκρον], ἰρθηξ, τὸ δὲ νεκρὸς οὗτος ἐκτὸς οὐκ ἔχει τάφον

¹⁹² ἀλλ' αὐτὸς αὐτοῦ νεκρὸς ἐστὶ καὶ τάφος.

[93i] Igneus

est illi vigor et

coelestis origo, a qua nunc hie Haelia ominatur. ¹⁹⁴ Habet in se... totius

Humanitatis quasi dicerem *ατοχυχα*. ¹⁹⁵ Sic si seipsam volet anima

cognoscere, in animam debet intueri, ue eum praecipue locum, in quo inest

virtus animae, sapientia. ¹⁹⁶ Nihil aliud esse hominem quam animam

ipsius. ¹⁹⁷ Animamque ut ideam hoc Epitaphio notari.

is»] p_{ri}ma materia cum nihil sit, sed imaginatione sola comprehendatur nullo istorum locorum contineri potest.

¹⁹⁹ⁱ Scopum Autoris esse mirifice complecti Generationis, Amicitiae ac Privationis attributa.

¹¹⁰⁰ⁱ Crispulus ille, quis est, uxori semper adhaeret?

Qui Mariane tuae? Crispulus iste quis est?

¹¹⁰¹ⁱ (Anima) quae extra corpus multa profundissima imaginaretur hisce assimilatur Deo.

III. Персонализация противоположностей

¹ Domine, quamvis rex sis, male tamen imperas et regis.

¹²ⁱ Aurum nostrum non est aurum vulgi.

¹³ⁱ Aurum et argentum in metallina sua forma lapidis nostri materiam non esse.

¹⁴ⁱ Substantia aequalis, permanens, fixa. longitudine aeternitatis. ¹⁵ⁱ Est enim Sol radix incorruptibilis. ¹⁶ⁱ Immo non est aliud fundamentum artis quam sol et eius umbra.

¹⁷ⁱ Scias igitur quod ignis sulphur est, id est Sol.

¹⁸ⁱ Sol noster est rubeus et ardens. ¹⁹ⁱ Sol nihil aliud est, quam sulphur et argentum vivum.

¹⁰ⁱ (Tractans de quadam virtute invisibili) vocat eam balsamum, omnem corporis naturam excedentem, qui duo corpora coniunctione conservat, et coeleste corpus una cum quatuor elementis sustentat.

¹¹ⁱ Fatuum esset cum plurimis credere, solem esse duntaxat ignem caelestem.

¹²ⁱ Ut fons vitae corporis humani, centrum est cordis eius, vel id potius quod in eo delitescit arcanum, in quo viget calor naturalis.

¹⁴ⁱ quorumvis seminaria virtus atque formalis delitescit. ¹¹⁵ⁱ Punctum solis i. e. germen ovi, quod est in vitello. /

¹¹⁶ⁱ Masculinum et universale semen primum et potissimum est eius naturae sulphur, generationum prima pars omnium, ac potissima causa. Proinde a Paracelso prolatum est, sol et homo per hominem, generant hominem.

¹¹⁷ⁱ Terra fecit Lunam... deinde ortus est sol... post tenebras quas posuisti ante ortum solis in ipsa.

¹¹⁸ⁱ Et hoc modo Alchemia est supra naturam et est divina. Et in hoc lapide est tota difficultas istius artis, neque potest assignari sufficiens ratio naturalis, quare hoc ita esse possit. Et sic cum intellectus non possit hoc comprehendere, nee satisfacere sibi, sed oportet ipsum credere, sicut in miraculosis rebus divinis, ita ut fundamentum fidei

Christianae, quod supra naturam existit, a non credentibus primo existimetur verum omnino, quoniam finis eius miraculose et supra naturam completur. Ideo tunc solus Deus est operator, quiescente natura artifice.

¹¹⁹¹ Cum non suffecissem mirari de tanta rei virtute sibi coelitus indita et infusa.

¹²⁰¹ Porro in humano corpore latet quaedam substantia caelestis naturae paucissimis nota, quae nullo penitus indiget medicamento, sed ipsamet est sibi medicamentum incorruptum.

¹²¹¹ Non intelligit animalis homo... facti sumus sicut lapides" oculos habentes et non videntes.

¹²²¹ Cum Solem... Plato visibilem filium Dei appellet, cur non intelligamus nos imaginem esse invisibilis filii. Qui si lux vera est illuminans omnem *mentem* expressissimum habet simulachrum hunc Solem, qui est lux imaginaria illuminans omne corpus.

¹²³¹ Qui autem sapientum venenum sole et eius umbra tinxit, ad maximum pervenit arcanum.¹²⁴¹ In umbra solis est calor Lunae.

¹²⁵¹ Fili, extrahe a radio umbram suam.

¹²⁶¹ terra auri suo proprio spiritu solvitur.¹²⁷¹ ... obscuratus est Sol in ortu suo. Et haec denigratio est operis initium, putrefactionis indicium, certumque commixtionis principium.

¹²⁸¹ In manifesto sunt corporalia et in occulto spiritualia.

¹²⁹¹ Sicut sol a principio occultatur in Lunam, ita in fine occultatus extrahitur a Luna.

¹³⁰¹ quae ex radiis Solis vel Lunae vi magnetis extracta est.

¹³¹¹ Sine sole terreno opus Philosophicum non perficitur.

¹³²¹ Sicut enim sol sub nube, sic sol iustitiae latuit sub humana came.

¹³³¹ Sulphur est omne id quod incenditur, nequicquam concipit flammam nisi ratione sulphuris.¹³⁴¹ Sulphur enim aliud nihil est quam purus ignis occultus in mercurio.¹³⁵¹ simplex ignis vivus, alia corpora mortua vivificans.

¹³⁶¹ Sulfura sunt animae, quae in quatuor fuerant occultae corporibus.

¹³⁷¹ quousque natus viridis tibi appareat, qui eius est anima, quam viridem avem et aes et sulphur philosophi nuncupaverunt.

[38! Pater et semen virile.¹³⁹¹ Substantia sulphuris quasi semen paternum, activum et formativum.

¹⁴⁰¹ Sed quod maius est, in Regno eius est speculum in quo totus Mundus videtur. Quicumque in hoc speculum inspicit, partes sapientiae totius Mundi in illo videre et addiscere potest, atque ita sapientissimus in hisce Tribus Regnis evadet.

¹⁴¹¹ Domine, scitne etiam Sulphur aliquid in metallis? Vox: Dixi tibi, quod omnia scit et in metallis multo melius quam alibi.¹⁴²¹ est cor omnium rerum.

⁴³1 candelulae, quas vetulae ad accendendum ignem vulgo vendunt. ¹⁴⁴] elychnia ex sulphure, quo subducuntur fila aut ligna.

¹⁴⁵1 In Sulphure Philosophorum totum hoc arcanum latet, quod etiam in penetralibus Mercurii continetur.

¹⁴⁶1 Caput eius vivit in aeternum et ideo caput denominatur vita gloriosa, et angeli serviunt ei.

¹⁴⁷1 Anirnans autem vis, tanquam mundi glutinum, inter spiritum atque corpus medium est, atque utriusque vinculum, in Sulphure nimirum rubentis atque transparentis olei cuiusdam, veluti Sol in Majore Mundo, et cor Microcosmi.

¹⁴⁸1 ab omni feculentia terrestri, et cadit Lucifer: hoc est, immunditia et terra maledicta e coelo aureo.

¹⁴⁹1 pinguedo in cavernis terrae.

¹⁵⁰1 Res ex qua sunt res est Deus invisibilis et imrnobilis, cuius voluntate intelligentia condita est, et voluntate et intelligentia est anima simplex, per anijnam sunt naturae discretae, ex quibus generatae sunt compositae.

¹⁵¹1 Non habet in actu suo finem, quia tingit in infinitum.

¹⁵²1 Idque Philosophi diversimodo indigitarunt, atque Sponso et Sponsae (quemadmodum etiam Salomon in Cantico Canticorum suo ait) compararunt.

[53] Verum Luna, cum infimus sit planetarum, ut matrix concipere fertur virtutes astrorum omnium, rebusque inferioribus deinceps impartiri... Luna universas siderum vires... gignendis rebus cunctis et potissimum earum seminibus infert inseritque. ¹⁵⁴1... etiam in interranis eiusdem (scl. terrae) visceribus lapidura, metallorum, imo animantium species excitando condendoque.

¹⁵⁵1 Iste vult concumbere cum matre sua in medio terrae. ¹⁵⁶1 Et coelum corporum incorruptibilium et inalterabilium sedes et vas est Luna, quae humiditati praesidet, aquam et terram repraesentat.

¹⁵⁷1 Cum autem videri terram sicut nivem albissimam... est cinis a cinere et terra extractus, sublimatus, honoratus... est quaesitum bonum, terra alba foliata.

¹⁵⁸1 Primum enim opus ad Album in Domo Lunae.

¹⁵⁹1 Sed nescio quae proprietas... et quaedam natura inest lumini, quod de ea defluit, quae humectet corpora et velut occulto rore madefaciat.

⁶⁰1 πηγή ἀέρος τοῦ παραδείσου. ⁶¹1 mortalium corporum autor et conditrix ¹⁶²1 φυσικόν autem, id est crescendi natura, de lunari ad nos

globositate perve niunt.

1641. Forsitan vultis videre sacratissimas arbores Solis et Lunae, quae annuntient vobis futura.

¹⁶⁵1 In maris Luna est spongia plantata.

I⁶⁶¹ Illud vero quod est vapor, vel in eis partibus subtilitas non retinetur nisi a corpore duro... et quandoque est lapis qui circumdat substantias velut spongia.¹⁶⁷ Sol et Luna cum prima aqua calcinantur philosophice, ut corpora aperiantur, et fiant spongiosa et subtilia, ut aqua secunda melius possit ingredi.¹⁶⁸ Pars superior est anima, quae totum lapidem vivificat et reviviscere tacit.¹⁶⁹ Zoophyton, neque animal, neque frutex, sed tertiam habet quandam naturam.

I⁷⁰ quod radices suarum minerarum sunt in aere, et summitates in terra. Et quando evelluntur a suis locis, auditur sonus terribilis, et sequitur timor magnus. Quare vade cito, quia cito evanescent.

¹⁷¹ Et sicut omnes res fuerunt ab uno, meditatione unius: sic omnes res natae fuerunt ab hac una re, adaptatione.¹⁷² Pater eius est Sol, mater eius Luna; portavit illud ventus in ventre suo. Aer mediator inter ignem (= Sol) et aquam (= Luna) per calorem et humiditatem suam. Aer est vita uniuscuiusque rei. Natus sapientiae in aere nascitur.

¹⁷³ ... spiritus et anima quando decocti fuerint, in iteratione destillationis, et tunc permiscentur permixtione universali, et unus retinebit alterum et fiet unum. Unum in subtilitate et spiritualitate...

¹⁷⁴ Dixit magister noster Belenius Philosophus, ponas lumen tuum in vase vitreo claro et nota quod omnis sapientia mundi huius circa ista tria versatur.

¹⁷⁵ Una vero die vocavit me magister meus Bolemus Philosophus et dixit mihi: eja fili, spero te esse hominem *spiritualis intellectus*, et quod poteris pertinere ad gradum supremum sapientiae.

¹⁷⁶ Ἐρμῆ κοσμοκράτωρ, ἐγκάρδιε, κύκλε σελήνης, στρογγύλε καὶ τετράγωνε.

¹⁷⁷ Ciconia serpentes devorat, carnes eius contra omnia venena valent.

¹⁷⁸ Natus est draco in nigredine, et... interficit seipsum.

¹⁷⁹ Mundi animam praecipue in Sole collocamus.

¹⁸⁰ Draco non moritur nisi cum fratre suo et sorore sua.

¹⁸¹ intellectum qui actu est, Lunam eum, qui est potentia.

¹⁸² Hinc illud Chaldaeorum: Vas tuum inhabitant bestiae terrae, et apud Platonem in republica discimus habere nos domi diversa genera brutorum.

¹⁸³ Et lunari certe semicirculo (<2) ad solare (0) complementum perducto: Factum est vespere et mane dies unus. Sit ergo primus, quo lux est facta Philosophorum.

¹⁸⁴ Lunam terram statuimus infimam ignobilissimamque omnium siderum, uti est terra omnium elementorum opacitate, itidem substantiae et maculis illi persimilem.

¹⁸⁵ Lunam quidem scimus omnibus inferiorem.

¹⁸⁶ Luna enim est umbra Solis, et cum corporibus corruptibilibus consumitur et per ipsius corruptionem... Leo eclipsatur.

¹⁸⁷ Et sicut aetheris et aeris: ita divinatorum et caducorum luna confinium est.

¹⁸⁸¹ A luna deorsum natura incipit caducorum, ab hac animae sub numerum dierum cadere et sub tempus incipiunt.... Nee dubium est, quin ipsa sit mortalium corporum et autor et conditrix.

¹⁸⁹¹ Secunda empirica (metodica) i. e. experientissima inventa est ab Esculapio.

¹⁹⁰¹ ... quod fieri dicunt, cum Lunae lumen incipit crescere, usque ad quintam decimam Lunam, et rursus ad tricesimam minui, et redire ad cornua, donec nihil penitus lucis in ea appareat. Secundum hanc opinionem Luna in allegoria... significat ecclesiam, quod ex parte quidem spiritali lucet ecclesia, ex parte autem carnali obscura est.

¹⁹¹¹ mitis electis, terribilis reprobis, pastor verus.¹⁹²¹ vel qui alii hujus gregis canes vocantur, nisi doctores sancti?

¹⁹³¹ [Hermes] dixit: Fili, accipe canem masculum Corascenen et caniculam Armeniae, et iunge in simul, et parient canem coloris coeli, et imbibe ipsum una siti ex aqua maris: quia ipse custodiet tuum amicum et custodiet te ab inimico tuo et adiuvabit te ubicunque sis, semper tecum existendo in hoc mundo et in alio. Et voluit dicere Hermes, pro cane et canicula, res quae conservant corpora a combustione ignis et eius caliditate.

¹⁹⁴¹ Hali, Philosophus et Rex Arabiae in suo Secreto dicit: Accipe canem coetaneum, et catulam Armeniae, iunge simul, et hi duo parient tibi filium canem, coloris coelici: et iste filius servabit te in domo tua ab initio in hoc Mundo et in alio.

¹⁹⁵¹ Rumpe ergo domum, frange parietes, purissimum inde extrahe succum cum sanguine; coque ut edere possis. Unde dicit Arnaldus in libro Secretorum: Purga lapidem: tere portam: frange *caniculam*: elige carnem teneram, et habebis rem optimam. In una ergo re omnia membra latent, omnia metalla lucent. Horum duo sunt artifices, duo vasa, duo tempora, duo fructus, duo fines, una salus.

¹⁹⁶¹ Utraque avis volans ad regum mensas et capita salit.⁹⁷¹ Et venient corvi volantes et cadunt supra illud.

¹⁹⁸¹ Recipe Galium, crista rubea coronatum et vivum plumis priva.

⁹⁹⁾ Aquae..., quae *CanisBalsami* dicitur, sive lac virginis, aut argentum vivum nostrum, seu anima, aut ventus aut cauda draconis.

¹¹⁰⁰¹ ... recipit ille globus carnem, id est coagulationem, et sanguinem, id est tincturam.¹¹⁰¹¹ Ex his possunt philosophicae transmutationes intelligi: nonne scimus et panis et vini puriorem substantiam in carnem et sanguinem transmutari?¹¹⁰²¹ lam. suam carnem sanguineam et rubeam tradit omnibus manducandam.¹¹⁰³¹ habere scientiam corporis, grossi, turbidi, carnei, quod est pondus naturarum, et pervenit ad animam simplicem.

¹¹⁰⁴¹ Est enim lapis unus, una medicina, cui nil extranei additur, nee diminuitur, nisi quod superflua removentur.¹¹⁰⁵¹ Unus est lapis, una medicina, unum vas, unum regimen, unaque dispositio.

[106] primum enim opus acj Album in domo Lunae, secundum in secunda Mercurii domo terminari debet. Primum autem opus ad rubeum in secundo Veneris domicilio; postremum vero in altera regali Jovis solio desinet, a quo Rex noster potentissimus coronam pretiosissimis Rubinis contextam suscipiet.¹¹⁰⁷¹ Albus (lapis) in occasu Solis incipit apparere super facies aquarum, abscondens se usque ad mediam noctem et postea vergit in profundum. Rubeus vero ex opposite operatur, quia incipit ascendere super aquas in ortu Solis usque ad meridiem et postea descendit in profundum.

lio8i Cur arborem dimisisti narrare, cuius fructum qui comedit, non esuriat unquam?¹¹⁰⁹¹ Dico quod ille senex de fructibus illius arboris comedere non cessat ad numeri perfectionem, quousque senex ille iuvenis fiat... Pater filius factus est.

¹¹¹⁰¹ Tibimet, Dei vates, in visione visus es tanquam vitis ampla, universum orbem implens divinis verbis, quasi fructibus.¹¹¹¹¹ An ignoratis quod tota divina pagina parabolice procedit? Nam Christus... modum servavit eundem et dixit: Ego sum vitis vera.

¹¹¹²¹ Spagyri... ex ipsa Luna oleum eliciunt... adversus morbum caducum, omnesque cerebri affectus.

¹¹¹⁴¹ In philosophica Mercurii sublimatione sive praeparatione prima Herculeus labor operanti incumbit... limen enim a cornutis belluis custoditur... earum ferocitatem sola Dianae insignia et Veneris columbae muicebunt, si te fata vocant.

¹¹¹⁵¹

¹¹¹⁶¹ *ἄλλοι δὲ τὸν ἀπὸ τοῦ ἡλίου ἐκπεσόντα λέγουσιν ὅτι ἐστὶν ἡ ἀρχὴ τῆς ζωῆς*
Claves habet ad carceres infernales, ubi sulphur ligatum iacet.

¹¹¹⁷¹ Columbafuit Dominus Jesus... dicens Pax Vobis... En Columba, en oliva virens in ore.¹¹¹⁸¹ Unde Propheta exclamat: Quis dabit mihi pennas sicut columbae, videlicet cogitationes contemplationesque immaculatas: O c simplices.

[119] Jgo sum jUumJnans omnia mea et facio lunam apparere patenter de interiore de patri meo Saturno et etiam de matre dominante, quae mihi inimicatur.

¹¹²⁰¹ matrem et uxorem solis, quae foetum spagiricum a sole conceptum in sua matrice uteroque vento gestat in aere.

¹¹²¹¹ ... cum haectinctura vivificantuomnesmortui, ut semper vivant, et hoc est fermentum primum elementatum, et est ad Lunam, et hoc est lumen omnium luminum, et est flos et fructus omnium luminum, quod illuminat omnia.

¹¹²²ⁱ Primum namque aqua destillata pro Luna aestumatur: Sol enim, tamquam ignis, in ea occultatus est.

¹¹²³¹ Quartus est Infernalis intelligibili oppositus, ardoris et incendii absque ullo lumine.

¹¹²⁴ Sal autem reperitur in nobili quodam Sale et in rebus omnibus; quo circa veteres Philosophi illud vulgarem Lunam appellarunt.

¹¹²⁵¹ (Deum habere) circa se ipsum amorem. Quern alii spiritum intellectualem asseruere et igneum, non habentem formam, sed transformantem se in quaecumque voluerit, et coaequantem se universis... Unde rite per quandam similitudinem animae naturae Deum aut Dei virtutem, quae omnes res sustinet, Animam mediam naturam, aut animam Mundi appellamus.

[126] Primo fit cinis, postea sal, et de illo sale per diversas operationes Mercurius Philosophorum.

¹¹²⁷¹ Qui non gustaverit saporem salium, nunquam veniet ad optatum fermentum fermenti.

¹¹²⁸¹ Alexander Magnus, Macedoniae Rex, ad nos, in Philosophia sua ita ait: Benedictus Deus in coelo siet, qui artem hanc in Sale creavit.

¹¹²⁹¹ (In initio) Sal est nigrum ferme ac foetidum.

¹¹³⁰¹ Est lapis occultus, et in imo fonte sepultus,
Vilis et eiectus, fimo vel stercore tectus... Et lapis
hie avis, et non lapis, aut avis hie est... .. nunc
spuma maris vel acetum,

Nunc quoque gemma salis, Almisadir sal generalis

Nunc mare purgatum cum sulphure purificatum...

¹¹³¹¹ ... cuius collum aureus fulgor, reliquum corpus purpureus color in pennis cinxit.

¹¹³²¹ Ad hoc, scl. (corpus) spirituale, ignis, ad illud vero scl. corruptibile Sal refertur.

[133] Profundum maris sedem intelligamus inferni.

¹¹³⁴¹ Diabolus maria undique circumdat et undique pontum.

¹¹³⁵¹ (imaginationis) res amaras ut lachrymas, tristitiam et vermem conscientiae.

¹¹³⁶¹ Gustus torquebitur perpetua fame sitique rabiosa, in quarum levamen dabitur miseris Damnatis pro cybo absynthium, pro potu autem aqua fellis.

[137] Mare Rubrum significat Baptismum.

¹¹³⁸¹ Mare rubrum est baptismus sanguine Christi rubicundus, in quo hostes scl. peccata, merguntur.

[139] Melius est gaudere in opere, quam laetari in divitiis sive virtuoso labore.

¹¹⁴⁰¹ Ibi Oryx in summo aestu sitibunda lachrymis quasi effusis et gemitibus iteratis ardorem solis detestari traditur.

¹¹⁴¹¹ Res, cuius caput est rubeum, oculi nigri et pedes albi, est magisterium.

¹¹⁴²¹ Turn tua res agitur, paries cum proximus ardet.

[из] Fenix arabie avis dicta quod colorem fenicium habeat et quod sit in toto orbe singularis et unica.

¹¹⁴⁴¹ Quem tu hie quaeris, inquit, peregrine? Ad virginem non licitum est viro appropinquare.

[145] Doceat nos haec avis vel exemplo sui resurrectionem credere.

¹¹⁴⁶¹ Cur igitur Judaei iniqui, Domini nostri Jesu Christi triduanam resurrectionem non crediderunt, cum avis trium dierum spatio seipsam suscitet?

¹¹⁴⁷¹ Sapiens, pennas cui dabis, oro, tuas.

¹¹⁴⁸¹ Divitiae cedant et opes, huic cedat et aurum, cui mens non eadem, non homo, sed pecus est.

[149] Pater ejus est Sol, mater ejus Luna; portavit illud ventus in ventre suo; nutrix ejus terra est.

Vis ejus integra est, si versa fuerit in terram.

Ascendit a terra in coelum, iterumque descendit in terram et recipit vim superiorum et inferiorum. Sic habebis gloriam totius mundi.

[150] Draco mulierem et haec ilium interimit, simulque sanguine perfunduntur.

[151] Aenigmate hoc olim involutum est a Philosophis: facfixum, inquit, volatile, et rursus volatile fixum, et totum habebis magisterium.

¹¹⁵²¹ Nemo enim ascendit in caelum, quod quaeritis, nisi qui de caelo (quod non quaeritis) descendit, illuminet eum.

¹¹⁵³¹ Disce ex te ipso, quicquid est et in caelo et in terra, cognoscere, ut sapiens fias in omnibus. Ignoras caelum et elementa prius unum fuisse, divino quoque ab invicem artificio separata, ut et te et omnia generare possent? Si hoc nosti, reliquum et te fugere non potest, aut ingenio cares omni. Rursus in omni generatione, separatio talis est necessaria, qualem de te supra dixi fiendam, antequam ad verae philosophiae studia velum applies. Ex aliis nunquam unum facies quod quaeris, nisi prius ex te ipso fiat unum.

¹¹⁵⁴¹ Simul descensus in quatuor et ascensus ad monadem. ¹¹⁵⁵¹ Decoquendus igitur, assandus, et fundendus: ascendit atque descendit, quae quidem operationes omnes unica sunt igne solo facta (opera-tio).

¹¹⁵⁶¹ Lapis noster transit in terram, terra in aquam, aqua in aera, aera ignem, ibi est status, sed descendetur e converse

¹¹⁵⁷¹ Hac similitudine tibi satisfaciam: Filius Dei delapsus in virginem ibique caro figuratus homo nascitur, qui cum nobis propter nostram salutem veritatis viam demonstrasset, pro nobis passus et mortuus, post resurrectionem in coelos remeat. Ubi terra, hoc est humanitas, exaltata est, super omnes circulos mundi, et in coelo intellectual! sanctissimae Trinitatis est collorata.

¹⁵¹ Hostes meos omnes superavi et vici,
 Venenosumque draconem pedibus meis subegi,
 Sum Rex eximius et dives in terris

Hinc mihi Hermes nomen *sylvarum domini* tribuit.

¹⁶¹ Inquiunt quidam, venerare humiditates, reges namque sunt magnanimi iniuriam non patientes, parce ergo eis et eorum capta benevolentiam, et suis oculis tibi dabunt, ut quodvis ab eis habebris.

¹⁷¹ Denique... videbis Lapidem Philosophicum Regem nostrum et Dominum Dominantium, prodire ex sepulchri vitrei sui thalamo ac throno in scenam mundanam hanc... clamantem: Ecce, Renovabo omnia.

¹⁸¹ Ihsuh Christi crucifixi, Salvatoris totius generis humani, id est Mundi minoris, in Naturae libro, et ceu Speculo, typus est, Lapis Philosophorum, Servator Mundi maioris.

¹⁹¹ Et scito quod aqua est quae occultum extrahit.

¹¹⁰¹ Cave ab hydropisi et diluvio Noe.

■ Equorum venter secretum est maximum: in hoc se abscondit noster hydropicus, ut sanitatem recuperet et ab omni aqua ad solem se exoneret.

¹¹²¹ Ita senex in balneo sedet, quern in vase optime sigillato et clauso contine, quoad Mercurius visibilis invisibilis fiat et occultetur.

¹¹³¹ Et ad Naaman dictum est: Vade et lavare septies in Jordano et mundaberis. Nam ipse est unum baptisma in absolutionem peccatorum.

¹¹⁴¹ O benedicta aquina forma pontica, quae elementa dissolvit.

¹¹⁵¹ ... igitur homo, caelum, et terra unum sunt, etiam aer et aqua. Si homo res in maiori mundo transmutare novit... quanto, magis id in microcosmo, hoc est in se ipso noverit, quod extra se potest, modo cognoscat hominis in homine thesaurum existere maximum, et non extra ipsum.

¹¹⁶¹ Nemo creatorem poterit melius cognoscere quam ex opere noscitur artifex.

¹¹⁷¹ Masculus autem est, qui sine alis existit sub foemina, foemina vero habet alas. Propterea dixerunt: Proiicite foeminam super masculum et ascendet masculus super foeminam.

¹¹⁹¹ Haec petra nisi fuerit percussa aquas non dabit.

I²⁰¹ Sonora vox, suavis et grata philosophantium auribus. O fons divitiarum inexhaustibilis veritatem et iustitiam sitientibus! O desolatorum imperfectioni solatium! Quid ultra quaeritis mortales anxii? cur infinitis animos vestros curis exagitatis miseri? quae vestra vos excaecat dementia quaeso? cum in vobis, non ex vobis sit omne quod extra vos, non apud vos quaeritis.

¹²¹¹ Paradisum ipsum non terrenum videri posse, non in solo aliquo, sed in nostra principali, quod animatur et vivificatur animae virtutibus, et infusione spiritus Dei.

¹²² Antiquus dierum cum sua celsitate habitavit, ut infans, in utero.

[23] puerulus tuus senex est, o virgo, ipse est Antiquus dierum et omnia praecessit tempora.

¹²⁴ assimilavit subtilitatem caloris ignis, gressui pie matris super ventrem filii sui.

¹²⁵ Ilia res... passim apparere colores facit.²⁶¹ hic est igitur lapis, quem omnibus nuncupavimus nominibus, qui opus recipit et bibit, et ex quo omnis color apparet.²⁷¹ Omnes Mundi colores manifestabuntur.

¹²⁸ Dum autem Quinta Essentia in terra est, id in multiplicibus coloribus contrarii splendoris Solis cognoscis, quemadmodum cernis in Iride dum Sol per pluviam splendet.

¹³⁰ Qui animam meam levaverit, eius colores videbit.

¹³¹ Oro ex toto corde Misericordiam tuam, ut mittas mihi de caelis Sanctis tuis Ruach Hhochmah-El, Spiritum Sapientiae tuae, qui mihi familiaris semper adsistat, me dextre regat, sapienter moneat, doceat; mecum sit, Oret, Laboret; mihi det bene velle, nosse, esse et posse in Physicis, Physicomedicis.

¹³² Hic sigillata mater in infantis sui ventre surgit et depuratur, ut ob tantam... puritatem putredo hinc exulet... Jam scias Virginem nostram terram ultimam subire cultivationem, ut in ea fructus Solis seminetur ac maturetur...

¹³³ Quae tamen omnia bonum praenunciant indicium: quod videlicet tam bene vexatus homo tandem aliquando beatum exoptatumque exitum consecuturus siet: quemadmodum etiam et ipsa SS. scriptura testis est, in qua (2 Tim. 3, Act. 4) legitur, quod videlicet omneis, qui beate in Christo Jesu vivere velint, persecutionem pati cogantur, quodque nos, per multas tribulationes et angustias, regnum coelorum ingredi necessum habeamus.

¹³⁴ Foenix dicitur rubeus, et est Christus, de quo dicitur: Quis est iste, qui venit de Edom tinctis vestibus de Bosra.¹³⁵ Quare ergo rubrum est indumentum tuum et vestimenta tua sicut calcantium in torculari?¹³⁶ Edom quod dicitur rufus, est Esau appellatus, propter ruium pulmentum quo a fratre suo Jacob est cibatus.¹³⁷ Tertia die avis reparatur, quia Christus tertia

¹³⁸ Ἡ ὡς ὄφον ταοῦ ἔχον ἐν ἑαυτῷ τὴν τῶν χρωμάτων ποικίλην πληθύν.

Et certe solitudo, unicum conservandi spiritualis animi remedium amplissimam internae felicitatis occasionera praebet.

¹⁴⁰ Si autem mortuus fuerit pavo, non marcescit eius caro nee foetidum dat odorem, sed manet tamquam condita aromatibus.

¹⁴¹ Hermes Princeps. — Post tot illata generi humano damna, Dei consilio: Artisque adminiculo, medicina salubris factus heic fluo. — Bibat ex me qui potest; lavet qui vult; turbet qui audet; bibite fratres et vivite.

¹⁴²¹ totum elixir albedinis et rubedinis, et est aqua permanens, et aqua vitae et mortis, et lac virginis, herba ablutionis — et est fons animalis: de quo qui bibit, non moritur, et est susceptivum coloris et medicina eorum et faciens acquirere colores, et est illud quod mortificat, siccatur et humectatur calefacit et in frigidat et facit contraria.¹⁴³¹ Et ipse est Draco, qui maritat se ipsum et impraegnatur seipsum et parit in die suo, et interficit ex veneno suo omnia animalia.¹⁴⁴¹ Accede Corpus ad fontem hunc, ut cum tua Mente bibas ad satietatem et in posterum non sitias amplius vanitates. O admiranda fontis efficacia, quae de duobus unum, et pacem inter inimicos facit! Potest amoris fons de spiritu et anima mentem facere, sed hic de mente et corpore *virum unum* efficit. Gratias agimus tibi Pater, quod filios tuos inexhausti virtutum fontis tui participes facere dignatus sis. Amen.

¹⁴⁵¹ Alii appellaverunt hanc terram Leonem viridem fortem in praelio; Alii draconem devorantem, congelantem vel mortificantem caudam suam.

¹⁴⁶¹ Sed nullum corpus immundum ingreditur, excepto uno, quod vulgariter vocatur a philosophis Leo viridis.

¹⁴⁷¹ quia depopulate (terra) est a suis spiritibus.

¹⁴⁸¹ Qui sui ipsius spiritus tam multa devorat.

¹⁴⁹¹ In Leone nostra viridi vera materia... et vocatur Adrop, Azoth, aut Duenech viride.

¹⁵⁰¹ ... lapidem, quem qui cognoscit, ponit ilium super oculos suos.

¹⁵¹¹ Dixit enim ei mater sua: O Marchos, oportet ne hunc ignem esse leviolem calore febris? Dixit ei Marchos, o mater, fiat in statu febris. Revertor et accendo ilium ignem.

[52] Venus autem, cum sit orientalis, Solem praecedit.

¹⁵³¹ Igneque debito videbis Emblema Operis magni, nempe nigrum, caudam pavonis, album, citrinum, rubeumque.

¹⁵⁴¹ Et nota quod natura in principio suae originis intendit facere Solem vel Lunam, sed non potest propter Venerem, corruptum argentum vivum, commistum, vel propter terram foetidam, quare sicut puer in ventre matris suae excorruptione matricis contrahit infirmitatem et corruptionem causa loci per accidens, quamvis sperma fuerit mundum, tamen puer sit leprosus et immundus causa matricis corruptae, et sic est de omnibus metallis imperfectis, quae corrumpuntur ex Venere, et terra foetida.

¹⁵⁵¹ Leonem tuum in oriente quaeras, et aquilam ad meridiem in assumptum hoc opus nostrum... tuum iter ad meridiem dirigas oportet; sic in Cypro votum consequeris, de quo latius minime loquendum.

¹⁵⁶¹ Completur rosa alba tempore aestivali in Oriente.

¹⁵⁷¹ ... quomodo hortus aperiendus, et rosae nobiles in agro suo conspiciendae sient.

[58] Antichristus in magna Babylonia de meretrice generis Dan nascetur. In matris utero diabolo replebitur in Corozaim a maleficis nutrietur.

¹⁵⁹¹ Ut rosa per medias effloret roscida spinas,
 sic Veneris nunquam gaudia felle carent. ¹⁶⁰¹ Et ita tandem, in
 unum contentum corruat imbibendo cum uno
 fermento,

id est aqua una, quia aqua est fermentum aquae.

¹⁶²¹ Sic et duas Graeciae litteras, summam et ultimam, sibi induit
 Dominus, initii et finis concurrentium in se figuras uti quemadmodum A
 ad Q. usque volvitur (Apoc. I, 8) et rursus iad A replicatur, ita ostenderent
 in se esse et initii decursum ad finem et finis recursum ad initium, ut
 omnis dispositio in eum desinens per quem coepta est.

¹⁶³¹ Quicumque Chemicam artem addiscere vult, philosophiam, non
 Aristotelicam, sed eam quae veritatem docet, addiscat... nam eius doctrina
 • ota consistit in amphibologia, quae mendaciorum optimum est
 pallium. **I**l^{um} ipse Platonem, et reliquos reprehendisset, quaerendae
 famae gratia, lullum potuit commodius instrumentum reperisse,
 quam idem, quo in eprehendendo fuerat usus, amphibologico
 sermone scilicet, scripta sua contra sinistram oppugnantem, dextro
 subterfugio salvans, et e contra; quod Sophismatis genus in omnibus
 eius scriptis videre licet.

¹⁶⁴¹ Quod cum cognovisset bonus pater tenebras ad terram suam
 supervenisse, produxit ex se virtutem, quae dicitur mater vitae, qua
 circumdedit primum hominem, quae sunt quinque elementa, id est ventus,
 lux, aqua, ignis et materia, quibus indutus, tamquam ad adparatum belli,
 descendit deorsum pugnare adversum tenebras.

(65] J)einde fermentum tangit cum corpore imperfecto praeparato, ut
 dictum est, quousque fiant unum corpore, specie et aspectu et tunc dicitur
 Ortus; quia tunc natus est lapis noster, qui vocatus est rex a Philosophis,
 ut in Turba dicitur: Honorate regem nostrum ab igne venientem, diademate
 coronatum.

¹⁶⁶¹ ... quare signo ilium notabili notavit Omnipotens, cuius nativitas per
 Orientem in Horizonte Hemisphaerii sui philosophicum annunciat.
 Viderunt Sapientes in Evo Magi et obstupuerunt statimque agnoverunt
 Regem serenissimum in mundo natum. Tu, cum eius Astra conspexeris,
 sequere ad usque cunabula, ibi videbis infantem pulcrum, sordes
 semovendo, regium puellum honora, gazam aperi, auri donum offeras, sic
 tandem post mortem tibi carnem sanguinemque dabit, summam in tribus
 Terrae Monarchiis medicinam.

¹⁶⁷¹ Et videatis iksir vestitum regni vestimento.

¹⁶⁸¹ Lapis Philosophorum est rex de coelo descendens, cuius montes
 sunt argentei rivuli aurei et terra lapides et gemmae pretiosae.

¹⁶⁹¹ Quod infunditur anima corpori, et nascitur Rex coronatus. ¹⁷⁰¹ Ego
 coronor, et diademate ornor, et regiis vestibibus induor: quia corporibus
 laetitiam ingredi facio. ¹⁷¹¹ Cinerem ne vilipendas, quia Deus reddet ei

liquefactionem et tunc ultimo Rex diademate rubeo divino nutu coronatur. Oportet te ergo hoc magisterium tentare.

¹⁷²¹ Proiice ergo supra quodvis corpus, et ex eo tantum quantum vis, quoniam in duplo multiplicabitur Tinctura eius. Et si una pars sui primo convertit cum suis corporibus centum partes; secundo convertit mille. Tertio decern millia, quarto centum millia; quinto mille millia in solificum et lunificum verum.

¹⁷³¹ Et quamvis exanimis ipse philosophicorum Rex videatur, tamen vivit .'; et ex profundo clamat: Qui me liberabit ex aquis et in sicca reducet, hunc ego divitiis beabo perpetuus. Hic clamor etsi audiatur a multis, nulli tamen eius commiseratione ducti, quaerere regem subeunt. Quis enim, inquit, se demergit in aequor? Quis suo praesentaneo periculo alterius periculum levabit? Pauci sunt eius lamentationi creduli et putant vocem auditam esse Scillae et Charybdis resonos fragores et boatus. Hinc ociosi sedent domi nee regiam gazam, ut nee salutem curant.

¹⁷⁴¹ Verum philosophorum antimonium in mari profundo, ut regius ille filius demersum delitescit.

¹⁷⁵¹ Plumbum vexationes et molestias significat, per quas Deus nos visitat et ad resipiscentiam reducit. Quemadmodum enim plumbum omnes metallorum imperfectiones comburit et exterminat, unde Boethus Arabs illud aquam sulphuris vocat, ita quoque tribulatio in haec vita multas maculas, quas contraximus, a nobis abstergit: unde S. Ambrosius illam clavem coeli appellat.

¹⁷⁶¹ Ex ossibus deinde et medullis eius nasci primo ceu vermiculum, inde fieri pullum.

¹⁷⁷¹ Hic enim dum nascitur, rerum vicissitudo fit et innovatio.

[III] Phoenix avis pavone pulchrior est; pavo enim aureas argenteasque habet alas; Phoenix vero hyacinthinas et smaragdinas, preciosorumque lapidum coloribus distinctas; coronam habet in capite.

[179] Ascendit perse, nigrescit, descendit et albescit, crescit et decrescit... nascitur, moritur, resurgit, postea in aeternum vivit.

¹⁸⁰¹ Eptacephalus draco, princeps tenebrarum, traxit de coelo cauda sua partem

stellarum et nebula peccatorum eas obtexit, atque mortis tenebris obduxit.

⁸¹¹ σκιοΧη[1]; κοσ! ογж ccvΓρoσcoi;, oveiSoq ayβp&λoγ) κοα eJ,αx>QEvr\|ia ^aor) обтек; doxiv 6 πατXεrκ; z/q III, III' ° ^v λοXεrτo Swaiοq.

¹⁸²¹ Nam requiei aditus nimis est coarctatus, neque ad illam quisquam potest ingredi, nisi per animae afflictionem.

¹⁸³¹ Esse in Chemia nobile aliquod corpus, quod de domino ad dominum movetur.

¹⁸⁴¹ quod vocat Plato intelligibile non sensibile.⁸⁵¹ Simplex est pars inopinabilis¹⁸⁶¹ est unius essentiae⁸⁷¹ Opus non perficitur nisi vertatur in simplex.¹⁸⁸¹ Conversio elementorum ad simplex.⁸⁹¹ Homo est dignior animalium et propinquior simplici et hoc propter intelligentiam.

¹⁹⁰¹ Eiusque (veritatis) talem esse virtutem compererunt, ut miracula fecerit.

¹⁹¹¹ ... ad amussim studeat centrum cognoscere ac scire, eoque se totum conferat, et centrum liberabiturab omnibus imperfectionibus et morbis, ut ad prioris monarchiae statum restituatur.

¹⁹²¹ Accipite spiritum nigrum veterem, et eo corpora diruite et cruciate, quousque alterantur.

¹⁹³¹ Irritate bellum inter aes et argentum viv'um, quoniam peritum tendunt et corrumpuntur prius. Inter ea pugnam irritate aerisque corpus diruite, donee pulvis fiat.

¹⁹⁴¹ Diabolum ista in caelum erexisse decidens ac deiectus ab eo, nee non ilia postmodum in mentem humanam infigere conatum fuisse, videlicet ambitionem, brutalitatem, calumniam, et divortium.

¹⁹⁵¹ Homo a Deo in fornacem tribulationis collocatur et ad instar compositi Hermetici tamdiu omnis generis angustiis, diversimodisque calamitatibus et anxietatibus premitur, donee veteri Adamo et carni (Ephes. 4) siet mortuus et tamquam vere novus homo... iterum resurgat.

[96] p_{er} spiritualem istam suam mortem, anima sua omnino eximitur.

¹⁹⁷¹ Postremum vero (opus) in altero regali Jovis solio desinet, a quo Rex noster potentissimus coronam pretiosissimis Rubinis contextam suscipiet, «sic in se sua per vestigia volvitur annus.»

¹⁹⁸¹ Ciconia ibi sedebat, quasi se appellans circulum lunarem.

¹⁹⁹¹ Rex ortus est, id est anima... lapidi mortuo infusa est.

[100] Haec enim res a te extrahitur; cuius etiam minera tu existis; apud te namque illam inveniunt, et, ut verius confitear, a te accipiunt; quod cum

[101] ὅταν τὸ τῆς αἰσχύνης ἔνδυμα πατήσητε, καὶ ὅταν γένηται τὰ δύο ἐν καὶ τὸ ἄρρεν μετὰ τῆς θηλείας οὔτε ἄρρεν οὔτε θῆλυ.

Confert enim Deus hanc divinam et puram scientiam suis fidelibus et servis illi scilicet quibus eam a primaeva rerum natura conferre disposuit... Nam haec res nihil nisi donum Dei altissimi (esse) potest; qui prout vult, et etiam cui vult, ex suis servis et fidelibus illud committit, et monstrat... Praeponit enim Dominus ex suis servis quos vult et eligit, ut hanc scientiam divinam homini celatam quaerant, et quaesitam secum retineant.

[103] J)icit enim primus spagirorum Dux: Pulsate et aperieturvobis.

¹¹⁰⁴¹ Nam evenire quandoque solet, ut post multos annos, labores et studia... nonnulli sint electi, multis pulsationibus, orationibus et investigatione sedula praemissis.

¹¹⁰⁵¹ Sic etiam lapidis compositum Rex et Regina dicuntur... Sic vir et mulier dicuntur Masculus et femina propter copulam videlicet et actionem et passionem. Rosinus: Artis auri arcanum et mare et femina consistit.

¹⁰⁶ Quern divus Plato in ignea substantia habitare posuit: intelligens videlicet inenarrabilem Dei in seipso splendorem et circa seipsum amorem.

¹⁰⁷ Qui per alienum ingenium et manum mercenariarn operatur, aliena a veritate opera videbit. Et vice versa, qui alteri servilem praestat operam, uti servus in arte, nunquam ad Reginae mysteria admittetur.

V. Адам и Ева

¹ Iste est Philosophorum Mercurius, ille celeberrimus Microcosmus et Adam.

¹²¹ Accipe Adam et quod assimilatur Adam, nominasti hie Adam et tacuisti nomen foeminae seu Evae, et non nominans eam, quia scis quod homines qui sunt tui similes in mundo, sciunt quod illud, quod tibi assimilatur, est Eva.

¹³¹ Qua propter ingenio et intellectu validissimis adseverarunt suum lapidem esse animale, quern etiam vocaverunt suum Adamum, qui suam invisibilem Evam occultam in suo corpore gestaret ab eo momento, quo virtute summi conditoris omnium unita sunt. Ea de causa merito dici potest, Mercurium philosophorum nihil aliud esse, quam compositum eorum abstrusissimum Mercurium et non vulgarem ilium... est in Mercurio quicquid quaerunt sapientes... lapidis philosophorum materia, nihil aliud est, quam... verus hermaphroditus Adam atque microcosmus.¹⁴¹ Natura in primis requirit ab artifice, ut philosophicus Adam in Mercurialem substantiam adducatur.¹⁵ L. compositio huius sacratissimi lapidis Adamici, fit ex sapientum Adamico Mercurio.

¹⁶¹ Ecce Adam heic duo sunt, fixatum et constans unum, fugax alterum.

¹⁷¹ Et Adamus erat Dominus, Rex et Imperator.

¹⁸¹ Adam in balneo residebat,
In quo Venus sui similem reperiabat,
Quod praeparaverat senex Draco.

¹⁹¹ Secundus Adam qui dicitur homo philosophicus.

¹¹⁰ⁱ Ex quatuor autem elementis pater noster Adam et filii eius... creatisunt.

¹ (Deus) incepit autem colligere pulverem primi hominis e quatuor terrae angulis, videlicet rubrum, nigrum, album et viridem. Ruber pulvis factus est sanguis, niger fuit pro visceribus, albus pro ossibus et nervis, viridis factus est corpus.

¹¹²¹ Scivit enim perternarium Adami non patere potuisse aditum unario protegente ternarium, binarium igitur Evae tentavit ingredi.

¹¹³¹ ... item non ignoravit Evam a viro suo divisam tanquam naturalem binarium ab unario sui ternarii.

¹¹⁴¹ Nam Elementa circularia sunt, ut Hermes sentit, quodlibet a duobus aliis circumdatur, cum quibus convenit in una qualitatum ipsorum sibi appropriata, uti est terra inter ignem et aquam, participans de igne in siccitate, et de aqua in frigiditate. Et sic de caeteris.

¹¹⁵¹ Homo igitur, qui magni mundi est imago, et nine microcosmus seu parvus mundus vocatus (sicut mundus ad archetypi sui similitudinem factus, et ex quatuor elementis compositus, magnus homo appellatur) etiam suum coelum et terram habet. Nam anima et intellectus sunt ejus coelum; corpus vero et sensualitas ejus terra. Adeo ut coelum et terram hominis cognoscere, idem sit quod plenam et integram totius mundi et rerum naturalium cognitionem habere.

¹¹⁶¹ In Adamo ergo protoplaste... continebantur omnes illae notiones sive Species supradictae a Psyche factiva usque ad singularitatem emanativam.

¹¹⁷¹ Deinde caput, manus et pedes (leonis) colligo, et calefacio eis aquam extractam a cordibus statuarum ex lapidibus albis et citrinis, quae cadit de coelo tempore pluviae.

¹¹⁸¹ Laudanum autem barbae eius, i. e. mumia vel ysopos aut sudor.

¹¹⁹¹ Universae creaturae fundamenta... contineantur in... Radicali humido, Mundi semine, Mumia, Materia prima.

¹²⁰¹ Et ideo perablutionem aquae et desiccationem ignis semper extrahis oleum a corde statuarum.¹²¹¹ Hoc oleum est tinctura, aurtim et anima, ac philosophorum unguentum.¹²²¹ Illud oleum seu aqua divina... et vocatur *Mediator*.

¹²³¹ Faciebant autem in iis (statuis) cum ostia, turn concavitates, quibus deorum quos colebant, simulacra imponebant. Apparebant itaque viles eiuscemodi statuae Mercuriales, sed intra se deorum ornamenta (**καλλωπισμούς**) continebant.

¹²⁴¹ proiiciet semen suum supra marmorem in simulachrum.

¹²⁵¹ Duo Adam efficiuntur: unus, pater noster, in mortem, quia mortalis {actus est, peccans: secundus, pater noster, in resurrectionem, quoniam immortalis cum esset, per mortem devicit mortem atque peccatum. Primus Adam, hie, pater: posterior illic, etiam primi Adam est pater.

¹²⁶¹ Restat nunc pars altera philosophicae praxeos, longe quidem difficilior, longe sublimior. In quo omnes ingenii neruos, omnia denique mentis curricula multorum philosophorum elanguisse legimus. Difficilius et enim hominem faceres reviviscere, quam mortem oppetere. Hie Dei petiuropus: Maximum quidem mysterium est creare animas, atque corpus inanime in statuam viventem confingere.

¹²⁷¹ ... et ita dimittitur magnus ille ignis qui mundum consumat universum; deinde iterum demittunt animam, quae obicitur inter medium novi saeculi, ut omnes animae peccatorum vinciantur in aeternum. Tunc autem haec Rent, cum statua venerit.

¹²⁸¹ Nunc de igne terreno ad coelestem ut ascendamus, qui est sol, mundi sensibilis oculus et cor, et Dei invisibilis imago. S. Dionysius manifestam et c ¹²⁹¹ (ἥλιος) ἢ τῆς θείας ἀγαθότητος ἐμφανῆς εἰκῶν.¹³⁰¹ Ἡλιος ἐν τύπῳ θεοῦ ἐστὶν ἢ δὲ σελήνη ἀνθρώπου.

Clarissimum est, quod ad Tiphereth pertineat.

¹³²¹ Matris quoque nomine appellatur Malchuth, quia mater est omnium sub ipsa existentium usque ad finem totius Abyssii.

133] p_uichritudo eius (solis) cum sponso ex camera sua nuptiali prodeunte comparata. Et ipse tanquam sponsus procedens de thalamo suo.

¹³⁴¹ Procedit Christus quasi sponsus de thalamo suo; praesagio nuptiarum exiit ad campum saeculi; cucurrit sicut gigas exultando per viam: pervenit usque ad crucis thorum, et ibi firmavit ascendendo conjugium; ubi cum sentiret anhelantem in suspiriis creaturam, commercio pietatis se pro conjuge dedit ad poenam. Tradidit quoque carbunculum, tanquam sui sanguinis gemmam, et copulavit sibi perpetuo jure matronam. 'Aptavi vos... inquit Apostolus, 'uni viro virginem castam exhibere Christo...

¹³⁵¹ Latere in antimonio plus virtutis medicinalis quam in ullo alio simplici ideoque etiam plus virtutis tingentis seu tincturae.

¹³⁶¹ Et ideo dicitur quod lapis in quolibet homine. Et Adam portavit secum de paradiso, ex qua materia in quolibet homine lapis noster vel Elixir eliciatur.

¹³⁷¹ Adam tradidit Enocho, qui introductus in mysterium embolysmi intercalavit annum.

¹³⁸¹ Dixit Adam: hae sunt tabulae, quibus inscripturus est Sanctus benedictus digito suo.

¹³⁹¹ Mundum per aquam esse renovandum vel potius castigandum, pauloque minus quam delendum.

¹⁴⁰¹ Decern circulos a se invicem disiunctos complectebatur alter circulus, qui huius universitatis anima esse ferebatur, et cuius nomen erat Leviathan.

¹⁴¹¹ In eodem (diagrammate) reperi eum, qui vocatur Beemoth sub infimo circulo collocatum. Leviathanis nomen ab impii diagrammatis auctore bis erat scriptum, in superficie scl. et in centra circuli.

¹⁴²¹ Animam tamen omnia permeantem impium hoc diagramma esse ponit.

¹⁴³¹ Nunc autem angelum leoni similem aiunt habere cum astro Saturni necessitudinem.

¹⁴⁴¹

¹⁴⁵¹ τῆς πρῆτης καὶ ἐβδόμης... ἔργον τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ πατρὸς
Tibi, prime et septime... opus filio et patri perfectum. ἢ δέ
ἐργὸν ἢ υἱοῦ καὶ πατρὸς.

¹⁴⁶¹ Isti autem aliis alia addunt, Prophetarum dicta, circulos circulis inclusos... virtutum ex quadam Prunico virgine manantem, viventem animam.

¹⁴⁷¹ Quia Solis et Lunae colores haec duo metalla referunt.

¹⁴⁸¹ Redemptor autem noster in came veniens, pleiades iunxit, quia operationes septiformis spiritus simul in se et cunctas et manentes habuit.

¹⁴⁹¹ Habet in se unusquisque Adam et Evam. Sicut enim in iila prima hominis transgressione suggestit serpens, delectata est Eva, consensit Adam: sic et quotidie fieri videmus, dum suggerit diabolus, delectatur caro, consentit spiritus.

¹⁵⁰¹ Tlasmavit Deus hominem, id est finxit de terrae limo. Is autem qui ad imaginem Dei factus est et ad similitudinem. interior homo noster est. ¹⁵¹¹ Ο δὲ κατὰ τὴν εἰκόνα ἰδέα τις ἢ γένος, ἢ σφραγίς, νοητός, ἀσώματος οὔτε ἄρρεν οὔτε θήλυ, ἄφθαρτος φύσει.

Esse in Chemia nobile aliquod corpus, quod de domino ad dominum movetur, in cuius initio sit miseria cum aceto, in fine vero gaudium cum laetitia.

[53] *psyche*, quae ipsis *nepesch* dicitur, sit spiritus vitalis, non quatenus plane corporeus sed insitus ille atque primitivus et seminalis, quem recentiores *Archeum* vocant, cum quo correspondet Philosophorum anima vegetativa seu plastica, et Platonicorum τὸ ἐπιθυμητικὸν seu concupiscibile.

¹⁵⁴¹ Mater enim nil est nisi propensio Patris ad inferiora. >

¹⁵⁵¹ (Adam) a Cabbalistic Adam Kadmon dicitur, ad differentiam Adami Protoplastae... eo quod inter omnia a Deo emanata primum occupet locum, prout protoplastes in specie hominum: ita ut per illum nihil commodius intelligi queat, quam anima Messiae, quem et Paulus ad I Corinth. 15, vers. 45—49 indigitat.

>⁵⁶ L. . inquit Ezechiel 34, v. 31: Vos Adam estis. Id est, vos merito vocamini Adami nomine. Sensus enim est: si literalitertextus intelligendus esset, objectio merito fieret, omnes etiam populos mundi sive gentiles eodem modo esse homines, quo Israelitae; statura nempe erecta. Ubi porro quoque dicendum fuisset, vos homines estis. Verum enim vero (sensus hic est, ex animabus vestris consistebat microcosmus Adami) ... § 11: Vos estis Adam. (Quasi diceret omnes Israelitarum animas nihil aliud fuisse quam Adamum nimirum protoplasten:) Et vos scintillae illius atque membra ejus extitistis.

¹⁵⁷¹ Hinc quoque dixerunt Magistri nostri: Non veniet filius David, donec plene exiverint omnes animae, quae fuerunt in corpore (nimirum protoplastae).

¹⁵⁸¹ Differentias autem numericas referri ad dispositionem bilanciformem ubi facies faciei obvertitur, et duo vel plura ejusdem perfectionis, et speciei, tantum distinguuntur, ut mas et foemina. Quae differentiae numericae etiam denotantur per id, quod dicitur antierius, et posterius.

¹⁵⁹¹ Τὸ ἐν γίνεται δύο, καὶ τὰ δύο γ', καὶ τοῦ γ' τοῦ ἐν τέταρτον.

1601

J

am Adam Kadmon emanavit ab uno simplici, adeoque est unitas: sed et descendit, et delapsus est in ipsam naturam suam, adeoque est duo. Iterumque reducitur ad unum, quod in se habet, et ad summum; adeoque est tria et quatuor.

¹⁶¹¹ Et haec est causa, quod nomen essentiae habeat quatuor literas, tres diversas, et unam bis sumptam: quoniam *He* primum est uxor τοῦ *Jod*; et alterum, uxor τοῦ *Vav*. Primum emanavit a *Jod*, via directa, et alterum a *Vav*, via conversa et reflexa.

¹⁶²¹ *Jod*, quia simplex, est unum et primum quid, et simile uni, quod numeris; et puncto, quod corporibus omnibus prius est. Punctum autem, secundum longitudinem motum producit lineam, nempe *Vav*.⁶³¹ Litera *Jod* quae punctum ipsum, facta est principium, medium et finis; imo ipsa etiam principium Decadum et finis unitatum atque ideo redit in unum.⁶⁴¹ Quoniam Sapiencia Benedicti videbat, quod etiam in splendore hoc non possent manifestari mundi, cum Lux ibi adhuc nimis magna esset atque tenuis; hinc iterum innuit literae huic *Jod*, ut denuo descenderet et perumperet sphaeram splendoris atque emitteret lucem suam, quae paulo crassior erat.¹⁶⁵¹ Lucem atque Influenciam insignem vibrabat in illam Sapienciam.

¹⁶⁶¹ *Vav* denotat vitam, quae est emanatio et motus essentiae, quae in se ipsa manifestatur: estque medium uniendi, et connexionis, inter essentiam et intellectum.

¹⁶⁷¹ *He* designat ens, quod est compositum ex essentia et existentia.¹⁶⁸¹ *He* ultimum est imago et similitudo intellectus vel mentis.

¹⁶⁹¹ Viriditate enim videtur praefigurari virginitas.

¹⁷⁰¹ O benedicta viriditas, quae cunctas res generas!

¹⁷¹¹ Nonne spiritus Domini, qui est amor igneus, quum ferebatur super aquas, edidit eisdem igneam quandam vigorem, cum nihil sine calore generari possit? Inspiravit Deus rebus creatis... quandam germinationem, hoc est viriditatem, qua sese cunctae res multiplicarent... Omnes res dicebant esse virides, cum esse viride crescere dicatur... Hanc ergo generandi virtutem rerumque conservationem Animam Mundi vocare libuit.

¹⁷²¹ Unde Aristoteles ait in libro suo: Aurum nostrum, non aurum vulgi: quia illa viriditas, quae est in eo corpore, est tota perfectio eius. Quia illa viriditas, per nostrum magisterium cito vertitur in aurum verissimum.

¹⁷³¹

Lapis candens fit ex tribus;
. Nulli datur nisi quibus
Dei fit spiramine.

¹⁷⁴¹ Vas... oportet esse rotundae figurae: Ut sit artifex huius mutator firmamenti et testae capitis.¹⁷⁵¹ Caput eius vivit in aeternum et ideo caput denominatur vita gloriosa et angeli serviunt ei. Et hanc imaginem posuit Deus in paradiso deiiciarum, et in ea posuit suam imaginem et

similitudinem.¹⁷⁶¹ ... quousque caput nigrum aethiopis portans similitudinem fuerit bene lavatum.

¹⁷⁷¹ Accipe cerebrum eius, aceto acerrimo terite... quousque obscuretur.

¹⁷⁸¹ Cum igitur spiritus ille aquarum supracoelestium in cerebro sedem et locum acquisierit.

¹⁷⁹¹ ... oportet nos vertere membrum (scl. cerebri s. cordis) in principio operis, in id ex quo generatum est, et tunc convertimus ipsum per spiritum in id quod volumus.¹⁸⁰¹ ... nam est triangulus compositione et est propinquius omnibus membris corporis ad similitudinem simplicis.

¹⁸¹¹ Maxima virtus mineralis est in quolibet homine, et maxime in capite inter dentes. ut suo tempore inventum est aurum in granis minutis et obion¹⁸²¹ τὸ σχῆμα τῆς ταρεγκεφαλίδος εἰκὸς κεφαλῆ δράκοντος.

¹⁸³¹

Similite

r nominant hanc aquam Nubem vivificantem, mundum inferiorem et per haec omnia intelligunt Aquam foliatam, quae est aurum Philosophorum, quod vocavit dominus Hermes Ovum, habens multa nomina. Mundus inferior est corpus et cinis combustus, ad quem reducunt Animam honoratam. Et cinis combustus, et anima, sunt aurum sapientum, quod seminant in terra sua alba, et terra margaritarum stellata, foliata, benedicta, sitiente, quam nominavit terram foliorum, et terram argenti, et terram auri.¹⁸⁴¹ In quo dixit Hermes: Seminate aurum in terram albam foliatam. Terra alba foliata est Corona victoriae, qua est cinis extractus a cinere...

¹⁸⁵¹ Ergo Luna mater et ager in quo solare seminarique debet semen...¹⁸⁶¹

(ait sol) Ego enim sum sicut semen seminatum in terram bonam.¹⁸⁷¹ Jam scias Virginem nostram terram, ultimam subire cultivationem, ut in ea fructus Solis seminetur ac maturetur.¹⁸⁸¹ Recipiam a te animam adulando.¹⁸⁹¹

Aqua supra terram incidente, creatus est Adam, qui et mundus est minor.¹⁹⁰¹

Terra dicitur mater elementorum, quia portat filium in ventre suo.¹⁹¹¹

Quamvis in primo suo partu per Solem et Lunam generatus, et de terra in' accretione sua postulatusset.¹⁹²¹ Pater suscipit filium, hoc est, terra retinet spiritum.¹⁹³¹

Quia totius mundi ima pars terra est, aetheris autem ima pars luna est: Lunam quoque terram, sed aetheream, vocaverunt.

¹⁹⁴¹ Accipe itaque tu, charissime, verborum meorum legitimum sensum, et intellige, quia philosophi similes sunt hortulanis et agricolis, qui primum quidem semina deligunt, et delecta non in vulgarem terram, sed in excultos agros, aut hortorum iugera seminant...¹⁹⁵¹ Habito autem Sole et Luna philosophorum tanquam semine bono, terra ipsa ab omnibus suis immunditiis et herbis inutilibus expurganda est et diligenti cultura elaboranda, in eamque sic elaboratam Solis et Lunae praedicta semina mittenda sunt...

¹⁹⁶¹ Ubi terra, hoc est humanitas, exaltata est super omnes circulos Mundi, et in caelo intellectual! sanctissimae Trinitatis est collocata.¹⁹⁷¹

Donum namque Dei est, habens mysterium individuae unionis sanctae Trinitatis. O scientiam praeclarissimam, quae est theatrum universae naturae, eiusque anatomia, astrologia terrestris, argumentum omnipotentiae Dei, testimonium resurrectionis mortuorum, exemplum remissionis peccatorum, infallibile futuri iudicii experimentum et speculum aeternae beatitudinis!

⁹⁸ⁱ Quamobrem in centra terrae ignis est copiosissimus aestuantissimusque (ex radiis solaribus ibidem collectus), qui barathrum sive orcus nuncupatur, neque alius est ignis sublunaris: faeces enim sive terrestres reliquiae principiorum praedictorum, videlicet caloris Solaris et aquae, sunt ignis et terra: damnatis destinata.

⁹⁹ⁱ Ipsum enim est, quod ignem superat, et ab igne non superatur: sed in illo amicabilem requiescit, eo gaudens.

¹¹⁰⁰ⁱ Ad dextram vocatur Sol iustitiae Mai. 4, 2, sed ad sinistram (Sol) a calore Ignis Gebhurae.

^{110,1} In naturalibus Jesod sub se continet argentum vivum; quia hoc est fundamentum totius artis transmutatoriae.

¹¹⁰²ⁱ (Jesod) in personis denotat membrum genitale utriusque sexus.¹⁰³¹

Quapropter pervoiare semper Adonai ad Mensuram El-chai continua aestuat cupidine.¹⁰⁴¹ Ipse autem hie gradus firmus est inter Ilium et Illam, ut natura seminis subtilissima e supernis demissa non dimoveatur.¹¹⁰⁵¹ ... angelus redemptor, fons aquarum viventium, arbor scientiae boni et mali, Leviathan, Salomon, Messias filius Joseph.

¹¹⁰⁶ⁱ Iste enim est effusorium aquarum supernarum: Et duae olivae super illud, sunt Nezach et Hod, duo testiculi masculini.

[I071 p_{oec}j_{us} Pacis autem, seu perfectionis. propterea dicitur, quia iste modus pacis et perfectionis autorest inter Tiphereth et Malchuth, ita ut de eo dicitur, I Par. 29, 11, quia modus ille, qui vocatur Col, est in coelo et in terra, ubi Targum hac utitur paraphrasi, quod uniaturcum coelo et cum terra.

¹¹⁰⁸ⁱ Propinquus... et melior quam frater e longinquo, qui est Tiphereth.

¹¹⁰⁹ⁱ ... quod robustus Jisrael sit nomen medium inter Nezach et Hod.

¹¹¹⁰ⁱ In Sohar, in historia illius Puelli, dicitur, quod Justus (Jesod) vocetur Amicus fidelis ad locum Cant. 7. 10. Vadens ad dilectum meum. Et hinc Jesod dicitur Amicus, quia unit duos dilectos et amicos: quia per ipsum fit unio Tiphereth et Malchuth.

■ Hoc est illud quod non sine mysterio vocatur stella... Aquae El boni, seu Argenti vivi... Hoc argentum vivum... vocatur Aqua Sphaerica.

¹¹¹²ⁱ Haec (aqua) dicitur filia Matredi, i. e... . Viri aurificis laborantis cum assidua defatigatione; nam haec aqua non fluit e terra, nee effoditur in mineris, sed magno labore et multa assiduitate elicituret perficitur. Huius uxor appellatur Aqua auri sive talis Aqua, quae aurum emittit. Cum hac si desponsatur artifex, filiam generabit, quae erit Aqua balnei regii.

¹¹¹³ⁱ In Sohar haec litera dicitur scaturigo vitae.

¹¹⁴⁴ m3N Pullus avis cujusque. Deut. 22, 6 . Psalm. 84, 4. In Raja Mehimna R. Schimeon ben Jochai tradit per hoc nomen intelligi Gradum Tiphereth, quatenus constat e sex membris suis, quae sunt sex alae, quibus sursum volat et deorsum. Sed in Tikkunim sub initium Libri R. Bar, Bar Channa; haec appellatio dicitur referenda ad Jusium sub mysterio Lucis reflexae ab imo ad summum. Verba sunt haec: Aephrochim sunt flores, qui fructum norfdum praebent perfectum. Suntque Sephiroth sub notione arboris, quae ab imo sursum converse est, et quidem circa Jesod.

¹¹⁵¹ Penna, ala: it. membrum, et quidem genitale... hoc nomen exponit de Jesod, cui cognomen Justi tribuitur.

¹¹⁶¹ Phoenix...ex cuius pennis circa collumaureolis...Medicina ad omnes affectiones humanae naturae contrarias in temp-eriem sanitatis optatam reducendas utilissima... inventa et usurpata est.

¹¹⁷ⁱ Sic vocatur Malchuth... estque locus destinatus ad coctionem et elixationem influentiae, a marito ad ipsam de missae ad nutritionem catervarum. Sicut notum est: foeminam calore s.uo excoquere semen ad generandum.

[иВ] Је Dεi fj]j0 jntelligit, qui in castigandis mundi sceleribus formidandum Leonem sat diu imitatus paulo po st, morte propinquante, dum SS. Eucharistiae Sacramentum instituit, in melleos favos longe suavissimos se ipsum convertit.

¹¹⁹¹ Saepius Adonai nomen Sephiraeventimae, et ipsa Malchuth, Regnum, ita dicitur; quoniam ipsum totius mundanae fabri cae fundamentum extat.

¹²⁰¹ ... lapis capitalis, a quo omnes catervae superiores et inferiores in opere creationis pronuntur in esse.

¹²¹¹ Sapphirus, quia varium a supemis gradifcus colorem trahit, et in creatis mox hoc, mox contrario modo operatur: nam bonum nonnunquam, quandoque malum, nunc vitam, nunc interitum, nunc languorem, nunc medelam, nunc egestatem, nunc divitias ministrat.

¹²²¹ In hoc nomine perpetuo mysterium literae "> (Jod) involvitur, et quidem ut plurimum in Malchuth, quatenus in ista existit litera Jod. Informis enim massa et figura TOV> "> figuram habet lapidis; et Malchuth est fundamentum et lapis cui totum aedificium supexius superstruitur. De ea dicitur Zach. 3, 9: Lapis unus septem oculorum.

¹²³¹ Junc exsurgit Hermaphroditi flos Saphyric us, admirandum Maioris Mundi Mysterium. Cuius pars, si in mille liquati Ophirizi partes infundatur, id omne in sui naturam convertit.

¹²⁴¹ ... quoniam lapis sapphirus aereum habet colorem. Virtutes ergo coelestium lapide sapphiro designantur, quia hi spiritus... superioris loci in coelestibus dignitatem tenent.

¹²⁵¹ Crystallum... ex aqua congelascit, et robustum fit. Scimusvero quanta sit aquae mobilitas. Corpus autem redemptoris nostri, quia usque ad mortem passionibus subiacuit, aquae simile iuxta aliquid fuit: quia

nascendo, crescendo, lassescendo, esuriendo, sitiendo, moriendo usque ad passionem suam per momenta temporum mobiliter decurrit... Sed quia per resurrectionis suae gloriam ex ipsa sua corruptione in incorruptionis virtutem convaluit, quasi crystalli more ex aqua duruit, ut in illo et haec eadem natura esset, et in ipsa quae jam fuerat corruptionis mutabilitas non esset. Aqua ergo in crystallum versa est, quando corruptionis eius infirmitas per resurrectionem suam ad incorruptionis est firmitatem mutata. Sed notandum quod hoc crystallum horribile, id est, pavendum, dicitur... omnibus vera scientibus constat quia redemptor humani generis cum iudex apparuerit, et speciosus iustis, et terribilis erit iniustis.

¹²⁶ⁱ Certum quidem est, quod macroprosopus, Pater et Mater, sint Corona, Sapientia et Intelligent mundi Emanativi post restitutionem.^{1,27i}... e tribus punctis primis mundi inanitionis constitute sint tria capita superna, quae continentur in Sene Sanctissimo. Omnia autem tria numerantur pro uno in mundo Emanativo, qui est macroprosopus.

¹¹²⁸ⁱ Forma secunda vocatur Ros crystallinus; et haec formatur a Severitate Basiliae Adami primi, quae intrabat intra Sapientiam Macroprosopi: hinc in crystallo color quidam emphaticus rubor apparet. Et haec est Sapientia ilia, de qua dixerunt, quod in ilia radidentur ludicia.

¹¹²⁹ⁱ Lapis in sacro eloquio Dominum et redemptorem nostrum significat.

VI. КОНЪЮНКЦИЯ

¹ⁱ Mineralia tamen atque vegetabilia Hermaphroditae sunt naturae, eo quod utrumque sexum habeant. Nihilominus fit ex seipsis coniunctio formae et materiae, quemadmodum fit de animalibus.

¹²ⁱ Unde duo sulphura et duo argentfa]viv[a] dicuntur et sunt talia, quod unum et unum dixerunt, et sibi congaudent, et unum alterum continet.

¹³ⁱ Si enim homo ad summum bonum pervenire cupit, tunc... primo Deum, dein seipsum... agnoscere ilium oportet.

¹⁴ⁱ Pietas autem est gratia divinitus prolapsa, quae docet unumquemque seipsum, vere ut est, cognoscere.

¹⁵ⁱ ... cum in vitro tuo conspexeris naturas insimul misceri...

¹⁶ⁱ Effodiatur ergo sepulcrum et sepeliatur mulier cum viro mortuo...

¹⁷ⁱ Non fieri transitum nisi per medium.

¹⁸ⁱ Mercurius est medium coniungendi.

¹⁹ⁱ Aqua aeris inter caelum et terram existens, est vita uniuscuiusque rei. Ipsa enim aqua solvit corpus in spiritum, et de mortuo facit vivum, et facit matrimonium inter virum et mulierem.

¹¹⁰ⁱ Siccum humectare, et durum lenificare, et corpora coniungere et attenuare.

¶ Non absimili modo quo Deus primo creavit unum mundum sola meditatione, pariformiter creavit unum mundum, ex quo quidem res omnes natae fuerint adaptatione...¹²¹ Item ut unus Deus tantum est non plures unum etiam per unum ex nihilo mundum in mente sua prius creare voluit ut subinde in effectum producere quo containerentur omnia quae crearet in ipso: Deus ut esset in omnibus unus.

¹³¹ Est enim in humano corpore quaedam substantia conformis aetherae, quae reliquas elementares partes in eo praeservat, et continuare facit.

¹⁴¹ Spagiricam autem nostram medicinam esse corpoream non negamus, sed spiritalem dicimus esse factam, quam spiritus spagiricus induit.

¹⁵¹ Concludimus meditativam philosophiam in superatione corporis unione mentali facta, consistere. Sed prior haec unio nondum sophum efficit, nee nisi mentalem sophiae discipulum: unio vero mentis cum corpore secunda sophum exhibet, completam illam et beatam unionem tertiam cum unitate prima sperantem et expectantem. Faxit omnipotens Deus ut tales efficiamur omnes et ipse sit in omnibus unus.

¹⁶ Mens igitur bene dicitur esse composita, quoties animus cum animali vinculo iunctus est, ut corporis appetitus et cordis affectus fraenare valeat.

¹⁷¹ Qui diligit animam suam, perdet eam, et qui odit animam suam, in aeternum custodit eam.

¹⁸¹ Impossibile est enim vitae malae hominem possidere thesaurum sapientiae filiis reconditum, et male sanum ad eum acquirendum vel inquirendum, multo minus ad inveniendum aptum esse.

¹⁹¹ Admonendos esse discipulos putavi auxilii divini implorationis, deinceps accuratissimae diligentiae in disponendo se ad eiusmodi gratiam recipiendam.

²⁰¹ Ego sum... vera medicina, corrigens ac transmutans, id quod non est amplius, in id quod fuit ante corruptionem, et in multo melius, item id quod non est, in id quod esse debet.

²¹¹ At Veritas est summa virtus et inexpugnabile castrum.

²²¹ Libera tamen ad suam unitatem redit. Hoc est unum ex arcanis naturae, per quod ad altiora pertigerunt spagiri.

²³¹ Quidam Philosophi nominaverunt aurum Chelidoniam, Karnech, Geldum.

²⁴¹ Lili Alchemiae et Medicinae... nobilissimum hoc omne quod ex altissimi conditoris manifestatione meditationibus hominum obtingere potest.

²⁵¹ Miranda praestat in spagyrica arte, nam eo mediante lux diei in primam materiam reducit.

²⁶¹ μέλαν καὶ ἄψυχον καὶ νεκρὰ, καὶ ὡς εἰπεῖν ἄπνους. ²⁷¹ Item sapientiam tuam semina in cordibus nostris, et ab eis phlegma, choleram corruptam, et sanguinem bulientem expelle, ac per vias

beatorum perducas.¹²⁸ Ne cinerem viii pendas... in eo enim est Diadema quod permanentium cinis est.

¹²⁹ Item scitote, quod spiritus est in domo marmore circumdata, aperite igitur foramina, ut spiritus mortuus exeat.

¹³⁰ Ad corporis igitur bonam dispositionem artificiatam. ut in nris pagirico medicamento.

¹³¹ ... quaedam inest lumini (lunae), quod de ea defluit, quae humectet corpora et velut occulto rore madefaciat.

¹³² Rectam fidem super unguentem olere fecisti.¹³³ Odore scientiae totum perfudit orbem.

¹³⁴ ... concordantia et... discordantia, quam symbolizationem intelligimus.

¹³⁵] O coelum nostrum! O aqua nostra et Mercurius noster! ... O caput mortuum seu faeces maris nostri... Et haec sunt aviculae Hermetis epitheta, quae nunquam quiescit.

¹³⁶ Et scitote quod caput artis est corvus, qui in nigredine noctis et diei claritate sine alis volat.

¹³⁷ Vocatur quoque rotunda aliqua nubes, mors itidem, nigredo, utpote tenebrae et umbra.¹³⁸ Istud opus fit ita subito sicut veniunt nubes de caelo.

¹³⁹ Corvus se pullis senio confectum praebet in pabulum: at Phoenix noster Christus Dominus... se nobis in coelestem alimoniam praebuit.

ho] Niger qui caput est artis, albus qui medium et rubeus qui finem rerum omnium imponit.

¹⁴¹ Cum videris materiam tuam denigrari, gaude: quia principium est operis.¹⁴² Caput corvi artis est origo.

¹⁴³ Antimoniura, pix, carbo, corvus, caput corvi, plumbum, aes ustum, ebur ustum dicitur.

¹⁴⁴ Et sic habes duo elementa, primo aquam perse, dehinc terram ex aqua.

¹⁴⁵ corvus in formam peccatoris constitutus.

¹⁴⁶ Vas autem necessarium in hoc opere oportet esse rotundae figurae: ut sit artifex huius mutator firmamenti et testae capitis.

¹⁴⁷ Locus superior est cerebrum, et est sedes intelligentiae.

¹⁴⁸ Et animal forma formarum et genus generum est homo.

¹⁴⁹ Vas autem factum est rotundum ad imitationem superius et inferius. Est namque aptius rerum ad id cuius generatio quaeritur in eo, res enim ligatur per suum simile.

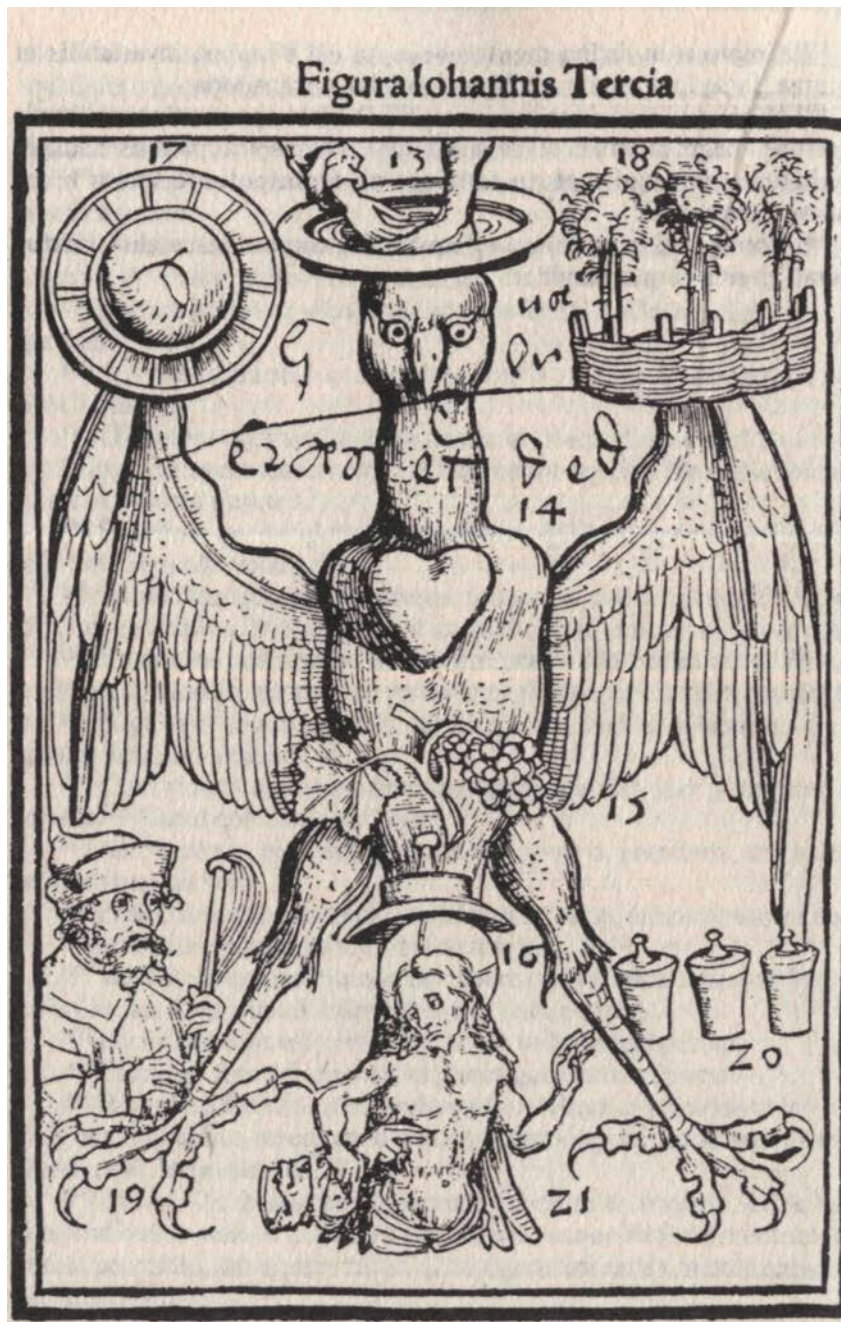
¹⁵⁰ Mundus superior habet semper effectum in homine, et perfecta inspiratio eius scilicet hominis in morte sua, usque ad firmamentum, nee deest perventio, donec revertatur, quod egressum est de mundo superiori, ad locum suum.

¹⁵¹ Videtisne relucens illud et inexpugnabile castrum?¹⁵² Veritas est... inexpugnabile castrum. Hac in arce verus... continetur ille thesaurus, qui... asportatur hinc post mortem.

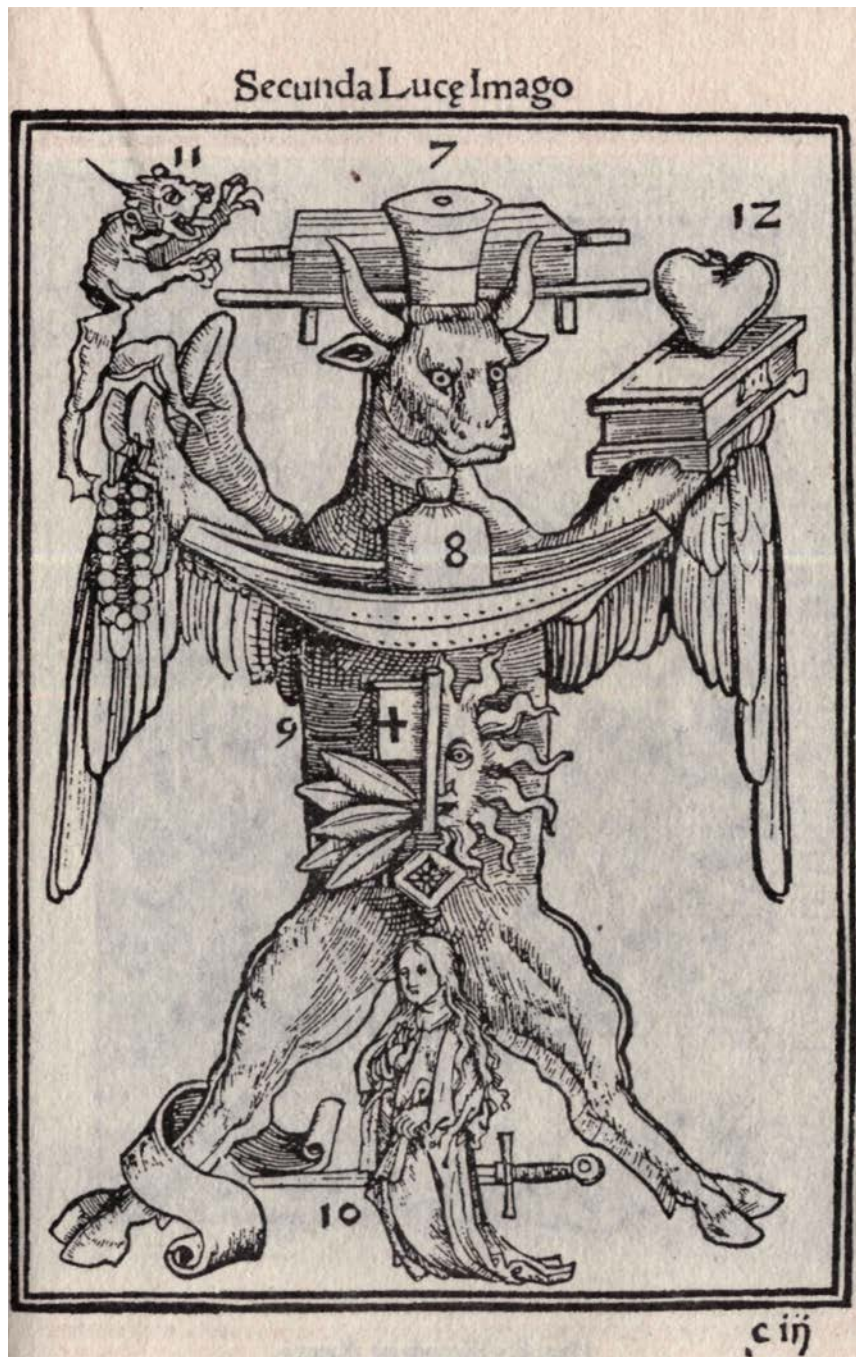
¹⁵³¹ Creatura in divina mente concepta est simplex, invariabilis et aeterna, in se ipsa autem multiplex, variabilis, transitoria.

¹³⁴¹ M^oriente leone nascitur corvus.¹⁵³¹ O triste spectaculum et mortis aeternae imago: at artifici dulce nuntium!... Nam spiritum intus clausum vivificum scias, qui statuto tempore ab Omnipotente vitam hisce cadaveribus reddet.

¹⁵⁶¹ Notum est, quod anima antequam suo corpori misceretur, mortua fuerat, et eius corpus similiter.

Илл. 1. «Третье изображение Иоанна». Из «Гексастихона» Себастьяна Бранта (1502).

Илл. 2. «Второе изображение Луки». Из «Гексастихона» Себастьяна Бранта (1502).

Илл. 3. «Жезоф леЖюст».
ИзруКописуXVIIвека «Abraham leJuiф»,
Bibliotheque Nationale, Fr. 14765, PI. 8.

Илл. 4. Два одноногих.
*Из латинской рукописи «Figurarum aegyptiorum secretarum»
(авторская коллекция).*

Илл. 5. «Откровение скрытого». Из латинской рукописи «*Figurarum aegyptiorum secretarum*».

Илл. 6. Мирская и духовная власть. Из латинской рукописи «*Figurarum aegyptiorum secretarum*».

Илл. 7. Царская чета. Из латинской рукописи «*Figurarum aegyptiorum sectarum*».

Илл. 8. Глаза в современной живописи.
Авторская коллекция.

Илл. 9. Глаза в современной живописи.
Авторская коллекция.

Илл. 10. Nigredo.
Из «Theatrum chemicum»,
Vol.IV(1613),p.570.

Содержание

Предисловие.....	3
MYSTERIUM CONIUNCTIONIS	9
I. Компоненты конъюнкции	11
1. Противоположности	11
2. Четверица и посредническая роль Меркурия.....	14
3. Сирота, вдова и Луна	24
4. Алхимия и манихейство.....	43
II. Парадоксы.....	49
1. Арканная субстанция и цель	49
2. Искра (Scintilla)	55
3. Болонская загадка	63
III. Персонификация противоположностей	94
1. Введение	94
2. Солнце (Sol).....	97
3. Сера (Sulphur).....	115
4. Луна (Luna).....	132
5. Соль (Sal).....	182
IV. Rex и Regina	252
1. Введение.....	252
2. Золото и Дух.....	255
3. Преображение царя	259
4. Возрождение царя («Cantilena» Рипли).....	267
5. Темная сторона царя	318
6. Царь как антропос	330
7. Связь символа царя исознания.....	341
8. Религиозная проблема обновления царя	350
9. Regina	360
V. Адам и Ева.....	366
1. Адам как арканная субстанция	366
2. Статуя.....	374
3. Адам как первый посвященный.....	380
4. Полярность Адама	388
5. «Старый Адам».....	396

6. Преображение	401
7. Rotundum, голова и мозг	414
8. Адам как олицетворение полноты	418
VI. Конъюнкция	436
1. Взгляд алхимии на единство противоположностей	436
2. Стадии конъюнкции	447
3. Получение квинтэссенции	454
4. Значение алхимического процесса	459
5. Психологическая интерпретация процесса	464
6. Самопознание	472
7. Monocolus	480
8. Содержание и значение первых двух стадий	493
9. Третья стадия: unus mundus	505
10. Самость и границы познания	515
Эпилог	524
Латинские и греческие тексты	526
Иллюстрации	564

Научно-популярное издание

КАРЛГУСТАВ
ЮНГ

MYSTERIUM CONIUNCTIONIS
(Таинство воссоединения)

Перевод *А. А. Спектор*

Ответственный за выпуск *Ю. Г. Хацкевич*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.11.02.
Формат 60X90^{1/6}. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 36,0. Тираж 5000 экз. Заказ 4513.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32
от 27.08.2002. РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Полиграфический комбинат имени Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.